

Георгий Старков

ТИХИЙ ХОЛМ

Роман по мотивам видеоигр
"Silent Hill" и "Silent Hill 3"
от "Konami".

Содержание

Авторское предисловие -----	стр. 2
Часть I - Наваждение -----	стр. 3
Часть 2 - Сожжённая книга -----	стр. 78
Часть 3 - Бог Тихого Холм -----	стр. 197
Эпилог -----	стр. 304

Авторское предисловие

Данное произведение создано по мотивам игр Silent Hill и Silent Hill 3. Silent Hill ® является зарегистрированной торговой маркой компании Konami Computer Entertainment Tokyo, Inc.

Первые строки книги на основе Silent Hill 3 я набросал осенью 2005 года. Помню этот день – за окном слякоть, а в доме пустота и лишь голубоватое мерцание монитора. Стук клавиш... А сейчас я пишу предисловие к финальной версии, и на дворе уже другой год и новая весна. В течение полугода я работал над произведением, вырабатывая по тысяче слов в день. И в итоге мы имеем непомерно раздувшееся подобие романа, объединившее первую и третью части игры.

Silent Hill и Silent Hill 3 – великие игры великой серии, и никакая новелизация не способна передать всю их бесконечную глубину и очарование – особенно такая далёкая от совершенства, как моя. Но я попытался. Как у меня получилось, судить вам. Но я хочу заранее извиниться перед верными поклонниками игры за некоторые вольности и отклонения. Их в тексте довольно много, причём большинство ничем не оправдано и обусловлено прихотью автора, но я надеюсь на снисходительность со стороны читателей. Просто так вышло, и теперь уже ничего не изменишь.

Хотя в строке автора стоит имя только одного человека, но эта книга не появилась бы на свет, если бы он был и в самом деле один. И я хочу здесь поблагодарить тех, кто был со мной. Благодарю сайт www.silenthill.ru, его администрацию и всех обитателей форума за поддержку и понимание. Без их помощи я бы никогда не смог довести дело до конца. Но двух человек мне хотелось бы поблагодарить отдельно. Прежде всего, **SilentPyramid**'а, чьему перу принадлежит самый корректный и полный анализ сюжета Silent Hill в мире. В сентябре – октябре 2005 года, когда работа только начиналась, я испытывал катастрофическую нехватку компетенции в понимании общего сюжета серии. Это, конечно, было чревато грубейшими логическими ошибками в тексте произведения, и если бы не титанический труд **SilentPyramid**'а, то моё произведение представляло бы сборище самых разнообразных ошибок и неточностей. Но прочтение анализа сюжета прояснило мне все основные аспекты сюжета игры, вследствие которого количество ошибок сильно сократилось (по крайней мере, я на это надеюсь, а если это не так, то винить следует только меня). Спасибо **SilentPyramid**'у!

Второй человек, которому я выражаю самую горячую благодарность – **Любитель**, постоянная посетительница вышеупомянутого форума. Она прошла с произведением весь путь от начала до конца, всегда находила время, чтобы прочитать очередные главы и оставить отзыв, поддерживала и говорила тёплые слова. Думаю, без её поддержки книга вышла бы совсем другой – не исключено, что была бы гораздо хуже, чем есть. **Любитель**, я перед вами в долгу за всё. Спасибо!

А теперь, когда я сказал всё, что хотел... думаю, самое время перенестись в небольшой городок на восточном побережье Америки, в торговый центр, сияющий блеском окон. Знаете, здесь на первом этаже есть маленькая забегаловка, и я вижу, как у столика возле окна спит молодая девушка. У неё короткие светлые волосы, чуть вьющиеся, и ужасные круги под глазами. Она спит, ей снится плохой сон. Уже совсем скоро её спокойной, размеренной жизни суждено кончиться. Часы отсчитывают последние минуты счастья, но она этого не знает... пока. Девушка ворочается во сне, и я уже вижу, как на неё обеспокоенно смотрит парень в униформе посыльного, гадая: стоит разбудить, или нет?.. Свет заходящего солнца падает на столик, на щёки и руки девушки, и из-за этого кажется, что вся она залита алой кровью.

Потому что закат сегодня багровый.

Часть первая

НАВАЖДЕНИЕ

Глава 1

Пробуждение наступало медленно и мучительно. Сознание возвращалось каплями воды, которые нехотя образовывали единое целое подобно тому, как сливаются пузырьки воздуха, вырываясь вверх из морской пучины.

Наверное, ей что-то снилось. Она могла только предполагать. Перед глазами мелькали затухающие образы – плотная темнота, таящая неведомые опасности, и полоса заржавевших рельсов, выгнутых под невообразимым углом. На мгновение её оглушил раскатистый гудок паровоза, со скоростью света растворившийся во мгле.

Было ещё кое-что. Странное имя, паутиной облепившее все остальные образы и вытесняющее их из головы, как взрослый хулиган расшвыривает шпану помельче.

Алесса.

Имя, покачивающееся в сознании, почему-то было хуже всего. Из-за него жутко болела голова – даже во сне. Это, наверное, было неправильно, потому что это был сон, и в нём ничего не могло болеть. Но очаг боли в голове пульсировал ровно с такой силой, чтобы она не могла отрицать его наличие.

Это имя... оно что-то от неё требовало, чего-то ждало. Она не знала, что делать, и это сводило её с ума. *Алесса*, вздыхала окутавшая её тьма. *Алесса*, пели ржавые рельсы нестройным хором. Алесса, Алесса. Имя вспухало и расширялось, поглощало всё. Она с ужасом поняла, что сейчас её череп лопнет, не в силах терпеть давление изнутри, и мозги хлынут наружу из ушей и глазниц.

- Мэм?.. С вами всё в порядке?

Нет, не всё в порядке, думала она, чувствуя, как мир, созданный её воображением, сереет и тает. Не всё в порядке. Сейчас она проснётся, сон уйдёт, как бесконечная череда других кошмаров... но имя, это имя, оно останется в памяти и будет глотать её день и ночь, пока она не умрёт.

Алесса.

Глава 2

Хизер медленно подняла голову, которая весила сейчас не меньше полтонны. Сперва ей никак не удавалось воспринимать то, что её окружало – вещи казались слишком далёкими и тёмными, но потом в глазах более-менее прояснилось.

Уходящее солнце выглядывало из-за горизонта и окрашивало пол в багровый цвет. Вокруг за низкими круглыми столиками сидели люди. Пожилая супружеская пара справа от Хизер тихо беседовала о чём-то своём и смеялась. Но большинство посетителей закуской просто сидели, уставившись в еду, и хмуро поглощали свои порции под аккомпанемент звука моторов за окном.

Хизер повернула голову и посмотрела на того, кто её разбудил. Вопреки её ожиданию, это был не официант, а парень в униформе посыльного – должно быть, просто проходил мимо. Он с тревогой вглядывался в огромные мешки под глазами Хизер.

- У вас всё хорошо? – переспросил он. – Вы так... так стонали, и я подумал...

Хизер сделала попытку улыбнуться. Лучше бы не делала, потому что парень тут же неосознанно подался назад. М-да, обречённо подумала Хизер. Это плохой знак, когда ты улыбаешься мужчине, а тот пятится от тебя, словно привидение увидел. Очень плохой.

- Мне приснился сон, - сказала она и выпрямилась на стуле. – Спасибо, что разбудили.

Парень беззаботно махнул рукой; озадаченное выражение потихонечку сползло с его лица. Теперь Хизер увидела, что это вполне симпатичный молодой человек – из тех, кто поёт под гитару у костра и возвращает обронённый на улице бумажник владельцу, даже если в нём лежат пять тысяч долларов мелкими купюрами. Хизер стало немного стыдно из-за того, что она ненароком подарила парню пару неприятных минут. Тот, впрочем, не был в обиде.

- Да что вы, - сказал он. – Ну, я пошёл.

- Удачи, - напутствовала Хизер. Она сидела и смотрела, как парень прошёл к выходу из закуской, показал оттуда жест «о'кей» и шагнул через стеклянную дверь.

Хизер направила взгляд на клетчатый паркет пола и попыталась вспомнить, что же ей такое приснилось. В памяти были только какие-то обрывки, которые рвались, стоило за них покрепче схватиться. Рельсы... Гудок... Ничего особенного – стандартный фирменный кошмар Хизер. Но она была уверена, что минуту назад он ей не казался банальным. Так бывало всегда... всегда, когда её одолевали страшные сны.

Ладно, проехали. Хизер оглядела остатки своего скромного пиршества. Пустая коробочка из-под корейской лапши – отец всегда с неодобрением относился к её увлечению корейской кухней, говорил, что рано или поздно она заработает себе язву, - крошки белого хлеба да стакан молочного коктейля. Вовсе не тот рацион, который может вогнать в сон, но вот она умудрилась. Хизер попыталась представить себе, как она выглядела со стороны, когда спала в окружении всех этих неповторимых предметов, озарённая к тому же багровыми лучами солнца. Наверное, конченной идиоткой.

Она потянулась, разминая затекшие мышцы. Пора оклематься и отправиться в путь. Она хотела вернуться домой до того, как стемнеет – иначе отец будет волноваться о ней. Он всегда был одержим её безопасностью. Когда Хизер исполнилось шестнадцать и она уже могла отлучаться от дома по собственному желанию (к её чести, она никогда не горела желанием злоупотреблять этим правом), отец настоял на том, чтобы она ходила на курсы по самообороне. Курсы Хизер прошла успешно, но отца это успокоило ненадолго.

Да он и сейчас наверняка себе места не находит, подумала Хизер. Хорошо бы позвонить ему прямо сейчас, сказать, что я еду домой.

Да. Так будет лучше всего. Хизер встала и пошла к выходу. Напоследок она бросила взгляд на окно, увидела краешек солнца, начинающий тонуть в розовом тумане, и поняла – до темноты ей уже не успеть.

Глава 3

Хотя отец был писателем детективных романов, сама Хизер никогда не увлекалась подобными вещами - наверное, потому, что природа и так наградила её таким «третьим глазом», что плохой сыщик отдыхает. И пожилого мужчину, который следил за ней, она вычислила почти сразу.

Мужчина был облачён в длинный коричневый плащ, полностью скрывающий под собой его грузную фигуру. На голове была странная шляпа с узкими полями – нечто среднее между сомбреро и панамой. Лицо мужчины выглядело усталым и измождённым, а щеки заросли суточной щетиной – похоже, прошлой ночью ему не удалось как следует выспаться. Если это было так, то Хизер могла ему только посочувствовать. Добро пожаловать в наш клуб, старина.

Когда она выходила из закуской, мужчина сидел на скамейке в холле торгового центра и делал вид, что читает газету. Тогда он никаких подозрений у неё не вызвал. Хизер безразлично скользнула взглядом по его грязным ботинкам, рассеянно подумала, что, должно быть, он сегодня преодолел немалое расстояние, и пошла дальше. Её мысли крутились вокруг предстоящего разговора с отцом. Не то чтобы она волновалась, просто с детства не умела разговаривать по телефону. Всё общение с её стороны выливалось в

сплошное: «Да. Нет. Да. Спасибо. Пока». Отец прекрасно понимал эту её проблему и по телефону особо лукаво не мудрствовал.

Покидая холл, Хизер краем глаза заметила, как мужчина встал, деловито поправил плащ и начал двигаться за ней. Но и тогда она не придавала этому особого значения – подумаешь, понадобилось человеку куда-то сходить. Может, ему понадобилось пополнить запасы сигарет или ему просто приспичило. А может, его поезд на походе. Благо вход в метро на расстоянии вытянутой руки.

Один раз – случайность, два раза – совпадение, но три раза – уже система. Когда тот же самый мужчина попался в поле зрения Хизер в третий раз, где-то в её голове зазвенел тревожный колокольчик. Опуская монетку в щель автомата, она украдкой наблюдала за преследователем. Тот, похоже, уже понял, что его обнаружили – во всяком случае, не стал убегать или прятаться, просто часовней высился за спиной и открыто пялился на неё. Хизер стало неудобно под его тяжёлым взглядом. Она почти физически чувствовала давление на область между лопаток. Пришлось подавить в себе желание бросить телефонную трубку к чертям и вернуться в людное место. Вместо этого она набрала номер, с силой надавливая на резиновые кнопки с номерками.

Услышав в динамике голос отца, она оживилась:

- Папа? Это я.

- Хизер? – отец старался сохранить спокойный тон, но он никогда не умел скрывать свои эмоции. Сквозь простые слова пробивалось огромное облегчение. Легко было представить, как он сидит в полудреме перед телевизором, думая об одном: куда же запропастилась дочь? что с ней? Голубоватое сияние экрана, бормотание диктора, назойливое жужжание мухи над головой. Взгляд отца то и дело проскальзывает к часам, висящим на стене... и по мере того, как стрелки делают один оборот за другим, ему всё труднее становится вслушиваться в новости канала Си-Эн-Эн. Ещё час – и в полицейский участок Эшфилда поступил бы экстренный звонок.

- Ты в торговом центре? – спросил отец.

- Да, - ответила Хизер, нервно скашивая глаза налево, в сторону преследователя. Тот никуда не делся. – Извини, что я не позвонила раньше, понимаешь, просто...

Отец рассмеялся:

- Ну-ну, Хизер. Ты давно уже не семилетняя, я не могу требовать от тебя отчитываться за каждый шаг.

Разве, papa? У Хизер касательно этого было своё мнение, но она решила попридержать его при себе. Наверное, нужно было как-то отшутиться, но, как обычно, в голову не лезли никакие мысли. Гори ты в аду, Александр Белл.

Молчание показалось отцу подозрительным. Он осторожно спросил:

- С тобой всё в порядке?

- Думаю, да, - улыбнулась Хизер. Отец в своём репертуаре. – В-общем, я сейчас еду домой, так что в скором будущем жди одну персону. Ах да, - спохватилась она, - я не купила ту вещь, о которой ты просил. Разобрали всё.

Под «той вещью» подразумевались очки минус три. Отец в последнее время жаловался, что его старые очки, которые он носил три года, начинают мутнеть, и ему трудно разобрать текст в книгах. Были неприятности и с набором текста на машинке. Для писателя это было смерти подобно. Сегодня утром он попросил Хизер купить ему новые очки. Собственно, потому она и зашла в торговый центр. Тут она бывало редко, ей не нравились места со столпотворением людей.

- Ничего, - сказал отец. – Думаю, дня два-три старые очки выдержат.

И опять неумение скрывать чувства. От мембраны телефона повеяло огорчением. Хизер немедленно захотелось побежать в другой торговый центр и купить там то, о чём он просил. Хороша дочка, которая ленится преодолеть два квартала ради отца. Наверное, так бы она и сделала, если бы уже не пообещала отцу скоро вернуться. Её охватил острый стыд.

- Я... я завтра же куплю, - пролепетала она.

Может, отец и не умел прятать собственные чувства, но на понимание чувств других людей он был мастер:

- Хизер, ты только не волнуйся об этом, ладно? Ну подумаешь, очки. Хорошо?

- Хорошо, - тихо ответила Хизер, чувствуя, как её наполняет чувство безграничной благодарности. Господи, что бы она делала, будь у неё вместо отца кто-то другой. Страшно подумать – она оказалась бы совершенно одна в этом мире... в мире, которого она всегда сторонилась и боялась.

Не надо думать о плохом, Хизер. Накликаешь беду.

- Я буду тебя ждать, - сказал отец откуда-то издалека. – Будь осторожна, о'кей?

- О'кей.

- Я люблю тебя, Хизер.

- Я тебя тоже, папочка.

В трубке раздались короткие гудки. Но Хизер простояла ещё минуту в тёплой истоме любви, отрешённая от всего, что происходило вокруг. Ей казалось, что она ни о чём не думает. Но она, конечно, думала – думала об отце, о том, какой он у неё хороший... но это не были обычные мысли. Их нельзя было чётко сформулировать, скорее они напоминали разрознённые облака из невысказанных слов и чувств. Такое с Хизер случалось довольно часто – она с головой уходила в себя и полностью переставала воспринимать мир. Наверное, она не очнулась бы от своих грёз, даже если бы рядом грохнула пушка.

Это было настолько сильно, что Хизер совсем забыла о том, что за ней наблюдает какой-то странный тип. Она простояла бы у телефонного автомата долго, если бы загадочный преследователь не дал о себе знать, решив, видимо, что его персоне не уделяют достаточного внимания. Хизер вздрогнула, когда мягкий свет люминесцентной лампы загородил его широкий силуэт. Мужчина в смешной шапке стоял и молча смотрел на неё, как бы размышляя – что делать-то дальше? Хизер не хотела давать ему время на завершение дум. Она повернулась и быстро зашагала прочь от телефонного автомата. Мир пока не отвечал взаимностью на её неприязнь, но она знала, что отец большей частью прав, что порой это чертовски плохое место для семнадцатилетних девушек, гуляющих в одиночку далеко от дома. И какие-то курсы самозащиты играют в этом последнюю роль.

Сердце у неё забилося учащённо, а в ушах начал раздаваться далёкий звон колокола – бум! бум! Хизер огляделась на ходу в поисках людей, которые могли бы ей помочь, но странное дело: обычно многолюдная станция вся притихла и опустела, словно на часах было не восемь вечера, а час ночи. Хизер чертыхнулась про себя. Да уж, вот что называется – везёт, как утопленнику.

Мужчина пошёл вслед за ней – она слышала чёткий стук его каблуков на паркете. Хизер прибавила шагу. Каблуки сзади застучали чаще. Расстояние стремительно сокращалось, и Хизер поняла, что через каких-то секунд десять преследователь её настигнет. Она уже вся напряглась, готовая к рывку вперёд, когда мужчина вдруг подал голос:

- Хизер?.. Мне нужно с вами поговорить.

В первую секунду сердце у девушки стукнуло так сильно, что отозвалось резкой болью, но потом пришло в себя и начало биться ровно. Она поняла, что мужчина, который идёт за ней, не маньяк, мечтающий затащить её в кусты, иначе он не стал бы её окликать. Опять же, он знал её имя. Это всё меняло.

Хизер почувствовала себя в безопасности, но неприязнь к человеку в коричневом плаще никуда не делась. Она не хотела иметь никакого дела с ним, что бы там ни было. Поэтому она не остановилась и даже не замедлила шаги. Нужно поговорить?.. Размечтался.

Мужчину это не смутило. Несколькими уверенными шагами он догнал её и начал дышать в затылок:

- Меня зовут Дуглас Картланд. Я частный детектив.

Его правая рука потянулась к внутреннему карману плаща – похоже, ему было нестерпимо показать ей удостоверение. Хизер махнула рукой, избавляя его от этой необходимости, оглянулась через плечо и отрезала:

- Детектив, значит? Какое счастье.

Она надеялась, что эти слова немного остудят пыл нежеланного собеседника, но недооценила его настырность. Детектив страдальчески закатил глаза - Хизер заметила, что галстук сместился набок, придавая детективу совсем не цивилизный вид. На воротнике рубашки темнели пятна. Хизер отлично знала, откуда они. Отец раньше имел обыкновение пить по воскресеньям, и утром в понедельник на рубашке появлялись такие же коричневые пятна: виски выплескивалось из переполненного стакана в дрожащих пальцах, и вместо того, чтобы попасть в рот, капли горькой жидкости стекали по подбородку на шею, безвозвратно портя одежду. Хизер извела немало порошка, пытаясь вернуть рубашкам прежнюю чистоту.

- Послушайте, кое-кто желает с вами встретиться. Прошу вас, уделите мне совсем немного вашего драгоценного времени. Час... Или даже полчаса.

Тогда с вас двадцать долларов за каждые полчаса, проведённые со мной, чуть не сказала Хизер, но сдержалась в последний момент. Это было бы слишком грубо. В конце концов, этот детектив – как его там – ничего плохого ей пока не сделал. Другое дело, что сейчас она не в настроении никого выслушивать, хоть даже Папу Римского. Но объяснить это собеседнику не представлялось возможным.

- Мой отец всегда говорил мне, что не стоит разговаривать на улице с незнакомыми людьми, - сказала Хизер чистую правду и с ужасом увидела стену в десяти шагах перед собой. Оказывается, в стремлении оторваться от потенциального маньяка она пошла совсем не в ту сторону, где был расположен выход. Ну и что прикажете теперь делать? Стоит развернуться, и она лицом к лицу столкнётся с этим Дугласом Картландом. Тогда уж разговора не избежать. Пройти сквозь стену, что ли...

Впрочем, нет. Сделав ещё два шага, Хизер различила на боковой стене ту самую спасительную щелочку, которая ей сейчас требовалась. Дверь с символическим изображением женской фигурки. Нужно быть очень уж сумасшедшим детективом, чтобы туда соваться.

- Но это очень важно! – убеждал Картланд. – Это касается вашего рождения.

Вот здесь Хизер всё-таки остановилась – более того, встала, как вкопанная. Она полуобернулась и посмотрела в глаза Дугласа Картланда, пытаясь понять, это он так шутит или говорит всерьёз. Глаза у детектива были зелёные, они были вдоль и поперёк исполосованы красной сеткой кровеносных сосудов. В них Хизер не разглядела ни толики шуток. Скорее печаль...

Наконец она выдавила:

- Меня это не интересует.

Касается её рождения. Раздражение начало сменяться опасной злостью. Какое, чёрт возьми, имеет право этот хоть даже трижды частный детектив врваться в её жизнь с такими словами?

Детектив смолчал, однако же и не отстал. Почти достигнув заветной двери, Хизер, наконец, взорвалась:

- Вы всё ещё здесь? Неужели мне придётся закричать?

Кричать-то она могла, но вряд ли ей это помогло бы. За спиной детектива Хизер увидела опустевшие стойки. Это было уже неестественно. Посетителей могло быть мало, они могли отсутствовать вовсе, но ведь должны же работники торгового центра быть на своих местах, не так ли? Хизер вдруг начала пугаться снова, осознав, что она здесь совсем одна с Дугласом Картландом, не вызывающим доверия.

Картланд виновато развёл руками:

- Извините.

Он сделал учтливое движение рукой в сторону двери. Хизер машинально повернула голову, увидела синюю табличку с буквой «Ж» и судорожно схватилась за круглую ручку. Повернув её, она толкнула дверь и ступила в тесное помещение.

Следом послышались слова:

- Я вас здесь подожду.

Как бы не так, зло подумала Хизер и захлопнула дверь, отрезая себя от остального мира. Когда она в следующий раз увидела детектива Картланда, то готова была броситься ему в объятия.

Глава 4

Убедившись, что дверь плотно закрыта, Хизер вздохнула и поплелась в кабинку. Когда она подёрнула дверь первой попавшейся, внутри кто-то недовольно зашуршал бумагой.

- Извините, - сказала Хизер и уже хотела перейти к следующей кабинке, как вдруг поняла, что ей абсолютно этого не хочется. Неудивительно, ведь её загнал сюда этот проклятый сыщик, а вовсе не потребность справить нужду. Она уныло посмотрела на белый унитаз в щели приоткрытой кабинки и подошла к умывальнику. На зеркале кто-то - наверное, ребячьи, мающаяся от безделья – то ли помадой, то ли красным маркером нарисовал непонятный знак: двойной круг, в который вписаны три круга меньшего размера. И всё это окружено престранными закорючками, напоминающими руны. Ни дать ни взять индейские письмена. Впрочем, Хизер не думала, что эти символы что-то значат. Просто подросткам нравится придумывать собственный «алфавит», пусть даже он ничего и не означает...

Хизер протянула руку к зеркалу и коснулась знака. Почему-то он вселял в неё неясное беспокойство, при пристальном взгляде на круги у неё начинала болеть голова. Совсем чуть-чуть, но вполне ощутимо. А если Хизер задерживала взгляд на странном знаке подольше, то всё вокруг – зеркало, раковина, кафель на стенах - казалось залитым такой же ярко-розовой краской. Ей это не понравилось, и от нечего делать она принялась оттирать ладонью поверхность зеркала, смывая неприятный рисунок. Краска – теперь Хизер увидела, что это не маркер и не фломастер, а краска, - легко расползлась под рукой: она была нанесена совсем недавно. Возможно, даже сегодня вечером. Спустя минуту на зеркале осталось лишь красноватое пятно нечёткой формы.

Расправившись с одной проблемой, Хизер снова вспомнила о детективе. Сколько она будет тут торчать? Рано или поздно ей придётся выйти. Лучше всего, озарило её, покинуть туалет вместе с женщиной, которая сидит в кабинке. Небось и Картланд не станет сильно приставать, если она будет не одна. Так она и сделает. Нужно только дождаться, когда обитательница кабинки закончит.

Хизер снова посмотрела на зеркало. На гладкой поверхности она увидела молодую девушку в белой жилетке и в зелёной юбке чуть выше колен. Отражение ей не понравилось. *А ну-ка спокойно*, сказала себе Хизер, *контролируй свои чувства*. Ничего ведь страшного нет. Приведи лучше себя в порядок, раз уж зеркало подвернулось. А то выглядишь как-то не ахти.

Хизер осторожно поправила жилетку и немного причесала свои короткие светлые волосы. Недовольство собственным отражением не исчезло. И тогда она догадалась, что дело вовсе не в причёске или одежде. Дело в ней самой. Почему-то она здорово струхнула – до того, что заперлась в туалетной комнате и сидит здесь, как мышь, надеющаяся пережить песчаную бурю под соломенным навесом.

Разозлившись на саму себя, она отвернулась от зеркала и с раздражением посмотрела на запертую кабинку. Никто там не подавал признаков жизни. Чай, что ли, пьёт?.. Хизер бесшумно нагнулась и взглянула под кабинку, чувствуя себя конченой развратницей. В кабинке царила темнота, но ножка унитаза отчётливо выделялась белым пятном. Если и

были чьи-то ноги, то они хорошо сливались с окружающим фоном. Так хорошо, что становились невидимыми.

Вздыхнув, Хизер выпрямилась и с тоской посмотрела на солнечные лучи, танцующие на сером подоконнике. Сколько ей сидеть в этой камере? Эх, был бы у неё пистолет... Тогда она без раздумий вышла бы и наставила ствол на надоедливую детектива, потребовав, чтобы тот убрался подальше. Но пистолета нет, так что нечего и мечтать...

Зелёная муха, лениво гуляющая на грязном стекле, расправила крылья и стремительно выпорхнула на улицу через узкую щель между колодой и полуоткрытыми ставнями. Хизер проследила за ней, пока она не исчезла в розовом тумане, окутавшем окрестности, и тут ей в голову пришла достаточно безумная идея.

Покосившись на кабинку, которая, похоже, давно опустела немислимым образом, Хизер подкралась к окну. Так и есть – ставни оказались не зафиксированы и легко открылись, стоило только на них поднажать. Проём окна был достаточно широким, чтобы она могла пролезть. Вот только... стоит ли?

Хизер опёрлась руками о подоконник и задумалась о том, что будет, если кабинка откроется в тот момент, когда она будет протискиваться через окно. Что ж... тогда Хизер займёт честь лицезреть выражение лица того, кто выйдет оттуда и станет свидетелем этой фантазмагии. Приятного мало, но кто в этой станции знает её скромную персону? Да ровным счётом никто. Слава Богу, она не Дженнифер Лопес и не Шарон Стоун.

А между тем детектив с наружной стороны наверняка начинает терять терпение. Вот-вот она услышит вежливый стук в дверь и голос Дугласа Картланда: «Хизер? Вы уже выходите?».

Ладно, рассудительно сказала Хизер самой себе. Если тебе так необходимо удрать через это окно, то постарайся хотя бы сделать это быстро.

- Слушаюсь, - буркнула она и начала залезать на подоконник.

Глава 5

Быстро не получилось. Голова и плечи прошли без проблем, но дальше начались неприятности. Кончилось тем, что Хизер крепко застряла, наполовину высунувшись наружу. Упёршись в раму окна, она сделала несколько рывков, рискуя порвать любимую жилетку. Тело продвинулось не более чем на сантиметр. Поняв, что так не пойдёт, она отчаянно замахала ногами, стараясь ввинтиться обратно. Это оказалось и вовсе невозможно. Хизер замерла, и перед её глазами предстала захватывающая картина: дверь туалета распаивается, детектив, обеспокоенный долгим отсутствием девушки, заглядывает вовнутрь, и... Опаньки!

Немного придя в себя, Хизер решила, что двигаться вперёд всё же целесообразнее, чем пятиться назад. Закусив губу, она медленно толкала себя наружу. На щеках заблестели капельки пота. Но мучения были не напрасны: через минуту ощущение, что она пробирается сквозь канализационную трубу, исчезло, а ещё спустя некоторое время Хизер наконец коснулась ладонями шершавого асфальта. Почувствовав под собой твёрдую опору, она убрала ноги из окна. Свобода!

Свобода свободой, а мешкать не стоило. Скоро Картланд поймёт, что его провели. Пока этого не случилось, она должна успеть вернуться в станцию, спуститься в метро и сесть на поезд, отправляющийся на Берген-стрит. А там народу – о-го-го! Ищи свищи. Доберётся домой и всё расскажет отцу, а уж он-то постарается, найдёт детектива и вынет из него душу. Хизер в этом не сомневалась.

Аккуратно закрыв ставни, Хизер пошла вдоль красной кирпичной стены. Она вышла из станции со стороны двора, поэтому здесь никого не было. Туман вокруг сгустился до такой степени, что немного разъедал глаза. Когда Хизер вошла в торговый центр, на улице не было ни намёка на какой-либо туман. А теперь пожалуйста – она не могла разглядеть окрестности дальше, чем на пять шагов. Розовый туман обволакивал дома и деревья. Даже

заходящего солнца не было видно. Там, где над горизонтом висело небесное светило, туман отличался нездоровым блеском. И всё.

Отмахав добрую сотню метров, Хизер наконец увидела дверь пожарного выхода. Через неё она наверняка попадёт в служебную часть помещения, куда, вообще-то, запрещено заходить... Ай, ладно. Невелика провинность.

Но всё-таки Хизер испытала облегчение, когда открыла дверь. Коридор действительно был служебный, и сейчас в нём никого не было. Значит, есть шанс прошмыгнуть незамеченной. Хизер спешно зашагала вперёд. Шаги эхом отражались от стен. По обе стороны тянулась череда безликих дверей с надписями: «СКЛАД». Склады были последовательно пронумерованы, и на всех дверях висели здоровенные замки. Сначала Хизер удивлялась, зачем так много складов в торговом центре, но потом с сарказмом напомнила себе, что товары тоже должны где-то храниться.

Вспомнив, что поезд на Берген-стрит отходит в полдевятого, она поднесла запястье к лицу. Стрелки показывали восемь пятнадцать. Время ещё было. Хизер уже почти успокоилась, когда заметила, что секундная стрелка на циферблате не движется. Она легонько встряхнула рукой. Стрелка по-прежнему не двигалась – она навечно застыла у цифры шесть. Должно быть, сели батареи... или что-то ещё.

Хизер досадливо тряхнула головой. Если она пропустит поезд, то ей придётся ждать следующий до половины десятого. Такая перспектива ей не улыбалась – причём то, что за неё будет беспокоиться отец, давило на Хизер даже сильнее, чем маячащий за спиной детектив. Нужно спешить. Часы остановились совсем недавно – должно быть, когда она выдывала кульбиты у туалетной комнаты. Они отстали ещё не сильно – минут на пять-шесть от силы. Значит, до отхода поезда осталось где-то десять минут. Успеть можно, но кое-кому придётся поднажать.

Дойдя до конца коридора, Хизер толкнула массивную железную дверь и оказалась на торговой площадке первого этажа. Здесь тоже не было ни души. Двери магазинов были наглухо закрыты, а вывески уныло извещали о том, что именно ЗДЕСЬ и именно СЕЙЧАС на все товары объявлена СКИДКА в десять процентов от стоимости. Похоже, продавцы считали, что посетители должны при виде объявления скакать по полу и хлопать в ладоши. Может быть, так всё и было бы, но для этого требовалось наличие на площадке хотя бы одного покупателя. А сейчас здесь стояла только Хизер, и она ничем поживиться не собиралась.

- Да куда это все подевались? – удивлённо спросила Хизер у пространства. Постояла немного, ожидая, что логика предложит какое-нибудь рациональное объяснение, но та предательски молчала. Зато всю заработала память, подсовывая ей на размышление факты из не столь далёкого прошлого. Пустые стойки в холле. Исчезнувшая – да-да, исчезнувшая, а как же ещё? – обитательница кабинки в женском туалете. Безлюдный служебный коридор. А теперь вот площадка. Хизер не хотела об этом думать, но создавалось впечатление, что все люди вдруг свалили из здания, как крысы с тонущего корабля.

Она представила себе Дугласа Картланда, который восседает в своей ужасной шляпе на мягком кресле главного офиса и говорит в микрофон внутренней связи: «Леди и джентльмены, я вынужден попросить вас покинуть помещение на час или даже полчаса, потому как мне очень нужно поговорить наедине с одной девушкой. Знаете, это очень важно – касается её рождения».

Хизер заставила себя улыбнуться. Юмористка.

Она прошла через площадку, опасливо косясь на пустующие стеллажи с манекенами. Её не оставляло чувство, что всё это какой-то нелепый розыгрыш, что сейчас ей в лицо ударит ослепительный свет фонаря, взорвутся разноцветные хлопушки и голос за кадром скажет: «Улыбнитесь, вас снимают скрытой камерой!».

Фонарь не зажигался, хлопушки не взрывались. Зато Хизер, уже протянувшая руку к двери холла, заметила краем глаза какое-то движение в магазине слева. Она остановилась,

стараясь понять, что привлекло её внимание, но ничего особенного не увидела. Обычный магазин женской одежды. Над входом белые буквы на красном фоне гласили:

БУТИК «МАРГАРИТА»

Ничего вроде не изменилось. Но Хизер была уверена, что там, внутри, что-то шевельнулось. Но тогда... у неё единственный способ выяснить это наверняка, так?

Она подошла к застекленной двери магазина и посмотрела на разноцветные ряды блузок, кофточек и юбок. Серые манекены из папье-маше, скученные в углу, взирали на неё холодно и бесстрастно. Обои на стенах тускло мерцали в свете ламп. Вся картина отдавала затхлостью и безжизненностью. Хизер сокрушённо покачала головой. Наверное, она всё же ошиблась.

На полу лежал пистолет.

Она быстро моргнула. Пистолет никуда не делся. Хизер могла поклясться на Библии, что секунду назад пол был пуст. А теперь на паркете лежал пистолет, и над стволом вился лёгкий дымок.

Сама не понимая, что делает, Хизер отворила дверь магазина, которая почему-то оказалась незапертой. Взгляд её был прикован к пистолету. Ей приходилось стрелять из подобного оружия – на курсах по самообороне инструкторшей была немолодая женщина необъятных размеров, звали её миссис Кабуто. Она научила Хизер биться руками и ногами, орудовать ножом, палкой и ещё тысячей других сподручных вещей. В программу курса входило также умение владеть огнестрельным оружием. Хизер вышла на первое место в группе по меткости и страшно этим гордилась. Отец с любовью смотрел на неё, когда миссис Кабуто похваливала Хизер за отличные достижения.

- Можете быть уверены, - сказала она, - ни один хулиган больше не проблема для вашей дочери.

Медленно, как во сне, Хизер приближалась к пистолету. Способность мыслить и вообще как-то воспринимать окружающее опять отключилась – она видела только смертоносное оружие, лежащее на клетке паркета. Нагнувшись, она медленно протянула руку и взяла пистолет. Металл был тёплый, даже горячий. Хизер машинально проверила положение предохранителя – взведено.

Ничего себе игрушка, а?

Сжав пистолет в ладони, Хизер огляделась. Кому бы могло это принадлежать? Ведь на площадке ни одного человека... если, конечно, пренебрегать манекенами.

Впрочем...

Хизер открыла рот, чтобы закричать. Но не смогла.

Справа от неё на полу распростёрся человек – судя по всему, мёртвый. Хизер поняла это, едва увидела обширную тёмную лужу крови под телом. Кровью было залито всё лицо. Волосы, ниспадающие на плечи, слиплись в мокрые красные пряди. В последний момент жизни человек сжал в кулак правую руку и поднял её вверх, чтобы нанести удар своему обидчику, и оскалился в жуткой усмешке.

«Обидчик» нависал над бездыханным телом и рвал зубами его щёки. С первого взгляда Хизер показалось, что это большое животное наподобие кабана. Но когда оно повернуло лицо

(морду?)

к ней, она увидела, что никакой это не кабан. Это вообще не было животное. Существо было уродливой карикатурой на человека, но в тоже время здорово смахивало на фонарный столб. Когда оно выпрямилось, голова коснулась люстры под потолком. По бутику «Маргарита» пронёсся чистейший звон хрусталя.

Непропорционально длинные ручищи чудовища свободно болтались у самого пола и оканчивались не кистями, а какими-то толстыми обрубками, напоминающими палицу. Из

каждой палицы торчал большой костяной шип. На своих спичечных ножках чудовище сделало шаг в сторону девушки, одним махом сократив расстояние вдвое.

Хизер смотрела, как существо приближается к ней. Губы её задрожали, а пальцы так ослабели, что пистолет грозил вырваться из руки и шлёпнуться на пол.

Чудовище мелко задрожало вперёд-назад своей головой. Лица как такового на нём не было. На передней части продолговатого черепа был участок влажной кожи, который беспрестанно подёргивался, скручивался и снова разглаживался – как сенсорная мембрана, воспринимающая сигналы. Ни глаз, ни ушей, ни носа. Один только рот, в котором расположена по кругу армия мелких, но острых, как бритва, зубов, между которыми застряли красные ошметки. Несмотря на это, «лицо», судя по всему, неплохо заменяло органы чувств, потому как существо безошибочно двигалось в сторону Хизер. Одна из палиц качнулась назад, готовясь к удару.

Хизер, наконец, вновь обрела способность двигаться. Она подняла пистолет, дрожащими руками направила его в сторону чудовища и закричала:

- Стой на месте!

Что ты делаешь, дура? У него же нет ушей!

Есть или нет, но оно её услышало. «Лицо» дёрнулось, словно от резкого удара. Существо замедлило движение.

Ободрённая этим, Хизер крикнула снова:

- Не подходи ко мне!

На последнем слове голос сорвался и перешёл на визг. Существо снова начало двигаться к ней. Хизер поняла, что если она сейчас же не выстрелит, то через секунду тварь будет разрывать уже её щёки.

Она зажмурилась и дёрнула курок. *Получай!*

Пистолет повело в сторону при отдаче. Открыв глаза, Хизер увидела, что существо озадаченно разглядывает простреленную правую руку, из которой фонтаном хлестала кровь. Оно издало тонкое утробное хрюканье, удивительно напоминающее новорождённого поросёнка.

Оно снова посмотрело на неё, и магазин наполнил угрожающий рык. Существо сделало ещё один шаг, оказавшись прямо у её лица. В нос Хизер ударила вонь протухшего мяса вкупе с каким-то неизвестным ей горьким запахом, от которого першило в горле. В панике она нажала курок ещё раз в жуткой уверенности, что патронов больше нет. Но пистолет грохнул во второй раз, и рык оборвался. На этот раз пуля прошла «лицо» насквозь. Мембрана лопнула с громким треском, как воздушный шарик, вздутый сверх меры. За разорвавшейся тонкой плёнкой Хизер с ужасом увидела слизистую серую массу, крест-накрест искрещённую чёрными пульсирующими нитями.

Существо медленно повалилось набок с затихающим воем. Несколько секунд оно судорожно билось у ног Хизер, потом затихло.

Глава 6

Первое время Хизер ни о чём не думала – просто ошалело переводила взгляд с одного тела на другое, борясь с настойчивыми рвотными позывами. Болезненная аккуратность, которая царила в магазине минуту назад, была разрушена в один миг. Бутик напоминал сейчас скотобойню. Все стены и ряды одежд были забрызганы кровью – то ли чудовища, то ли его жертвы. Лишь манекены сохранили свои вечно надменные улыбки.

Когда пол перестал качаться, и картина перед глазами прекратила резать глаза неестественной чёткостью, Хизер внимательно посмотрела на только что убитого ею монстра. Определённо, это был не человек, так что бояться, что она нарушила божественную заповедь, не приходилось. Назвать существо животным было гораздо легче, но Хизер не была уверена, что это определение – высшая инстанция истины. Единственное слово, более или менее подходившее для описания того, что валялось перед

ней – «монстр». Звучало безумно... ну так и само существо всяко не относилось к разряду нормальных вещей. *Значит, монстр*, решила она про себя. Ей стало немного легче.

А этот бедняга... Хизер не хотела подходить к трупу человека, который лежал на полу. Что она увидит хорошего? Ясный пень, ничего. Она не знала, кто этот человек и как он здесь появился – хотя в какой-то момент при взгляде на обезображенный труп её посетила мысль, что это вполне могла быть женщина, а не мужчина - не знала, как его зовут и какого цвета у него волосы (кровь не давала возможности разглядеть). Не знала и знать не хотела. Зато она знала, что у человека был автоматический пистолет, который не спас жизнь своему хозяину, но спас жизнь ей. Со всем остальным будет разбираться полиция. А что от неё сейчас требуется – сохранить рассудок и не позволить себе сойти с ума. Ну и ещё неплохо бы позвонить в полицейский участок. Да, с этого и нужно танцевать.

Хизер с величайшей осторожностью подошла к прозрачной двери выхода из бутика. Она боялась, что увидит на площадке марширующий взвод взявшихся из ниоткуда чудовищ. Но площадка была пуста и выглядела довольно мирно. Немного успокоившись, она повернула ручку. Дверь не поддавалась. Хизер повторила попытку, навалившись плечом – с тем же успехом. Дверь то ли заклинило, то ли замок автоматически защёлкнулся, когда она сюда вошла.

Конечно, Хизер могла разбить стекло, но она сомневалась, что стоит это делать. Стекло было толстое, и для того, чтобы разбить её, понадобилось бы немало усилий... а она сейчас и так еле держалась на ногах. К тому же ей не хотелось начать крушить всё, что попало под руку – так только конченные истерички поступают, а Хизер не считала себя конченной истеричкой. Нет, это плохая идея. Гораздо проще выйти из комнаты по чёрному выходу и попасть в холл оттуда.

Приятно удивлённая тем, что способность рационально мыслить не покидает её даже в таких, казалось бы, немыслимых обстоятельствах, Хизер прошла через служебную дверь, старательно обходя стороной остывающие тела. То, что она увидела за дверью, тотчас заставило её вспомнить популярную песенку группы «Who» (Хизер любила старую музыку): *Вот вам новый босс, / Такой же, как прежний*. Вот тебе новый коридор, Хизер, такой же, как прежний. История повторяется. Опять двойной ряд запертых дверей и гулкие шаги в гулкой тишине. Хизер шла, пока не упёрлась в дверь с большой красной надписью «ВЫХОД». Собственно, её бы больше устроила надпись «В ХОЛЛ», но дарёному коню...

Так Хизер очутилась на лестничной площадке первого этажа. Здесь было очень тесно, потому что какой-то гений додумался выгрузить у лестницы фанерные ящики. В довершение всего маленькая лампочка, которая должна была освещать площадку, перегорела, и оттого Хизер чувствовала себя, как в склепе. Первый порыв у неё был немедленно вернуться в коридор, но ей не хотелось проделать всю дорогу ещё раз и снова пройти мимо трупов. Уж лучше подняться на второй этаж. Авось там есть кто живой.

Лавируя между грудями ящиков, она кое-как начала протискиваться наверх. Площадка второго этажа тоже была погружена во мрак. Хизер задрала голову и прищурилась. Лампа отсутствовала – на неё глядел пустой чёрный патрон. Ну это совсем уж никуда не годится. Она начала сомневаться в компетентности администрации торгового центра.

- Вот вам новый босс, - вслух сказала Хизер и открыла зелёную дверь.

- Такой же, как и прежний, - добавила она и рассмеялась. Смех многократно отразился от стен. Никого в коридоре не было.

Ну и что ты об этом думаешь?

Голос в голове был колким и насмешливым. Ей он не понравился. В насмешниках она сейчас нуждалась менее всего.

- Не знаю, - сказала Хизер. – Не имею понятия. А у тебя есть варианты?

Голос смолчал, и она порадовалась, как быстро ей удалось его заткнуть. Господа, не лезьте с комментариями к Хизер, когда она не в настроении.

Впрочем, радость была недолгой. Она длилась ровно до того момента, пока Хизер не осознала, что разговаривает сама с собой, стоя в пустом коридоре торгового центра. Неужто она уже чокнулась?

Спокойно, Хизер. Тут творится что-то неладное, но это не повод, чтобы выкатывать шарики за ролики.

Собравшись, она пошла вперед и старалась ни о чём не думать. Думать в данных обстоятельствах было вредно для здоровья. Просто иди, и всё тут.

Дойдя до половины коридора, Хизер услышала шум. Шум исходил из-за одного из дверей. Установить, из-за какого, не составляло труда, потому что только эта дверь и не была закрыта на замок. С первого взгляда – самая обычная дверь с металлической табличкой «СКЛАД №45». Помешались, что ли, они на этих складах?

Хизер на цыпочках подошла к двери и прильнула ухом к замочной скважине. Звук не прекращался – будто там, за дверью, работает миксер в медленном режиме. Клокот, изредка нарушаемый глухим бульканьем. Хизер остановилась. Стоит ли открывать СКЛАД №45?

С одной стороны, раз что-то шумит, то, возможно, там могут быть люди. Но не менее вероятно, что там НЕ-люди.

А впрочем... Кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Не будет же она сто лет кружить по этим коридорам.

Хизер открыла дверь не более чем на толщину волоска и поневоле напряглась всем телом, готовая бежать со всех ног.

Собака стояла спиной к двери и елозила полосатой перебинтованной спиной. Вокруг стояли большие фанерные ящики, аккуратно сложенные у стены. У подножия одного ящика в луже крови что-то краснело (кусок мяса?), и собака увлечённо вырывала от него большие куски, беспрестанно поскуливая от удовольствия.

Хизер вздрогнула и захлопнула дверь. Она попыталась убедить себя, что ничего не увидела, что всю картину нарисовало её воображение. Но перед глазами упрямо маячила полосатая псина со странно раздвоенной головой. Словно не голова это вовсе, а тиски...

Не было ничего такого. Игра света и тени... Мало ли что привидится после той пьянки в бутике.

Правда, что ли?

Насмешливый голос ожил снова, но Хизер ничего ему не ответила. Просто пошла дальше и на двери больше не косилась. Почти дойдя до конца коридора, она поймала себя на том, что ощупывает боковой карман жилетки. В кармане что-то было. Что-то тяжёлое.

Секундой позже Хизер выудила из кармана пистолет, который не так давно спас ей жизнь. Она недоумённо смотрела на него, гадая, как он туда попал. Так... Она стреляла в ту тварь, а потом... потом... Хизер не помнила, куда дела оружие. Наверное, просто сунула в карман. Даже не потрудились спустить предохранитель. Миссис Кабуто хорошенько выговорила бы её за такую вопиющую неосторожность.

Хизер вытащила обойму и увидела, что три дырочки из шести пусты. Один выстрел сделал тот бедняга на полу (интересно, всё-таки, мужчина это или женщина?), и скорее всего пуля ушла в молоко. Два выстрела на её счету. Осталось три. А сколько ещё чудовищ прячутся в недрах безлюдного здания?

Хизер щелкнула предохранителем и вернула пистолет в карман, повернув рукоятку таким образом, чтобы оружие легко было выхватить при необходимости. Раз уж тут такие правила, то нет смысла им перечить.

Картина маслом. Хизер, семнадцать лет, Девушка-с-пистолетом. Она захотела улыбнуться, но вместо этого хмуро покачала головой. Время шуток кончилось.

Глава 7

Торговая площадка второго этажа не преподнесла сюрпризов. Тут тоже было пусто, как после пожарной тревоги. Люстра под потолком исправно освещала пустые стеллажи, но даже электрический свет казался тусклым и бесцветным.

Хизер не оставляло ощущение, что всё это сон. Словно она шла посреди огромной толпы и оттуда вдруг высунулась чья-то рука, схватила её и швырнула далеко-далеко в чёрную бездну. И теперь она летит, кувыркаясь, в эту внезапную пустоту.

Может, это один из моих кошмаров?

Вряд ли, решила Хизер. Страшные сны у неё бывали очень яркими и красочными, но до такой галлюцинаторной реалистичности дело не доходило.

Чаще всего ей снилась детская карусель, где она была одна. Пластмассовые лошадки со стременами быстро кружились вокруг стержня, и на их нарисованных мордах было до того злобное выражение, словно они того и гляди оживят и набросятся на неё с громким победным ржанием. Хизер чувствовала надвигающуюся опасность... но понимала, что она исходит не от лошадей. Она оглядывалась, стараясь что-либо различить между мельтешением разноцветных огней, но ничего не видела. А плохое предчувствие нарастало, как снежный ком. От подскока адреналина в крови начинало звенеть в ушах, её охватывала паника, ей хотелось бежать от этого жуткого аттракциона... но из карусели не было выхода.

Кошмар обрывался на самой высокой октаве, и Хизер вскакивала с постели вся в холодном поту, жадно вылавливая губами воздух. Потом она долго не могла заснуть, а утром чувствовала себя совершенно разбитой.

После того, как сон повторился три или четыре раза, она захотела рассказать об этом отцу, но в те дни он казался чем-то озабоченным и угнетённым. И очень старым. Достаточно было одного взгляда в его глаза, чтобы Хизер поняла – её жалобы отцу не нужны.

И этот последний кошмар... Сейчас Хизер уже плохо помнила, что ей снилось, но явно не Микки Маус со своей свитой. Впрочем, что касается мультяшек... Она смутно помнила розового плюшевого кролика, испачканного в крови, помнила смутные фигуры, мелькающие в темноте, и тающий гудок паровоза. Кажется, она была в каком-то парке развлечений, но карусели там не было – это единственное, что она могла утверждать наверняка.

Хизер меланхолично оглядела торговую площадку. Большинство магазинов были закрыты (на двери обувной лавки висела категоричная табличка, написанная от руки: «ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА!»). Свет горел только в одном помещении – там, где над входом красовалась готическая вывеска «МОИ БЕСТСЕЛЛЕРЫ». Судя по всему, это был книжный магазин. Хизер немного подумала и направилась туда. Вовсе не обязательно, что там кто-то есть, но свет – это всегда хорошо.

На полках стояли, лежали и просто валялись полчища книг, большинство в глянцевых обложках. Несмотря на название магазинчика, Хизер не была уверена, что бестселлерами является хотя бы половина из них. Она нагнулась и подняла вываливавшуюся с полки книжку. «ТАНЕЦ С НОЧНЫМ ВЕТРОМ», автор некто Г. Мейсон. Детективный роман?.. Отец любил детективы, забывался над ними часами. Неудивительно, ведь он сам подобные вещи и писал. Но его любовь к тайнам не передалась Хизер, и она небрежно кинула книгу на свободное место полки.

В магазине никого не было, зато задняя дверца - массивная, железная, с кодовым замком - была приоткрыта. За неимением лучшего варианта Хизер растворила её, приложив некоторое усилие. Она не надеялась кого-то увидеть. Логика проста – если уж в бутике «Маргарита» никого нет, то в «Моих бестселлерах» и подавно.

Тем больше было её удивление, когда она увидела женскую фигуру, стоявшую в тени в коридоре за кодовой дверью.

- Эй! – закричала Хизер и бросилась вперёд в страхе, что женщина окажется миражом, созданным её воображением. – Подождите!.. Что здесь происходит? Где все?

Женщина плавно скользнула вперёд и вышла на свет. Она была одета в свободный чёрный балахон или что-то вроде того. Высока ростом – на целую голову выше Хизер. Чем-то женщина напомнила ей большую крысу – возможно, потому, что лицо её было немного заострено спереди. Прямые волосы цвета ржавой меди свободно ниспадали ниже пояса, обрамляя не очень приметные черты лица. Глаза у женщины были узкими, крохотными и бегающими. Они показались Хизер отдалённо знакомыми. Где-то она точно видела эти серые глазки.

Женщина не ответила. Она чуть склонила голову набок и внимательно посмотрела на Хизер, которая ворвалась в коридор, точно буйнопомешанная. Впрочем, та сама успела понять экстравагантность своего появления и перестала размахивать руками. Лишь выдавила из себя:

- Все эти ужасные чудовища...

Женщина заговорила спокойным бесцветным голосом, не переставая любоваться на Хизер:

- Они пришли, чтобы стать свидетелями Начала - возрождения Рая Земного, ниспосланного на человечество.

О Господи, обречённо подумала Хизер. Единственный человек, который остался вместе с ней в торговом центре – свихнувшаяся религиозная фанатичка. Для полного счастья только мороженого не хватает.

Но всё-таки её прорвало не сразу.

- О чём вы говорите?

Женщина посмотрела на неё с явным замешательством. Наверное, Хизер должна была после её слов прийти в благоговейный трепет и пасть ниц на колени.

- Ты не знаешь? – спросила она. – Нужна твоя сила.

- Как я могу знать?

Хизер только сейчас заметила опасный блеск в серых глазах женщины. Обладательница таких глаз могла выкинуть любой номер. Вот собеседничек мне попался, с горечью подумала она. Уж лучше одной шляться по коридорам, кишасим монстрами, чем разговаривать с этой дамочкой. Рай Земной, видите ли! Нужна её сила! Речистая. А поговорить о её рождении ей не хочется?

О рождении?

Ну-ка, ну-ка... Что там тот сыщик говорил?

Послушайте, кое-кто желает с вами встретиться.

Мерный гудок телефона. *Я нашёл вашу Хизер. Она в торговом центре Эшфилда, заперлась в туалетной комнате.*

Рука непроизвольно скользнула в карман жилетки и легла на рукоятку пистолета.

Женщина нахмурилась – видно, ответ Хизер ей не понравился, - и наконец сочла нужным представиться:

- Меня зовут Клаудия.

Хизер это имя ничего не говорило.

- Ну и что?

Клаудия сокрушённо цокнула языком. Тяжёлый случай, говорила она всем своим видом.

- Тебе нужно лучше вспомнить меня, - сказала она. – Меня и свою истинную сущность. Вспомни то, за чем ты была ниспослана. Осознай в себе ту единственную, которая поможет всем нам сбросить гнеты кровавой купели и обрести спасение.

Клаудия воздела руки к потолку, как хорошо подготовленный проповедник. Хизер наблюдала за ней с неммым удивлением.

- Достаточно, - прервала она эту возвышенную речь. – Клаудия, да? Это вы всё сделали?

Она повела рукой в сторону пустой торговой площадки. Сложно представить, как всё это мог подстроить один человек, но Хизер была уверена, что при желании можно добиться всего, чего угодно.

Хоть даже перестрелять всех, кто находился в станции, и спрятать трупы в бесчисленных складских помещениях.

Но Клаудия отрицательно качнула головой:

- Это сделала длань Господня.

Хизер открыла рот, чтобы достойно ответить на эту реплику, но тут произошло что-то странное. Коридор начал пропитываться ярко-алым оттенком и превратился в одно полыхающее пламя. Хизер услышала гудение в собственной голове – гудение, какое издают электрические провода на осеннем ветру. Она резко согнулась пополам и схватилась за голову, чувствуя на себе безмятежный взгляд Клаудии.

Клаудия

Она сказала, что её зовут Клаудия

Клаудия Вульф

Она сказала

Рай возвращается

Бог

Нужна её помощь

Алесса

Помощь Алессы

Калейдоскоп образов и мыслей наполнил голову. Они вылезали из всех щелей её сознания, вдавливались насильно, как подошедшее тесто рвётся вверх из посуды. В ушах зазвучал отвратительный треск разрываемой ткани.

- *Прекратите!* – закричала Хизер, утопая в кроваво-красном. Её охватил страх перед смертью – смерть была близка, слишком близка и заглядывала ей в глаза из красного марева, а ей даже не исполнилось восемнадцати. Отец обещал ей подарить в этот знаменательный день что-то особенное, и Хизер знала, что это в самом деле будет что-то особенное, потому что отец умел выбирать подарки.

- *Остановите!*

Уже визг, срывающийся в бездну отчаяния. Она не знала, кричит ли она на самом деле или это ей только кажется. Краснота пошла волнами, как реюющий флаг, и Хизер поняла с леденящей ясностью, что сейчас она станет её частью, растворится в этой субстанции, как в кислоте, распадётся на мельчайшие...

Но тут всё прошло.

Хизер стояла на четвереньках в коридоре, опершись руками на жёлтый паркет, точно пьяница, которого вот-вот вырвет. В голове ещё гудели провода, мокнувшие под дождём, но звук быстро отдалялся, сходил на нет.

Подняв голову с огромным трудом, она увидела высокую фигуру в чёрном балахоне, которая сворачивала за угол.

- Подожди... – прохрипела Хизер, пытаясь встать. Это оказалось непросто. Руки и ноги так ослабели, будто их сдавили под прессом. Хизер долго не могла найти опору, два раза падала, и только третья попытка увенчалась успехом.

Что это было?

Наваждение? Нервный припадок? Вряд ли. У неё никогда не бывало ничего подобного. Конечно, после недавней прогулки кто угодно станет эпилептиком, но...

Значит, это та женщина. Кто её знает, может, она какая-то гипнотизёрша или что-то в этом роде.

Она сказала, что её зовут Клаудия. Клаудия Вульф.

Нет, фамилию она вроде не говорила. Тогда откуда...

Она сказала, что нужна её помощь.

Эти мысли пришли ей во время припадка (Хизер не хотела это так называть, но другое слово на ум не приходило). Словно кто-то шепчет тебе прямо в мозг, минуя уши. Ощущения, да...

Хизер поморщилась. Нет нужды вспоминать. Тухлятины и так хватает. Она напомнила себе одно из Правил Выживания в торговом центре со странностями: думать вредно для здоровья.

Но мысли всё равно лезли в голову, старательно обходя все барьеры.

Помощь Алессы.

Алесса. Имя не столько красивое, сколько оригинальное. Если бы когда-нибудь Хизер встречала какую-нибудь Алессу, то без проблем запомнила бы на всю жизнь.

Но она не знала. Правда, на какую-то долю секунду вкралась неуверенность, чувство, что она слышала это имя, и совсем недавно. Имя было знакомо... до того знакомо, что её бедная головка опять начинала отдаваться болью при мысли о нём.

Ладно, хватит. Может, Клаудии и нравится уходить по-английски, но Хизер не собиралась терпеть подобное издевательство. Теперь она была уверена на сто процентов, что за всем происходящим стоит эта странная женщина. Она казалась непробиваемой в своём религиозном фанатизме, но у Хизер был, как выражаются в вестернах, аргумент.

Хизер извлекла пистолет из кармана. Захотела снять с предохранителя, но потом передумала. Она не хотела стрелять. Стрельба подразумевала убийство. Одно дело – обороняться от животноподобных монстров, и совсем другое – наводить ствол на живого человека.

Хизер пошла вперёд, держа пистолет наизготовку. Кажется, ей сегодня предначертано ходить по коридорам. Дойдя до поворота, она подняла ствол оружия на уровень глаз и резко прыгнула вперёд. Стрельба в движении, учила миссис Кабуто, это для профессионалов, дилетантам не стоит баловаться этим – только патроны зря изведут. Впрочем, сейчас это был просто устрашающий маневр.

Но устрашать было некого. Клаудия скрылась.

Хизер плюнула в сердцах. Она её упустила! Что же – снова рыскать по всем этажам, рискуя нарваться на «фонарей» и «собак»? Увольте. Она побежала вперёд, надеясь настигнуть обидчицу, пока горячо. И правильно сделала - почти сразу увидела сбоку металлическую дверцу лифта.

Если Клаудия и сбежала, решила Хизер, то только через лифт. А лифт курирует только между первым и вторым этажами здания. Ошибиться... мудрено.

Хизер нажала на кнопку вызова. К её удивлению, двери раздвинулись сразу же, словно лифт никуда и не уезжал. Она засомневалась: по верному ли следу она собирается пойти? Но Клаудии было больше некуда деваться: дверь на том конце коридора была заперта. Хизер вошла в кабину и нажала на кнопку с цифрой 1.

Лифт плавно скользнул вниз, и до поры до времени всё шло нормально. Но где-то на половине пути кабина резко остановилась. Хизер почувствовала секундное утяжеление веса. Свет в кабинке погас, оставив её во тьме.

- Эй, что за шуточки? – закричала она. – Клаудия?

В голову пришла ужасная мысль: Клаудия собирается её убить. Сейчас она у пульта управления, отключает питание двигателя троса.

Хизер начала лихорадочно нажимать кнопки на панели в надежде, что лифт хоть как-то отреагирует. Но металлический коробок неподвижно висел между этажами, как закрытый гроб.

Глава 8

- Откройте!

Оставив кнопочную панель в покое, она забарабанила ладонью по двери. Дверь не открылась... зато на потолке откинулась вентиляционная решётка. Хизер с проклятиями отскочила в противоположный угол.

Она изо всех сил старалась что-либо разглядеть, но в кабине лифта было слишком темно. Хизер могла только слышать, как кто-то над потолком скребёт по снятой решётке. Воображение услужливо нарисовало очередное чудовище с яйцеподобной головой и кривыми когтями, заглядывающее в кабину лифта.

Хизер подняла пистолет и направила ствол вверх – туда, где, по её расчёту, была расположена решётка. Поразмыслила, стоит ли что-нибудь проорать, но решила, что молчать безопаснее.

Если что, сказала она себе, *стреляю.* Сердце гулко билось в ушах.

Постепенно скребущие звуки утихли, и теперь Хизер уже не была так уверена в том, что на потолке кто-то сидит. Она начала расслабляться и даже успела опустить руку, когда что-то сорвалось с потолка и треснулось об пол, просвистев рядом с лицом. Хизер вскрикнула и мгновенно вскинула пистолет. Впрочем, она быстро сообразила, что опасность прежде всего исходит от пришельца на полу, и прицелилась в место, куда упало нечто.

То, что свалилось в лифт, не двигалось. Оно было или неживое, или таковым притворилось.

С весёлым жужжащим звуком зажглись лампы. Кабину резко качнуло вместе с Хизер. Предмет, лежащий у её ног, нещадно швырнуло в угол. Раздался звук работающего двигателя, со скрипом натянулся трос... и лифт как ни в чём не бывало продолжил путешествие.

Восстановив равновесие, Хизер прежде всего обратила внимание на потолок. Там зияла дыра в четверть от всей площади – кто-то сорвал решётку и унёс с собой. Сейчас там никого не было. И на том спасибо. Хизер взглянула на предмет, валяющийся в углу. Радиоприёмник, всего лишь чёртов карманный радиоприёмник. Пластмассовый корпус, проволочная антенна, динамик, ручка настройки – всё как положено. Радиоприёмник, и ничего такого.

Хизер осторожно взяла приёмник и нажала на кнопку с надписью «ON/OFF». Над кнопкой зажёгся жёлтый огонёк, но динамики по-прежнему молчали. Хизер попробовала повертеть ручки настройки и громкости. Но нет, радиоприёмник однозначно был сломан: молчали все частоты.

Ну и какой в этом смысл? Какой смысл подбрасывать сюда эту вещицу?..

Смысла не было никакого. Но если уж на то пошло, то смысла было лишено всё, что происходило с ней последние сорок минут. Так что Хизер решила пока не ломать над этим голову. При желании она могла как-то зацепиться за края проёма и высунуть голову над потолком лифта, чтобы узнать, кто там был и какие следы оставил, но острого желания сделать это не ощущалось. Она положила приёмник в свободный карман жилетки. Весил аппарат немного, а оставлять его здесь не было повода. Скорее наоборот - кто-то подбросил ей радио, и для этого ему понадобилось на ходу заскочить на крышу лифта. Номер, достойный Гудини. Вряд ли кто-то сделал бы это для праздного прикола.

Лифт остановился, и двери бесшумно разошлись. Увиденное не добавило оптимизма: весь первый этаж был погружён в кромешную тьму. Клаудии не было видно – как, впрочем, и кого-либо другого.

Это не был первый этаж. И это не был торговый центр. Это было... что-то другое.

Дорогая, не повернуть ли тебе назад, пока ещё жива-здорава?

Насмешливый голос вернулся, но на этот раз он прозвучал на удивление рассудительно.

Ладно, подумала Хизер. Не будем лезть в пекло. Бог с ней, с Клаудией. Нажав кнопку с цифрой 2, она с удивлением увидела на кончике пальца стружки ржавчины.

Лифт не отреагировал. Свет горел, двигатель исправно вертелся, но лифт не хотел подниматься обратно.

Хизер нажала кнопку ещё раз. Ничего.

- Ох, Клаудия, смотри у меня, - вырвалось у неё. Она даже испугалась собственной злости. Хизер никогда не считала себя вспыльчивой или злопамятной, но сейчас чувствовала – будь эта крысоподобная женщина в пределах досягаемости, здесь пролилась бы чья-то кровь.

Она снова приказала себе успокоиться – раньше это неплохо действовало. В который раз попыталась убедить себя, что ничего страшного ещё не случилось, что вот-вот она проснётся или, на худой конец, окажется среди обычной магазинной толпы.

Ничего страшного? Совсем-совсем ничего?

Ну...

Брось, милая. Взгляни туда, в коридор - при условии, конечно, что это вообще коридор. Скажешь, что ни капельки не страшно?..

- Не страшно, - упрямо заявила Хизер и в доказательство своих слов шагнула из лифта в темноту. Но не успела пройти и трёх метров, как наткнулась на решётку, перегораживающую дорогу. Она оглянулась и увидела с обеих сторон такие же решетчатые загородки. Толстые железные прутья, в каких держат хищников в зоопарке. Что за...

Поражённая догадкой, она обернулась. Так и есть – двери лифта спешно захлопывались, отрезая последние лучи света. Хизер протянула руки к двери. Что-то удержало её от самой естественной реакции - броситься назад, в сторону закрывающейся двери. Как оказалось, не зря: секундой позже перед лифтом с грохотом бухнулась выдвигаемая решетчатая стена, заключив девушку в решетчатый куб. Если бы она стояла чуть ближе, то стена могла раздавить её, оставив только мокрое место.

Хизер находилась в классической охотничьей ловушке. Капкан захлопнулся, охотнику оставалось только прийти и забрать добычу.

Темнота. И сразу после её наступления – звуки. Звуки окружили её со всех сторон. Они не были однородными – Хизер различала в общей гамме шипение, вой, гогот и стон, и в них во всех слышалось злобное торжество. Звуки исходили со всех сторон, незаметно подкрадываясь ближе. Хизер прижалась спиной к стене и закрыла глаза, сползая вниз. Шипение стало громче, оно перекрывало все остальные звуки, обретая знакомую до боли окраску. В какой-то момент Хизер показалось, что тот, кто издаёт шипение, сидит у её ног, и открыла глаза, брезгливо отдёргнув ногу. Пусто... но в кармане она увидела мигающий жёлтый огонёк.

Радиоприёмник!

Ну конечно! Не шипение, а эфирные помехи. Белый шум. Она забыла выключить радио. Хизер на ощупь выискала кнопку питания. Огонёк погас, звуки разом стали тише. Они не ушли совсем, но без главенствующего шипения звучали не столь зловеще.

Почему заработал приёмник? Он же вроде был сломан...

Хизер почувствовала сильный толчок и упала, хорошенько приложившись лбом об пол. С глаз посыпались разноцветные искры. Сознание затуманилось – не полная отключка, как при обмороке, но очень близко к этому. Она не могла двигаться, не могла думать и что-либо чувствовать... но продолжала чётко воспринимать то, что её окружало.

Покачивание – ловушка начинает опускаться. Металлический лязг цепей и звон – клетка ударяется о стену. Вонь заплесневелого машинного масла, оранжевый отблеск на полу – рядом источник света, сияющий, как угольная топка.

Когда в глазах прояснилось, она оторвала голову от пола и увидела за прутьями клетки копошащуюся живность. Когда клетка опускалась мимо, существа поднимали морды и с интересом смотрели на Хизер. Некоторые рвались вперёд, к ней, но решётка заставляла их быстро умерить пыл. Хизер оставалось только радоваться, что она надёжно

защищена от их посягательств – по крайней мере, пока. Несколько мелких шустряков провалились в чёрную бездну, пытаюсь просунуться между прутьями.

Почти все твари были искажёнными копиями нормальных земных зверей. Некоторых она уже видела. Вот собака с раздвоенной головой. Вот «фонарный столб», нелепо размахивающий своей палицей. Странное пупырчатоголовое существо, свисающее с потолка вниз головой и беспрестанно трясущее всеми членами. И ещё мириады уродливых созданий, которым место в больном воображении какого-нибудь душевнобольного.

Всё-таки я сплю, подумала Хизер, не пытаюсь встать. Сплю, и всё тут. Когда наконец наступит пробуждение? А то этот бесконечный сон уже как-то начал надоедать.

Снизу потянуло горячим воздухом. Хизер различила сквозь железные прутья лопасти огромного вентилятора, вделанного в кирпичную стену. Вентилятор мерно вращался, осушая и без того раскалённый воздух. Хизер увидела, как какую-то мелкую птицу (а птицу ли?) засосало горячим потоком, увидела брызнувшую во все стороны кровь. Несколько капель попали ей на жилетку. Она вскрикнула и машинально потёрла ладонью место, куда попала кровь, но ткань быстро пропиталась тёплой жидкостью. Не смыть, не вывести. Когда

(если)

она вновь вернётся в нормальный мир, жилетку придётся выбросить. Жаль. Хизер увидела, как концы лопастей окрасились в багровый цвет. Кровь стекала по ним тоненькими чёрными струйками, напоминающими вспухшие вены наркомана.

Вечность и ещё несколько тысячелетий Хизер лежала, а ловушка опускалась. Но всё когда-либо кончается - кончилось и это жуткое путешествие. Клетка плотно легла на пол с завершающим лязгом. Наступила тишина - столь внезапная, что Хизер подумала: ну вот я и проснулась.

Но она не проснулась. Перед ней был низкий коридор, словно сошедший со страниц средневековых готических романов – именно такой, каким представляла их себе Хизер. Темнота, пыль, ржавчина, покрывающая стены, и марля паутины по углам. При всём при этом коридор сохранял отдалённое гротескное сходство со вторым этажом торгового центра. Во всяком случае... Планировка поворотов и боковых дверей совпадала точь-в-точь.

Ловушка лежала в конце коридора. Выдвижная стена со скрежетом ушла вправо, подарив Хизер свободу.

Господи, осенило её. Это же... это лифт!

На лифт клетка была похожа меньше всего. То есть похожа ровно настолько, насколько этот коридор был похож на первый этаж торгового центра.

Хизер потёрла указательным пальцем лоб. В голове витали какие-то полезные мысли, не давая себя поймать. Что-то подобное она уже видела...

Есть!

Это был фантастический фильм – из тех, что показывали по третьесортным телеканалам глубоко за полночь. Хизер посмотрела его в одну из ночей беспричинной бессонницы. В нём речь шла о путешественниках, попавших в другой мир, параллельный с настоящим, но в котором не было ни одного человека. А были – какие-то ужасные существа, пожирающие время и пространство, уничтожая всё. Лано... Ланго... Хизер не помнила названия, она смотрела очень давно.

Параллельный мир, значит?

Да ну тебя, Хизер. Параллельных миров не бывает. Уж лучше бы детективы читала, чем смотреть всякий мусор. От них хотя бы крышу не рвёт.

Но лифт?.. Но коридор?! Они претерпели какую-то чудовищную трансформацию, в результате которой чопорное офисное помещение превратилось чёрт знает во что. В трущобы, кишасшие несусветными монстрами. Это ли не факт?

Факт.

Нет, это не-воз-мож-но. Скорее просто ты свихнулась. А что? Такие болезни бывают. Человек живёт в мире, созданном своим воображением. Таких обычно держат в белых-белых домиках и одевают в рубашки с длинными-длинными рукавами. Чем не вариант?

- Я не шизофреничка, - твёрдо сказала Хизер и прикоснулась к прутьям лифта-ловушки, желая найти подтверждение своим словам. Холодный металл под пальцами казался вполне реальным. Такое нельзя было выдумать. Грандиозная панорама, которая выстраивалась перед ней, неспособна была храниться в мозгу одного человека. По крайней мере, она так думала.

Параллельный мир.

Ладно, примем эти два слова за рабочую гипотезу. От них ни жарко ни холодно, а объяснение они дают – какое-никакое, но немножко так обоснованное.

А сейчас ей нужно решить, что лучше: сидеть в лифте или пойти по коридору в поисках лучшей жизни. Лифт казался безопасным, а закоулки лжецентра таили в себе множество неведомых опасностей. С другой стороны, сидеть в лифте можно было долго – пока с голоду не помрёшь. Хизер решила попытаться счастья и осторожно перемещаться по зданию. Должны же где-то быть люди, пусть их в этом мире и немного. Хотя бы потому, что те твари, которых она видела, явно не были способны построить что-то вроде торгового центра.

Значит, в путь?

Хизер выглянула из клетки. Пусто. Можно идти.

Ушла она недалеко. Сделав десяток шагов, она наткнулась на труп. В ртутном отблеске, просвечивающем сверху, она увидела, что на полу валяется небольшое существо, похожее на самоходную пушку. Пара куриных ног, на них куриное же тело, но покрытое чешуёй и переходящее спереди в нечто, очень напоминающее... задницу?

Хизер поддела тело ногой, держа пистолет наготове. Существо не дёрнулось, не хрюкнуло, не подало никаких признаков жизни. Адское создание было мертво.

Внезапно её разобрал смех. Станный мир, очень странный мир. С вылезающими из окна туалета девушками, с радиоприёмниками, падающими с потолка лифта, с бо-о-ольшими рыбокурицами, у которых задница вместо головы. Всё это было бы смешно, если наблюдать за этим откуда-то издалека – скажем, с другой стороны экрана.

Как только Хизер ненароком вспомнила о радиоприёмнике, она услышала надтреснутое шипение в кармане. Жёлтый огонёк зажгётся и начал мигать: система пыталась найти нормальную волну.

Хизер задумчиво повертела аппарат в руке. Почему это вдруг приёмник решил заработать? Она вспомнила случай в лифте, когда радио тоже начало выдавать помехи ни с того ни с сего.

Ну то есть не совсем ни с того ни с сего. Когда появились эти полчища монстров...

А ведь правда - шипение началось, когда рядом с ней появились монстры, до этого приёмник тихо-мирно лежал в кармане и молчал, несмотря на все попытки извлечь из него какие-либо звуки. И вот теперь перед ней снова чудовище, пусть и мёртвое, и радио опять включается само собой.

Один раз – случайность, два раза – совпадение. Чтобы окончательно быть уверенным в правоте, нужно провести ещё один эксперимент.

Хизер отошла назад в лифт. На расстоянии пяти шагов от тела шипение стало тише, а на десяти шагах и вовсе утихло. Жёлтый огонёк светил ровно, как кошачий глаз. Помех больше не было.

Она сделала шаг вперёд. Едва различимый треск в эфире. Ещё шаг – характерный шумовой фон. Ещё – и игнорировать сигнал уже нельзя. Итого получается, что приёмник может запеленговать опасность с расстояния семи шагов. Неплохо.

Хизер вернула аппарат на место. Что ж, теперь она не безоружна перед теми, кто поджидает её в темноте. Кто предупреждён – тот вооружён.

Глава 9

Следующий час (или около того) вылился для Хизер в сплошной нечёткий водоворот. Она постоянно куда-то шла, ни на секунду не останавливалась, открывала одинаково ржавые двери, попадала в новый коридор и шла дальше. По обыкновению, она не позволяла себе ни о чём думать. Получалось хорошо, потому что все мысли у неё словно заморозились – если они и были, то все какие-то вялые, заторможенные. Она чувствовала себя сомнамбулой, отправляющейся в очередное ночное путешествие.

Иногда начинал трещать динамик радиоприёмника, и тогда Хизер тут же хваталась за пистолет и пятилась назад, пока помехи не исчезали. Она не представляла, как ей удалось бы выжить в этих трущобах без спасительной коробочки, напичканной электроникой. И она чувствовала - хотя из всех сил старалась убедить себя в обратном, - неосознанную благодарность тому, кто остановил лифт и скинул ей радиоприёмник.

Впрочем, один раз ей таки пришлось грохнуть из ствола. Когда Хизер открыла какую-то дверь, обитую разодранной кожей, ей показалось, что оттуда на неё стремительно набросилась какая-то тварь. В панике она выпалила из пистолета в темноту. Мгновенная яркая вспышка озарила пустую комнату с большим зеркалом на противоположной стене. Поверхность зеркала на долю секунды вспучилась там, где попала пуля, и разлетелась тысячей мелких осколков. Но Хизер их не увидела, потому что вспышка выстрела уже погасла.

В низких коридорах почти не было источника света, но Хизер повезло хотя бы с этим. Вскоре после посещения комнаты с зеркалом она попала в небольшую каморку, в которой стояли грубые деревянные этажерки. На них были какие-то книги, но Хизер заинтересовали не они. Комната отличалась от десятков других только одним важным обстоятельством: в ней было электричество. Хизер не знала, что за аномалия здесь приключилась, почему в этой комнате работали электроприборы, но факт оставался фактом: под потолком сияла стоваттная лампа, в углу тихо шелестел кондиционер. По сравнению с остальными улочками здесь была просто-таки Земля Обетованная. Хизер просидела в комнате долго – может, десять минут, может, двадцать. Потом взгляд случайно наткнулся на листок бумаги, приколотый на стене у выключателя. Написанные от руки строки гласили:

ВНИМАНИЕ!

Перед тем, как выйти из помещения, УБЕДИТЕСЬ, что свет ВЫКЛЮЧЕН! Если вы этого не сделаете, то это будет очень невыгодно для ВАС!

Хизер предупреждение показалось излишне пафосным и напыщенным. Правда, оно честно делало своё предназначение – она и сама не заметила, как рука потянулась к выключателю. В последний момент она спохватилась, но потом снова посмотрела на листок, грозно извещающий:

... это будет очень невыгодно для ВАС!

- Напугали, - громко сказала Хизер и нажала выключатель. Свет погас... но на одной из полок этажерки дряно засиял белый конус электрического света.

Фонарь.

Хизер подошла к этажерке и вынула несколько книг. Так и есть – за полкой завалился плоский ручной фонарик. Незаменимая вещичка в блужданиях по тёмным коридорам. Фонарь был включён – он светил и раньше, но тогда бледные лучи не были заметны в потоке, изливаемом стоваттной лампой. Хизер забеспокоилась о заряде

батареек – если фонарь пролежал достаточно долго, заряд мог истощиться. Но фонарь светил мощно и ровно, батареи не собирались отправиться на пенсию. Как если бы...

Как если бы кто-то включил фонарь аккурат перед тем, как она сюда вошла.

Хизер навела фонарь на белый листок у выключателя, посмотрела на буквы, написанные наспех от руки, и по её спине прошла дрожь. Всё, как написано. Она УБЕДИЛАСЬ, что свет ВЫКЛЮЧЕН, и поняла: если бы она этого не сделала, то это было бы очень невыгодно для НЕЁ.

Бред.

Но очень уж осмысленный бред. Все умные мысли отдыхают.

Хизер закрепила фонарь на грудном кармане жилетки, чтобы он освещал дорогу, мрачно подумала: *Всё, теперь у меня заняты все карманы*, и вышла в коридор. Энергии хватало только на освещение участка дальностью в два-три метра, но даже это было совсем другое дело.

Впрочем, как оказалось, свет таил в себе и некоторые опасности. Хизер убедилась в этом на собственной шкуре буквально через минуту.

Она шла по очередному коридору, когда затрещал приёмник. По обыкновению Хизер достала пистолет и медленно пошла назад, как вдруг из темноты на неё набросилось что-то с развёрзшейся пастью, из которой торчали острые белые клыки. Это случилось так неожиданно, что Хизер не успела нажать на курок. Тварь в мгновение ока оказалась у её правой ноги и с торжественным воем впиалась в кожаный сапожок. Материал легко разошёлся в слюнявой пасти, как масло, и Хизер почувствовала острую боль. Почти не соображая, что делает, она резко подняла руку с пистолетом и с размаху опустила на голову того, что сидело у ног. Оно ойкнуло совсем по-человечески и подняло рыло. В свете фонаря Хизер увидела злые глаза, сверкающие жёлтым пламенем. Колючая черная шерсть покрывала волчье тело, заострённые уши были расположены слишком близко друг от друга. Почему-то эти уши напугали Хизер более всего. Чудовище улыбнулось – да, это была улыбка, не оскал, а именно *улыбка* – и напрягло лапы, готовясь оттолкнуться от пола и повалить девушку на пол...

Хизер выстрелила ему прямо в рыло. Потом она наблюдала за тем, как существо бьётся в судорогах, и коротким пинком в основание шеи заставила его уgomониться навсегда. Она не чувствовала страха или отвращения. Простой инстинкт самозащиты, и ничего особенного. Работала программа, намертво зашитая с рождения в бессознательное. В данных обстоятельствах жестокость – единственно верная линия поведения... иначе это будет очень невыгодно для ВАС.

Когда чудовище умерло, Хизер нагнулась и направила луч фонаря себе на ногу. Сапожок был прокушен. Нога немного кровоточила в том месте, где впились зубы чудовища – слава Богу, неглубоко. Рана даже не мешала ходить. Хизер беспокоило другое: она видела, как пасть существа наполнялась прозрачной слюной, и ей пришла в голову зудящая мысль, что слюна могла быть отравлена... скажем, содержать возбудитель бешенства.

В любом случае, она не могла ничего предпринять. Дезинфицирующих средств у неё не было. Оставалось только уповать на Бога. Но Хизер не была уверена даже в том, что Бог вообще знает о существовании этой изнанки мира.

Немного поколебавшись, Хизер выключила фонарь. Свет слишком хорошо заметен в здешней мгле – расстояние в семь шагов, которое позволял радиоприёмник, становилось ниже критического. Она не хотела задаром рисковать своей жизнью... тем более что в магазине остался последний патрон. Последний...

Для себя?

Заткнись, взмолилась Хизер. Ради Бога, заткнись. Без тебя тошно.

А ты подумай. Это не такое безумство, как кажется на первый взгляд.

С этими словами голос горделиво удалился.

Глава 10

Висячая лестница уходила отвесно вниз, конец её скрывался во тьме. Хизер с сомнением посмотрела на перекладины, изъеденные ржавчиной. Вид приспособления не внушал уверенности. Но это был единственный путь вниз, на первый этаж. В этой версии торгового центра такого понятия, как лестничные площадки, не существовало. Хизер это поняла после часового блуждания.

Она опустилась на колени и подёргала первую перекладину. Перекладина не шелохнулась; казалась надёжной.

Хизер начала лезть вниз, предварительно ощупывая пятками каждую перекладину. Когда она опустилась на полметра, лестница душераздирающе скрипнула. Кровь остановилась в её жилах. Она ждала, что вот-вот опора под ногами проломится, и мёртвой хваткой вцепилась руками за верхнюю перекладину. Мелькнула мысль, что под её весом вполне может развалиться вся лестница, и она полетит вниз с двадцатифутовой высоты.

Но лестница выдержала. Восстановив дыхание, Хизер начала спускаться дальше. Когда она была уже близка к цели, сверху послышался жалобный вой. Она подняла голову и едва различила выглядывающую из-за края морду собаки, рассечённую надвое чем-то острым.

- Уходи, - цыкнула она. Собака перестала скулить, но не спешила выполнять приказание. Тварь не обращала на Хизер никакого внимания и увлечённо обнюхивала площадку перед лестницей.

А что, если набросится?

Хизер вновь ощупала свой карман, но достать пистолет, умудряясь при этом висеть на лестнице, было сложно. Она вновь посмотрела на собаку. Та тоже уставилась на неё, мелко шевеля половинками головы. Капля слюны сорвалась с пасти и капнула Хизер на нос.

- Фу!

Хизер схватилась за нос, забыв о том, что ей нужно соблюдать осторожность. Наказание последовало незамедлительно – перекладина выскользнула из рук, и она отчаянно замахала руками, пытаясь сохранить равновесие. Пистолет вывалился из кармана и полетел вниз, сверкнув серебряной стрелой. Но Хизер было уже не до того. Она медленно, но неотвратимо выгибалась назад, теряя опору.

- На помощь!

Голос заглох. Хизер в последний раз сделала попытку дотянуться до заветной перекладины. Пальцы не достали на считанные миллиметры.

- Нее-е-ет!

Окончательно потеряв равновесие, Хизер упала вниз, и странное дело – время словно остановилось, вытянулось, как резина. Она чувствовала, как невыносимо медленно проваливается спиной вперёд в пустоту, и видела, как проклятое животное наконец убралось восвояси, сделав своё чёрное дело. Руки и ноги сами собой возносились наверх.

Наверное, я умру, отрешённо подумала Хизер. И это странное замедлившееся время – вестник древней старухи с косой. Упаду на пол, переломаю руки, ноги и шею. Тёплый труп обглодает здешняя живность.

Она попыталась повернуть голову, чтобы увидеть, далеко ли осталось до пола, символизировавшего финальную точку её жизни. Но тут в ушах раздался свист ветра, и тело резко потянуло вниз.

Всё.

Она не умерла, но боль была неопишима. Будто все кости переломались одновременно и впились в мясо острыми краями обломков. Хизер хотела закричать, но удар вогнал все звуки обратно в глотку. Упав на спину, она вдобавок стукнулась затылком о пол. Перед глазами засверкали вспышки дюжин фотоаппаратов.

Я... я жива?

Судя по боли, пронизывающей каждую клетку тела, это действительно было так. Хизер громко застонала и почему-то попыталась шевельнуться. И тут же пожалела о своей попытке. Господи, уж лучше бы умерла.

Она лежала, всматриваясь в темноту над собой и прикусив губы, ожидая, пока стихнет боль. Почему-то захотелось спать - затягивала тёплая волна истомы, увлекающая в сладкое беспамятство. Хизер испугалась, что ещё минута, и она уже не сможет себя контролировать. Спать нельзя ни в коем случае. Нужно встать, чего бы это ни стоило.

Одному Богу известно, откуда взялись силы, но Хизер кое-как встала на ноги и выпрямилась. Её подташнивало; время от времени сами собой скашивались ноги, но в целом жить можно. Хизер подвигала конечностями, убедилась, что ничего не сломано, растянуто или вывихнуто. Не считая ушибов от удара, серьёзных ран она не обнаружила. Похоже, падение было удачным – сколь бы чудовищно это ни звучало.

Когда волна всепоглощающей боли начала утихать, Хизер осознала, что стоит в полной темноте. Фонарь в грудном кармане от удара отключился... сломался?

От следующей мысли Хизер похолодела. Если фонарь, то, может, и радиоприёмник тоже...

Она схватилась руками за левый карман и дрожащими пальцами вытащила приёмник. Жёлтый огонёк не горел. Хизер нажала кнопку ON/OFF. Ничего. Значит, теперь у неё нет света, оружия и приёмника. Вдобавок с большущей шишкой на голове - спереди и сзади. Зато на желанном первом этаже. Неравный обмен.

Кромешная темнота. Хизер почувствовала, как по спине побежали мурашки. Да, теперь она на первом этаже, но это преимущество – ничто по сравнению с потерями. Каждый шаг чреват смертельной опасностью. Если какая-то тварь почует её... то пощады ждать не придётся.

Словно в ответ на её страх, Хизер услышала справа негромкое шуршание, до того тихое, что сначала она не разобрала – действительно ли был звук, или его опять нарисовало излишне богатое воображение. Затаив дыхание, она напрягла слух до звона в голове. Где-то вдалеке завывала одна из тех адских собак, но поблизости ничего не было. Хизер уже начала расслабляться, как шуршание повторилось. Теперь она услышала это отчётливо.

Кто-то был рядом с ней.

Хизер сделала шаг назад, стараясь не шуметь. Каблуки радостно цокнули по полу, давая прекрасный ориентир неизвестному врагу.

Звук стал громче, теперь тот, кто производил его, даже не пытался прятаться. *Ссссс...* словно по полу протаскивают большую мёртвую тушу.

Хизер присела и провела руками по полу, стараясь отыскать упавший пистолет. Он должен быть где-то недалеко... где-то здесь...

Ссссс...

Шуршание поднималось откуда-то снизу с угрожающей быстротой. Хизер шарил по полу всё быстрее. Ну где, где?! Волосы растрепались окончательно и вбивались в глаза попеременно с солёным потом.

В десяти шагах послышался лязг расшвыриваемого в сторону металлического предмета. Звук затих - перед бурей бывает штиль?.. Хизер могла бы успокаивать себя тем, что в такой темноте тварь её не увидит, но знала, что это ложь. Глаза для здешних существ не были главным органом восприятия – потому что в этом мире и света-то кот наплакал.

Ссссс...

Оно подползало всё ближе. Когда шуршание в очередной раз затихло, рука Хизер зацепилась за ствол пистолета. Наконец-то!

Хизер вскочила на ноги - прятаться уже не имело смысла, - и отбежала на несколько шагов назад. Неизменное шуршание неторопливо двинулось вслед за ней. В лицо ударила струя тёплого влажного воздуха.

Она бы выстрелила, будь у неё три или даже два патрона. Но патрон был один, и нужно было действовать наверняка. Хизер остановилась, перебирая в уме дальнейшие варианты действий. Пальнуть на звук? Нет, слишком мала вероятность попадания. Убегать из угла в угол? Но рано или поздно эта игра закончится плачевно. Ждать, пока оно себя выдаст? Нет...

Ссссс...

У Хизер создалось впечатление, что чудовище, скрывающееся в темноте, играет с ней, наслаждаясь её беспомощностью. Она не сомневалась, что тварь прекрасно её видит, просто не спешит нападать – отходит то дальше, то ближе, да так, что чуть не касается её лица.

Хизер подняла пистолет. Один патрон. В следующий раз, когда чудовище подползёт близко...

Ссссс...

Осклизлое тело заскользило по полу. Воздух опять наполнился ароматом мяса трехнедельной давности, и Хизер поняла: пора.

Сюда... Нет, чуть правее. Что бы оно ни представляло собой, голова должна быть обращена в её сторону. И если ей удастся хотя бы примерно угадать это место...

Существо поняло её планы слишком поздно. В последний момент оно рванулось вперёд... и в эту же секунду Хизер дёрнула курок. Помещение прорезала жёлтая молния, и в один бесконечно короткий миг всё застыло в медном свете.

Это была змея. Хизер видела в детстве анаконду в зоопарке, но эта змея была по меньшей мере втрое крупнее той. Даже когда змея полностью ложилась на пол, её спинка возвышалась над головой Хизер. Блестящая чёрная кожа сома... Двадцать футов длины... Кончик хвоста всё ещё скрывался в большом вентиляционном отверстии, откуда она выползла. А голова... голова была в двух дюймах от её лица. Костяной панцирь, обтянутый кожей, скрывал под собой головку, странно маленькую для такой огромной твари. Когда Хизер выстрелила, панцирь как раз развёлся, обнажая бескожую розовую морду с двумя чёрными точками глаз и огромной пастью, усеянной зубами.

Хизер в этот момент не пожалела, что вокруг царит непроглядная тьма. Если бы она видела, как такое создание вылезло из чёрного провала, расшвырнув вентиляционную решётку, то страх парализовал бы её до такой степени, что она навряд ли смогла оказать какое-либо сопротивление.

Она нажала на курок ровно тогда, когда змея нападала, и это решило исход поединка. Полсекундой раньше, полсекундой позже – и дело обернулось бы совсем иначе. А сейчас Хизер чувствовала, как содрогаются стены от агонии исполинского хвоста, слышала тонкий комариный писк, переходящий в ультразвук. Гигантская змея умирала, сражённая одной пулей девятого калибра. На руку Хизер, вытянутую вперёд, брызнули несколько капель горячей крови. Она не почувствовала отвращения – просто спокойно вытерла руку об стену, которая была рядом.

Змея умирала долго, не меньше минуты. Она не хотела умирать, она привыкла к лёгким победам и не верила, что жизнь её оборвалась при схватке с такой слабой добычей. Но биение хвоста об пол начало утихать по мере того, как кровь из разнесённой на куски головы выливалась на пол, и скоро то, что лежало перед Хизер, было просто большим куском мяса, настоящим подарком для двуглавых собак и прочей мелюзги.

Вновь наступила тишина. Хизер попыталась сделать шаг и чуть не поскользнулась на луже крови, образовавшейся под ней. Ещё одно падение – это было бы уже сверх меры. Она начала отходить в сторону, ступая очень осторожно. Мокрые от крови подошвы липли к полу.

Господи, неужели это я сделала?

Да, это сделала она. Хизер, никогда не смотревшая боевики и никогда не читавшая детективы (даже папины). Хизер, которая боялась выходить из дому с наступлением сумерек. Она разнесла голову большой змее, а теперь стояла в луже его крови и мозгов

(хотя мозгов у этой твари наверняка негусто) и чувствовала себя при этом великолепно. Почти счастливо.

Счастливо?

А разве нет? Хизер поднесла ладони к лицу, хотя не могла их видеть в темноте. Разве это не так? Руки не дрожат, её не воротит и не шатает при ходьбе. Она чувствовала странное возбуждение – страстный, даже болезненный порыв действовать, смешанный с безотчётным сексуальным желанием. Пожалуй, она ничего не имела бы против, если бы тут появилась ещё одна такая змейка (при условии, конечно, что у неё был бы автомат с неограниченным количеством патронов). Улыбнулась бы и выпустила всю обойму прямо в харю.

- У каждого из нас свои скрытые способности, - произнесла Хизер в темноту. – У каждого из нас... свои...

У каждого из нас свои скрытые способности. Так сказать, тёмная сторона личности, о которой мы и не догадываемся, пока она однажды не даст о себе знать.

Кажется, она слышала эти слова опять же в какой-то телепередаче. Хизер не помнила, кто это сказал, но признала, что он был чертовски прав.

Тёмная сторона, доселе спавшая в тени. Она была разбужена этими мёртвыми коридорами, не видевшими солнечного света. Эта часть её сознания не только чувствовала себя уютно в этих катакомбах, но и упивалась опасностями, которые её подстерегали, и с наслаждением наблюдала за испуганными метаниями второй половины.

Разве не чувствовала она, как будто ей кто-то управляет с тех пор, как она захлопнула за собой дверь туалетной комнаты? Что кто-то, сидящий в её голове, выбирает за неё единственно верные варианты действий? Смогла ли бы папенькина дочка, которой она всегда была, сориентироваться так быстро в этих немислимых обстоятельствах?

Нет, нет и ещё раз нет. Хизер опёрлась спиной об стену. Миссис Кабуто хвалила её за меткость, но в тире были манекены из папье-маше. Сама она никогда бы не смогла расчётливо стоять и ждать, пока змея подползёт поближе, и пустить пулю в верный момент. Никогда.

Из глубин памяти всплыло имя, услышанное не так давно от Клаудии. Алесса. Теперь Хизер вспомнила, почему она не может её забыть. Это имя преследовало её в плохих снах, сводя с ума.

Гудок паровоза... Искореженные рельсы...

Голова мгновенно взорвалась страшной болью. Только что Хизер стояла, прислонившись к стене, и рассматривала свои ладони, а секундой позже она сползла на окровавленный пол, схватившись руками за виски. Днища глаз прорезали тончайшие красные нити, которые потом сплелись в одну сплошную паутину.

Нет, только не надо опять, не надо...

Колыхающееся розовое пламя. Оно вернулось, как и гудение в голове и далёкий вой пожарной сирены. На этот раз дымка была ближе к ней, она опаляла лицо и жгла ресницы. Даже корчась в адской боли, Хизер увидела за пеленой огня чьё-то огромное лицо. Лицо, знакомое и в тоже время никогда раньше ею не виденное. Она не могла приглядеться лучше... но лицо расплылось в торжествующей усмешке, когда она протянула к нему руки за помощью. Оно удалялось в полыхающую стихию, оставляя её одну.

Глава 11

Хизер пришла в себя внезапно, как и в первый раз. Она опять стояла на четвереньках, низко опустив голову. Над головой матово сияли люминесцентные лампы.

Боль пропала, словно её и не было. Осталось только саднящее ощущение, что тебя десять миль протащили по кочкам и бросили на обочину дороги.

- Всё прошло? – спросила Хизер, оглядываясь. Она находилась в оранжерее первого этажа. Клумбы с саженцами и запертые двери магазинов. Под потолком мерно тикали

часы: 22.06. Никаких двуглавых собак, фонареподобных чудовищ и ржавых коридоров. Всё вернулось на место.

Хизер шумно выдохнула. Неужели ей всё это приснилось?

Она посмотрела на прокушенный сапожок и с огорчением признала: это был не сон. Она и в самом деле где-то была, провела там целых полтора часа.

Фонарь по-прежнему был в левом кармане. Пистолет она благополучно потеряла, но раз в нём не осталось патронов, то Хизер жалела об этом не сильно. И потом, раз она вернулась в нормальный мир, то оружие ей ни к чему.

Хизер пошла к выходу в холл. Всё тело ныло и ломало – последствия падения. Теперь, когда опасности были позади, она признала, что очень устала, аж валится с ног. Мне нужно поспать, сказала она себе. Добраться до дома и завалиться в постель. Завтра расскажу отцу всё, как было. Он что-нибудь придумает. Он всё объяснит.

Холл пустовал, что, впрочем, было неудивительно для этого времени. Но Хизер всё равно засосало под ложечкой. Уж насмотрелась она пустынных коридоров и комнат, и вид нового босса, такого же, как и прежний, её не порадовал. Она убеждала себя, что стоит выйти на улицу, как она увидит поток машин, ползущих по дороге. Сейчас ей ничто не угрожает. Всё кончено. Маршрут один: поезд на Берген-стрит.

Когда она уже занесла ногу, чтобы встать на эскалатор, её окликнули сзади:

- Хизер?

Хизер узнала голос. Ну хоть один человек! Далеко не идеал собеседника, но после многочасового блуждания по безлюдным трущобам она обрадовалась бы последнему оборванцу.

Хизер оглянулась нарочито небрежно, зная, кого увидит: незабвенный Дуглас Картланд в своей шапочке у входа в холл. Детектив оказался весьма терпеливым человеком, раз безуспешно разыскивает её здесь уже второй час и не думает сдаваться. И вот - терпение вознаграждено.

- Это вы... – сказала она только.

Ответа Картланда она дождалась не сразу. Детектив долго молчал, ошеломлённо разглядывая девушку, изучая разительные перемены, которые произошли с момента последнего с ней общения. Впечатление было такое, словно её вывалили в грязи и вдобавок запинали сапогами.

Наконец он вновь обрёл способность говорить:

- Господи, Хизер, что случилось?

Изумление, отразившееся у него на лице, было настолько неподдельным, что Хизер едва не бросилась к нему на грудь и не вывалила всё, что пережила за последние часы. Но это было бы глупо. Очень глупо, если вспомнить, что именно этот человек навёл на неё Клаудию. Стало быть, он один из её команды.

- Вы один из них, - сказала она скорее утвердительно, чем вопросительно.

Детектив изобразил полное непонимание, и Хизер страстно захотелось отлепить ему пару пощёчин:

- То есть как - «один из них»? Что я такого сделал? И что, чёрт возьми, с тобой стряслось?

- Вы заодно с Клаудией! – прокричала Хизер, сорвавшись. Детектив невольно отстранился от неё. Наступило молчание. Картланд с опаской смотрел на взбесившуюся девушку, а та пыталась подобрать слова, достойные человека, который вогнал её в этот кошмар. Слова никак не находились. Она просто стояла, прерывисто дышала и испепеляла Картланда взглядом. Превратись её ненависть в огонь, от детектива остались бы обугленные рожки да ножки.

Первым заговорил Картланд:

- А что Клаудия? Она наняла меня, чтобы я нашёл тебя, вот и всё. Это моя работа.

- О да, вы превосходно работаете, - съехидничала Хизер. - Скажите мне только одно: это всё она сделала?

- Что - всё?

Хизер трижды провела языком по нёбу, стараясь дышать ровно. Выученный в далёком детстве способ держать себя в узде. Так. Вроде полегчало.

Детектив шагнул ближе и доверительно заговорил, заглядывая ей в глаза:

- Послушай, Хизер, меня просто наняли, чтобы я разыскал тебя. Я не знаю, что с тобой стряслось, и уж конечно не нахожусь ни на чьей стороне. Почему бы тебе не успокоиться и не рассказать всё по порядку?.. А то выглядишь, честно говоря, неважно.

- Сама знаю, - проворчала Хизер.

- Что?

- Ничего...

Хизер снова посмотрела на детектива. И этот человек говорит ей о неважном виде!.. Нынешняя версия Дугласа Картланда очень сильно отличалась от того официального сухаря, который загнал её в туалет полтора часа назад. Даже тогда было видно, что детективу не помешает немножко отдохнуть... а сейчас он выглядел, как больной раком на последней стадии. Щёки ввалились, круги вокруг глаз обозначились чётче и приняли почти пепельный оттенок. Веки подрагивали, норовя опуститься вниз. Галстук окончательно ушёл в автономное плавание, а шляпа сползла набок; края были помяты. Хизер вдруг догадалась, что делал детектив на скамейке холла до её прихода. Она могла бы поставить доллар, что Картланд, измученный поисками, просто спал, откинувшись на спинку скамейки.

Почему-то ей стало жалко этого старика, который вынужден метаться в пустом здании, чтобы найти её. Жалость должна была бы стать последним чувством, который она могла испытывать к Картланду, но ей было его жалко.

- Я знаю не больше вашего, - сказала она уже более спокойно. – Знаю только, что здесь бродят какие-то невероятные создания, и они хотят меня убить.

Детектив внимательно слушал её. Он не смеялся, не отпускал презрительные комментарии, а просто слушал. Правда, на последних словах Хизер он чуть дрогнул.

- Что-то... – пробормотала Хизер, потирая лоб ладонью. Картланд думал, что она по-прежнему обращается к нему, но это было не так. Хизер вспоминала всё, что она пережила за последние часы, и мучительно пыталась сложить единую картину. Хотела хоть что-то понять...

Но не получалось. Хуже того – ей казалось, что ответ где-то рядом, что она уже на расстоянии шага от желанной истины, но не может до неё добраться.

- Со мною что-то происходит, - сказала Хизер. – Как будто кто-то управляет мной...

Она уловила на себе взгляд детектива и встрепенулась. Мыслить вслух в присутствии чужого человека – не самая полезная привычка.

- В любом случае, - быстро заговорила она, - я не могу вам доверять. Может, вы и невинный свидетель, но именно вы, и никто иной, втянули меня в эту кашу. Если бы не вы...

- Да расскажите наконец, что с вами такого? – раздражённо перебил Картланд. – Знаете, слышать такие слова и не знать, о чём речь вообще...

Хизер горько усмехнулась:

- Думаете, если бы я имела понятие, то была бы в таком смятении?

- Тогда что...

Хизер отвернулась от детектива и посмотрела на ряды красочных объявлений, на лампы, излучающие мягкий синеватый свет. Вспомнила низкие ржавые коридоры и кромешную темноту. Мир, где не было ничего человеческого, но который имел чудовищное аляповатое сходство с нормальным.

- Здесь что-то не так, - отрешённо сказала она, разглядывая объявление фруктового сока. Выражение на лице женщины из плаката можно было принять равно как за высшее блаженство, так и за предсмертную агонию.

Что-то было. Очень давно. Что-то забытое.

Воспоминание всплыло, как обычно, неожиданно, вызвав тупую боль в голове. На этот раз боль была терпимой, и Хизер не пришлось валяться на полу, доводя детектива до инфаркта.

Что? Что здесь случилось?

Ответа на вопрос не было. «Сеанс» кончился, оставив только осознание собственного бессилия.

И сколько это будет продолжаться? До каких пор в памяти будут всплывать потерянные воспоминания, которые ей не принадлежали и пугали до смерти?

Судя по всему, никогда. То есть до тех пор, пока не сотрутся все белые пятна и тот, кто скрывается в её голове, не восстановится окончательно... сместив настоящую Хизер в какой-нибудь тёмный уголок сознания, где она потихоньку рассеется, как белый дым.

Наверное, именно в эту секунду Хизер осознала, окончательно и бесповоротно, что тёплые денёчки кончились. Теперь она была не одна. Неведомый сосед, вызванный к жизни, оживал. Хизер не знала, кто это, но склонялась к мысли, что её зовут Алесса. Так по крайней мере было понятно, почему её разум так не приемлет это имя.

Оставалось надеяться, что всё произойдёт нескоро. Но что-то подсказывало Хизер, что она неправа.

Алесса...

Зря она вспомнила это проклятое имя. Что-то немедленно зашевелилось в её сознании, поскребло волосатыми отростками по коре мозга.

- Что не так? – спросил за спиной Картланд, видимо, решив, что она заснула стоя.

Стоп-стоп-стоп. Хизер вздрогнула, сбрасывая оцепенение. Всё, с неё на сегодня хватит. Отмучилась. Никакой Алессы нет. Нет никакой Алессы.

- Ничего, - бросила она через плечо и побежала к эскалатору, который лениво катился вниз. Картланд сделал два неуверенных шага за ней и остановился.

- Ты куда?

- Домой.

Да, домой. К чёрту Клаудию, к чёрту Картланда, к чёрту Алессу. Хизер напомнила себе, каково сейчас отцу. Она звонила ему почти два часа назад, говорила, что будет через тридцать минут. И исчезла. Тут любой родитель встревожился бы, а уж её-то отец...

Детектив стянул с головы шляпу и почесал затылок. Он выглядел основательно сбитым с толку.

- А что мне делать?

Иди домой, Дуглас. Поужинай и выспишься. Наслаждайся жизнью без чудовищ и злого двойника в голове.

- Провалиться мне на месте, если я знаю, - отрезала Хизер и рванулась вниз, не дожидаясь, пока её отвезёт механизм.

Глава 12

- И что это означает?

Вопрос вырвался у Хизер непроизвольно, едва она вошла в зал ожидания. Она всегда ездила на метро и знала, какая суэта стоит в залах независимо от времени суток. В подземном помещении не бывало окон – определить без часов, день или ночь, можно было только по людям, которые заснули на скамейках, нежно обнимая свои сумки. А всё остальное оставалось таким же – размеренная суэта людской массы, раскатистые объявления по громкоговорителю и - время от времени – гудок подъезжающего поезда. Своеобразный беспокойный уют круглые сутки. Хизер иронично называла метро местом для Неспящих. Неспящие для Хизер были существами с непостижимой логикой, полубогами, предпочитающими вокзальную кутерьму стенам своего дома. Конечно, не все обитатели ночного метро относились к классу Неспящих, но их здесь было очень много. Больше разве что в казино.

И вот... Хизер смотрела на пустой зал ожидания, сжимая в ладони ручку двери. Ни одного человека.

Дежа-вю. Натуральное дежа-вю.

Как во сне, она пошла к застекленным кассам на дальнем углу, зная, что там не сидят вежливые девушки с одинаково белоснежными улыбками. Интересно, какую надпись она увидит на закрытом окошке? «ПЕРЕРЫВ 5 МИНУТ»? Или «ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА»? Что бы то ни было, Хизер не сомневалась: они найдут причину.

Окошко было открыто, но загорожено табличкой с надписью: «КАССА НЕ РАБОТАЕТ. ИЗВИНИТЕ ЗА НЕУДОБСТВА». Очень внятно и красиво. Хизер увидела тающую вмятину на кресле – кассирша покинула пост совсем недавно. Она осмотрелась ещё раз в надежде, что кого-то просмотрела. Но нет – обширный зал был пуст на самом деле. Над головой громоздились массивные прямоугольные колонны. Рассеянный свет ламп не способен был бороться с подкрадывающейся тьмой, и серый полумрак уже успел завоевать дальние углы. Интерьер выглядел более чем зловеще.

Чёрт-те что!

Я не спущусь на платформу, сказала себе Хизер. Ни-за-что. Поднимусь обратно в холл и попрошу детектива отвезти меня домой. В качестве компенсации за причинённые неудобства.

Она подскочила на месте и едва не заорала благим матом, когда над головой раздался надтреснутый голос:

- Внимание! Поезд, отправляющийся на Берген-стрит маршрутом четырнадцать, подходит к третьей платформе!

Тьфу ты!.. Это всего лишь мегафон.

- Повторяю, поезд, отправляющийся маршрутом...

Несмотря на первоначальный испуг, голос приободрил Хизер, подкинув ей огонёк надежды. Кто знает, может, в станции и в самом деле какие-то неполадки. Понятно тогда, почему здесь так мало людей.

Мало?.. Будь честнее.

Ну хорошо. Здесь по непонятной причине ни одной живой души, но... но... Да чёрт побери, какая разница! Главное – её поезд на подходе, и если она хочет скорее попасть домой, то должна пошевелиться.

Но как быть с жетоном?

Хизер посмотрела на турникет, загораживающий проход. При желании она могла бы проползти под механизмом – всё равно свидетелей здесь не было. Но она не испытывала ни малейшего желания потирать своей одеждой грязный пол.

А жетон всё-таки был нужен.

Хизер воровато огляделась и запустила руку в окошко. Поднявшись на цыпочки, она дотянулась пальцами до горстки жетонов, лежащих на столе кассирши рядом с чашкой остывающего кофе. Всё. Преступление совершено.

Хизер усмехнулась, погрозила пальцем собственному отражению на стекле и кинула жетон в щель. Турникет начал поворачиваться.

На стене висела большая цветная карта метро, но у Хизер не было надобности изучать её. Она и так знала, где находится третья платформа. А если бы даже не знала, то указатели висели под потолком на каждом шагу. Одна из них сейчас смутно вырисовывалась в десяти шагах. Зелёная стрелка с цифрой 3 указывала направо - туда, где ступеньки уходили вниз, под землю. Насколько видела Хизер, с освещением на нижнем этаже дело обстояло совсем худо: единственная люминесцентная лампа над проёмом лестницы громко шипела и временами начинала мигать.

Старательно отменяя плохие предчувствия, Хизер ступила на первую ступеньку. Лампа в ответ на это возмущённо затрещала и погасла окончательно, провалившись в вечный сон. На площадку набежали длинные бурые тени.

Хизер сделала ещё один шаг во тьму. Ничего страшного, сейчас она спустится и снова попадёт во власть света. Не могла же вся армия ламп перегореть разом.

В каком-то смысле она была права. Вся армия перегореть не могла... а вот половина – пожалуйста. Оставшиеся редкие источники света уже не могли держать оборону в жестокой борьбе с тьмой. Узкий коридор напоминал зебру – полоса тёмная, полоса светлая. Тёмные полосы были чаще и шире.

Хизер подняла глаза и с трудом различила полустёртые знаки на вывеске, покачивающейся над ней. Зелёная стрелка на этот раз уверенно рвалась вверх. Не бойся, Хизер, иди и дойдёшь.

И снова спокойный и рассудительный голос в голове. На этот раз в нём чувствовались недоумение и обида.

Поворачивай назад, пока не поздно. Сколько я тебе это говорил... Почему ты не слушаешься?

Действительно, почему? Что мешает ей побежать обратно вверх? Почему она, несмотря ни на что, тупо ползёт вперёд, как мошकारа в огонь костра? Ведь в конце концов, метро – не единственный способ попасть домой.

Верно, Хизер. Молодец. Всё верно. А теперь ты совершишь поворот на сто восемьдесят градусов и затопашешь по лестнице. Давай.

Но зелёная стрелка упрямо указывала вверх, приказывая идти дальше. Краска отвалилась с кончика стрелки, делая её похожей на зелёный гриб.

Хизер вздохнула. Ничего не поделаешь.

- Со мною ничего не будет, правда? – вслух спросила она. Пустое здание ей не ответило, но Хизер показалось, что под ногами едва заметно дрогнул пол. Одобрительно.

- Ну смотрите...

Она пошла вперёд. Пошла быстро, чтобы выказать свою смелость, но по мере того, как редчали светлые полосы, ноги сами собой налились свинцом. В воздухепряно запахло сырой землёй - откуда ему тут взяться? От аромата нещадно щекотало в ноздрях, и слезились глаза.

Но по-настоящему плохо Хизер стало, когда она доковыляла до поворота. На бетонной стене она увидела знакомый знак – ярко-красный двойной круг, описанный вокруг трёх кругов поменьше. Знак был нанесён с маниакальной аккуратностью, выверен до мельчайших штрихов. Краска фосфоресцировала в темноте, загораясь алым свечением. Хизер не хотела смотреть на неё... но взгляд сам собой возвращался к кругам, как свидетель какого-либо омерзительного действия не может отвести глаза.

Кто нарисовал это в столь неподходящем месте? И почему?

Из любопытства Хизер задержала взгляд на знаке на несколько секунд. Так и есть – знак размывался, окрашивая всё вокруг в розовый цвет. Снова колющая мигрень и чувство, что на тебя выливают три галлона азотной кислоты, замораживают душу и тело, сохраняя навека. Очень неприятно, но просто ласковая трёпка по сравнению с Великой Всепоглощающей Краснотой.

Алтарь...

Сосед по голове шевельнулся снова, выдав на-гора очередное воспоминание. Голова почти не заболела. В конце концов, мрачно подумала Хизер, я к этому даже привыкну.

Алтарь. Медный звук колокола, расходящийся по окрестностям. Десятки людей, благоговейно припавших лбами к полу. Монотонный голос проповедника, вгоняющий в сон. А за окном – клочья белого тумана, ползущие по улице.

Хорошие видения. Жаль только, что бессмысленные. Бессмысленные для Хизер. Та, которую звали Алессой, отлично понимала, что означают эти образы. Но пока не хотела делиться откровениями.

Хизер отвернулась от знака. Пора идти дальше. Что бы эта штука ни означала, хорошего в ней мало.

За поворотом была тьма. Полная. Где-то очень далеко маячил слабый огонёк, но для стофутowego коридора этого было явно недостаточно.

Господи, только бы снова не монстры.

Хизер постояла, прислушиваясь к звукам, исходящим из коридора. Тишина. Те, кто прятались во тьме, ничем себя не выдавали. Либо хорошо затаились, либо их там вовсе не было.

Приходилось надеяться на последний вариант. Хизер с грустью вспомнила о своей недавней экипировке. Очень не помешал бы приёмник или хотя бы фонарь. Не говоря уже об оружии.

Она подалась назад и чуть пригнулась, готовясь к марш-броску. По-хорошему, вообще не стоило соваться, но раз уж на то пошло, то нужно максимально сократить время пребывания в опасной зоне.

Раз... Два... Три!

Хизер сорвалась с места и стремглав бросилась вперёд, держа курс на свет. Страх почти не было – она испытывала только непринуждённый спортивный азарт. Темнота покорно расступалась перед ней. Никто не хватал Хизер за ногу и не ставил подсечку. Но она не остановилась, пока не добежала до лестничной площадки. На потолке висела грязная лампа – полчища мошек залепили стекло изнутри, бросая на пол бесформенные тени. Вывеска здесь была ещё более ржавой и мутной – никак, сошла с девятнадцатого века. Хизер с трудом различила знакомую зелёную стрелку, направленную косо вниз.

Хизер отдышалась, привалившись спиной к перилам. В груди жгло, как раскалённым металлом. Не привыкла она к таким пробежкам – сказывалась нелюбовь к спорту. Дыхание приходило в норму, вытягиваясь в тонкую макаронину.

Когда резь в груди прошла, Хизер снова обратила внимание на вывеску. Насколько она помнила планировку метро, спустившись сюда, она должна попасть на заветную платформу номер три. Только она почему-то не была уверена, что там её ждёт поезд на Берген-стрит.

Но голос...

А что голос? Groш цена этому голосу. Мало ли что можно болтать по динамику... особенно если в станции никого нет.

Платформа номер три была закутана в вуаль темноты и тишины. Никакого намёка на приближающийся поезд. Над рельсами одиноко горел красный семафор. Обманули дурака на четыре кулака.

Тот, кто убеждал её вернуться обратно, удовлетворённо хмыкнул. *Ну что же, может, хотя бы теперь?*

Хизер угрюмо кивнула. Выбора не остаётся.

Но...

Впереди, на рельсах, что-то было. Хизер видела большой прямоугольный силуэт, почти сливающийся с чернотой, но отсюда не могла его разглядеть. Она сделала шаг, опустившись на ступеньку ниже. Нет, не видно. Придётся прогуляться по платформе. Никто, слава Богу, у рельсов не подавал признаков жизни.

Теперь, когда она была ближе, узнать предмет не составило труда. Это был вагон. Малогабаритный пассажирский вагон, припаркованный на линии, по которому должен был прибыть её поезд. Стоял он косо и как-то... неуклюже, что ли. Присмотревшись, Хизер увидела, что все колёса вагона сняты - из-под дна торчали только голые остовы рессор. Да и вообще вся конструкция выглядела так, словно её притащили со свалки. Откуда это здесь взялось?

Дверцы на вагоне не было, Хизер могла свободно пройти через широкий проём. Наученная горьким опытом, она не стала делать это сразу, а сначала обошла вагон, протирая стёкла окон и всматриваясь внутрь. Особых успехов это исследование не дало. Единственное, что ей удалось увидеть - все сидения были пусты.

Хизер наконец набралась решимости и ступила в мрачные своды пустого вагона. Она сразу же заметила, что спинки большинства сидений изорваны в клочья. Тут и там на полу валялись белые куски обивки. Что за бессмысленный вандализм?.. Хизер неодобрительно цокнула языком, увидев сиденье, вдоль и поперёк исполосованное острым лезвием.

Бог знает почему, но в вагоне стоял жуткий холод – на добрый десяток градусов прохладнее, чем на платформе. Хизер почувствовала, как кожа покрывается пупырышками. Она пошла между длинными рядами сидений, отгоняя внезапно навалившееся чувство клаустрофобии. Окна вагона стали непроницаемо-чёрными, и Хизер ярко так представила, что вагон засыпан землёй по самую крышу, похоронен навечно вместе с ней. Во рту немедленно пересохло.

На одном из передних сидений лежал продолговатый свёрток, любовно обвитый подарочной лентой. Обёртка порвалась, и из-под блестящей фольги выглядывал краешек деревянного ящика. Свёрток смотрелся, мягко говоря, необычно. Хизер смотрела на него с нарастающим изумлением. Это ещё что такое?

Нет, она хорошо могла представить себе, что кто-то так спешил на праздник, что забыл подарок в вагоне электрички. Но совсем другое дело, если этот вагон отцеплен от состава сто лет назад и основательно подвергся воздействию неизвестных вандалов, снявших с него всё, что только возможно.

Но свёрток по-прежнему лежал на разорванном сиденье, являясь живым символом реальности невероятного. На нём лежала большая открытка с нарисованными гладиолусами. Хизер взяла открытку и почему-то понюхала цветы, выгисненные на картоне. Запах бумаги, воскрешающий в памяти образ неподъёмных библиотечных стеллажей. Ничего необычного, открытка как открытка.

Хизер перевернула открытку и увидела на левом верхнем углу короткую надпись всего в одну строчку. Ей пришлось чуть ли не коснуться её носом, чтобы различить буквы, написанные густыми чёрными чернилами:

С днём рождения.

Вот так вот. С днём рождения. Хизер показалось почти оскорбительным отсутствие восклицательного знака в конце. Без привычной приставки надпись смотрелась вяло и бесчувственно – от неё не веяло теплотой. Ещё неизвестно, обрадовался ли бы получатель такому пожеланию. Хотя, конечно, всё зависит от подарка. А открытка, это так...
бесплатное приложение.

Вот отец никогда не утруждал себя написанием открыток для Хизер. Ритуал её дня рождения не менялся из года в год, сколько она себя помнила. Возможно, потому он и не терял своего волшебного очарования.

Отец в этот день не садился за работу. Наверное, это был единственный день в году, когда он сознательно пересиливал в себе жажду творения. Хизер знала, что ему даже этот однодневный перерыв даётся нелегко, но никогда не пыталась его отговорить. Это было одним из негласных договорённостей между дочерью и отцом – знак того, что в течение всего дня отец посвящает себя Хизер. Они оба это понимали и никогда не меняли установленный порядок.

Еду готовил отец. Максимум, что разрешалось Хизер – сходить в магазин за продуктами. А готовил отец великолепно, частями лучше, чем она сама. Хизер сидела у себя в комнате, смотрела телевизор, слушала любимую музыку и чувствовала разносящийся по дому аромат тёплой выпечки. Ближе к вечеру ощущение приближающегося чуда нарастало. И это было великолепно.

И, конечно, застолье. Тот самый праздничный ужин. Они сидели в кухне за столом, говорили о совершенно банальных с первого взгляда вещах. Хизер каждый год не переставало изумлять разнообразие блюд, которые мог приготовить отец. Кажется, ни одно блюдо не повторилось дважды за то время, пока Хизер себя помнила. Честно говоря,

она не знала рецепта и половины всех этих яств. Ей иногда даже стыдно становилось из-за своей гастрономической ограниченности.

А потом, когда вечер скатывался к ночи, в кухне зажигался свет и все темы разговоров бывали исчерпаны, настал момент для вручения подарка. Подарок всегда лежал на верхней полке кухонного шкафа – если бы у Хизер вдруг начисто отшибло совесть, она могла бы загодя заглянуть туда и узнать, что для неё приготовил отец. Этого она, разумеется, никогда не делала и даже не подумывала. Просто с трепетом ждала, что на этот раз извлечётся из недр шкафа, ставшей на минуту волшебным ящиком.

Хизер поймала себя на том, что неосознанно ощупывает тонкую серебряную цепь, накинутаю на шею. Она уж совсем забыла о нём. Эта цепь стала для неё почти неотъемлемой частью тела с тех пор, как её подарил отец на пятнадцатилетие. Хизер помнила, как её охватил восторг при виде безделушки, заботливо сложенной в синюю коробку. Это было для неё необычно – ведь она никогда не испытывала особой любви к украшениям. Даже в подростковые годы, когда девочки изо всех сил пытаются походить на взрослых женщин, её не обуревала горячка краситься и навешивать на себя тонны фальшивого золота. Хизер знала, что одноклассницы ненавидят её за то, что она не похожа на них. Девчонки в школе насмеялись над ней за спиной и обзывали «монахиней», но ей, в общем-то, было глубоко наплевать. Школа была в её жизни просто местом получения знаний, необходимых для дальнейшего устройства на работу. Хизер не собиралась вечно сидеть на шее у отца.

На конце цепи висел белый фарфоровый шарик с замысловатым золотым узором. Возможно, кто-то сказал бы, что такой кулон можно купить в любом дешёвом магазинчике, но его элегантная простота покорила Хизер с первого взгляда. Она почти влюбилась в украшение и сразу дала себе слово всегда носить её с собой, что бы ни случилось...

Как выяснилось позже, у кулона был ещё один сюрприз. Вечером, лёжа на кровати, Хизер внимательнее рассмотрела свой подарок и заметила, что если тряхнуть шарик в руке, то внутри слышно тихое постукивание. Поднося кулон к светильнику, она вгляделась в хитросплетение узоров и увидела тончайшее углубление, опоясывающее шарик по диаметру. С минуту она колебалась – ей не хотелось подвергать риску папин подарок, – но потом любопытство взяло верх, и она начала осторожно ковыряться ногтём в углублении. Половинки были слеплены крепко, но упорство не осталось вознаграждённым: скоро шарик раскрылся в ладони Хизер, представив её взору спрятанный внутри полупрозрачный камень. Камень имел гладкую овальную форму и наливался кроваво-красным блеском, если сквозь него смотреть на свет. Хизер он показался отдалённо похожим на карбункул. В какой-то момент она подумала, что это вообще не камень – когда Хизер сильно сжимала его в пальцах, он поддавался, упруго вминаясь внутрь. Скорее это было похоже на прочно застывшее желе. Хизер в задумчивости вложила камень в одну половинку кулона и накрыла другой. Раздался негромкий щелчок – кулон снова стал единым, словно и не разъединялся.

Утром Хизер не вытерпела и спросила отца, что за камень заключён в кулоне, который он подарил.

- Не знаю, - ответил отец. – Но красиво, правда?

- Очень, - согласилась Хизер. – Почему ты не сказал о камне вчера? Я ведь могла и не заметить...

- Я хотел, чтобы ты сама догадалась о камне. Проверка на наблюдательность, так сказать. Знаешь, Хизер, ты не обманула мои ожидания.

Она смущённо улыбнулась. Отец придвинулся поближе и приобнял её за плечо. Голос стал серьёзным.

- Этот камень - он очень необычный. Считается, что он приносит удачу и помогает защититься от злых духов.

- Правда? – спросила Хизер, с интересом разглядывая драгоценность, которая покоилась на её ладони.

- Ну, по крайней мере, так говорят. Но я хочу, чтобы ты надевала его всякий раз, когда будешь куда-нибудь уходить из дома. То есть я не думаю, что это и в самом деле так... но дополнительная защита никогда не помешает, верно?

- Конечно! – с энтузиазмом подтвердила она. Она так и так не собиралась расставаться с украшением, и если это будет приятно отцу, то ей будет приятнее вдвойне.

Вот так-то. С тех пор шарик на цепочке стал неизменным её спутником. Ей нравилось иногда любоваться драгоценностью, которая сверкала кровавой каплей на ладони - частичкой родного дома, которая сопровождала её, где бы она ни была.

Сегодня она совсем забыла о кулоне - наверное, потому, что он провалился внутрь жилетки и ничем не давал о себе знать. Сейчас, когда Хизер вспомнила о нём, ей стало чуточку лучше. В душе замаячила смутная надежда, что, несмотря на всё безумие, творившееся рядом, в конце концов всё будет хорошо. Всё будет хорошо...

Кулон юркнул сквозь ослабевшие пальцы и повис на натянувшейся цепочке. Хизер ощутила в руке пустоту. Всё. Волшебное действие папиного подарка прошло. Не всё так просто. Родной очаг был где-то там, за милю тёмных катакомб, невообразимо далеко... а безумие – здесь, стоило только протянуть руку.

Хизер подняла свёрток. Он оказался неожиданно тяжёлым. Железом, что ли, напихан? Она принялась срывать фольгу, обнажая неотесанные края ящика. Так и есть – когда обёртка упала, из тёмной полости на неё взглянул синий блеск металла. Сначала Хизер показалось, что это длинная труба, но она быстро поняла, что ошиблась – стоило посмотреть на жёлтый деревянный приклад. Это был дробовик. Двустволка двенадцатого калибра, вещица, носящая гордое звание «лучшего средства убеждения».

Хизер снова посмотрела на открытку, которая лежала на полу. Букв не было видно, но она помнила прохладное поздравление:

С днём рождения.

Кому предназначался «подарок»? Хизер не знала, но раз получателя рядом нет и не предвидится...

Дробовик оказался достаточно лёгким по весу. Короткий ствол позволял носить его довольно удобно. Хизер попробовала зажать ружьё под мышкой, но оно тотчас начало съезжать вниз. Что ж, придётся держать ствол наперевес, как сумасшедшая партизанка.

Дойдя до выхода, Хизер оглянулась. Осиротевшая фольга скомкалась в углу сиденья.

- Спасибо, парень, - сказала Хизер, обращаясь к гипотетическому владельцу ящика. – Я тебя не забуду. Честно.

Ей и в голову не пришла мысль, что подарок мог быть предназначен для неё.

Глава 13

Урр... Урр...

Из-за завесы мглы доносились звуки, очень похожие на младенческий лепет – до того жалобные, что у Хизер сжалось сердце. Она представила карапуза, сидящего на холодных рельсах и беспомощно озирающегося в поисках родителей.

Урр... Урр...

Лепет продолжался с удивительной ровностью. Как вообще ребёнок мог очутиться в этом кошмаре?..

Да хоть как. Очутилась же она здесь как-то.

Хизер вздрогнула, мысленно увидев картину: к малышу сзади хищно подкрадывается псина с раздвоенной головой. Сейчас она прыгнет и сомкнёт челюсти на его шее.

Долго размышлять было нельзя. У неё по крайней мере есть оружие, и она может защитить блудного ребёнка.

Всхлипы стали ближе, но их громкость, напротив, начала стихать, словно тот, кто их издавал, уже истощил все свои силы и больше не мог плакать. Хизер прибавила шаг. Она находилась на четвёртой платформе, параллельной с третьей. Отсюда поезда тоже могли отправляться на Берген-стрит и здесь, по крайней мере, на рельсах не стоял вагон без колёс. Хизер заглянула на платформу без всякой надежды, чтобы успокоить совесть... и услышала эти звуки, щемящие сердце.

- Кто здесь? – окликнула Хизер, решив, что она уже достаточно близка от ребёнка. – Кто-нибудь...

Жалобные стоны стихли. Хизер напряжённо вслушивалась, но ребёнок – если он был – ничем не давал о себе знать. Она вдруг засомневалась, а не послышалось ли ей это причитание.

Но нет. Она уловила призрачное изменение плотности темноты перед собой. Тёмный сгусток медленно сместился вправо, сместился совсем бесшумно, как если бы... крался...

Тревога!

Перед глазами вспыхнула красная лампа, разом поднявшая уровень адреналина в крови в два раза. Хизер вскинула дробовик и ткнула вперёд стволом.

Не нервничай, Хизер. Только не нервничай.

- Если здесь кто-то есть, - чётко сказала Хизер, - пожалуйста, дайте о себе знать. У меня ружьё, и я могу выстрелить.

Никто ей не ответил. Напряжение росло. Пот градом катился по спине и жёг кожу. Хизер взвела предохранитель и упёрла палец в курок.

Урр... – раздалось над её правым ухом. Это уже не был тот трогательный лепет, который сразил её сердце. В голосе слышались нечеловеческие нотки, делающие звук чем-то похожим на баранье бляение. Хизер судорожно развернулась, отлично понимая, что не успевает. Ствол на полпути ткнулся обо что-то мягкое, преграждающее путь. Стрелять не было никакой возможности.

Чёрт, я подпустила его!

Хизер отскочила назад, одновременно стараясь выровнять ствол. Перед самым лицом со свистом пронеслась лапа с иззубренными когтями. Насколько кончики когтей разошлись с её лицом? Миллиметр? Полмиллиметра?..

Противник разочарованно засопел и попытался ретироваться обратно под покров темноты. Но он уже проиграл, упустил свою возможность. Хизер не собиралась давать ему второй шанс. Она нажала курок.

Дробовик взорвался оглушительным выстрелом. С правого ствола полыхнул красный огонь, освещая серое тельце, похожее на большую раковую опухоль. Оно проворно прижало свои ласты к почти слипшимся векам, защищая глаза от обжигающего света... но это ему не помогло. В угасающем сиянии Хизер заметила, как «опухоль» отбросило назад, к стенке. Одновременно её пронизала страшная боль в ключице – она никогда прежде не стреляла из такого мощного оружия и понятия не имела, что в иных случаях отдача может отправить стреляющего на тот свет. Хизер глухо застонала и выронила дробовик на пол. Согнувшись в три погибели, она поглаживала ключицу. Кость странно ушла внутрь, и на какое-то время она была уверена, что ключица сломана. В панике она из всех сил шевельнула рукой и испытала безмерное облегчение. Да, было больно, но рука двигалась достаточно свободно. Кость была целой, иначе она сейчас орала бы благим матом.

Тварь, сражённая выстрелом, умерла. Хизер могла себя поздравить. Впрочем, была ли это её заслуга? Или букеты правильнее дарить соседке, что делила с ней кров черепа?

Она нагнулась и подняла дробовик здоровой левой рукой. М-да, убойная сила оказалась у подарочка. В будущем следовало применять его с осторожностью. Омрачало

только то, что теперь в стволе снова остался последний патрон. Особо шиковать не придётся.

Что ж, здесь она, похоже, выполнила все миссии, которые были для неё уготованы. Хизер заковыляла к выходу из платформы, чувствуя себя инвалидом первой группы. А что... ещё два-три конфликта под завесой темноты – и ей могут свободно выдать красную книжку.

Да, а ещё пять-шесть – и можно плотника вызывать.

Голос просто стебался над ней, но Хизер ради солидарности растянула потрескавшиеся губы в улыбке. В конце концов, она начала привыкать к своим мнимым собеседникам и испытывать к ним определённую симпатию. Мистер Насмешник и Мистер Здравый Смысл были далеко не ангелами, но они были всё-таки лучше, чем полное одиночество.

Хизер с облегчением навалилась на почерневшие поручни лестницы. Всё, можно подниматься.

Но почему-то она задержалась и ещё раз окинула взором пустую платформу. Там была только темнота вкупе с тишиной – смесь, ставшая такой обыденной за последние часы. Хотя насчёт тишины – это ещё вопрос. Если прислушаться... внизу по шпалам быстро-быстро сновали мягкие лапки. Крысы. Хизер не страшилась этих тварей до такой степени, как лучшие представители прекрасной половины, но сколько-либо значимой любви тоже не испытывала.

Ничего... Ничего такого.

Нет, всё-таки что-то было. Безотчётное, но тем не менее тревожное ощущение, которое нашло на неё у входа в бутик «Маргарита». Тогда оно её не обмануло. Хизер была уверена, что не промазала и на этот раз.

Рельсы... Перрон... Темнота... Огонёк семафора...

Вот оно! Хизер впилась взглядом в круглую лампочку над рельсами. Лампа горела тусклым зелёным светом, отбрасывая цветные блики на железную дорогу. Когда она только спустилась, огонёк сиял чуть ниже и был *красным*. Хизер помнила это точно. А теперь его цвет сменился на зелёный.

Но это означает...

Нарастающий рокот. Постепенно он распался на стук колёс по рельсам и рёв двигателя, несущего вперёд поезд с длинным, почти на полкилометра, составом. Поезд выскочил из чёрного рта тоннеля и пронёсся рядом с Хизер, которая без сил присела на ступеньки, не забывая осторожно массировать ключицу. Окна вагонов заливал яркий свет, показавшийся ей едва ли не Лучом Господа. Поезд ехал слишком быстро, Хизер уже начала бояться, что состав промчится мимо, снова оставив её во тьме лицом к лицу с чудовищами, но тут оглушительно ударил гонг. Хизер так и не поняла, раздался он в поезде или на перроне. Поезд заскользил по рельсам с надрывным режущим воем, быстро теряя скорость. Хизер никогда не видела, чтобы поезда останавливались на станциях таким образом. Словно какой-то придурок внутри решил приколоться и нажать стоп-кран на полном ходу. Между рельсами и заблокированными колёсами электрички заплясал оркестр искр.

Радость, заполнившая сердце Хизер, была недолгой. Ещё до того, как поезд остановился, она успела увидеть, что повода для счастья мало. Вагоны поезда были одинаково серыми и изъеденными каким-то зелёным налётом. В жёлтых прямоугольниках окон не было ни одного человеческого силуэта - поезд был пуст. Двигатель затих, двери приветливо раздвинулись. Свет внутри мигнул, на секунду превратив состав в шагающий склеп.

Хизер почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы обиды. Ну почему так? Почему всё оборачивается таким образом? Какого чёрта сюда должен был приехать какой-то Летучий Голландец в мире метро, а не обычный пассажирский поезд, каковых полно в Эшфилде?

Господи, если ты есть... может, тебе хватит играть со мной? Я уже на пределе. Я не могу... больше не могу.

Господь не ответил... но это не означало, что на её мольбу никто не отозвался. Справа кто-то готовностью зашуршал. Не волнуйся, милая, я иду на помощь.

Хизер повернула голову очень медленно, почти зная, что она там увидит. Так и есть – комок плоти на полу зашевелился, забил ластами по земле. Она смотрела, как тварь присела, обхватила ластами голову и мелко задрожала, как свежее испечённое желе.

Урр... Урр...

Снова звуки, которые несколько минут назад могли бы вызвать у неё светлую тоску и беспокойство. Но сейчас они действовали на неё как ледяной душ. Хизер вздрогнула и начала поднимать ствол дробовика.

Урр...

Она могла выстрелить, но стоило ли так транжирить боеприпасы? В тот раз она попала в яблочко, после такой порции картечи невозможно было остаться в живых, сколь бы крепок ты ни был. Но эта «опухоль» продолжала жить. Жить и издавать эти жуткие звуки. Вывод напрашивался простой – второй выстрел ничего не решит, разве что отключит существо ещё на пару минут.

Но ведь противостояния вполне можно избежать. Тогда она останется с оружием.

Молодчина. Хорошо соображаешь.

Спасибо, мистер Здравый Смысл. Только это не я.

Поразительно, как она могла подтрунивать над собой в такую минуту. Хизер поползла назад, выбираясь вверх из платформы. Существо по-прежнему сидело в позе спившегося сумоиста, горестно склонив голову.

Так, ступенька... Ещё одна...

И тут случилась катастрофа. Дробовик, лежащий на коленях Хизер, накренился и свалился вниз через перила. Она успела только приглушённо вскрикнуть.

Услышав стук, эхом разнёсшийся по перрону, существо мгновенно ожило. С неизвестно откуда взявшейся проворностью оно вскочило на ноги, став ещё больше похожим на представителя известного восточного единоборства. Живот покрывали чёрные пятна самых разных форм. В свете окна Хизер увидела, как в самом центре брюха зияет большая дыра, пробитая зарядом дробовика. Вокруг раны спеклась кровь, но её было на удивление мало.

«Опухоль» начала вертеть головой и замерла, заметив обидчицу, вжавшуюся в ступеньки лестницы.

- Чтoб тебя! – закричала Хизер, пытаясь достать дробовик через поручни. Прятаться уже не имело смысла – её запалили. Самое трагичное было то, что она могла касаться дерева приклада, но ружьё лежало на полу таким изысканным образом, что совершенно не позволяло ей себя поднять.

Тварь сделала первый шаг. Щелки глаз недобро дёрнулись вверх.

Беги вверх! – заорал мистер Здравый Смысл.

Бери ружьё, - невозмутимо приказала соседка в голове.

Хизер просунула ноги под поручнями и оттолкнулась вниз. Слава Богу, проём был достаточно широким. Приземлившись, она наконец смогла взять злополучный дробовик.

Монстр сделал ещё один шаг. Теперь он был уже слишком близко, чтобы Хизер попыталась обежать лестницу. Она оглянулась на открытые двери поезда. Если только добежать...

Нет, не стоит, игра не стоит свеч. Нужно стрелять. Патрон нельзя обменять на жизнь.

Но монстр стоял. Хизер шагнула к двери, держа его на мушке. Монстр стоял. Хизер сделала ещё шаг, чувствуя лёгкое головокружение. Монстр стоял.

Когда до поезда осталось три шага, «опухоль» наконец бросилась вперёд. Хизер тоже не осталась в долгу и рванулась к двери. «Опухоль» бежала быстрее неё, удивительно быстро семеня своими толстыми ножками, но Хизер снова сделала его. Она

ворвалась в поезд и не останавливаясь устремила дальше, в другой вагон. Там она будет в безопасности.

Но бежать по вагону ей почти не пришлось. Едва она ступила в вагон, воздух снова сотряс раскатистый гонг – и снова Хизер не разобрала, где он зазвучал. Двери поезда зашипели и захлопнулись прямо перед чудовищем. Не успев остановиться, тварь вмазалась в толстое стекло и легко отскочило, как резиновый шарик. Похоже, она не получила сколько-либо заметного ушиба. «Опухоль» замахала своими ластами, пытаясь разбить препятствие, но на стекле не появилось ни трещины. Хизер наблюдала за ним, устало присев на одно из сидений у противоположного окна.

- Ну как? – спросила она, увидев, как тварь разочарованно сползает на пол платформы. – Не получается?

Тварь в последний раз повернула голову в её сторону без особого интереса. Голова начала свешиваться вперёд. Хизер погрозила ему кулаком и показала язык. «Опухоль» уронила голову между ног и застыла, снова став живым монументом.

Впереди загудел двигатель. Хизер придавило к сидению: поезд начал набирать скорость. Станция за стёклами окон дрогнула и уплыла назад. Серый комок на перроне не двигался. Когда поезд отъехал на безопасное расстояние, Хизер пересела поближе к окну, вжалась лицом в прохладное стекло и следила за монстром, пока тот не скрылся за поворотом вместе со станцией. «Опухоль» так и не встала.

Теперь по обе стороны мелькали только коричневые кирпичные стены. Подземная дорога была непривычно узкой, стены вагона едва не касались сводов. Поезд попеременно кренило то вправо, то влево, и каждый раз Хизер нервно хваталась за кресло. Если поезд сойдёт с рельсов на такой скорости, то добра ждать не приходится. А учитывая состояние рельсов...

Нет, лучше думать о чём-то другом. Хизер положила голову на спинку сиденья. Вот скажем... Интересно, кто управляет этим пустым поездом? Не может же он сам по себе разъезжать по рельсам, исправно останавливаясь на каждой станции. Должен быть машинист. Но Хизер очень не хотела встретиться с тем, кто сидел у руля. Этот человек ничего хорошего ей не принесёт... если это вообще человек.

Свет снова померк. Хизер схватилась за дробовик, лежащий на соседнем сиденье. Почувствовав под пальцами успокаивающий холод металла, она полуприкрыла глаза и начала отсчитывать в уме утекающие секунды. Прямоугольники окон чётко синели на фоне черноты, вагон мчался по неровным рельсам и непрерывно тряся, рискуя вылететь из колеи. Свет зажёгся на пятой секунде, но эти пять секунд показались Хизер бесконечностью. За это время она успела заполнить пространство вокруг себя полчищами неясных теней, протягивающих к ней свои лапы. Вместе с приходом света страхи рассеялись. Хизер увидела, что никого нет, но сказать, что она успокоилась на все сто, было бы неправдой. На всякий случай она придвинула дробовик поближе к себе. Подумала, а не снять ли с предохранителя, но пришла к выводу, что при такой тряске это неразумно. Наконец она нашла компромиссное решение – положила ненаглядное оружие себе на колени и крепко обхватила приклад, как пожилая дама любимого пуделя. Спи, моя радость, усни, хозяйку от врагов защити.

Кстати, а куда она едет? Почему она так уверена, что поезд несёт её домой, а не в прямо противоположном направлении? Хизер попыталась вспомнить, с какой стороны примчался поезд. Кажется, с восточной... Да, точно. Со стороны Колледжа Святой Ренаты, обиталища бесшабашных студентов, которые весной устраивали целые ночные марши по улицам Эшфилда. Значит, она движется в правильном направлении. И следующая остановка - Берген-стрит, дом родной, территория Хизер.

Я еду домой, с блаженством сказала себе Хизер, прикрыв глаза. Скоро всё кончится.

Она повторяла эти слова вновь и вновь, как волшебное заклинание, а поезд тем временем уносил её всё дальше в недра полуразвалившейся подземки.

Глава 14

Хизер настолько расслабилась, откинувшись на мягкую спинку, что начала подремывать. Рёв двигателей и стук колёс уплыли куда-то в туманную даль и доносились до неё, как один убаюкивающий гул. Хизер поначалу честно пыталась сопротивляться нахлынувшей слабости, то и дело поднимая тяжелеющие веки, но с каждым разом делать это становилось всё труднее. В какой-то момент она почувствовала, что лампы погасли и вагон снова погрузился в темноту, но особого беспокойства это у неё не вызвало. Она просто спит, и всё. Ни один монстр не посмеет сожрать её, когда она спит. Она в безопасности... в безопасности...

Хизер спала; голову плавно мотало из стороны в сторону в такт покачиваниям поезда. Ладони разжались, кисть выпустила приклад дробовика и свесилась вниз.

Но сон не принёс ей желанного спокойствия - это мог бы понять любой, кто посмотрел бы на спящую девушку. Дыхание её иногда начинало сбиваться с ритма – да так, что Хизер буквально исходила хрипотой. Глаза судорожно дёргались под закрытыми веками – Хизер едва слышно стонала, потом ворочалась на кресле и до хруста сжимала пальцы.

Сны были размытыми и непонятными, как картины в вернисаже. Хизер сражалась одновременно с несколькими огромными чудовищами, которые норовили схватить её и проглотить. Бой обычно начинал заканчиваться в её пользу, но когда победа бывала уже совсем близка, сон подло соскакивал, как игла старого граммофона с заезженной пластинки – и Хизер приходилось начинать всё сначала в противостоянии с новым безымянным чудовищем.

Потом ей показалось, что она уже дома – благополучно преодолела все ужасы ночной дороги и вставляет ключ в дверной замок. Подъезд дома почему-то очень напоминал лестничную площадку торгового центра – всё те же груды жёлтых ящиков, беспорядочно сваленные на ступеньках. Но Хизер не смотрела на них. Нужно было войти в квартиру, пока дверь с номером 102 не исчезла. Она подсознательно отдавала себе отчёт, что всё происходящее на самом деле лишь мираж, и торопилась повернуть ключ, который никак не хотел протиснуться в скважину.

Наконец дверь открылась – совершенно бесшумно, хотя последние два месяца Хизер жутко раздражало поскрипывание петель. Её охватило странное чувство: то ли облегчение, то ли радость, то ли недоумение. Неужели всё так просто? Нет... всё-таки что-то не так. Что-то не так.

Но прихожая убеждала в обратном. Уютная маленькая квартирка, которая была её обителью, сколько она себя помнила. Над входом горел небольшой торшер, бросая на стену оранжевые отблески. Это был её дом.

- Папа? – позвала Хизер, закрыв за собой дверь. В пустом поезде мигнул свет, а в своём сне Хизер с ужасом уставилась на погасший торшер. Прихожая сразу стала чужой и зловещей.

Да... ты права. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

- Папа?... Слушай, здесь творится что-то неладное...

- Шерил, ты вернулась? – странный горловой голос в кухне.

Шерил?

Имя было очень знакомым и родным. Но от него не отдавало ужасом и беспомощностью, как, скажем от «Алессы». Хизер даже не удивилась, что её так назвали. Шерил так Шерил. Какая разница.

Но тот, кто говорил, был не отец. Голос принадлежал какому-то роботу, но не отцу.

Хизер бросилась бежать, на ходу извлекая невесть откуда взявшийся пистолет из кармана. Монстр в кухне, монстр рядом с её отцом. *Они* не смогли прикончить её саму и решили в отместку убить отца. Но этого она не допустит. Не допустит...

- Держись, папа!

Хизер влетела в гостиную и... остановилась. Она была готова увидеть любую картину, сколь угодно страшную, но раскрывшееся действие ввергло её в полный ступор.

В первую секунду она испытала огромное облегчение – отец был здесь, жив и здоров. Сидел за столом, пил чай. Но как следует обрадоваться этому Хизер мешал субъект, который соседствовал с отцом. Уж очень он напоминал тех самых знаменитых зелёных человечков, которые то и дело мелькали в фильмах разряда «Войны будущего».

Монстр?

Если бы он предпринимал хоть какие-либо враждебные действия по отношению к отцу или к ней самой, Хизер размышлять бы не стала. Но инопланетянин казался вполне безобидным, да и отец держался спокойно. словно рядом с ним сидел один из закадычных приятелей (таковых у отца было, прямо скажем, мало). Поэтому Хизер просто стояла и переводила настороженный взгляд с отца на инопланетянина, потеряв способность что-либо говорить.

- Шерил? Что случилось?..

Тот же невозможный механический голос. Странно. Вроде бы рот открывал отец, а не это чудо-юдо...

Отец смотрел на неё с тревогой, ожидая ответа.

- Э-э... – Хизер запуталась окончательно; ощущение сюрреалистичности происходящего возрастало. – В-общем...

Вагон резко накренило на повороте, и Хизер повалилась набок к проходу, растеряв по пути нить своего сна. Хлоп – и в следующий момент она уже заканчивала сбивчивый рассказ о своих злоключениях. Инопланетянин молча сверкал огромными глазами, прислушиваясь к её словам. Отец то и дело кивал и стучал костяшками пальцев по столу.

- Вот и всё, - промямлила Хизер, завершив свою историю. Наверное, она рассказала очень непонятно, потому что на лицах отца и инопланетянина ничего не изменилось. Внезапно она испугалась, что они ей не поверят и вот-вот начнут насмехаться.

Отец невозмутимо глотнул из своей чашки и заговорил. Хизер передёрнуло от ровного механического голоса:

- Бедная ты моя Шерил. Вечно тебе достаётся.

Она промолчала. Что она могла ответить?

- Но ничего. Я знаю, из-за чего это, - отец поднялся со стула и указал на открытое окно. Хизер проследила за движением его руки и увидела косяк разноцветных огней, поднимающихся на ночное небо. – Проклятый Тихий Холм. Думаю, мне стоит ещё разок туда наведаться и покончить с этими убудюдками раз и навсегда.

Самолёты... Нет, не самолёты. Хизер всё пыталась понять, что за хоровод огней появился в небе Эшфилда по мановению отцовской руки. Самолётов такой формы не могло быть. Конические корпуса с мигающими огнями по периметру летели уверенно и быстро, отдаваясь от Эшфилда. Армада держала путь в сторону Новой Англии, куда-то в её лесные дебри.

НЛО.

Летающие тарелки. Хизер посмотрела на молчаливого инопланетянина, по-прежнему пожирающего её взглядом. Вообще-то, вполне разумно – раз у них в доме пришелец, то должен же был он на чём-то сюда прилететь.

Вдруг она поняла, что произойдёт дальше. НЛО направлялись в место, которое стало причиной всех её бед. Как там сказал отец – Тихий Холм, так, кажется? Скоро армада достигнет туманного городка, источающего зло... и тогда нечисти мало не покажется.

И всё это ради неё. Хизер переполнила отчаянная гордость, тем более непонятная, что она понимала, насколько это глупо.

- Папа, ты лучший, - тихо сказала она. Отец театрально поклонился, сияя радостью. Хизер улыбнулась ему и снова посмотрела в окно – туда, где в черной завесе исчезали последние огоньки армады...

... и увидела, что левая занавеска окна неестественно выпирает вперёд...

- Папа, осторож...

Поздно. Человек, прятаясь за занавеской, выскочил из укрытия с победным кличем и нанёс отцу удар в спину широкой деревянной дощечкой. Отец охнул и развернулся; лицо его было искажено болью. Нападающий не стал останавливаться и начал молотить отца снова и снова. Это был молодой человек франтоватой внешности с безумным взглядом карих глаз, со светло-каштановыми волосами и одетый в старомодную зелёную куртку. Каким-то образом отцу удалось перехватить его руку и заломить за спину. Дощечка упала на пол. Хизер хотела броситься на помощь отцу, но странное дело - она не могла сдвинуться с места, словно ноги были пригвождены к полу. Могла только протянуть руки к отцу и кричать:

- Папа!

Инопланетянин безмятежно наблюдал за дракой.

Почему он не помогает? Он же убьёт его!

- Папа!

А потом всё кончилось. Отец, пришельцы, безумец из-за занавески – всё исчезло, как если бы выключили телевизор, по которому транслировался весёлый мультфильм. Хизер напоследок успела увидеть, как отец наконец повалил нападающего на пол метким пинком отпетога каратиста и придавил его ботинком. Видения сменил гонг, раздавшийся прямо над головой и вырвавший Хизер из беспокойного сна, как пробку. Она дёрнулась и мгновенно открыла глаза, ещё не вполне понимая, что происходит. Исписанные цветными мелками стены вагона чуть подрагивали во влажных глазах. Хизер пошарила рукой по коленям и успела взять дробовик, когда пол вагона разорвался душераздирающим скрежетом и поезд мгновенно сбросил скорость почти до нуля. Хизер сорвала с облюбованного сиденья и кинуло в центральный проход. Спросонья она запросто могла бы свернуть себе шею в этом полёте, но, похоже, измученный постоянными толчками и падениями организм уже начал вырабатывать определённые рефлексы. Ещё до того, как тело достигло пола, Хизер успела машинально выбросить руки и вперёд и сжаться в комок, приняв позу эмбриона. Потому удар получился не таким сокрушающим, как можно было ожидать на такой страшной скорости. Боли она не почувствовала совсем – только сильный толчок в ладонях, молнией пробежавший к плечам и там потухший. Одна из ламп на стене вагона не выдержала нагрузку и взорвалась, усеяв спину жилетки мельчайшими осколками стекла (слава Богу, ни один осколок не пробил ткань). Поезд снова заскользил по рельсам с заблокированными колёсами.

Когда апокалипсис кончился, Хизер встала и отряхнулась, скидывая осколки с одежды. Она прибыла. С возвращением в реальный мир, дорогая.

Папа... Что с папой?

Как обычно, сон быстро начал сереть, но Хизер хорошо помнила сумасшедший блеск в глазах человека, вылезшего из-за занавески. С такими глазами ему следовало находиться в психиатрической клинике. Драка с безумцем ничего хорошего не сулила.

Нет, это был всего лишь сон.

Сон не сон, но как она хотела бы оказаться сейчас у себя дома и удостовериться, что с отцом всё в порядке, что он по-прежнему безмятежно спит у себя в кресле. Наверное, Хизер отдала бы за это пять лет жизни, если бы ей предложили. Но никто не предлагал. Так что путь домой приходилось проделывать самой.

Станция внешне ничем не отличалась от прежней. Тот же перрон, словно сошедший с дешёвого фильма ужасов, те же помутневшие рельсы, спящие в вечной темноте, та же металлическая вывеска, покачивающаяся на цепи у выхода. Правда, надпись была немного другой: «БЕРГЕН-СТРИТ».

Хизер, конечно, ничего другого и не ожидала, - но втайне надеялась, что в непосредственной близости от дома кошмар начнёт сдавать позиции, и она высадится в более или менее нормальной станции. Размечталась...

Впрочем, нужно благодарить Всевышнего за ниспосланные им маленькие радости: на платформе не было видно чудовищ, подобных жуткой неузвжимой «опухоли».

Двери услужливо расступились перед ней. Хизер, по наработанной привычке, вышла не сразу, а только после детального изучения всех уголков платформы. Свет окон поезда кое-как рассеивал мглу. Вроде никого.

Едва Хизер отошла на шаг от вагона, знакомый гонг дал понять, что поезд, приютивший её и подаривший полчаса более или менее спокойной жизни, покидает станцию. На этот раз тот, кто сидел в кабине машиниста, даже не стал утруждать себя закрыванием дверей. Поезд так и отошёл с раскрытыми, как звериные пасти, дверями. При такой нещадной эксплуатации срок его жизни был сильно ограничен. Ещё два рейса, и поезд можно списать в утиль.

Хизер попадала в полосу света, потом в полосу тени, потом снова в свет. Наконец мельтешение окон и дверей кончилось, и поезд засосало в дыру тоннеля. Вокруг снова пала тьма. Хизер поёжилась от холода, хотя и не ощутила изменения температуры. Был ли это холод страха?

Бояться нечего. Перрон пуст. Ты сама видела.

Нет, возразила Хизер. *Перрон БЫЛ пуст... Но это не означает, что сейчас здесь никого нет. Может, они только прятались. Они не любят свет, знаешь ли.*

Ну тогда чего ты ждёшь? Скорее наверх!

Хизер затопала вверх по лестнице, дав себе слово, что ни за какие коврижки не будет отвлекаться по пути. Хоть даже поросёнка живьём резать станут. Она уже едва не поплатилась из-за чрезмерной отзывчивости к страданиям бедного потерянного ребёнка.

Большая синяя решётка у прохода была закрыта. Хизер неверящими глазами смотрела на тяжёлую железную цепь с чугунным замком. Изгиб замка словно ухмылялся, довольный произведённым эффектом. Хизер начала со всех сил трясти решётку, хорошо зная, что открыть её невозможно. Решётка не шевельнулась под её комариными усилиями, зато весело заклацали звенья цепи, ударяясь друг о друга. Хизер начала терять контроль над собой. Движения её становились всё быстрее, и наконец она забилась о невозмутимые синие прутья, колотя по ним кулаками. Слёзы, брызнувшие из глаз, потекли по щекам, обжигая кожу. Хизер впервые за этот вечер заплакала в голос. Она сидела на лестнице, опёршись спиной о решётку, плечи сотрясались от рыданий. Она почти дошла, была так рядом от заветной цели, и эта закрытая дверь стала той соломинкой, которая сломила ей спину. Хизер плакала, не боясь, что её могут услышать те, кому не следовало. Она проиграла. Она проиграла, и теперь было всё равно.

Постепенно она выплакала все слёзы, которые у неё были. Сердце по-прежнему ныло, прокатываясь горячими волнами, но глаза высыхали. Хизер всхлипнула в последний раз, вытерла рукавом лицо и подняла голову. Пустая станция, в стенах которой она замурована. Выхода нет.

Выхода нет...

Хизер смыкнула губы, чтобы не расплакаться снова. Но отчаяние, охватившее её, уже начало отползать обратно в нору, уступая место проснувшемуся мистеру Здравый Смысл. Вот он сейчас был очень кстати.

Не надо воды, Хизер. Успокойся. Слезами горю не поможешь.

Тебе-то легко говорить, с обидой возразила Хизер.

Успокойся, тебе сказано. Лучше подумай вот о чём: у тебя же есть дробовик, верно? Почему бы тебе не попытаться отстрелить цепь на решётке? Мощности заряда должно хватить.

Хизер оглянулась. Вот она – цепь, змеёй свернувшаяся между створками решётки. Толстая, как бечёвка. Нет, здесь не справится даже ружьё. Как бы пули не отприкошетили и не попали неё саму. Весёленькая история получится.

Но, с другой стороны, это единственный шанс выбраться из станции. Пока всё было тихо-мирно, но Хизер чувствовала, как вокруг начинает сгущаться неясная угроза. Долго

здесь нельзя было находиться. Если бы при ней был приёмник, она бы сейчас наверняка услышала далёкий треск помех.

Хизер подняла двустволку. Один выстрел. Нужно хорошо подумать, прежде чем жать на курок. Она провела рукой по всей длине цепи, внимательно ощупывая каждое звено. Выбрав звено, щель которого показалась ей наиболее широкой, она приставила левый ствол дробовика к узкому пространству щели. Если выстрел будет хорошим...

Хизер трижды глубоко вздохнула. Ну... с Богом.

Стоп!

Палец замер на курке.

Дура! Ты хоть исследовала платформу на предмет наличия других выходов? Или ты действительно думаешь, что этой чёртовой решёткой всё исчерпано?

Не мешай, цыкнула Хизер. Мне нужно уйти. Здесь опасно. Я только время потеряю.

Хизер, дорогая! Неужели ты никогда не бывала на станции Берген-стрит? Ну-ка, вспомни.

Хизер наморщила лоб. Так-так... Кажется, она пару раз замечала, когда протискивалась сквозь толпу в вагон, маленькую дверь на дальнем конце перрона. Чёрт возьми, да ведь так же! Железная дверь с табличкой: «НЕ ВХОДИТЬ!». Хизер не знала, куда ведёт дверь и для чего используется. Наверное, это не знали девяносто девять процентов посетителей станции. Но дверь была. Она однажды видела, подъезжая к станции, как оттуда вышли мужчины в спецовках – электрики или водопроводчики.

Хизер отставила дробовик, заботливо подняла защёлку предохранителя и спустилась с лестницы. Первые три шага она прошла нарочито спокойно, потом пустилась в бег. Времени оставалось совсем мало.

Дверь никуда не делась. Она по-прежнему пряталась в углу, стараясь быть никем не замеченной. Разве что заросла зелёным слоем плесени. Табличка «НЕ ВХОДИТЬ!» исчезла, остался только чёрный прямоугольный след.

Хизер повернула ручку, уверенная, что дверь плотно заперта. Иначе и не могло быть.

Но она ошиблась. Дверь была открыта... если вдуматься, разве не об этом говорила исчезнувшая табличка «НЕ ВХОДИТЬ»? Заглянув в разверзшийся чёрный проём, Хизер увидела каменные ступеньки, ведущие вниз. На сводах короткого коридора горели лампы, огороженные провололочной сеткой. Судя по всему, это был вход в канализацию или какой-то подземный проход.

Хизер брезгливо скривилась. Канализация... Нет, она не сможет ползать по подземным коридорам, вдыхая аромат сливного бачка. Всему есть предел.

Ладно, Хизер, ладно. Плакаться будешь потом. Времени нет.

Хизер закрыла дверь за собой. Спускаясь вниз, размышляла о том, как вообще можно выбраться из канализации. Сантехника не была предметом её обожания, и познания Хизер в этой области не продвинулись дальше одной-единственной мысли: выход есть везде. Значит, если она будет идти по коридору, то рано или поздно выберется наверх.

На нижней площадке, перед чёрной железной дверью, расплывалось глинистое пятно. Хизер пришлось вжаться спиной в стену, чтобы обойти дурно пахнущую лужу. Присмотревшись, она увидела, что болотная масса сочится из щели под дверью.

Ну что... откроешь?

Хизер помедлила, борясь с затаившимся в душе отвращением. Бежать, конечно, больше некуда, но, Боже, как не хотелось ей войти в этот мир тухлятины и гнили.

Дверь, оставшаяся сзади, скрипнула. Хизер оглянулась. Дверь была чуть приоткрыта, но снова захлопнулась, как только она обернулась... даже на таком расстоянии обдав её порывом холодного ветра.

Ну всё, всё. Хизер дёрнула на себя чёрную дверь. Она не шелохнулась. Хизер потянула снова, на этот раз с ощутимым усилием. Дверь немного сдвинулась, взорвавшись душераздирающим скрипом, словно провели вилкой по тарелке. Похоже, её не открывали так давно, что шарниры окончательно заржавели.

За дверью был ещё один коридор, на этот раз уже без освещения. Воздух отдавал затхлостью и каким-то кислым запахом. Прямо за порогом расплывалась большая лужа – не перепрыгнуть, не обойти. Хизер несколько секунд смотрела на колыхающуюся гладь с комочками чего-то, подозрительно напоминающего дерьмо, потом сглотнула слюну и сделала шаг вперёд, погрузив левый сапожок в воду. Кожа сапожка была хорошая, водонепроницаемая, но Хизер всё равно передёрнуло. Неприятно было не столько почувствовать соприкосновение с отвратительной жижой, сколько осознавать, что она постепенно опускается всё ниже и ниже, становится готовой на всё. Ещё днём она была обычной девушкой, считавшей святым ритуалом принятие душа перед сном и двухразовую чистку зубов... а теперь стояла по шиколотки в этой воняющей массе. Страшно подумать, на что она будет готова под утро.

Как бы это ни было трудно, Хизер закрыла и эту дверь. Это ненадолго задержит потенциальных преследователей. Она оглядела дверь в поисках замка или засова, но ничего такого не нашла.

Ну, и куда теперь?

Признаться, Хизер не имела понятия, что делать дальше. Сейчас, когда дверь была закрыта, она осталась в крошечной темноте. Коридор тянулся прямо, растворяясь в тёмной дали, и чем он кончался, было известно одному Богу.

Хизер взвалила ружьё на плечо и пошла вперёд.

Глава 15

Вопреки опасениям Хизер, подземный коридор оказался вовсе не таким грязным. То и дело она чувствовала, как под ногами начинает похлопывать, но рек коричневой жижи не было. Иногда попадались лампы, висящие на низком потолке (Хизер могла дотянуться до них рукой). В их свете она видела серые каменные стены, вызывающие у неё острую клаустрофобию. Всё это время коридор неуклонно шёл вниз. За полчаса пешей прогулки, по расчётам Хизер, она ушла под землю на сто – сто двадцать футов. Хотя она не хотела в этом признаваться, но продолжительный спуск начал её пугать. Несколько раз она подумывала, а не вернуться ли назад, в уют станции. Если бы она не была в твёрдо уверена в том, что её там ждут, то плюнула бы и поплелась обратно.

Воздух стал ещё более спёртым и тяжёлым. Под конец пути у очередной лампы уставшая Хизер присела на корточки, опёршись рукой о дробовик. В груди нарастало сухое першение – наверняка эта смесь из пыли и застоявшегося воздуха влияла на здоровье не лучшим образом. Хизер нарочито закашлялась, чтобы убрать ощущение, будто ей в лёгкие насыпали килограмм песка. Лучше не стало.

Хизер просидела около минуты, опустив голову и уперев взгляд на пол. Постепенно пол начал затуманиваться перед глазами, покачнулся и пошёл волнами. Хизер нехотя протёрла глаза. Что за несправедливость – стоит немного присесть, так накатывает сонливость, которая сейчас равносильна добровольному сложению головы на плаху. Остаётся идти, идти, идти... и так, пока не опухнешь.

Хизер зевнула и встала. Пора. Она как раз брала в руки дробовик, когда далеко позади раздался чёткий звон удара железа о железо.

Хизер нахмурилась и прислушалась. Тишина.

Через минуту звон раздался снова. На этот раз он сместился ближе – чуть-чуть, на самую малость. Но этого хватило, чтобы Хизер почувствовала опутывающую её липкую паутину страха.

Кто-то идёт.

Кто-то страшный к нам идёт.

Вспомнился Брэдбери, главный писатель её детства, – наравне со светлой тоскливой романтикой он умел писать странные рассказы, полные безумия. Некоторые истории были до того жуткими, что маленькая Хизер после их прочтения забивалась под одеяло.

Кто-то страшный к нам идёт.

В рассказе с таким названием описывался громадный зеркальный лабиринт – в нём затерялась старая школьная учительница, не понимающая даже, как она там очутилась. Но она чувствовала, что не одна в этом мире отражений, что за ней кто-то охотится... кто-то ищет...

Хизер сжала спасительное оружие в руках и быстро пошла вперёд, вся превратившись в ухо.

Тихо... Тихо...

Звон. Такой же бесстрастный и неопределённый, похожий на скрещивание двух шпаг. Он прозвучал ближе. Гораздо ближе.

Хизер пустилась в бег. Бежать с дробовиком в руках, когда все мышцы тела гудели от усталости, было настоящей пыткой. Буквально через пару шагов её начала одолевать одышка. Хизер согнулась в три погибели и прижала руки к полыхающему горлу, но не остановилась.

Звон раздался в четвёртый раз – ясно и отчётливо, метрах в пятидесяти. Тот, кто гнался за ней, набирал скорость, догонял. Кто-то страшный шёл за ней.

Быстрее же!

Хизер понимала, что её потуги убежать тщетны. Впереди были километры нескончаемого коридора, стремящегося к центру Земли. Негде спрятаться или укрыться. Рано или поздно преследователь настигнёт её. Она это понимала, но не могла не убежать. Остаться на месте – значит сдаться. Несмотря на всё то, что Хизер пережила этим долгим вечером, она не желала сложить оружие. Ей хотелось жить.

Хизер бежала и бежала, пока у неё не начала кружиться голова. Чтобы не упасть, она оперлась рукой о стену. Звон не повторялся.

Хизер перешла на шаг, а через полминуты остановилась совсем. Сзади было тихо. Оно ушло?

Она обернулась через плечо. Коридор был безмятежен и пуст. Вдали виднелась лампочка, уныло бросающая на пол медный конус света. Никакого движения...

И тут это повторилось. Резкий звук удара железа о железо. Источник звука был шагах в двадцати – тридцати позади неё. Хизер увидела, как на мгновение свет лампочки загородила чья-то широкая фигура.

Теперь уже поворачиваться спиной было опасно. Хизер начала делать шаги спиной вперёд, держа ружьё наготове. Стрелять она уже не боялась, но другой страх, осклизлый и скользкий, как болотная жаба, проник в её душу, заставляя холодеть кончики пальцев. *Я не боюсь*, уверяла она себя, но это было не так. Она боялась, и ствол дробовика беспрестанно прыгал влево и вправо – туда, где Хизер мерещился враг.

В момент высшего напряжения, когда Хизер меньше всего этого ожидала, левая стена коридора вдруг повернула под прямым углом, открыв узкий боковой проход. Она без колебаний свернула туда, прибавив шагу. Это был маленький, но шанс. Она почему-то была уверена, что в открытом противостоянии ей не выстоять против противника, который прятался в темноте – даже с учётом дробовика. Хизер чувствовала, как холодеет кожа от адского мороза, что источал тот, кто скрывался во тьме. Холод леденил сердце и одновременно горячил кровь, заставляя вены сужаться в тонкие макароны. Кто бы там ни был, он был не от мира сего – в нём не было ничего, что связывало его с солнечным светом и голубым небом.

Пройдя несколько шагов в прежней манере, Хизер не выдержала: побежала вперёд, оглядываясь через плечо. Каждую секунду холодная лапа могла опуститься ей на плечо и неумолимо развернуть лицом к себе, вдохнуть в неё этот холод, вытесняя жизнь из тела. Она просила, молила, требовала у Бога, чтобы проход оказался коротким и привёл её к двери... к открытой двери. Боже, ведь это такой пустяк – сделай так, чтобы там была дверь, за которой я буду в безопасности.

В кои-то веки её молитвы были услышаны. За секунду перед тем, как звон раздался в очередной раз, Хизер наткнулась на преграду. Звон прозвучал оглушительно, заставив болезненно дрогнуть барабанные перепонки. Даже после того, как он стих, отзвуки долго носились по тёмному коридору, отражаясь от стен. Хизер лихорадочно ощупывала преграду свободной рукой, отказываясь верить, что это всего лишь стена. Это не могла быть стена. Просто не могла быть...

Ручку двери она нашла ровно в тот момент, когда почувствовала чьё-то присутствие за собой. Закрыв глаза, она нажала на ручку,

(открывайся, открывайся же)

и ручка с готовностью щелкнула, отворяя дверь и пропуская яркий сноп света в коридор. Хизер так и тянуло развернуться и взглянуть на своего преследователя, но она понимала, что это скорее всего будет последним, что она увидит в своей жизни. Кажется, свет не очень понравился тому, кто стоял за спиной – холод, от которого жилетка на спине покрылась льдинкой, подвинулся немного дальше. Хизер воспользовалась замешательством и проскользнула внутрь, в царство благословенного света. Всё произошло совершенно бесшумно, но захлопывая дверь, она услышала тяжёлый тающий вздох.

В первую очередь Хизер позаботилась о том, чтобы запереть дверь (благо она выглядела довольно крепкой и имела внутренний замок) и стремглав бросилась к противоположной стене. Она не могла позволить себе роскошь полагать, что находится в безопасности. Даже под защитой света и толстой железной двери.

Дверь молчала. Никто не пытался выбить её или повернуть ручку, сквозь замочную скважину не пробивался холодный пар. Хизер не сводила глаз с ручки двери, но постепенно возбуждение начало проходить, и, сама не замечая, она присела – на этот раз не на корточки, а прямо на грязный пол. Мысли о том, что от этого может испортиться юбка, казались совершенно детскими.

Что ж, похоже, с одной проблемой покончено. Тварь, гнавшаяся за ней, не смогла проникнуть сюда и ушла.

Но тогда вставал другой вопрос: а что делать теперь?

Хизер оглядела каморку. Большую часть помещения занимали какие-то странные механизмы, которые она даже не заметила, когда вбежала. Громоздкие аппараты с рычагами и истёршимися шестерёнками, как ни странно, продолжали работать, издавая электрическое гудение. В углу Хизер увидела нечто, похожее на пульт управления – панель с множеством кнопок, циферблатов и разноцветных лампочек. Кажется, она попала в какой-то машинный отдел.

Второй двери в комнате не было. Хизер содрогнулась, поняв, что ей придётся снова брести по тёмному подземному коридору и на этот раз почти наверняка столкнуться нос в нос с тварью, которая только что едва не убила её.

Нет, это не решение, а самоубийство. Не может быть, что нет другого выхода. Это ведь пульт управления, так? А пульта обычно устанавливают недалеко от выхода в канализацию...

Хизер испустила радостный возглас, когда заметила крышку люка, прячущуюся в углу. Вот оно, её спасение!

Она быстро поднялась, подошла к люку и начала сдвигать тяжёлый диск в сторону, открывая чёрную дыру провала. Когда диск наполовину был сдвинут, Хизер вдруг отпустила её, зажала нос и отскочила в сторону. От ужасного запаха, вырвавшегося снизу, к горлу подступила тошнота. Вонь быстро наполнила помещение, делая воздух почти непригодным для дыхания. Когда три года назад Хизер вернулась домой с отцом из Бостона, ей довелось узнать, как пахнут протухшие яйца. Она не забыла жуткий срам, исходивший из недр холодильника, и вид почерневшего белка, выглядывающего из-под разбитой скорлупы. Отец немедленно выкинул «виновницу торжества» в мусор, и остаток дня Хизер мыла холодильник, уничтожая следы страшной вони. К вечеру ей всё на свете

казалось пропитанным запахом тухлых яиц. Но этот запах, который шёл снизу, был на порядок отвратительнее. Хизер сомневалась, что на свете вообще есть вонь хуже. Радость оттого, что она нашла выход из каморки, почти испарилась.

Превозмогая себя, Хизер задержала дыхание и склонилась над полуоткрытым люком. Двумя метрами ниже плескалась зелёная вода, в которой плавали какие-то чёрные ниточки. Если она спустится вниз по этой лестнице, то будет стоять по щиколотки в воде. Нет уж, увольте. Она выпрямилась, отошла в дальний угол и позволила себе вдохнуть.

Ну и что делать? Мистер Зоравый Смысл, вы живы?

В голову не приходили никакие мысли. Кажется, верный помощник оставил её, и приходилось отдуваться самому. Хизер ещё раз посмотрела на люк. Конечно, вонь – это не смертельно. При желании она вполне может спуститься в канализацию и пробираться через мили отравленного воздуха. Это укоротит её жизнь на несколько месяцев, зато позволит сохранить её сейчас... Но, Господи, как это противно.

Хизер задержала взгляд на зелёной лампочке, мигающей на пульте управления. Вот если бы пульт мог сделать так, чтобы вся вода исчезла из этой дыры... Кстати, а интересная мысль.

Хизер подошла к пульту поближе и критически оглядела. Тот, кто конструировал устройство, видимо, полагал, что всё тут и так ясно – никаких надписей под кнопками, рычагами и индикаторами. Впрочем, под некоторыми рычажками на левой панели были приклеены выцветшие стикеры с лаконичными надписями чёрным маркером: «УРОВНИ», «ТРУБЫ», «ШЛЮЗЫ», «РЕШЁТКИ».

Так, попробуем рассуждать логически. Хизер последовательно рассмотрела армию кнопок на панели. Допустим, красные кнопки трогать не стоит. Красные кнопки – это святая святых, и всяким прохожим девушкам баловаться ими не положено. И эти большие рычаги тоже. Взгляд Хизер упал на стикеры. Кто-то не поленился наклеить их, чтобы избежать путаницы. Означало ли это, что этими рычагами пользовались чаще всего? Скорее всего. Иначе зачем помечать именно их?.. А какими рычагами ремонтники могли пользоваться чаще?

Люк на полу. Вряд ли даже самые преданные своему делу сантехники лезли в канализацию, наполненную вонючей водой. Воду наверняка как-то предварительно выкачивали.

Хизер ещё раз прочитала надписи, на этот раз останавливая взгляд на каждом. «УРОВНИ», «ТРУБЫ», «ШЛЮЗЫ», «РЕШЁТКИ». Уровни... Что за это могут быть уровни? Хизер не сильно разбиралась в премудростях канализационной терминологии, поэтому решила на время оставить этот вопрос. Следующее – трубы. Оно, конечно, по ним течёт вода, но вряд ли трубы имеют отношение к выкачиванию воды. Шлюзы. Решётки... С первого взгляда ничего дельного.

Шлюзы... Трубы...

А что такое шлюзы? Камеры, которые наполняются водой в зависимости от того, открыты или закрыты клапаны. Хизер предположила, что рычаги со стикером «ШЛЮЗЫ» предназначены для управления клапаны – просто в шлюзах, которых она знала, больше нечем было управлять.

Поражённая догадкой, Хизер подбежала к люку, на время даже забыв о дурном запахе. Наклонившись над дырой, она снова увидела внизу воду мутно-зелёного цвета. Вот оно! Хватило одного взгляда, чтобы догадка подтвердилась. Вода внизу не текла, она была стоячей. Значит, под ней находилось шлюзовое помещение.

- Ну-ка, сделаем опыт...

Хизер вернулась к пульту. Над наклейкой с надписью «ШЛЮЗЫ» разместились три рычага, опущенные вниз. На рычагах не было меток, но колебаться Хизер не стала – просто двинула вверх все рычажки один за другим. Когда она дошла до третьего, в канализации загудела лебёдка, начавшая раскрывать закупоренные шторы. На несколько секунд кабину управления заполнил скрежет, раздирающий уши; послышался шум

падающей воды. Хизер заткнула уши мизинцами и стала ждать, пока шум утихнет. Вскоре лебёдка остановилась, и настала тишина.

Молодчина, девочка! Так держать!

Проигнорировав восторженный возглас мистера Здравый Смысл, Хизер подошла к люку. Вода исчезла, теперь она видела внизу только влажный пол, покрытый тонким слоем отложений. Запах не исчез окончательно, он всё ещё парил в воздухе грязной шалью, но стал гораздо слабее – жить можно. К тому же Хизер чувствовала, что начинает привыкать к вони – теперь её по крайней мере не подташнивало от этого аромата.

Довольная собственной сообразительностью, Хизер начала споро опускаться вниз по лестнице. И не заметила, что дробовик остался рядом с пультом управления, прислонённый к стене.

Хизер встала на мокрый пол, чавкающий на каждом шагу. Поднятая дверца шлюза висела перед ней, и последние остатки воды утекали в щель. Шлюзовое помещение имело форму куба. Все стены были измазаны какой-то серой гадостью, так что Хизер предпочла остаться в середине. Чем-то шлюзовая камера походила на тюремную одиночку. Похоже, это был сток для использованной воды – Великий и Ужасный Отстойник. Неудивительно, что вода здесь пахла так, что волосы дыбом стояли.

В камере было темно, но Хизер это особо не беспокоило. Что было довольно странно, ведь ещё вчера она панически боялась темноты - ей казалось, что стоит солнцу опуститься ниже горизонта, город становится Тёмным Местом, по улицам которого бродят толпы злобных призраков. Сейчас она могла сказать, что её опасения были не беспочвенны, но темнота уже не казалась такой страшной, как раньше. Хизер впервые это заприметила, когда бродила по трущобам торгового центра. Ну да, тогда её на минутку испугала мысль: почему меня больше не пугает темнота? Мысль была болезненной, как внезапный взмах лезвием ножа. Сейчас, стоя в шлюзовой камере, Хизер снова вспомнила об этом, но прежних ярких чувств не испытала.

Когда глаза привыкли к темноте, Хизер увидела лестницу, ведущую наверх. Уже хорошо. Наверх – значит чуть ближе к поверхности. Сейчас Хизер мечтала об одном – побыстрее увидеть открытое небо и вдохнуть свежего воздуха. Неважно, где это будет. Глупо она поступила, сунувшись в метро. Хизер дала себе слово больше никогда не ездить в электричках без крайней необходимости. Навидалась она за эту ночь подземелья.

Лестница упёрлась в ржавую дверь, которую не открывали сто лет. А за дверью начиналось царство настоящей канализации, каким её всегда представляла себе Хизер. По широкому каналу невыносимо медленно текла вода оттенка застоявшегося кофе. Тут и там из жижи торчали чёрные обломки, но сколько Хизер ни пыталась различить, что это такое, попытки не увенчались успехом. Запах, слава Богу, был не такой противный, как в шлюзовой камере, но тоже давал о себе знать. По обе стороны канала тянулась пара узких проходов, огороженных проволочной сеткой.

Глядя на этот пейзаж, Хизер живо представила себе паутину, оплетавшую подземелье Эшфилда. В центре города хитросплетения каналов были более густыми и мелкими, а ближе к пригороду выпрямлялись подобно громадным щупальцам, держащим под контролем всё, что происходило. Этаким гигантский осьминог. Отдельный мир, тайный пласт города, о котором мало кто знал. Вовсе не обязательно отправляться в далёкие джунгли или пустыню, чтобы испытать себя на прочность. Просторы канализации прятали в себе такие приключения, что колумбийское сафари показалось бы банальной лесной прогулкой.

И вот ей выпала честь совершить ночной круиз по этим бесконечным лабиринтам. Одна, совсем одна, и даже без оруж...

- Чёрт! – закричала Хизер, хлопнув себя ладонью по лбу. – Ах ЧЁРТ!

Досада была настолько велика, что она несколько раз топнула ногами о решетчатый пол. Как она только умудрилась забыть дробовик? Вот ведь раззява! Она бы ещё голову свою забыла!..

Не переставая проклинать себя последними словами, Хизер развернулась и побежала вниз, перепрыгивая через ступеньки. Хорошо ещё, что вспомнила, пока не ушла далеко. Попробуй тут спохватиться через три мили и проделать дорогу обратно. А здесь хоть неприятно, но...

Хизер взялась руками за лестницу и собралась оттолкнуться вверх, но вдруг замерла, вскинув голову.

Круг света, падающий на влажный пол, исчез. Крышка люка была кем-то задвинута.

Предчувствуя недоброе, Хизер быстро пролезла наверх и попробовала отодвинуть металлический диск в сторону. Так и есть – люк не шелохнулся. Прикручен? Придавлен? Сварен?..

- Что здесь происходит? – прошептала Хизер, чувствуя, как её начинает трясти. – Что – здесь – происходит?..

Глава 16

В воде находится монстр. Он убил двух моих друзей – в этом моя вина. Я не должен был смеяться над старой городской легендой о чудовищах в сточных канавах. Теперь я знаю, что это не выдумка. Но никто мне не верит.

Угловатые, почти каллиграфические буквы аккуратно располагались по строчкам. В почерке не чувствовалось тревоги или страха. Такой же уверенной росписью прилежный ученик выводит на доске решение уравнения. Но тем чётче ощущался страшный смысл записки, нацарапанной на жёлтых листках, вырванных из блокнота. Спустя годы исповедь дождалась своего читателя, и Хизер с замиранием сердца перевела взгляд на следующие строки:

Неужели они были пьяны? Или, может, спали?.. Нет, они были не настолько глупы, чтобы напиться и дрыхнуть в таком месте. Но оно добралось до них. Оно... Это невозможно назвать даже монстром. Это что-то другое. Всё, что я знаю... это что-то другое.

Хизер посмотрела на дверь с приколоченной на ней картонной табличкой. На серой бумаге расплывались кроваво-красные буквы, грозно возвещавшие: «ОПАСНОСТЬ! НЕ ВХОДИТЬ!». Автор записки покинул комнату через эту дверь, сочтя своим долгом предупредив всех тех, кто попадёт сюда.

Я иду прикончить эту тварь. Если вы найдёте эту записку, считайте её моим завещанием. Да, месть тщетна, но Джо и Джейм были моими лучшими друзьями. Я должен это сделать.

В комнате было прохладно, но у Хизер на лбу выступил пот. Как она хотела верить, что отчаянному герою удалось благополучно свершить месть за своих товарищей. Но разве тогда она читала бы эту записку? Вся обстановка комнаты говорила, что её покинули в страшной спешке... и больше не возвращались. По полу были разбросаны какие-то документы, большинство бумаг – карты канализационных коммуникаций. Хизер они ничем помочь не могли: все карты были напичканы непонятными символами, и разобраться в этих иероглифах не представлялось возможным. На деревянном столике царил настоящий бардак – объедки консервированной рыбы, заплесневелые буханки чёрного хлеба, несколько колод карт и даже магнитные шахматы. На зелёной учительской доске, прислонённой к боковой стене, Хизер увидела выведенную мелом стрелку, указывающую на входную дверь. Под стрелкой было одно слово: «УХОДИ».

Записка лежала в уголке стола. Похоже, она была написана давно – чернила успели почернеть и выцвести, но слова были хорошо различимы в свете небольшой абажурной лампы. Хизер стала читать последний листок:

Если бы я только знал, как это сделать. Пистолет вряд ли будет хорошим оружием под водой. На нож тоже уповать не приходится. Если бы у меня была граната... Хотя откуда у меня граната?

Всё. На этом текст обрывался. Подписи не было. Хизер заботливо положила листочки обратно на стол. Мало вероятности, что в эту дыру забредёт кто-то, кроме неё, но подвергать опасности будущих посетителей не стоит.

Забота о жизни других – вещь, конечно, хорошая, но Хизер сейчас следовало в который раз подумать о своей собственной жизни. Справа от неё была дверь с кровавой запиской, слева висела стрелка, приказывающая уйти. Уйти и вернуться, признав своё поражение. Ваш выбор, мисс. Смотрите не ошибитесь.

Ничего страшного не будет, если я загляну за дверь.

Не успела мысль перетечь в действие, как её место заняла другая: *Это последняя ошибка многих смельчаков.*

Хизер сорвала табличку и швырнула её на пол. Всё, хватит с неё указаний. Нужно действовать по собственной воле.

Лампа в помещении, которая находилась за дверью, была разбита. Хизер могла видеть только тёмную водную гладь, переполняющую канал, и узкую полоску мостика, перекинутую с берега на берег. Если бы не записка, она легко и непринуждённо пробежала бы на ту сторону, но сейчас...

В воде находится монстр. Он убил двух моих друзей.

Хизер нагнулась, чтобы увидеть, далеко ли до дна. Подойти близко к краю она не решилась, поэтому видно было очень плохо. Вода явно была не мелкой. Хизер огляделась по сторонам в поисках какой-нибудь трубы, чтобы опустить в канал. Конечно, ничего поблизости, когда надобно, не было. Единственное, что она заметила – круглый пяточок розетки рядом с дверью.

Поверхность воды не шевелилась. Никаких кругов, расходящихся волнами, или воздушных пузырьков, вырывающихся вверх. Полная безмятежность. Пойти, что ли?.. Хизер начала колебаться. В конце концов, она сама видела – записка считай что доисторическая. Мир меняется... а с тех пор много воды утекло.

Теперь я знаю, что это не выдумка.

Чёртова записка! Как часто нам сообщают сведения, без которых мы бы прекрасно обошлись.

Как можно заставить выдать себя чудовище, которое затаилось на дне? При условии, что оно там есть, конечно.

Вообще-то, есть способы. Можно, например, кусок мяса в воду кинуть, чтобы монстр отреагировал. Мясо – это безотказно. Хищник вряд ли удержится при виде розового кусочка плоти. Беда в том, что кроме окаменевшего ржаного хлеба, ничего съестного тут нет и в помине. А хлебом чудовище приманивать – только воду мутить. Предпочитаем свежатинку...

Но почему именно еду? Она что, кормить, что ли, его пришла? Почему не что-либо другое? Ну скажем...

Хизер нехорошо улыбнулась. Оборачиваясь назад, она бросила последний взгляд на тёмную воду, скрывающую под собой неизвестного врага. Похоже, есть-таки способ выкурить его оттуда.

Вернувшись в комнату с запиской, она бесцеремонно выдернула шнур настольной лампы из розетки. Стол, доска, записка – всё тут же скрылось во мгле, но Хизер не обратила на это внимания. Сорвать абажур было легко, но вот при выкручивании лампы

из патрона возникли проблемы. Лампа не хотела поворачиваться. Хизер изо всех сил крутила лампу то в одну, то в другую сторону, но та сиднем сидела в заржавевшем патроне, не желая покинуть своё пристанище. Наверное, три-четыре минуты напряжённого пыхания дали бы результат, но Хизер утруждать себя не стала. Размахнувшись, она просто ударила лампой о ближайшую стену. Стекло лопнуло с негромким возмущённым хлопком. На пол посыпались острые крупички.

Хизер снова подошла к каналу. Вода была абсолютно неподвижной – казалось, что по этой тёмной глади при желании можно прогуляться пешком, не боясь провалиться. Хизер присела у края и начала опускать лампу в воду, придерживая за шнурок. Лампа ударялась о стенку канала с тихим хрустальным звоном. Когда провод опустился на три фута, Хизер посчитала, что этого должно хватить. Она недавно читала в газете статью о том, как человека убило электробритвой. Несчастный имел обыкновение бриться, сидя в ванной. В последний день своей жизни он после обычной процедуры поставил электробритву на поддон ванны. Бритва не удержалась на намыленной поверхности и скользнула вниз, в воду. А ведь напряжение было совершенно пустяковое по сравнению с лампой...

Хизер на ощупь нашла круглый корпус розетки. Когда она подвела вилку к розетке, провод натянулся, чуть приподняв лампу. В воде по-прежнему не было никаких признаков жизни.

- Начинаем концерт, - объявила Хизер и воткнула штырь.

Последовала ослепительная голубая вспышка. Хизер зажмурилась и прикрыла руками глаза, боясь, что может ослепнуть. Но вспышка быстро угасла – его сменило сухое потрескивание электричества. Тёмная вода, которая только что казалась вечно неподвижной, пошла волнами, и в глубине заиграли белые искорки, вспыхивающие и растворяющиеся в чёрной бездне. Хизер показалось, что она услышала низкий рёв где-то внизу, но не была уверена, что это и в самом деле так. Но внизу что-то было – она увидела огромные воздушные пузырьки, устремившиеся вверх на поверхность. Под мостом билось в судорогах нечто огромное, спавшее, может быть, целые столетия. По мере того, как из лампы исторгалась всё большая и большая доза смертоносного электричества, волны начали спадать. Наверное, монстр уже был мёртв, но Хизер для верности подождала, пока поверхность воды не выровняется окончательно. И когда мир и покой в канале стало нарушать лишь мерное гудение, она выдернула провод из розетки, увидела расплавленную, пахнущую гарью изоляцию и с отвращением бросила прочь. Провод змеей прополз за лампой и плюхнулся в воду.

Потом, когда Хизер проходила по мосту на желанную другую сторону канала, она увидела колыхающееся под водой белое щупальце. Щупальце безвольно обвисло, протянутое в последнем рывке вверх. Оно чем-то напоминало щупальце осьминога, но на кончике вместо присосок были видны какие-то чёрные волоски. Хизер могла хорошо себе представить, как щупальце высовывается из-под воды, раскидывая вокруг блестящие брызги, и молниеносно обвивает несчастного, чтобы утащить в канал - утащить и сожрать. Даже сейчас казалось, что оно вот-вот оживёт, распрямится и в мгновенье толчке полетит к ней... Хизер заставила себя оторвать взгляд от противных чёрных отростков и быстро зашагала по мосту.

Оно... Его невозможно назвать даже монстром. Это что-то другое. Всё, что я знаю... это что-то другое.

Мечь свершилась. Она безнадежно опоздала, но свершилась. Джо и Джейм могли спать спокойно. Но Хизер не испытала никакого удовольствия оттого, что ей выпала честь выступить в роли руки Фемиды. Скорее наоборот - каждый раз после умерщвления очередной твари, насколько бы она отвратительной ни была, в её сердце вкрадывалась необъяснимая тревога, осознание, что она что-то сделала не так. Мысль сидела занозой в голове. Сколько Хизер ни уверяла себя, мол, другого выхода не было, легче не становилось. Наоборот... уверенность, что каждая убитая тварь – будь то червяк в

торговом центре или монстр в сточной канаве - служит очередной ступенькой в уготованный для неё ад, становилась отчётливее.

Боже, о чём я думаю? – одёрнула себя Хизер. Станные мысли, странные и безумные. Почему они упорно лезут в голову?..

За дверью обнаружился новый подземный коридор. Хизер сначала показалось, что попала в тот же самый, что раньше – до того он был похож на прежнего босса, - но этот коридор шёл не вниз, а вверх. Почувствовав, что прогулка близка к завершению, Хизер бодро зашагала вперёд. Первые минуты она вздрагивала от звука собственных шагов – чудилось, что где-то далеко снова раздаётся ужасный звук удара железа о железо. Но на самом деле ничего не было. Коридор был пуст.

Чем больше Хизер поднималась вверх, тем чаще встречались лампы, висящие под потолками. Скоро темнота начала тесниться под натиском грязно-жёлтых лучей, и в какой-то момент Хизер увидела на стене ещё одно боковое ответвление. Было достаточно светло, чтобы она различила лестницу, упирающуюся в канализационный люк. Люк был сдвинут, открывая поистине феерическое зрелище – россыпь звёзд на чёрном бархате неба. Сверху проникал чистый воздух, принося с собой чудесный запах свежести. Это был выход.

Хизер зацепилась дрожащими от волнения пальцами за холодные перила лестницы и оттолкнулась вверх. Всё, прощайте, затхлые катакомбы, чтоб вам лопнуть. Она выиграла бой с их безмолвной властью.

По пути Хизер успела поразмышлять на весьма многообещающую тему - что подумают запоздалые прохожие, увидев, как из водостока вылезает девушка. Посредине улицы. В три часа ночи. Хорошо.

Но когда Хизер высунула голову из отверстия, она увидела, что люк расположен не на улице, а в каком-то дворике. Дворик показался ей отдалённо знакомым, но ночью, как известно, местность видится совершенно другой, так что наверняка она ничего сказать не могла. Не помогала даже полная луна, висящая высоко над горизонтом и заливающая двор неверным голубоватым светом.

Хизер вылезла из люка и отряхнулась. Помогло не сильно: жилетка всё равно осталась кандидатом на выброс в помойку. Если уж на то пошло, от юбки с блузкой тоже осталось всего ничего. Всё испачкано, перепачкано и разодрано.

Понадобится новый комплект, с грустью подумала Хизер, оглядывая одежду. Не то чтобы это был её единственный наряд... но жилетка и блузка были любимыми. Знала бы, что её ждёт – ни за что не стала бы сегодня так наряжаться. С другой стороны, если бы она хоть что-либо знала заранее, то вообще не высунула бы сегодня носу из дома. Знать бы, где упасть...

Хизер огляделась в поисках выхода из двора. Первое, что она заметила - громаду недостроенного здания рядом с собой. Первые четыре этажа были готовы, а вот верхний пятый пока только щерился голым скелетом. Дом показался Хизер знакомым, как и двор. Очень знакомым...

- Ага! – воскликнула она, сообразив, где находится. – Это же стройка!

Разве не этот дом видела она каждый вечер, задёргивая занавеску на окне своей спальни? Дом строили ещё с прошлой зимы под грохот высотных кранов и бетономешалок. Он рос на глазах, набирая высоту, и казалось, близок час, когда муниципалитет Эшфилда может поставить себе галочку за успешное выполнение работ. Но в последнее время строительство что-то застопорилось. Краны и машины ушли вместе с рабочими в синих комбинезонах, и осиротевший дом, мокнувший под дождями, вселял в Хизер тоску. Она не знала, почему дом перестали возводить. Вроде отец говорил, что работы возобновятся следующей весной...

Сердце радостно забилося. Значит, она в двух шагах от дома?..

Выходит, что так. Подземный проход от станции Берген-стрит привёл её напрямик к цели. Редкое совпадение. И очень удачное, что тут скажешь.

Но радость Хизер угасала по мере того, как она обходила двор в поисках выхода. Везде проход загораживала какая-то странная ограда – то ли забор, то ли стена, – накинута толстым белым брезентом. Хизер обошла периметр не менее трёх раз, пока ей не открылась страшная истина: выхода из зоны новостройки не было.

Хизер остановилась у ограды и провела рукой по шершавому брезенту. Откинуть или раздвинуть тяжёлый материал не было никакой возможности. Что за чертовщина?..

Вскинув голову, она недоумённо взглянула на луну. Светлый лик месяца был повреждён – на неё набежала полоса тучи, отрезавшая приличный кусок. Ограда поднималась вверх без малого на сорок футов, растворяясь в голубом мерцании.

- Вы это что, шутите? – спросила она, нахмутив брови.

Хизер! Ты кому это?..

Настороженный голос мистера Здравый Смысл. Хизер не ответила ему. Вместо неё голос подал всезнающий мистер Насмешник:

Не удивляйся, дружище. Это наша девушка общается с Теми, Кто Выше. Понимаешь, в таких ситуациях людям всегда нужно найти виновного, на кого можно всё свалить, и...

- Заткнитесь, - отрывисто приказала Хизер. – Оба.

И огляделась. Вот вход в здание, вот брезент, оцепивший двор. И больше ничего. Хизер почувствовала странную пустоту в груди, словно у неё незаметно вынули сердце и заменили его грелкой с сухим льдом. Наверное, сейчас следовало прийти в ужас, негодовать, кричать... плакать, в конце концов. Но она не могла сделать ни то, ни другое, ни третье. В душе маячило только безмерное удивление и банальное ощущение обманутости.

В одном из окон четвёртого этажа вспыхнул свет.

Хизер запросто могла не заметить этой вспышки, но свет зажёгся как раз в тот миг, когда она в очередной раз возносила глаза к небу. Она не успела различить, электрический это свет либо отблеск от свечи – вспышка быстро погасла, и окно снова окрасилось в цвет дёгтя, оставив за собой сотни вопросов без ответа. Хизер долго стояла под лунным светом, не отрывая взгляд от мёртвого окна; губы беззвучно шевелились, выговаривая слова, которые не понимала даже она сама.

Глава 17

Дома пропитаны теплом и жизнью, покуда в них обитают люди. Жильцы привносят в каменные стены частичку себя, своих чувств, мыслей и страданий. Со временем человек начинает принадлежать своему убежищу ровно настолько, насколько оно принадлежит ему; дом становится в чём-то похожим на него, приобретает свои характерные черты.

Иное дело дом, в котором ещё никто не жил, пусть даже и почти готовый. В каком-то смысле такие дома хуже особняков, где некогда происходили кровавые убийства. Новостройки безлики и бесчувственны, это не более чем бетонные коробки, обставленные мебелью и отрезанные своими стенами от остального мира. И находиться в таких домах ночью – жуткое времяпровождение; не всякий может похвастаться нервами, способными это выдержать. Хизер думала, что за вечер навидалась столько всего, что никакие подворотни напугать её не в состоянии, но, сделав несколько шагов по новостройке, поняла свою наивность. Её не оставляло ощущение, что из углов, пропахших сырой штукатуркой, за ней наблюдают чьи-то злые глаза. Когда она устремляла взор на какой-нибудь угол, дабы убедиться в обоснованности своих страхов, она чувствовала тот же холодный взгляд у себя на затылке. Наблюдатель скакал из угла в угол, не выпуская её из поля зрения ни на секунду, придирчиво осматривая с ног до головы. В конце концов

Хизер плюнула на всё это и пошла прямо, заставляя себя не обращать внимания. Но все эти затянутые тёмным тюлем туалетные комнаты... кухни... спальни... и веющий от них еле заметный ветерок... Дом злобно наблюдал за вторгшимся в территорию чужаком, но ничего сделать не мог.

Электричество в здании ещё не провели, так что Хизер не могла воспользоваться лифтом. Впрочем, если бы даже тот работал, она вряд ли осмелилась бы войти в тесную кабинку. Этим вечером она стала бояться замкнутых помещений и механических агрегатов. Спокойная безопасность подъёма по лестнице была во сто крат лучше.

На лестничной площадке третьего этажа, где витал тонкий душистый аромат древесины, Хизер остановилась, чтобы прочесть табличку на входной двери. Крупные буквы отчётливо блестели при лунном свете. Прочитанное её не порадовало.

ВНИМАНИЕ!

Вход на третий этаж временно закрыт в связи с обвалом потолка.

Что за дом, который разваливается при возведении. Хизер недовольно покачала головой. Строительнички. Вообще-то, ей не было дела до местных архитектурных проблем, но табличка предвещала плохие новости. Она убедилась в этом, преодолев ещё двадцать ступенек.

ВНИМАНИЕ!

Вход на четвёртый этаж временно закрыт в связи с обвалом пола.

На всякий случай Хизер подёрнула запертую дверь. Бесплезно – то ли чем-то заклинили с той стороны, то ли заперли на ключ. Четвёртый этаж был недоступен.

Ну и ладно, подумала Хизер, отпуская ручку двери. Невелика беда.

Но всё-таки она чувствовала, что ей нужно попасть за эту дверь. Вспышка, которую она увидела, была не случайной... как не были случайными все события этого вечера. Чем дальше Хизер заходила, тем больше в ней росла уверенность – всё, что происходит, неспроста. В калейдоскопе событий вечера вырисовывались очертания системы. Если бы Хизер не была так напугана и сбита с толку, она могла бы заметить её корни с самого начала. Сейчас, когда за её спиной остались мили закоулков, она начала замечать, что её словно всё время направляет чья-то невидимая рука. Всякий раз, когда она оказывалась в тупике и готова была провалиться в полное отчаяние, ей кто-то помогал. Кто-то подавал знак, подбрасывал новую надежду, не позволяя сдаться без боя. Радиоприёмник в лифте, громкоговоритель в станции, дверь, ведущая в канализацию, эта вспышка... Преходящие звенья одной большой цепи, ведущей к цели. Но что это за цель, куда её тащат насильно, раздирая края раны в кровь? Хизер не знала. Зато знала способ исправить своё неведение – просто пройти путь до конца.

Вот почему она должна найти способ попасть за дверь четвёртого этажа. Потому что так надо. А способ должен быть. В конце концов, это всего-то тонкий слой фанеры.

Так, подумав на эту тему. Хизер прислонилась к стене и начала перебирать в уме варианты, как открыть дверь, одна безумнее другой, в надежде, что её озарит внезапная догадка. Время шло. Дельных мыслей не было. Хизер мысленно попробовала поковыряться в замочной скважине куском проволоки, вышибить дверь серией ударов с плеча, вывернуть болты на внешних шарнирах, наконец, взорвать всю конструкцию динамитом, обратив её в пыль. Дверь открывалась, вылетала из петель и с грохотом падала на пол, исчезала в клубах дыма и огня... но по-прежнему нагло загоразивала путь, как верный сторожевой пёс. Не бьёт, не ругает, но в дом не впускает.

Устав от сооружения воздушных замков, Хизер подошла к окну и села на подоконник. На угол лестничной площадки упала её тень, сплюснутая и нелепо разломанная пополам.

Так как всё-таки открыть?

Эх, как легка и приятна была бы жизнь, будь у неё лом или что-нибудь подобное. Наверное, если час-два пошуровать на нижних этажах, то можно найти забытый безалаберным рабочим инструмент, но делать на это ставку не стоит.

Кстати... А зачем ей вообще открывать дверь? Разве дверь – единственный вход на этаж?

Хм, интересная мысль.

Мысль действительно была хорошей. Хизер укорила себя за недалёковидность. Она наступает на те же грабли, что и в станции метро. Зациклилась на одном варианте и даже не рассматривает возможность существования других. Плохо, боец, очень плохо.

Напрашивался очевидный вывод – попытаться попасть на этаж через обвалившийся пол. Хизер представила, как она сооружает баррикаду из ящиков, взбирается на шаткую конструкцию, и вытягивается в струну, пытаясь достать до краёв проёма. Что ж, до этого всё гладко. Это в её силах. Но потом видение забуксовало: Хизер не могла представить, каким образом она вытянет своё тело вверх без твёрдой опоры. Наверное, какой-нибудь отличнице скаутского училища этот трюк показался бы парой пустяков, но не для неё. И потом, вдруг вспомнила Хизер, вход в третий этаж тоже закрыт.

М-да. Жаль, красивая была идея. Но несостоятельная.

Что ещё?.. Как можно попасть в помещение, если дверь закрыта? Ясное дело, через окно.

Можно как-то пролезть в окно, если там балконы. Другое дело, что Хизер не заметила с улицы никаких балконов. А может, с этой стороны здания... Но, опять же, со всеми этими перелезаниями-переползаниями недолго себе и шею свернуть. Шутка ли – четвёртый этаж. Нет, в утиль.

Мысли вернулись к обвалившемуся полу. Нет, в этой идее явно что-то было. Понять бы ещё, что... «Что-то» не хотело уходить и витало рядом, как назойливый комар у уха, не дающий себя поймать.

Хизер напряжённо думала, постукивая пальцами по подоконнику. У неё были все части головоломки, а она не могла сложить их воедино, чтобы получить ответ. Вернулось ощущение бессилия, подкалывающее мозг микроскопическими раскалёнными иглами.

Хизер мучительно вспоминала всё, что видела по пути – всё, что так или иначе могло ей помочь. Видела она много всего... но что именно? Сломанная стремянка у входа? Банки с эмалевыми красками, что пылились в углу второго этажа? Нет, чуть дальше. Дальше...

Пятый этаж. Хизер мысленно увидела голый каркас верхнего этажа, резавший глаза каждый вечер, когда она подходила к окну спальни. Пятый этаж был недостроен...

Есть. Кусочки пазла со щелчком встали на место, но, как ни странно, Хизер не испытала от этого сколько-либо заметной радости. По крайней мере, желания отплясывать буги-вуги в лунном свете и кричать «гоп-гоп» не возникло. Она просто с облегчением приняла тот факт, что головоломка решена. Вот уж точно – головоломка... Голову сломаешь.

Хизер вздохнула и поплелась вверх на пятый этаж. Здесь двери ещё не успели поставить, зато через каждые два шага вдоль и поперёк были подвешены красные ленты с надписями: «ОПАСНОСТЬ! ПРОХОД ВОПРЕЩЁН!». Значит, я была права, удовлетворённо заметила Хизер, проскальзывая под лентой. Работники не успели выложить весь пол пятого этажа. Интересно всё-таки, что там у них стряслось, что все разбежались так скоро?..

Хизер ступала медленно, ощупывая носком ботинка каждый сантиметр пола перед тем, как делать шаг. Будь у неё источник света, дело пошло бы веселее. С этого дня буду везде тащить с собой фонарь, подумала Хизер, проверяя ногой очередной участок. И пистолет. И радиоприёмник. Никогда не знаешь, когда влипнешь в передрыгу. Как всё-таки прав был отец. Словно знал, что рано или поздно так и будет...

По всему пятому этажа был разбросан самый разнообразный мусор. Клочки одежды, бутылки из-под пива, какие-то проволочные ящики, и даже большой грязный матрас от полтораспальной кровати. Не дом, а свалка. После того, как закончится строительство, всё это старательно уберут, вымоют и покрасят, но всё-таки... М-да, когда вселяешься в новый дом, то на радостях как-то не задумываешься о таких вещах...

Стоп!.. Правая нога, вытянутая вперёд, юркнула вниз, не найдя под собой опоры. Хизер, внимание которой было отвлечено окружающим свинством, растерялась и едва не потеряла равновесие. Впрочем, она быстро выровнялась и отступила назад. Похоже, здесь пол кончался.

Хизер вполне могла прыгнуть – до пола четвёртого этажа отсюда было не более восьми футов, но её беспокоило другое. Вспомнив про давешний матрас, она вернулась и притащила его к провалу. От матраса жутко воняло крысятиной. Хизер поддела его ногой, и тяжёлая ткань, набитая ватой, рухнула вниз.

Бух!.. Из провала вырвалось облако едкой пыли, игриво пощекотав ноздри Хизер. Отлично – значит, эта часть пола не обвалилась. К тому же теперь падать будет мягче. Хизер присела на корточки, мысленно пожелала себе удачи и оттолкнулась вниз. Неподвижный серый мир на секунду полетел вверх в стремительном броске – тело охватила непривычная лёгкость... потом последовал сильный удар в пятки. Нервные окончания возмущённо пустили волну боли, прокатившуюся до суставов. Хизер откинулась на матрас, закусив губы и стала ждать, когда закончится расплата. Всё-таки правильно она сделала, скинув матрас... могла бы что-нибудь себе вывихнуть. Не рассчитала высоту.

Ну вот я на месте.

Четвёртый этаж на вид ничем не отличался от первого или второго. Такая же немудрёная планировка, такая же грязь, такие же мрачные углы, имеющие глаза. Хизер встала с матраса, с отвращением отбросила прилипшие к жилетке кусочки грязной ваты и подошла к окну. На подоконнике стоял плоский фанерный ящик, на котором лежали несколько штук длинных гвоздей. Ничего, что могло бы воспроизвести вспышку, которую она видела.

А ты небось «Полароид» ожидала здесь увидеть?..

Чувствуя себя полной дурой, Хизер посмотрела в окно и еле сдержала удивлённый возглас.

Брезентовая стена напротив была порвана. Кто-то вырезал большой кусок ткани, обнажив тёмное стекло окна, прячущееся за ней.

Этот брезент... это была не стена. Это был дом. Дом, обтянутый огромной белой простыней, как саваном.

Глава 18

У Хизер, как у всякого нормального человека, были свои страхи (порой ей казалось, что их даже чересчур много). Так, например, ей становилось не по себе в компании пчёл, стрекоз и змей. Она боялась темноты, огня и ещё почему-то зеркал. Эти вещи ей не нравилось – не столько пугали, сколько вызывали дискомфорт, проволокой сковывающий руки и ноги.

Но чаша боязни высоты, жертвой которого пали миллионы, обошла её стороной. Высоты Хизер не боялась. Как ни крути, этого у неё было не отнять. И теперь она уверенно отталкивалась руками, проползая на четвереньках по импровизированному мостику, сооружённому из трёх металлических балок. Она нашла целый батальон балок в углу комнаты и быстро нашла им применение, перекинув поперёк с одного окна на другое.

Здесь, на высоте пятнадцати метров над землёй, гулял дикий холодный ветер. Сначала Хизер, разгорячённой перетаскиванием тяжёлых балок, он показался лёгким и

приятным, но когда она преодолела половину расстояния, у неё успели заоченеть все пальцы. Надо бы ускориться, подумала Хизер, прибавляя темп. Словно прочитав её мысли, ветер резко набрал силу, с яростным свистом пролетая по узкому проходу между домами. Одна из балок чуть качнулась набок.

Хизер продолжала ползти, обжигая руки о ставший ледяным металл. Достигнув противоположного окна, она увидела, что на ней нет ставней. Сжав онемевшую кисть в кулак, она ударила по стеклу. Удар вышел слабым и гулким. Стекло дрогнуло, но на поверхности не появилось даже трещинки. Хизер ударила ещё раз, чувствуя, что удержаться становится сложнее. Наконец стекло разбилось, но Хизер пришлось ещё пару раз вдарить по осколкам локтями, чтобы полностью расчистить проход. Когда острые края стекла перестали представлять опасность, она пролезла внутрь.

Попала она в маленькую комнатку размером десять на десять футов. Увидев рядом кресло у столика, Хизер тут же плюхнулась в мягкое сиденье и закрыла глаза, наслаждаясь теплом. Пока «гусиная кожа», покрывшая тело, потихоньку спадала, ей в голову пришла почти смешная мысль: *Хм, а ведь я только что совершила преступление.*

Незаконное проникновение в жилище – вот как это называется. Хизер открыла глаза и огляделась. Нет, на жилище не похоже. Скорее, какая-то приёмная... Строгие бесцветные обои, угловатая мебель, педантичный порядок – типичный офис.

Увидев на столике кипу исписанных бумаг, Хизер взяла одну из них и поднесла к лунному свету. Маркированный листок белой бумаги. Наверху Хизер увидела замысловатый вензель, показавшийся ей знакомым. Кажется, такая вывеска висела у входа в Хилтоп-центр.

Точно. В правом верхнем углу был отпечатан адрес конторы – «ХИЛТОП-ЦЕНТР». Значит, она именно здесь – в серой пятиэтажке, куда каждое утро съезжались дорогие машины. Всегда надменный и чопорный, Хилтоп-центр был полной противоположностью простому жилому домику, где жила Хизер. Несмотря на близкое расстояние, Хизер ни разу не навевывалась в своды Хилтоп-центра. И вот настал момент восполнить этот пробел. Что бы она подумала о человеке, который сказал бы ей утром, что сегодня вечером она попадёт в Хилтоп-центр, разбив окно на четвёртом этаже.

Миниатюрный кондиционер, расположившийся на столике, не работал: Хизер щелкнула тумблёром на его основании, но вентилятор не заветерлся. Превосходно, значит, здесь тоже вырубили свет. Расслабляться нельзя. Вполне может быть, на то *они* и рассчитывают – что Хизер обрадуется знакомым местам, потеряет бдительность и начнёт действовать неосторожно.

Хизер вышла в коридор. Темно было - хоть глаз выколи. Все окна были накрыты снаружи толстым брезентом, и лунный свет безнадежно застревал в нём, отражаясь обратно. Она пошла вперёд, полагаясь в основном на внутренний компас. Задача ясна - найти лестницу или лифт, чтобы спуститься на первый этаж. Хотя лифт можно смело отбросить, всё равно он не будет работать. Каждый раз, когда руки нащупывали на стене дверь, Хизер пробовала повернуть ручку, но все двери были заперты. Наконец ей улыбнулась удача – одна из дверей бесшумно отворилась, и Хизер вступила в комнату. В темноте она не видела, что это за комната и насколько она велика.

Будь осторожна, Хизер. А лучше выйди.

Но здесь мог быть выход, и ей не следовало оставить это просто так. Хизер продолжала брести, протянув руки вперёд, как слепая. Буквально через два шага пальцы наткнулись на деревянный шкаф. Впрочем, нет, скорее, на этажерку. Много полок, на которых лежат... лежат...

Хизер не могла взять в толк, что за предметы завалены на полках. Что-то холодное, продолговатое и чуть гибкое. Она погладила одну из этих вещичек, пытаясь примерно представить контуры. Круглый обрубок, расходящийся в конце на несколько мелких отростков. Сколько их? Раз... Два... Пять...

Хизер сдавленно вскрикнула и отдернула руку, словно её обожгло огнём. Желудок скрутило узлом и подбросило наверх.

Рука.

Куча отрезанных рук, брошенных на плахи. И она стоит на луже засохшей крови, которая хлестала вниз из оторванных конечностей...

Хизер сделала шаг назад, но ноги быстро теряли силы, превращаясь в ватные столбы.

Что это за место? Куда она попала?!

Место казни? Камера пыток?..

Палач, чьё лицо скрыто за чёрной маской с прорезями для глаз, опускает топор, и лезвие вонзается в плечо, сминая кости. Несчастный в ужасе смотрит на изуродованное тело и кричит, кричит...

Хи-и-зер! Алло! Какая камера пыток? Какая казнь? Это Хилтон-центр! Это всего лишь ХРЕНОВ ОФИС!

... кричит, а топор уже поднимается вверх, чтобы снова проделать свой недолгий путь. Палач улыбается – его улыбку нельзя увидеть, потому что на лице его маска, но он улыбается, и размахивается, чтобы окончательно отделить плоть...

Вензель!.. Вспомни вензель! Это вензель компании по продаже МАНЕКЕНОВ!

Ужасное видение затуманилось, и Хизер почувствовала: она вернулась. Где бы она ни была, она вернулась и снова стоит в тёмной комнате, где никого, кроме неё, нет. А на полках перед ней...

Хизер вспомнила упругий материал, который мог быть мягкой пластмассой, но никак не человеческой кожей. Тьфу ты, чёрт. Манекены. Ну конечно.

Но в душе она продолжала сомневаться. Уж слишком реалистичным было посетившее её видение. При мысли о перекошенном от боли и страха лице казнимого у Хизер засосало под ложечкой. Это точно манекены? А может...

Ну, девочка, ты даёшь! Иди прикоснись.

Хизер покорно шагнула к полкам и, задержав дыхание, задела пальцем то, что лежало на полке. Пластмасса. Она схватила манекен обеими руками. Всё ясно, это простой манекен, точнее, только его торс – без головы и ног, зато с поднятыми вперёд руками. Вот ещё одна такая же, вот ещё... Почему их так много? И почему все одинаково безголовые-безногие?

Хизер вспомнила холодный взор манекенов в бутике «Маргарита» и чёрные капли крови, стекающие по их подбородку. Ей не стоило об этом думать, потому что она тут же почувствовала знакомую дрожь в коленках.

Ладно, пора уходить. Тут, кажется, склад манекенов, и выход здесь не светит. Хизер повернулась к двери, и за её спиной раздался скрип. Она замерла. Скрип повторился.

Пластмассовые руки поднимаются, приближаясь к её шее...

- Это всего лишь манекены, - громко сказала Хизер. Скрип за спиной прекратился. Вот так-то лучше.

Когда она взялась за ручку двери, в дальнем углу комнаты послышался глухой стук падения. Что-то с шорохом покатило по полу, и Хизер послышался короткий отчаянный крик, оборвавшийся на середине.

Обезглавлен.

Палач вытер топор красным льняным платком и довольно кивнул. На смертоносном лезвии заискрились лучи солнца, выглянувшего из-за туч.

Хизер закричала и пинком распахнула дверь склада. Не переставая кричать, она пробежала весь коридор обратно. Но сколько бы она ни бежала, её настигал тяжёлый топот сапог и безумный смех, раскатывающийся в темноте.

Глава 19

Хизер повернула кран, покрытый медным налётом. На дно ванны посыпались бурые крошки ржавчины. Из горлышка послышался тихий булькающий звук, но вода не текла.

- Я знала...

Хизер посмотрела на соседнюю ванну. На эмалированном дне хрупкой коростой засохла тёмно-коричневая жидкость. Это с равным успехом могла быть грязная вода или кровь. Хотелось верить в первое. Распороть вены, сидя в ванне в Хилтоп-центре, было бы кошунством.

Ряды ванн, выстроенные вдоль стены, просвечивали в темноте бирюзовым оттенком. Хизер не знала, чего она ждёт, но чувствовала – грядёт нечто. Как перед ураганом затихает природа, в душе воцарилось странное спокойствие и умиротворённость, переходящая в апатию. Она стояла и смотрела на испачканное дно ванны, сжимая в руках рукоятку катаны.

Катану Хизер нашла в одном из офисов, там была целая стена, увешанная коллекцией этого экзотического оружия. Некоторые мечи были огромными – она сомневалась, что может поднять их с подставки, не то что унести с собой. А были и такие крошечные, что рядом с ними кухонный нож выглядел гигантом. Словом, богатый ассортимент. Для себя Хизер выбрала изящную катану средних размеров с резной рукояткой из красного дерева. Оружие удобно было держать и носить с собой, да и весило оно всего ничего. По виду казалось, что это безобидная игрушка на баловень пятилетним сорванцам. Но холодная синева острого лезвия мрачно отрицала это. Нет, говорил заточенный металл, никакая я не игрушка. Я есть оружие – вещь, созданная, чтобы забирать чужие жизни. Я буду заботиться о тебе, Хизер, пока ты заботаешься обо мне. Так что... по рукам?

Меч в руках действовал лучше всяких фонариков. Хизер удивлялась, как мало порой нужно человеку, чтобы почувствовать себя защищённым. Она никогда раньше не пользовалась подобной штукой, но была уверена, что постоять за себя сможет.

Хизер попробовала замахнуться мечом. Получалось неплохо – не так красиво, как в фильмах, но если бы под удар попался какой-нибудь монстр, ему несдобровать. Катана, несмотря на свою простоту, была ничуть не менее убойной вещицей, чем пистолет. В чём-то даже лучше, подумала Хизер, обрушивая лезвие сверху вниз. Так больше чувствуешь оружие, признаёшь его частью своего тела, продолжением руки... чего невозможно достичь с пистолетом. Отлично.

Натыкаясь на углы и стены, Хизер побывала в ТАНЦЕВАЛЬНОЙ СТУДИИ МОНИКИ, в АВТОМОБИЛЬНЫХ ЗАПЧАСТЯХ КИМА и в ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНТОРЕ ПРИНДЛА И ЭНОСА, пока не попала в комнату, сплошь обвешанную картинами. Наверное, она так и не увидела бы эти картины, если бы не подобрала зажигалку, оставленную на столике у входа. Щелкнув кнопкой, она увидела на столе разграфленный лист. Наверху был большой заголовок: «РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ЛИСТ», а ниже – «Галерея художественного искусства». Кажется, в Эшфилде с ценителями художественного искусства было негусто: список посетителей обрывался на девятом номере. Хизер усмехнулась. Подумать только, сколько всего напицкано в однуединственную каменную коробку высотой в пять этажей. Ни в жизнь не догадалась бы, что живёт рядом с галереей художественных искусств.

Она бегло осмотрела картины. Большинство из творений, на её взгляд, были непонятными нагромождениями фигур и образов... или она просто не понимает искусства? Хизер не увлекалась искусством, но думала, что с ней согласится подавляющее большинство жителей восточного побережья.

«Репрессор памяти», гласила табличка под первой картиной. Сколько Хизер ни старалась углядеть в беспорядочно нанесённых мазках что-нибудь вразумительное, это ей не удалось. Картину можно было легко воспроизвести, просто закрыв глаза и вода кистью по холсту. Хизер пошла дальше. «Гора». Простой скалистый пейзаж, мирный и успокаивающий, но тоже ничего выдающегося. Под следующей картиной подписи не

было, зато на рамку была прикреплена красная наклейка с ценой. Картина напоминала клетчатую мозаику, наспех раскрашенную в мутные цвета с преобладанием жёлтого. Хизер поднесла зажигалку к наклейке, увидела в оранжевом пламени число 5000 и непроизвольно фыркнула. Неужели кто-то может дать за ЭТО такие деньги? Ей с её половинными ставками и за три года столько не заработать. Боже, что за мир.

«Пламя очищает всё». Хизер не любила огонь, поэтому не сильно огорчилась, увидев, что картины на стене уже нет. Наверное, успели впихнуть какому-нибудь богатею за число с тремя кругленькими. Вместо картины на стене висел только большой кусок белого холста.

Хизер вышла из галереи с чувством подавленности и досады. Она ходит-бродит по всякой клоаке, а тем временем кто-то пишет откровенно шизоидные картины и получает за это бешеные деньги. Жизнь несправедлива, что уж тут.

Ну и какая логика?..

При чём тут логика, мистер Здравый Смысл, огрызнулась Хизер. Сидите в своей пещерке и не высовывайтесь, когда вас не просят.

От воображаемых собеседников толку было всё меньше и меньше. Они давно уже ничем не помогали, зато были мастерами на едкие насмешки. Пропали бы они совсем.

Разве ты ещё не поняла, Хизер?.. Нас ЗАМЕЩАЮТ. Ты нас придумала сама, но теперь уже не можешь контролировать. Потому что ты – это...

... не ты.

Голос сухой и тонкий, в котором сквозит безграничная ненависть и жестокость. Он принадлежал девушке, которую Хизер уже не могла не узнать. Она была близка к ней, чем когда-либо - до такой степени, что могла видеть её одинокую фигурку, теряющуюся в тумане. Девушка оказалась вовсе не такой маленькой, как она думала раньше – лет пятнадцать, но не больше. Лицо девушки осунулось и посерело, щёки впали, образуя жуткие чёрные ямочки, и только глаза горели странным потусторонним огнём, прожигая Хизер насквозь тусклым пламенем. В её чёрных глазах она увидела всю боль, что когда-либо переживало человечество – печаль, страх, безнадежность, ужас... Хизер боялась её... но знала, что ей не удастся от неё сбежать. Куда бы она ни шла, девушка, которую звали Алесса, всегда была с ней. Всегда. С первых дней её жизни.

Уходи, попросила Хизер, обливаясь потом. Уходи. Я ничего тебе не сделала. Я ни в чём не виновата.

На этот раз девушка ничего не ответила. Она медленно уплывала вглубь белесого покрывала; хрупкие контуры размывались, но странным образом её глаза оставались на прежнем месте. Они внимательно следили за Хизер, не собираясь выпускать из виду, наливались кровью, превращались в кусочки угля, полыхающие ярко-жёлтым горячим пламенем...

Хизер пришла в себя, когда огонь метнулся вверх и лизнул её запястье. Вскрикнув, она выронила зажигалку, и пламя немедленно исчезло в темноте. Несмотря на боль в руке, Хизер была рада, что снова вернулась в реальный мир. Кто знает, чем кончилось бы видение, если бы не огонь.

Видение... Слишком красочное и настоящее, чтобы быть иллюзией. Что это?.. Только ли плод её воображения? Но если так... могут ли быть все ужасы сегодняшнего вечера оказаться всего-навсего миражами, которые построил больной разум?

Так сходят с ума.

Хизер мотнула головой, подняла зажигалку (пластмасса на корпусе обуглилась) и пошла дальше в поисках выхода. От комнаты с ваннами её отделяло лишь несколько футов.

Сейчас она в ожидании чего-то неизвестного и страшного смотрела на испачканное эмалированное днище. Да, девушка ушла, растворилась в тумане, но явно была где-то неподалёку. Хизер чувствовала её незримое присутствие.

Секунда. Ещё одна.

В комнате повисла абсолютная тишина. Хизер услышала где-то ровный стук, словно кто-то стучит деревянной палкой о стену. Прислушавшись, она поняла, что слышит биение собственного сердца.

Ещё немного...

Из чёрного круга водостока выползла первая капля крови. Хизер не мигая смотрела, как вслед за ней выглянула ещё одна капля, ещё... Капли слились в ручейки, ручейки в лужицы. И вдруг, словно прорвав плотину, в ванну потоком хлынула алая артериальная кровь, начавшая стремительно подниматься до края. В нос ударил горячий солёный запах. Хизер слабо застонала – на большее у неё не хватило сил. Она не могла оторвать взгляд от завораживающего красного водоворота, но краем глаза заметила, что окружающие стены зашатались и отодвинулись назад. Тончайшие красные нити побежали по полу и потолку, как невидимый паук с ужасающей быстротой плетёт свою паутину.

Что происходит?

На висках защёлкнулся раскалённый обруч, и все мысли испарились в красной колыхающейся пелене. Знакомое ощущение. Хизер упала на колени и сжала голову руками. Это кончится, надо только подождать. Боль прокатывалась в чреве сверху донизу, как цепь бензопилы, она разрывала её на части, расщепляла на отдельные атомы. Хизер до христа сжала челюсти, чтобы не закричать. Ну когда же, когда всё вернётся в норму?

Ванна переполнилась, и кровь выплеснулась на волосы Хизер, отдавшись теплым дождём. Кровь необъяснимым образом заглушала боль. Она почувствовала себя лучше и даже нашла в себе силы приподнять голову. И увидела лицо. В прошлый раз Хизер не узнала её... но теперь... Алесса. Алесса стояла в море цвета крови и наблюдала за ней. Она могла прекратить её страдания - Хизер знала это, но девушка не хотела этого.

- Алесса...

Краснота пропала, и Хизер увидела, что видение исчезло. Вокруг ничего не было. Осталась только абсолютная пустота – высшая истина, откуда когда-то произошли все и куда рано или поздно все попадут.

- Это влияние другого мира.

Мужской голос. Хизер с удивлением узнала своего отца. Голос доносился издалека, прорезая плотную ткань пространства и времени.

- Из мира чьих-то ночных кошмаров они приходят к нам...

Стало темно.

Глава 20

Яркий летний день, пропитанный ароматом одуванчиков. Солнце кажется большим апельсином, подвешенным под голубым хрусталем небосвода. Сегодня апогей жизни на крохотной лесной полянке, затерянной вдалеке от города. Хизер сидит на мягкой траве у опушки и играет с любимой куклой. Куклу зовут Мона, отец купил её два года назад. С тех пор она не признаёт других любимцев.

Отец возится с барбекю у автомобиля, и вскоре по округе начинает разноситься запах жареного мяса, от которого текут слюнки. Хизер втягивает воздух носом, улыбается и подходит к отцу.

- Долго ещё, папа?

- Не волнуйся, дорогая, скоро будем обедать.

Хизер верит ей и, умиротворённая, возвращается к Моне. Мона лежит на траве, уставившись на небо. Хизер берёт её на руки:

- Тебе здесь нравится, Мона?

Мона молчит, и она воспринимает это как согласие. Моне нравится эта поляна. Хизер думает так же. Она не против остаться жить здесь вечно. Их квартирка кажется на этой поляне бесцветной и скучной.

Отец обильно поливает кетчупом румяные шашлыки. Хизер никогда не ела шашлыки, но она не сомневается, что это истинная вкуснотища. Ничего, думает она, скоро я попробую.

Да, жизнь прекрасна, но скоро даже сочные краски природы начинают приедаться. Отец никак не может закончить с шашлыками. Немного посидев, Хизер прижимает куклу к груди и топает к автомобилю.

- Папа, можно я послушаю музыку в машине?

- Конечно, дорогая. Только рычаги не трогай, ты ведь у меня умница, да?..

- Хорошо, папа. Спасибо.

Конечно, она садится не на пассажирское сиденье, а на водительское. Почётное место пассажира достаётся Моне. Несколько минут Хизер увлечённо вращает руль, демонстрируя свой класс Моне.

- Тебе нравится, как я вожу?

Мона молчит, показывая всем своим видом: да, клёво.

- Хочешь поводить?

Отрицательное молчание.

- Ну хорошо. Ты ещё маленькая, вот будешь большая, как я...

Когда первый пыл проходит, Хизер вспоминает, для чего она села в машину, и крутит ручку радио. За стеклом зеленеет свежая трава, поют птички, а динамики изливают ритмичный джаз. Джаз не нравится ей, и Хизер вертит ручку настроек дальше. Огонёк на панели мигает, ловя одну станцию за другой, но ни одна из них не устраивает Хизер. Наконец она натывается на волну, где передают спокойную мелодичную композицию. Хизер слушает радио, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Мона примерно сидит рядом с хозяйкой.

Счастье длится недолго. Скоро приятные аккорды отдаляются, сходят на нет, и ви-джей орёт: «Вы слушаете WBLC – лучшее радио восточного побережья!». Вслед за его словами раздаётся какофония беспорядочных звуков – наверное, гимн радиостанции. Хизер недовольно кривится и уже протягивает руку к панели, когда начинается рекламная пауза и мягкий мужской голос говорит:

- Вы не знаете, как провести ближайшие выходные?.. Вы хотите хорошо отдохнуть без лишней траты денег? А может, вы просто хотите быть наедине с собой на лоне настоящей природной красоты?.. Приезжайте в Тихий Холм – всего несколько часов езды на фоне дикой природы, и вы получите всё, что хотели, и даже чуть больше!

Хизер почему-то не выключает радио и не меняет станцию, а продолжает слушать, завороченная голосом. Она слушала бы вечно, но реклама уже кончилась, и в эфире начинается ток-шоу с какой-то бангорской знаменитостью. Это уже совершенно не то. Хизер вертит ручку громкости до отказа влево, и в салоне наступает тишина. Она снова откидывается на спинку и несколько секунд задумчиво смотрит на зеркало заднего вида. Там виден отец, вытаскивающий шашлыки из мангала. Увидев её, он весело махает ей рукой. Хизер рассеянно кивает... но мысли её заняты другим.

- Интересно, - говорит она, - а хорошо там, в Тихом Холме?

Перед её глазами предстаёт Город радости, весь такой красочный и раскрашенный в жёлтые цвета. Да, она не отказалась бы посетить Тихий Холм... Может, сказать отцу? Но нет, в свои девять лет Хизер уже понимает, когда достигается предел. Она не будет спрашивать у отца, но немного подумать об этом ей не никто не запрещает, так?

- Хотела бы ты побывать в Тихом Холме, Мона?

- Да, - говорит Мона, - очень хотела бы.

Хизер озадаченно смотрит на Мону. Мона уже не валяется на кресле безжизненной тряпкой. Она сидит, выпрямив свою пластмассовую спину, и в свою очередь внимательно смотрит на Хизер. Чёрные локоны блестят в лучах солнца.

Мона раньше никогда не говорила, но если она решила с ней поболтать, то в этом нет ничего плохого. Хизер протягивает к ней руки, но Мона отодвигается назад, подальше от неё. Ну и ладно, думает Хизер

- А ты когда-нибудь была в этом городе?

Мона сверкает пуговицами глаз, и внезапно Хизер начинает пугаться. Она не может себе объяснить, почему ей страшно от своей лучшей подруги... но от Моны тянет холодным воздухом с тяжёлым запахом чего-то металлического.

- Да, я была там, - говорит Мона. – Я была в Тихом Холме. Знаешь, Хиз, я даже родилась там.

- Правда? – спрашивает Хизер, но слова ей куклы уже не интересны. Страх растёт.

- Правда. Это чудесный город, Хиз... Лучшие, чем ты можешь вообразить. Думаю, ты была бы счастлива, если попала туда. Почему бы тебе не попросить отца отвезти тебя в Тихий Холм? Он не откажется.

Хизер немного думает и качает головой.

- Нет. Папе это не понравится. Я точно знаю.

Мона вдруг начинает медленно подползать к ней, и Хизер прижимается к двери кабинки.

- Хиз. Я тебя прошу. Ты ведь меня любишь?

По правде говоря, глядя на Мону, Хизер уже сомневается в этом. Кукла уже не кукла, точнее, не совсем кукла. Её глаза до отворачивания живые и влажные, они ни на секунду не останавливаются, всё время бегают из стороны в сторону. Прозрачные капли воды катятся по розовым щекам, как водопад. И когда Мона приоткрывает рот, Хизер видит там ярко-малиновый язык, раздваивающийся в конце. Это отнюдь не способствует спокойствию девочки. Она не догадывается открыть дверь и убежать, а сидит и до боли вдавливаясь спиной в дверцу.

- Хиз...

Отныне и до конца своих дней Хизер будет ненавидеть сокращение своего имени. Хизер, только Хизер. Никаких уменьшительно-ласкательных.

Мона упирается руками о синий бархат кресла и начинает переползать на водительское сиденье. Хизер близка к обмороку, она не может шевельнуть ни одним членом. Когда Мона поднимает к ней лицо, изъеденное нарывами цвета сырого мяса, дверца энергично открывается, и Хизер кубарем выкатывается наружу. Отец охает и успевает схватить её в охапку, прежде чем она достигает земли. Хизер переполняет безмерное облегчение.

- Осторожнее! Можешь себе что-нибудь повредить.

Отец не злится, просто укоряет, и ей становится стыдно. Она встаёт и поправляет юбочку. Отец нежно гладит её по голове, выказывая, что инцидент исчерпан.

- Великий Обед готов! Пойдём?..

- Да, папа! - Хизер сияет, она вспоминает про румяные шашлыки и всё плохое сминается в крошечную чёрную точку, теряет цвет и насыщенность. Вечером она уже не будет помнить о жутком случае внутри салона. Мона будет по-прежнему лежать в своей кровати и безразлично смотреть на потолок, но Хизер больше никогда не заговорит со своей любимицей.

Но прежде чем уйти в царство неземных яств, она успевает заглянуть в опустевший салон. Мона лежит на пассажирском кресле, уткнувшись лицом в чехол. Просто кукла, совершенно безобидная и давно знакомая. Хизер удивляется, что на неё нашло минуту назад. Но отец уже идёт туда, где на траве разложена белоснежная скатерть, и она спешит за ним, оставив свои страхи здесь, у водительской дверцы.

Хизер открыла глаза. Несколько секунд она лежала, устремив взгляд на ржавый потолок, на котором играли красные отблески огня. Потом, повернув голову, увидела

возвышающуюся над головой ванну (которая тоже порядком проржавела с тех пор, как она видела её последний раз) и вспомнила всё.

Средневековые декорации вернулись. Приподнявшись, Хизер увидела под ногами решетчатый металлический пол, противно звенящий на каждом шагу. Стены стали на порядок уже и ниже, за ними был слышен странный шум, словно там шурует армия крыс. В воздухе витал терпкий запах плесени.

- Господи, опять...

Хизер застонала одними губами и со злобой посмотрела на ванну, виновницу её бед. Следов крови в посудине не было – она вся утекла туда, откуда хлынула. Кран тоже пропал, на месте его зияла дыра.

У неё снова был приступ – точь-в-точь как после разговора с Клаудией. Клаудия. Она была здесь?

- Это тоже её проделки?..

Гневный вопрос повис в раскалённом воздухе. Никто ничего не сказал, но свой ответ Хизер получила.

Клаудия, Клаудия. В чём-то эта сумасшедшая была опаснее, чем Алесса, что жила в её голове. Несмотря на боль и злость, владевшие этой девушкой, сама она была слаба и беспомощна. Ведь до сегодняшнего дня всё было хорошо. Вряд ли Алесса смогла бы выбраться на свет самостоятельно, без посторонней помощи. Хизер после всего случившегося резонно полагала, что третьей силой выступила именно женщина по имени Клаудия Вульф. Клаудия наняла частного детектива, чтобы тот нашёл её. И наверняка не для того, чтобы поболтать в коридоре торгового центра.

Из-под ванны торчала деревянная рукоятка. Хизер сощурилась. Странно, она была уверена, что в очередной раз растеряла оружие. Но катана никуда не исчезла, она лежала здесь, под ванной. Что ж, глупо отказываться от маленьких подарков судьбы.

Подняв катану, Хизер направилась к двери (слава Богу, дверь осталась на прежнем месте и никуда не делась), то и дело нервно оглядываясь. Стены были усеяны решетчатыми пластинами из железа, сквозь дыры которых пробивался рдяный красный свет, как от ночного костра. Отвлечёшься на мгновение, и пластины слетят, открыв путь для очередного монстра. Хизер была начеку, чтобы не попасть впросак.

У двери стояла инвалидная коляска, такая же старая и ржавая, как всё вокруг. На коляске сидела обезображенная детская кукла – волосы выдраны, одежда сорвана, на конечностях видны следы ножевых порезов. Странная комбинация смотрелась устрашающе в своей алогичности. Хизер почему-то захотелось поднять куклу и унести её с собой, освободив от гнета зловещей коляски. Кукла неизвестного пола с надеждой взирала на неё, и глаза казались слишком выразительными и живыми для просто игрушки. Хизер это что-то напомнило, что-то давнее и забытое, но она не хотела сейчас копаться в подшивках прошлых лет. Вряд ли она найдёт там жизнеутверждающие вещи.

Не трогай куклу, Хизер. Ничего не потеряешь.

Лысый человечек был таким маленьким и потерянным...

Хизер прошла мимо коляски и хлопнула дверью. Не время для игр «верю – не верю». В коридоре она увидела чьи-то смутные очертания, но они быстро исчезли в темноте. Ей показалось, что это скорее человек, чем монстр... но в то же время скорее монстр, чем человек. Нечто, завёрнутое в обгоревшую рясу, чья пупырчатая голова напоминала большой кусок глины, скомканный в неумелых руках ребёнка. Всё, путь в ту сторону мне заказан, подумала Хизер и обратила взор на другой конец коридора. Там не наблюдалось полулюдей-полумонстров, но в том же красном костровом сиянии она увидела тёмное пятно, неподвижно лежащее в пяти шагах.

Крепко схватившись за катану и держа её перед собой, как щит, Хизер сделала шаг в сторону пятна. На полу лежало существо, такой таракан-переросток на четырёх лапах, расположенных по бокам. Грушеобразная голова склонилась набок под острым углом, длинный язык выкатился из пасти. На языке засохла жёлтая пена. Хизер опустила катану.

Ещё один труп. К счастью, на этот раз монстра прикончили без её помощи. Поляна расчищена.

Нет, размышляла Хизер, обходя стороной тельце со сломанной шеей, всё-таки, откуда взялись монстры в Хилтоп-центре?.. Не может же это происходить на самом деле. В том же торговом центре детектив Картланд не замечал ничего сверхординарного. Никто, кроме Хизер, не видел того кошмара, что творился в торговом центре. Так сказать, персональный ад.

Тогда...

Дамы и господа! Давайте предположим, что та сумасшедшая, Клаудия, вовсе не серая мышка, каким кажется. Положим, она настолько гикнулась на почве своей веры или что там у неё, что приобрела... да-да, вы не смейтесь... скажем так – необычные способности. Может, наша Хизер до сих пор лежит себе за дверью с кодовым замком и видит замечательные грёзы, которые посылает ей добрая тётя Клаудия.

Мысли неслись бурно и неуправляемо, точно собаки, сорвавшиеся с цепей, но довести их до конца Хизер не успела. Когда она выровнялась с трупом существа, оно ожило и набросилось на её ногу. Хизер не ожидала ничего подобного и потому оказалась совершенно незащищённой перед яростной атакой. Существо разверзло немаленькую пасть и с торжествующим воем сомкнуло челюсти на икрах девушки. Спасло Хизер то, что в последний момент она неосознанно качнулась налево, чуть выставив ногу назад. Зубы «хладного трупа» кляцнули, сдирая полоску кожи с бедра. Хизер закричала от резкой боли и рывком подняла катану вверх. Существо не собиралось отступать после неудачной попытки, оно стремительно ползло вперёд, перебирая ножками. Язык на мгновение выскочил наружу и слизнул кусок кожи, прилипший к передним зубам.

Оно укусило меня!

Хизер мельком увидела кровь, выступившую на краях раны, но вместо страха её обуяла ярость, бурлящая кипятком. Да, оно укусило её, подло прикинувшись мёртвым, но оно за это поплатится. Прямо сейчас.

Катана свистнула, рассекая воздух. Тварь с удивительной реакцией метнулась назад, разминувшись с лезвием на доли сантиметра. Когда сталь со звоном ударилась о решётку пола, оно приподняло голову и направило свои крошечные глазки на Хизер. Она не увидела в поблескивающих чёрных точках ничего, кроме бессмысленного желания убивать. Смотрела бы девушка на себя со стороны, она бы удивилась, обнаружив в своём взгляде то же примитивное чувство. Но она не видела, и это было к лучшему.

- Ну давай, - прохрипела Хизер, - иди сюда.

Она качнула кончиком лезвия, приманивая тварь к себе. Неизвестно, понял чудовище её или нет, но оно снова ринулось в лобовую атаку, пролетев в тени чёрной молнией. Но Хизер тоже была не лыком шита: лезвие катаны проделало недолгий путь вниз и впилося в полосатую спину. Тварь завизжала; лапы подогнулись, и туловище с размаху ударилось об пол, обогрив решётку кровью. Хизер провернула лезвие, не вытаскивая его со спины. Лапы судорожно забили по полу, отскребая ржавчину с металлических прутьев. Хизер в ответ вдавила катану поглубже. Тварь испустила угасающий стон и затихла.

С усилием вытащив меч из спины поверженного неприятеля, Хизер посмотрела на острый кончик. Кровь. Вот и ещё одна жертва Супервоительницы Хизер. Потрясающе...

Нога саднила и кровоточила – тонкие струйки горячей крови уже добрались до лодыжки. Обследовав рану, Хизер нашла, что рана не очень глубокая, но пренебрегать элементарными мерами первой помощи не стоило. Если бы была какая-то ткань, можно было бы перевязать ногу... Рвать одежду не хотелось, к тому же после ночного путешествия лоскутки одежды вряд ли отвечают требованиям асептики.

Остаётся поступить по-плохому.

Хизер выудила из кармана зажигалку. Несколько секунд смотрела на плещущийся внутри бензин, потом решительно приподняла подол зелёной юбки (правда, сейчас юбка

была очень и очень неопределённого цвета). Вот она, рана, длинная и шероховатая. Хизер с ненавистью посмотрела на валяющийся рядом труп. Подумать только – прикинуться мёртвым. И ведь почти добился своего. Такой приёмчик за один день не наработать. Интересно, много ли раз срабатывала ловушка умного хищника?..

Тварь шевельнулась.

Это могла быть только иллюзия, игра взбудораженных после схватки нервов. Но Хизер не стала гадать. Она метнулась к твари, на ходу размахиваясь катаной.

Раз!

Сталь вонзилась в спину чуть пониже прежнего места. Тварь заревела и дёрнулась, пригвождённая к полу.

- Ах, значит, даже так!

Хизер рывком вытащила катану и тут же снова опустила её, на этот раз метя в голову. «Обманщик» неистово затряс продолговатой головкой, пытаясь увернуться от неотвратимо приближающейся смерти.

Два!

Хруст. Вокруг брызнули капли крови. Тварь поникла.

Всё.

- Хотел меня обмануть, да? – прокричала Хизер, нагнувшись к разможжённой голове.
– Обмануть хотел?!

Так получай!

Вроде пинала Хизер не сильно, но безжизненное тело стремительно пролетело в другой конец коридора, описав в воздухе невообразимую дугу. Хизер не стало легче от осознания собственной мощи. Внутри kloкотала энергия, требующая выхода, как кусок подожжённой спиртовой ваты.

Нужно делать. Нужно ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ!

Отчаянный шёпот в голове, повторяющий:

Успокойся. Успокойся. Успокойся...

Хизер застонала, выронила катану на пол и схватилась за зажигалку. Нужно что-то делать, и она знает, что. Будет больно, но придётся вытерпеть ради лучшей жизни в будущем. В конце концов, боль – не самое страшное...

Края раны успели полиловать. Хизер приставила металлический наконечник там, где была видна красная плоть. Она нечаянно задела зажигалкой повисший с краю лоскуток кожи, и нога отдалась мучительной ноющей болью.

Сейчас будет во сто крат хуже...

Хизер сжала зубы и нажала кнопку.

Глава 21

Мужчина сидел, повернувшись боком к входу, и читал старинную книгу. Услышав скрип открываемой двери, он не поспешил приветствовать ночную гостью. Невозмутимо положив книгу на стол рядом со светильником, он развернулся на кресле и с любопытством посмотрел на Хизер. Казалось, он ждал от неё каких-то слов, но она не могла подобрать те слова. Здравствуйте? Как-то глупо. Помогите? Тоже не то: Хизер чувствовала, что этот человек вовсе не тот, который может – и хочет – ей помочь. На вид ему было около тридцати; впрочем, могло быть и больше. На нём был узкий коричневый камзол, давно вышедший из моды, вкупе с белой сорочкой. Ни дать ни взять городской архивариус или, на худой конец, преподаватель университета. Приглаженные волосы, круглые очки с тонкими дужками, рукава, застёгнутые на все шесть пар пуговиц... Внешний вид незнакомца выдавал некоторую придирчивость и капризность. Из-за очков смотрели серые блаженные глаза – умные и пронизательные, но... не добрые, отнюдь. Человек смотрел на Хизер безмятежно и мягко, но не доброжелательно. Словно разглядывал приглянувшуюся вещицу на базаре. Хизер стояла у порога и не знала, что

делать. Несмотря на то, что этот мужчина был первым более-менее нормальным живым существом, что она видела со времён расставания с детективом Картландом, ей захотелось повернуться и выйти вон из этой грязной комнаты.

Впрочем, ей вряд ли дали бы так бесцеремонно уйти...

Налюбовавшись, человек наконец поднял руки в широком жесте. Пальцы у него были тонкие и белые, как у пианиста со стажем. Ногти подстрижены и отполированы...

- Хизер... Тебя теперь так зовут, верно?

Начало многообещающее. Хизер украдкой оглядела комнату. Интерьер был скучным и неоригинальным. Кроме низкого стола и вращающегося кресла выделялась только массивная деревянная этажерка, обставленная толстыми книгами. Почему-то Хизер не сомневалась, что этот тип давно прочитал все тома на полках и теперь только небрежно перечитывает, чтобы не забыть.

Человек сидел и терпеливо ждал ответа. Хизер прохладно спросила:

- А вы кто такой?

На губах собеседника заиграла улыбка:

- Меня зовут Винсент. Не забудь это имя, хорошо?

Хизер смолчала. Винсент, похоже, решил, что девушка не оценила его юмор, и попытался разрядить обстановку:

- Да ты не бойся. Я на твоей стороне.

М-да. Обрадовал, что тут скажешь. После таких слов этому субъекту нельзя верить ни в коем случае.

- Так говорите вы... – Хизер выговаривала слова медленно, не сводя взгляда с лица Винсента. - Но откуда мне знать, что вы не заодно с ней?

Сейчас Винсент изобразит полнейшее непонимание, как и детектив: «Что? Где? Да я никогда...». Но тот отреагировал совершенно неожиданным образом:

- Ты о Клаудии?

Он резко подался вперёд в кресле, едва не столкнув локтём на пол свою драгоценную книгу. От безразличия не осталось и следа. Глаза Винсента гневно засверкали; он сжал пальцы в кулак и яростно затряс ими перед лицом:

- Вот только не путай меня с ней! Клаудия уже совершенно съехала – ей окончательно промыла мозги эта сумасшедшая старуха!

Хизер с изумлением посмотрела на метаморфозы, которые проделали с Винсентом её слова. Что за странный тип... Не лучше той самой Клаудии, которую поносит. Нервный до чертиков, с таким ухо нужно держать востро. Кажется, Винсент уловил её мысли, потому что вдруг перестал махать руками и смущённо улыбнулся. Глаза, только что холодно блестящие, опять стали отвлечёнными и блаженными. Он заискивающе улыбнулся, глянув на Хизер.

- Похоже, с «сумасшедшей старухой» я погорячился. Как ни крути, но она твоя мать...

- Моя мать? О чём вы говорите?

Желание убраться прочь возростало. Её мать... Её мать умерла, когда Хизер была совсем маленькой. Смерть забрала её в своё царство, подкравшись в обличье неизлечимой болезни. Хизер даже не помнила лицо матери, и если бы не редкие чёрно-белые фотографии, что сохранились у отца, у неё не имелось бы никакого представления о человеке, который подарил ей жизнь. Отец не очень любил говорить на эту тему – кажется, он так и не сумел смириться с тем ударом, что нанесла судьба. Иначе он не запер бы себя в четырёх стенах, отгородившись от всего в мире своих писательских фантазий. Иногда Хизер думала, что она – единственная ниточка, связывающая отца с внешним миром, и он зависит от неё не меньше, чем она – от него.

И вот Винсент обзывает её мать «сумасшедшей старухой» и при этом ещё хитро улыбается. Хизер исподлобья уставилась на кристально чистую манжету его сорочки.

Слова о матери её не сильно тронули, но в глубине души остался неприятный осадок. Мать...

Винсент вовсе не собирался просвещать её насчёт тайн её детства. Он лишь понимающе кивнул:

- Так ты ничего не знаешь? Понятно. Гарри ничего тебе не рассказал - скрыл правду, чтобы ты была с ней.

Он небрежно подцепил пальцами пылинку, осевшую на поверхность стола, и кинул её прочь со словами:

- Что ж, это в его стиле. Он довольно скрытный.

Ну это уже переходило все границы.

- Не смей говорить так о моём отце! – сорвалась Хизер. Она угрожающе сделала шаг в сторону Винсента. Рука машинально дёрнулась вверх, и в рассеянном жёлтом свете мелькнуло лезвие катаны. Винсент подался назад на кресле. Катану в её руках он видел раньше, и сказать, что он испугался, было бы преувеличением... но некоторое волнение он явно испытал. Поспешно вскинув руки, он затараторил:

- Извини. Успокойся...

Хизер остановилась и опустила руку, чуть было не отправившуюся в автономное плавание. Чёрт, так недалеко и людей начать резать, как свиней. Страшно...

Ладно. Извинения принимаются. На этот раз.

- Откуда вы вообще знаете моего отца?

Винсент увидел, что девушка успокоилась, и опять вернулся к своей невозможной манере:

- Я всё знаю. Знаю о твоём прошлом...

- Ну так почему бы вам просто не сказать мне, что здесь творится?! – Хизер почти кричала.

Винсент выглядел крайне удивлённым:

- Так ты даже этого не знаешь?

Хизер вздохнула. За кого они её здесь принимают?

- Потому и спрашиваю, - устало сказала она.

В конце концов, ей надоело, что каждый, кого она имела честь встретить в этом странном мире, требует от неё не пойми что, почему-то при этом считая её главной виновницей случившегося. Она не ясновидящая и не супергероиня, и единственное, чего она сейчас хочет – вернуться домой, вырваться из кольца кошмара, которое окружило её со всех сторон. Просто вернуться домой, поплакаться отцу и уснуть под его любящим взглядом. Потом будет легче, даже если это продолжится. Потому что она будет не одна...

Но пока она чувствовала только то, что всё глубже погружается в илистое болото, и немногочисленные свидетели этого не хотели подавать ей руку, чтобы вытащить. Хотя вполне могли бы.

Хизер умоляюще посмотрела на Винсента.

- Если вы знаете всё, как говорите... прошу вас, скажите мне, как покончить с этим. Пожалуйста.

Винсент достаточно умело сделал грустное лицо и приподнялся с кресла. Сидя он казался человеком среднего роста, но теперь Хизер увидела, что он довольно высок. Впрочем, это компенсировалось болезненной сухощавостью.

- Извини, - сказал Винсент. – Но ещё рано. Почему бы тебе не принять всё как есть и не насладиться собой ещё немного?..

Хизер не верила собственным ушам.

- Насладиться?! Вы сказали – насладиться?.. Я же схожу с ума!

Да, а твой собеседник небось уже сошёл.

Винсент сделал шаг к ней, и Хизер попятилась назад, к двери. Она не хотела быть рядом с ним. На первый взгляд это не было заметно, но было в этом человеке что-то

пугающее, как и в Клаудии. Не безудержный фанатизм, но нечто настолько же опасное и мерзкое. Винсент лукавил, утверждая, что не из её лагеря.

- А мне здесь нравится. Есть в этих местах своеобразное очарование... Ты не находишь?

Винсент окинул жестом облувленные стены, на которых колыхались уродливые серые тени. Хизер невольно проследила за его движением, но не заметила там ничего хорошего и уж тем более очаровательного.

- Тебе здесь нравится?! – спросила она, продолжая незаметно пятиться.

Винсент горделиво улыбнулся. В стёклах очков отражался свет лампы, делая невидимыми его глаза.

- Мне здесь хорошо.

Хизер кивнула. Всё понятно.

Когда она повернулась к двери, Винсент обеспокоенно спросил:

- Ты куда? Я хотел бы ещё поговорить...

В голосе слышалось недоумение, маскирующее злобу. Похоже, Винсент не ожидал, что девушка предпочтёт возвращение в мир теней его скромному обществу. Видит Бог, он сам был виноват.

Хизер оглянулась через плечо. Винсент стоял у стола, постукивая пальцами по переплёту книги.

- Я так и знала, что ты с ней.

- Откуда? – возмутился Винсент.

Она пожала плечами.

- Ты такой же... странный.

Прежде чем человек в коричневом камзоле успел что-либо ответить, она толкнула дверь, снизу поросшую серым мхом, и вышла обратно.

Глава 22

Перед комнатой был короткий проход, на который Хизер даже не обратила внимания в прошлый раз. Сейчас рвения идти дальше у неё поубавилось, так что она могла изучить комнатку детальнее. К тому же раненой ноге требовался отдых. Несмотря на аристократичную внешность Винсента, любезности его не хватило даже на то, чтобы элементарно предложить девушке присесть. А ведь он отлично видел её ноги, перепачканные в грязи и крови.

Хизер увидела в углу письменный столик с прогнившей фанерной крышкой. За неимением лучшего он вполне годился в качестве стула. Сев на стол, Хизер медленно вытянула ногу вперёд и положила на поверхность стола, снижая давление на суставы. Вот так хорошо. Нога болела не сильно, но ей казалось, что она невероятно распухла. Это беспокоило. В этих улочках подхватить заражение крови – раз плюнуть... Хизер подумала, что, когда она выберется из Хилтоп-центра, хорошо бы первым делом отправиться в клинику. Хотя нет – всё же домой. Промыть и продезинфицировать рану она может и сама. Главное – выбраться...

Просидев пару минут, Хизер увидела, что из-под подошвы её левого сапожка, который покоился на столе, выглядывает клочок белой бумаги. Нагнувшись, она достала его. Клочок имел правильную прямоугольную форму. Не похоже на случайный обрывок. Пришлось потратить ещё немного горючего в зажигалке, чтобы прочитать короткую надпись, сделанную ручкой:

Найти Святую. Убить её?

Хизер удивлённо подняла брови и перевернула бумагу. Так и есть – это была не записка, а фотокарточка стандартного размера десять на десять.

- Что это? – вырвалось у Хизер, когда она узнала лицо на фотокарточке. Меньше всего она ожидала найти в этой комнате собственную фотографию.

Фокус снимка был немного размыт – снимали наспех, не выдержав экспозицию как следует. Впрочем, оно и понятно: камера явно была скрытой. Хизер была на снимке в той же жилетке, что и сейчас, и стояла, повернувшись боком к камере. Она равнодушно смотрела вперёд, не подозревая, что кто-то в это время щелкает затвором фотоаппарата буквально в двух шагах. Где это могло быть? На улице? В метро?

Если это шутка, подумала Хизер, то очень жестокая.

Она снова перевернула карточку, втайне надеясь, что на обратной стороне окажется пустая белизна. Но надпись никуда не делась, и четыре коротких слова по-прежнему леденили сердце в своей лаконичной жестокости.

Найти Святую. Убить её?

Знак вопроса стоял просто-таки неприлично огромный, с жирной точкой внизу.

Нет, тут шуткой и не пахло. Святая – это она, что бы это ни значило. Важно одно: тот, кто делал снимок, собирается найти её. Найти и убить. Или... уже нашёл?

Что могло означать это фото? И что оно делает у комнаты человека, который божится, что он не в одной компании с Клаудией? Ври больше...

Убить её?

Хизер сложила карточку пополам, чувствуя сопротивление толстой бумаги под пальцами. Потом ещё раз. Когда она вновь расправила фотоснимок, на нём остались две пересекающиеся полосы, сходящиеся на её щеке. Хизер аккуратно порвала карточку сначала по одному сгибу, потом по другому. Ключки упали на пол. Хизер встала, наступив на них подошвами сапог. Подумала, не вернуться ли в комнату Винсента, чтобы поговорить с ним ещё раз, на этот раз более основательно. Но нет, нервы не выдержат. Она может наделать глупостей. Лучше уходить отсюда куда подальше.

Снимка уже не было, но слова остались – непонятные и страшные. Найти Святую... Убить...

Труп убитого монстра исчез. Хизер этому не удивилась. Она брела вдоль коридора, открывала двери одну за другой, видела внутри удручающе одинаковые обветшалые стены и шла дальше. Лестницы всё не было.

Открыв следующую дверь, она увидела на противоположной стене огромную картину. В картине преобладали светлые тона. В самом центре была изображена девушка в ослепительно белом одеянии, протянувшая руки перед собой. На заднем фоне смутно виднелись чьи-то перекошенные лица, но они терялись в исходящем от девушки сиянии. Хизер полузакрывает дверь, чтобы посмотреть на табличку на обратной стороне. Вот она, эта стёршаяся надпись – «ГАЛЕР... ССТВА». До неузнаваемости проржавевшая, но это точно была она.

Хизер вошла в галерею. От картины словно исходил неясный свет, освещающий близкие стены молочно-белыми лучами. «Пламя очищает всё». Хизер осмотрелась и увидела пустые кедровые рамы вместо старых знакомцев - «Репрессора памяти» и «Горы». М-да, в галерее явно произошли кардинальные изменения.

Хизер снова обратила внимания на девушку. Несмотря на название, в картине не было ни малейшего следа огня. Непонятно, почему автор решил назвать картину именно так. Никакой логики. Впрочем, после «Репрессора памяти» это ещё цветочки...

«Пламя очищает всё». Девушка-ангел, вознёсшая руки. Что-то в этом было...

Хизер вытащила зажигалку и нажала чёрную кнопку. Огонь встал неестественно мощно, вспыхнув острой жёлтой пикой. Хизер коснулась картины колышущимся синим кончиком. Холст немедленно занялся, словно был пропитан горючим составом. Ткань горела быстро и без запаха, точно бумага. Фон чернел и сминался, а центральная девушка в белом платье продержалась довольно долго. Но в конце она тоже исчезла в жадных языках пламени, обнажив дверь, скрытую за картиной.

Вот так-то. Совсем как в старых добрых детективах. Хизер убрала зажигалку в карман.

Откуда ты узнала? – спросил мистер Здравый Смысл обиженно. – *Это не я, поверь мне.*

Хизер ехидно улыбнулась. Что ж, время поставить зазнайку на место.

Послушайте меня, мистер Здравый Смысл. Я раньше не хотела портить вам настроение, но вы сами сказали. Да, вы больше не нужны. Кажется, у меня появился куда более могущественный покровитель, чем вы. Я всё сказала.

Но кто?! – возопил собеседник. – *Эта девушка, которая сидит у тебя в голове и крадёт твою жизнь?*

Вот уж чего не знаю, того не знаю.

Хизер отворила тайный проход и вошла, вытянув катану перед собой. Монстров в небольшом помещении, скрытом за галереей художественных искусств, не было. Комната напоминала «бункер безопасности», популярный у богатых параноиков. Если что, можно быстренько юркнуть в спасительную каморку и переждать опасность там, укрывшись от посторонних глаз.

Сюда свет из-за стен не проникал, поэтому Хизер пришлось использовать зажигалку ещё раз. Она с тревогой заметила, что уровень бензина в резервуаре заметно снизился. Не хотелось так быстро пустить на списание столь ценный реквизит.

Но горючее не пропало почём зря. В углу Хизер увидела столик, на котором лежала книга. На обложке был весьма условно нарисован человек в золотой короне – судя по всему, сказочный король. Детские сказки?..

Хизер открыла книгу в том месте, где была заложена картонная закладка. Удивительно, но у неё было чувство, что когда-то она брала в руки эту книгу и читала сказки, в ней собранные. Вот и эта сказка была знакомой. Хорошо знакомой и... забытой.

Давным-давно в тридевятом королевстве случилась большая беда. У ворот самой обычной деревни появилось чудовище. Чудовище было очень страшным и очень плохим. Едва появившись, оно начало хватать жителей, проходящих через ворота, и разрывать их большими острыми зубами. В конце концов все жители оказались заточены в деревне, никто не осмеливался достигнуть ворот. Когда об этом услышал король, он немедленно дал задание своим верным рыцарям уничтожить чудовище. Рыцари выехали на конях, держа путь к деревне. Им не терпелось вступить в бой с чудовищем, но... чудовище не умирало под их смелыми атаками. Мечи и копья рыцарей соскальзывали и ломались об его дублёную кожу. Он отправил себе в пасть всех рыцарей, а затем и их коней.

Услышав об этом, король пришёл в уныние. Он не знал, что делать с чудовищем. В конце концов, решили вызвать самую могущественную волшебницу, известную в королевстве. Она славилась своей добротой. Король умолял её убить чудовище, которое пролегло у ворот несчастной деревни. Жрица приняла его просьбу и направилась к воротам деревни без единого оружия. Увидев чудовище, она начала убеждать его в том, что пожирать людей – это плохо. Но чудовище не слушало её слова: «Заткнись! Я собираюсь съесть тебя!». Когда жрица продолжила говорить, оно пришло в неопишумую ярость и убило её своим ледяным дыханием. Поверженная волшебница пала на землю.

Всё королевство проливали слёзы над гибелью доброй волшебницы. И – о чудо – Бог услышал их горькие причитания, и волшебница ожила!.. Утром следующего дня она открыла глаза, как открывала тысячи раз до этого. И первое, что она сделала, возвратившись к жизни, – снова отправилась в логово чудовища. Увидев её, оно захохотало: «Глупая! Ты снова хочешь умереть?». «Нет, - ответила волшебница, - теперь пришла твоя очередь. Я пришла победить тебя раз и навсегда». Чудовище презрительно усмехнулось: «Мечи и копья не сработают, те рыцари подтвердили бы тебе это. А стрелы и пули меня только раздражат. Я бессмертен, меня невозможно убить!». Но

волишебница не стала извлекать ни нож, ни копья, ни даже стрелы. Нет, она произнесла одно-единственное заклинание: «TU FUI, EGO ERIS». И знаете, что случилось? Чудовище страшно заревело, покрылось пятнами, умерло и исчезло!

Так жители деревни были избавлены от смертельной угрозы. Все они выражали безмерную благодарность доброй волишебнице. Отныне жизнь во всём королевстве стала весёлой и счастливой.

Хизер улыбнулась. Простенькая и наивная история. Из тех, которые читают детям перед сном. Определённо, она когда-то это уже слышала. Значит, чудовище взяло и исчезло за здорово живёшь. Эх, если бы всё в жизни было так просто.

Впрочем... Хизер снова взяла книгу в руки. Нет, не совсем за здорово живёшь. Это «заклинание»... Она провела пальцем по непонятным словам, напечатанным на пожелтевшей странице. TU FUI...

- TU FUI, - прочитала она, шевеля губами, - EGO ERIS.

Похоже на латынь. Интересно было бы узнать, что означает столь могущественное «заклинание».

Пол под ногами дрогнул, и здание сотряслось, как от сильного подземного толчка. Где-то на нижних этажах на пол грохнулось что-то тяжёлое. Хизер увидела, как осыпалась ржавчина, осевшая на стенах тайной комнаты, и ухватилась руками за стол, чтобы не упасть.

Что это было?

Землетрясение? Взрыв? Или её просто в очередной раз начало мутить?..

Хизер поспешила покинуть каморку, пока не стало хуже. Здесь всё равно ничего полезного, и нет гарантии, что дверь, через которую она сюда вошла, не испарится, замуравав её навечно за стенами Хилтоп-центра.

В галерее опять что-то изменилось. Хизер огляделась. Ах да, вот оно что. Все картины вернулись на место – «Гора», «Репрессор», бредятина ценою в пять тысяч долларов... Что это означает?

Хизер открыла дверь в коридор и сощурилась от яркого света, бьющего в глаза. Лампы на потолке заработали во всю мощь. Стены сияли белизной обоев.

Монстры исчезли. Заклинание из глупой детской сказки оказалось отнюдь не детским. Наверное, это было неправильно, но это сработало. Хизер вдохнула воздух, пропитанный едва уловимым запахом канцелярского клея.

Так... а теперь бежать домой. Пока всё хорошо, но никто не знает, надолго ли это. Хизер выискала глазами маленькую дверь с изображением бегущего по лестнице человека и торопливо зашагала вперёд.

Глава 23

Хизер аккуратно вставила ключ в замочную скважину. На секунду её обуял испуг – вдруг ключ не подойдёт, вдруг эта квартира окажется вовсе не её домом, а всего лишь очередным обиталищем чудовищ? Но нет – ключ легко совершил два оборота, замок привычно щелкнул. Дверь отворилась.

Вопреки своим фантазиям, Хизер не влетела пулей под укрытие родных стен, а немного помедлила перед тем, как переступить порог. Сначала она внимательно огляделась, выискивая малейшие признаки чего-либо «неправильного». В длинном коридоре горели лампы, на полу разбросаны обрывки газет. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как она ушла сегодня утром (Боже, как давно это было). Всё так же обыденно. Нет кровавых пятен на жёлтом линолеуме, нет странных потусторонних звуков, а на стенах не вырисовывается красными потёками слово «REDRUM». Хизер напоследок посмотрела на лестничную площадку. Груды почтовых ящиков тоже не было.

Хизер толкнула дверь с золочёными цифрами 1, 0, 2. Шарниры громко, но раздражающе скрипнули. Ещё до того, как узкая щель между дверью и косяком превратилась в проход, она знала, что торшер в прихожей включён. Включён и бросает оранжевые блики на обои.

Хизер вошла в дом, совершенно забыв запереть дверь за собой. Отец сидел у выключенного телевизора и спал. Господи, который час?.. Он даже не лёг на постель! Несмотря на всё, что с ней стряслось, Хизер опять почувствовала у себя в сердце острые зубки стыда. Папа, папа... Не напрасно ты боялся за меня все эти годы. Словно знал...

Так ты не знаешь? Понятно. Гарри ничего тебе не рассказал.

- Папа? – негромко окликнула Хизер, боясь, что может его напугать. Он не проснулся, но ей показалось, что его затылок, выступающий над спинкой кресла, шевельнулся.

Шерил, ты вернулась?

Хизер вздрогнула, когда в тишине квартиры раздался механический голос инопланетянина. Нет, вспомнила она, это было во сне. Инопланетянин, армада тарелок, безумец, дравшийся с отцом – всё только сон. Отец сидит здесь, на кресле, он спит и не собирается пить чай с пришельцами.

- Папа... Послушай. Тут какие-то странные вещи происходят...

Хизер сделала шаг вперёд, ближе к отцу. Он не просыпался. Наверное, видит уже седьмой сон. Может, не стоит будить его прямо сейчас, а рассказать всё утром? В конце концов, ей самой тоже не помешает поспать.

Спать? – возмущённо завопил голос в голове. Спать после всего?! Не проще ли сразу выброситься из окна?

Нет, промедление смерти подобно. Хизер была бы не против, если бы они сейчас же собрались и уехали куда-нибудь в другое место. А ещё лучше – в другой город. А ещё лучше – в другой штат. Туда, где по ночным офисам не гуляют ползучие монстры, прикидывающиеся мёртвыми.

- Ну папа!

Хизер энергично подошла к креслу, чтобы потрогать отца за плечи, но вдруг вскрикнула и зажала рот ладонью. Картины, развешанные на стенах, качнулись, словно по квартире пронёсся порыв ветра.

Под креслом у ног отца на круглом разноцветном коврике расплылась большая кровавая лужа.

Глава 24

Как только Хизер входит в квартиру, она чувствует в воздухе удушливый запах копоти и дыма. На мгновение её охватывает паника: пожар! Она знает, что огнетушитель валяется за ванной, знает, как им воспользоваться, но не спешит доставать красный баллон. Потому что, несмотря на запах, огня нигде не видно. Не слышен треск пламени, пожирающей вещи. Хизер быстро оглядывает плиту, тостер, телевизор... Всё не то. Наконец её взгляд останавливается на двери отцовского кабинета. Из-за приоткрытой двери вырывается тонкая струйка сизого дыма. Уронив пакет с купленными продуктами на пол, Хизер рвётся в кабинет. Сердце начинает биться учащённо. Может, отец ушёл по делам, забыв что-то выключить?

Но отец там. Он спокойно сидит на своём кресле, в глазах его пляшут красные искры. На столе рядом с неизменным «Ундервудом» стоит большая керамическая тарелка, а на ней – толстенная пачка исписанных листов. Языки пламени обхватили уже большую половину бумажной массы, превратив драгоценные слова, за которыми отец корпел день и ночь, в нечитаемый чёрный пепел. Хизер в ужасе смотрит на это зрелище, не в силах вымолвить ни слова.

Отец отрешён от всего мира; он даже не видит, как в комнату вошла дочь. Сидит и смотрит на то, как безвозвратно погибают результаты его трудов. На лице его не видно жалости или сожаления. Хизер боится его потревожить и поэтому стоит на месте. В полном молчании пролетает минута... ещё одна. Огонь сделал своё дело, теперь рукопись уже не рукопись, а горячая горстка праха, горой возвышающаяся на тарелке. Когда гаснет последнее синее пламя, отец, наконец, приходит в себя, вздрагивает, сбрасывая оцепенение, берёт тарелку на руку, встаёт и... видит Хизер у двери комнаты. Это приводит его в замешательство. Он останавливается и ставит посуду обратно на стол.

- Хизер... Я думал, ты придёшь попозже.

- Зачем ты это сделал, пап?

Хизер проходит в комнату и настежь открывает окно. Угарный газ стремительно покидает комнату, и дышать становится легче.

Отец смотрит на пепел, потом на «Ундервуд»:

- Это была плохая книга. Я решил, что её лучше не издавать.

Хизер понятия не имеет, что отец подразумевает под «плохой книгой». Она уверена, хоть и не читала, что все книги, выходящие из-под пера отца, одинаково прекрасны. Но если сам отец так считает, то значит, эта книга действительно не удалась. Хотя, наверное, жалко вот так просто предавать всё огню... Она снова всматривается в лицо отца, надеясь найти там сожаление о содеянном, но видит лишь смущение.

- Понятно, - говорит она. – Только в следующий раз обязательно открывай окно заранее, о'кей? Дышать невозможно.

- Разумеется! – с энтузиазмом соглашается отец; лицо его светлеет. Хизер видит, что он испытывает огромное облегчение, и недоумевает: почему отец так волнуется? Неужели он думал, что она рассердится на него из-за сожжённой рукописи? Конечно, жалко, но книгу пишет отец, и что с ним делать, решать тоже ему. Странно.

Хизер поднимает со стола посуду с сожжённой книгой. Ого, тяжёленькая.

- Я брошу это в мусор.

На секунду отец напрягается, потом кивает:

- Конечно. Спасибо.

Хизер несёт тарелку на кухню, где стоит мусорное ведро, преодолевая по дороге желание заглянуть в жалкие останки некогда увесистой пачки. Но когда она накрывает тарелку над ведром и пепел уже начинает соскальзывать вниз, любопытство берёт верх – она извлекает из-под слоя пепла ещё тёплый обгорелый обрывок бумаги. Большинство слов на листе закончено до полного размытия, и отчётливо видно только одно имя: «Лиза Га...». Наверное, главная героиня, безразлично думает Хизер и осторожно высыпает всё содержимое тарелки в ведро.

Красная дымка вернулась. На этот раз больно не было, и это было страшнее всего. Дымка висела перед глазами Хизер тончайшей газовой тканью, облегла паутиной стены и вещи. Даже кресло, на котором лежало бездыханное тело отца, отливало розовым в её кровавом сиянии. Хизер без сил сделала два шага в сторону отца. Голова его лежала на груди, залитой кровью. На левой стороне рубашки зияла глубокая рана, вокруг которой спеклась кровь. Убийца напал во сне, не дав ему шанса защититься. Отец даже не успел проснуться и заглянуть в глаза тому, кто лишил его жизни...

И снова Хизер показалось, что отец чуть шевельнулся на своём кресле. В душу закралась безумная надежда – может быть, ещё не поздно, ещё не всё... Упав на колени перед креслом, она судорожно коснулась руки отца. Ледяной холод проник через пальцы в самое сердце, замораживая кровь. Нет...

Хизер застонала и уронила голову на ноги отца.

Как... как это так?

Слёзы душили её, но не хотели выступать на глаза. Они оставались внутри, обжигая невыносимой горечью. Хизер вдруг подумала, что она сейчас сойдёт с ума или умрёт. Одно из двух. Она попыталась закричать, не смогла. Крик тоже застревал глубоко в горле, даже не рождаясь. Единственное, что сейчас было ей под силу – это стоять на коленях перед креслом, обнимая тело отца.

Решётки рухнули, сломленные болью, и в темницу девушки, заточённой в дальнем уголке подсознания, хлынул яркий свет. Та, кого звали Алессой, скребла по сгнившим прутьям, выбивая себе путь наружу. В мгновение ока она вырвалась наружу, заполонила разум и слилась с Хизер, подчиняя её волю себе – своей ненависти и своим бесконечным страданиям. Но Хизер этого не знала.

Часы на стене невозмутимо отсчитывали секунды, минуты и часы. Хизер их не слышала. Из-за стёкол окна в комнату заглядывала печальная луна, обезображенная чёрными пятнами. Хизер её не видела. Она имела право быть со своим отцом, который ушёл от неё. Она имела право содрогаться в безмолвном плаче, разрывающем душу. Она имела право уйти в забытье, ставшее для неё единственным спасением – в забытье, которое могло длиться вечно...

Часть вторая

СОЖЖЁННАЯ КНИГА

Я вижу его.

Я вижу его днём и ночью, во сне и наяву. Я вижу его, когда выношу мусор из квартиры или когда лежу поздней ночью на кровати, уставившись в потолок. Я вижу его в солнечных бликах, отражающихся со стен, в каплях осеннего ливня и в безмятежно спящем лице моей девочки. Я хочу его забыть, но не могу. Он всё время со мной, ходит по пятам невидимым призраком, готовый в любой момент всадить нож в спину. Сколько раз я оборачивался в животном ужасе, уверенный – вот оно – и ничего не видел... Но я знаю: он где-то близко.

Тихий Холм. Наверное, я сумасшедший, что не могу стереть из памяти события четырнадцатилетней давности, но с этим ничего не поделаешь. Этот город, Тихий Холм, не отпускает меня из своих холодных объятий. Когда-то на заре веков я, ничего не подозревающий, въехал в туманные просторы проклятого города... и, Боже мой, я думаю, мне так и не удалось оттуда выбраться. Я до сих пор блуждаю по его пустым улицам и нигде не вижу спасительного огонька.

Зачем я всё это пишу? Ведь знаю же, что не осмелюсь показать сие написанное никому... даже Хизер. В первую очередь – Хизер. Она ничего не должна знать, и я даже на смертном одре буду всё отрицать – ради неё самой. Но я не могу больше терпеть – мне нужно как-то выплеснуть яд, накопившийся в душе и отравляющий мой дух. Рассказать всё... И лучше этим «кто-то» будет безмолвный лист бумаги, что лежит передо мной, а не кто-то живой. Лист бумаги не может никому ничего рассказать, он будет просто покорно слушать мои слова, впитывая их в себя.

Моя дочь спит в соседней комнате; я слышу, как она ворочается во сне. Не знаю, что ей снится, но, надеюсь, что-то хорошее. Мне же уже давно снятся только кошмары, причём с удручающей регулярностью. Я привык. Страшные сны имеют силу только ночью, они уходят с первыми лучам рассвета – в этом их замечательная особенность. За это свойство я готов простить самые тёмные ночные грёзы. Потому что знаю – бывают кошмары, которые не хотят уходить, когда просыпаешься... но обо всём по порядку.

Меня зовут Гарри Мейсон – вернее, так меня нарекли при рождении. Уже который год я вынужден скрываться под другой фамилией. У меня плохое зрение, я вынужден носить очки с толстыми стёклами. Зарабатываю на жизнь тем, что пишу детективные романы – один скучнее другого, но определённый круг постоянных читателей я себе таки

заработал. В настоящий момент времени сижу за любимым «Ундервудом» в своём кабинете. На столе горит мощная ночная лампа, поэтому здесь довольно светло, хотя на дворе уже ночь. Я слышу, как высоко на небе воет ветер, гоня мёрзлые облака. Звук неприятный, но чем-то завораживающий.

Никак не могу подобрать, с чего начать... Не то чтобы я плохо помнил события того осеннего вечера – нет, они впечатались в мою память с мельчайшими подробностями. В этом моё проклятие – я всегда всё помню слишком хорошо. В молодости это радовало, но по мере прожитых лет груз воспоминаний, зачастую ненужных, уже прогибает спину... Да, я хорошо помню ночь первого снегопада в Тихом Холме, но моя рука не хочет писать. Она отказывается запечатлеть ту страшную ночь на бумаге. Но, думаю, я смогу подавить этот маленький бунт, если как следует поднатужусь.

Хорошо... Начну.

Стоял обычный осенний вечер. Вообще-то, «обычный» - не совсем верно сказано, на восточном побережье каждый день октября уникален по-своему. Осень в Мэне – вещь совершенно особая, постичь её не могут даже коренные жители. Она поражает своим разнообразием и изменчивостью. В ней есть всё - и золотые кроны деревьев, как в картинах русских художников, и огромные поседевшие поляны, и юркие лани, скрывающиеся меж голых стволов. Охотники не упускают своего шанса: то и дело в лесах можно услышать грохот выстрела, сбивающий жёлтые листья.

Температура той ночью опустилась до минусовой отметки, и, глядя на покрытые коростой льда лужицы у дороги, я подумал о том, что скоро вполне может пойти снег. Мысль, конечно, абсурдная, учитывая, что в здешних местах снегопад начинался в лучшем случае в конце ноября. Но небо было таким тёмным и прозрачным, а звёзды такими бескомпромиссно яркими, как бывает только перед большим снегом. Снег был мне не на руку; я с ужасом воображал, как мне потом придётся возвращаться по узкой дороге, на которой подтаивает свежеснеженный снег. Гололёд - и то лучшие условия.

С этими мрачными думами я взглянул на Шерил. К моему удивлению, она не спала; её чёрные глаза-бусинки были открыты. К груди она прижала книжку, которую начала читать ещё дома. Закладка была заложена на половине. Меня распирала гордость за свою девочку: в конце концов, много ли в наше время детишек, которые читают книжки в семь лет по собственному желанию? Как и всякий родитель, я в душе питал скромную надежду, что моя дочь окажется вундеркиндом. Шерил пока эту надежду не разочаровывала.

Заметив, что я смотрю на неё, она улыбнулась, но ничего не сказала. Сегодня она вообще была необычно молчаливой. Обычно её ротик не закрывался часами – Шерил в жару увлечения рассказывала мне сначала одно, потом переходила к чему-то другому, не менее интересному, чтобы опять вернуться к первому. Мне следовало бы догадаться, что с ней что-то не так. Но я, глупец, думал в то время только о дороге и о том, как бы не съехать в кювет. Впрочем, на один вопрос моей заботливости хватило:

- Шерил, не хочется спать?

Она замотала головой и уставилась в чёрное стекло окна – туда, где мелькали проносящиеся мимо отметки миль.

«Ничего, - подумал я, - пейзаж тебя миглом убаюкает».

Несколько минут я ни о чём не размышлял, полностью сосредоточившись на дороге, которая тянулась в темноте серой лентой. Время было позднее. Мне, в отличие от Шерил, хотелось спать. Прошлой ночью спал крайне мало - занимался подготовкой к предстоящей поездке. Лениво покачивая баранкой руля, я со сладким предвкушением представлял, как буду нежиться на кровати отеля. Я не знал, что пройдёт ещё много, очень много времени, пока я не осуществлю эту свою мечту. Я не знал ничего из того, что ждало меня впереди, и следил за полосой асфальта, ставшей для меня дорогой в ад.

А знала ли Шерил?... Могла ли она догадываться? Я много думал над этим все годы, но ответа не знаю до сих пор. Она в самом деле казалась вялой и отрешённой, но в глазах моей девочки я видел такой привычный живой огонёк. Она изучала затянутую тьмой

местность с огромным интересом, жадно вылавливая взглядом каждую деталь. Я было подивился этому, но довольно скоро нашёл объяснение – просто Шерил интересно, что за местность, где она будет отдыхать, вот и всё. Она никогда раньше не бывала в курортных городах, а Диснейленда в нашем городе не было отродясь. Так что ощущения для неё должны были стать совершенно новыми. В предвкушении будущих сладких впечатлений она с любопытством озирала осенние леса.

Так думал я. Как же я ошибался...

Далеко позади зажглась одинокая жёлтая фара мотоцикла. Свет быстро приближался, догоняя мою старенькую тачанку. Я поймал себя на мысли, что этот мотоцикл - единственный транспорт, который я вижу за последние три часа. Дорога была слишком пустынной даже для этого времени года. Особенно для курортного города. Собственно, вовсе не я выбрал этот захолустный лесной городок в качестве места для отдыха. То есть думал, что решение принял я... но потом, когда всё было кончено, понял, что на самом деле в Тихий Холм поехал не я, а Шерил.

Да, это я перелистывал справочник курортных городов в поисках наилучшего местечка для проведения предстоящего уик-энда. Это я громко зачитывал один за другим красочные рекламные описания, обещающие неземные блаженства каждому приезжему. Это я пожимал плечами и говорил: «Да ну», или: «Кажется, хорошее место». Но окончательное слово оставалось за Шерил, которая сидела у меня на коленях.

- Бар Харбор, - читал я, демонстрируя ей изображение старой ратуши, расположенной на центральной площади города. – Основан в девяностых годах девятнадцатого столетия. Замечательные лесные пейзажи, отдых на лоне природы. Возвратившись в город после освежающей лесной прогулки, вы найдёте у нас всё, чтобы почувствовать себя как дома: уютные тихие отели, казино, ночные клубы и ещё многое, многое другое. Для желающих расширить кругозор предусмотрена познавательная программа... Что думаешь?

Шерил равнодушно пожала плечами. Похоже, Бар Харбор с прогулками на свежем воздухе девочку особо не тронул. Я перевернул страницу.

- Ладно, идём дальше. Смотри: Милфорд-Бей...

- Где это?

Я озадаченно посмотрел на черно-белую фотографию внизу страницы, куда указывала Шерил. На снимке был изображён небольшой плотик, плывущий вдоль берега озера. Противоположный берег терялся в тумане, ключьями плывущем над водной гладью.

- Тихий Холм, - прочитал я надпись под фотографией. – Легендарное озеро Толука, покоряющее всех и каждого неповторимой красотой. Здесь вы можете предаться Истинному Отдыху, ведь у нас в Тихом Холме вы найдёте всё, что...

- Я хочу туда.

Я снова всмотрелся в снимок не самого высокого качества, не понимая, что там нашла Шерил. Плот казался очень маленьким на фоне тёмной воды и белого тумана. На нём стоял мужчина в лихо задвинутой на затылок кепке, улыбался и махал рукой в объектив. По внешности – типичный ярмарочный зазывала.

Тихий Холм... Это название я уже слышал раньше, но не сразу вспомнил, где именно. Пришлось немного поднапрячь память, дабы выудить из глубин мозгового архива газетную статью двухгодичной давности. Статья была размещена не на первой и даже не на пятой полосе. Так, пища для любителей жареных фактов и грошовых сенсаций. В ней сообщалось, что мэнский курорт Тихий Холм неделю назад посетил НЛО, неопознанный летающий объект. В качестве доказательства приводилась фотография, на котором при желании можно было разглядеть нечто, подозрительно похожее на цыплячью кормушку. Наверняка, с иронией подумал я, после заметки количество туристов, рвущихся в Тихий Холм, увеличилось в разы – на радость местному муниципалитету.

Я с сомнением посмотрел на Шерил, которая по-прежнему впивалась взглядом в чёрно-белый снимок:

- Ты уверена?

Я ничего не имел против Тихого Холма... но, должно быть, уже тогда подсознательно ощутил опасность, которую источал город. Так или иначе, мне не очень хотелось проводить уик-энд именно там.

Шерил кивнула:

- Да.

- А почему?

Я пожалел, что задал глупый вопрос. Уж слишком на допрос походило. Но сделанного не воротишь. Шерил потупилась, сообразив, что я не спешу с ней согласиться:

- Не знаю... Мне это озеро нравится.

Я в очередной раз посмотрел на снимок. Озеро как озеро - ничего особенного я не замечал. До этого мы забраковали добрый десяток курортов, где озёра были если не лучше, то и не хуже. Но раз Шерил хочет... Почему бы нет? Тем более что, судя по справочнику, Тихий Холм был от нашего города не так уж и далеко.

Я с громким хлопком закрыл справочники и вознёс Шерил к потолку за подмышки. Она звонко засмеялась.

- Отлично, решено! Тихий Холм, жди нас!..

Потом, когда Шерил спала в своей кровати, а я сидел сочинял очередной рассказ, мне пришло в голову, что неплохо бы узнать хотя бы примерный маршрут поездки. Я достал из ящика стола карту Мэна, что имеется в кабинете любого уважающего себя янки, и склонился над ней. Отмечая красным карандашом предстоящую дорогу, я обратил внимание, что Тихий Холм расположен очень близко от места, где мы с Джоанной семь лет назад нашли...

- Боже мой, - прошептал я. Карандаш запрыгал в пальцах, выводя дрожащую кривую. Просто совпадение, но какое!.. Где-то в глубине души я почувствовал неприятный липкий холод.

- Этого не может быть...

Я сидел долго, уставившись на карту. Хитросплетения магистралей и грунтовых дорог расплывались перед глазами. Кончилось тем, что я просто не смог выпутаться из сети своих воспоминаний и заснул за столом. А когда проснулся, в окно уже заглядывало утреннее солнце, отгоняющее все страхи и дурные предчувствия. Я смирился с тем, что мне придётся поехать в Тихий Холм. В конце концов, успокаивал я себя, у меня нет причин ненавидеть этот городок. Совсем наоборот – если бы не Тихий Холм, я был бы сейчас совсем один в квартире... Мне стало плохо при одной мысли об этом.

И вот, глядя на приближающийся к машине источник света, я вновь начал терзаться сомнениями: правильно ли я поступил, вернувшись в эти края?.. Может, не стоило щекотать себе нервы и просто выбрать другой город?

Я задавал себе эти вопросы, но на самом-то деле знал, что всё равно приехал бы сюда, в Тихий Холм. Потому что так хотела Шерил. Я не привык отказывать ей.

На мотоцикле сидела женщина-полицейская, чьи глаза не были видны за стёклами чёрных очков. Скользя взглядом по моему лицу, она снова переключила внимание на дорогу и поддала газу. Мотоцикл взвизгнул и обдал машину струёй синего дыма. Я сбросил скорость, чтобы пропустить её вперёд. Интересно, куда это она на ночь глядя? В Тихом Холме что-то случилось?.. Что ж, тогда я успел вовремя. Удачный уик-энд намечается.

Скоро мотоцикл исчез за поворотом, снова оставив нас с Шерил одних в мире теней. Я снова посмотрел на неё. Она по-прежнему не спала, но уже и не оглядывалась по сторонам. Теперь Шерил сидела прямо, неотрывно наблюдая за вьющейся дорогой. Аж шею вытянула, чтобы обзор был лучше. Я понял так, что длинная поездка ей надоела.

- Потерпи, дорогая, мы уже близко.

- Хорошо...

Кажется, это были последние слова, услышанные мною из уст Шерил... Хотя нет, потом... Нет, всё-таки последние. Но я не знал этого, я не знал ничего – НИЧЕГО... И нажал педаль газа до упора, чтобы поскорее въехать в город. Стрелка спидометра незаметно качнулась к отметке 25. Для карбюратора моего старого коня это был предел.

В какой-то момент я заметил, что конус света, исходящий из фар, стал короче, и теперь я мог видеть дорогу не дальше чем на пять – семь метров. Туман. Он плотно прилегал к земле, подрагивая под порывами ночного ветра. Я нахмурился – откуда только он успел взяться? Туман густел на глазах, и через пять минут моя машина оказалась со всех сторон обложена белесой дымкой. Я чертыхнулся, но скорость всё-таки сбавил. Некстати вспомнился снимок озера Толука, над поверхностью которого ползли белые клочья. Туман в Новой Англии был достаточно редким явлением, тем более такой вязкий, как сметана. Я покосился на Шерил, удивлённый, что она никак не реагирует на неожиданную причуду природы. В любое другое время она восторженно комментировала бы происходящее, а то и заваливала меня кучей вопросов: «Пап, ух ты! А что это? А почему так плохо видно? А когда это пройдёт? А когда...». Но она ничего не спрашивала – сидела и зачарованно смотрела в туман, словно силилась там что-то углядеть. Девочка просто устала, подумал я, сонно наблюдая за разделительной полосой. Надеюсь, туман ненадолго, иначе весь отдых может пойти коту под хвост.

Туман на снимке, туман за стеклом. Что-то мне во всём этом не нравилось. Я нервно заёрзал на кресле, в голову пришла безумная мысль: может, семь лет назад, когда мы с Джоанной были в этих краях, здесь было так же туманно?.. Я попытался вспомнить, но в памяти не сохранились заметки о тогдашних погодных условиях. Наверное, тумана всё же не было, решил я. Иначе бы я помнил...

Семь лет. Машина у меня тогда была другая, по меркам тех времён просто шикарная – чёрный «Форд» пятой модели, ослепляющий мазутным блеском. Времена тоже были другие – старина Джонсон, как мы его называли, стремительно терял авторитет, университеты бастовали один за другим, а ветераны Вьетнама устраивали марши на Капитолий, швыряя свои награды на асфальт. Золота в солнечных лучах было больше, в воздухе парил пряный аромат свободы. Думаю, это чувствовал не только я, раз сумасшедшие шестидесятые годы не забыты до сих пор.

Я сам тоже был другим. Молодой человек, таящий честолюбивые планы стать великим писателем. Я бросил учёбу в университете на втором курсе. У преподавателей в глазах, когда я в последний раз выходил из стен альма-матер, была странная смесь жалости и злости – они знали, куда прямая дорога провалившимся студентам. Старина Джонсон обо всём позаботился. Но в случае со мной пронесло – меня забракела первая же медицинская комиссия из-за глаз. Так я ускользнул из путешествия в чистилище, называемое Вьетнамом. Некоторые друзья – их у меня уже тогда было не так много – журили меня этим, но я особо не чувствовал угрызений совести. Не я всё это придумал, ради Бога. У меня хватало своих проблем.

Джоанна ворвалась в мою жизнь грациозно и стремительно... но ненадолго, как и всё хорошее, что со мной когда-либо происходило. Как это бывает – случайная встреча, пара ничего не значащих фраз, чуть заинтересованные взгляды и – на тебе, оба уже погрязли в пучине любви и не могут обойтись друг без друга. Как это ни фантастично, в реальной жизни тоже случаются подобные истории, и мой пример – тому подтверждение. Мы поженились через полгода после знакомства. К тому времени мне удалось продать свой первый серьёзный роман, «Танец с ночным ветром». В-общем, будущее казалось нам непоколебимым и залитым слепящим светом. Я был действительно счастлив.

Потом мы узнали, что у нас не будет детей.

Чуть позже я узнал, что Джоанна смертельно больна.

Не было никаких истерических сцен и недельных запоев. Всё произошло тихо и обыденно. Джоанна не знала, что жить ей остаётся от силы два-три года... и я не мог ей сказать об этом. Я был одинок в своём горе. Я улыбался ей за ужином и просил передать

мне кетчуп, украдкой смотрел на её радостное лицо и осознавал, что не в силах ничего предпринять, чтобы помочь ей. Мне вошло в привычку вставать по ночам и садиться за печатную машинку, чтобы как-то заглушить боль, грызущую изнутри. Джоанна была недовольна писательством в ночное время – говорила, это может подорвать моё здоровье. *Моё здоровье!*.. Наверное, со стороны это даже казалось смешным. Я кивал, виновато разводил руками, но тем же вечером тихо выбирался из постели и садился за второй роман, куда изливал свои отравленные чувства.

«Невинная луна» стала моим первым и последним известным произведением. Думаю, его можно до сих пор найти на распродажах старых книг. Критики хвалили её за живость и убедительность, в то же время укоряя за то, что местами текст излишне мрачен и жесток. Один из именитых литературных обозревателей написал в своей статье: «Причина столь высокой популярности «Невинной луны» в том, что Гарольду Мейсону удалось передать страх и боль главного героя с неподражаемой убедительностью. Местами мне казалось, что такое невозможно описать, не почувствовав на собственной шкуре, каково это». Прочитав эти строки, я засмеялся. Когда Джоанна спросила из соседней комнаты, в чём дело, я сказал – ничего, дорогая. Так, пустяк.

Пустяк.

Но я, кажется, немного отвлёкся. Я собирался рассказать о нашей «находке» по пути в Портленд. В Портленд мы поехали навещать родственников Джоанны ко дню рождения её матери. Дабы не делать крюк по главному шоссе, я решил срезать дорогу и поехать напрямик через леса. Правда, при этом я благополучно забыл прихватить карту штата, так что нам пришлось довериться сбивчивым указаниям случайных встречных в стиле: «Там будет дерево, поверните направо, потом налево, потом прямо, пока не увидите белый камень». Дело закончилось тем, что ближе к пяти часам я признался Джоанне, что окончательно заблудился и не имею ни малейшего понятия, куда заехал. «Форд» колесил по нагретому асфальту, а дорогу с обеих сторон обступал сплошной пышный лес.

Джоанна вытерла блестящие капельки пота с лица и приставила палец ко лбу.

- Где-то в этих местах должен быть Плезант-Ривер, - сказала она. - Я в детстве жила в этом городе.

Я молчал.

- Гарри, ты меня слышишь?

- Слышу, - с неохотой отозвался я. Солнце клонилось к западу, отбрасывая на асфальт жёлто-багровые отблески. Свет бил в глаза и болезненно покалывал веки. Бензобак «Форда» был уже полупустым. Если за следующие тридцать миль нам не встретится автозаправка, то дело плохо. В «Невинной луне» был такой эпизод, где герой везёт умирающую мать в городскую больницу по степи... и машина глохнет в самом дремучем участке дороги. Аналогия, чёрт побери.

- Дорогая, какая разница, какой город рядом?.. Нам бы просто доехать до любого населённого пункта.

- Наверное, придётся там заночевать?

- Боюсь, что да, - вздохнул я. – Уже достаточно поздно. Но обещаю, что завтра же с утра мы выедем на шоссе и на этот раз не будем де...

- Гарри, смотри!

Джоанна вдруг выпрямилась на кресле и вскинула руку, указывая вперёд. Я резко перевёл взгляд на дорогу, готовый вжать тормоз. Мэн – не место для автолюбителей-самоучек, на здешних дорогах каждый год происходят десятки и сотни аварий. В самых захолустных тропях тут и там можно различить у дороги маленькие пирамидообразные памятники с высеченными на них именами. Я был готов к самому худшему («жук», несущийся по встречной, оленёнок перед бампером), но дорога была пуста, над ней вилась только раскалённая серая пыль. Я шумно выдохнул. Плохая шутка... и опасная. Это я собирался сказать Джоанне, но увидел, что она нисколько не шутила. Её взгляд сместился чуть вправо к обочине, но был по-прежнему напряжённым.

- Ты видишь? – спросила Джоанна так тихо, что я едва её расслышал. Я сбросил газ и посмотрел на небольшую открытую поляну у дороги. Сначала я там ничего не видел, кроме густых травянистых зарослей, ходящих волнами под лёгким ветром. Но затем...

Продолговатый белый свёрток лежал у самой дороги – на кромке травы и пыли, почти невидимый из-за слепящих лучей солнца. Я подался вперёд в кресле, но так и не смог различить, что это такое – всё ж не зря меня в армию не забрали, да. Какое-то время мне казалось, что на обочине большой пустой кокон, сплетённый каким-то насекомым. Потом – что это обычный мусорный пакет, выброшенный проезжавшими мимо путниками. Потом - ...

- Гарри, останови.

Голос Джоанны был взволнованным и дрожащим. Я беспрекословно подчинился ей, притормозив у странного свертка. Поворачивая ключ в замке зажигания, я заметил краем глаза, что сверток шевельнулся. Это... что-то живое?

- Боже мой, Гарри, это же...

Не dokonчив, Джоанна распахнула дверцу и выскочила наружу. Я поспешил за ней, ощущая странное опустошение внутри себя. Волшебство летнего заката и зелёных крон деревьев сошло на нет, померкло в пучине этого отвратительного ощущения. Я недоумевал – что случилось, почему у меня растёт дурное предчувствие? Ответа не было. То есть... возможно, ответ лежал на траве у дороги, завернутый в белую ткань, но мне, хоть убей, не хотелось обходить капот и взглянуть на это. Была бы моя воля, я бы ехал дальше.

- Гарри, ну иди сюда!

В голосе Джоанны звенели счастливые нотки. Я вздохнул и двинулся к обочине. Моя жена склонилась над свертком и бережно брала его на руки. Я чуть не закричал во весь голос: «Остановись!». В свертке лежало неизвестно что, оно могло быть опасным, а она так просто прикасалась к этому. Пусть мне суждено потерять её... но я хотел терять её сейчас, в жарких лучах вечернего солнца.

- Смотри...

Джоанна проворно повернулась ко мне; лицо её было осветлено безмерным счастьем. Я некоторое время смотрел на сверток, не думая ни о чём. Мысли не текли. В свертке лежал младенец – крошечное существо, судя по всему, увидевшее свет всего несколько дней, если не часов, назад. Лицо было тёмным и морщинистым, как у старика. Ребёнок мирно спал, подёргивая веками.

Джоанна ждала моей реакции. Я оторвал взгляд от карапуза и посмотрел на её лицо, купающееся в лучах солнца. Она выглядела красивой, как никогда... я снова ощутил укол острой булавой прямо в сердце. Не вовремя.

- Это ребёнок? – спросил я, чтобы что-то сказать.

- Да, - кажется, она была обескуражена моим равнодушием. – Откуда он здесь?

- Не знаю...

Джоанна была безумно рада странной находке. Я знал, что она всегда винила себя в том, что у нас не будет детей. Что и говорить... я, в своей безмерной глупости, тоже иногда долгими холодными ночами косился на неё. Я старался задушить эти злобные поползновения своей тёмной половины, но они всё равно вылезали из плохо заделанных щелей. Я ничего ей не говорил, но с моим-то умением скрывать свои чувства Джоанна, конечно же, всё поняла. И теперь, держа на руках младенца, она была почти счастлива. Младенец спал и почмокивал губками.

«Откуда ты здесь взялся, малыш?».

Если бы дело происходило в городе, я бы ни в чём сомневаться не стал. Стремящихся быстро и легко избавиться от нежелательных последствий, пусть даже ценой только что начавшейся жизни, хватало всегда. Как это ни ужасно. Но здесь, в этом лесу?.. Только самый изощрённый безумец мог бы оставить новорождённого на пустынной дороге.

Джоанна пощупала пелёнку, в которую был завернут малыш.

- Сухо, - в голосе читалось удивление. – Его оставили здесь только что.

- Давай зайдём в машину, - предложил я.

Джоанна испытующе посмотрела на меня, словно гадая: что это на меня вдруг нашло? Потом кивнула:

- Хорошо.

Но прежде чем зайти в кабину, я опять задержался у дверцы, глядя на солнце. Большая половина дневного светила успела скрыться под линией горизонта; на лес надвигалась синяя тьма, нагоняя на сердце тоску и нечёткий страх. В это мгновение я понял, что дело не во мне, не в Джоанне и даже не в найдёныше; дело было в окружающем пейзаже - в этой местности, которая с первого взгляда казалась воплощённой идиллией. Нечто недоброе и непонятное таилось в лесах и высоких перистых облаках, перекидывалось с одного солнечного блика на другой. Я почти физически почувствовал грозную опасность, нависшую над чёрным «Фордом». Нужно было уезжать, чем скорее, тем лучше.

Я сел в машину и завёл мотор. Джоанна укачивала ребёнка на руках, тихо напевая под нос колыбельную. Вообще-то, ребёнок и так крепко спал, но я не стал ей мешать – просто тронул «Форд» с места и поехал дальше. Я не знал, чувствует ли Джоанна то, что чувствую я - скорее всего, нет, до того она была поглощена найдёнышем. Мили через две странная тяжесть, давящая на плечи, начала исчезать. Я мысленно перекрестился и снизил скорость, теряясь в догадках, что это было. Джоанна перестала петь и теперь неотрывно смотрела на сморщённое личико ребёнка, и я догадывался, о чём она сейчас думает. Она сама не могла иметь детей, и это было проклятием, глодавшим её всё время. Как часто по ночам я слышал её приглушённые всхлипы в подушку и как часто плакал сам из-за того, что не в силах хоть что-либо сделать... Правда, я знал больше – я знал, что она смертельно больна. Теперь она держала в руках ребёнка, о котором она всегда мечтала... не её ребёнка. Его просто выкинули на дорогу, как мусор, как пылинку, путающуюся под ногами.

Я протянул руку к ребёнку и осторожно коснулся лица. Кожа была горячей и мокрой. Малыш шевельнулся во сне, и я замер. Джоанна посмотрела на меня с наделанной строгостью и улыбнулась. Через полчаса лес расступился, и мы увидели первые дома городка Брамс.

Ребёнок, как оказалось, был девочкой. Мы с Джоанной удочерили её через месяц, уладив все формальности. Немного поспорили насчёт имени – я хотел назвать девочку Мэгги, а Джоанна настаивала на варианте Шерил. Бросили жребий... и наша дочь получила имя Шерил.

Шерил скрасила последние месяцы жизни Джоанны. Она отдавалась ей вся, пеклась о ней с утра до вечера, словно знала, что им не суждено долго побыть вместе. В последний год её здоровье резко ухудшилось, она едва могла перемещаться по дому и большую часть дня проводила на кровати. Скрывать всё далее не было смысла, она давно обо всём догадалась сама. Днём я играл с Шерил, подбрасывал её к потолку, учил складывать красивые узоры из красных квадратиков, а по вечерам хмуро смотрел на чистый лист бумаги, процеживая слова через силу. После «Невинной луны» и ещё пары-тройки небольших удачных повестей моё творчество пошло на спад. Следующий роман – «Письмо с потерянных дней» - не имел успеха у публики. Жизнь внесла необходимые коррективы в планы будущего Великого Писателя, и Гарольд Мейсон стал обычным средним ремесленником, выдающим по книге в год.

Странной была весна, когда не стало Джоанны. За месяц до последнего дня её жизни я проснулся с чувством, будто у меня из груди вырвали что-то жизненное важное... Я встал с постели, прошёл в ванную и принял холодный душ, но ощущение не прошло. Так и жил все тридцать дней. А потом светлым апрельским вечером я зашёл в нашу комнату с чашкой горячего чая, приготовленного для неё, и увидел, что рука Джоанны свисает вниз

с края кровати. Шерил сидела в детской, я слышал через стену, как она возится со своими куклами. Часы на стене показывали восемь двадцать. Я медленно подошёл к кровати и поставил чашку на тумбочку у изголовья. Потом долго сидел, прижав к губам её холодеющие пальцы, и ни о чём не думал. Я не мог даже заплакать... Наверное, именно в тот вечер я осознал, что как бы я ни пытался скрыться за тоннами исписанных бумаг в вымышленном мире, действительность всегда с хлопком выдернет меня оттуда, как только захочет. Выдернет и бросит в грязь, растоптав тяжёлыми подошвами сапог...

На похоронах людей было мало, на удивление мало. Горстка её родственников, я да Шерил. Она была ещё слишком маленькой, чтобы понимать, что произошло, и я ей завидовал. Я стоял с дочерью на руках у свежесыпанной могилы, читая идеально выгравированное имя: «ДЖОАННА МЕЙСОН» и не смел поднять глаза, боясь встретиться взглядом с матерью Джоанны. Она винила в случившемся меня и проклинала себя за то, что доверила дочь такому человеку, как я. Поэтому я старательно прятал взгляд, разглядывая носки собственных ботинок. Я боялся. Я боялся, что она захочет отнять у меня Шерил, которая стала для меня проблеском света в полной темноте. Тогда бы я точно сошёл с ума...

Но она этого не сделала. Два года после смерти Джоанны я не мог ничего писать, да и не хотел. Поэтому я полностью посвящал время Шерил, стараясь хотя бы частично заменить для неё ту, которая ушла слишком рано. На третьем году средства, заработанные на первых романах, начали исчерпываться, но к тому времени я уже достаточно восстановился, чтобы снова взяться за перо. Было, конечно, тяжело, но я пересиливал себя, заставляя нажимать на клавишу «Ундервуда»... ещё разок... и ещё. Итогом моих продолжительных мучений стало «Солнце» - не бог весть какой сильный роман про отвергнутую любовь, но он пополнил наш пошатнувшийся бюджет. Приступая к новому произведению, я с удивлением обнаружил, что вид чистого листа снова начинает приносить мне былое удовольствие. Шерил через год пошла в первый класс – хотя ей было только шесть, психологи сочли, что она уже достаточно развита для посещения школы. Я сидел и писал в квартире, Шерил приносила из школы свежий аромат жизни и хорошие отметки. Старину Джонсона сменил Никсон, обожающий светиться на экранах. Жизнь, можно сказать, налаживалась, насколько она вообще могла наладиться.

... но всё кончилось, когда мы поехали в Тихий Холм.

Туман всё не хотел рассеиваться. У меня больше не было времени поглядывать на Шерил – теперь меня заботила только дорога, смутно маячащая за стеклом. Видимость стала почти нулевой, но даже в таких условиях я с тревогой увидел валяющийся на обочине мотоцикл, выкрашенный в сине-белый цвет. Я вспомнил об обогнавшей меня женщине в униформе копа. Не случилось ли чего?.. Но я не видел на корпусе мотоцикла вмятин или повреждений. Нет, это было не крушение. Мотоцикл просто оставили в страшной спешке, успев лишь наспех оттащить его на обочину. Я нахмурился и проследил в зеркале заднего вида, как мотоцикл постепенно исчезает в тумане. Что она увидела, коль решила так вот бросить транспорт и рвануть неизвестно куда?.. Это мне очень не понравилось.

Когда я вновь перевёл взгляд на дорогу, оторвав глаза от мотоцикла, было уже поздно. В трёх-четырёх метрах впереди прямо на разделительной полосе я увидел девушку. Никогда не забуду, как она подняла худые руки к лицу, прикрываясь от света фар и налетающей на неё полутонной громадины. Руки были обрамлены белой манжетой рубашки, но на оголённом запястье виднелись застарелые красные рубцы. Я, кажется, закричал – точно в этом не уверен, но знаю, что вывернул руль вправо, одновременно со всей силы нажав на педаль тормоза.

Раздался ужасный скрежет – последнее, что я помню отчётливо. Машину развернуло на асфальте, сдирая резину с покрышек. Меня бросило вперёд – прямо на руль. Должно быть, ремень смягчил удар, иначе я бы точно раскроил себе череп. Последовала

ослепительная вспышка, окунавшая всё вокруг в сплошной молочно-белый туман, и я потерял сознание.

Когда я очнулся, вокруг было уже светло. И не просто светло – сам воздух, казалось, тоже отсвечивал переливающимся белым сиянием. Я, правда, не был в состоянии оценить эту красоту. Жутко болела голова - ровнехонько там, где я соприкоснулся лбом с рулём. Я замотал головой, чтобы отогнать пульсирующую боль, и тут же пожалел об этом – при малейшем движении голова гудела так, будто туда налили пять литров керосина. Я застонал, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, мечтая снова утонуть в спасительном небытии. Стекло левой дверцы было разбито – я чувствовал на щеке свежее дуновение ветерка, колышущее волосы, и ещё какое-то странное, но очень приятное ощущение – словно чьи-то нежные прохладные пальчики касались кожи, массируя и поглаживая. Я мог бы сидеть долго в этой нирване, но вдруг мозг насквозь прорезала красная молния: «Шерил...»

Это стало сигналом. Я разом вспомнил всё, что произошло: брошенный мотоцикл, серые поляны, худые, вскинутые вверх руки, прикрывающие лицо... И заключительный удар, отправивший меня в нокаут. А Шерил...

Я открыл глаза и лихорадочно повернулся вправо. Ужас, охвативший меня, был настолько острым, что сначала я даже УВИДЕЛ свою девочку – она была здесь, скрючилась у залитого кровью бардачка, и половина её лица была утоплена в лобовое стекло. До безумия реально. Меня мог хватить удар, но этого не случилось – и секунду спустя я увидел, что на самом деле никого на пассажирском кресле нет. Сиденье было пусто. На том месте, где сидела Шерил, осталась почти незаметная вмятина на ткани чехла, и всё. Нигде не было следов крови. Дверца со стороны пассажирского сиденья была открыта.

Я едва не засмеялся от радости и облегчения. С ней всё в порядке. Шерил после аварии увидела, что я без сознания, и выбралась из салона.

Я высвободился из пут ремня, который впился в тело, и кое-как вышел наружу. Головная боль не проходила. Меня временами шатало – небо и земля перед глазами менялись местами. Но я был счастлив, что легко отделался, ведь всё могло закончиться гораздо хуже... Брр.

Над Тихим Холмом шёл снег. Я почему-то с удовлетворением отметил про себя: «Так и знал, что это произойдёт». Снежинки таяли, чуть касаясь асфальта, и становились засыхающими каплями воды. Капот машины уже покрылся тонким шероховатым слоем снега; лет десять назад я любил выводить пальцем на таких «листах» своё имя. Сейчас у меня особого желания сделать это не возникло. Я огляделся, но не увидел ничего, кроме смутных теней фонарных столбов, низвергающейся армии снежинок и... тумана. Туман тоже был здесь, он не ушёл. Призрачный белый мир, вздрагивающий при каждом вздохе. Днём пелена выглядела не так зловеще, как ночью, но приятного всё равно было мало.

Где Шерил? Я огляделся, но поблизости никого не было. Вряд ли она ушла далеко, хотя... Кто знает, сколько я пролежал в отключке. Внезапно я понял, что рано радовался.

- Шерил...

Голос заглох в тумане, не пролетев и пяти шагов.

- Шерил! – хрипло возопил я.

Тишина. Странная тишина... Ни звука машин, ни человеческого голоса, ничего. Будто я не в городе, а в центре пустыни. Только убаюкивающее нащёптывание осеннего ветра над самым ухом. Какое странное место... Я сбросил оцепенение и закричал снова:

- Шери-и-ил!..

Тишина...

Наверное, она ушла слишком далеко, обречённо подумал я, поёживаясь от холода. На Шерил было только лёгкое платьице, и если она до сих пор блуждает по улицам, то может подхватить простуду...

Я сделал шаг вперёд, опираясь на капот. К ладони прилипли мокрые снежинки, щекочущие подушечки пальцев. Асфальт под ногами мерно покачивался. Меня мучило, но на отдых времени не было. Мне нужно было найти дочь, которая бродила где-то там. Я бы побежал, если мог, но в тот момент я был способен только медленно переставлять ноги. Проклиная собственную слабость, я отдалялся от автомобиля, отклоняясь то влево, то вправо от белой разделительной полосы. Постепенно головокружение ослабло, и мои шаги стали увереннее. Я вновь почувствовал себя человеком.

Я шёл не меньше четверти часа. Всё это время я напряжённо вслушивался в нависшую над городом тишину, надеясь услышать далеко голос ищущей меня Шерил. Но её всё не было, как и кого-либо другого в этом чёртовом городе. Тихий Холм походил на «город-призрак» из вестернов пятидесятых. Место, где никто не живёт и не будет жить. Я увидел большой разноцветный щит у дороги, рекламирующий местный парк развлечений. Скоро по обе стороны улицы потянулись странные низкие дома. Я, конечно, отдавал отчёт, что нахожусь в пригороде – в самом днище города, может, даже в гетто, но... Дома всё равно были какими-то не такими. Безжизненными. У меня не возникло и мысли о том, чтобы зайти в один из них попросить о помощи. Сейчас, когда я это пишу, думаю, что поступил правильно. Мне бы всё равно никто не помог... потому что эти скошенные дома были пустыми.

Ковыляя по холодному асфальту, я дошёл до первого перекрёстка. Передо мной лежало три дороги – направо, налево и прямо. Я беспомощно огляделся и понял, что проиграл. Куда могла пойти Шерил? Да в любую сторону. Все улицы были одинаково серыми и безликими. Выбери любой – не ошибёшься.

«Шерил... Где ты?»

Словно в ответ на мой мысленный зов, справа раздались шаги. Даже не шаги, а шажки – до того тихим и неуловимым был цокот каблучков о бетон. Такие короткие, скромные шаги могли быть только у маленькой девочки...

Шаги удалялись.

Я сорвался с места и побежал направо. Едва не ткнулся носом в фонарный столб с зелёной табличкой – кажется, на нём было название улицы. Я до жжения в глазах смотрел в туман, ожидая вот-вот увидеть свою дочь, которая прибежит ко мне и крепко-накрепко обнимет меня за шею. «Папа, как я рада, что ты здесь».

Однако Шерил не появлялась из тумана. Я по-прежнему слышал шаги, скрытые за белой стеной, но они предательски отходили, всё время оставаясь на почтительном расстоянии. А быстро бежать я не мог.

- Шерил, подожди!..

Наконец я увидёл её маленькую спинку, вырисовывающуюся среди режущей глаз белизны. Да, это была моя дочь, а не кто-то другой. Сердце радостно забилося. Я протянул руки к Шерил и позвал её по имени, но она не обернулась. Наоборот... даже прибавила шагу. Я моргнул, недоумённо наблюдая, как знакомое синее платье теряется в тумане.

- Шерил, ты куда?..

Поняв, что вот-вот снова упущу её из виду, я пустился бежать. Шерил, кажется, тоже побежала – теперь цокот каблучков раздавался чаще. Я ничего не понимал. Это же Шерил... Почему она от меня убегает? Может, у неё шок? Может, она чем-то ударилась и... Я похолодел. Не может этого быть.

Снег, ставший вдруг враждебным, забивался в глаза, обжигал нос и губы. Шерил маячила едва видимым призраком впереди. Я не мог её догнать, хотя тридцатилетний мужчина вроде с лёгкостью должен был бы настичь девочку, которой только-только исполнилось семь. Потом я заметил, что иду по узкому проходу между домами. Отвлёкся на мгновение, чтобы посмотреть на красную кирпичную стену справа, а когда снова взглянул вперёд, то Шерил уже не было. Я всё ещё мог слышать звук шагов... но саму Шерил я больше не увидел. Никогда.

- Постой... – прохрипел я, начиная задыхаться от долгой пробежки. Снег продолжал идти, бесшумно накрывая мёрзлую землю.

Впереди громко скрипнула калитка. Через несколько секунд я увидел её – железная, ржавая и решетчатая, с большой деревянной табличкой, которая предупреждала: «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА!». Шерил вошла туда. Собака могла выскочить в любой момент и укусить... Я навалился на калитку всем весом. Она оказалась тяжёлой – я проталкивал ржавую конструкцию миллиметр за миллиметром. Тоже странно... как Шерил с её силёнками могла пройти здесь так быстро?

За калиткой проход продолжал виться между домами, становясь уже. На земле валялись пустые бутылки из-под пива. Очень смахивало на свалку, но я в то время на это особо не смотрел. Всё моё внимание поглотило нечто, лежащее передо мной у самой стены. Именно нечто – я и сейчас не знаю, что за чертовщина там была. С первого взгляда казалось, что это тельце небольшого животного, размазанное по бетону. Асфальт – довольно обширный его участок – побагровел от крови. Впечатление было такое, что со зверька буквально содрали кожу. Я посмотрел на замерзающую красную плоть под слоем первого снега, и к горлу подкатила тошнота.

«Боже ты мой, куда я попал?»

В любой другой ситуации я повернулся бы и ушёл. Но там, где-то впереди в проходе, была моя дочь. Поэтому я двинулся дальше, просто приняв непонятный факт как есть. Чёрт его знает, подумал я, может, в этом городке такое фирменное развлечение – убивать зверьков на заднем дворе.

Лавируя меж мусорных ящиков и водосточных труб, я дошёл до следующей калитки – три метра высотой, с толстыми стальными прутьями. Шерил не было видно. Путь был только один...

Эта калитка не скрипела – наоборот, она поддалась тихо и почти без сопротивления. Я прошёл в её обратную сторону. Проход по-прежнему тянулся вперёд, продолжая сужаться, и его дальний конец исчезал в тумане. Мне его вид не понравился – откуда-то взялось давно забытое ощущение клаустрофобии. Я сглотнул слюну, напомнил себе, что мне нужно найти дочь во что бы то ни стало, и сделал шаг.

И началось.

Сначала я услышал звук пожарной сирены далеко в центре города. Не успел осмыслить, что произошло, как вокруг начало быстро темнеть. Десять секунд – и я остался стоять один в потёмках осеннего вечера, недоумённо хлопая ресницами. Сирены продолжали надрывно выть, их звук приближался.

Я ничего не понимал. Что случилось? Почему темно? Только что стоял день, и до заката было как минимум несколько часов...

Что-то холодное и шершавое коснулось лица. Я вскрикнул и прижал ладонь к щеке, почувствовав, как отлетела прочь маленькая тварь вроде летучей мыши. В воздухе захлопали крошечные крылья... их было много, очень много. По коже головы пробежала холодная волна; я начал в панике рыться в карманах брюк. Где-то там должна была быть бензиновая зажигалка. Правый карман... левый... Горстка монет, бумажник. Где зажигалка? Вокруг меня, казалось, кружил маленький смерч, слепленный из летучих мышей. Они пролетали прямо у меня под носом, угрожая коснуться глаз сильными перепончатыми крыльями.

Вот она! Я вытащил зажигалку, сжал в трясущейся ладони и судорожно чиркнул кремнем. Не получилось – в темноте промелькнула одна-единственная жёлтая искра и тут же погасла. Я крутанул кремь ещё раз, и на кончике моей руки наконец заиграло пламя. Смерч шархнул прочь от света... были ли это в самом деле летучие мыши? Мне показалось, что твари мелковаты для этого. Какие-то мошки-переростки, но таких в зоопарке не увидишь. Один чёрт...

Пламя мерцало и колыхалось, отбрасывая на столпившиеся стены серые тени. Я попытался оглядеться, но непроглядная темнота, сменившая завесу тумана, не оставляла

никаких шансов. Снег уже не шёл, но на затылок всё равно что-то давило. Я вскинул голову – в губы ударила тяжёлая капля воды. Дождь, почему-то брезгливо подумал я. В день первого снегопада. Да уж, дела... Звёзд на небе не было видно – светила заволочли чёрные горы туч. Сирены ревели, пробуждая головную боль.

Чувствуя себя сомнамбулой, я пошёл вперёд. Искривленная тень на стене вздрогнула и поползла вслед. Стены... Они тоже изменились. Вместо разваливающегося кирпича я видел решетчатые железные планки с прорубленными на них ромбообразными дырами. Под ногами тоже был такой же материал, отдающийся звоном при каждом шаге. Всё древнее, разваливающееся в пыль и ржавое, как автомобили на свалке.

«Откуда всё это?»

Через десяток шагов я наткнулся на сломанное инвалидное кресло, загородившее проход. Колесо было смято и раздавлено, но продолжало неохотно вертеться на стержне с затухающим поскрипыванием. Кресло показалось мне детским – уж слишком оно было миниатюрное. Я остановился, зачарованно глядя на искореженную каталку. Огонь зажигалки отражался на металлическом ободе колеса.

Шерил, напомнил я себе, просыпаясь от гипнотического воздействия инвалидного кресла. Помни о Шерил. Она впереди, одна в темноте. Найди её, и быстрее.

Но чем дальше я заходил, тем больше испарялась у меня надежда, что моя дочь здесь. Проход повернул несколько раз под прямым углом и стал невыносимо узким – мне пришлось в некоторых местах протискиваться силой, закусив губу. Дождь усиливался; теперь он шёл не отдельными каплями, а лил сплошным потоком. Я был уже весь мокрый – струйки воды стекали с волос на лоб и прямо на лицо. Пламя зажигалки отважно пыталось противиться стихии. В его угасающем огне я увидел на решетчатых стенах следы засохшей красной жидкости. Я мог бы остановиться и обследовать эти зловещие потёки внимательнее, но мне не хотелось. Я шёл вперёд, пока окружающий мир быстро погружался в нечто похуже банальной шизофрении.

Где-то после третьего поворота мне встретился мертвец. То, что это труп, я понял сразу, несмотря на то, что его накрыли простынёй с ног до головы. Уж слишком чётко выступали очертания человеческого тела из-под белой ткани. Голова, ноги, грудь... Человек лежал на передвижной больничной койке, цинично именуемой медиками «труповозкой». Простыня в области живота пропиталась кровью; я увидел, как на красном пятне лениво ползает отряд чёрных мух.

- Что за чертовщина?.. – в ужасе прошептал я, отступая назад. На небе, откуда только что плавно пикировали снежинки, раздался оглушительный раскат грома. Сверкнула молния. В залившем всё вокруг синем свете я увидел, как из-под простыни выкатилась мёртвая почерневшая рука и свесилась вниз, раскачиваясь туда-сюда. Рука... Точно так же висела рука Джоанны в тот вечер, когда я зашёл к ней в спальню с чашкой чая. Я почувствовал, как на моей голове зашевелились волосы, и закричал. Закричал и бросился бежать. Ноги стали словно невесомы – казалось, они сами несли меня прочь от проклятого места. Когда у меня под носом возникла глухая каменная стена, я не смог вовремя остановиться – налетел со всего размаху, больно ударившись плечом, и тут же развернулся, уверенный, что увижу за спиной разлагающийся труп, ковыляющий по ржавой решетке.

Мертвеца не было. Дождь с ветром выводили унылый аккомпанемент на железных трубах водостока, а где-то через улицу разрывали свои глотки неумолкающие сирены. Я щелкнул потухшей зажигалкой. Никого. Только темнота, знакомое хлопанье крылышек и... и я. Проход здесь заканчивался.

Я закрыл глаза, прислушиваясь к успокаивающему шуму дождя. Я не знал, что за видение у меня только что было, но отдавал себе отчёт: не стоит возвращаться обратно в компанию сломанной коляски и каталки для трупов. Повторного столкновения мне не вынести.

- Папа...

Жалобный голосок Шерил зазвучал совсем рядом. Я обернулся, как ужаленный. У стены, там, где сгустились ночные тени, кто-то стоял. Я поднял зажигалку и сделал шаг вперед.

Это не была моя девочка. На стене был распят человек. Не просто распят, а освежеван. Рот разинут в последнем крике, зубы, длинные и острые, ощерились кровью. Руки забиты в стену большими гвоздями каждый с ярд длиной. Кровь стекала с тела вниз, образуя большую, ещё тёплую лужу. В нос ударил необычный солоноватый запах, тогда ещё неизведанный для меня, - запах крови... Я приглушённо вскрикнул и выронил зажигалку, но она непостижимым образом продолжала гореть, освещая ужасную картину. Кто? Почему? Когда?.. Вопросы пришли в голову позже. Тогда я ни о чём не думал – просто потрясённо смотрел на окровавленный кусок мяса, недавно бывший человеком. Кое-где он ещё шевелился и подрагивал, и это было самое страшное...

Потом он сверкнул белками глаз - ровно за мгновение до того, как пламя зажигалки, наконец, милосердно погасло... но я увидел. Глазные яблоки на том месиве, что осталось от лица, дёрнулись наверх и посмотрели на меня. Последовала гулкая темнота; опора ушла у меня из-под ног, я беспомощно взмахнул руками и упал в неведомую страшную темноту. Где-то рядом назойливо звенел тонкий комариный писк. Я понял, что это крик, исторгающийся из моей собственной груди, но не мог заставить себя заткнуться – всё кричал и кричал, низвергаясь в бездонную черноту. Но даже здесь меня преследовали глаза мертвого человека, следящие за мной с красного обескоженного лица.

Я вскочил с задыхающимся криком. Лицо моё было разгорячено; рубашка прилипла к телу. Некоторое время я даже не мог видеть, где нахожусь: мне казалось, что я по-прежнему проваливаюсь в чёрную пустоту. Но потом, когда я немного пришёл в себя и присел на жёстком диванчике, в глаза справа ударил яркий свет. Я болезненно прищурился. Грязное стекло окна, за которым виден участок улицы. Пейзаж не отличался особой новизной – я видел тот же мёрзлый асфальт, изогнутые фонарные столбы, медленный танец снежинок и туман. Туман скорее, чем всё остальное, дал понять, что испытанный мною кошмар не был сном. Сердце неприятно сжалось. Туман окутывал город, пробираясь в каждую щелку. Мне предстояло ещё долго блуждать в его безликих лабиринтах, пока я с ним не распрощаюсь.

Мне не хотелось смотреть на этот унылый вид, и я отвернулся от окна. Мой диван был расположен под самым окном; я мог обозревать отсюда всё помещение. Обычный кафе-бар, популярный в курортных городах. Прилавок, пара холодильников и горы продуктов в картонных ящиках. Хаотично расположенные низкие столики, за которыми так неудобно сидеть. Лампы на потолке не работали, поэтому я не сразу заметил женщину около прилавка, молча наблюдающую за мной. Но когда она вышла из тени и подошла к окну, мне не составило труда узнать её. Она обогнала меня вчера вечером (... или когда это было?) на полицейском мотоцикле. Правда, тогда глаза её были сокрыты за тёмными очками, но это явно была она – те же светлые волосы, та же строгая голубая униформа. Совсем ещё молодая – видать, недавняя выпускница академии. Она улыбнулась мне. Улыбка у неё была приятной и завораживающей. Я из солидарности попытался растянуть потрескавшиеся губы в ответ, но вместо этого схватился за раскалывающуюся голову и спросил:

- Я спал?..

Она чуть кивнула, заинтересованно разглядывая меня. Я опять ничего не понимал. Значит, всё это был сон? Но авария... Нет, авария была по-настоящему. Я потрогал солидную шишку на голове. Похоже, женщина вытащила меня из разбитой машины и принесла в это кафе. А этот распятый человек...

- Как вы себя чувствуете?

Я снова посмотрел на женщину. Она заботливо протягивала мне стакан с водой. Только при виде стакана я понял, что горло у меня горит огнём. Я взял воду и сделал

несколько жадных глотков. Живительный напиток растекался по жилам – чертовски приятное ощущение. Стало светлее: я взглянул на мир новыми глазами.

- Как будто попал под грузовик, - невесело пошутил я, отставляя стакан. – Но вроде всё в порядке...

В доказательство своих слов я потянулся, не вставая с дивана. Громко щелкнули затекшие суставы.

- Рада слышать, - бодро отозвалась полицейская, присаживаясь за пустой столик. – Так вы местный?.. Не скажете, что вообще творится в этом городе?

Я протестующе поднял руку:

- Погодите, минутку. Я всего лишь турист, приехал в Тихий Холм отдыхать.

Я вспомнил зловещую пустую дорогу и почувствовал себя неуютно. Она спросила меня, что творится в этом городе. Я не знал, но явно ничего хорошего. Лес, туман, девушка на дороге, Шерил, убегаящая от меня...

Шерил. Удивительно, как я мог о ней забыть. Такой вот был из меня отец. Ужас от увиденной во тьме картины настолько затмил мой разум, что начисто вышиб из головы образ моей дочери. Я резко оглянулся. Улица была пуста. Где Шерил? Где она?.. Я встал с дивана и подошёл к окну вплотную. Нет, никого.

Полицейская смотрела на меня с удивлением.

- В чём дело?..

Меня пронзила страшная догадка, от которой бросило в жар и холод: Шерил мертва. Она умерла в салоне, пока я видел свои кровавые грёзы. Полицейская нашла её тело... но не хочет мне говорить, не желая травмировать сверх меры.

Я медленно обернулся.

- Вы не видели...

Раздельно по словам, тщательно выговаривая буквы:

- Вы не видели здесь маленькую девочку? Ей семь лет... Короткие чёрные волосы...

Моя дочь...

На лице женщины отразилось недоумение, удивление и некоторая досада, но ничего более. Она развела руками:

- К сожалению, нет. Вы вообще единственный человек, которого я видела в городе.

Похоже, она не врала. У меня с сердца словно сняли раскалённый пресс. Дышать стало свободнее. Шерил не умерла, и это главное. Она не могла уйти далеко. В конце концов, это всего лишь городок средней величины.

Стоп. Я нахмурился. Она сказала – единственный человек в городе? Единственный?!

- А где все?

Она снова развела руками:

- Если б я знала...

Мы замолчали. Я опять покосился в сторону окна. На нижней кромке стекла кто-то приклеил наклейку с надписью: «ГОРОД БОГА, ШТАТ БОГА, СТРАНА БОГА». В Мэне любили такие громогласные утверждения. Но этот город явно не был городом Бога – это я уже понял. Слишком много в нём было странного.

Словно угадав мои мысли, женщина тихо сказала:

- Всё, что мне известно – здесь что-то не то...

По голосу я почувствовал её растерянность. Наверное, в академии не учили, что делать в подобных ситуациях. Она была не готова к такому раскладу дел.

Впрочем, как я узнал впоследствии, к этому не был готов никто...

- Как вас зовут?

Вопрос почему-то застал меня врасплох; смешно, но я не сразу вспомнил собственное имя.

- Гарри... Гарри Мейсон.

- Сибил Беннет, - она протянула мне руку, и я неуклюже затряс её в ладони. Мои пальцы по сравнению с её были ледяными. – Живу в Брамсе, соседний город милях в двадцати отсюда. Я офицер полиции.

- Рад познакомиться, - кивнул я и буркнул:

– Хотя был бы больше рад при других обстоятельствах.

- Да уж... – Сибил с тоской посмотрела в окно. Город медленно заносило снегом. В горле опять начало щекотать, но стакан уже был пуст.

- Кстати, вы ведь писатель, так?

Я удивлённо поднял глаза. Вот уж не ожидал, что моё имя ей знакомо.

- Вообще-то, да...

Сибил засияла:

- Я читала ваши книги. Не все, но при случае стараюсь покупать... Особенно мне нравится «Невинная луна».

- Спасибо.

Я глупо улыбнулся. Мне вдруг стало смешно. Обычно я днём с огнём не мог разыскать своих читателей – от этого иногда даже казалось, что свои книги читаю только я сам. Нет более ужасного и безнадёжного чувства для писателя. И вот ирония судьбы – я сталкиваюсь с одним из постоянных читателей в Богом забытом курортном городке Мэна. Гордость вроде бы неуместна, но я не мог не радоваться. И это раздражало. Сейчас были вещи более важные, чем трогательная дискуссия с читателем в пустой заснеженной кафешке. Я решил направить разговор в более конструктивную сторону и спросил:

- А почему вы сюда ехали? Что-то в этом городе случилось?

Сибил помрачнела:

- Да как сказать... Вчера вечером с Тихим Холмом пропала связь. Внезапно. Молчали и телефоны, и рация... Свободной в участке оказалась только я, вот меня и прислали выяснить, что стряслось. Знаете, в здешних местах потерять связь с внешним миром – всё равно что стереть город с карты.

В её голосе звучала тщательно скрываемая обида. Похоже, ей самой не нравилось, что она играет роль девочки на побегушках. Вряд ли в тихом лесном городе было много неотложных дел... но то, что незанятой оказалась именно она, говорило о многом. Ей просто не доверяли что-либо серьёзное и важное. А вот сходить за кофе или стать украшением скучного офиса – для этого Сибил сгодится. Я понимал её чувства.

- В любом случае, - сказала она, - я собираюсь сейчас поехать за подкреплением. А вы...

- Я иду искать свою дочь.

Сибил посмотрела на меня с явным сомнением:

- Я бы не советовала... По дороге я видела странные вещи. Там может быть опасно.

Господи, до чего она наивна. Я решительно встал с места и направился к двери, бросив через плечо:

- В таком случае, я пойду тем более.

«Странные вещи». Что она имела в виду? Неужели Сибил видела то, с чем столкнулся я? Нет, строго сказал я себе, это был сон. Но... в тот момент я впервые почувствовал, как разрывается тонкая шаль грани между реальностью и воображением... и то, насколько это страшно. Решетчатые стены... Глаза, глядящие из лица, краснеющего голым мясом... Я вздрогнул. Всего лишь сон... Почему же я сам в это ни капельки не верю?

- Я не могу оставить Шерил одну, - громко сказал я, обращаясь то ли к самому себе, то ли к Сибил, которая поднималась из-за столика. Сейчас она будет уговаривать меня остаться здесь. Мне придётся разбираться с ней, а время идёт.

Однако Сибил спросила:

- У вас есть оружие?

Я растерянно моргнул. Оружие? Что она имеет в виду? Я посмотрел на свои пустые ладони, и до меня наконец дошло, о чём она спрашивает.

- Нет...

Сибил расстегнула кобуру, висящую у неё на ремне, и вытащила блестящий чёрный пистолет. Дуло смотрело в мою сторону, и я невольно отпрянул. Сибил, кажется, поняла это по-своему: её рука, протянувшая было оружие мне, остановилась в нерешительности.

- Умеете пользоваться?

- Нет... – пролепетал я, - то есть да, умею.

Сказать-то я сказал, но не был до конца уверен, что это правда. С тех пор, как мы с друзьями забавлялись в городском тире, утекло много воды.

«Но снять с предохранителя и нажать на курок-то я смогу», - успокоил я себя. Сибил ещё раз критически осмотрела моё лицо и положила пистолет мне на ладонь. Она мне не поверила. Желая доказать, что мои слова не пустой звук, я вытащил из пистолета обойму (довольно ловко, как мне показалось). Обойма была полной – шесть патронов девятого калибра. Должно было хватить...

- Слушайте, Гарри, - Сибил говорила очень серьезно. - Я очень надеюсь, что вы этим не воспользуетесь, но если всё-таки придётся... Прошу вас – сначала смотрите, в кого стреляете.

- Хорошо. Спасибо, - сказал я. Хотел сказать ещё что-то нужное и приятное, но слова не находились. И когда Сибил уже стояла у дверей, я наконец спросил:

- А как же вы?

Сибил рассмеялась:

- Обо мне не беспокойтесь. Я всё-таки офицер полиции. И лучше оставайтесь поблизости. Я очень скоро вернусь с подмогой.

Я кивнул, отлично понимая, что если выйду на след Шерил, то отправлюсь без колебания хоть на край света.

- Ладно. Увидимся, Гарри.

На том и расстались. Сибил ушла в туман, оставив меня одного в пустой забегаловке. Мне тоже не следовало задерживаться здесь, но мне очень хотелось пить. Я обошёл прилавок и открыл холодильник. Электричества не было. Лёд давно растаял, на пол побежала струя воды, смочив подошвы моих ботинок. Я увидел банку фруктового сока, вскрыл и с наслаждением влил в себя добрую половину тёплой жидкости. Жажда утихла, но я знал, что это ненадолго.

Пора было уходить. Проходя мимо прилавка, я заметил маленький ручной фонарик, завалившийся рядом с пустыми бокалами. Может, его забыла Сибил?.. В любом случае, фонарь был бы хорошей вещью, если вдруг снова решит пасть тьма. Я взял его и сунул в карман, не испытывая угрызений совести. Всё равно здесь никого не было, кто его хватится.

По пути к выходу я размышлял о том, куда мне пойти... и с разочарованием начал понимать, что не имею никакого понятия. Легко сказать – идти искать. Место мне совершенно незнакомо, к тому же этот туман... Шерил... Где ты можешь быть?

Когда я начал поворачивать ручку двери, слух прорезал неприятный треск. Я мгновенно обернулся, положив руку на карман с пистолетом. Сперва мне казалось, что это очередь выстрелов, раздающаяся на улице, но потом я заметил радиоприёмник, лежащий на столике в углу. Динамик разрывался громким треском эфирных помех, трепая и без того находящиеся на грани нервы. Обычный такой приёмник, который ловит станции в радиусе ста миль – многим этого вполне хватает, чтобы вечером настраиваться на любимую музыкальную волну. Сейчас радиоприёмник не играл весёлый джаз или кантри – он просто наполнял маленькое помещение звуками с поля Армагеддон. Я подошёл к столику и поднял аппарат. Мембрана динамика вздрагивала под напором исторгающихся из неё звуков. Когда я повернул регулятор громкости, треск стал тише, но окончательно так и не исчез.

«Что происходит?» - в который раз подумал я. И словно в ответ на мой вопрос за спиной посыпался град сверкающих осколков. Я обернулся, вмиг забыв о приёмнике. Окно было не просто разбито, оно было *искрошено*. Туман с готовностью полз в образовавшуюся дыру, быстро заволакивая кафе. Прежде чем я успел сообразить, что к чему, в проёме окна мелькнуло нечто, что я сначала принял за большую птицу. Но это не была птица. Я и в страшном сне не видел таких созданий, но теперь, по прошествии четырнадцати лет, думаю, его узнал бы любой современный ребёнок. Гигантские крылья на секунду заслонили свет с улицы. Кафешку наполнила жуткая вонь разложившегося мяса. Я отскочил назад, к прилавку, задев ногой один из стульев. Это было сделано вовремя, потому что почти сразу же существо - невообразимый гибрид птицы и ящерицы – влетело в помещение и зависло под потолком, шумно хлопая крыльями. Я увидел маленькую продолговатую головку с глазами-точками. Птеродактиль, пришелец с мелового периода, принял боевую позу, собираясь напасть на жертву. На меня.

Не отрывая глаз от доисторического ящера, неведомым образом оказавшегося в забегаловке, я возился с пистолетом, ствол которого застрял в складках кармана. Спасло меня то, что особым умом это чудище, судя по всему, не отличалось – оно просто висело под потолком, наблюдая за мной. За то время, пока я вытаскивал пистолет, иной хищник успел бы растерзать меня раз сто.

Наконец птица цвета гнили угрожающе двинулась в мою сторону – почти одновременно я направил на неё ствол пистолета Сибил. Птеродактиль начал пикировать мне на голову, щёлкая клювом, но я был наготове – легко увернувшись от неуклюжей атаки твари, я нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Эхо отразилось от тесных стен и растеклось по туманной улице. Нельзя сказать, что выстрел был очень уж удачным – я целил в голову, а пуля угодила в брюхо ящера. Но этого хватило. Он кулем рухнул вниз, издавая тонкий жалобный писк. Правое крыло повисло на спинке дивана, а левое судорожно било по полу. Птеродактиль беспрестанно тряс головой, словно пытаясь встать. Я вдруг испугался, что сейчас тварь взлетит снова и ринется в бой с удвоенной силой. Решение принял быстро и не размышляя... До сих пор не понимаю, как я в своём тогдашнем состоянии был способен на это. В-общем, я поднял правый ботинок и с силой придавил головку чудовища к полу. Писк стал громче, он миновал уши и проникал прямо в мозг. Но я продолжал переносить тяжесть своего тела на правую ногу, пока череп не хрустнул и не вмялся вовнутрь. Писк оборвался.

Бой был закончен. Всё произошло мгновенно – много быстрее, чем это можно изобразить на бумаге. Только что я стоял и разглядывал беснующийся радиоприёмник – а в следующий момент уже с отвращением смотрел на проломленный череп птеродактиля. Трудно вспомнить, о чём я думал в тот момент – впечатлений была целая туча, слишком много, чтобы я размышлял о чём-то одном. Помню, как недоумевал, откуда взялось чудовище, как приходил в ужас от пронёсшейся совсем близко косы смерти, как про себя благодарил Сибил за пистолет...

Из всего этого варева в конце концов выплыла одна мысль, потеснившая остальные в край сознания: «Шерил». Сибил говорила, что здесь опасно. Вот оно, подумал я, подтверждение её слов – валяется бездыханным на полу кафе. А Шерил там...

Мысленно я увидел, как птеродактиль атакует Шерил, беспомощно прикрывшую голову ручонками. Потом, описав круг над девочкой, он ринулся на неё ещё раз. И ещё... пока она не упала на землю.

Радио ещё хрипело. Я растерянно скользнул взглядом по ней, развернулся и выбежал на улицу. Холода не почувствовал – после разбитого окна температура внутри кафе и на улице быстро сравнялась.

На столбе у кафе висела зелёная табличка с названием улицы – «БАХМАН-РОУД». Забавно. Бахман тогда был начинающим писателем, как и я, – специализировался на триллерах. Мы продали свои первые книги одному и тому же издателю. Вот только находился он в лиге куда более высокой, чем я, мне его было век не догнать. Забегая

вперёд, скажу, что я его так и не догнал. Старина Бахман умер в прошлом году, едва написав свою пятую книгу.

Я растерянно огляделся. Вряд ли Сибил тащила меня через весь город, скорее всего я был поблизости от места аварии. Так и есть – фасад одного из домиков показался знакомым. Присмотревшись, я увидел зелёный палисадник, едва видимый в тумане. Этот палисадник я видел, когда бежал за Шерил – перед тем, как повернуть в проход, где всё началось.

Я побрёл вперёд по Бахман-роуд, постоянно глядя по сторонам. Что-то не верилось мне, что летающая тварь была единственной в городе. В любой момент могла заявиться её подружка. Я решил вообще не засовывать пистолет в карман, а идти с оружием в руках (но на предохранитель всё-таки поставил). Пока вокруг было тихо и спокойно, но нутром я чувствовал, что за белым веером тумана скрываются ещё много подобных тварей. При мысли о них мне становилось плохо – не от страха за себя, а от страха за Шерил. Что, если с ней уже что-то... Оторваться от неприятных мыслей было сложно. Я сжимал рукоятку пистолета и шёл дальше.

Вот он, этот проход, обрамлённый с двух сторон красными кирпичными стенами. Как во сне, я ступил на покрытый снегом асфальт. Похрустывание под ногами казалось оглушительным.

Калитка с надписью «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА». Я попытался вспомнить, закрывал ли её в своём... «сне». Кажется, нет. Точно, калитка так и осталась незакрытой. Значит, это действительно был не сон... Я толкнул калитку. Она была такой же тяжёлой, как и раньше. Пройти через неё было сродни наступлению два раза на одни и те же грабли, но иного пути не было. Если увиденное мною в самом деле не было сном, то Шерил ушла туда, в этот проход. Вполне возможно, что она до сих пор там.

На асфальте по-прежнему краснели ошметки изуродованного тельца. Я прошёл мимо, стараясь не обращать внимания. Снег ложился на плечи. Я чувствовал, что всё повторяется, что ещё одно мгновение, и я окажусь в пучине знакомого ада, но не мог остановиться и повернуть назад. Было уже слишком поздно. Скоро путь мне преградила вторая калитка. Я замешкался, пытаюсь задавить заползающий в душу животный страх.

«Ну что... давай».

Калитка открылась угрожающе бесшумно. Я увидел проход, растворяющийся в тумане. Всё, подумал я, сейчас услышу вой сирен, и на землю падёт тьма. Я закрыл глаза. Во рту начали мелко стучать зубы.

Нет... Всё было нормально. Не осмеливаясь открыть глаза, я сделал один шаг.

И раздался вой.

Кровь остановилась у меня в венах, сердце перестало биться. Вой был совсем близко, на расстоянии пятидесяти шагов. Я пережил секунды поистине чёрного отчаяния, прежде чем понял, что вой исходит не из металлических горловин сирен. Это был вой собаки – вой унылый и жуткий, словно сошедший из фильмов про ночных оборотней. На ум первым делом пришла табличка: «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА!». Я открыл глаза и обернулся, поднимая пистолет. Увидь за спиной хоть что-то живое и движущееся, выпалил бы без раздумий. Но там никого не было. Снег продолжал идти, вокруг было по-прежнему туманно и светло. Вой затих, чтобы тотчас зазвучать снова – он отдалялся. Я мысленно перекрестился и снова посмотрел вперёд.

Признаться, я был готов ко всему, но только не этому. Человек быстро привыкает ко всему, и разбитые каталки, сгнившие трупы не стали бы для меня неожиданностью. Но это был странный город со странными законами, и он не переставал меня удивлять. Проход исчез. То есть он был, но стена здания непонятным образом вспучилась, заткнув и без того узкий коридор. Как раковая опухоль... На земле рядом со стеной валялись обломки отвалившихся от стены кусков кирпича. И среди них...

Альбом. Альбом Шерил, с которым она никогда не расставалась. Она захватила альбом с собой даже уезжая на отдых, не желая оставлять его ни на день. Я подарил ей

этот альбом год назад, когда она училась писать и рисовать. Правда, ручки Шерил ещё не могли достаточно проворно выводить сложные буквы, поэтому она больше рисовала в этом альбоме, чем писала. Рисовать она любила – в основном людей, зверей и дома. Всё то, что стремится изобразить каждый ребёнок, завладев карандашом. На обложке альбома красовался я - схематичный, но весьма милый человечек. Отец... Шерил нарисовала меня первым делом, в благодарность за подарок. Я втайне гордился этим, как и всякий родитель, получающий знаки внимания от своего чада.

Альбом лежал на обломках кирпичей, выделяясь светлым пятном. Я почему-то не поспешил его поднять. Стоял и смотрел, пока на глазах выступали слёзы. Это всё, с остервенением думал я. Всё, что осталось от моей дочери. Её здесь нет... Она исчезла. И человек, изображённый на обложке, не смог её защитить. Слёзы начали катиться по щеке. Я присел, взял альбом и раскрыл его, глядя на рисунки сквозь прозрачную пелену. На первой странице были два одинаковых человечка, отличающихся разве что ростом. Я и она. Мы держались за руки, а над нами сияло беззаботное солнце в виде неровного круга. Вот опять мы... Шерил с игрушками... Зверьки... Лес, представляющий собой нагромождение палочек-деревьев...

Примерно на середине я наткнулся на странный рисунок. Существо (разумеется, выглядящее достаточно примитивно) пригибалось к земле, готовясь к броску. Я не мог взять в толк, что это – собака или кошка. Вроде бы ни то ни другое... Пасть была усеяна зубками-треугольниками. Я перевернул страницу. Ещё одна такая же тварь. И ещё... Здесь немного другая, на двух ногах, но тоже выглядящая недобро. Господи, да что это такое?

Одним из последних в альбоме был изображён мой старый знакомец птеродактиль. Да, это был он – полуптица-полуящер с крыльями летучей мыши. У меня неприятно засосало под ложечкой. Когда Шерил успела всё это нарисовать? Я периодически заглядывал ей в альбом, и ничего подобного там не было. Значит, в последние дни... Или вообще вчера вечером?

- Зачем, Шерил? – прошептал я, перебирая страницы. Дальше уже пошли чистые белые листы. – Зачем ты всё это нари...

Я осёкся, не договорив. Последняя страница альбома была оторвана – точнее, грубо вырвана руками. Она плавно спланировала на землю, вывалившись из зелёной подложки. Я поднял листок. Края бумаги были неровными. В самом центре были всего два слова красным карандашом (Шерил не любила красный цвет, странно, что она воспользовалась именно им, рассеянно подумал я). Однозначно, почерк Шерил – её характерные каракули.

В ШКОЛУ.

Я перевернул листок, надеясь, что там будет что-то ещё. Но обратная сторона была пуста. Разве что та же строчка, отражённая слева направо – Шерил сильно давила на карандаш, когда писала.

«В школу».

Я снова взял альбом и перелистал в самое начало, вскользь задерживая взгляд на нарисованных монстрах. Может, я в первый раз что-то пропустил?.. Но ничего нового в отсыревших на снегу листках не было. Единственная наводка лежала передо мной – «в школу», и она была предназначена для меня. Шерил хотела, чтобы я пошла в школу.

Я поднялся с корточек и стряхнул снежинки со складок брюк. В руке я скомкал клочок бумаги с красными буквами. Кажется, я видел недалеко от прохода у дороги информационное табло с картой города – специально для туристов, чтобы они не затерялись в незнакомом городе. Самое время наведаться туда и узнать, где у них в Тихом Холме расположена школа.

Но всё-таки я был подавлен. Я пришёл в место кошмара за дочерью, а не за этим скудным посланием. Шерил была здесь, но она ушла... «в школу». Я её упустил.

Погружённый в размышления, я вышел за калитку. И чуть не умер.

Собака атаковала меня неожиданно, материализовавшись прямо из тумана. Сначала я увидел мелькнувшее в трёх шагах впереди рыжее тело, а в следующую секунду она уже летела ко мне, разинув слюнявую пасть. Я даже не успел как следует испугаться – на автомате вскинул руку и подставил собаке локоть, защищаясь от внезапного нападения. Собака грузно врезалась о локоть, попыталась на лету цапнуть меня за руку, но потерпела неудачу. Приземлившись у моих ног, она отскочила назад, уворачиваясь от возможного удара ногой. Конечно, я и не подумывал о том, чтобы лягаться – все мои мысли и надежды были сконцентрированы на пистолете. Вытянув руку, я спустил предохранитель. Рука дрожала; собака уходила то влево, то вправо из мушки. Ума у твари было поболее, чем у ящера, но с огнестрельным оружием она явно не сталкивалась. По крайней мере, собака не попыталась убежать при виде пистолета – она приникла к земле и сжалась, готовая к новому прыжку, а красные злобные глаза следили за мной, фиксируя каждое движение. Собака глухо прорычала, и струйка слюны протянулась с уголка пасти на землю.

«Бог ты мой, - осенило меня, - она же бешеная!»

- Не надо, - сказал я, плавно увеличивая напор на курок. Собака повела правым ухом при звуке моего голоса, и я увидел, что ухо прокушено в давней собачьей битве. Опыта боевых действий у твари было не занимать. Рука задрожала сильнее.

- Хороший пё...

Она прыгнула. Я растерянно сделал шаг назад и на ходу нажал курок. Как бы я ни волновался, промазать с такого близкого расстояния было почти невозможно. Собака издала странный булькающий звук и рухнула вниз, как мешок с мокрым песком. Она даже не стала дёргаться и выть - живая-щелк-мёртвая. Повезло ей...

Я застрелил её, со странным удовлетворением подумал я. Она мешала мне, и я её застрелил. Я иду к тебе, Шерил. Только жди...

Я вышел на улицу из прохода, оставив за спиной мёртвую собаку, валяющуюся у калитки с табличкой «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА!». Злая и мёртвая.

Кажется, этими исчадиями ада кишела вся улица – тут и там сквозь туман до меня доносился лай, вой и ещё Бог знает что. Целая какофония. На этот раз я не стал ставить оружие на предохранитель, более того – я шёл, держа пистолет наготове, схватившись за рукоятку обеими руками. Всякий раз, когда слышал очередной звук, я начинал вращаться на месте, как заряжённый волчок, готовый отразить атаку. Наверное, со стороны это выглядело весьма комично – взрослый мужик, шарахающийся от собственного дыхания и нелепо размахивающий стволом. Но мне смешно не было, я был едва живой от страха. Постреакция... Во время боя с собакой я не успел испугаться как следует, зато теперь, затерянный в плотном тумане, чувствовал себя так, словно мои внутренности наматывают на вертел.

Табло было на месте – даже удивительно. Зная повадки города, я бы не стал дивиться, если бы она исчезла без следа. Но нет, на деревянной дощечке по-прежнему висела карта в праздных зелёных тонах. Присмотревшись, я увидел, что это схема всего лишь одной части города, того, что называется «Старым Тихим Холмом». На Старый и Новый подразделяются почти все городки Новой Англии – местные жители, славящиеся своей консервативностью, налагают на поздние строения клеймо «новых», даже если этим «новым» много больше ста лет. Старый Тихий Холм, как я увидел по карте, был районом не слишком обширным – кучка магазинчиков, церковь, жилые дома... Школу я выискал быстро. Начальная школа Мидвич. Я провёл пальцем по предстоящему маршруту, запоминая паутину улиц. С Бахман-роуд на Блох-стрит, оттуда на Мидвич-стрит. Лёгкая прогулка на свежем воздухе... если бы не эти монстры. Я вздохнул и посмотрел на пистолет. Шесть минус два – четыре. Четыре патрона. А я думал, одной обоймы хватит...

Добирался я до школы долго. Всё оказалось не так просто, как я себе представлял. Стычек с тварями непостижимым образом мне удалось избежать – несколько раз я увидел маячащие в тумане тёмные силуэты и быстро ретировался в обратную сторону, да и только. Нескольких седых волос мне стоил звук хлопающих в пятнадцати шагах от меня

крыльев птеродактиля – я стоял, боясь не то что шевельнуться, но и вдохнуть, пока ящер благополучно не пролетел мимо.

Следующая неприятность ещё раз напомнила мне, насколько серьёзны проблемы с городом по имени Тихий Холм. Улицы были *разрушены*. Бодро шагая по Блох-стрит, я наткнулся на развалившийся асфальт. Это был удар ниже пояса. Дорога просто обрывалась, переходя в глубокую пропасть – только глина вперемежку с кусками раздробленного бетона. Не переехать, не перейти. Ни один бульдозер не смог бы устроить такое. Сантиметр за сантиметром я подкрался к краю обрыва и заглянул вниз. Глубина рва была не меньше двадцати футов – может, даже больше, вездесущий туман стлался даже там. Словно шурувал какой-то гигантский крот или червяк...

Сглотнув слюну, я выругался и повернул назад. Ничего другого не оставалось.

Если бы авария на Блох-стрит была единичной, это было бы полбеды. Так ведь нет же – все улицы были разворошены, будто посреди них угодили крупнокалиберный снаряд. Улица Финней, улица Матесон – всё тупик. Мне в голову пришла сумасшедшая мысль – кто-то играет со мной, получая удовольствие от созерцания блужданий одинокого папаша по городу. Кто-то настолько всемогущий, что способен одним усилием воли сделать улицы непроходимыми. Я и не догадывался, насколько был близок к истине.

В конце концов я, вконец доведённый, просто пробрался в ту сторону через частный сад. Хозяева не вышли возмущаться, когда я перелез через забор – ещё бы. Хозяев просто не было.

- Подожди, Шерил... – шептал я, как заведённый, перекидывая ногу через частокол фальшивых шипов. - Подожди...

Сад резал глаза изумительным контрастом белого и зелёного. Ягодные кусты не ждали такого скорого прихода зимы – на листья легло тонкое покрывало, медленно выталкивающее из них остатки лета. Я прошёл по аккуратно подстриженному газону на задний двор. К домику был прислонён детский велосипед. Почему-то мне стало жутко при виде этой мирной картины. Здесь жили люди, обычные люди – до вчерашнего вечера. Сегодня они пропали, как и все остальные горожане. И никто их не хватился... Неужели я тоже могу так же незаметно исчезнуть?

Так или иначе, я выбрался через сад на заветный Мидвич-стрит. Улица здесь была пошире, да и дома выглядели более респектабельно, чем на окраине. Налево, напомнил я себе, воскрешая в памяти карту на табло. Не так много, всего около мили и десять минут ходьбы, и я увижу школу.

На деле вышло иначе. Я добрался до начальной школы Мидвич не через десять минут, а через *четыре*. Я бежал – бежал без оглядки, не останавливаясь, не обращая внимания на рвущийся звук в лёгких. Всему виной была темнота. Я сделал три шага по Мидвич-стрит, и над городом словно наклонилось исполинское чудовище, загородившее солнце. Я успел увидеть стремительно ползущую по асфальту полосу тени, поглощающую фонарные столбы один за другим. Через минуту она настигла и меня, окутав в чёрное вязкое одеяло. Я обернулся. Тень скользила дальше, как пантера в броске, выжигая снег и туман. Далеко у горизонта в последний раз мелькнул лучик света... и стало темно.

В Тихом Холме настало время ночи.

Я очень спокойно засунул руку в карман, нащупал рукоять фонарика. Пальцы не дрожали. Спокойно, приказывал я себе. Не дёргайся понапрасну. Без паники. Ты ждал этого.

Я зажёл фонарь и с разочарованием увидел, что батареи слабоваты для борьбы с внезапной темнотой. В радиусе пяти шагов ещё можно было кое-что разглядеть (возможно, дело было не так плохо, но глаза мои уже тогда были не в лучшем состоянии), а дальше контуры предметов размывались, сливаясь с чёрным фоном. Ладно... Лучше так, чем совсем без света.

Потом в голову змеёй вползла подлая мысль: «Они тебя видят».

Я с ужасом понял, что это правда. Туман, канувший в Лету, играл мне на руку, укрывая от нежелательных взглядов. А теперь, один в темноте, отмеченный снопом света, льющегося с фонаря, я становился идеальной мишенью. Я словно бы увидел себя сверху – сбитый с толку, затравленно озирающийся человек, к которому со всех сторон подтягиваются полчища кошмарных созданий. Я услышал шорох, раздавшийся за спиной, и обернулся с приглушённым вскриком. Фонарь ткнулся в стену тьмы. Шорох раздался уже справа, но когда я поворачивался в ту сторону, я различил такие же крадущиеся звуки слева... сзади... спереди. До сих пор не знаю, было ли это только моё воображение или там действительно что-то пряталось... В-общем, я не выдержал и побежал. Хорошо ещё, что хватило ума не кричать – тогда бы точно засекали.

Я, наверное, пробежал бы школу – все дома выглядели одинаковыми чёрными коробками, - если бы буквально не впечатался лицом в дорожный указатель с изображением бегущих детей. Несмотря на весь мой ужас, я смог принять и переварить информацию. Не замедляя темпа, я повернул направо, вломился через декоративные кусты, безжалостно их сминая, и увидел перед собой большое серое здание. Пожалуй, строение выглядело слишком мрачно для обиталища детей, но меня тогда это не волновало. Мысль была только одна – скорее внутрь, туда, где *они* не смогут меня достать. Я ринулся вдоль стены, нервно наблюдая краешком глаза за огромными окнами, отражающими тусклый свет моего фонаря. Стена тянулась и тянулась, растягиваясь, как резина. В своём сознании я пробежал многие мили, прежде чем увидел дверь. Над дверью висел круглый герб с белыми буквами по контуру: «НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА МИДВИЧ».

Едва не сорвав дверь с петель, я ворвался в школу и навалился на дверь плечом, оставляя за ней тварей, идущих следом. Стало тихо, очень тихо – шорохи и противные похихикивания во тьме умолкли, но мне лучше не стало. Во время марш-броска взбудораженный адреналин с лихвой компенсировал всю усталость и боль, но теперь, чуть приходя в себя, первым делом я почувствовал, что задыхаюсь. В горло словно вставили твёрдый предмет, не пропускающий воздух. Я выронил фонарь на пол и согнулся, хватая ртом воздух, потом и вовсе опустился на четвереньки. Наверное, со стороны я выглядел как пьяница, собравшийся слюнуть на лужу. Нет, этот город был явно не для меня. Я не переносил его чисто физически.

Более-менее успокоившись, я увидел, что школа обесточена. Единственным источником света в прихожей, куда я попал, был лишь фонарь, сиротливо лежащий у моих ног. Это меня не столько удивило, сколько огорчило. Шерил оставила мне послание прийти сюда. И что я обнаружил? Ровно то же самое, что и в любом другом месте. В голове шевельнулся отросток трусливой мысли – а не стоит ли действительно вернуться в кафе, дожидаться Сибил с подкреплением и продолжать поиски уже с ними...

Нет, жёстко возразил я себе. Шерил здесь. Уж не знаю почему... но она здесь. Она сама так написала. Значит, ей я нужен. Она в опасности...

Я встал и поднял фонарь. Свет, бьющий из-за круглой стекляшки, уже не казался ослепительным, и это меня насторожило. Чёрт, что со мной станется, если батареи сядут в самый неподходящий момент?.. У меня нервы не настолько из металлического сплава, чтобы бродить в потёмках без единой искорки.

Когда я протянул руку к двери прихожей, чтобы зайти в холл школы, где-то в глубине здания раздался грохот. Здание на мгновение задрожало с основания до крыши, потом снова стало тихо.

Ничего страшного, подумал я, покрываясь липкой влажной плёнкой. Просто упал какой-то шкаф... может, книги с полок посыпались... мало ли что.

Вот именно. Мало ли что. Монстры остались на улице, но это не означает, что их здесь нет. Я отдернул руку, уже лёгшую на круглую медную ручку, и извлёк из кармана пистолет Сибил. Четыре патрона...

Но шататься в темноте с фонарём в одной руке и с пистолетом в другой было не очень удобно. Я задержался ещё на минуту, пытаюсь прикрепить фонарь на нагрудном

кармане так, как делают это герои фильмов ужасов. В конце концов это мне удалось, и я несложными настройками добился того, чтобы свет освещал как раз то место, куда я смотрю. Вот так. Я довольно цокнул языком и иронично оглядел себя – фонарь, пистолет. Прямо супергерой какой-то.

С тем и вошёл в холл. Здесь тоже было темно. Я быстро повернулся направо, потом налево, выявляя возможных неприятелей. Холл был пуст. Короткий коридор по обе стороны заканчивался дверью. Ещё одна дверь была прямо передо мной. Слева я увидел деревянную стойку, похожую на магазинный прилавок – на ней лежали какие-то листы бумаги.

- Шерил? – окликнул я, опуская пистолет.

«.. рил... рил...». Акустика помещения была ужасная – искажённый до неузнаваемости голос всё вторил и вторил имя Шерил, пока у меня не начало сводить зубы. Будь в холле хоть одна живая душа, она бы точно услышала.

- Ч-чёрт... – процедил я и направился к стойке. Бог знает, что я хотел там найти, но на листках не было ничего интересного, кроме нескольких незнакомых фамилий.

Я почесал затылок, другой рукой растерянно поправляя фонарь на груди. Сомнений не было - школа пустовала абсолютно. Неужели Шерил здесь?.. И если да, то почему я её не вижу?

Вопросы, вопросы. На них у меня не находилось достойных ответов, но я надеялся найти их здесь, в этих мрачных пустых помещениях, в этом доме, окружённом полчищами монстров. Я никогда не любил школы. Отголоски детства: в классе у меня было мало друзей (а если до конца честно, то ни одного). Даже приятелей - раз-два и обчёлся. Сейчас, когда я стоял один в трехэтажном здании храма науки и в углах шевелились тени, у меня любви особо не прибавилось.

Я отворил ближайшую дверь и вошёл в длинный коридор. Пронумерованные ряды дверей навевали удручение. Я подумал, а не попробовать ли ещё разок выкрикнуть имя дочери, но решил, что лучше пройтись, заглядывая в каждый кабинет. «КАБИНЕТ БИОЛОГИИ», - было написано на двери слева от меня. Я нажал ручку двери, но она прошла вниз не более чем на два дюйма. Заперто... Я пошёл дальше, дёргая за ручку каждой двери. Заперто. Заперто. В середине коридора висела большая карта страны. Посветив на неё, я увидел жирную красную точку на севере штате Мэн. Тихий Холм. На карте он не был обозначен, и кто-то решил исправить этот досадный недостаток. Глядя на заботливую отметку на карте, я вдруг понял, что это место было совсем недавно обычным сонным городком, как и сотни других. Потом здесь случилось что-то ужасное... А я за последние часы стал воспринимать Тихий Холм как нечто живое и единое, дышащее иррациональной злостью. Это неправильно, сказал я себе. Город ни в чём не виноват. Но сейчас... сейчас, по прошествии четырнадцати лет, я знаю, что всё не так. Дело как раз и было в городе.

Оторвавшись от карты, я прошёл два шага и дёрнул дверь кабинета географии. Собственно, я уже начал думать, что все кабинеты закрыты, и поэтому меня удивило, что кабинет оказался незапертым. Внутри было так же бескомпромиссно темно, как в коридоре. Луч фонаря осветил миниатюрные пустые парты с лежащими на них перевёрнутыми стульчиками. На доске под уверенной росписью преподавателя были видны неровные каракули какого-то ученика. Ничего необычного – просто школьный кабинет... но мне вид всё равно не понравился. Возможно, дело было в темноте. Казалось, между нагромождениями парт кто-то прячется, очень успешно маскируясь под пустое место. Я взял фонарь в руку и медленно провёл лучом из угла в угол, внимательно изучая каждый миллиметр. Вроде чисто.

Первым делом я подошёл к окну, чтобы узнать, не видно ли у здания чудовищ, что гнались за мной, или они ушли. Ответа я так и не узнал – может, существа были, но я не мог их различить. Ну разве что если они прижмутся к стеклу вплотную. Вот это мне было нужно меньше всего, так что я по-быстрому отошёл к середине класса, перестав светиться

в окне. Немного потоптавшись, я вернулся в коридор. Всё равно в классе ничего интересного не было.

Далее я в кабинеты не заходил. Большинство дверей по-прежнему были закрыты, а если попадались открытые, я просто осматривал их с порога, водя лучом фонаря. Этого вполне хватало, чтобы убедиться, что моей девочки там нет. А всё остальное было мне побоку.

По мере приближения к концу коридора мои шаги становились всё быстрее. Фонарь двигался урывками, и пятно жёлтого света скакало из стороны в сторону, не давая хорошо разглядеть помещение. Пустой кабинет... снова пустой кабинет... Крайняя в коридоре дверь оказалась запертой, и я в сердцах вдарил по нему кулаком. Попал ровнехонько костяшками пальцев, и пронзительная боль пробежала по нервам. Я стиснул зубы. Её здесь нет... Оставался ещё второй коридор, но моя вера была сломлена. В конце концов, с горечью подумал я, кто сказал, что в записке имелась в виду именно эта школа? Даже в самых захолустных городках школ по две-три, а то и четыре. Может, пока я брожу по этим чёртовым закоулкам, моя дочь ждёт меня на другой окраине города?

Делать было нечего. Я снова нацепил фонарь на грудь и проделал обратно весь путь по коридору. Возвращение было не триумфальным, что тут скажешь. Я совершенно забыл о безопасности, о том, что рядом в пяти шагах носятся монстры, мечтающие меня сожрать. И наказание постигло меня в виде громогласного звука, ударившего кувалдой по барабанным перепонкам.

Меня шандарахнуло так, что я едва не свалился, споткнувшись о собственную ногу. На спине разом выступил литр холодного пота; я попытался развернуться на месте, одновременно наставляя пистолет на неизвестного врага. Это мне не удалось; я в полной мере ощутил на себе эффект неожиданности, потеряв всякую власть над своим телом. Я был даже не в состоянии поднять руку с оружием. Пальцы мёртвой хваткой вцепились в бесполезный пистолет. Я понял, что проиграл, и, зажмурив глаза, ждал сокрушительного удара, который вот-вот обрушится на меня. Но удара не было. Через десять секунд, когда вернулось чувство времени, я осмелился открыть глаза. Первое, что я увидел, была дверь выхода из коридора, неподвижная и совершенно безобидная. Я рывком оглянулся через плечо. Тоже пусто. Какого...

Раскатистый звук раздался снова, заставив стены содрогнуться. На этот раз я понял и едва не рассмеялся от собственной пугливости. Это были куранты. Похоже, где-то в дворике школы была часовая башня, и вот пробил какой-то час ночи. Я начал неизвестно зачем считать количество ударов. После первых двух ударов часы пробили ещё два раза и замолкли. Я нахмурился. Четыре пополуночи? Этого не могло быть, прошло не более часа с того момента, как на город пала тьма. Но куранты пробили четыре раза... Безнадёжно поразмыслив над этим, я опять-таки не нашёл ничего лучше, как упереться в уже привычный вывод – это всё проказы странного города со странными законами. И не стоит мне пытаться понять его извращённый юмор – всё равно что биться головой о каменную стену, только лоб себе и расшибёшь.

Когда я почти успокоился этой мыслью, куранты забили снова.

Я остановился. Тяжёлый бой часов был неровным, промежутки между ударами то сокращались, то увеличивались. Часы пробили на сей раз только дважды. Вместо третьего удара я услышал слабое диньканье маятника, едва коснувшегося металлического свода.

В часовой башне кто-то был. Понимание пришло внезапно и с чёткостью только что отпечатанного негатива. Кто-то... А кто мог находиться в школе сейчас? Только Шерил...

Я бросился бежать. Выбежав обратно в холл, рванулся к противоположной двери и распахнул его одним движением. Как я и думал, здесь была небольшая открытая площадка, видимо, предназначенная для развлечения детворы во время перемены. Качели, батуты, мягкий зелёный газон... Над всем этим величественно возвышалась часовая башня, точная уменьшенная копия Биг-Бена. Луч фонаря был слишком слаб, чтобы я мог ясно разглядеть циферблат, но как мне показалось, минутная стрелка была обращена вниз.

Это только подтвердило мои подозрения о том, что часы били не на автомате. Я подошёл к основанию башни и увидел маленькую дверь. Дверь должна была быть заперта на ключ днём и ночью, чтобы маленькие шалунишки не смогли проникнуть в башню... но сейчас она была приоткрыта. Я опустил взгляд и увидел поблескивание железного замка, валяющегося на траве. Опустившись на корточки, я поднял замок. Дуга не была перекушена или перепилена – дверь открыли ключом без всякого взлома. Я снова поднял глаза к циферблату. Башня серела на фоне чёрного неба, чем-то напоминая остроконечные верхушки средневековых темниц. Куранты больше не звучали. Господи, неужели Шерил там, среди нагромождения шестеренок и рычагов? Зачем это ей только понадобилось?

Я открыл дверь (она скрипнула с ужасающей громкостью) и вошёл внутрь башни, согнувшись в три погибели. Несмотря на это, пыльный потолок всё равно упирался мне в затылок. Запах пыли щекотал нос и горло. Не помогал даже фонарь: я пробирался почти что на ощупь. Меня охватило раздражение – всё в этой чёртовой школе мелкое, тесное и недоделанное. Проклиная архитекторов, я шёл вперёд. Через десять шагов впереди показалась дверь с табличкой: «ОПАСНОСТЬ! НЕ ВХОДИТЬ!». Вряд ли это остановило бы карапузов, добравшихся сюда, мрачно подумал я и открыл дверь. За ней должна была быть лестница, ведущая наверх, к механизму...

Несколько секунд я оторопело смотрел на железную лестницу с поручнями, уходящую вниз под деревянные настилы пола. Почему эта лестница ведёт вниз, а не в противоположном направлении? Я поднял голову, но на низком потолке не было никаких лазов, не говоря уже о лестницах. Похоже, путь был только один. Мне очень не хотелось спускаться чёрт знает куда, но выбора не было. Я присел, схватился за поручни и начал кряхтя перебирать ногами. Возможно ли, что механизм часов расположен под землёй и каким-то образом связан с верхушкой? Я никогда прежде не бывал в недрах часовых башен, но сомневался, что такое возможно. У лестницы, ведущей под землю, было иное предназначение, и я мог узнать его, только испытав на собственной шкуре.

Что, собственно, и случилось. Лестница привела в тесную деревянную комнатку, зарытую прямо под основанием башни. Комната была до того крохотной, что у меня создалось устойчивое впечатление, будто я в гробу и меня похоронили заживо. Меня пробрал страх, осклизлый и шевелящийся, как клубок живых змей. С облегчением увидев на противоположной стене тянущуюся вверх лестницу, точь-в-точь похожую на ту, по которой я сюда спустился, я поспешил туда.

Когда я взялся руками за металлические поручни, покрытые облупленной синей краской, фонарь погас.

Оказавшись в мгновенной темноте, я испытал очень странные ощущения. Будто мир вокруг меня переворачивается на сто восемьдесят градусов вокруг оси, меняя все вещи местами. Меня затошнило. Паники или чего-либо такого не было – я просто не успел осознать, что произошло и чем это мне грозит... но наверняка эти доли секунды состарили меня на целый год. Не успел перед глазами померкнуть отблеск света, падавший на деревянные стены, как фонарь вновь вспыхнул ярким сиянием. Никакого мигания или затухания. Лампу словно на секунду прикрыли плотным куском бумаги. Я вытащил фонарь из нагрудного кармана и осмотрел, пытаясь понять, что произошло. Ничего такого... Батареи, конечно, уже далеко не полные, но ещё по меньшей мере час должны были прослужить. Наверное, разомкнулся какой-то контакт, подумал я и вернул фонарь на место. Очень хотелось надеяться, что это больше не повторится.

Я снова полез по лестнице, на этот раз уже вверх. По всем расчётам эта лестница должна была вывести меня к обратной стороне башни, но я уже не думал, куда лезу и зачем. Просто пробирался вверх, втискиваясь через узкие своды. Когда я добрался до середины лестницы, заметил там кое-что странное. Синяя краска на одной из перекладин была содрана, обнажив ржавый металл. Тёмное красноватое пятно напоминало четырехконечную звезду. Такую же «звезду» я видел, когда спускался в подземную комнату по той лестнице. Что за ерунда? Неужели я до того перепугался, когда погас свет,

что не заметил, как развернулся? Я был уверен, что не двигался с места – да и темнота длилась десятую часть секунды, за это время я попросту не успел бы совершить поворот. Я полез дальше, списав «звезду» на случайность.

Лестница упёрлась в закрытую дверь. Я уже догадывался, что за ней меня ждёт коридор высотой в полтора метра. Так оно и есть – та же самая колючая древесина, за который если схватишься, то заработаешь сотню заноз, та же самая прозрачная румяна пыли под потолком, тот же...

На полу, покрытом толстым слоем пыли, отчётливо выделялись следы ботинок. Моих ботинок – ботинок, купленных полгода назад в обувной лавочке через улицу.

Я недоумённо оглянулся и ткнулся носом в знакомую табличку: «ОПАСНОСТЬ! НЕ ВХОДИТЬ!». Сомнений не было – это был тот самый коридор, куда я попал через дверь часовой башни. Я был там же, откуда пришёл.

Но этого не могло быть! Я, конечно, был напуган, но ещё не настолько, чтобы перестать контролировать свои действия. Я шёл строго вперёд и никоим образом не мог развернуться. Не мог, и всё. Разве что окончательно сошёл с ума.

Но было ещё что-то помимо этого. Я как-то... чувствовал, что ли... что это всё-таки не то место, где я побывал. Что-то изменилось – то ли воздух стал тяжелее, то ли на стенах прибавилось подгнивших участков, но *это* было вполне ощутимо. И мне не хотелось открывать дверь часовой башни, чтобы узнать, куда я попал. Я понимал, что всё это суший бред, что там будет всего лишь пустой школьный дворик, спящий во тьме... но всё равно боялся открыть хлипкую дверцу.

Но у меня, как всегда, выбора не было. Вообще я начал замечать, что после того, как я попал в Тихий Холм, события часто поворачиваются именно таким образом, чтобы дать мне как можно меньше воли в поступках. словно всё идёт по какому-то давно написанному, проверенному и перепроверенному сценарию. Это настораживало... но, опять же, от моих переживаний по этому поводу ничего не зависело.

Я открыл дверь, решительно толкнув наружу. Она протяжно закрипела (я уж и забыл), и через порог хлынул поток воды, собравшейся на ступеньках. В лицо впились острые капли, несущиеся по воздуху на огромной скорости, гонимые шквальным ветром. Дождь рушился тоннами и мегатоннами, создавая впечатление, что миру этой ночью уготован второй Великий Потоп. Холодная вода, мокрый газон, грязно-коричневые лужицы, скопившиеся на углублениях батутов. «Когда он только успел взяться?» - отрешённо подумал я, вытирая лицо рукавом. Грома и молнии не было – и на том спасибо. Пока я приходил в себя, дождь успел пропитать меня насквозь, превратив одежду в липкие мокрые тряпки. Не хотелось подставлять неприкрытую голову под удар стихии, но вечно прятаться в часовой башне я не мог.

Я выскочил из башни и побежал к двери школы, чувствуя, как вода торжественно пропитывает волосы и стекает по щекам. «Скорее, скорее», - подбадривал я себя, опустив взор, чтобы капли не лезли в глаза. У моих ног мелькал тусклый световой круг от фонарика, и я переключил внимание на него. Поэтому я и обратил внимание на странный знак, появившийся в самом центре дворика на заасфальтированном участке. Знак был достаточно большой – в его контуры свободно могли поместиться несколько человека. Я остановился, чтобы лучше разглядеть его. Двойной круг, между окружностями вписаны непонятные символы-закорючки (я не сильно разбирался в рунических письменах). В круг в свою очередь вписан большой правильный треугольник... Весь знак был выполнен какой-то несмываемой краской тёмно-красного цвета. И ливень, буквально растворяющий асфальт, был против него бессилён.

Не понравился мне этот знак, хотя я тогда понятия не имел, что он обозначает. Во-первых, уж очень он напоминал знаменитую сатанинскую пентаграмму, используемую в обрядах чёрной магии (по крайней мере, так бывало в книгах). Наверняка, подумал я, этот знак с того же поля ягода. Во-вторых, я точно помнил, что в последний раз, когда я пересекал дворик, ничего подобного здесь не имелось. Я не смог бы не заметить такой,

мягко говоря, экстравагантный рисунок. А это означало, что сюрпризы отнюдь не ограничивались внезапным проливным дождём.

Возможности долго любоваться на знак не было. Я побежал дальше, слушая, как чавкают подошвы по мокрому газону, и думал о двойном круге с вписанным треугольником. Символ въелся в память недоброй отметиной и бередил какие-то скрытые струны сознания, причиняя неявную, но мучительную боль.

Когда я взбежал по ступенькам к двери школы, мне пришла в голову одна плохая мысль, от которого я глухо застонал. Сатанинский символ... Неужели в Тихом Холме какая-то секта? В моей памяти была свежа газетная заметка об ужасных событиях в маленьком городке Коннектикута. Полиция нашла в подвале главы местной религиозной организации комнату, полную детских трупов. Десятки жизней, оборванных в самом начале... Я до сих пор не задумывался, ушла ли Шерил сама или... её кто-то похитил?

«В школу». Эта записка. Какой был смысл оставлять наводку, если Шерил убежала от меня по собственной воле?

Мысль была страшной – гораздо страшнее остальных ужасов этого дня. Она была пропитана отравой, забирала мои силы, испаряя их и превращая в пыль безнадёжности.

«Что они могли с ней сделать?»

В тот момент я жалел, что способен мыслить. Такие мысли мне были не нужны. Я с силой ударил ладонью по двери школы, вложив в этот удар скопившийся заряд страха и отчаяния.

Темно... Первым делом я почувствовал в воздухе горький запах скипидара. Фонарь осветил стены, которые были какими-то не такими. Больше я ничего не успел разглядеть, потому что моё внимание привлекла к себе маленькая белая фигурка, появившаяся слева. Человечек медленно шёл по холлу, приближаясь ко мне. Казалось, он плывёт над полом, скользя по воздуху, как по льду.

- Шери...

Я не договорил, потому что понял, что ошибся. Это не была девочка. Это не был даже ребёнок. Малюсенькое существо, завёрнутое в белую ниспадающую одежду. На голову накинута широкий капюшон, полностью скрывающий лицо. Я было обрадовался, что встретил в школе ещё живую душу, кроме себя, но вовремя заметил в спасительном сиянии электрических лучей, что в правой руке человечка серебряным зайчиком сверкнуло лезвие.

Дальше всё пошло быстро. Сработали защитные рефлексы, заложенные в голову, наверное, на заре времён, когда от быстроты и решительности зачастую зависела жизнь. Я отскочил назад и вскинул руку с пистолетом. Человечек продолжал двигаться. Его глаз я не видел (может, их не было вообще?), но мне казалось, они наблюдают за мной, ловя каждое движение.

Это был не человек. Нечто, обёрнутое в белый саван и скрывающее истинное лицо.

- Кто ты? Стой на месте!

Не слушая моих истошных воплей, существо шло ко мне, и расстояние между нами достигало опасного предела.

- Эй, сто...

С поразительной быстротой оно бросилось на меня. Я нажал на курок, подавшись назад. Пуля просвистела над головой человечка и с треском вгрызлась в далёкую стену. Я промазал.

Мне просто повезло. Противник не учёл моего отступательного движения, и поэтому нож не смог достать до цели, в качестве которой выступала моя грудь. Острый наточенный кончик замер совсем рядом и дёрнулся в сторону, атакуя левую руку. Вот здесь я отреагировать не успел. Острая режущая боль, и я почувствовал, как что-то тёплое потекло по рукаву. Указательный палец правой руки произвольно сжался, послав ещё одну драгоценную пулю в молоко.

В пылу борьбы я даже не обратил внимания на полученную рану. Пока я возился с пистолетом, стараясь нацелить его на обидчика, тот быстро отступил назад и растворился в темноте – видимо, понял, что попытка застать меня врасплох провалилась. Хлопнула дверь, ведущая в коридор. Я остался один. Этот бой я выиграл.

«Что это было?»

Я прогнал глупый вопрос, вращающийся в голове. Прямо сейчас следовало позаботиться о себе. С руки, пропитав ткань, густо капала кровь. Я стиснул зубы и закатал рукав. Слава Богу, нож не сумел проникнуть достаточно глубоко – прошёлся по верхнему слою кожи, только и всего. Всё равно что порезаться во время чистки картофеля. Я затянул потуже рукав над раной, связав в узелок, и кровотечение замедлилось, скоро остановившись совсем.

Я упоминал, что, войдя в холл, увидел «какие-то не такие» стены. Когда пыл борьбы прошёл, я смог отчётливо увидеть, в чём заключаются изменения. Это было поразительно, но я словно попал в какое-то другое, совершенно незнакомое место. Не в школу, нет. ЭТО в последнюю очередь могло быть школой. Стены исчезли, сменившись до боли знакомыми ромбовидными решётками. Потолок понизился на полметра. Не веря своим глазам, я протянул руку и пощупал металл, из которого были сделаны решетки. Это была сталь – твёрдая и негнущаяся поверхность, покрытая ржавчиной.

Я поднял фонарь. Потолок был гол, как в новостройке. Провода, лампы, обои – всё исчезло.

- Хрень какая-то... – громко сказал я, и голос повторился несколько раз, отражаясь от стен. Н-да, акустика помещения ни на йоту не изменилась.

Где я? Что произошло? Что мне делать? Где найти Шерил? Я зажмурился. Так. Ты всегда гордился своей логичностью и уравновешенностью, вот и пришло время их испытать. Думай последовательно... Для начала нужно попробовать выбраться из школы и посмотреть, изменилось ли что-нибудь ТАМ. Я шагнул к двери прихожей, которая выглядела так, будто её три дня держали в растворе кислоты. На двери что-то было нарисовано, и, похоже, давно – краска въелась в древесину так глубоко, что начала стираться. Когда я понял, что за рисунок я вижу на двери прихожей, я, кажется, еле слышно вскрикнул. Картина была вполне определённой – двойной круг, вписанный треугольник, закарябры рун, красная краска... Глядя на проклятый знак, я понял, что выхода за дверью нет. И нужно лишь повернуть ручку, чтобы в этом убедиться.

Я убедился. Прихожая превратилась в большую клетку, в центре которой зияла квадратная дыра. Дна видно не было; дыра уходила, казалась, в самый центр земли. Контуры двери на противоположной стене были замазаны какой-то серой массой – цемент или сварка? Я не хотел обходить дыру, чтобы узнать ответ. Дыра пугала меня - вызывала дрожь в коленках. Прав был Ницше, когда сказал: когда ты заглядываешь в бездну, сама бездна тоже заглядывает в тебя. Пустота, появившаяся под решетчатым полом, была совершенно необъяснима... и она притягивала человека к себе, пытаясь загипнотизировать и завлечь в свои смертельные объятия. «Иди сюда, - услышал я её завораживающий шёпот в голове, - иди ко мне...». Я замотал головой, нащупывая за спиной ручку двери. Немедленно уходить... выйти и не возвращаться в эту страшную комнату. Найти какой-нибудь другой выход... Покидая спиной вперёд прихожую, я напоследок заметил в углу, рядом с дырой, сломанное инвалидное кресло. Колесо медленно беззвучно вращалось.

Я плотно закрыл дверь. Была бы при мне карта школы, я бы отметил эту дверь жирным крестом с припиской: «НЕ ВХОДИТЬ».

После ужасной дыры интерьер холла казался даже безопасным. Нужно было искать другой выход из «школы». Ну вот хотя бы через окно... Я выпрямился. Чёрт побери, верно же! Зайти в первый попавшийся класс, разбить окно и уйти из этого жуткого места. Не факт, что за пределами школы лучше, но уж точно не хуже.

Естественно, я выбрал тот коридор из двух, в противоположную от которого сторону ушёл мой «обидчик». Я не имел понятия, что это было за существо, но оно хотело меня

убить. Как тот птеродактиль, как та собака. Наверное, благородный киношный мачо с боевым кличем ворвался бы в коридор и ловко всадил бы ему в голову все оставшиеся в обойме патроны (я проверил – их там было два), но я далеко не походил на мачо. Я боялся. Боялся умереть на решетчатом полу под лезвием странного существа в саване, а ещё больше боялся за Шерил – что с ней станет, если папаша скончается именно здесь и именно сейчас?

«Может, с ней уже что-то стало, - подумал я. – Может, она мертва, и все твои потуги найти её лишены смысла».

Господи, ну не надо! Вот почему я не хотел размышлять о своём положении – стоило обратить мысли в эту сторону, и я не мог думать ни о чём, кроме дочери, её хрупкой фигурке, теряющейся в тумане. О том, где она сейчас и что испытывает. Мысли действовали подобно стрихнину, принуждая капитулировать. А сдаваться я не хотел. Ни в коей мере.

Коридор, конечно, тоже претерпел изменения не в лучшую сторону, но я почти не обращал на это внимания, лихорадочно выискивая глазами дверь кабинета географии. Поиски осложнялись тем, что со всех дверей предусмотрительно пропали таблички. Я не помнил, какой по счёту была дверь нужного кабинета, но мне помогла карта, висящая на стене. То есть... раньше там висела карта США с обозначенным на ней Тихим Холмом. Теперь я нашёл на том же месте большой кусок мелованной бумаги, бросающий яркие блики в свете фонаря. Мне очень хотелось верить, что символ, неуклюже выполненный на листе, написан не кровью... Но на ум сразу приходила именно кровь. Круг, внутри него другой круг, внутри него треугольник – как логотип очередной организации по защите прав животных. Краска (кровь?) была совсем свежая, она сочилась вниз густыми каплями, придавая рисунку неаккуратный вид.

Всё-таки краска, сказал я себе, отворачиваясь от листа. И точка. Никаких разговоров.

Сейчас мне нужно будет собраться, чтобы описать то, что произошло в кабинете географии... Из всех ужасов, которые преподнесла мне начальная школа Мидвич, это была одна из худших. Пожалуй, мне стоило бы забыть этот случай, утопить в мусорке сознания, сечь, в конце концов... но я не могу.

В-общем, всё произошло так. Кабинет был мне знаком, поэтому я собирался действовать быстро. Вошёл в класс, подошёл к окну, немного подождал, наблюдая, не гуляет ли какое чудище под окном, но ничего опасного не увидел. Дождь чуть ослабел, но всё равно хлестал, как из ведра. Я слышал, как капли воды гулко ударяют по крыше и журчат в водосточных трубах. Я взял один из стульев, чтобы разбить стекло окна (вряд ли меня осудят за вандализм, с усмешкой подумал я) и уже начал размахиваться, когда на столе пронзительно зазвонил телефон.

Стул с грохотом упал на пол. Я развернулся и с полуоткрытым ртом уставился на синий телефонный аппарат, скромно примостившийся на учительском столе. Спасённое от разрушения стекло радостно вторило звукам, исторгающимся из телефона. Трель разносилась по классу, нарушая тишину. Телефон звонил настойчиво и надрывно, я бы даже сказал, с каким-то внутренним упоением. Я сделал шаг к столу, и из темноты выплыли ещё два аппарата, стоящие на самом краю стола. Все телефоны были одинаково синими и имели плавные формы без углов. От них не отходил кабель или провод питания. Это были игрушечные телефоны.

«Я сошёл с ума?»

Да, это была первая мысль, пришедшая мне в голову. Я на мгновение закрыл глаза, приказывая вздорным галлюцинациям покинуть меня. Но трель преследовала меня, даже когда веки были опущены. Открыв глаза, я увидел пластмассовые игрушки на прежних местах. Ближний ко мне телефон нервно подрагивал каждый раз, когда раздавался звонок. Звонил именно этот аппарат.

Что ж... Если телефон звонит, то нужно его поднять, верно? Я подходил к телефону миллиметр за миллиметром, не отрывая взгляда от зловещих дырок на бутафорском

диске. Нужно бы пошевеливаться побыстрее, но в подошвы ботинок словно приделали свинцовую пластину. Телефон звонил и звонил... Наконец я положил вспотевшую ладонь на трубку. Мне казалось, что вот-вот в темноте промелькнёт тень и когтистая лапа схватит меня за запястье с вкрадчивым вопросом: «А ну-ка, милоч, что это ты делаешь?». Медленно, очень медленно я сжал трубку в руках и потянул вверх. Она была невесомой, как и подобает быть пластмассе. Но аппарат действительно работал – ещё до того, как поднёс трубку к уху, я услышал в мембране негромкое шипение помех. Как скрежет зубов разъяренной собаки...

- Алло? – сказал я, понимая, что это звучит достаточно глупо.

Шорох, шипение, треск. И ничего. Впрочем, с панической иронией подумал я, чего ещё ожидать от игрушечного телефона. Не его это профиль.

Я мог бы повторить своё «алло», но не хотел. Я желал как можно быстрее вернуть рычаг на место и удалиться восвояси. Пока же кроме помех я ничего не слышал. Может, это новая электронная игрушка такая? Звонит, шумит... и ничего более. Я оглядел телефон, но не обнаружил ни малейшего намёка на «умную» начинку (в те года электронные игрушки были ещё диковинкой).

И вдруг, пробив насквозь весь невозможный шумовой фон, предельно чётко и ясно в трубке раздался голос Шерил:

- Папа...

Тихий, безнадежный, преисполненный боли... Словно моя девочка раз за разом бессвязно бормотала это слово, лёжа в отравленном забытьи. Голос звучал... он был такой... я не думаю, что это был телефон. Мёртвые провода не могли обеспечить такое пронзительно-реальное качество. Я вживую слышал голосок своей дочери, стоя в тёмном кабинете географии, окружённый пёстрыми флагами штатов.

- Папа, помоги...

Я что-то промычал, сжимая трубку так, что она вполне могла с хрустом переломиться в моих пальцах. Я не мог ничего сказать, приободрить Шерил единственным словом. И самое ужасное, что я понимал, как важно сейчас сказать хотя бы что-нибудь, и пытался выдавить из себя слова – но они не шли. Словно из меня изъяли способность к членораздельной речи, превратив в тупое, неспособное выражать свои мысли существо.

- Папа, где ты?

Кристалльная ясность голоса пропала; последние слова пробивались уже через нагромождение помех. Но я услышал, что Шерил плачет – всхлип донёсся громко и отчётливо.

- Шерил, - наконец прошептал я, но она уже не могла слышать мои слова. Связь – если это можно было так назвать - оборвалась. Динамик напоследок щелкнул, отрезая меня от дочери.

- ШЕРИЛ! – я заорал в трубку, как резаный. За окном что-то испуганно вспорхнуло и улетело в темноту, но до меня это было последнее дело. Моя пламенная речь запоздала. Трубка опустела, теперь в ней не слышались даже белые помехи. Передо мной лежала обычная двадцатидолларовая пластмассовая игрушка. Синяя краска издевательски ярко отражала свет, ослепляя глаза и разум. Я встряхнул аппарат, грохнув его об стол.

- Пожалуйста... – с мольбой шептал я, впившись ухом в безмолвную мембрану. Хоть одну минуту... Хотя бы секунду... Молчание. Я ничем не смог помочь своей дочери.

Телефон разлетелся на куски, с силой ударившись о доску. На пол посыпались острые обломки пластмассы. Дырявый диск улетел куда-то в угол кабинета. Та же участь постигла и сородичей аппарата – они тоже были виноваты в том, что произошло. Поверхность стола опустела. Наверное, такой же пустой в тот момент была моя душа... Я остро почувствовал, как остался совсем один.

То есть не совсем. Со мной остались три короткие фразы, истекающие страданием, каждая из которых вонзалась в сердце, как заточенная пика.

«Папа...»

«Папа, помоги...»

- Чем я могу помочь? – спросил я, обращаясь к исписанной зелёной доске. – Разве... разве уже не поздно?

Доска не отвечала. Это обнадеживало. Стало быть, ещё не поздно.

«Папа... Где ты?»

- Я найду тебя, Шерил, - боль от сжатых кулаков простреливала до локтей. Я не уверен, что эти слова я произнёс вслух – скорее всего, просто подумал.

С тем я и покинул кабинет. О том, чтобы уйти через окно, теперь не могло быть и речи – Шерил была здесь, в этой странной школе, в каком-то её далёком уголке. Я намеревался перевернуть здание вверх дном, но найти её. И никакие злобные существа, завёрнутые в саван, не имели права мне мешать.

Знак по-прежнему висел на месте карты. Он совершенно расплылся, сползая с бумаги бурными потёками. Я с ненавистью посмотрел на треугольник, наполовину залитый отвратительной красной жидкостью, сорвал бумагу со стены и кинул на грязный решетчатый пол рисунком вниз.

- Полежи, отдохни...

Холодно улыбнувшись, я удалился от кабинета.

Последующие блуждания сохранились в моей памяти недостаточно хорошо, чтобы я мог связно изложить их в своих записях. Помню только, что я метался по школе часами, обшаривая все кабинеты на трёх этажах – причём в некоторых местах точно бывал по несколько раз. Трущобы, в которые превратились строгие коридоры, не способствовали ориентации. Вся школа напоминала один громадный аттракцион наподобие «комнаты страха». Первые полчаса я искренне приходил в ужас, натываясь на очередные останки неведомого существа, исходящие вонью, но запасы заложенного во мне страха начали исчерпываться. Человек привыкает ко всему – и хорошему, и плохому. И меня в определённой мере перестали пугать мрачные клаустрофобические интерьеры, кровавые символы и прочая шизофреническая дребедень. Думаю, это защитные механизмы, вшитые в наш мозг. Боязнь крови склонен породить страх за свою плоть... и в стремлении сохранить плоть наш разум заглушает боязнь крови и всего остального. Я, конечно, не психолог – просто мне так кажется.

Но я вовсе не хочу сказать, что я спокойно воспринимал это – нет, мне было очень плохо в этих стенах, настолько плохо, что я еле держался на ногах, опираясь на поросшие жёлтым мхом стены. Думаю, в иных условиях я бы полностью сошёл с ума после сорока минут прогулки. Но меня подпитывала изнутри желанием противостоять кошмару единственная батарейка – осознание, что я нужен Шерил. Я понимал - если со мной что-то случится, то у моей дочери не останется шансов на спасение. Я всё меньше надеялся на Сибил и полицейскую подмогу, которую она обещала с собой привести. Вряд ли копы найдут мою дочь в нескончаемых лабиринтах начальной школы Мидвич. Только я, и никто другой...

Но даже в этом калейдоскопе мне запомнилась страшная находка, которая ждала меня в одном из кабинетов. Я ступил за порог, не ожидая никакого подвоха. Что я мог там увидеть? Проржавевшие парты? Очередное кресло-каталку? Странные бурые потёки на стене в виде двойного круга с треугольником?.. Это всё было не ново. Ну разве что Шерил, спрятавшуюся где-нибудь за партией... Хм, это было бы очень хорошо, но вряд ли мне уготовано такое счастье. Так думал я, начиная обводить фонарём кабинет. Луч весело скакнул вперёд, открывая моему взору невообразимую картину.

Кабинет был завален трупами. Человеческие тела, накрытые простынёй, лежали в огромных количествах и в самых разнообразных позах – прямо, скрючившись, подавшись в стороны... Наверное, нечто подобное можно было увидеть в застенках фашистских концлагерей. Кабинет был забит «труповозками», не поместившиеся на них тела попросту валялись на полу. А некоторые... некоторые висели на стенах, распятые точно так же, как

в моём давешнем «сне». Насколько я тогда мог судить своим помутнённым сознанием, это были не люди... существа, похожие на людей, но на самом деле ими не являющиеся. Я попытался успокоить бьющиеся в конвульсиях нервы этой мыслью. Может, это были не люди... а может, это были люди, потерявшие человеческий облик. Меня затошнило, и я поспешил закрыть дверь, пока пучина безумия не поглотила меня полностью.

Тогда я впервые подумал об аде. То, во что превратилась школа и вообще весь город, капля в каплю походило на средневековые панорамы, изображающие обитель греховных. Такому не было места в нашем мире. Одно из двух: либо все образы только в моей голове, либо я умер и нахожусь в аду, получая наказание за свои земные деяния. Либо шизофреник, либо мертвец. Неизвестно ещё, что лучше.

Многое говорило в пользу второго варианта. Мертвецы... Кровь... Темнота... Все эти странные демонические знаки...

Но то я. А что с Шерил? Почему она тоже здесь?

Этим вопросом всё и должно было кончиться. Мне пришлось прервать свои размышления, сглотнуть большой неприятный комок в горле, отдающий терпко-кислым... и брести дальше.

Терзаясь в иррациональных страхах и обследуя каждый метр огромного здания, я почти забыл о реальных опасностях. Я забыл о птеродактиле, напавшем на меня в кафе, о собаке у калитки, и даже о существе, который столь ласково поприветствовал меня в холле школы. Думаю, он далеко не уходил и всё время следил за мной с почтительного расстояния. Потому что время для повторного нападения он выбрал едва ли не самое удачное.

Я обследовал первый и второй этажи и поднялся на третий. Заглядывал в кабинеты, обходил за два метра инвалидные кресла, которые попадались чаще, чем в специализированных магазинах. То и дело выкрикивал имя Шерил. Всё напрасно. Последний этаж рушил мою возродившуюся надежду. Больше этажей в школе не было, а произвести повторный обыск мне попросту не хватило бы сил – как физических, так и духовных. Вот сейчас, уверял я себя, я открою дверь и увижу мою дочь. Мы выберемся из школы и уйдём из города. Нас подберут полицейские. Мы вернёмся к себе домой, и я буду читать Шерил на ночь её любимую сказку. Но кабинеты были такими же пустыми и покинутыми, как на первых двух этажах.

Я дошёл до конца коридора и с замиранием сердца заглянул в последний кабинет. Ничего. Наверное, это был кабинет математики, потому что я увидел старинный механический арифмометр за стеклянной загородкой. Каким-то чудом метаморфозы, которым подверглась школа, не тронули устройство, и оно блистало чистотой серебра, как монета.

Это был финал. Я обошёл школу только для того, чтобы понять: Шерил здесь нет.

«Папа... Где ты?»

- Этого не может быть, - сказал я, зачарованно уставившись на арифмометр. – Она была здесь...

Топ-топ-топ... Шажки за спиной, медленно подкрадывающиеся ко мне... Шаги маленькой девочки. Я услышал их и всё понял. Шерил – она шла ко мне. Конечно, я был прав. Моя девочка здесь, она ждала меня, преодолевая панику и страх перед всеми ужасами школы. Мы искали друг друга в темноте, как бы нам трудно ни было... и нашли.

Я счастливо улыбнулся и развернулся. Свет залил ржавый коридор и Шерил, которая стояла совсем рядом. На ней было то же самое синее ситцевое платье, в которой она была, когда ушла в туман, и на спине улыбались два симпатичные котятка.

Нет... Что-то было не так. Не котятка. Не синие. И не платье. Просто белая ткань, на которой кое-где видны чёрные дырки.

Не она!

Существо приподняло голову, которая всё ещё скрывалась под капюшоном, и размахнулось ножом, на лезвии которого засохла кровь. Здравствуй, старина Гарри, давно не виделись. Здорово я тебя обманул.

Я отступил на шаг назад, ещё не вполне понимая происходящее. Мой противник в свою очередь надвинулся на меня, притесняя к закрытой двери. На этот раз он не собирался отпускать меня живым. Один резкий выпад, и лезвие вонзится мне в живот – не в руку, а в живот.

- Что тебе нужно? – пролепетал я, совершенно забыв, что на свете когда-то жил мистер Кольт.

В ответ существо гордо продемонстрировало мне острую сторону ножа. В-общем, всё понятно – ему нужна моя жизнь. Как и подавляющему большинству обитателей туманного города.

Я рванулся влево, надеясь, что у него будет не очень хорошая реакция. Ошибся – оно проворно прыгнуло вслед за мной, преграждая путь. Надеяться на мирный исход было глупо – нужно было вступать в бой.

Что я и сделал. Не ожидая сам до последнего момента, я сделал резкий пинок ногой прямо в живот существа. Не думаю, что удар вышел особо сильный, но для небольшого монстрика этого оказалось достаточно. Издав звук, похожий одновременно на всхлип и похрюкивание, он повалился на пол, правда, так и не выпустив из рук свой любимый нож. Я надеялся, что это его угонит, но существо сразу же начало вставать. Это меня серьёзно потревожило – кто знает, на что способен этот малыш, если его рассердить по-настоящему. Я ринулся вперёд, перехватывая инициативу, и наконец вспомнил о пистолете, который сжат в правом кулаке. Поднявшись на ноги, мой противник оказался перед стволом, который я наставил на него. Похоже, он знал, что с огнестрельным оружием шутки плохи – и потому замер на месте, нерешительно опустив пистолет.

- Послушай, - начал я, к своему удивлению, довольно спокойно. – Я не знаю, кто ты и человек ли ты вообще, но не желаю тебе зла. Я просто ищу здесь свою дочь. И скоро уйду. Я не хочу никого убивать.

Полагаю, моя пафосное выступление прошло даром, потому что существо не понимало человеческую речь. Оно просто пялилось на меня своими невидимыми глазами и молчало. Мною неожиданно овладело ощущение какой-то мультяшечности происходящего. Одно дело было – все эти жуткие освежёванные тела, бездонные дыры и собаки, пасть которых исходила ядовитой слюной. И как-то совсем другое – пытаться договориться с почти забавным миниатюрным существом, которое тупо размахивало ножичком в бессмысленной агрессии. Несмотря на саднящую руку и всё остальное, воспринимать его как серьёзного противника было сложно.

- Ты понимаешь? – с сомнением спросил я, чуть опустив пистолет. Существо по-прежнему стояло на месте.

- Уходи, - сказал я, указывая свободной рукой на коридор. – Уходи, и всё. Мы больше не...

Одно короткое движение. С быстротой чёрной молнии в моём направлении мелькнула полоска тени. Прежде, чем я успел зафиксировать его в сознании, за спиной послышался звон – нож ударился о решётку.

Зато палец, лежащий на курке, не подвел. Это была уже третья пуля, посланная в адрес неведомого получеловечка, и она наконец сделала то, что не смогли совершить её предшественники. Существо отбросило назад. Оно нелепо распростёрлось на полу, разбросив руки и ноги. Мышцы дёрнулись в последнем рывке.

Я не видел, куда угодила пуля. Но было заметно невооружённым глазом, что существу больше не бродить по школе, нападая на имевших несчастье сюда попасть.

Я подошёл к убитому врагу, борясь с внезапным головокружением. Несмотря на то, что существо явно не было человеком, в я чувствовал себя убийцей, только что

хладнокровно расправившимся с тем, кто стоял у меня на пути. Это была не птица и не собака. Это было разумное существо.

Я наклонился над ним, чтобы увидеть его лицо. Мной овладело болезненное любопытство – что же всё-таки представляет собой мой противник? Поразительно, но лица-то как раз я и не увидел. Капюшон сдвинулся в сторону на самую малость; всё лицо по-прежнему утопало в тени. Мне не хотелось собственноручно стягивать капюшон с головы, так что я не получил ответа на свой вопрос. Что ж, это наверняка было даже к лучшему.

- Сам напросился, - прошептал я и отвернулся от маленького тельца в изорванной белой простыне. Под ним уже успела скопиться лужа крови, которая в полутьме казалась чёрной.

Прежде чем уйти с места битвы, я сделал ещё кое-что. Я имею в виду нож, разминувшийся со мной на два-три дюйма. Теперь он мирно лежал у стены. Я взял его и скрупулёзно осмотрел. Это был короткий обоюдоострый кинжал. На лезвии действительно засохла кровь – это был тот самый нож, которым меня полоснули по руке. Я бережливо засунул его в карман брюк лезвием вверх, чтобы случайно не напороться бедром – этого только мне и не хватало. Оружие врага перешло ко мне. Кто-нибудь может сказать, что это излишне практично, но я должен был учитывать, что в Палочке-Выручалочке, подаренной мне Сибил, остался последний заряд. Я чувал, что и этот патрон в стволе долго не продержится.

Так или иначе, стычка на третьем этаже послужила хорошей встряской, которая помогла мне прийти в себя. Знаете, когда осознаёшь, что твоя жизнь каждую секунду находится в опасности, времени на отвлечённые размышления, не несущие ничего хорошего, как-то не остаётся.

Потом я вспомнил о подвале. Наверное, мне стоило подумать о нём в самом начале. Подвальная комната есть в любом помещении... и если Шерил действительно похитили, то это как нельзя более подходящее место, чтобы спрятать маленькую девочку. Подальше от любопытных глаз папаши. Я почти бегом спустился на четыре этажа вниз по проржавевшей лестнице навстречу новому кошмару.

Подвал был апогеем всего, что творилось в школе. Оказавшись под землёй, я не пожалел, что облазил все верхние этажи. Это была необходимая подготовка, закалка разума перед тем, как попасть сюда. Если бы я сразу полез в подвал, меня хватил бы удар.

Как можно описать то, что открылось моему взору? Уверен, никаких красочных слов не хватит, чтобы хотя бы отдалённо дать об этом представление. Вообразите себе не очень длинный закрытый проход, потолок, стены и пол которого представляют собой сплошную сетчатую решётку. Вдоль стены висели распятые тела со снятой кожей, рот которых был одинаково мучительно разинут в крике. Я их не считал, но не меньше десяти. На противоположной стене, торжественно возвышаясь над этой панорамой безумия, висел Знак. Двойной круг с треугольником. Я уже знал, что он будет до конца моих дней преследовать меня в страшных снах в самых разных ипостасях. Я не мог обманывать себя, утверждая, что это всего лишь краска. Это была кровь. Сладко-солёный запах красноречиво говорил сам за себя. Там, где проход заканчивался, решётка была обильно забрызгана кровью – металл заметно покраснел и отливал тусклым багровым цветом.

- Боже мой, - вскрикнул я, сдерживая порыв немедленно побежать наверх, наплевав на всё. Не ел я давно... но то, что ещё осталось в желудке, устремилось обратно по пищеводу, заставив меня согнуться пополам.

«Кто это сотворил?»

Крепко зажмурив глаза, я шёл вперёд, к концу прохода. Мысль была одна – выбраться из этой ужасной комнаты, и пусть там меня ждёт всё, что угодно. Пусть армия чудовищ, пусть орда летающих ящеров... что угодно, но не это.

Распятые мертвецы (руки у них были странно скручены назад, словно они закончили своё существование на дыбе) толкали друг друга в бок и злорадно похихикивали у меня

над головой. Посмотрите на этого жалкого человечка, на его напрасные усилия. Он думает, что может нас одолеть.

- Заткнитесь, - зло прорычал я и вломился через незапертую дверь. Здесь, слава Господу, не было следов девятого круга ада. Проход заканчивался коридорчиком, идущим между хитросплетениями труб. По обе стороны коридорчика я увидел большие красные газовые вентили. Правый вентиль угрожающе скрипнул, когда я сделал шаг вперёд. Я замер. Вентиль тоже замер, притворившись, что ничего не было. Но мне показалось, что за трубами мелькнула чья-то фигура – удлинённое, карикатурное тело с пупырчатой головой. Из коридорчика повеяло холодом, как из открытой дверцы холодильника. Я увидел, как на трубах сосульками висит лёд.

Ещё шаг. На этот раз скрипнул левый вентиль. Внезапно я разозлился, что топчусь на месте и дёргаюсь от звуков, которые издают эти дурацкие вентили. Коридор между трубами был последним местом, куда я ещё не проникал, и нужно было побыстрее с этим закончить. У меня уже почти не осталось надежды найти дочь в школе – скорее я просто хотел добросовестно завершить обыск, чтобы потом не мучиться сомнениями.

Я прошёл в коридор. Я думал, он будет коротким, но он уходил вглубь газовых коммуникаций, не собираясь заканчиваться. Когда я отдалился от входа примерно на двадцать шагов, фонарь на груди зашипел и потух. Одновременно, не давая ни секунды на размышления, пол подо мной начал проваливаться вниз. Я не потерял опоры, просто чувствовал, как весь пол снижается, подрагивая, словно гигантский лифт. Испугавшись выйти из равновесия, я отчаянно помахал руками, пытаюсь за что-либо хватиться. Но рядом ничего не было. Я не мог видеть, что вокруг меня происходит. Оставалось только стоять и уповать на Бога, что всё закончится хорошо.

Потом впереди вспыхнул свет.

Не солнце. И не лампа. Скорее большой факел, пылающий ярким красным пламенем. Я не сразу понял, что это за «факел» - он находился от меня на довольно приличном расстоянии, порядка двадцати футов. Пламя потрескивало и устремлялось ввысь, пожирая топливо. А топливом... а топливом служило человеческое тело, завёрнутое в простыню. Я надеялся, что человек, который горел передо мной, уже мёртв – по крайней мере, он не кричал и не двигался. Всё происходило в молчании.

Затем из-за факела величественно выползло Оно - огромное неповоротливое существо, покрытое склизлой кожей пресмыкающегося. Двигалось Оно медленно и с явным трудом, при каждом движении под кожей прокатывались волны жира. Но не его внушительные размеры тогда поразили меня, и не низкий хищный рык, которым оно разорвало молчание, повисшее в городе.

Оно было раздельноголовым. Головы как таковой не было вообще – на месте, где она должна была быть, я видел раздвоенную продолговатую плоть, расходящуюся в стороны. Как столярные тиски. Между раздвоенностью виднелось голое красное мясо, ничем не покрытое и не защищённое. Ни глаз, ни ушей, ни носа. Как такое создание могло ориентироваться, я не знаю до сих пор. Тем не менее, грех было бы сказать, что Оно меня не замечало. Оно неуклонно ползло в мою сторону, разводя в стороны половинки своих тисков. С перепугу сначала мне и в голову не пришла мысль о побеге – я стоял, не в силах оторвать взгляд от мощных тисков, разъём между которыми становился всё шире. Да и, честно говоря, если бы я даже убежал, то недалеко. Подвал претерпел очередную трансформацию, в результате которой я оказался на довольно своеобразной арене. Она имела круглую форму и была около тридцати метров в диаметре. Чем-то арена напоминала площадку для гладиаторских боёв, где благородные воины не на жизнь, а на смерть сражались с разъяренными быками, буйволами и прочими тварями.

Надо полагать, тем благородным воином здесь был я. Но вместо того, чтобы смело пойти навстречу громадному созданию, я пятился назад, чувствуя мелкую дрожь в коленках. Оно медленно приближалось, оттесняя меня к самому краю. За пределами арены была пустота – та самая чёрная бездна, которая так напугала меня на первом этаже

школы. Факел в центре арены рдяно пылал, источая запах горелого мяса и расплавленного жира. Голова человека уже полностью исчезла в языках огня.

Обе половинки тисков растянулись так, что почти образовали развёрнутый угол. Его голова находилась от меня не более чем в трёх футах, и я вдруг понял, что хочет Оно сделать. Ещё пять секунд – и моя верхняя часть смялась бы между половинками головы чудища, как бумага. Но я успел взять себя в руки раньше. Когда человек понимает, что находится на волоске от смерти, он может совершать настоящие чудеса. С моих ног словно пали свинцовые оковы. Я подался назад за мгновение до того, как живые тиски, похожие на щупальца, дотянулись до моего лица. Споткнулся о какой-то выступ, шлёпнулся на задницу и начал быстро отталкиваться ногами от пола, отдаляясь от монстра, каланчой нависшего надо мной. Оно испустило новый рык, в котором я услышал разочарование.

Я вспомнил о пистолете и ноже, которые лежали у меня в кармане, но пытаться использовать их против этого было бы просто смешно. Я беспомощно оглядел арену. Ноль – арена была совершенно изолирована от остального мира, ржавые края его касались только с абсолютной пустотой. Отступать было некуда, а сопротивляться – нечем. Несправедливо. Исход был предрешён.

Хотя...

Мой взгляд остановился на факеле из человеческого тела. Огонь... Вечный ужас созданий, прячущихся в ночной мгле. Скоро он должен был погаснуть, превратив обугленные останки в золу, но сейчас...

Кое-как поднявшись на ноги, я заковылял к центру. Раздельноголовый неотступно следовал за мной, медленно передвигая своё грузное тело. Я даже удивился, как хлипкая стальная сетка под ногами выдерживает такую чудовищную тяжесть.

В центре запах копоти и горелого мяса стоял поистине отвратительный. Огонь намертво вжарил белую ткань в тело – то, что осталось, уже отдалённо не напоминало человека. Я задержал дыхание – самое худшее ещё предстояло. Готовься, Гарри.

Оно подползало ближе. Я спешно скрылся за факелом, чувствуя жар пламени на своих щеках, развернулся и увидел, что чудовище нерешительно мотает из стороны в сторону своими тисками. Похоже, огонь его не сильно радовал. Я испугался, что Оно так и будет кружить вокруг факела, пока он не погаснет, и вся моя затея пойдёт насмарку.

- Давай! – закричал я, чуть отступив назад. – Я здесь!

Интересно, Оно могло меня слышать? Думаю, всё-таки могло, потому что одновременно с моими словами Оно бросилось вперёд – ретивее, чем я ожидал от неповоротливого создания. Я не успел отступить. Оно налетело на факел, сминая тонкие железные прутья, внутри которых был заключён пылающий труп. Я услышал шипение от прикосновения раскалённых углей к Его телу. Поняв, что совершило ошибку, Оно бросилось в сторону, но было уже поздно – несколько горящих кусочков крепко вдавились в тело, некоторые застряли между «тисками». Я услышал жуткий рёв раненого зверя. Факел погас. Стало очень темно – лишь краснели разбросанные по центру арены угли и куски плоти.

Разумеется, Оно не могло умереть от таких пустяковых ранений, однако я рассчитывал не на это. Я надеялся, что сведённое с ума от боли существо начнёт метаться по арене и свалится в бездну, которая была за краями (то, что у него нет глаз, я понял). Скорее всего, так и случилось, но этого я уже не увидел. Последнее, что я сделал на арене – начал осторожно отдаляться от раненого монстра в страхе, как бы он не налетел на меня своей массивной тушей. Потом последовала бесшумная вспышка, залившая арену и пустоту, что окружала её, ярким белым светом. Вспышка была такой сильной, что на некоторое время лишила меня возможности видеть. Куда бы я ни глядел, передо мной была только ослепительная белизна, от которой скручивало живот. Я едва не потерял равновесие, но всё-таки удержался на ногах ценой отчаянных взмахов руки. Постепенно

белое сияние стало меркнуть, и я различил в нём очертания вещей – сначала одинаково чёрные, но потом всё более узнаваемые.

Я стоял в тёмном закрытом помещении без окон. Слева от меня громоздились какие-то не то цистерны, не то резервуары большого размера. Обветшалые трубы опутывали комнату с пола до потолка. Очень было похоже на... бойлерную?

И ещё... Там, посреди лабиринтов труб, прислонившись к почерневшему баку, стояла девушка.

Я узнал её, хотя никогда раньше не видел её лица. Но я ещё помнил это строгое тёмно-синее платье с белыми манжетами и худые кисти рук. Это была девушка, которую я едва не сбил по дороге в Тихий Холм. В последнее время я сомневался, была ли девушка на самом деле, или это была первая ужасная галлюцинация, на которые так охоч Тихий Холм...

Но она стояла рядом со мной. Когда я её заметил, она быстро выпрямилась, оторвав спину от бака. Было в её движениях что-то неестественное. Я посмотрел на её лицо, такое же худое, сухощавое и болезненное, как всё остальное. На вид я дал ей около пятнадцати лет - впрочем, возможно, ей было немного меньше. У неё были короткие чёрные волосы, из-за которых она показалась мне похожей на Шерил. Девушка смотрела на меня совершенно равнодушно, без каких бы то ни было эмоций. Впрочем, наверняка я тоже выглядел так же – просто не полностью пришёл в себя после схватки с раздельноголовым монстром. Так мы и стояли, уставившись друг на друга, пока она... не исчезла.

Да-да, именно исчезла. Я даже успел увидеть, как её контуры размываются и вся фигура обретает прозрачность. Девушка, только что казавшаяся вполне реальной и осязаемой, пропала, как будто её и не было.

Признаться, в эту минуту я окончательно уверился, что сошёл с ума. Я представил себя лежащим в смиренной рубашке на больничной койке и судорожно выкрикивающим бессвязные слова, находясь в царстве своего кошмара. Даже увидел картонную табличку, приколотенную к стене у меня над головой:

ГАРРИ МЕЙСОН

Тяжёлобольной – не подходить!

Шатаясь, как пьяный, я вышел из помещения бойлерной через толстую железную дверь. Подвал встретил меня враждебной полутьмой, но весь был ужас – трупы, кровавые знаки, решетки – исчез. Было холодно. В сумраке угадывалась широкая лестница, ведущая вверх. Я направился по ней, держась за перила. Открыв дверь за лестницей, я попал в коридор первого этажа школы. Обычный школьный коридор. В середине коридора на полу валялась сорванная со стены карта США. Через окно в дальнем конце проникал мягкий белый свет.

Тьма ушла. Но я был не способен радоваться даже этому. Сил не было. Я обессиленно пошёл к выходу. Мне нужно было выбраться отсюда, и как можно скорее. Я боялся, что с минуты на минуты всё начнётся заново. Такого бы я не выдержал.

Коридор... Холл... Прихожая... Обыденные казённые интерьеры, такие родные и безопасные. Но в тесных помещениях было по-прежнему неуютно. Школа казалась заброшенной без малого год назад; на всех вещах лежал слой пыли, вьющийся серым облаком при каждом неосторожном движении.

Распахнув дверь, я вывалился из владений начальной школы Мидвич – потрёпанный, с кровоточащей рукой и потерянной надеждой. Но хотя бы живой...

Улицы по-прежнему были объаты туманом и тишиной. Я прислушался, готовый выхватить пистолет при малейшем намёке на звук хлопающих крыльев. Тихо...

Не тихо. Где-то далеко на востоке раздавался ритмичный звенящий звук. Очень тихий, но отчётливый. Как те самые куранты в часовой башне, но тембр неуловимо отличался от неживого механического боя. Это был...

Колокол, осенило меня. Церковный колокол. Наверное, я узнал бы перезвон сразу, если бы регулярно ходил в церковь, но по определённым причинам я с некоторых пор не посещал храм божий. Глас колокола разносился над молчаливым городом, нарушая святую тишину.

«Кто-то должен там быть».

Мысль была заманчивой и обнадеживающей. Мне было всё равно, куда идти. Шерил пропала, Сибил не вернулась. А возможность встретить хотя бы одну живую душу... может, того, который объяснит мне всё...

Я пошёл по Мидвич-стрит в сторону колокольного звона. Снег продолжал падать, и кое-где мои ботинки уже полностью утопали в маленьких сугробках.

Я боялся, что перезвон прекратится слишком рано и я не смогу определить его источник. Но колокол исправно звенел на всём протяжении моей прогулки. А шёл я довольно долго, по меньшей мере четыре квартала отмахал. Монстров на улицах словно бы поубавилось – по крайней мере, мне удалось избежать нежеланных противостояний. Я прошёл под вывесками автомобильной лавки, книжного магазина, строительного маркета. В окнах одного из магазинчиков я увидел ряд новеньких сверкающих бензопил и подавил в себе желание разбить стекло и захватить с собой одну из них. Столь экзотическое оружие стало бы для меня только лишним грузом.

Колокольный звон стал чётче и громче. Я понял, что приближаюсь к цели, но всё ещё не мог ничего видеть – мешал туман. Он стал немного разреженной, но видимость по-прежнему сокращал будь здоров.

Звон оборвался, когда я был в пятидесяти шагах от его источника. Я чертыхнулся и ускорил шаг, но находился уже слишком близко, чтобы потеряться. Церковь я узнал по большому декоративному кресту, который увенчивал передний фасад здания. Собственно, этим и ограничивались отличительные особенности местного храма Божьего. В остальном это было обычное серое здание с чуть облупленными стенами. Видно было, что оно переживало и лучшие времена. Наверное, наверху была расположена часовня с колоколом, но туман успешно скрывал её от моего взора.

Я поднялся по лестнице. Дверь церкви была приоткрыта. Внутри явно кто-то был... Я не задумывался, кто меня ждёт внутри – всё равно, лишь бы человек.

Я вошёл в церковь и сразу обратил внимание на громадный медный крест, расположенный у противоположной стены. Внушительных размеров скульптура изображала Христа в последние мгновения Его жизни – агонизирующее распятое тело, страдальчески закатившиеся глаза и сжатые кулаки. В таком виде Спаситель мне не нравился, по крайней мере, в тот день. Я был по горло сыт распятыми телами, и вид ещё одного, хоть бы и медного, обрадовал меня не сильно.

Пустые ряды скамеек для прихожан были пусты. По боковым стенам висели непонятные масляные картины, изображающие, судя по всему, деяния святых. Я бывал в церквях не очень часто, но эта меня неприятно поразила. В церкви Тихого Холма не было таинственной возвышенности, атмосферы истинной Веры, присущей всем храмам. Мёртвый храм мёртвой веры в мёртвом городе – вот что он мне напоминал, если хотите.

Женщину, которая стояла у подножия креста, склонив голову, я заметил, только когда она обернулась ко мне – настолько она сливалась с окружающим фоном. Это была старая женщина в длинном тёмном платье. На голову была накинута тяжёлая серая шаль, почти полностью прикрывающая волосы. Лицо морщинистое, изборождённое отметинами прожитых лет... Она сделала странное движение головой – словно бы кивнула мне и одновременно бросила взгляд направо; похоже на какой-то нервный тик. Жест мне не понравился.

Но я был рад. Рад, что наконец не один.

- Это вы звонили в колокол? – спросил я, приближаясь к ней. Женщина внимательно смотрела на моё лицо своими зеленоватыми глазами. Этот сухой взгляд заставил меня встать на месте, как вкопанный.

- Я ждала тебя, - сказала она. – Это было предсказано...

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Я бы не удивился, если бы она с рыданиями бросилась ко мне или, наоборот, накричала на меня. Мало ли как могут повести себя люди, очутившиеся в непроглядном кошмаре, которым стал город. Но... «я ждала тебя»?

- О чём вы говорите?

Сказав это, я более внимательно посмотрел на свою собеседницу. Женщина держалась очень прямо и не шевелила ни одной жилой – лицо оставалось абсолютно бесстрастным и отчуждённо-враждебным. На правой щеке я увидел давний рубец. Говорила она медленно и с расстановкой, обкатывая каждое слово на языке.

- Я знала, что ты сюда придёшь.

Вот теперь её губы тронула усмешка. Ядовитая такая усмешечка, от которой мне стало не по себе. Похоже, рано я радовался. Пока я стоял, в замешательстве глядя на неё, она продолжала говорить:

- Ты ищешь девочку, так?

Вот теперь я уже точно очнулся от созерцания её лица. Она что-то сказала о девочке. Я отреагировал мгновенно:

- Девочка? Вы... вы имеете в виду Шерил?

Сердце забилось учащённо. Неужели она что-то знает о моей дочери?.. Мне хотелось в это верить. Очень хотелось. Но она, проклятая, молчала, уставившись на меня своими зелёными глазами. Я едва не набросился на неё, чтобы потрясти за плечи:

- Вы что-то знаете! Скажите...

- Стой, где стоишь! – властно приказала она, и я замер, боясь даже вдохнуть. Ей удалось полностью подчинить меня себе, взять под свой контроль. Я был готов сделать всё, что скажет старуха, хоть даже съест собственные ботинки. И всё из-за одного волшебного слова...

Увидев, что я стою на месте, она повернулась к кресту и снова посмотрела ввысь, на распятого Спасителя:

- Если будешь идти наугад, как сейчас, то тебе ничего не найти. Ты должен знать, где её искать.

Я жадно вслушивался в каждое слово. Она положила руку на алтарь, обитый красным сукном, и я увидел, что на алтаре что-то лежит - какая-то невзрачная маленькая пирамидка, напоминающая детский кубик Рубика. Женщина бережно взяла его в руку и снова посмотрела на меня.

- Это Фларос, - сказала она в ответ на мой немой вопрос. – Фларос – клетка умиротворения. В его силах прорвать стену тьмы и сопротивляться гневу другого мира. Забери его с собой, и он поможет тебе в твоём пути.

Она протянула пирамидку ко мне повелительным жестом проповедника. Я машинально подставил ладонь, и «Фларос» перекочевал ко мне. Почему-то я ожидал, что пирамидка обожжёт мою руку либо пронизывающим холодом, либо пышущим жаром, но на деле не испытал ни того, ни другого. Это была просто жёлтая пирамидка, и ничего больше. Базарная игрушка.

Впрочем... такая же базарная игрушка, как и пластмассовые телефончики в кабинете географии. Я похолодел.

Пока я изучал пирамидку, женщина незаметно скользнула к маленькой двери, расположенной слева от алтаря. Когда я вновь поднял взгляд, она уже стояла там и смотрела на меня.

- Иди в больницу, пока не стало поздно, - бросила она и прошла через низкий проём. Серая шаль мелькнула и исчезла в коридорчике за дверью.

- Погодите... – успел сказать я, прежде чем дверь закрылась и с той стороны раздался щелчок поворачиваемого ключа.

Я не стал бежать за странной женщиной и биться о запертую дверь. Наоборот, я остался совершенно спокойным. Положив «Фларос» в карман брюк, я ещё раз оглядел пустую церковь – может, я что-то недоглядел, пропустил? Пустые деревянные скамейки, старые иконы, миниатюрный алтарь... Купол надо мной казался затянутым лёгкой дымкой тумана, и на нём я увидел несколько декоративных звёзд.

«Иди в больницу, пока не стало поздно».

Так сказала она. Я понятия не имел, что это за больница и где она находится, но твёрдо уразумел одно: я должен туда пойти. Просто потому, что...

«Ты ищешь девочку, так?»

Кто бы ни была эта старуха, она откуда-то знала о Шерил. И знала, что она сейчас в больнице.

Больница. Слово вызывало боль в зубах, как кость, застрявшая в щели между резцами. Шерил в больнице... Значит, что-то с ней случилось. Я не хотел думать, что. В любом случае, если она в больнице, то с ней ничего не будет. За ней ухаживают врачи, её жизнь вне опасности.

Стоп, опомнился я. Какие врачи?.. Какое «вне опасности»? Это же Тихий Холм – Город Сваливших-Неизвестно-Куда-Жителей. Ничего с Шерил не в порядке. Если кто и защитит её, то только я...

Я выбежал из церкви, сломя голову. Колокол на часовне молчал. Я побежал назад, держа путь к ближайшему перекрёстку, где, как я помнил, висело ещё одно табло с картой города. Действительно, на пересечении Блох-стрит и Бахман-роуд я увидел на обочине зелёную дощечку. Дрожа от волнения и холода, я выискал больницу в скоплении треугольных значков, изображающих муниципальные заведения. Чуть дальше к востоку от Старого Тихого Холма на карте располагался аккуратный красный крест. Надпись курсивом сообщала: «ГОСПИТАЛЬ АЛЧЕМИЛЛА». Других больниц на табло я не увидел – впрочем, не исключено, что они были расположены за пределами участка, изображённого на карте.

Значит, госпиталь Алчемилла, решил я. И сразу же услышал в тумане у себя за спиной громкий протяжный вой.

Выла собака – в этом не было никаких сомнений. Я вспомнил о псине, которая напала на меня у калитки. Когда это было? Час назад? Два часа? День назад? А может, несколько лет?.. Так или иначе, мне не очень улыбалась перспектива иметь дело с очередной бешеной собакой – к тому же у меня боеприпасы ныне были в особой цене. Я немедленно удалился дальше по улице и юркнул в первый попавшийся переулок. Туман безмолвствовал. Собака ушла... а может, кралась за мной следом?

Для верности обогнув квартал, я вновь вернулся на Блох-стрит и пошёл в сторону госпиталя. Мысли были не самые радужные. Встреча с женщиной оставила в голове неприятное тягучее ощущение – будто меня всего медленно засасывает в тину.

Знаки... Чудища... Фларос... Раньше я думал, что в городе стряслось нечто ужасное, но теперь я склонялся к мысли, что оно не только стряслось, но и продолжает происходить. Кто эта женщина? Она явно была в курсе того, что случилось – так почему она не хотела говорить?.. Что, однако, не помешало ей сообщить мне местонахождение Шерил. Странная помощь... Однобокая какая-то.

На карте между церковью и госпиталем было всего несколько сантиметров. Расстояние оказалось не таким уж коротким – мне пришлось отмахать без малого милю и даже протопать через не очень большой разводной мост (который, к счастью, был опущен), прежде чем выйти на Крайтон-стрит – именно на ней находилась моя цель. Это уже не был пригород – Крайтон-стрит был обрамлён с двух сторон красивыми особняками, почти все из которых имели ухоженные палисадники у фасада. Улица была гораздо шире, чем все закоулки Старого Тихого Холма. Рекламные щиты висели через шаг, зазывая туристов заглянуть в местные достопримечательности. Особенно мне запомнился щит с розовым кроликом по имени Робби – кажется, рекламу парка

развлечений я уже где-то видел. Другое дело, что на этом щите кролик был нарисован... мягко говоря, неудачно. Морда скорее напоминала волчью, чем кроличью. Интересно, с иронией подумал я, как подобная живопись влияет на популярность парка?

Наконец, я увидел больницу. Это было ещё одно заурядное бетонное строение, назначение которого выдавал лишь красный крест на калитке у входа. Там же висела надпись: «Госпиталь Алчемилла».

Заходя в больницу, я никак не ожидал, что могу за это схлопотать себе пулю в лоб. Тем мне менее, именно это едва не произошло, и я остался жив настоящим чудом. Я открыл тяжёлую железную дверь ступил за порог. Нос тотчас забил характерный запах спирта и формальдегида, витающий во всех больницах от Бостона до Калифорнии. Я увидел стойку регистратуры, лежащий на нём журнал, висящие по стенам санбюллетени... Дальнейшие наблюдения были самым грубым образом прерваны пулей, вонзившейся в стену у меня над головой. Штукатурка разлетелась вдребезги, осыпав мои волосы мелкими серыми осколками. Я рухнул, как подкошенный – в ту секунду я и сам верил, что в меня попали, ранили насмерть. В голове мелькнула удивлённая мысль: «За что?».

Лёжа на земле, я увидел, как у стойки на деревянном стульчике со спинкой сидит человек. В руке он держал дымящийся пистолет, и я с ужасом понял, что вторая пуля вполне может разнести мне череп. К тому времени я успел засчитать себе возврат в мир живых – так что быстро вскинул руки, показывая пустые ладони, и заорал дурным голосом:

- Стойте! Не стреляйте!

Мужчина вздрогнул. Ствол пистолета резко повело влево, и я благополучно выпал из мушки. Ободрённый этим, я продолжал тараторить из положения лёжа:

- Успокойтесь, я не собираюсь вам ничего сделать! Меня зовут Гарри Мейсон, я всего лишь турист!

Наверное, я бы рассказал о себе ещё много чего интересного, если бы он не опустил своё чёртово оружие. Мужчина убрал пистолет и нерешительно встал. Я тоже начал подниматься с пола, попутно украдкой изучая своего несостоявшегося убийцу. Он не производил впечатления сумасшедшего, который поставил себе целью косить всех подряд из пистолета. Первое, что бросалось в глаза во внешности – цивильный тёмно-серый костюм при белой сорочке. На вид я дал ему лет этак сорок пять. Костюм обезличивал и без того не очень приметные черты своего обладателя. Гладкие чёрные волосы, чёрные же глаза, какая-то внутренняя аккуратность и циничность... Он тоже изучал меня некоторое время (видимо, ждал, когда я начну мутировать и превращаться в монстра), потом облегчённо выдохнул:

- Ну слава Богу! Хоть один человек...

Я понял, что пуля, пущенная в меня, была лишь недоразумением, но, чёрт побери, меня всё равно лихорадило. Пять сантиметров от гибели, подумать только. Я не мог спокойно смотреть на своего опрятного собеседника (кстати, он-то, в отличие от меня, быстро взял себя в руки) и потому отвёл взгляд, изучая обстановку.

На полу перед стулом лежал труп птеродактиля. Птица была поменьше, чем та, которую я видел в кафе, но тоже не подарок. Видимо, обитатель госпиталя далеко не сразу смог свалить её – я насчитал следы по меньшей мере от трёх пуль на изуродованном теле монстра. Пробитое правое крыло, развороченная лапка и финальный аккорд – непонятное кровавое месиво на месте головы. Убит был ящер по меньшей мере час назад – кровь, вытекшая на пол, почернела и местами засохла.

- Вы здесь работаете? – спросил я, чтобы не молчать. Спросил просто так, но попал в яблочко.

- Доктор Майкл Кофманн, - мужчина вытянулся и наклонил голову. Видимо, жест был многократно испытан при знакомствах. – Да, вы правы, я работаю в этой больнице.

Я подошёл к стойке. Дрожь не унималась. Уже начал было называть своё имя и фамилию, но вовремя вспомнил, что уже говорил. Похоже, мой собеседник, в отличие от

Сибил, не знал меня как писателя. В нынешней ситуации меня это даже радовало. Доктор настороженно следил за моими движениями. Всё ещё не доверял... Птеродактиль здорово выбил его из колеи. Кроме Кофманна, в госпитале никого не было – иначе бы все давно сбежались на звук выстрела.

Я прислонился к стойке и сцепил кисти рук:

- Может, хоть вы расскажете мне, что происходит?

Кофманн помрачнел:

- Не могу сказать. Я дремал в своём кабинете. Обычно я не сплю на работе, не знаю, что на меня нашло... Когда проснулся, всё было так, как сейчас. Похоже на то, что все исчезли...

На последнем слове голос дрогнул. За показной аккуратностью я увидел его страх – докторишка был напуган до чертиков. Пока не пришёл я, он сидел здесь на стуле, уставившись под ноги и сжимая рукоять пистолета, словно в нём было его спасение. Я не знал, привиделось ли ему ещё что-то кроме ящера, который лежал на полу, но навряд ли он проводил время столь уж весело. Кофманн придвинулся ко мне поближе и прошептал, склонившись к моему уху:

- И снег идёт - в такое-то время года... Что-то явно неправильно. Видите?

- Да... – ответил я таким же шёпотом. Вообще-то в снеге я не видел ничего несвоевременного – как-никак на дворе стояла осень, и признаки надвигающегося снегопада можно было заметить уже вчера ночью. Но Кофманн был местным, и ему лучше было знать повадки здешней погоды.

- А эти монстры? – голос Кофманна опустился до предельной отметки, но пылал сдерживаемой яростью. – Вы видели их?.. Видели когда-нибудь такие мутации? Слышали вообще о подобных вещах? Думаю, мы оба знаем, что таких созданий нет!

- Да... – снова прошептал я, замороженный его горящими глазами и жарким заговорщицким шёпотом. – Да...

Кофманн что-то хотел ещё сказать, но почему-то смолчал. Он вдруг весь сник – казалось, даже уменьшился в росте. Энергия, только что переполнявшая его и выливавшаяся на меня, исчезла, и я опять увидел растерянного провинциального доктора, из последних сил держащего оборону в осаждённой крепости – в госпитале Алчемилла. Он со вздохом сел на стул и опустил голову. Наступила пауза, воспользовавшись которым я вспомнил, зачем сюда пришёл.

- Доктор Кофманн? – осторожно окликнул я.

Он тяжело поднял голову и посмотрел на меня так, будто увидел в первый раз. Я вдруг испугался, что он меня не узнает и снова пальнёт из пистолета.

- Вы не видели здесь маленькую девочку?.. Я ищу свою дочь. Ей только семь лет. Короткие чёрные волосы...

- Она пропала?

Я смолчал. Впрочем, уже понял, что Кофманн в этом деле ничем мне не поможет. Он сочувственно кивнул:

- Мне очень жаль. Надеюсь, что с ней всё в порядке, ведь повсюду эти монст...

Он запнулся, прикусив язык. Снова повисло молчание. Я думал о Шерил и словах доктора. Кофманн надеялся, что с ней всё в порядке. Я тоже на это надеялся... но после телефонного звонка моя надежда не стоила и медной гроши.

В конце улицы завыла собака. Кофманн, кажется, не услышал вой, так как ровно в этот момент начал говорить:

- Извините, я не хотел... А ваша жена здесь, с вами?

Наверное, он хотел отвлечь меня от мрачных дум о судьбе дочери, но снова наступил на больную мозоль. Я сухо сказал:

- Она умерла четыре года назад. Только я с дочерью.

Держу пари, что Кофманн в этот момент мысленно обозвал себя каким-нибудь неприличным словцом. По крайней мере, губы на мгновение судорожно дёрнулись в

короткой нервной усмешке – мол, такой вот я придурок. Опустив взор на пол, он пробормотал:

- Ясно... Извините.

Я уже начал готовиться к новому периоду тишины, когда Кофманн резво вскочил с места, задвинув стул в сторону. Я быстро оглянулся и посмотрел на дверь выхода. Нет, там всё было спокойно. Да и доктор не выглядел встревоженным – он спокойно нагнулся и взял свой кожаный портфель, который, как оказалось, был прислонён к стойке.

Перехватив мой удивлённый взгляд, Кофманн сказал:

- Знаете, думаю, мне лучше пойти. Я не могу сидеть здесь и ничего не делать.

Меня удивила его последняя реплика. Когда я входил в госпиталь, он явно не собирался покинуть спокойное прибежище. И вот – только начали разговаривать, а Кофманн убегает. И я снова останусь один...

Хотя, конечно, я не мог вцепиться ему в лацкан пиджака и удерживать рядом с собой. Он сам был волен выбирать, что делать. Я всё-таки нашёл нужным предупредить:

- Будьте осторожны. Долго везти не будет.

Кофманн молча кивнул:

- Постараюсь.

Он пошёл к двери, держа в левой руке портфель, а в правой сжимая пистолет, снятый с предохранителя. Двигался он твёрдо и уверенно, я ему невольно позавидовал. Может, он просто демонстрировал безмятежность, но получалось у него совсем неплохо. Этаким циничный рационалист, который пройдёт через всё, бережно сдувая пылинки и брызги крови с дорогого костюма. Мне до него было далеко.

Кофманн не попрощался, не пожал мне руку. Он просто ушёл, захлопнув дверь. Только когда звуки его шагов исчезли в тумане, я вспомнил про вой собаки. Надо было его предупредить... но уже поздно. Ладно, успокоил я себя, он и так начеку и при нём неплохое оружие. Если пути Кофманна и собаки пересекутся, то пусть Господь упокоит душу грешной псины. Аминь.

Я остался один в царстве длинных коридоров, стерильно-гладкого паркета и аромата формальдегида. Электричества не было, лампы на потолке бездействовали. Кофманн ушёл, и труп на полу смотрелся странно, внося дисгармонию в идеальный упорядоченный мирок госпиталя.

«Шерил... здесь?»

Боже, как мне не хотелось начинать всё сначала. Тем более что я видел – никакой надежды, что в госпитале есть хотя бы одна живая душа, нет. Да если бы кто-то и был, то Кофманн наверняка сказал бы мне об этом. Он сидел здесь долго, он не мог не знать...

Что там женщина говорила в церкви?.. «Иди в больницу, пока не стало поздно». Но кто сказал, что она имела в виду именно госпиталь Алчемилла? Не одним же госпиталем обходится город...

Всё это до боли напоминало начало моих блужданий по начальной школе Мидвич. Опять сомнения. Опять одиночество, страх и сумасшедшая вера, что вот-вот всё закончится, я найду Шерил и уберусь отсюда восвояси.

Я открыл наугад дверь одной из палат. Комната представляла собой квадрат пятнадцать на пятнадцать футов. В углу я увидел кровать с пустой стойкой для капельницы. Шкафчик с лекарствами был плотно закрыт, в нём лежали пустые бланки истории болезни. На полу валялась шариковая ручка – наверное, выронила небрежная медсестра. Самая что ни есть обычная больничная обстановка – если не считать отсутствия пациента и персонала. Я вспомнил случай с кораблём «Мария Селеста» - знаменитое происшествие, ознаменовавшее начало жутких событий в районе Бермудских островов. Корабль нашли лежащим на дрейфе. В рубках, каютах и трюмах не было ни одного человека. Никаких следов паники, побега или мятежа. В кубриках остывал недопитый кофе, в комнате отдыха лежали разложенные колоды карт...

Ну а здесь – ручка, выроненная на пол.

Я заглянул в следующую палату. И в следующую. И так далее до конца коридора. Везде было пусто. В госпитале Алчемилла витал дух Бермудского треугольника. В последней палате на тумбочке стоял небольшой осциллограф, включённый в сеть. Питания в розетке не было, и экран чернел пустотой, как глаз инопланетянина из фантастических фильмов. Я покачал головой и захлопнул дверь.

Инопланетянин... В моей памяти всплыла заметка, над которой я мысленно издевался по пути в Тихий Холм. Тихий Холм – место, где наблюдали НЛО... В свете последних событий это представлялось мне уже не таким невероятным. Может, это вообще всё их рук дело. Пришельцы избрали мэнский городок полигоном для своих экспериментов, вот Тихий Холм и сотрясает в конвульсиях и катаклизмах – пропадают люди, по улицам разгуливают монстры, прячущиеся в тумане, и так прочее. Чем не версия? Да уж, юмор – один из самых верных чувств, он не покидает человека даже в самые тёмные минуты жизни.

Последней комнатой, которую я посетил на первом этаже, стал офис главврача. Мне показалось, что я, заглядывая в палаты, услышал за дверью офиса какой-то приглушённый звук, похожий на удар. Сообразив, что если доктор Кофманн (как, собственно, я сам) по каким-то причинам не исчез вместе с остальными, то главврач тоже может находиться в своём кабинете, я направился в офис. Спокойствие госпиталя действовало на разум почище морфина – я в очередной раз совершенно растерял бдительность и чувство опасности. Офис главврача быстро поставил меня на место. Открыв дверь, я увидел маленькую светлую комнату с лакированным столиком у окна. На столе лежали документы, пара печатей и очки с толстыми стёклами (примерно такие я ношу сейчас). А ещё на столе была кровь. Кровь пропитала все бумаги, брызгами лежала на стекле очков и на рукоятках печатей. Под столом тоже натекла порядочная лужица, в ней тонули осколки разбитой бутылки. Я моментально схватился за пистолет, оглядывая офис. Следов борьбы не было. Как и трупов. Была только кровь, свежая и алая, как сок спелого помидора.

Больше я на первом этаже задерживаться не стал. Лифт не работал – я поднялся на второй этаж по лестнице. На лестничной площадке висел очередной санбюллетень, призывающий беречься от сифилиса. Я раздражённо подумал, что опасность подхватить венерические заболевания – самый лёгкий риск в этом городе. Почему бы властям не вешать санбюллетень «Опасайтесь монстров, у нас их много»? Это было бы гораздо актуальнее.

Второй этаж тоже был пуст. Здесь были несколько операционных, отдел интенсивной терапии, палаты – все безжизненные. Бесчисленное множество... Я даже не стал открывать двери – напрямик поплёлся в конец коридора, к окну. Добравшись до окна, я обколотился о подоконник и долго стоял, глядя на медленно кружащиеся в тумане снежинки. Старался ни о чём не думать и просто любоваться красивым идиллическим пейзажем, но не получалось. Через апокалипсис снежинок мне всё равно чудились котята, вышитые на спине синего платья.

«Иди в больницу, пока не стало поздно».

Я пришёл. Я пришёл, но так ничего и не нашёл, кроме напуганного доктора, который предпочёл общество своего пистолета моему. Так что же получается? Она меня обманула? Или я действительно опоздал?

Что ж... осталось ещё два этажа, чтобы узнать наверняка. Я нехотя оторвал взгляд от окна и окинул коридор тяжёлым взглядом. Здесь больше делать было нечего.

Через минуту я стоял этажом выше и, играя желваками, рассматривал длинный коридор. Здесь не было идиотских санбюллетеней и информационных табличек. Судя по всему, я попал во временный стационар – кроме палат для пациентов и маленькой прачечной, на этаже ничего не было. Весь этаж покрасили более тёмной краской, и поэтому человек, попавший сюда после вызывающей белизны нижних этажей, поневоле проникался симпатией. Я походил по коридору вперёд-назад, заглядывая в палаты. Большинство из них были закрыты на ключ (похоже, в Тихом Холме врачи не работали в

столь уж экстремальных условиях), а те, что открыты, не таили за дверью ничего, кроме пустой койки и тумбочки с номерком. Каждый раз, нажимая на ручку двери, я задерживал дыхание и брался за пистолет, готовый отразить атаку, но, слава Богу, мои предосторожности были напрасными.

Катастрофа произошла на последнем, четвёртом этаже. Ещё поднимаясь по лестнице, я почувствовал, как воздух вокруг стал теплее и... с примесью горелого, что ли. Свалив странный факт на плохую вентиляцию, я открыл дверь лестничной площадки и попал в коридор. Окна ничто не загораживало, но в узком проходе всё равно царил полумрак. Темнота облегала вещи на четвёртом этаже, как чёрный атлас – она была почти осязаемой сущностью, а не простым отсутствием света. На секунду даже захватило дыхание, но, думаю, это было уже нервное.

По коридору на расстоянии десяти шагов шла девушка. Сказать, что она мне незнакома, было бы неправдой – я видел её уже дважды, и в последний раз в бойлерной начальной школы. Как я убедился на опыте ранних встреч, её появление не сулило мне ровным счётом ничего хорошего. Девушка удалялась бесшумно, с грациозной плавностью, ноги её словно не касались пола. Голова была чуть опущена – она почему-то прятала от меня своё лицо. Я видел только платье, которое в сумраке казалось чёрным, и такие же чёрные волосы, падающие ниже плеч. Почему-то я ждал, что она вот-вот обернётся, увидит меня и подойдёт... Что должно произойти дальше, я представлял весьма смутно, но я ХОТЕЛ этого – возможно, надеялся наконец получить ответ на свои вопросы от странной особы.

Но она не обернулась – наоборот, даже ускорила шаги. Я очнулся, когда фигура девушки почти скрылась в облегающем конце коридора мраке. Как всегда, слишком поздно. На автомате сделал несколько шагов вперёд, протягивая к ней руки и мучительно пытаюсь подобрать нужные слова. Тем временем темнота поглотила её полностью, и я понял, что могу уже не говорить. Она ушла от меня в очередной раз, не проронив ни слова.

На меня нашло необычное ощущение – мне вдруг показалось, что стены госпиталя за моей спиной пришли в движение и закупорили коридор, отрезая мне путь к искуплению. Как в лабиринте ужасов, который имеется в каждом парке развлечений. Я панически обернулся, ожидая увидеть за собой непробиваемую сплошную стену, выросшую на пустом месте. Но ошибся – всё было гораздо хуже...

- Чёрт...

Это было единственное слово, которое я смог выдать из себя. Да уж... Незвестная девушка ушла, но оставила мне не очень приятный подарок. Я потрясённо смотрел на потолок и стены, на которых появилась красновато-медная короста. Не ржавчина. Ржавчина не смогла бы настолько цельно покрыть стены даже по прошествии многих столетий. Это была чистая окись – я видел слой такого оттенка на первых цветных фотографиях кормы небезызвестного «Титаника». Но «Титаник» годами лет лежал на дне океана... А госпиталь?

Я приблизился к стене и вскрикнул, когда пол под ногами вдавился внутрь. Бетон стал мягким и пористым. На нём тоже была окись, рассыпающаяся в порошок под давлением моих подошв. Вот теперь стало **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** тепло – думаю, температура в госпитале в тот момент зашкаливала за восемьдесят градусов. И, как я уже замечал, в воздухе был тошнотворный горелый запах.

Я оглянулся снова и посмотрел туда, куда ушла девушка. Та же картина. А ведь когда я начал оборачиваться, всё было нормально...

Где-то в конце коридора закричала открываемая дверь. Я наострил слух, умоляя Бога сделать так, что мне просто показалось. Но когда я услышал шаги, шаркающие по коридору в мою сторону, я потерял на это всякую надежду.

Шаги приближались невыносимо медленно, словно идущий переводил дыхание после каждого. Кажется, он даже не поднимал ног, а просто тащил их по полу. Полумрак

мешал увидеть, кто же там пожаловал, и во мне боролись два противоречивых чувства: инстинкт самосохранения и здравый смысл. Первый требовал немедленно убежать, а второй убеждал, что это может быть кто-то... Шерил... Я проверил предохранитель и нацелил пистолет в сторону невидимых шагов. Хорошо, подумал я. Разберёмся.

Стены затонувшего «Титаника» ужасно действовали на нервы, выбивая из себя. Я не мог полностью сосредоточиться на потенциальной опасности впереди – глаза то и дело предательски убегали к побуревшим стенам, которые, казалось, дышали в такт шаркающим звукам.

Когда мне показалось, что идущий уже достаточно близко, я предупреждающе закричал:

- Стойте на месте!

Голос получился чуть визгливым. Шаги затихли. Значит, он слышит – и на том спасибо... Прищуриваясь, я пытался различить в темноте фигуру того, кто стоял в коридоре. Но не мог. Я видел только расплывчатый силуэт, чуть более тёмный, чем окружающий фон.

- Доктор Кофманн?

Не знаю, откуда я взял, что это он – возглас вырвался сам собой. Но это не был Кофманн, потому что он продолжал стоять, не говоря ни слова. Это начинало меня пугать. Я прижал палец вплотную к курку.

- Кто вы? Если человек, скажите что-нибудь!

... человек...

Тот, кто скрывался во тьме, сделал шаг вперёд, и я увидел светло-зелёную униформу. Да, человек. Точнее - медсестра. Кажется, что-то с ней стряслось – она была согнута почти пополам и прижимала руки к животу. Её всю била дрожь, короткие волосы бились о впавшие щёки.

Я убрал пистолет и заботливо протянул к ней ладонь:

- Мэм, с вами всё в порядке?

Она не отвечала. Что-то бормотала под носом и волокла ноги, словно вовсе меня не замечала. Я постарался прислушаться к бессвязным словам, которые срывались с её губ, но ничего не разобрал. В-общем, было невооружённым глазом видно, насколько тупой вопрос я задал – с медсестрой далеко не всё было в порядке.

- Мэм... Я вам помогу.

С этими словами я подошёл к ней, чтобы поддержать за плечи, не дать упасть... и мой взгляд упал на её спину. Там, над лопатками ровнехонько под шеей, набух горб. Не опухоль, не шишка и не нарыв – самый настоящий горб размером со здоровенный кулак. Кожа вокруг горба натянулась и покраснела, как от укуса пчелы.

«Что за?..».

Желание помочь женщине пропало мгновенно. Я отпрыгнул назад, как от прокажённой. Медсестра остановилась и начала медленно выпрямляться...

Через секунду я с криком нёсся прочь, на лестничную площадку.

Что же меня так испугало, спросите вы меня? Глаза. Да, именно глаза. Я выдержал, когда увидел, что вся униформа медсестры с передней стороны обильно забрызгана кровью; я выдержал, увидев её мёртвое, посеревшее, начинающееся отслаиваться лицо – это было трудно, но я выдержал; я выдержал, увидев её заострённые, слишком длинные для человека зубы. Но я не выдержал её взгляд – эти аляповатые ненастоящие глаза, словно нарисованные трехлетним ребёнком на бумаге и неуклюже приклеенные на веки женщины. Я убежал.

Медсестра заковыляла за мной; теперь она шла не так медленно, а почти вприпрыжку - она гналась. Я знал, что я быстрее, но это меня не успокаивало. Схватившись за ржавую ручку двери, я рванул его к себе. Ручка оторвалась и осталась у меня в ладони. Доли секунды я удивлённо смотрел на круглый обрубок, потом швырнул его прочь и вырвался из сводов четвёртого этажа, вышибив хлипкую дверь из петель. Это

было легко, и дело вовсе не в моей силе – то подобие двери, во что она превратилась, смог бы вышибить даже пятилетний ребёнок. Я побежал вниз, соскальзывая со ступенек. Лестница пружинила под моими ногами, грозя обвалиться. Но эта опасность меня не занимала. В голове была одна мысль: «Бежать!». В тот момент она безраздельно доминировала в моём мозгу и не терпела конкурентов.

Я не помню, как добрался до первого этажа – даже моя излишне чёткая память не сохранила этот отрывок жизни. Помню, как ринулся вниз с четвёртого этажа – а следующий кадр воспоминаний изображает меня стоящим в коридоре первого этажа обливающимся литрами пота и вдыхающего затхлый запах. Напрасно я надеялся, что кошмар здесь кончится – нет, первый этаж весь был покрыт той же коростой окиси, что и четвёртый. Сумрак тоже присутствовал. Тихий Холм играл по-крупному.

Я судорожно соображал, по какую сторону был выход, но так и не вспомнил. Эта область мозга отказала.

Налево? Направо?

Шаги сзади...

Я бросился в левую сторону, надеясь на лучшее. Коридор качался и двоился перед глазами. Дойдя до совершенно неожиданного поворота, я понял, что ошибся. Выхода здесь не было. Коридор кончался глухой стеной. Я оказался в западне.

А тем временем шаги приближались. Они уже не были тихими и шаркающими – нет, теперь под ногами того, кто шёл за мной, сотрясался пол. Вряд ли медсестра могла бы делать такое – это было... что-то другое, более грозное и страшное. Я метнулся вправо, потом влево. Стена. Стена...

«Только не оглядывайся, - твердил я себе, водя рукой по стенам в поисках двери. – Не оглядывайся»...

Вот! Пальцы наткнулись на небольшое углубление. Здесь была дверь. Окись делала её невидимой, сливала со стеной. Открыть приросшую к косяку дверь было уже невозможно, но я и не собирался это делать. Коротко размахнувшись, я изо всех сил ударил ногой в дверь, и она с готовностью ушла внутрь. За ней я увидел лестницу, круто ведущую вниз, в темноту. Это была лестница в подвал госпиталя.

Выбор был невелик. Из двух зол выбирают меньшее, и я побежал в подвал по лестнице, которая напоминала поролон. Шаги того, кто гнался за мной, остались в коридоре первого этажа. Подвал выглядел совершенно обособленным пространством, разительно отличающимся от остальных этажей. Здесь не было жарко, как наверху – воздух жёг арктическим холодом, остужая мои горячие щёки. Горелого запаха не чувствовалось, но назвать свежим здешнюю атмосферу язык не поворачивался. Как и во всех подземельях, воздух был спёртым и затхлым, отдающим плесенью, и никакой мороз не спасал от едкого щекотания в ноздрях. Плюс ко всему в подвале было темно уже по-настоящему. Спустившись на тридцать ступенек, я перестал видеть лестницу и ставил ноги почти наугад. Лишь проём выбитой двери светился тусклым светом далеко наверху. Я почувствовал себя затерянным в просторах далёкого космоса. Наверняка у космонавтов, отдаляющихся от Земли, схожие ощущения.

В подвале не было мёртвых медсестёр и прочей нечисти. Зато обычных мертвецов было хоть залейся – здесь располагался морг госпиталя. Я узнал это, когда вошёл в первое же помещение и, двигаясь на ощупь, схватился за чью-то холодную ногу. Я отдёргнул руку, словно меня ударило током; кожа головы пучком собралась на затылке. Жажнулся в сторону и тут же наткнулся на ещё одну койку с мертвецом. Их было немерено. Мне предстоял долгий и нелёгкий путь обратно к двери, так как в темноте я совершенно потерял ориентацию и не имел понятия, с какой стороны вошёл. Я даже удивился: откуда в захолустной больнице столько умерших? Я же видел, что палаты для пациентов в большинстве своём пустовали с незапамятных времён. Что-то здесь не сходится...

С этой мыслью я вошёл в следующую комнату. Единственное, что я мог сказать, сделав несколько шагов – в ней не было трупов. Зато стояли большие продолговатые

предметы высотой с мой рост, которые я определил как шкафы. Было похоже на склад. Да уж, без источника света скитания Гарри Мейсона стали на порядок безрадостнее. Я с надеждой встряхнул фонарик, который по-прежнему находился в нагрудном кармане. Свет не зажёгся. Нет, так не катило. Я взял фонарь в руки, вывинтил заднюю часть и вынул батарейки – здоровые круглые цилиндры, которые в наше время кажутся полным анахронизмом. Положив батарейку на пол, я присел и ударил по нему рукояткой ножа. Гладкая поверхность немного вмялась внутрь. Я продолжал долбить по батарейке, пока она не стала напоминать недоеденный огурец. Потом принялся за вторую батарейку. Всё издевательство заняло около десяти минут. Я успел хорошенько вспотеть, несмотря на собачий холод.

Вставив цилиндры обратно в фонарь, я закрутил заднюю часть. Если батарейки действительно сели, то моя хитрость должна была помочь, хотя бы ненадолго. Задержав дыхание, я нажал на переключатель... и лампа зажглась.

- Есть! – воскликнул я, вытирая пот со лба.

Ну... правду сказать, «есть» лишь более-менее. Свет был слабым и подрагивающим, то и дело уходящим в отключку. Минут через двадцать – тридцать батарейки должны были сесть намертво.

Я приблизил фонарь к шкафу. Как я и думал, это был склад медикаментов. Шкафы стояли рядами в центре комнаты. Через стеклянные двери были видны ампулы, аптечки и другие лекарства. Но пользоваться этими чудесами медицины я бы не стал даже на смертном одре – должно быть, срок годности всех медикаментов истёк во времена Святой Инквизиции. Пилюли почернели и изъелись, жидкость в ампулах побурела. Аптечки покрылись сантиметровым слоем пыли. Я с отвращением отвернулся.

«Ну что же, - подумал я, обращаясь к самому себе, - и как ты собираешься вернуться на первый этаж? Или будешь сидеть здесь до скончания веков?»

Признаться, вариант доктора Коффмана был мне ближе всего. Я знал, что рано или поздно тьма уходит, сжигая в прах все свои порождения в виде ржавых стен и невообразимых чудовищ. Вполне возможно держать оборону и дожидаться минуты просветления, чтобы выбраться...

Я задумчиво посмотрел на шкаф у стены. Шкаф стоял отдельно от остальных рядов, вплотную придвинутый к углу. Да, пожалуй, остаться в подвале будет разумнее всего. Мне всё равно некуда идти, а здесь по крайней мере нет монстров. Трупы в морге вроде опасности не представляют, хотя кто их знает... Я представил себе толпы полуразложившихся мертвецов, поднимающих чёрные веки и медленно встающих с коек. Брр...

Шкаф был сдвинут.

Я увидел, что правый нижний угол шкафа немного затёрт. Краска была соскоблена и выбита при перетаскивании. У остальных шкафов – тех, которые располагались в центре, - такого не было. Нахмурившись, я подошёл ближе и присел. Да, точно... Кто-то передвигал шкаф, притом неоднократно.

Кто его передвигал? Зачем? И почему именно этот шкаф стоял особняком отдельно от других, у стены? Ответ был достаточно очевиден. За шкафом что-то было.

Что-то, а именно – тайный проход. Как в старых готических романах, которые я любил читать в детстве и которые во многом сформировали меня как писателя. Я смотрел на пролом в стене, ведущий в соседнюю комнату. Сомневался я, что в это помещение можно попасть обычным способом – иначе зачем скрывать проход?

Нашёл проход – залезай. Я протиснулся в пролом, пытаюсь что-нибудь высветить своим фонарём-инвалидом. Вроде всё было пусто... Попав внутрь, я нашёл, что комната представляет собой почти идеальный квадрат размером шесть на шесть метров без интерьера. Холод стоял просто невыносимый – на моих веках начал нарастать иней, кожа покрылась пупырышками. Я прошёл к противоположному концу каморки и увидел люк на полу. Ручка-петелька торчала вверх, приглашая открыть.

Хм, замысловато, меланхолично подумал я. Подвал, ведущий в другой подвал. С ума сойти. Вполне в стиле города.

Нашёл проход – залезай, нашёл люк – ... Мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы открыть его – люк был настолько древним, что успел зарости слоем мха. Но всё-таки после энного рывка он со скрипом поднялся вверх, как волк, раскрывший пасть. Висячая железная лестница опускалась вниз на шесть футов, не более. Я не рискнул воспользоваться её сомнительными услугами, предпочёл просто спрыгнуть вниз.

Это было отвратительно. Низкий тесный коридор с тоннами грязных отложений на стенах вызвал бы клаустрофобию у кого угодно. Меня затошнило, и я подумал – какого чёрта, что мне делать в этой клоаке, не лучше ли вернуться в подвал?

«Нет, - строго сказал голос в голове, подозрительно напоминающий голос моего университетского преподавателя мистера Дэвиса. – Не стоит. Помни о Шерил. Ты ещё не обыскал это место, так?»

Господи, да если Шерил в самом деле в ТАКОМ месте, то я не знал, плакать или радоваться. Но, конечно, возразить голосу я не мог. Я должен был цепляться за каждый шанс, пускай самый ничтожный. Не зря же скрыли второй подвал...

К счастью, коридор кончился довольно быстро, наткнувшись на дверь. Больше ста футов этой пытки я бы не выдержал. Схватившись за тяжёлую железную дверь обеими руками, как утопающий за соломинку, я открыл её, мысленно перекрестившись. Пусть Шерил будет там.

Конечно, моей девочки не было. Я увидел маленькую комнату, сделанную по образу и подобию больничной палаты. Луч фонаря выхватил сначала обычную узкую металлическую койку, потом тумбочку у изголовья. Плюс ещё шкафчик с лекарствами у входа. Вот и весь интерьер. В комнате никого не было.

Я подошёл к койке, чувствуя, как с каждым шагом нарастает напряжение на плечах, прижимая меня к земле. Вроде бы ничего особенного... но по мере приближения к койке моё дыхание стало неровным и сбивчивым, а на висках застучали раскалённые кувалды. Пульс, я уверен, подскочил на семьдесят ударов. Мне пришлось расставить ноги пошире, чтобы не упасть.

Здесь, прямо здесь, что-то произошло. Я не экстрасенс, но на моём месте это понял бы каждый. Школа, больница, весь город под названием Тихий Холм – они были пропитаны неведомой субстанцией, наполняющей здешние места смертельным ядом. Но в этой подземной палате насыщенность отравленной среды доходила до такой степени, что она могла уже действовать на человека чисто физически. Я стоял в эпицентре клубка, который опутал город.

На койке раньше кто-то лежал. Отпечаток человеческого тела отчётливо чернел на ржавом железе. Я посмотрел на жуткий чёрный след. Как он мог остаться? Словно выжжен на койке... Что здесь произошло?

Воздух натужно звенел от сконцентрированной в нём энергии. Меня опять начало мутить. Еле перетаскивая ноги, я подошёл к тумбочке, чтобы разглядеть стоящую на ней фотокарточку. Она вся смялась и пожелтела, а с правого края была и вовсе обуглена – но лицо на ней было вполне узнаваемо. Девушка с короткими чёрными волосами, одетая в тёмно-синюю школьную униформу. У неё было не по-детски серьёзное, чуть удлинённое лицо и глубоко впавшие угольные глаза. Тем не менее взгляд был очень выразительным и запоминающимся. Холодный, как лёд... Такому взгляду не должно было быть места на лице ребёнка. И процесс фотографирования явно не доставлял ей удовольствия – на губах не было ни намёка на полагающийся в таких случаях «сы-ы-ыр».

Внизу была подпись. Тоже странная...

Алесса.

Имя показалось мне красивым и таинственным. От него веяло неясной экзотикой дальних стран...

- Алесса, - пробормотал я, вспоминая, как девушка закрыла лицо руками, стоя перед наезжающим бампером автомобиля. Алесса... Значит, это она лежала в подземной палате, надёжно спрятанная от любопытных глаз. Я посмотрел на выжженный силуэт и убедился, что контуры фигуры действительно больше женские.

Она была больна? Скорее всего, раз была здесь... Но почему девушку поместили в отдельную тайную палату, смахивающую на тюремный карцер? Вряд ли в этих стенах было очень весело. Я увидел толстые кожаные ремни, свисающие вниз с края койки, как ядовитые змеи. Неужели... неужели она была душевнобольной? Тогда всё понятно – и нежелание, чтобы её видели, и весь этот убогий каталажный расклад... Но всё равно, девушка не заслуживала такого обращения, насколько бы безумной она ни была.

Поставив фотокарточку на место, я пошёл к двери. Кроме единственной палаты, под землёй ничего не было, оставалось только плестись обратно. И лучше бы сделать это поскорее – я был уверен, что скопившийся здесь негатив влияет на человека не самым лучшим образом.

Невесть откуда в подземном коридоре взялась вода. Она сочилась сквозь стены, промокая подошвы ботинок. Я ускорил шаги. На полпути я вдруг испугался – а что, если люк будет закрыт? Тогда я навечно останусь под землёй... Пустившись вприпрыжку, я достиг конца через десяток секунд и с невообразимым облегчением увидел пустой чёрный провал над головой.

Я вскарабкался вверх по лестнице и прикрыл люк. Потом, выбравшись через знакомый проход в стене, задвинул дыру шкафом с лекарствами. Теперь ничто не выдавало, что в закрытую область госпиталя Алчемилла проникала нежеланная пара глаз. Несмотря на то, что со мной ничего особенного под землёй не приключилось, я чувствовал себя, словно только что окунулся с головой в илистое болото, кишашее червями. Да уж... Внизу было плохое место. Очень плохое. Хвала тому, кто спрятал проход – это было мудрое решение.

Пока я возился со шкафом, фонарь тихо мигнул, заставив сердце бешено ёкнуть. Когда я закончил пыхтеть и поднял его, свет мигнул снова, на этот раз даже дважды. Заряд батарей был на исходе.

«Нужно бы как-нибудь выбраться-таки наверх, - подумал я, глядя на быстро слабеющий грязно-жёлтый конус. – Если неохота соседствовать в темноте с трупами, которые в любой момент могут ВСТАТЬ И ПОЙТИ...»

Я осторожно выглянул в коридор. Странно... вода появилась и здесь. Вроде ей было неоткуда взяться, но она уже успела покрыть пол тонкой сплошной плёнкой, переливающейся на свете фонаря. На том конце коридора я заметил в воде большого чёрного таракана, юркнувшего в известную только ему щёлку в стене. Таракан был неестественно большим, не меньше какой-нибудь исхудалой крысы. Меня передернуло. Прочь, прочь отсюда...

Но наверху меня ждало ОНО...

После некоторых колебаний я решил испытать судьбу (думаю, не самую последнюю роль в этом эпохальном решении сыграл окончательно потухший свет). Поднимался осторожно, прислушиваясь к звукам после каждой новой ступеньки. Светлый прямоугольник проёма медленно приближался. Было тихо, только внизу журчала прибывающая вода. Я направил пистолет к пустому проёму, готовый спустить курок. Бетон под ногами по-прежнему мягко пружинил, создавая неприятное ощущение неустойчивости.

Шагов, сотрясающих стены, не было. Затаив дыхание, я положил правую ногу на последнюю ступеньку. Через проём я видел покрытую окисью дверь палаты. Сосчитав про себя до трёх, я рывком выскочил в коридор. Развернулся налево – ничего, направо –

тоже пусто. Коридор ни капельку не изменился с тех пор, как я в диком ужасе спустился в подвал. Кроме одного: чудовища, гнавшегося за мной, не было.

Я облегчённо прислонился к двери палаты. В спину впились острые края коросты, но я не обратил на них внимания, наслаждаясь безопасностью. Безопасность... Только оказавшись в настоящей переделке, понимаешь, насколько восхитительна для человека уверенность в том, что в ближайшую минуту с ним ничего не стрясётся.

Госпиталь Алчемилла в сумраке выглядел эфемерно и неверно, словно мираж – казалось, ржавые стены нет-нет да и тихонько растворятся в смеси света и тьмы, став единой умиротворяющей серостью. Странно... Картина, которая казалась мне несколько минут назад настоящим кошмаром, выглядела теперь чуть ли не идиллией.

Мне не хотелось идти. Я зарубил себе на носу – куда ни иди в этом чёртовом городе, всё равно наживёшь себе неприятностей. Лучше оставаться на месте и не рыпаться. Тот самый случай, когда движение – это смерть...

Разумеется, я был неправ в своей мимолётной слабости. Даже в Тихом Холме без движения не было жизни. Я понял это, когда по ржавому коридору пронёсся отчаянный женский крик:

- Помогите!

Я вмиг оторвался от стены, схватившись за пистолет.

- Помогите, кто-нибудь!

Голос исходил из ближайшей палаты. Женщина была действительно напугана – в голосе было столько ужаса, что он срывался в дребезжащий хрип. Это невозможно было слушать. Я подбежал к двери и застыл перед ржавой ручкой, не решаясь что-либо предпринять.

Женщина закричала снова:

- На помощь!..

Голос ослабел в конце, упав до еле слышного шёпота. Я приложился ухом к двери и громко спросил:

- Кто здесь?

Наступило молчание. Я забеспокоился – что случилось, почему она ничего не говорит? Потом догадался, что женщина просто не верит услышанному и напряжённо вслушивается в звуки с коридора.

- Есть кто-нибудь?

- ДА! – закричала она и забарабанила ладонями по двери. – Прошу вас, не уходите, пожалуйста, только не уходите...

- Я не уйду, - заверил я. – Вы меня слышите?

- Да, - ответила она уже спокойнее.

- Отойдите от двери, я попытаюсь вышибить его.

Шаги удалились вглубь палаты. Я отошёл назад, вобрал воздуха и ринулся вперёд. Как и ожидалось, дверь почти не оказала сопротивления – хлипкие шарниры, крошащиеся на глазах, не были способны удержать тяжёлый металл. Я даже чуток перестарался, и дверь стремительно отлетела метра на три. К счастью, женщина не стала недооценивать опасность и забилась далеко в углу.

Вот так Гарри Мейсон и появился в жизни Лизы Гарланд. Весело, с треском и грохотом. Едва я вошёл в палату, она бросилась ко мне – до половины палаты проползла, даже не пытаясь встать с четверенок, но потом всё-таки поднялась и кинулась прямоком мне на грудь. Я опешил от такого горячего приёма. Она уткнулась лицом мне в свитер и громко всхлинула. Я не нашёл ничего лучше, как успокаивающе погладить её за роскошные рыжие волосы. Девушка была очень молодая, лет двадцати. На ней была униформа медсестры. Похоже, ей выпала та же участь, что и доктору Кофманну...

Она оторвалась от моей груди и с обожанием посмотрела на моё лицо. Да-да, с обожанием – я бы не перепутал это чувство ни с чем другим. Именно это я видел иногда на улицах при встрече с преданными читателями (стыдно признаться, но таковые имелись

даже у меня). Но эта девушка в форме медсестры, конечно, не знала никакого Гарольда Мейсона, автора «Невинной луны». Тем не менее, взгляд её был весьма красноречив. Я постарался улыбнуться ей, но после всего пережитого улыбка отклеилась от моего лица надолго. Не знаю, что увидела она на моём лице вместо улыбки, но, по крайней мере, ей это понравилось - девушка прямо-таки засияла, как зажжённая рождественская ёлка.

- Наконец-то, - запричитала она, не отрывая глаз от меня, - наконец-то... Хоть кто-то нормальный...

- Кто вы? – спросил я, мягко отстраняя её от себя. Что и говорить, приятно было чувствовать себя в объятиях красивой девушки посреди сошедшего с ума мира, но я не мог позволить себе такой роскоши.

Поняв, что я её отталкиваю, девушка искусно высвободилась и отступила назад. Кажется, она была огорчена, и я ощутил невидимый укол совести.

- Лиза, - сказала она. – Меня зовут Лиза Гарланд. А тебя как?

В очередной раз вопрос о моём имени застал меня врасплох. Это становилось смешным.

- Меня? – переспросил я, лихорадочно размышляя. – Э-э... Гарри Мейсон.

Я с интересом посмотрел на её лицо, но ничего не заметил. Лиза явно не читала моих книг. Что ж, теперь настала моя очередь для глупой обиды.

- Гарри, скажи... Что происходит? Где все?

Ну что я мог на это сказать? Лиза смотрела на меня, как на волшебного всевидца, способного метать гром и молнии, который может одной рукой вернуть былое на место. Не хотелось разочаровывать девушку, но я должен был признаться, что ничего не знаю. Прежде чем я раскрыл рот, она продолжила:

- Я сама ничего не помню... Наверное, потеряла сознание. Когда я очнулась, никого не было.

Голос задрожал снова.

- Это ужасно... – Лиза влажно шмыгнула носом.

Я осмотрел место её заточения. Койка, стены, сумрак... За окном уже темнело. Там, за стеклом, в нормальном мире росло какое-то дерево, призванное показать экологическую чистоту госпиталя. Здесь от неё остался только голый искривленный ствол, тянущийся на тёмные небеса. Джентльменский набор... Каково было Лизе проснуться в таком местечке и ничего не понимать? Я хорошо мог вообразить себе её ощущения.

«Хоть кто-то нормальный...»

Что означали эти слова? Неужели Лиза что-то видела? Я надеялся, что нет – один вид этих созданий способен был ввергнуть неподготовленный разум в омут сумасшествия. Но вид Лизы, её заплаканные глаза, трясущиеся, как от холода, руки и срывающийся голосок свидетельствовали о том, что с нею тоже что-то случилось...

- Так ты больше ничего не знаешь? – пробормотал я. – Я сам тоже ноль. Знаю только, что всё это как один плохой сон.

- Да... – Лиза присела на краешек койки и опустила глаза на пол, покрытый чёрной паутиной трещин. - Оживший кошмар...

Трещины образовывали уродливые сплетения, сливались друг с другом и напоминали гротескное подобие детских каракулей. Я невольно выискивал в этой мозаике угловатую букву С. Буква Н располагалась сразу за ней. «Шерил».

- Лиза?

Она вздрогнула и снова посмотрела на меня. Я увидел тонкую красную царапину у неё на шее, словно она порезалась чем-то острым. Интересно, замечала ли это она сама? Наверное, нет – девушка смотрела на меня с такой благоговейной надеждой, будто я собрался произнести заклинание.

- Можно спросить? Ты не видела где-нибудь поблизости маленькую девочку? Может, до того, как потеряла сознание? Короткие чёрные волосы, семь лет...

- Семилетняя девочка? – Лиза наморщила лоб, сразу став похожей на старательную студентку университета. – Она твоя дочь?

Что ж, в быстроте логики ей было не отказать.

- Да, - ответил я.

Лиза отрицательно покачала головой:

- Извини. Я ничего не видела, и потом, я была в отключке долго, кажется, несколько часов.

Она почему-то пыталась оправдаться передо мной, словно я мог обвинить её в недостаточной наблюдательности. Я видел, что Лизе было действительно жаль. Она очень хотела мне помочь. Думаю, если бы я переспросил, попросив её подумать ещё раз, она бы расплакалась. Да и сейчас девушка была близка к этому. Я поспешил успокоить её и перевести разговор на другие рельсы:

- Это ничего... Кстати, ты знаешь что-нибудь о таинственных вещах там, внизу?

Последний вопрос вырвался совершенно произвольно - мне просто нужно было Лизу о чём-нибудь спросить, а в памяти были ещё свежи впечатления от палаты, наполненной разрушающей энергетикой.

- О каких вещах? – Лиза была удивлена. – Внизу что-то есть?

В свой черед удивился и я.

- Ты не знаешь? Я думал, ты здесь работаешь...

А этого говорить не стоило. Лиза опять восприняла всё слишком близко к сердцу. За короткое время нашего общения я заметил, что девушке свойственно относиться к вещам слишком искренне. Вряд ли это было серьёзным недостатком... но в создавшихся тяжёлых условиях излишняя отзывчивость была вредна в первую очередь для самой Лизы.

- Но я не знаю, - она умоляюще посмотрела на меня. – Я правда не знаю, Гарри...

- Всё в порядке, - быстро сказал я. Но опоздал. Лиза успела взвалить всю вину на себя, и это осталось грузом на её душе.

- Может, ты имеешь в виду подземный склад? – с надеждой спросила она. - Если да, то нам туда ходить запрещено... Ты был там? Что ты видел?

Я не думал, что ей, и без того порядочно напуганной, так уж нужно знать обо всех моих наблюдениях. Нужно было срочно что-то придумать. Но благодаря своей болтливости я уже отрезал все пути к отступлению... Не резать же правду-матку, как есть.

- Ну, это...

Что? Я запнулся. Лиза взволнованно наблюдала за мной. В проёме двери за ней клубилась белая дымка. Что сказать?

... белая дымка...

Я вздрогнул, словно от удара. Туман? Здесь, в больнице? Как...

И моя голова взорвалась, разметав кровавые ошметки на ржавые стены больницы.

Но я не умер. Не умер, потому что взрыв был только в моём сознании. Триста тонн толуола, залитые в черепную коробку, погрузили меня в яркую белую вспышку с оранжевым отблеском – видение ядерной кончины мира, преследующее всех со времён Трумэна. И в эпицентре апокалипсиса оказался я.

Наверное, я закричал, я не мог не закричать, хотя боли почти не было, она тоже испепелилась во всепоглощающем пламени. Последнее, что я видел – Лиза, которая на меня с расширенными от ужаса глазами. Её лицо полыхало в красных сполохах. Я услышал голос откуда-то из глубин Вселенной:

- Гарри, с тобой всё в пор...

Канал оборвался, голос пропал. Пропал и я. Взрыв разметал меня на отдельные частицы, обречённые вечно блуждать по пустоте космоса со скоростью света. Меня не стало.

Потом я родился снова. Слепился из своих бывших осколков, снова образовав одно тело. Нельзя сказать, что я был этому очень рад. Тело было слеplено неправильно и

коряво, поэтому ужасно ныло. Я стал комком усталости и ломящей боли. Не хотелось даже открывать глаза, чтобы не повредить саднящие веки...

- Проснулся?

Глаза пришлось открыть. Всё вокруг было залито светом, переливающимся белизной, как мираж. Я приглушённо застонал и закрыл глаза снова. Отвратительно...

Властные руки легли на моё плечо и легонько встряхнули. Я сцепил зубы, чтобы не закричать. В желудке что-то перевернулось, и к горлу подкатила волна желчи. Похоже, спокойно лежать мне на дадут...

Я с кряхтением присел и открыл глаза во второй раз. Это оказалось вовсе не так ужасно. Свет уже не резал глаза раскалённой бритвой. Я находился в больничной палате, на одной из ранее пустовавших металлических коек. Стойка капельницы, а рядом...

- Ты опоздал.

Женщина из церкви. Не к месту она смотрелась в своём чёрном одеянии посреди царства белизны.

- А, это вы, - просто сказал я, с усилием ворочая распухшим языком. Особо никаких чувств не было. Я ещё не оклемался от небытия.

- Да, - хмуро сказала женщина, поправляя шаль на голове. – Далия Гиллеспи.

«Ты опоздал».

Как известно, тормоз – тоже механизм, но медленный. Мой заторможенный разум наконец обработал первую фразу женщины и зашёлся в протестующем вое. Как – опоздал? Почему? Сонливость мигом спала – я сам не заметил, как вскочил на ноги. Громко хрустнули суставы.

- Вы... Вы знаете! Скажите всё! Что происходит?

- Это тьма, - сказала Далия Гиллеспи. Странное имечко, рассеянно подумал я. Не менее экзотическое, чем Алесса. – Город окутывается тьмой. Сила должна превзойти мелкое желание. Я знала, что рано или поздно этот день придёт.

Тщательно выстроенные выбросы загадочных фраз, может быть, были кристально ясны для неё самой, но меня они только раздражали. Загадок и так было слишком много, и я, чёрт возьми, хотел получить от странной женщины ответ хотя бы на одну. А вместо этого мне напускали ещё больше тумана.

- Я ничего не понимаю! – громко прервал я. – Можете объяснить нормальными словами? Что вы имеете в виду?

Её бескровные губы тронула усмешка, и в ней я прочитал: «Нет».

- Верь правде, что предстаёт перед твоими глазами, - продолжала она, будто я ничего и не сказал. – Другая церковь – вот куда тебе нужно идти сейчас.

Она положила ладонь на тумбочку, и я увидел большой зелёный лист бумаги, разложенный на поверхности. Это была карта города. Точно такие листки висели на уличных табло. Проследив за костлявыми пальцами женщины, я увидел, что участок карты на углу обведён красным карандашом. Я не мог видеть, что это за место – мешала жёлтая пирамидка «Флароса», которую нежно поглаживала женщина.

- Я не в силах прекратить то, что творится, - сказала Гиллеспи, вращая пальцами пирамидку. – Только ты... Вся надежда на тебя. Ты видел эти знаки по всему городу?

Тон был скорее утвердительный, чем вопросительный.

- Тот странный знак на школьном дворе? – переспросил я с опаской. – Что он означает?

Далия Гиллеспи оставила пирамидку в покое и убрала руку. Я машинально поморщился, увидев, что рядом с выделенным участком карты красуется знакомый символ.

- Это печать Самаэля, - сказала она.

Самаэль. Вроде я когда-то слышал это имя... Сейчас-то, после перелопачивания тонн специальной литературы, я знаю, что за это имя, но тогда я так и не вспомнил.

- Не дай завершить это...

Далия Гиллеспи стала торжественно удаляться. Я сделал шаг за ней:

- Стойте!

У меня была куча вопросов. Что мне делать? Куда идти? Почему Шерил здесь нет? И где Лиза?.. Но женщина явно не собиралась стать мне персональным оракулом. Обернувшись около двери, она указала на тумбочку и бесцветно сказала:

- Не забудь взять Фларос.

Поистине голос её был магнетическим. Иначе как объяснить то, что я обернулся к тумбочке и стоял добрые пятнадцать секунд, пялясь на пирамидку, безмятежно лежащую на карте? Опомнися, когда по коридору больницы стали отдаваться мерные шаги. Но выскочить в коридор и гнаться за Гиллеспи выглядело бы глупо. Я подошёл к тумбочке и посмотрел на жирный красный кружок. Может, она отметила ту самую другую церковь, куда посоветовала мне пойти? Но нет... Над отмеченным домом была видна надпись: «Антикварная лавка». Какого чёрта?

Впрочем... Куда ещё. Всё одно. Антикварная лавка так антикварная лавка.

Я взял в руки пирамидку. Наверное, она вывалилась у меня из кармана в коридоре или где-то ещё, а эта Гиллеспи подобрала и бережно принесла сюда. Как говорится, привет, дружище, я вернулся. Гиллеспи придавала «Фларосу» какое-то важное значение. Но я пока не видел решительно ничего, что могло скрываться в этом куске пластмассы. Но взять с собой не помешает...

Я вышел в коридор больницы. Дверь противоположной палаты была выбита и лежала на паркете далеко в центре палаты. Странно... Неужели это одна из дверей, которых я вышиб плечом, блуждая по госпиталю? Но ведь те двери еле держались на шарнирах... Подойдя поближе, я увидел на концах шарниров жёлтое дерево: дверь была вырвана, что говорится, с мясом. Чтобы сделать такое, мне нужно было стать по меньшей мере чемпионом штата по карате.

Я заглянул в палату. Увидел сдвинутую с места койку и сваленную на пол капельницу. За окном густо валил снег.

- Лиза? – позвал я, зная, что никто не отзовется.

Её не было. Лиза ушла. Я пожалел, что не успел спросить Далию Гиллеспи о Лизе.

- Она, наверное, уже дома, - неуверенно сказал я, оглядывая погнутую штырь стойки. – Дома и спит. Всё в порядке...

Но раз я это сказал, значит, волноваться было из-за чего, верно?.. С тяжестью в душе я направился к выходу.

Снег усилился. Я стоял на крыльце, а снежинки продолжали пикировать с невообразимой высоты, всё глубже погружая город в свои ледяные объятия. Снег уже не таял при прикосновении с моей ладонью, а оставался лежать жестоким осколком зимы, обжигая холодом. В моих ботинках ходить по свежим сугробам стало уже представлять некоторые трудности. Я осторожно пробрался к калитке и открыл её, рассыпав скопившийся у подножия слой снега. Крайтон-стрит сверкал невинной чистотой, сокрытый за белым снегом и белым же туманом. Трудно было поверить, что этот тот же самый город, где...

Прежде чем я успел подумать, метрах в десяти от меня снег захрустел под чьей-то тяжёлой поступью.

Я среагировал мгновенно. Первым делом захлопнув калитку, сделал пару шагов назад и опустил руку в карман брюк в поисках пистолета. Он был там, никуда не делся. У меня не было времени проверять, на месте ли оставшийся последний заряд. Я застыл, прицеливаясь в туман, который играл заодно со здешними монстрами.

Кто-то шёл вдоль по Крайтон-стрит. Я кое-чему успел научиться за последние часы и не обольщался, надеясь, что это человек – об этом свидетельствовал даже звук шагов, не по-человечески ровный и тяжёлый. Я молился об одном – чтобы он прошёл мимо, не заметив меня. Снег равнодушно хрумкал. Каждый звук бил хлыстом по моим нервам. Звук

плавно перемещался... сровнялся со мной... немного замедлился и двинулся дальше. Через минуту шаги стихли. Туман снова пронизался тишиной.

Всё в порядке, подумал я, не пытаюсь унять дрожь в суставах. Обошлось...

Но инцидент напомнил мне, что хорошо бы всё-таки побыстрее добраться до места назначения. Я вытащил карту, оставленную женщиной, и честно попытался сосредоточиться. Но сколько я ни старался, я не мог разглядеть смысл в этих символах, выполненных красным карандашом. Нет, так не шло. Я закрыл глаза и досчитал до двадцати, старательно вдыхая морозный воздух. Потом открыл глаза и с удовольствием отметил, что буквы на карте перестали отплясывать фокстрот.

Антикварная лавка находилась на Симмонс-стрит. Я нашёл госпиталь Алчемилла на карте и прикинул расстояние, которое мне предстоит преодолеть. Результаты не обрадовали. Мне нужно было пройти один квартал по Крайтон-стрит... повернуть под прямым углом и ещё квартал по Саган-стрит... девяносто градусов и квартал по Симмонс-стрит. Три квартала. Три обитатели опасности, грозящие страшной и бессмысленной смертью. Уж не знаю, кем там считала меня Далия Гиллеспи, но совершать такие зигзаги по Тихому Холму решился бы только сумасшедший.

Коим я в некоторой мере уже был.

Я вдруг вспомнил, что у меня дома осталась неоконченная рукопись новой книги. Пятьдесят исписанных листов и сто чистых, ждущих меня в ящике стола. Книга называлась «Бриз в черно-белой ночи», об охотнике, который мучается воспоминаниями о тяжёлом детстве. Ещё вчера эти листы казались мне одним из самых важных вещей в жизни. И вот, стоя у калитки госпиталя, я в полной мере ощутил, насколько ничтожна моя жизнь и всё, что я в ней делал. Я готов был отдать всё, чтобы выбраться из города со своей дочерью. Все книги. Все вещи. Все деньги. Все воспоминания. Всё, что у меня когда-либо было. Все невинные луны, танцы с ночным ветром и бризы в черно-белой ночи, которые были всего лишь иллюзорными преградами, которыми я отбивался от страшного и незнакомого внешнего мира...

Крайтон-стрит повёл себя великодушно, не подсовывая мне больше никаких неприятных встреч. Но вот Саган-стрит, грязноватый и не очень широкий проспект со скромными претензиями на фешенебельность, невзлюбил меня с самого начала. Сделав всего около сорока шагов, я наткнулся на собаку. Тварь была точь-в-точь похожа на ту, которую я отправил на тот свет у прохода, где исчезла Шерил. Та же рыжеватая взлохмаченная шерсть и уродливо удлинённое тело... Собака что-то рвала зубами, уткнувшись носом под забор. Я начал пятиться назад, надеясь разминуться, но... не всё коту масленица. Когда я сделал неосторожное движение ногой, цокнув замёрзшей резиной ботинок об асфальт, собака наострила ухо и обернулась с предупредительным рычанием. Я сам не заметил, как пистолет оказался у меня в руке. Выработывался условный рефлекс, как у тех же собак Павлова.. Тихий Холм быстро низводил человека до агрессивного животного.

- Брысь!

Собака махнула левым ухом при звуке моего голоса. Рычать она перестала, но глаза светились недобрым огнём. Она стояла на месте, пригнувшись к земле. Длинный тонкий хвост напрягся.

Я нажал на курок.

Нет, собака не прыгнула, не побежала. Она умерла там, где стояла, не сдвинувшись ни на дюйм. Просто... просто я перешёл от защиты к нападению. Я атаковал первым.

До сих пор не знаю, что меня на это сподвигло. С одной стороны, я отлично понимал, что для меня значит утрата последнего патрона. Да и собака вела себя вовсе не так злобно, как её сородич у прохода. Но всё-таки я выстрелил. Наверное, это была досада. Та досада, которая по крупницам откладывается в сознании, накапливаясь до критической массы. На меня уже столько раз ни с того ни с сего нападали различные

твари... Что ж, подумал я, глядя на бьющуюся в агонии псину, у меня есть право на ответное действие.

Так я остался без огнестрельного оружия. Учитывая, что почти каждый выстрел благословенного пистолета спасал мне жизнь, это вырисовывало плохие перспективы. Я выместил злость на собаке, и теперь мне следовало быть крайне осторожным. В сущности, оружие теперь было у меня одно – бежать. Ножичек, отобранный у существа в начальной школе, не в счёт. Махать им перед здешними тварями – что с зонтиком на медведя.

Я пошёл дальше, теряясь в тумане. Без карты я бы сто раз заблудился – даже так я несколько раз пытался свернуть не на те улицы. В-общем, к тому времени, когда я в конце концов приблизился к антикварной лавке, я уже не чувствовал своих ног – снег облепил ботинки, носки, забился в подошвы, лишив их чувствительности. Я несколько не беспокоился о ногах – гораздо больше меня волновало, что я могу отморозить себе уши и не слышать звуков подкрадывающегося чудовища.

Дважды я проходил мимо искомого домика. Наконец, прогуливаясь по Симмонс-стрит в третий раз с в меру испорченными нервами, я увидел у входа в неприметное офисное здание крохотную зелёную вывеску: «ЗЕЛЁНЫЙ ЛЕВ – МАГАЗИН АНТИКВАРНЫХ ТОВАРОВ. РЕДКИЕ ВЕЩИ». На фоне красочных щитов большого торгового центра, расположенного в соседнем здании, лавочка смотрелась более чем убого.

Дверца была услужливо приоткрыта. Меня это насторожило. Я осторожно заглянул внутрь. Сильно пахло залежавшейся пылью. В полутьме виднелись массивные шкафы, на полках которых переливались серебром кубки необычной формы. Похоже, это и были те самые редкие вещи.

Если понимать «антиквариат» как синоним слова «старый», то внутреннее убранство как нельзя более подходило его профилю. Несмотря на обилие таинственных и красивых вещей, перенёсшихся с прошлых столетий, магазин не создавал ощущение внутреннего уюта. Скорее он выглядел как давно заброшенный жилой дом, обитатели которого съехали в спешке, оставив за собой немислимый бардак. Я некстати опять вспомнил историю «Марии Селесты».

Ну и?.. Я здесь, и что дальше?

Пробираясь через нагромождения ящиков и стульев, я обошёл комнатку. Дверей не было, кроме той, через которую я сюда вошёл. Страшный беспорядок мешал сколько-либо ориентироваться. Взгляд цеплялся за ненужные вещи, которые всё равно никто бы не купил.

Что-то я должен был найти...

Моё внимание привлек шкаф красного дерева, расположенный на дальнем углу. То есть не столько шкаф, сколько следы на паркете. Умудрённый опытом, я заметил почти сразу, что шкаф передвигали. У местных жителей были не очень оригинальные методы сокрытия тайных проходов.

Привычным движением оттащив шкаф в сторону (хрустальные бокалы на полках пронзительно звякнули), я извлёк на свет Божий дыру в стене – как раз под размер человека. Но осмотреть проход как следует не успел.

Свет, бьющий из открытой двери, вдруг померк. В магазине антикварных товаров сразу стало на порядок темнее, даже дыра в стене слилась со мглой перед моими глазами.

«Чёрт!»

Ну и кто на этот раз? Ещё одна собака? Существо в саване? Раздельноголовая тварь? Я обернулся, одновременно извлекая пистолет из кармана. Страх не было – только едкая досада, что меня прервали, когда я был занят. Но зафиксировав палец на курке, я вспомнил, что в магазине больше нет патронов...

К счастью, это не был монстр. Иначе, полагаю, я бы не писал эти строки.

Человеческая фигура у проёма казалась знакомой, но в таком положении – против яркого света, щурясь от покалывания в веках, – я не мог опознать, кто это. Только когда

человек осторожно сделал шаг вперёд, выпав из «слепой зоны», я удивлённо вскинул брови:

- Сибил!

- Гарри?

Господи, как я рад был её видеть! Вроде нельзя сказать, что время в городе я провёл в полном одиночестве, но... как бы это правильно выразить... все жители Тихого Холма были окружены неким ореолом отчуждения. Строгий и чопорный доктор Кофманн, загадочная Далия Гиллеспи, даже Лиза. Город оставил на них свой невидимый отпечаток. Не думаю, что этот след можно смыть горячей ванной. Сибил и я были здесь чужими – и именно поэтому мы были ЧИСТЫМИ. Тихий Холм ещё не получил над нами всеобъемлющую власть, как над остальными. И мы оба это чувствовали. Сибил улыбнулась, поправляя пистолет, висящий на ремне. Я с облегчением отметил, что защёлка кобуры закрыта. Стало быть, стреляться ей не пришлось.

- Рада, что с тобой всё в порядке, - бодро сказала Сибил, оглядывая меня с ног до головы... и вдруг замерла. – Гарри, что с твоей рукой?

Я посмотрел на левую локоть, обёрнутую тряпкой грязно-красного цвета.

- Собака укусила. Не серьёзно, - заверил я. Не знаю, поверила Сибил мне или нет, но говорить ничего не стала... пока.

- А как ты? – спросил я. Хотел ещё осведомиться, когда подоспеет вызванная подмога, но что-то меня удержало от этого вопроса. Как оказалось, не зря.

Сибил пожала плечами:

- Всё гораздо хуже, чем я думала. Уж лучше бы я осталась с тобой...

- То есть как? – моему удивлению не было предела. Я-то думал, что Сибил успела съездить в Брамс и её появление знаменует конец моих одиночных скитаний. – Что случилось? Я думал, ты уехала за помощью...

В последнем предложении совершенно неожиданно прорвалась сдерживаемая злость. Отлично, с горечью подумал я. Вот это и называется полный круг. Мы оказались в том же положении, что и тогда, в кафешке. Ну разве что боеприпасов стало меньше, да и нас самих чуток покоцали.

Но Сибил была не Лиза, которая в каждом слове видела скрытый упрёк. Она и вовсе не заметила моего клокочущего тона. Присев на большое пыльное кресло ручной работы, она начала рассказывать:

- Я не смогла выбраться из города. Смешно, верно? Но это так. Все дороги развалены непонятным образом, там даже танк не проедет. К тому же ни одна машина не заводится. Я пыталась поехать на пикапе, припаркованном у бензоколонки, но мотор молчит, хотя никакой видимой неисправности нет. Телефоны и рация не работают... Ничего не понимаю.

Говорила Сибил спокойно, даже иронично. Это её немного забавляло – глупое нелепое приключение на уик-энд. Я же, слушая её рассказ, дрожал, как осенний лист. Сбывались мои худшие предположения. Тихий Холм стал не просто местечком со странностями – нет, он стал ловушкой, из которого не выбраться. Грандиозный капкан, заточивший в себе горстку людей, ничем не связанных друг с другом. Гарри Мейсон. Шерил Мейсон. Сибил Беннет. Майкл Кофманн. Далия Гиллеспи. Лиза Гарланд. В самом деле, подумал я, почему мы? Почему не кто-нибудь из остальных шести тысяч жителей Тихого Холма? На ум приходила только омерзительная аналогия с крысятником, через который пропускают электрический разряд... Ничтожные беспомощные существа.

- А моя дочь? – я облизнул пересохшие губы. Опять полезли красочные образы. Мысленный фонтан нужно было срочно заткнуть. – Ты не видела Шерил?

Сибил с досадой легонько хлопнула себя по лбу:

- Как раз хотела сказать... Я видела девочку.

- Это была Шерил?!

Я произвольно сделал шаг вперёд.

- Не знаю, - Сибил покачала головой. – Я видела только силуэт девочки в тумане, очень сложно было разглядеть. Я бросилась за ней, но...

- Но?!

Наверное, вид у меня были достаточно дикий, раз даже такой человек, как Сибил, боязливо отодвинулась назад.

- ... она исчезла. Всё произошло быстро, я даже не поняла как следует. Гарри, не могу сказать, была ли это именно твоя дочь...

- Ты упустила её, - простонал я, сжимая кулаки. Получается, пока я сновал по всяким школам и госпиталям по наводке Далии Гиллеспи, Шерил находилась в другом конце города?! Эх... Будь я колдуном, старой женщине не избежать бы самого страшного проклятия.

- Где это было?

Я готов был бежать туда прямо сейчас. Шерил там. Она не могла далеко пойти. А мороз крепчает с каждой минутой. Как Сибил могла? Она должна была найти её... Найти во что бы то ни стало! Проклятье, почему всё оборачивается против меня?

- На Бахман-роуд, - осторожно ответила Сибил. – Она шла прямо к озеру.

- К озеру?!

Меня начало шатать на месте. Кубки на полках удлинились, как резиновые игрушки.

- Гарри, ты только не волнуйся...

Ну конечно, криво усмехнулся я. Как же не волноваться. Подумаешь, дочь исчезла... Не стоит беспокоиться.

Я тяжело присел на какой-то ящик со старыми книгами и закрыл лицо ладонью. Мысли путались, спотыкались и теснили друг друга. Ближайшие три минуты я занимался тем, что старательно расставлял их по полочкам. Занятие было не из приятных. Сибил виновато молчала, изучая узоры снега на окне. Потом я тихо спросил:

- И... что дальше?

- Она шла легко, как ветер, - Сибил тоже говорила тихо, словно боялась кого-то разбудить. – То есть мне так показалось. Слишком быстро для семилетней девочки. Меня ещё удивило то, что этот участок Бахман-роуд был разрушен. Я не хотела тебе говорить, но... Девочка просто не могла там пройти, понимаешь? Там не было дороги. Но я видела, как она шла. Я точно видела.

Каждое слово западало мне в сердце, причиняя глухую ноющую боль. Я уже даже не думал над тем, что говорила Сибил. Слова потеряли форму, став голым содержимым.

Шерил ушла... Озеро. Я вспомнил, как она завороченно смотрела на черно-белую фотографию озера Толука. Ну конечно! Я должен был догадаться сам! Почему это чёртово озеро так заинтересовало её?.. Я не знал, но теперь уяснил окончательно - целью Шерил в Тихом Холме были не школа и не госпиталь, а озеро. То самое «легендарное озеро Толука, покоряющее всех и каждого неповторимой красотой».

Сибил что-то спросила. Очнувшись от грёз, я вопросительно посмотрел на неё. Она терпеливо повторила:

- Ну а как ты, Гарри? Что было с тобой?

- Всё нормально, - сухо ответил я, всё ещё не развеяв свою идиотскую злость. – Хотя могло быть лучше.

- Никого не встречал?

Встречал-то я много кого, от бешеных собак до доктора, который меня едва не отправил к праотцам, но на ум в первую очередь пришла именно женщина в церкви.

- Я встречался со странной женщиной, - устало сказал я. – Она сказала, что её зовут Далия Гиллеспи. Может, ты знаешь?

Сибил закусила губу:

- Далия Гиллеспи?.. Нет, вроде не слышала. И что она?

Я усмехнулся, вспомнив свой на редкость содержательный разговор:

- Говорила, что город окутывается тьмой. Ерунду какую-то... Без понятия, что это может означать.

- Город окутывается тьмой... – задумчиво произнесла Сибил. Когда она размышляла, чем-то она очень напоминала Джоанну. Такая же вертикальная морщинка на лбу, такие же отстранённые голубоватые глаза... Я тряхнул головой, отгоняя наваждение.

- Наркотики, - сказала Сибил уверенно. – Тут было одно громкое дело, связанное с продажей наркотиков туристам. Полиция поймала нескольких мелких дилеров, но так и не докопалась, кто за всем этим стоит. Не было найдено ни одной зацепки. Кончилось тем, что дело зашло в тупик и его по-тихому закрыли.

Я с замешательстве почесал затылок:

- И какое отношение к происходящему могут иметь наркоторговцы?

- Я имею в виду, может, под «темнотой» женщина пыталась намекнуть тебе о наркотиках?

Первым моим порывом было спросить Сибил, а не шутит ли она часом. Но она выглядела очень серьёзно и ждала моей реакции. Стало быть, она действительно верила в то, что сказала. Верила, что происходящее может иметь простое и понятное объяснение. И это после многочасового блуждания по городу, когда Сибил воочию увидела все странности. Она была конченной рационалисткой, живущей в логичном мире, подчиняющимся строгим законам. Возможно, этому обязывала её профессия, не терпящая компромиссов. Для Сибил подброшенная вверх монета всегда падала либо орлом, либо решкой. Она не знала и не хотела знать о третьей, оборотной стороне, не выражающейся никакими законами и не вычисляющейся ни одной формулой.

Наркотики. Не страх перед неведомым явлением занимал её голову, а наркотики и подонки, которые продавали его приезжим. Не самая верная линия, но я не собирался разуверять её. Это было её счастье, если она не замечала, что мир вокруг рушится, как картонный домик.

- Ага, - сказал я и встал с ящика. Сибил тоже немедленно поднялась:

- Ты куда, Гарри?

- На Бахман-роуд. За Шерил. Найти её, - я втолковывал Сибил, как ребёнку. – Мне нужно идти. Надо успеть.

- Дорога разрушена, я говорила...

- Должен же быть обходной путь, - я двинулся к двери. Сибил направилась было за мной, но вдруг остановилась и спросила:

- А это ещё что?

Я оглянулся. Ах, вот оно что... Сибил с интересом заглядывала в пролом за шкафом. Я совсем успел о нём забыть в горячке мыслей о дочери.

- Только что нашёл. Не знаю, что там...

Сибил расстегнула кобуру и начала залезать в дыру:

- Посмотрим...

Нет, так не годилось. Дыру нашёл я, и направили сюда меня. Конечно, грош цена словам женщины, которая один раз уже направляла меня по ложному следу, но... А вдруг там что-то... В конце концов, это дело пары минут.

- погоди! – я бросился обратно. – Мы ведь не знаем, что там! Первым пойду я.

Сибил обернулась с удивлением и досадой. Что за человек, говорили её глаза.

- Я офицер полиции. Разумнее, если первой буду я.

- Нет, - твёрдо сказал я. – Всё-таки лучше я.

Сибил, я чувствовал, начала что-то возражать, но вместо этого вдруг спросила:

- Оружие при тебе?

- А... что... конечно, - сориентировался я. – Вот.

Я продемонстрировал пистолет, надеясь, что ей не придёт в голову проверить обойму. К счастью, Сибил не настолько не доверяла мне.

- Ладно, - Сибил спустила предохранитель своего пистолета. Когда она успела взвести? - Иди, я буду прикрывать отсюда. Но как увидишь что-либо подозрительное, возвращайся сию же секунду. Будь крайне осторожен.

Бла-бла-бла... Я мысленно усмехнулся, представив, как я сонно сижу за школьной партой, старательно пропуская мимо ушей наставления учительницы Сибил. А вслух с энтузиазмом произнёс:

- Конечно!

Сибил отошла в сторону, освободив проход. Кажется, она была немного зла на меня. Опять ей не давали выполнить ВАЖНОЕ ДЕЛО. Почему она всё-таки уступила?.. Нет, подумал я, будет как-то нехорошо, если я сейчас молча исчезну в дыре. Нужно о чём-то поговорить...

Подойдя к проходу, я неуверенно оглянулся. Сибил стояла на фоне белого окна и опять смотрела в окно. Я поймал себя на мысли, что с тех пор, как Сибил появилась в антикварной лавке, она почему-то всё время следит за улицей. Бойтся?

- Сибил?

Она нехотя обернулась. «Ты ещё здесь?»

- Да?

Мне хотелось легонько дать понять, что всё вовсе не так просто, как ей кажется. Я был неправ, когда думал, что непонимание лучше. Сибил нужно было знать... знать, что в тумане таится более грозная опасность, чем наркоторговцы.

И ещё мне хотелось выговориться, озвучить кому-нибудь свои догадки и мысли.

- Ты что-нибудь знаешь о...

Мягкие метафоры не приходили на ум, приходилось называть вещи своими именами:

- Тебе не кажется, что всё это похоже на другой мир? Как будто мы попали в какой-то кошмарный сон...

Слова давались с трудом и звучали всё глупее. Я почувствовал, что краснею. Сибил спросила:

- О чём ты?

«Ну как, как объяснить?»

- То есть я не уверен, - пробормотал я. - Просто пытаюсь понять, осмыслить происходящее, но в результате увязаю всё глубже...

Другие миры, параллельная реальность... Нет, ничего не подходило для описания того царства крошечного ужаса, в который превращался город с падением тьмы. Но я старался. Старался, как мог:

- Понимаешь, там темно, словно вдруг настала ночь. Я слышал звуки сирен, когда очутился там впервые. Потом это происходило несколько раз, и каждый раз я видел ужасные чудовища, бродящие во мгле. Ещё я встретил там медсестру, Лизу. Она была напугана...

«Лиза? При чём тут Лиза?»

- Мне кажется, - промямлил я, - я был в каком-то ином мире, но не по-настоящему... не совсем по-настоящему. Помутнение сознания – ну как некоторые виды галлюцинаций... Ты знаешь?

По мере того, как на лице Сибил просматривалась жалость, меня охватывало раздражение. Боже, какую чушь я несу! И кому – Сибил, человеку, который меньше всех может меня понять! Она подумает, что я просто пытаюсь её запугать – «ох уж эти писательские штучки»... Или, хуже того, сочтёт меня полностью свихнувшимся на почве волнений за свою дочь.

- Гарри, я не совсем понимаю, о чём ты...

Конечно, не понимает. Я тяжело вздохнул:

- Эх... Да так, мысли вслух. Не бери в голову.

Сибил положила руку мне на плечо:

- Гарри, ты просто устал. Может, всё-таки мне...

- Устал?.. – переспросил я. И внезапно со всей полнотой чувств ощутил, НАСКОЛЬКО я устал. Я не спал, не ел и не пил уже почти сутки (если не считать сном отключку разума, ни на йоту не способствующие восстановлению душевных и физических сил). Всё время на ногах, мечущийся из одного конца города в другой, то и дело вступающий в изнурительные стычки с различными тварями... Я устал.

– Да, - сказал я, - возможно, так и есть.

С этими словами я залез в пролом. Лестница вела круто вниз. Я держал в руке ненужный пистолет и тупо шагал вперёд, чувствуя гудение в ногах. Ветхие половицы скрипели. Под антикварным магазином оказалось ещё одно помещение. Я вспомнил, что Далия Гиллеспи что-то говорила про «другую церковь». Может, она и есть?

На толстой металлической двери внизу был нарисован странный знак. Слава Богу, не проклятая печать Самаэля, но что-то очень похожее. Это был двойной круг с вписанными в него тремя кругами меньшего радиуса. Между внешними кругами были видны рунические закорючки. Знак напомнил мне карикатуру на человеческое лицо – два глаза плюс рот, обрамлённый контуром головы. Насмотревшись, я ткнул ладонью посреди знака, открывая дверь.

В продолговатом помещении не было ни одного источника света – слабые лучики, падающие сверху с пролома, досюда уже не долетали, и поэтому я ничего не мог видеть. Так и слепо пошёл вперёд, полагаясь на руки. В ширину комната составляла шагов шесть-семь, а в длину... Я отмеривал количество шагов. Двадцать... Тридцать... Похоже на миниатюрный зал, подумал я и тут же коснулся животом какой-то стойки. Стойка была не очень высокой, на нём я нащупал несколько чаш. Пролез пальцами в одну из них и обнаружил горсть маслянистого порошка. Вспомнив рассказ Сибил о наркотиках, я с отвращением вытер кисть о брюки. Неужели всего лишь нарколаборатория?

Это не была нарколаборатория. Потому что когда прямо передо мной вспыхнул ярко-красный язык пламени, я увидел, что стены комнаты сплошь обвешаны выпцветшими иконами. Но святые, изображённые на них... не думаю, что в Священном Писании шла речь хотя бы об одном из них: красивая статная женщина, закутанная в ниспадающее белое одеяние, человек с густой чёрной бородой и тяжёлым взглядом серых глаз... Пламя, взявшееся из ниоткуда, вздрагивало и потрескивало, освещая стойку, которая на самом деле оказалась алтарём. Над алтарём был нарисован тот же знак, что и на двери.

«Другая церковь». Я стоял в грязной церквушке, Бог знает зачем погребённой под помещением антикварной лавки. Но в отличие от безжизненной христианской церкви, здесь чувствовалась истинная Вера – пусть и сокрытая от мира, но тщательно хранимая и лелеемая. Порошок, насыпанный в чашу, догорал, распространяя незнакомый запах, похожий на аромат лаванды. Языки пламени стремительно укорачивались. Моя изломанная тень скользнула вниз по стенам, юркнув к подошвам ботинок. Прежде чем я успел что-либо понять, комната вновь наполнилась густой тьмой.

Но эта тьма была не такой, как раньше. Я ощутил, как силы вытекают из моего тела, всасываясь во тьму. Она отбирала мою жизнь, как губка, впитывающая воду. Ноги отказывались меня держать; я упал на жёсткий каменный пол лицом вниз, расшибив себе нос. Попытался закричать, но не вышло – крик умер в зачатке, не в силах преодолеть забитые лабиринты бронхов.

... последнее, что я увидел – двойной круг на стене, светящийся неземным алым светом.

Пробуждение было сродни пытке. Просторы сна были колючими и извилистыми, как бывает, когда ты лежишь с высокой температурой. Я видел неясные серые тени, снующие в темноте. Они пугали меня, и я знал, что для того, чтобы избавиться от них, мне нужно открыть глаза. Всего лишь открыть глаза... Задача стала для меня почти непосильной. Даже окончательно придя в себя, я не мог собраться. Подушка, бережливо подложенная под голову, насквозь пропиталась солёным потом. Я заворочался с бока на бок. Горло

трескалось от сухости и горечи. Я попытался прошептать: «Воды...», - но губы не хотели служить без немедленного вливания живительной влаги.

- Гарри...

Кто-то звал меня по имени. «Отстань, - мысленно взмолился я, мечтая снова уйти в небытие, - ну почему вы вечно не даёте мне отдохнуть, уходи...»

Приятный влажный холод коснулся лица и скользнул ниже, к губам. Я жадно припал к нему, нетерпеливо облизываясь.

- Гарри, ты проснулся?

Знакомый такой голос. Это была Лиза. Она сидела на табурете рядом с койкой, где лежал я, и проводила марлевой тряпкой, смочённой в воде, по моему лицу. Я отрешённо посмотрел на её озабоченное лицо.

- Где...

Я закашлялся, не сумев договорить. В гортань словно вставили лезвие ножа. Нет, вода была нужна сейчас же.

Лиза встала и куда-то удалилась. Я лежал, наблюдая, как ржавый потолок надо мной мерно покачивается. Боже, думал я, всё отдал бы за один глоток воды. Глоток...

- Держи.

Передо мной появился прозрачный стакан с плещущейся в нём водой. Внешняя поверхность стакана запотела, на нём собрались холодные капли. Я схватился за сосуд так резко, что с размаху выплеснул добрую треть содержимого себе на грудь. Без разницы... Залпом осушив стакан, я протянул её за добавкой. С желудком творилось что-то странное – вода, попавшая туда, бурлила, урчала и перекатывалась с громким бульканьем. Хорошо хоть тошноты не было...

Лиза сходила ещё раз. Новую порцию жидкости я принимал уже не так по-варварски, как в первый раз. На этот раз я потягивал воду с удовольствием, чувствуя её холод и вкус кончиком языка. Наверно, в те короткие секунды я был почти счастлив.

- Спасибо, - сердечно сказал я, когда Лиза вновь села на табурет. – Так я... в госпитале?

Лиза кивнула:

- У тебя был плохой сон. Я пыталась будить, но ты всё не просыпался... Я здорово перепугалась.

У меня отвисла челюсть. Плохой сон? То есть что получается – встреча с Далией Гиллеспи... антикварная лавка... Сибил – это всё мне приснилось?

Нет. Это было по-настоящему. Если в чём-то я был уверен, так в том, что Сибил мне не привиделась.

Но Лиза говорила, что я потерял сознание и всё время валялся на койке в госпитале Алчемилла. Кстати, выглядела девушка не очень хорошо: губы подрагивали, в глазах стояли слёзы, и вообще вся она сникла и сжалась, словно ей на плечи положили тяжёлую гирю. Вот и сейчас она сидела, грустно уставившись на меня. Не заваливала меня вопросами, как в прошлый раз, не кидалась на шею от радости. Переволновалась из-за меня? Или... Я с опаской спросил:

- Лиза, с тобой всё в порядке?

Перехватив её недоумённый взгляд, я пояснил:

- Не заболела?

Хотел добавить: «Ты что-то неважно выглядишь», но подумал, что с её эмоциональностью она может обидеться.

- Всё нормально, - ответила Лиза, незаметно отводя глаза в сторону. – Ничего, о чём стоит беспокоиться.

Конечно, я ей не поверил. Лиза была не из тех людей, которые способны что-либо скрывать, но тем не менее она мне недоговаривала.

- Ну, если ты уверена...

Я подождал её реакции. Лиза пожала плечами, по-прежнему старательно избегая встретиться со мной взглядом. Ладно, будь как хочет. Меня больше волновал другой вопрос – чтобы не сойти с ума, я должен был понять, где заканчивается сон и начинается реальность. Не могло же быть две реальности... И, похоже, я знал, как выяснить это.

- Лиза, можно вопрос?

Она молча кивнула. «Давай».

- Ты знаешь что-либо о женщине по имени Далия Гиллеспи?

- О да, - иронично протянула Лиза. – Эта сумасшедшая особа Гиллеспи. В Тихом Холме её редко кто не знает. Местная знаменитость, так сказать... Помешана на религии. Это началось, когда у неё сгорел ребёнок во время пожара в их доме. Жуткий случай, с тех пор она совершенно тронулась. Говорят, она никогда ни с кем не говорит. Больше я о ней не знаю... не очень часто встречалась, и слава Богу.

Ну, насчёт того, что Гиллеспи ни с кем не общалась, Лиза явно ошибалась, и я был живым тому доказательством. Но я сейчас хотел узнать о другом. Лиза была не Сибил, в этом было её преимущество и мой шанс.

- Я встречалась с ней, - сказал я. - Она говорила, что город окутывается тьмой. Что это может означать?

При упоминании о тьме по лицу Лизы побежала тень. Но она быстро совладала с собой и погрузилась в раздумье:

- Город поглотила тьма... Ну я не знаю...

Я уже хотел с деланной непринуждённостью сказать: «Да неважно», - как вдруг Лиза тихо проговорила:

- Но, кажется, понимаю.

Я рывком приподнялся на койке. К тому времени недомогание, которым сопровождалось каждое пробуждение, успело улетучиться, и чувствовал себя довольно сносно.

И Лиза рассказала. Говорила медленно, то и дело запинаясь и сбиваясь, но я слушал, не смея перебить её даже дыханием. Голос девушки звучал гулко в закрытой палате, стены которого были изъедены окисью. Это был первый рассказ о таинственном прошлом городка Тихий Холм, услышанный мною... страшная и жестокая сказка, воплотившаяся в реальность.

- Я сама не очень хорошо разбираюсь, - начала она, - но в городе ходят легенды, которым местные верят... должны верить. Перед тем, как Тихий Холм не начал бурно развиваться, горожане жили тихо. Старались, чтобы Тихий Холм вообще никто не замечал, не особо жаловали гостей. Почти все жители следовали какой-то странной религии. Не христианство, нет – какой-то культ судьбы, связанный с чёрной магией. Они старались вызвать древних богов города. Тут постоянно происходили странные вещи вроде исчезновения людей... Их потом почти никогда не находили. Люди в городе проповедовали жестокость и относились друг к другу соответственно. Потом настали новые времена, в город прибыло много новых людей, и все об этом забыли. По крайней мере, так гласит легенда. Её никто всерьёз не принимает, но... я сама слышала всякие вещи. Это было много лет назад, когда я была ещё ребёнком. Несколько работников городского муниципалитета погибли при очень странных обстоятельствах. Один за другим, почти одновременно... Слухами полнилась земля – говорили, что это проклятие, что городу не нравится, когда приезжают чужаки... Извини, если объясняю не очень понятно.

Я действительно понял далеко не всё. Но одно слово крепко впечаталось в мозг – «культ». Моё предположение оправдалось - в городе действительно орудовали сектанты. Чёрная магия...

Я хотел попросить Лизу рассказывать дальше, но вдруг сильно закружилась голова. К горлу вновь подкатил кислый комок, и я со стоном опустился обратно на подушку. Всё

тело с головы до ног прошиб пот. Я закрыл глаза, чтобы избавиться от вида красных стен, пошедших рябью. На внутренней стороне век летали рваные цветные огоньки.

Лиза бережно взяла мою правую руку и прощупала пульс. Судя по тому, как она сокрушённо цокнула языком, дела были плохи.

- Гарри, поспи... Ты болен. Тебе нужно отдохнуть.

Я не хотел спать. Я хотел встать и пойти, сделать хоть что-нибудь, чтобы найти Шерил... Но я не мог. Сознание вновь покидало моё тело. Меня затащило обратно в темноту, как человечка, привязанного на кончике резинового шнура.

Снов не было – одна холодная пустота. На этот раз я очнулся довольно быстро и безболезненно. Лбом я чувствовал под собой что-то жёсткое и металлическое. Я лежал лицом вниз, раскинув руки, как мертвец.

Я приподнял голову. В глазах двоилось. Впереди был свет, колыхающийся вместе с моими глазами яблоками. Что за?.. Я поднялся на колени и протёр глаза руками. Мир вокруг разом стал чётче, но меня это не обрадовало.

Я снова находился в пустой церкви под антикварной лавкой. Но не совсем так. Здесь всё изменилось. На обветшавших стенах засохли бурые потёки. Под ногами звенела ржавая железная решетка. Знак над алтарём исчез – его место заняла кроваво-красная печать Самаэля. Сам алтарь тоже видоизменился... я увидел, что ритуальные кубки, стоящие на ней, орошены свежей кровью. У стен горели расплывшиеся сальные свечи, которые и давали всё нехитрое освещение.

Опять.

Другой мир? Обратная сторона?.. Глюк Гарри Мейсона? Я затравленно огляделся и увидел обожжённый труп, висящий над входом в церковь. Мертвец широко развёл руки, рот представлял собой широкий чёрный провал, искривившийся в крике. Тоже знакомо...

Я почти не испугался. Сколько можно, в конце концов. В первую очередь я был сбит с толку. Только что я лежал на койке госпиталя Алчемилла и беседовал с Лизой. А до этого я был в антикварной лавке вместе с Сибил. Сны, сменяющие другие сны, и каждый из них может оказаться настоящей реальностью. Вот сейчас я стоял в жутком мире, где царил тьма и на углах висели обезображенные трупы... Где гарантия, что ЭТО тоже не сон? Где гарантия, что сном не было ВСЁ, что я испытал в этом городе? Может, я просто мечусь на кровати у себя дома в горячке кошмаров и не могу проснуться, в то время как моя дочка спокойно дремлет в соседней комнате? Да уж... Было чему растекаться по древу.

Но пока я был в этом мире, приходилось жить по его законам.

Я прошёл под чёрными обугленными ногами трупа, на секунду уловив носом отратительный горелый запах.

- Сибил? – крикнул я в темноту. Никто не отозвался. В общем-то, я этому не удивился. Я поднялся вверх по лестнице, касаясь пыльных изогнутых перил. Дыра в стене была на месте, но от самого магазинчика остались лишь белые стены, в углах которого вилась невесомая пыль. На улице стояла ночь. Ящики и шкафы пропали. Как и Сибил – она осталась в том мире снега и тумана, который по сравнению с местом, куда попал я, казался раем на земле. Что ж... пусть хоть ей везёт.

Я подошёл к окну и прильнул лбом к потрескавшемуся стеклу. Моросил дождь, лениво смачивающий тротуар, выложенный из решетчатых стальных плит. Над городом нависали тяжёлые чёрные тучи, загораживающие свет звёзд. В снежном мире было холодно и свежо, а здесь... К тёплому удушающему воздуху примешивался неприятный гнилой запах, от которого сладко першило в горле. Хотя я находился в более-менее центральной части Тихого Холма, нигде не было заметно ни одного огонька. Я был совершенно один... Я зябко поёжился и отошёл от окна.

Куда теперь?

Хм, вообще-то, некуда, с неуместной иронией подумал я. Всё, тупик. Здесь тебя никто не ждёт. Что называется, приехали. Можно только сидеть и ждать, пока тьма,

накрывшая город, отступит. Она всегда отступала, так что не всё потеряно. Просто переждать...

Но я не мог сидеть на месте. Что-то мне подсказывало, что если я где-нибудь и могу найти Шерил, то только в зловещих катакомбах «обратной стороны». Я не знал, с чего я это взял, но чувствовал, что Шерил находится рядом, где-то в просторах здешней тьмы. И если я буду трусливо просиживать свою задницу, забившись в угол, то скоро всё будет кончено.

Всё будет кончено. Какая безжалостная и жестокая фраза. Но именно она послужила той плетью, которая заставила меня выйти из относительно безопасного прибежища, наплевав на собственную жизнь. Дождь яростно обрушился мне на голову, по тротуарам закружился ветер. Но я упрямо шагал вперёд неизвестно куда, и порывы ветра выбивали из моих глаз скупые капли слёз.

Я думал, что я единственный обитатель этого мира... Но я ошибался. Я был не один, и очень скоро мне это дали понять.

Решетчатый тротуар громко зазвенел шагах в тридцати от меня. Прежде чем я успел опомниться, звук повторился десятью шагами ближе. Кто-то – или что-то – отмахивал огромные расстояния в прыжке, держа курс на меня. Стало быть, меня уже заметили. Я сломя голову бросился вперёд, подальше от преследователя. Но он подобрался уже слишком близко. Прыг – минус ещё семь шагов. Скок – ещё восемь. Следующим прыжком «попрыгунчик» настиг меня, навалившись своей тяжестью на плечи. Весил он, надо сказать, немало. Колени у меня подогнулись; я потерял равновесие и упал лицом вперёд, выставив руки перед собой. Пока я падал, «попрыгунчик» успел с меня соскочить, поэтому падение особых повреждений мне не принесло. Даже если и была боль, я её не чувствовал: уровень адреналина в крови подскочил настолько, что я аж начал видеть в полной темноте. Я увидел грузную фигуру, отпрыгнувшую вправо. Встать и убежать не было никакой возможности. Нож, вдруг вспомнил я. У меня в кармане лежал нож, «конфискованный» в начальной школе. Перекатившись на спину, я нащупал рукоятку ножа у себя в кармане. Слишком маленький... но всё же...

Сильный удар по голове, должно быть, на какую-то пару секунд отключил меня. Когда я вновь начал соображать, невидимый «попрыгунчик» уже победно стоял над моим поверженным телом. Кажется, существо было похоже на небольшого медведя – по крайней мере, так я его себе представил. Он наклонил ко мне свою голову – я почувствовал на щеке жар от его зловонного дыхания. Меня охватил ужас. Вот-вот «попрыгунчик» начнёт пожирать меня заживо... Стараясь не выдавать движения, я наконец вытащил нож. Давление дыхания на щёки возросло – «попрыгунчик» буквально обнюхивал меня, решая, с чего начать.

- Вот тебе, - процедил я сквозь зубы и со всей силы ткнул ножом вперёд. Лезвие глубоко вонзилось в мягкое и пушистое. На меня обильно закапала тёплая кровь. Я резво дёрнулся в сторону, уклоняясь от возможного удара. Нож с силой вырвало из рук – «попрыгунчик» с душераздирающим воем отскочил назад. Торопливо поднимаясь на ноги, я услышал прыжок по тротуару, ещё один. Существо, только что намеревавшееся меня съесть, убежало.

Короткая, но ошеломляющая борьба окончательно выбила меня из себя. На нетвёрдых ногах я направился к бордюру тротуара, чтобы найти место, где можно присесть.

«Я мог умереть».

Тротуар был пуст. Зато я увидел гостеприимно открытую дверь здания, которая в нормальном мире была торговым центром. Хорошо. Я решил хотя бы немного отсидеться под его кровом – переждать, пока перестанут мелко дрожать колени. Я никак не мог унять подрагивание мышц. С такими темпами мне светила перспектива в скором будущем получить паралич.

По сравнению с антикварной лавкой торговый центр изменился мало. По крайней мере, ряды стеллажей с зазывающими вывесками были на месте – грязные, кое-где разбитые, но были. Я увидел знакомую красно-белую эмблему «Кока-колы» на одной из витрин. Реклама бодрящего напитка повлияла на меня ничуть не хуже самой колы. Глупо, но меня здорово обнадежило присутствие частицы нормального мира в этом кошмаре. Стало быть, не так уж всё плохо...

Увидев скамейку в холле, я присел на неё и закрыл глаза, которые так и слипались. Когда опускаешь веки и не видишь невозможный бред, творящийся рядом, кажется, что ничего и не произошло... Я старался не размышлять, чтобы не нарушать блаженную расслабленность. Постепенно дрожь в ногах кончилась, и я незаметно начал погружаться в сон. Я ехал в машине по ярко-зелёному лесу, но рядом вместо Джоанны почему-то сидела Сибил. Я увидел поворот, за которым лежал свёрток с ребёнком – моя будущая дочка. Слегка нажимая на педаль газа, я выискивал её в траве у обочины, но свёртка не было. Этого не могло быть. Я ударил ботинком по педали тормоза, но машина отказывалась останавливаться. В смятении я дёргал и дёргал ручку ручной блокировки, но её заклинило. Сибил что-то говорила, но я не мог разобрать её слова. Рядом пронеслась ржавая табличка: «ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ТИХИЙ ХОЛМ, ШТАТ МЭН». Я опоздал, но отказывался этому верить, молотя кулаками по рулю, который плавно вертелся сам собой. И не заметил, как на дороге выросла девушка. Она была в синей школьной форме и стояла спиной. Машина набирала обороты и мчалась прямо на её хрупкую фигурку. Я начал кричать в осознании непредотвратимого. И вдруг, когда бампер был в двух метрах от девушки, она оглянулась. У неё было морщинистое дряблое лицо. Далия Гиллеспи... Она повела головой влево, точь-в-точь, как в церкви, и продемонстрировала мне худые ладони. Ладонь была вся в старых шрамах от ожогов. Машина налетела на неё, обращая в пыль, но вместо глухого стука я услышал нарастающее шипение. Туман заволок кабину машины, и я остался один. Шипение продолжалось... Вдруг туман потемнел, превратившись в чёрную пустоту. Я проснулся.

Оказывается, я заснул, повалившись набок на скамейку. Шипение «белого шума» издавали большие телевизоры, выстроенные ровным рядом на одной из витрин. Магазины бытовой электроники в семидесятые были ещё в диковинку, а тут – не менее десятка приёмников последней модели. Вершиной великолепия был огромный экран, занимающий полстены – уверен, вещица стоила не менее десяти тысяч долларов. Все экраны мерцали пустыми помехами, издавая громкое шипение.

«Откуда взялось электричество?»

Я проследил за шнурком, который тянулся по земле. Толстый чёрный шнурок вился змейкой к стене... но вилка валялась на земле, не подключённая к розетке. Хм, честно говоря, розетку-то я вообще не заметил.

Шипение изменилось. Теперь это был не монотонный шум пустого эфира, а нечто более осмысленное. По экранам пошла чёрно-белая рябь. За тонкими полосами что-то начало вырисовываться...

Печать Самаэля. Едва я различил треугольник, вписанный в окружность, динамики взорвались грохотом. В ушах больно кольнуло. Помехи сошли на нет; изображение стало ясным и чистым, словно я видел проклятый знак нарисованным на листе бумаги. Десять печатей на десяти экранах смотрели на меня. Я сидел на скамейке, поражённый происходящим на моих глазах катаклизмом. Но это было ещё не всё.

Печати на всех экранах стали размываться и замещаться новым изображением. Качество этой картины было несравнимо хуже, но всё-таки я смог увидеть контуры головы, обрамлённые короткими чёрными волосами, глаза, рот...

- ..па... помог...

Это была Шерил.

Я миг оказался у большого экрана. Изображение дёргалось, слова прорывались сквозь волну помех. Шерил лежала на боку (или просто картина была повернута?). Она в

самом деле кричала мне – я видел, как движутся её губы. Я положил ладонь на холодный экран, почувствовав, как меня легонько ударило током. Больше я ничего не смог сделать...

- ... где... луйста...

- Шерил! – проорал я, стараясь перекричать помехи. Но вряд ли она меня слышала... «Снег» на экране пошёл хлопьями. И моя дочь затерялась за его стеной.

- ... пап...

Экран мигнул, выдав мне прямо в лицо ненавистную печать. Дамы и господа, пришло время прощаться, спасибо за внимание. Передача представлена телекомпанией «Самаэль».

- Верни её, - сказал я, - верни её сейчас же.

Знак издевательски вытянулся в длину и пропал. На экранах осталась только девственная белизна, сопровождаемая равнодушным шипением.

Я мог бы разбить большой экран. Мог бы пустить на осколки ВСЕ дорогостоящие приёмники. Но я не стал этого делать. Они были ни в чём не виноваты. Не они, а те, кто ими управлял. Культ, значит? Чёрная магия, да? Я достаточно долго побывал игрушкой в их руках, но теперь всё понял. Они специально делали всё, чтобы сломить мою волю.

- Как вы это проделываете? – прокричал я, обращаясь к невидимым наблюдателям. – Слышите, ублюдки?! Оставьте нас в покое! Верните мне Шерил! Верните мою дочь, иначе я...

«Иначе что?»

Торговый центр безмолвствовал. Если кто здесь и был, то только я сам. Но тогда я был не в состоянии понять эту простую вещь. Я видел орды врагов, затаившихся за стеллажами и злобно ухмыляющихся, глядя на меня. И я собирался поквитаться. Я одолел монстров-чудовищ, я одолею и монстров-людей.

- КТО ЗДЕСЬ?

«... здесь... есь...»

Я обвёл взглядом первый этаж. Нет, здесь точно никого не было. Негде прятаться. Оставался верхний этаж...

Я поднял голову и увидел над собой площадку второго этажа. Они там.

Когда я бежал вверх, телевизоры внизу погасли с негромким, но возмущённым звуком. Я не оглянулся.

Добежав до конца лестницы, я несколько поостыл, увидев точно такие же пустые магазинчики, как и на первом этаже. Здесь всё было, как внизу – разве что ещё больше грязи, разрухи и ржавчины на стенах. Пол так и скрипел под ногами, грозя обвалиться. Я сделал один шаг. Решётка прогнулась под тяжестью, но кое-как выдержала.

- Я знаю, что вы здесь, - неуверенно сказал я. – Кто бы вы ни были... Пора покончить с этим. Выходите.

Мне показалось, или я услышал смехок со стороны ювелирного магазина? Я неосторожно пошёл вперёд, ступая на осыпавшийся пол.

- ... слушайте...

Неизвестно, что я хотел сказать, но тут решётка, вконец измученная непосильно большим давлением, оторвалась от планки. Раздался хруст. Не успев даже вскрикнуть, я рухнул вниз с пятиметровой высоты.

Моё счастье, что как раз подо мной металлическая решётка оказалась снята. Я воткнулся ботинками в песок – твёрдый и липшийся, он всё же был во сто крат лучше, чем железный пол. Не удержавшись на ногах, я повалился на землю; сдавленные ступни болезненно ныли, но в целом для такой высоты я отделался удивительно легко. Я подвигал конечностями, ожидая хлыст острой боли, но так и не дождался. Повезло...

Я встал и посмотрел вверх. Дыра на полу второго этажа отсюда не была заметна. Падение вышибло из меня весь пыл преследования и скопившийся бессмысленный гнев. Я понял, насколько необоснованны были мои мысли о затаившихся в углах врагах. Какие, к чёрту, наблюдатели? Торговый центр – этот его вариант – разваливался на глазах, и

устраивать засаду, когда под ногами буквально трескалась опора, было бы безрассудным поступком даже для сатанистов. Да и мне не стоило особо расслабляться. Торговый центр был вовсе не тем оазисом спокойствия, который я жаждал. Надо было уходить.

Мне всё-таки не дали покинуть это жуткое местечко так легко. Едва я сделал от силы пять-шесть шагов (ботинки норовили утонуть в осыпающемся песке), как рядом, справа от меня, песок стал проваливаться, вминаясь внутрь себя. Я остановился, озадаченно глядя на стекающие вниз жёлтые крупы. Что происходит? Выглядело так, словно где-то внизу, под землёй, образовалась дыра, куда и стал сыпаться песок...

Но потом, когда из центра образовавшейся воронки выглянула большая мохнатая головка, я всё понял. Из-под земли вылезала гигантская гусеница – без малого семь футов в длину. Шершавое тело упрямо проталкивало себя вверх. Я увидел скопление крохотных блестящих глазок на её голове. Чёрные отростки под телом мелко подрагивали – гусеница старалась извернуться в мою сторону. Жирное кольчатое тело пульсировало мягкими волнами.

Я не стал дожидаться, пока червь выползет из укрытия, и дал деру. Вряд ли я мог бы рассчитывать на хорошее отношение со стороны неожиданной гостьи, а вступать в новый бой я хотел в последнюю очередь – у меня ещё не перестали трястись поджилки после «попрыгунчика». Я бежал между рядов разбитых витрин, попеременно оглядываясь через плечо. Вроде бы медлительное существо ни в жизнь меня не догнало бы, но я не был уверен, что ЭТО есть гусеница в полном смысле слова. Чёрт побери, я бы не удивился, если бы червь вдруг поднялся вертикально и на его животе оказался бы рот, пестрящий клыками.

Но перед дверью выхода из торгового центра я всё-таки нажал на тормоза. Не хотелось выскочить на улицу и тут же пасть под метким прыжком «попрыгунчика». Да и потом... куда мне идти? Торговый центр недвусмысленно намекнул, что не стоить тыкаться куда попало, уповая на безлюдность. Я не был одинок в этом мире. Темнота не была пуста – наоборот, она была густо населена. Уж лучше бы я тут действительно был один...

Я перебрал в уме места Тихого Холма, где успел наследить. Начальная школа Мидвич... Брр. В эти своды я не вернусь даже под угрозой смерти. Христианская церковь... Там меня никто не ждёт, кроме распятого Иисуса.

Кафешка, где я проснулся...

Я выбрал госпиталь. Во-первых, он элементарно был расположен ближе всех остальных заведений. Во-вторых, я вроде хорошо запомнил немудрёный маршрут «Симмонс-стрит – Саган-стрит – Крайтон-стрит». И, в-третьих, мне почему-то казалось, что я найду там Лизу. Я не очень хорошо понимал, почему я так думаю, но сейчас, когда времени на размышление у меня было предостаточно, я могу сделать некоторые выводы. Доктор Кофманн, странная леди Гиллеспи, Сибил – все, кого я здесь встретил, были в «снежном» мире, который за исключением лучшего я считал нормальным. Кроме Лизы. Лиза находилась здесь, на «обратной стороне». Всегда. А я был маятником, попеременно соскакивающим из одной стороны в другую.

Была ещё одна причина. Если Лиза действительно в госпитале, то у меня была хитрая идея спросить у неё насчёт обходной дороги на озеро, куда, по словам Сибил, направлялась Шерил. Лиза должна была знать.

Я старался идти быстро и бесшумно, растворившись в темноте. На улицах стояла тишина, нарушаемая негромким шумом дождя. Я шёл мимо грязных скошенных домов, касаясь искореженных палисадников. Симмонс-стрит закончился на удивление быстро – я преодолел её за десять минут. Свернув на недружелюбный Саган-стрит, увидел выросшую прямо посреди улицы конструкцию с пропеллером. Лопастей достигали пяти футов в длину. Не то флюгер, не то ветряной двигатель... Лопастей ровно вертелись вправо, не производя ни малейшего шума. Ну и ну, подумал я, опасливо обходя конструкцию

стороной. Чем-то эти «вентиляторы» мне не понравились. Вспоминался винт мясорубки, так же бесстрастно превращающий туши в груды мяса...

Спокойствие нагоняло скуку. Я уже не так бережно заботился о скрытности и лихо вышагивал вперёд, отсчитывая шаги. Я миновал первый поворот. Второй. Ещё один мёртвый квартал. Следующий поворот вёл на Крайтон-стрит. Торопливо направляясь к перекрёстку, я споткнулся обо что-то, лежащее на тротуаре. Безжизненное тело... Слава Богу, не человек, а лишь какой-то зверёк. Но хорошего всё равно было мало. Я наклонился, чтобы разглядеть его. Воняло жутко, словно он сдох месяц назад. Это был... был... пёс?

Труп собаки выглядел так, словно с него испарилась вся плоть, кроме скелета и кожи. Пасть раскрыта и сморщена, зубы торчат белыми выцветшими треугольниками. Там, где я ненароком задел его ботинком, шерсть провалилась, обнажив потемневшие рёбра. Сухой невесомый остаток... Но это не мешало ему исторгать ужасный запах. Несчастный пёс, которого я застрелил по пути в антикварную лавку. Руки того, кто слепил этот мир безумия, коснулись даже его бездыханного тела.

«Неужели я тоже ТАК буду выглядеть, когда умру?»

Я повернулся и зашагал дальше. Дождь вновь начал усиливаться. Вдалеке на горизонте пронёсся раскат грома. Сквозь тучи вспыхнула молния, и я на секунду увидел всю улицу, замершую, как на чёрно-белом отпечатке. В детстве я любил вестерны с их жутковатыми заброшенными городами. Так вот... все они и в подметку не годились Тихому Холму. В этот момент я поблагодарил, что всё вокруг милостиво скрывает тьма. От одной мысли о том, как мог выглядеть такой город ярким солнечным днём, становилось плохо.

Остаток пути прошёл спокойно. Я благополучно достиг калитки госпиталя. «Г... АЛ... МИЛЛА», - гласила надпись на табличке. Красный крест свесился набок, превратившись в перечёркивание. Всё хуже и хуже.

Я вошёл в больницу очень осторожно, готовый выскочить обратно при малейшем подозрении на присутствие горбатых медсестёр или невидимых чудовищ, сотрясающих пол. Но коридор первого этажа был пуст, хоть и выглядел как самый ободранный клозет в мире. Меня это вполне устроило.

Лизы не было.

Я прошёл к знакомой палате с выбитой дверью. Вот койка, на которой сидела Лиза (а в моём... хм... горячечном «сне» лежал я сам), пустая стойка капельницы, табурет...

Табурет стоял именно в таком положении, как мне привиделось. У изголовья кровати. Лиза сидела и смачивала мне лоб мокрой тряпкой...

Но где она сама?

Я готов был провалиться в отчаяние. Последнее прибежище, и то оказалось покинутым. Оставалось только лечь да умереть.

Впрочем, нет. Рано умирать. Ещё рано. Мне нужно попасть на озеро, и если будет пусто и там... Что ж, тогда мои мрачные мечты имели хороший шанс воплотиться в жизнь.

Я пошёл к выходу. Сибил сказала, что дорога на озеро разрушена, но я уж постараюсь что-нибудь придумать. Не впервой.

Но мне повезло. Проходя мимо ординаторской, я услышал какой-то шум за дверью, словно сдвинули койку или шкаф. В любом случае, там переместили что-то тяжёлое. Что-то, что не могло двинуться само собой.

Помня о медсестре с гнилым лицом, я сначала приложился глазом к ржавой замочной скважине. Может, кто-то и был в ординаторской, но щель была слишком узкой.

Я приоткрыл дверь. Внутри горел тусклый свет. Я увидел красноватые отражения на стенах и распахнул дверь полностью. Я уже знал, кто здесь.

- Гарри!

Огромное облегчение слышалось в возгласе Лизы. Увидев меня, она откинула рваное одеяло, которым накрывалась, и вскочила с койки. В пламени свечи я увидел, что лицо у

девушки осунулось ещё больше. Лиза даже вроде как похудела. Но глаза остались прежними, и сейчас они светились неудержимой радостью.

- Всё хорошо, - старательно улыбнулся я. Хотя хорошего, в общем-то, было как раз маловато.

- Слава Богу... Ты вернулся. Я так волновалась... Мне было так страшно...

Пока Лиза сбивчиво изливала свои впечатления, я тайком оглядел ординаторскую. На столике с кипами дырявых листов горел жёлтый огарок свечи, вставленный в разбитую склянку. Лиза где-то нашла свечу и зажгла. Зажгла, легла на койку, накрылась одеялом, отгородившись от окружающего страшного мира, и стала ждать своего спасителя. Она ждала меня... и дождалась. Я почувствовал прилив гордости за девушку, которая не хотела сдаваться, несмотря на свой страх.

Вот только... смогу ли я оправдать её надежды?

- Теперь я здесь, - успокаивающе сказал я, устало приваливаясь к стене. Ногам нужно было немножко отдохнуть. – Я тоже беспокоился за тебя. Право же, очень рад тебя видеть.

Вот и всё, что я смог сказать. Я лихорадочно выискивал нужные слова, чтобы выразить восхищение её мужеством, подбодрить, вселить надежду на благополучный исход, но так и не нашёл. Выражать свои чувства на бумаге мне всегда не составляло труда (тем и живу, можно сказать), но тогда, в тёмной ординаторской, я потерпел полное фиаско. Слова покинули меня.

Лиза тоже хотела что-то мне сказать, но, похоже, испытывала аналогичные трудности. Так мы стояли, уставившись друг на друга. Мы молчали, но между нами было истинное ПОНИМАНИЕ – то самое ощущение, что нам в жизни зачастую так не хватает. Лиза знала, что думал я, а я знал, какие мысли в голове у неё. Мысленная связь между нами достигла пика. Никогда до и после этого я такого не испытывал...

Но потом проклятый практик, сидящий в моей голове и не признающий сантиментов, дал о себе знать, и я ляпнул:

- Лиза, ты не знаешь, как можно попасть на озеро?

Нелепый и неуместный вопрос подействовал подобно удару мечом, грубо перерубившему канал связи между мной и Лизой. Обмен мыслями оборвался, болезненно хлестнув обрубок по нервам.

Лиза некоторое время молчала, переваривая услышанное. За эти секунды я успел тысячу раз предать себя анафеме. Наконец она ответила, и голос у неё был усталый и лишённый чувств:

- Тебе нужно к озеру? Туда ведёт только одна дорога, Бахман-роуд.

- Уже не ведёт, - покачал головой я. – Почти все дороги в городе разрушены. Бахман-роуд в том числе.

Лиза была сбита с толку:

- Но это единственная дорога...

- Ты уверена? Неужели нет ни одного обходного пути?

Что за городишко, презрительно подумал я. Вроде живёт за счёт туристов, а к главной достопримечательности ведёт одна дорога. Муниципалитету не стоило бы экономить на золотоносной жиле.

Лиза углубилась в раздумья. В принципе, я уже не верил, что она выдаст мне какие-нибудь полезные сведения, но ошибся в очередной раз. Она вдруг подняла голову:

- Погоди-ка... Я кое-что вспомнила.

Сердце у меня забилось; я почувал, что напал на след.

- Да?

- Есть коллектор возле начальной школы, - Лиза говорила медленно, словно боясь ошибиться. – Правда, он заброшен уже несколько лет, но там есть подземный туннель, используемый то ли для инспекций, то ли для чего-то ещё... Вроде бы он ведёт к озеру.

Сказать, что я сильно обрадовался этой информации, было бы неправдой. Меньше всего мне хотелось бродить по городскому отстойнику, погрязнув по колено в отходах. Особенно в этом тёмном мире, где по улицам гуляли «попрыгунчики». Даже представить сложно, какие тут твари водятся в канализации.

- Правда? – без особого энтузиазма переспросил я. – И ты действительно думаешь, что по нему можно благополучно добраться до озера?

- Ну, я никогда там не была, так что не знаю, - Лизе тема обсуждения тоже не вселяла оптимизм. – Хотя, там сеточное ограждение, так что попасть в коллектор будет непросто.

Насчёт ограждения я не волновался. Но вот канализация... Я, слава Богу, доселе не имел удовольствия спускаться в «минусовой этаж». Похоже, настало время наверстать упущенное. Это был ещё один чёртов шанс, а другого попросту не было дано. Я не мог его игнорировать.

Должно быть, все мои мысли и эмоции ясно отражались на лице, а Лиза прочла всё... и поняла, что в ближайшем будущем снова замаячило страшное одиночество. Она вдруг встrepенулась, хотя я не сказал ни слова:

- Гарри, не уходи! Я не хочу остаться одна... я не могу!

Конечно же, я не мог остаться. Мне было жаль девушку, но меня ждала дочь. Но у меня, как казалось мне, имелся беспроегрешный компромиссный вариант. Я предложил:

- Не хочешь пойти со мной? Здесь тоже не самое безопасное место. Я, конечно, не супергерой, но обещаю, что буду защищать тебя всеми силами.

Я был уверен, что Лиза согласится. Ей нечего было терять, отправляясь со мной на поиски Шерил, а вдвоём... вдвоём всегда лучше. Я даже протянул ей руку и был безмерно удивлён, когда Лиза отшатнулась назад:

- Нет... Я не должна уходить отсюда.

Что значит «не должна»? Я досадливо поморщился и убрал руку. Почему Лиза не хочет мне помочь? Она же знает, что я не могу, ну просто не могу остаться здесь...

- Лиза, почему...

- Нет, - твёрдо повторила она, поднеся руки к лицу. – Так или иначе. Я не уйду отсюда.

Я увидел, как по её щеке покатилась первая слеза. Я чувствовал себя бессердечным чудовищем, заставляя её плакать, но не мог ничего поделать. Дилемма, чтоб её...

- Мне холодно, Гарри...

Девушку действительно начинало знобить. Лицо у неё побледнело, словно она провела длительное время на холоде. Странно – в ординаторской, на мой взгляд, температура была нормальной. Но не для Лизы. Не напрасно же она куталась в одеяло, лёжа на койке. Что-то не так...

Я осторожно приобнял её за плечо:

- Лиза... побудь тут ещё чуток, хорошо? Я вернусь, как только найду свою дочь. Обещаю.

Теперь настала очередь Лизы высвободиться из моих объятий. Она обречённо вздохнула и отвернулась от меня, отходя вглубь комнаты. Пламя свечи всколыхнулось, заставив тени на стенах испуганно вздрогнуть. В ординаторской заметно потемнело.

Отвратная сцена.

Я сделал два шага вслед Лизе, но на большее меня не хватило. Передо мной был выбор – догнать Лизу, заключить её снова в объятия и сказать, что всё, что было до этого – глупая шутка и я останусь с ней... или пойти за дочерью. Это был трудный и нечестный выбор, потому что правильного варианта в нём не было. Каждое решение было поражением и влекло за собой бесконечную боль мучительных сомнений, которые преследовали бы меня до конца жизни: а что, если?... а если...

Я выбрал дочь. Повернулся спиной к Лизе и ушёл, даже не закрыв за собой дверь как следует. Меня бросало в жар и холод. Я вернусь, уверял я себя. Найду Шерил и быстро

вернусь. С Лизой ничего не будет. Но что-то подло подсказывало, что я тешу себя напрасными иллюзиями.

Оказавшись в коридоре, я пустился едва ли не бегом, надеясь убежать от своих страшных сомнений. Мне уже было плевать на темноту, грязь, кровь и монстров. Передо мной была цель, а за мной была та, которая осталась меня ждать.

Дождь усилился. Тёмные небеса разверзлись, исторгая чистую, чуть тёплую воду, которая текла ручьём по улицам и исчезала в отверстиях вездесущих решеток. Гром грохотал близко, но молний по-прежнему почти не было. Стоя у калитки госпиталя, я начал понимать, что мои шансы дойти до начальной школы ничтожны. Даже если по дороге ко мне не пожалуют незваные гости, я стопроцентно заплутаю в этом ржавом лабиринте. У меня не было даже фонаря, а спасительные табло у дороги исчезли.

«Гости» пожаловали даже скорее, чем я предполагал. Я преодолел сто метров по Крайтон-стрит в сторону Старого Тихого Холма, когда в темноте раздалось хлопанье крыльев. Я судорожно завертелся на месте, стараясь определить, с какой стороны мне угрожает опасность. Это было довольно сложно: казалось, звуки окружали меня, подкрадываясь то с одной стороны, то с другой. Пока я напрягал слух и прислушивался к бешеному биению собственного сердца, враг подошёл на опасно близкое расстояние. Он-то заметил меня давно, а я увидел его, когда между нами осталось всего пять-шесть футов.

Сначала я увидел полосатое пузо, надвигающееся на меня с огромной скоростью. Никакого желания касаться его у меня не было, так что я быстренько упал на землю и скатился в сторону. Тяжело махая крыльями, чудовище проскочило мимо меня. Лёжа на земле, я смог изучить его получше. Больше всего оно напоминало пчелу несуразных размеров. Такое же жёлто-полосатое тело и прозрачные шершавые крылья. Но голова твари и отдалённо не напоминала пчелиную. Она была до ужаса похожа на человеческую, при этом была вся скрыта под кишасей ордой земляных червей. Черви облепили голову сзади и спереди, вливались коричневой жижой в пустые глазницы и капали на землю. Рядом со мной на решётку шлёпнулось несколько штук. Это были обычные могильные черви. Они, извиваясь, подползали к моей голове, и я спешно вскочил на ноги. Меня затошнило; я стоял, стараясь справиться с рвотой, стремящейся вверх по пищеводу, а тем временем тварь разворачивалась, чтобы предпринять новую атаку.

На этот раз она летела ниже, чтобы не повторить прошлую ошибку. Пузо колыхалось в такт покачиваниям крыльев. Я приготовился броситься в сторону, но тут тварь непостижимым образом выбросила голову вперёд и выпустила из своей пасти дурно пахнущее влажное облако, приправленное ошметками червей. Я, слава Господу, не попал в центр, но мне всё равно досталось. Уж не знаю, что за отраву вырабатывало в себе чёртово существо, но субстанция, уверен, при достаточном уровне концентрации могла убить человека. Я вдохнул облака совсем немного, но перед глазами тотчас заплясали красные молнии. В нос забила скользкая частица червя. Сердце сжалось в клубок, а вдобавок я почувствовал несколько сильных спазмов в мышцах рук. Я согнулся пополам и надсадно закашлялся. Во рту чувствовался запах нафталина вкупе с кислым молоком.

Тварь готовилась к третьей попытке. Отстать от меня она явно не хотела. Убежать я не мог. Оставалось драться. Голыми руками...

Что-то тёмное зашевелилось во мне. Я выпрямился, игнорируя зелёную дурь, затуманивающую мысли. «Пчела» висела прямо передо мной, летела ко мне. Я увидел длинное острое жало, высунутое из-под остроконечного тела. Одного касания хватило бы, чтобы впрыснуть мне смертельную дозу.

Я посмотрел на свои ладони, потом на тварь, увенчанную боевым арсеналом. Небо и земля.

Жало поднялось, повернулось в мою сторону. Тварь ринулась вперёд. Теперь всё зависело от моей реакции.

Когда жало оказалось от меня на расстоянии вытянутой руки, я быстро скользнул вправо. Особого труда это не составило, неповоротливое существо не могло быстро

отреагировать на мой маневр. Но главное было впереди. «Пчела» сбросила скорость, пытаясь развернуться на лету... и я крепко схватился руками за торчащее из его тела тонкое жало.

Хрясь.

Жало осталось у меня в руках.

Пчела полетела дальше, разбрызгивая вокруг себя дождь из червей. Из того, что осталось от жала, обильно закапала жёлтая жидкость.

Больше всего я боялся уколиться. Одно неверное движение, и меня ждала нелепая смерть под покровом бескомпромиссно чёрных небес. Но – обошлось. Теперь у меня было оружие противника, восставшее против хозяина.

Я надеялся, что нанесённого ранения будет достаточно, чтобы отбить у твари охоту иметь дело со мной. Но ошибся в очередной раз. Наверняка она даже не заметила потерю. Не знаю, чувствовала ли она боль вообще...

Так или иначе, она продолжала игру. Последняя надежда на мирный исход угасла.

Ладно, подумал я, сжимая жало в руке. Чего хотел, то и получишь...

Я прижался к земле, видя, как тварь начинает опускаться за мной всё ниже. Высотой она была не больше шести футов с хвостиком, и я хорошим прыжком мог достать до головы. Главное, чтобы не дрогнула рука.

Раз... Два... Три!

Я вскочил прямо перед пузом у твари, задержав дыхание. Но в нос всё равно проникло страшное зловоние, которое оно источало. Маска из червей шевельнулась, и я увидел большой провал раскрытой пасти. Нет, определённо голова была человеческой...

Я рывком вонзил отравленное жало твари в пасть. Хорошо вонзил – так, что оно полностью скрылось в кишасщем слое червей. Кажется, у неё не было даже черепа – я не ощутил сопротивления кости или хряща под жалом. Лишь толстая маска из червей возмущённо дёрнулась в стороны.

«Пчела» застыла на месте, усиленно двигая крыльями. Я отскочил на безопасное расстояние и напряжённо наблюдал за ней, готовый увернуться, если она снова начнёт меня преследовать. И когда массивная туша плавно скользнула по воздуху по направлению ко мне, из моих губ вырвался стон разочарования. С тварью ничего не стало, она бессмертна...

Но не пролетев и двух футов, «пчела» вдруг опрокинулась на спину и кулем рухнула вниз. Даже оказавшись на земле, она не хотела сдаваться: мохнатые лапы судорожно перебирали по воздуху, прозрачные крылья мелко подёргивались. Но этих усилий было недостаточно, чтобы вновь поднять тяжеленное тело на воздух. Может, быть, тварь и не собиралась умирать, но я её полностью обездвигил.

Потом случилось нечто странное и омерзительное. Голова существа начала разлагаться на глазах, превращаясь в нагромождение червей, которые расползались по решетке в разные стороны. С ужасом я увидел, что пчелиное туловище начинает распарываться вдоль, и на свет вылезают бесчисленные полчища кольчатых созданий. Бугорок, распластанный передо мной, стремительно таял.

Потом из-под решеток, куда падали черви, ударил яркий сноп света. На мгновение мир превратился в цельный лист белой бумаги, который прорезали чёрные сетки решёток. Я услышал где-то вдалеке за собой затухающий вой пожарных сирен. Дальше я ничего не помню – всё накрыла долгожданная белизна, знаменующая возвращение.

Пришёл я в себя от незаметного прикосновения снежинок, падающих на щеки. Я стоял по-прежнему на обочине улицы. Немного кружилась голова (как и всякий раз после «перехода»), но недомогание компенсировалось упоительным ощущением, что Я ЗДЕСЬ. Я снова был здесь – в мире снега и тумана, где не было этой страшной темноты, парализующей волю и разум. Я увидел рядом с собой витраж книжного магазина, занесённый снегом. Сугробы доходили до щиколоток, а температура успела опуститься до

двадцати пяти. Никакой пчеловидной твари или груды червей на асфальте не было. Тьма забрала их с собой.

Время пошло. Я не имел понятия, сколько пройдёт минут или секунд, пока город снова не погрузится в темноту, но произойти это могло в любую секунду. Нельзя было растрачивать драгоценное время впустую. Я начал идти вперёд, но шагов через двадцать сообразил, что возвращаюсь обратно в госпиталь. Пришлось чертыхнуться и совершить поворот вокруг себя.

Теперь, когда было светло и на каждом перекрёстке висели информационные табло, вернуться в школу было легко. По пути меня даже не потревожили птеродактили и собаки, которые казались просто милыми зверушками по сравнению с червивой «пчелой». Я прошагал через разводной мост, попав во владения Старого Тихого Холма. Забавно, но при виде знакомых грязных улочек у меня заметно поднялось настроение – будто я вернулся в город детства. В отсутствие знакомой обстановки человек готов природниться к чему угодно...

Мидвич-стрит. Боже, как давно я здесь не был... А вот и школа, хмуро возвышающаяся серой коробкой. Слава Богу, мне не пришлось заново входить в его территорию - канализационный люк был расположен чуть дальше от ворот школы. Лиза не зря предупреждала меня – люк действительно был огорожен тонкой проволочной сеткой. На двери ограждения висел замок, выглядящий так, будто его достали со дна озера после трехлетней отлёжки. Я не стал делать себе лишние проблемы, пытаюсь вскрыть замок или перелезть через ограду. Вот здесь и пригодился пресловутый «Фларос»: несколько хороших ударов пирамидкой по дуге ключа решили его судьбу. Наверяд ли Далия Гиллеспи предполагала такое употребление, но, в конце концов, даже микроскоп порой используют для забивания гвоздей. Тем более что «Фларос» особо и не повредился в результате моего варварства.

Минуту спустя я стоял над раскрытым люком и в замешательстве смотрел на чёрную дыру, ведущую, казалось, в глубокую буровую скважину. Закрались первые сомнения: может быть, Лиза ошиблась и коллектор вовсе не ведёт на озеро? Хотя, с другой стороны, с чем ещё может быть связан сточный канал...

Я стал залезать в люк, бросив прощальный тоскливый взгляд на белый свет.

Вначале всё выглядело достаточно безобидно. Зловония не ощущалось (или мой нос перестал обращать внимание на такие мелочи после душа, устроенного пчеловидным существом?), экскременты по углам не валялись, из глубин воды не выныривали крокодилы-мутанты. Единственное, что мешало жить – низкие каменные своды, обступающие меня со всех сторон. Клаустрофобия вновь дала о себе знать твёрдым комком в горле. Я упрямо двигался вперёд, мечтательно рисуя себе картины ясного просторного синего неба, которого я не видел целую вечность. Канал не мог тянуться до бесконечности, ободряюще говорил я себе. Тихий Холм – мелкий городишко, и подземные коммуникации у него соответствующие. Но проход всё тянулся... и тянулся... и тянулся... Хуже того – по мере того, как я углублялся, я заметил, что мои опасения начинают оправдываться. Вода, медленно текущая по широкому каналу, приобрела коричневатый оттенок и стала гуще на глаз. Запах, хоть и терпимый, но начинал разъедать нос. С потолка падали капли воды, орошающие волосы, шею и стекающие на шиворот. Скажу я вам, это не очень приятно. И ещё - пару раз я заметил нечто длинное и зеленоватое, юркнувшее в воду при моём приближении. Не крокодил, конечно, но тоже что-то из рода пресмыкающихся. Возможно, этих существ я бы не нашёл в каталоге мировой фауны.

По истечении первого часа весёлой прогулки мной овладело нестерпимое желание повернуть назад. «Не пори чепухи, - строго приказывал я себе, не забывая боязливо осматриваться. – Ещё триста футов, максимум пятьсот, и ты увидишь лестницу». Через триста я уговаривал себя преодолеть ещё сотку, и так далее. Но с каждым разом убеждать себя становилось труднее. К тому времени, когда с кирпичного потолка свесилось тонкое

зелёное щупальце и коснулось моей шеи, я был на грани. Я оторопело уставился на пятнистый отросток, ощупывающий моё горло и медленно, ненавязчиво обвивающий шею. Казалось, одно движение, и я повисну в воздухе, нелепо барахтаясь руками. Может, так оно и было бы, если бы я прождал ещё пару секунд, но я до этого не довёл. Заорав дурным голосом, я кинулся вперёд, отрываясь от холодного прикосновения. Краем глаза заметил, что с потолка рядом со щупальцем свесилась ещё пара таких же. Путь назад был отрезан. Откровенно говоря, где-то в глубине разума я был этому даже рад. Дайте человеку выбор – и он убьёт себя, бесцельно метаясь между вариантами. Избавьте его от этой роскоши, и он честно пройдёт до конца по единственной колее, не теряя время и нервы. Невелика разница между ослом между стогов сена. Так и я дошёл до конца. Щупалец с потолка больше не свешивалось, зато один раз я совершенно точно увидел юркого мелкого ящера, пристально глазающего на меня с противоположной стороны канала. Потом, когда я осторожно прошёл мимо, он спрыгнул вниз в воду и исчез, оставив за собой круги, расходящиеся по мутной поверхности.

Коллектор кончился лестницей, ведущей наверх. Я спешно взобрался, с облегчением увидев, что «там» ничего не стряслось – в тесном отверстии люка были видны пикирующие хлопья снега.

Но когда я высунул голову из люка, радости поубавилось. Да, мир остался прежним, но... день подходил к концу, и на улицах начинало смеркаться. А ведь когда я залезал в коллектор, было ещё совсем светло. Впрочем, что удивляться – это же Мэн. Иной раз в этих краях завеса темноты ударяла так быстро, что казалось – кто-то на небе хлопнул по выключателю. Особенно осенью.

Свет уходил. По мере того, как невидимое солнце опускалось ниже горизонта, клубы тумана меняли цвет из белого в мутно-серый. Лишь снег по-прежнему сверкал первозданной свежестью, но его резкий контраст лишь подчёркивал торжество тьмы, захватывающего Тихий Холм. Теперь я понял, насколько важен был для меня свет. Даже находясь на «обратной стороне» в кромешной мгле, я знал, что где-то там есть место, наполненное дневным светом. Теперь меня лишили, пожалуй, единственного союзника в моих поисках. Настала ночь... Как не вовремя.

Я вышел на улицу и огляделся по сторонам. Глубины тумана таили в себе эфемерный ужас... Ага, вот оно, табло. Всё-таки курортные городки – это нечто. Мне пришлось сорвать карту с застекленной подложки и едва ли не уткнуться в неё носом, чтобы прочитать надписи. Лиза не ошиблась – Бахман-роуд действительно вплотную примыкал к озеру, точнее, к Сэндерфорд-стрит, который располагался аккуратно вдоль озера. Я задержал взгляд на обширном участке, покрашенном нежно-голубым цветом. Озеро Толука... Шерил, зачем тебе туда понадобилось? Зачем?..

Это мне и предстояло выяснить.

Я пошёл по Бахман-роуд. Эта часть города, судя по всему, представляла наибольший интерес для туристов. По крайней мере, увеселительных заведений здесь было разбросано столько, сколько, по моему разумению, не наберётся во всех остальных кварталах в совокупности. Абсолютно пустые магазинчики, забегаловки, рестораны... На всех дверях табличка: «ОТКРЫТО». Невиданное зрелище. Смотрелось несколько... фантазмагорично, что ли. И очень страшно. Как в рассказах Лавкрафта – полное опустошение. Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу собственными глазами что-либо подобное.

Пока я преодолевал половину пути, ночь уже стала полноправной царицей. Может быть, взошла луна, но в таких погодных условиях надеяться на её свет было глупо. Чёрт возьми, подумал я, что это вообще за туман, который окутывает город? Почему он не сходит целыми днями? И почему такой неподвижный и непроницаемый?.. Вряд ли сатанисты могли такого наделать, не правда ли?

Мои измышления прервал странный шум, раздавшийся со стороны ближайшего здания. Словно кто-то сдавленно кричал. Я посмотрел в сторону источника шума и увидел

над дверью большую вывеску. Крупные белые буквы образовывали короткое слово: «БАР». Что за бар, я так и не различил. Хотя, какая разница.

Шум повторился. На этот раз я точно услышал - это был крик. Одновременно до меня донёлся звук стекла, осыпающегося на пол. В баре происходила борьба.

Третий крик был уже осмысленным:

- На помощь!

Там был человек.

Я ринулся на помощь. Пока бежал в бар, в здании что-то ещё успели разбить – пронзительно дзинькнули падающие на пол осколки. Распахнув дверь одним движением, я влетел внутрь, готовый броситься в атаку голыми руками.

Бар был самый обычный. Такой, куда любят вечерами собираться старики, вспоминающие золотые деньки, и просто алкоголики. Стойка, длинный ряд бутылок на полках, стулья с высокими ножками... И перед сценой, где должны были выступать полуобнажённые танцовщицы, лежало сплетение из человека и непонятого существа. Мне пришлось моргнуть, прежде чем оно распалось на отдельного человека и отдельного монстра. Человека я узнал сразу – это был незабвенный доктор Кофманн, а вот тварь, лежащую на нём и пытающегося вгрызться зубами ему в горло... Пожалуй, даже я, с относительно богатым опытом в отношении всяких чудовищ, такого монстра не видывал. Оно было не очень большим, напоминало собаку вроде сенбернара, но удлинённое тело делало его похожим на волка. Кофманн изо всех сил отталкивал его от себя, не давая смертоносной пасти приблизиться к горлу, но видно было, что его силы на исходе. Вокруг валялись разбитые бокалы, сшибленные с прилавка во время поединка. Вина, бывшие в бокалах, смешались, образовав единую красную жидкость.

Кофманн что-то прохрипел сквозь зубы. Глаза его вспучились. Я подбежал к сцене, схватив один из стульев. Кофманн меня, кажется, не увидел, зато вот тварь заметила сразу. Во всяком случае, она оставила попытки прикончить доктора и перекинулась в сторону, потянувшись ко мне. Роковая ошибка – если бы он остался на месте, я бы, может быть, не смог нанести сильный удар, боясь попасть в Кофманна. А так ничто не мешало мне обрушить стул на голову существа с максимальной отдачей. Вообще, все здешние твари, хоть и выглядели зловеще, на поверку оказывались не такими уж крепкими. Череп хрустнул с удивительной лёгкостью. «Волк» было забился в судорогах, но потом передумал и просто сник. В городе стало трупом больше.

Убедившись, что монстр больше никого не потревожит, я подал руку незадачливому доктору, помогая подняться. Кофманн тяжело и прерывисто дышал; ворот рубашки был разорван, когти твари оставили на шее глубокие следы. Поднявшись на ноги, он первым делом нетвёрдой походкой направился к поверженному врагу и три раза с силой пнул его по разбитому черепу. Кончики начищенных ботинок обагрились тёплой кровью. Кофманн не обратил на это никакого внимания. Наверное, он бы продолжил издевательство, если бы я не счёл нужным учтиво спросить:

- Вы в порядке?

Кофманн замер с приподнятой ногой, глядя на меня с безмерным удивлением. Вся его поза говорила, что он до сих пор не замечал моё скромное присутствие.

- Ах это вы, - наконец сказал он, опуская ногу. Кажется, доктор был смущён тем, что я стал свидетелем его срыва. – Да, всё нормально... Слава Богу. Когда он напал на меня, я подумал, что мне конец.

Он снова посмотрел на мёртвое тело, явно удерживая в себе порыв ещё немного проучить наглеца. Вместо этого он сделал довольно успешную попытку нацепить на лицо привычную официальную физиономию, и спросил:

- А куда вы шли? Нашли дорогу, по которой можно выбраться?

Я хотел язвительно напомнить доктору, что я, вообще-то, ищу дочь, но потом подумал – какого чёрта, он просто не в себе.

- Нет, - сказал я просто. – А вы?

- Тоже нет. Но скоро обязательно найду, - Кофманн поднёс ладонь к раненому горлу и безучастно посмотрел на капли крови, прилипшие к пальцам. – Это безумие не может длиться вечно. Уверен, скоро в город приедет военно-спасательная команда, и мы спасёмся.

Он верил в то, что говорил. Счастливчик. Стоило ли мне говорить, что я собственными глазами видел эту самую спасательную команду в лице единственной женщины, которая толком ничего не понимает?.. Однозначно, не стоило.

- Надеюсь, - кивнул я, постаравшись вложить в слово побольше искренности. Впрочем, Кофманн всё равно меня не слушал. Заметив заветный чемоданчик, завалившийся под столиком, он тотчас полез туда. Вышел из-под стола уже в полном обмундировании - костюм, сорочка (хоть и потрепанная, но ещё сохраняющая остатки гражданского шарма), прямоугольный чемодан и бесстрастное лицо, отрицающее всё, что я видел на нём несколько минут назад.

Я уже примерно знал, что услышу от него.

- Мне лучше уйти, - Кофманн сделал шаг в сторону выхода. – Думаю, здесь я достаточно повеселился. Не время для того, чтобы сидеть и попивать пиво.

Станный человек... Почему он так чурался моего присутствия? Он даже не поблагодарил меня за спасение своей жизни. Не то чтобы я сильно переживал по этому поводу, но... Нет, Кофманн явно имел двойное дно.

У меня было миллион вопросов к загадочному доктору, а времени было две-три секунды. Я хотел спросить о Лизе, о Далии Гиллеспи, о городе... но на ум пришла только палата под больницей и тумбочка с фотокарточкой. Кофманн, как старший персонал больницы, не мог не знать об этом.

- Вы знаете девочку по имени Алесса?

Кофманн не остановился. Жаль, что я не видел его лицо, но голос не изменился:

- Какая Алесса? Никакой Алессы я не знаю.

Нервы, господин доктор, с удовлетворением отметил я. Нервы. Скорость Кофманна после моего вопроса удвоилась: он буквально убегал. Я рассеянно выдал:

- Ладно...

Хлопнула дверь. Мысленно я пожелал доктору, чтобы на этот раз ему везло больше. Во второй раз оказаться в нужное время в нужном месте для меня было бы уже слишком.

После Кофманна со мною остались хладный труп монстра на полу и весьма любопытный вопрос: раз «не время попивать пиво», то что глубокоуважаемый врач делал в баре?

Интересно... В голову закралась крамольная мысль осторожно проследить за доктором, воспользовавшись сумраком. Он что-то знал, в этом я был уверен. Что-то знал, но не спешил этим делиться. Просто спасал собственную шкуру, наплевав на всех остальных – на меня, на Лизу... на Шерил. И наивно верил в волшебный отряд военных. Ублюдох... Я вдруг почувствовал острый прилив ненависти к этому человеку.

Возможно, если бы я не спешил на озеро, я бы догнал докторишку и прижал его к стене, потребовав немедленно выложить карты, но от меня катастрофически утекало драгоценное время, осыпаясь крупичами сквозь пальцы. Я не мог играть в кошки-мышки, в то время как моя дочь бродила где-то в темноте туманного берега.

Но всё-таки мне пришлось задержаться в баре на минутку. Сделав два шага, я услышал, как под ботинком что-то захрустело. Это был клочок бумаги, судя по всему, выпавший из кармана Кофманна во время битвы. Я нагнулся и поднял листок, на поверку оказавшийся гостиничным счётом. Из него следовало, что Майкл Кофманн снимал комнату номер три в мотеле «Герби», Тихий Холм, штат Мэн. Сумма была достаточно солидной – комната арендовалась не первый день.

Кофманн живёт в дешёвом мотельчике для туристов? Ох, не верилось мне, что этот человек в дорогом костюме был способен хоть один день прожить в номере с бумажными стенами. Что-то не сходилось...

Небрежно кинув листок на пол, я покинул пустой бар. Кофманн успел скрыться в неизвестном направлении. Вывеска над баром теперь выглядела одним серым фоном; букв уже не различить. По улицам гулял ночной бриз, заставивший меня съежиться от холода. Берег большого озера – не очень подходящее место для ночных прогулок. Особенно для маленьких девочек...

Мысль о дочери заставила меня прибавить ходу, не обращая внимания на холод, пробирающий меня насквозь. Господи, пневмония, да хоть двухсторонняя – лишь бы найти её. Если мне удастся вывезти Шерил из этого места, потом не грех и тихо-мирно скончаться.

На примыкании Бахман-роуд к Сэндерфорд-стрит я услышал тихий шум волн, ласкающих берег. Озеро Толука. Его не было видно из-за тумана.

«Ну вот... я здесь».

Сложив ладони рупором, я закричал:

- Шерил!

Никого. Ни одной живой души не было на берегу.

Я пошёл вдоль улицы на запад, выкрикивая имя дочери. Я понимал - глупо ожидать, что Шерил немедленно откликнется, даже если она здесь. Но всё-таки с каждым разом мои крики становились всё громче и истеричнее. Мозг пронзила иглой страшная догадка: а что, если Шерил спешила вовсе не на берег озера, а на... само озеро?

- Шерил! – снова закричал я, заглушая тупую боль в голове. Голос осип, словно в рот запахнули ваты. Исчерпав за пять минут весь запас воздуха в лёгких, я замолк, не в силах выдать ни слова.

Ветер резал лицо, проходя по щёкам невидимым лезвием. С правой стороны улицы на меня глядели смутные очертания домов, а с левой был только туман. Снег продолжал идти; я наверняка уже походил на снежного человека. Я шёл и шёл, словно в пьяном угаре. Первоначальное нездоровое возбуждение спадало, сменяясь горьким разочарованием. А меж тем дорога изгибалась гадюкой и постепенно сворачивала влево, следуя контурам озера.

Окончательно я отрезвился, когда увидел у кромки дороги рекламный щит в виде стрелки, указующей вправо. Надпись была короткой и лаконичной: «МОТЕЛЬ ГЕРБИ».

Что-то знакомое, подумал я. Кажется, когда-то мы с Джоанной останавливались в гостинице с таким названием. Впрочем, нет – тот отель был в Бангоре, и назывался он «Гёрли». А «Герби»...

Так это ж Кофманн! Я впился негодующим взглядом в покачнувшуюся перед глазами стрелку. Мотель «Герби», жилище доктора.

Пора было навестить эскулапа. Дочь я здесь не нашёл (Сибил, неужели ты ошиблась?), так что можно – и просто нужно! – найти Кофманна, взглянуть в его ясные очи и спросить прямо, без обиняков: «Вы, собственно, на чьей стороне, доктор?».

Не знаю, с чего я взял, что доктор пошёл в гостиницу, но я ни капельки в том не усомнился. Свернув к мотелю, я увидел, что он и в самом деле неважнецкий: длинное здание в форме буквы П, стены которого изрисованы цветными мелками. Третьесортная курортная ночлётка. Номеров было всего около десяти, а то и меньше. Я увидел золочёное число 1 на ближайшей двери. А Кофманн снимал третью комнатку. Значит, туда мне и дорога.

Не знаю, осмелился бы я совершить вторжение, если бы дверь номера была заперта, но меня избавили от принятия этого щекотливого решения. Дверь номер три оказалась незапертой, и я легко открыл её, нажав на ручку. Внутри было тесно и темно. Я еле углядел кровать без постельного белья, занимающий большую половину комнаты. Зеркало, шкафчик... Кофманна не было. Да и неудивительно – вряд ли в облезлой студёной камерке можно было спокойно просидеть более десяти минут. Я плюнул в сердцах и повернулся, чтобы выйти. Взгляд зацепился за связку ключей, висящих на стене у входа. Один из них, с выгравированной на нём тройкой, без всяких сомнений был

запасником к двери номера. А вот на втором ключе кто-то прилепил скотчем кусок картона. Синими чернилами на картоне было выведено одно слово: «ГАРАЖ №3».

Я вспомнил про двери мотельного гаража, расположенные чуть поодаль от самих номеров. Должно быть, Кофманн хранит там свою машину. Ладно, в любом случае, это уже не моё дело. Его здесь нет, вот и всё. На нет и суда нет.

Но мои руки решили иначе. Они сорвали ключи с гвоздика, издевательски покрутили на пальцах и в довершение всего засунули в карман. Так я стал преступником, хотя... кого это тогда волновало? Я думал о машине, которая стоит в гараже. Если я только смогу его завести, передвигаться по городу станет на порядок быстрее и, главное, безопаснее. Потом я верну машину на место, это однозначно... Если уж на то пошло, я спас доктору жизнь и не получил за это даже сухонькое «спасибо».

Знаю, что все эти доводы несколько меня не оправдывают, но тогда они показались достаточно весомыми, чтобы я решился. Но всё равно, чувствовал я себя воришкой, которого в любой момент могут схватить за руку. Нервно оглядываясь, я прошагал к гаражу. Немного повозился, втыкая ключ мимо замка. Наконец, двери гостеприимно распахнулись, и почувствовал мягкий запах машинного масла, исходящий изнутри. Но машины в гараже не было. Я ошалело посмотрел на груды автоинструментов, сваленные в углу, и красный одинарный мотоцикл, припаркованный в самом центре. Вот те на...

Мотоцикл был покрыт слоем пыли – доктор явно не числился в байкерах. Я машинально подошёл к нему, сдерживая нервный смех. Карбюратор был снят, так что далеко на этом транспорте было не уехать. Плюс к тому я отродясь не умел управляться с мотоциклами.

Я постучал костяшками пальцев по баку. Он был пуст, но отзвук эха был несколько другим, чем при постукивании по полой поверхности. Словно там, внутри, что-то есть. Присмотревшись, я увидел, что давняя пыль, грудой скопившаяся на бензобаке, потревожена. Тоже странно...

Я осторожно открутил масляную крышку и просунул пальцы в отверстие, сразу же наткнувшись на нечто твёрдое и круглое. Через минуту я держал в руке небольшую стеклянную бутылку с плещущейся внутри кроваво-красной жидкостью и недоумённо разглядывал её. Это ещё что такое? Уж точно не бензин, ага?

Сзади сварливо хлопнула дверь. Сердце у меня ёкнуло: попался! Действительно, оглянувшись через плечо, я увидел у входа доктора Кофманна. В руке он держал вечный свой чемоданчик. Я смущённо закашлялся, не зная, что сказать. Неудобный случай...

Кофманна, похоже, возмутило не только и не столько то, что я без спросу проник в гараж, сколько то, что я держал бутылку с загадочной жидкостью.

- Отдайте! – отрывисто крикнул он, подскочив ко мне за какие-то доли секунды. Прежде чем я что-то успел сделать, он грубо вырвал бутылку из моих рук и засунул в карман. Я только и успел увидеть узкое стеклянное горлышко, скрывающееся в его кармане.

- Что это? – спросил я.

- Не ваше дело, - огрызнулся Кофманн, отступая назад. Лицо его стало жёстким, глаза сузились. В таком виде он сильно напоминал суслика. – Чем заниматься ерундой всякой, вы бы лучше подумали над тем, как отсюда выбраться!

Я молчал.

- Мой вам дружеский совет: не делайте глупостей, мистер Мейсон, - зло прошипел доктор. – Можете сильно обжечься. Если вам дорога ваша гребаная жизнь, я бы порекомендовал вам сейчас же проваливать отсюда.

Я миролюбиво вскинул руки в полном смятении:

- Ладно, успокойтесь. Я ухожу...

Кофманна это не остановило:

- Занимайтесь своими делами и, ради Бога, не лезьте в чужие! Понятно?

Увидев, что я совершенно уничтожен, он победно кивнул и развернулся. Отмеривая шаги, Кофманн вышел из гаража, с силой хлопнув дверью.

«Вот так-то вот, - с грустью подумал я. – И кто кого собирался взять за горло?»

Но эта странная бутылка... Почему Кофманн так взелся, увидев её у меня в руках? Аж пригрозил убийством, не моргнув глазом. И почему он прятал её в таком экзотическом месте – в бензобаке мотоцикла, оставленного в гараже дешёвого мотеля? Неужто... неужто эта жидкость...

«Тут было одно громкое дело, связанное с продажей наркотиков туристам».

Ай да доктор! Я издал короткий смешок. Что же, тогда вполне понятно, почему он затрясся, увидев своё сокровище у какого-то заезжего хмыря. Вот мерзавец!..

«Полиция поймала нескольких мелких дилеров, но так и не докопалась, кто за всем этим стоит».

Вряд ли Кофманн ТАК обозлился бы, будь он рядовым потребителем дури. Да и не похож он на завязанного наркомана со всей его аккуратностью. Нет, Кофманн определённо выше рангом. Судя по всему, у меня появились отличные новости для офицера Беннет.

Беда в том, что вряд ли эта новость когда-либо достигла бы Сибил. В том кошмаре, что творился здесь, все живые существа делились на людей и не-людей. А доктор был человеком. Пусть плохим человеком, пусть очень плохим – всё равно. В любом случае, я зря потерял время в мотеле, принимая участие в этой плохой детективной драме.

Делать было нечего. С Кофманном всё стало ясно. В бессильном раздражении хлопнув ладонью по бензобаку, я вышел из гаража.

Я вернулся на улицу. Шум волн усилился, как и ветер, шевелящий волосы. Не успело пройти и минуты, как я продрог до мозга костей. Попытался согреться, разминая суставы рук и ног на ходу, но не помогло. Теперь каморка в мотеле уже не представлялась мне такой непригодной для жизни. По крайней мере, там было теплее, чем на улице, и не было ветра, ломающего дух похлеще, чем всё остальное. С каждым шагом моя надежда угасала, как свеча под ливнем. Кажется, я про себя бормотал: «Надо было остаться с Лизой». К тому моменту, когда я достиг гаражей, я уже не был человеком, а жалким промёрзшим существом, который не попадал зубом на зуб и у которого было только одно желание: согреться. К чёрту поиски, к чёрту озеро, к чёрту доктора-наркоторговца. Я был готов продать душу дьяволу за то, чтобы оказаться в тёплой ванне. Я сломался.

Туристский район кончился. Я шёл уже по промышленному кварталу – понял это, когда увидел длинный ряд гаражей, располагающихся вдоль берега. На тротуаре валялись какие-то обрывки газет и тому подобный мусор, скользящий по бетону под напором ветра. Если уж угодно поворачивать назад, то здесь... Дальше меня ничего интересного не ждало.

- Нет, - сказал я, чувствуя, как вены начинают застывать от холода и превращаются в хрупкие стеклянные трубочки. – Я больше... не могу...

Изо рта вырвался пар, похожий на частицу тумана. Я поднял ладони к лицу и увидел негнувшиеся побагровевшие пальцы. Так я мог и замёрзнуть, скорчившись на берегу озера.

- Я иду назад, - сказал я и решительно обернулся. Не знаю, что там видела Сибил, но никакой Шерил здесь не было. Который раз меня заставили прогуляться напрасно. Пора бы и привыкать, Гарри.

Но возвращаться оказалось даже хуже, чем идти вперёд. Ветер бил прямо в лицо, буквально откидывая меня назад. Словно тот, кто управлял всем этим, не хотел, чтобы я вернулся. Сделав два-три шага, я в изнеможении упал на колени и закрыл глаза. Из-под век выдавилась единственная холодная слеза, которая незамедлительно примерзла к щеке. И в тот момент я почувствовал, что умираю.

Вдалеке раздался тревожный вой сирен. Они уже не сливались в один гул, как раньше, а распались на несколько отдельных голосов, каждый со своим тембром, напоминая клич волчьей стаи, которая увидела добычу.

- Не надо, - прошептал я, не открывая глаз. – Не сейчас.

Поздно... Снег таял в воздухе, не долетая до земли, и превращался в проливной дождь. Мир пришёл в движение, пульсируя в медленном кровавом ритме. Сирены ревели ещё несколько секунд, потом с головокружительной скоростью умчались куда-то за горизонт. Своё дело они сделали.

Я открыл глаза. Под ногами решетка, а под ней – ничего. Ухмыляющаяся пустота. С возвращением.

Я медленно повернул голову в сторону озера. Туман пропал, и я наконец смог увидеть главную достопримечательность Тихого Холма. Она меня не разочаровала.

Озеро было большим. И очень красивым. Даже в темноте оно не теряло молчаливого очарования, которое не могли передать никакие фотографии в буклетах. Поверхность воды нигде не рябилась и не волновалась. Озеро было абсолютно невозмутимо – как тёмное вино, налитое в бокал. Грустное, таинственное... прекрасное. Я легко мог представить, как на дальнем берегу сидит одинокий молодой музыкант и играет на скрипке заунывную мелодию, черпая своё вдохновение от неповторимого пейзажа. Или такую же молодую супружескую пару, которая сидела на берегу целыми днями, взявшись за руки и просто глядя в бездонные глубины. Целыми днями... Наверное, совершенно серьёзно подумал я, Г. М. тоже писал бы гораздо лучше, будь у него коттедж на берегу озера Толука.

«Так вот ты какой...»

Я поднялся на ноги, очарованный и возбуждённый, забыв о недавнем морозе и кошмаре, творящемся вокруг. Я наконец понял, что на протяжении многих лет привлекало людей в этот ничем не примечательный захолустный городишко. Не рестораны с местными рецептами, не грязные мотели и даже не возможность пожить дешёвыми наркотиками. Это озеро... В нём была сила, которую явно или неявно ощущал каждый, кто смотрел на него. Тёмная сила. О таких местах в старинные времена любили слагать легенды. Эти чудища, выплывающие из голубой пучины, эти руки утопленников, тянущиеся к рыбакам сквозь толщу воды...

С трудом я заставил себя очнуться. Озеро гипнотизировало меня, как змей лягушку, и я даже не знаю, сколько стоял, уставившись на его безжизненные просторы. Во всяком случае, холод, сковывавший руки и ноги, успел к тому времени бесследно исчезнуть.

Присмотревшись, у самого берега за одним из гаражей я увидел слабый огонёк. Лодка? Факел? Определить это, стоя здесь, было невозможно, нужно было подойти.

Я пошёл на свет, как мотылёк. Когда зашёл за гаражи, глаза выхватили в темноте контуры грандиозного строения, возвышающегося над озером. Это был маяк в форме цилиндра. Сейчас он, конечно, не горел. Я сомневался, используется ли он вообще для освещения. Навигация в озере не требовала таких больших строений. Скорее, маяк служил удобной обозрательной площадкой для туристов, желающих полюбоваться озером. Вполне разумно...

Светлячок постепенно рос, превращаясь в освещённый круг иллюминатора. Здесь стоял небольшой катер, припаркованный к причалу. Сам причал показался мне примитивным и обветшавшим, но я понимал, что это могут быть просто последствия «обратной стороны», меняющего всё.

У иллюминатора был виден чей-то силуэт. Определённо, человеческий. Это само по себе было хорошо, но... немного странно. До сих пор на «обратной стороне» я видел только одного человека, кроме себя – Лизу. Но Лиза осталась в госпитале. Кто там, в катере? Ужли рыбак, который умудрился провалиться в другой мир?

Между катером и причалом была брошена узкая длинная деревянная дощечка. Осторожно балансируя на ней, я перебрался на борт. Лодка мерно покачивалась, вызывая лёгкую тошноту. Несколько минут я потратил на поиск невидимой в темноте двери. За дверью был трап, ведущий вниз. Я спустился, с отвращением глядя на мелкие липкие существа, ползущие по стенам. Другой мир не лучшим образом сказывался на благосостоянии посуды.

Открыв следующую дверь, я прищурился от яркого света, ослепившего меня. Кто-то стоял у рубки и светил мне фонарём прямо в глаз, а я не мог его видеть. Я вспомнил про инцидент в госпитале, когда пуля доктора чудом разминувшись с моей дражайшей головой, и поспешно продемонстрировал обитателю каюты свои пустые ладони, покорно замерев на месте. Мысленно подготовился представиться и объясниться, как вдруг луч фонаря скользнул вверх и я услышал знакомый голос:

- Гарри, это ты?

- Да, – я растерянно опустил руки. Что за чёрт?.. – А кто вы?

Луч фонаря взметнулся по стеклу окна, совершил оборот и осветил лицо своей владелицы. От удивления я аж присел на месте:

- Сибил? Как ты сюда попала?

- Увидела огонёк на причале и пришла проведать, - Сибил снова посветила фонарём мне в лицо. – Я же знала, что ты всё равно придёшь на озеро за дочерью.

Логично, обречённо подумал я. Впрочем, как и всё, что делает Сибил. Не то что глупый напуганный бумагомарака, тыкающийся куда попало безо всякой системы.

Но... что-то всё равно было не так. Несмотря на всё, какая-то часть мозга отказывалась верить, что полицейская в самом деле стоит передо мной. Её здесь не могло быть. Почему – не знаю. Просто не могло, и всё тут.

- Понятно, - я мотнул головой в сторону и прищурился, намекая Сибил, что фонарь неплохо бы и убрать. – Рад, что ты здесь.

- Я тоже, - Сибил положила фонарь на рубку и подошла ближе. Я получил возможность осмотреть её получше. Сибил выглядела, как и раньше: без единой царапинки, форма с иголки, лицо спокойное, а на губах играет лёгкая скептическая улыбочка. Я даже позавидовал ей. Рядом с ней я наверняка выглядел ходячим трупом недельной давности.

- Гарри, а куда ты вообще пропал? – Сибил взглянула в мои глаза. – Я хочу знать, что происходит. Что творится с этим городом?

Если бы я знал... Так я и хотел ответить. Да, я мог бы рассказать Сибил о мёртвых медоёстрах, о пчеле с человеческой головой и о лопастях, выросших посреди улицы, но зачем? Ничто из этого не объясняло происходящего. Да и потом, Сибил не видела «обратной стороны», не становилась свидетельницей того кошмара, что видел я. А без этого ей не понять. Мой рассказ покажется ей бредом сумасшедшего.

«Обратная сторона»...

Стоп, осенило меня. Вот оно что! Что я думал – Сибил никогда не была на «обратной стороне»? Но ведь мы сейчас как раз там и находимся! Этот снег, превратившийся в дождь, эта решетка вместо асфальта... Но Сибил здесь, со мной! Мы оба...

Я оглядел каюту. Где были мои глаза? Каюта напоминала салон выброшенного на свалку автомобиля. Насквозь проржавевшие стены, навигационные приборы, покрытые солёной окисью, руль, переломанный пополам...

Да. Свершилось. Другой мир начал поглощать в себя не только меня и Лизу, но и всех остальных. Раковая опухоль, терроризирующая город, прогрессировала. Вот что казалось мне неправильным, когда я увидел Сибил на фоне всех этих прелестей.

- Возможно, я говорю впустую, но постарайся меня выслушать, - я говорил медленно, чётко выделяя каждый слог. – Ты должна мне верить. Я не сумасшедший и не собираюсь тебя напугать или обмануть. Надеюсь, ты это понимаешь.

Сибил серьёзно кивнула, выказывая готовность слушать.

- Сначала я подумал, что свихнулся, - сказал я. – Но теперь понял: свихнулся не я, а весь этот город, Тихий Холм. Все эти чудовища... Это влияние другого мира. Из чьих-то ночных кошмаров они приходят к нам. Этот мир похож на наш, но в то же время в нём неправильно абсолютно всё. Там царит полная темнота, и вместо снега идёт проливной дождь... Знаешь, мне кажется, ЭТО становится сильнее и всё больше поглощает в себя настоящий город. Кажется, я наконец понял, о чём говорила та леди Гиллесли.

- Гарри, погоди минутку, - Сибил положила руку мне на ладонь. – Ты объясняешь слишком быстро. Я не совсем поняла, что ты имеешь в виду.

- Да посмотри ты вокруг! – взорвался я. Её скептицизм всё больше доводил меня до белого каления. – Разве не видишь, что происходит?! Взгляни хотя бы на эту каюту – ты где-нибудь видела что-то подобное? Я сам не понимаю, что происходит... Но неужели так трудно это заметить?

Сибил была ошарашена моей выходкой. Но, право, я не мог более сдерживаться. Конечно же, сразу после своей речи я пожалел, что не удержал себя в узде, но было поздно что-либо менять. Отныне и навсегда для Сибил я стал клиническим психом, подумал я. Она ничего не сказала, и даже огляделась по сторонам, покорно изучая иззубрины на стенах, но я кожей почувствовал, как от неё повеяло холодцом. С минуту мы оба молчали. Я унимал сердце, решившее устроить в груди настоящий пикет, и иступлённо надкусывал не в меру развязавшийся язык.

Первым заговорила Сибил. Заговорила очень осторожно, выдерживая доверительный тон:

- Ну хорошо, и почему это происходит?

- Не знаю, - устало сказал я. – Знаю только одно: Шерил там.

- Там? – Сибил вскинула брови.

- На «обратной стороне», - я уже разговаривал скорее сам с собой. - У того, кто создал всю эту темноту. Она где-то здесь, и ей нужна моя помощь... А я никак не могу её найти...

Слёзы атаковали подло и из-за угла, не дав мне даже времени отвернуться. Я так и захныкал, стоя перед Сибил. Хотел закрыть лицо руками, но солёный ручеёк уже тёк по лицу, капая на грязный пол.

- Извини, - сказал я, вытирая лицо рукавом. Слёзы всё множились и множились, не собираясь останавливаться. Я шумно втянул воздух носом. Не помогло. Если бы я был один, я бы сел прямо на пол посреди каюты и разрыдался в голос. А так я стоял, отвернувшись, и тихо вздрагивал плечами, выпуская в виде прозрачных капель воды всё, что скопилось во мне за этот бесконечный день. Сибил бережно приобняла меня сзади, и я вдруг остро почувствовал, что могу потерять и её – пожалуй, последнего человека, который мог меня поддержать не словом, а действием. И наконец заплакал. Мне не было стыдно из-за того, что я плачу. Нет, мне было стыдно из-за того, что я с упрямством осла теряю всё, что у меня ещё оставалось. Лизу, Шерил... И где мне теперь её найти на огромном берегу? В довершение всего я наорал на Сибил только из-за того, что она пыталась противиться кошмару, который нас окружал. Мне было стыдно, стыдно до того, что щёки горели алым румянцем.

- Гарри, весь этот ужас сделал большой удар по тебе, - шептала Сибил у меня за спиной. - Тебе нужен отдых. Нам всем нужен отдых...

- Сибил, я... – пролепетал я. Неизвестно, что я хотел ей сказать – может, извиниться за свою грубость, может, поблагодарить за всё, что она для меня сделала... Но как раз в этот момент, словно назло, проскрипела дверь каюты, и слова так и остались невысказанными. Сибил тут же подалась назад, схватившись за кобуру. Я тоже развернулся к двери, готовый, если что, броситься в бой. Слёзы прекратили течь так же быстро, как появились. Когда встаёт вопрос жизни и смерти, до сантиментов как-то руки не доходят.

На огонёк в нашу компанию пожаловала Даля Гиллеспи. Она стояла в своём извечном сером шале и с удивлением смотрела на моё заплаканное лицо. То есть «с удивлением» - это не совсем верно. Скорее, с презрением и даже какой-то ненавистью. Но я понял это позже. Тогда я воспринял выражение лица женщины именно как удивление.

Сибил положила руку на кобуру, но так и не решалась вытащить оружие. Она вопросительно взглянула на меня, и я отрицательно качнул головой.

- Это миссис Гиллеспи, - сказал я. – Помнишь, я говорил о ней?

- Демон вернулся к жизни.

Женщина, казалось, даже не размыкала губы. Слова истекали со стен, колючие и сухие, скребущие по ушам. Сибил озадаченно смотрела на Далию Гиллеспи, пытаюсь понять, что за особа заявила. Я же просто стоял и ждал, что на сей раз расскажет эта женщина, и слёзы просыхали на моём лице.

- Он здесь. Я слышу взмах его крыльев. - Далия нехорошо усмехнулась. – О да, я предупредила. Я видела всё. Но никто не верил. Хотела бы я посмотреть на те лица сейчас.

Она уставилась прямо на меня, игнорируя Сибил. Я почувствовал, как её магнетическое воздействие снова начинает охватывать меня. Почему-то казалось, что мы оба стоим на краю гигантской каменной площадки, плывущей в океане тьмы. Сибил исчезла с поля моего зрения. Я видел только старое морщинистое лицо Далии.

- Демон, жаждущий жертв, поглотит землю. Я знала, что этот день придёт. Всё почти кончено – скоро он окутает город пропастью, печатью Самаэля. Если это произойдёт, всё исчезнет – даже днём солнце будет скрываться в вечной тьме. В город придёт смерть, и мы все будем гореть в адском огне. Все умрут...

«Замолчи! – захотелось крикнуть мне. – Замолчи, ради Бога!». Банальные слова и образы вдруг обрели ужасающую ясность. Ведь так оно и будет, верно? К этому дело и идёт. Геенна огненная, пышущая пламенем. Я увидел в её недрах крохотных людей, корчащихся в невыносимой боли посреди пламени. Я, Сибил, Лиза, доктор Кофманн... И Шерил... Вечные муки...

- Что мне делать? – взмолился я, протягивая руки к женщине. – Что?!

Она торжественно улыбнулась. Полная победа. В очередной раз. Бастион пал без единого выстрела.

- Останови демона, - сказала она. - Демона, который принял образ ребёнка. Останови, пока твоя дочь не стала жертвой. Прекрати этот кошмар.

Образ ребёнка?.. Так это всё она! Я воочию увидел девушку, которая преследовала меня с первой минуты моего пребывания в городе. Вот кто всё это вытворяет... Мог бы и сам догадаться. Алесса, так её зовут, кажется?

- Где демон?

Я даже не поинтересовался, каким образом, собственно, я могу его победить. Жаждал только побыстрее добраться до логова ненавистного демона, а там видно будет.

Правой рукой Далия Гиллеспи указала в сторону озера. На его костлявом пальце блестело серебряное колечко.

- Маяк на озере...

Левая ладонь взметнулась в противоположную сторону:

- ... или парк развлечений. Одно из двух.

Я посмотрел в иллюминатор. Отсюда была видна только нижняя часть маяка, и смотрелась она довольно зловеще. Как замок с привидениями, возвышающийся над скалистыми горами. Самое место для обитателя демона.

Чья-то рука опустилась мне на плечо. Я совершенно забыл о Сибил у меня за спиной, так что едва удержался от испуганного возгласа. Она выглядела решительно – улыбка исчезла с губ, а заряженный пистолет уже находился в её руках.

- Гарри, - серьёзно сказала она, - я не совсем понимаю, что происходит, но если эта леди говорит правду (она смерила Гиллеспи холодным оценивающим взглядом), то нам стоит разделиться, чтобы не терять времени зря. Если будет шанс, мы спасём твою дочь, обещаю. Я пока проверю парк, а ты иди на маяк.

Она протянула мне фонарь:

- Бери. Там темно, он может тебе понадобиться.

Я машинально подставил руку, и на ладонь легла тёплая чёрная рукоятка.

- Будь осторожен.

Коротко кивнув в сторону Далии Гиллеспи (я интерпретировал этот жест как: «А с вами мы потом поговорим»), Сибил пошла к выходу. Она испытывала облегчение. Перед нею наконец-то встала конкретная задача, которую требовалось решить.

Я окликнул её:

- Сибил...

Она остановилась, оглянулась. Я хотел сказать много чего, но в который раз обнаружил в своей голове зияющую пустоту. Может быть, этот вездесущий чёрный вакуум постепенно забирался и мне в мозг? Кончилось тем, что я выдавил из себя единственное слово:

- Спасибо.

Сибил открыла рот, закрыла. Пожалуй, слов тут не требовалось, она и так поняла всё. Взмахнув на прощанье рукой, она скрылась за дверью. На том закончился наш последний разговор. В следующий раз, когда я говорил с ней, она навряд ли слышала мои слова.

Сибил ушла. Мне тоже стоило поторопиться. Я взглянул на фонарь, оставленный ею. Хороший полицейский фонарь, не чета прежнему барахлу. Яркий, длинный, надёжный. Пожалуй, даже можно использовать как дубину.

- Помни о том, что поможет тебе.

Вздвогнув от неожиданного голоса, я направил луч на стену. Далия Гиллеспи стояла на прежнем месте.

- О чём?

Она указала на острый кончик пирамидки, торчащий из моего кармана:

- Фларос. Без него тебе не одолеть демона.

В сердце закралась ужасная догадка. Если без Флароса демона нельзя остановить, то...

Я выломился на палубу, распахнув дверь одним пинком.

- Сибил!

Она не могла далеко уйти. Я пробежал к корме, выкрикивая её имя. Дождь барабанил по металлу корпуса. Доска, брошенная от борта к берегу, блестела в лучах фонаря. Я задержал дыхание и ступил на неё. Не хватало ещё бултыхнуться в воду...

- Сибил! – прокричал я, оказавшись на берегу. Фонарь освещал только пустой причал и разрисованные синими номерами стены гаражей. – Сибил!

- Она далеко.

Я обернулся. Силуэт Далии Гиллеспи чётко вырисовывался у кромки палубы.

- Тебе её не догнать. А время на исходе. Если тебе сколько-либо дорога твоя дочь, немедленно иди на маяк.

- Почему вы не сказали раньше? – в бешенстве прокричал я. Волосы намокли и прядями упали на лицо. – Почему?

- Посмотри, на чём ты стоишь.

Я направил луч себе под ноги. И увидел, что мои ноги ровненько вписаны в кровавый треугольник, нарисованный на решетке. Треугольник в свою очередь был вписан в правильный круг.

- Что...

Когда я поднял голову, женщины на палубе не было. Я подумал, что Гиллеспи свалилась в озеро – так быстро она не успела бы никуда уйти. Вот чёрт!.. На всех парах подбежав к берегу, я взглянул вниз. Капли дождя образовывали на поверхности маленькие кружочки. Никого.

Какого...

Наплевав в душе на всё, я ринулся к маяку. Нужно просто дойти, и всё будет кончено. Туда вёл длинный и отвратительно узкий деревянный мост. Вода плескалась по обе стороны от меня, вода была под настилом, вода лилась сверху. Не иначе, начался второй потоп. Кто-то не желал, чтобы я дошёл до серого цилиндра, возвышающегося впереди в ста метрах. Я услышал далеко за собой поскрипывание досок. Нечто шло за

мною, чтобы настичь и не дать спасти Шерил. Чёрта с два. Иногда я соскальзывался и падал на колени, но тут же вставал и бежал дальше. Маяк медленно приближался, разрастаясь в стороны. А расстояние между мной и страшным поскрипыванием сокращалось. Силы таяли, и я вдруг испугался, что не дотяну. Но моя фора всё-таки была слишком большой. Через минуту я, задыхающийся и с негнушимися ногами, ворвался в будку маяка. Из интерьера здесь была только крутая винтовая лестница, вьющаяся вокруг единственной каменной колонны. Схватившись за поручень, я начал силой проталкивать себя наверх. Ноги просили, молили, кричали об отдыхе, но я сейчас не мог себе этого позволить. Преследователь был где-то рядом, а с другой стороны мне почему-то казалось, что я опаздываю самую малость, чтобы вызволить Шерил из власти демона. Это заставляло меня совершать один оборот за другим вокруг нескончаемой колонны, обливаясь потом. До чего же высок этот маяк... Пол остался далеко внизу, я находился между небом и землёй, повисший в пустоте. Ещё один оборот... Какие же здесь древние ступеньки! Того и гляди провалятся под ногами, как в торговом центре. Я выкинул дурную мысль из головы. Сейчас, ещё немного... Ну когда же крыша? Сердце отказывалось перекачивать кровь в бешеном темпе. От нехватки кислорода у меня темнело в глазах; свет от фонаря то приближался, ослепляя сиянием, то исчезал вовсе. Близок был предел. Нечеловеческим усилием я перетащил ногу на следующую ступеньку. Всё, конец, я больше не могу...

... и ткнулся плечом о дверь.

Я пришёл!

Издав нечленораздельное мычание, я распахнул дверь и буквально кулем упал на крышу. Здесь, на высоте ста футов, было всё то же самое, что и на причале, но помноженное на два: ветер свирепствовал с удвоенной силой, дождь лил в два раза гуще, и даже темнота... Электрический луч преодолевал дважды меньшее расстояние.

И что я могу, безнадежно думал я, распластавшись на крыше. После проделанного спринта я ни на что не способен. Бежать и разрывать лёгкие, чтобы пасть перед носом у демона и покорно подставиться под заклятие?..

Я с трудом приподнял голову, изучая площадку. Никого. Меня обманули. Всё зря.

Да нет, вот же она – тварь, отнявшая у меня дочь. Стоит в десяти шагах, облаченная в синюю школьную форму, и наблюдает за мной. Знает, что я ничего не смогу ей сделать, получает удовольствие от моего бессилья.

Та, которую звали Алессой, и в самом деле была здесь. Была, но уходила. Очертания девушки таяли, обретая прозрачность. Она убегала от меня. Этого нельзя было допустить. **ЭТОГО НЕЛЬЗЯ БЫЛО ДОПУСТИТЬ!**

- Верни... – прохрипел я, пытаюсь встать. – Постой!

Фларос, ну где этот хваленый Фларос?! Я засунул руку в карман, но там – невероятно – было пусто. Неужто выронил, когда бежал по мосту, и спасительная пирамидка сейчас покоится на дне озера? Не может быть, я положил её вполне надёжно... А может, это демон каким-то образом обезоружил меня?

Нет. Это другой карман. Пирамидка лежала в правом...

Слишком поздно. Когда я наконец коснулся Флароса, демон успел исчезнуть окончательно. На месте, где стояла девушка, не осталось даже отпечатков ног. Я был на крыше один с не в меру распоясавшимся штормом.

- Стой...

Я посмотрел на свои трясущиеся руки. Всё кончено. Я не оправдал ожиданий Далии. И скоро...

Только в этот момент я увидел, что по всей поверхности крыши размазан густой тёмно-красный состав. Огромная печать Самаэля фосфоресцировала алым отблеском и, как показалось мне, слегка вибрировала, источая отраву. Меня шатнуло на месте. Я закрыл глаза и поднял лицо, подставляя щёки беспощадному дождю.

«Кто-нибудь, заберите меня отсюда, - подумал я, обращаясь к безмолвным небесам. – Я так больше не могу. Я хочу уйти. Нет, правда».

Когда я вновь поднял веки, на небе Тихого Холма появился косяк белых огней, мчащихся на умопомрачительной скорости в сторону маяка. Огни перемещались плавно и без малейшего шума, увеличиваясь на глазах. Они направлялись ко мне. В кои-то веки мой зов был услышан.

НЛО. Неопознанные летающие объекты – вот как это называется. В Тихом Холме их видели, и не раз. Ну-ка, что там было, в той жёлтой статейке? «... курорт Тихий Холм неделю назад посетил НЛО»?

Мне стало страшно. Сейчас, не более чем через минуту, странный косяк достигнет маяка... и что будет дальше? Я хотел, чтобы меня забрали, и меня заберут, верно?

Огни держали курс прямо на меня.

Но я не хотел, чтобы меня забирали! У меня была дочь, которой я должен помочь... Лиза... Сибил... Я не мог уйти. Это был бы наихудший выход из всех возможных.

Огни замедлились. «Но ты сам желал...»

«Это была минутная слабость, - уверял я неизвестно кого, не отрывая глаз от жуткой армады. – Я не хочу, чтобы меня забирали. Уходите. Летите прочь. Прошу...»

Огни повисли на месте, выбирая, простить меня или заставить отвечать за свои желания в полной мере. Эта секунда показалась мне часом. Но потом они снова сдвинулись с места и начали набирать скорость. Они удалялись. Грациозно, как стая белых лебедей. Спустя минуту небо над городом снова стало совершенно тёмным.

- Спасибо, - пролепетал я, хватаясь за ручку двери. – Спасибо.

Путь вниз я даже не заметил. Уж слишком велико было облегчение, охватившее меня. Я не пытался понять, что произошло – то ли меня действительно чуть не подняли на борт пришельцы с другой планеты, то ли это просто мой уставший разум. Но я уразумел, что в Тихом Холме, в спокойном лесном городке, были силы куда более могущественные, чем демон, о котором толковала мне Далия Гиллеспи.

Я выбрался из будки и вновь оказался на мосту. Дождь поутих. Озеро, десять минут назад бесновавшееся рваными волнами, утихомирилось. Настил моста не поскрипывал под чужими шагами. Оно и было понятно – Алесса ушла, и теперь меня незачем запугивать. Она ушла... куда?

«Маяк на озере, - снова услышал я трескучий голос Гиллеспи, - или парк развлечений. Одно из двух».

Значит, парк развлечений. Вот куда ушёл демон. И мне туда прямая дорога.

Следующая мысль заставила меня в который раз сорваться с места и терзать свои лёгкие. Я вспомнил, что Сибил направилась в парк. Она верила в силу своего пистолета и в незыблемые законы природы... но это не означало, что они и в самом деле незыблемы.

Теперь от моей скорости зависело две жизни. Шерил и Сибил. И я знал, что на сей раз наказание за оплошность будет соответствующей.

«Господи, лишь бы успеть...»

Я взбежал на причал. В глубине души питал скромную надежду встретить здесь Далию, но на мокрой палубе никого не было. Разыскивать женщину по каютам не было времени.

«Хорошо было бы хотя бы примерно знать, где расположен этот парк, - думал я, когда бежал обратно на Сэндерфорд-стрит, - но он явно недалеко. По крайней мере, судя по интонации Сибил, когда она говорила это...»

Будь я в «нормальном» мире, я бы мог ориентироваться по информационным табло, которые помогали мне уже не раз. Но я находился на «обратной стороне» во власти тьмы, которая стремительно расширяла свои пределы. И помощников здесь у меня не было.

Сообразив, что возвращаться обратно в сторону мотеля нет смысла, я побежал дальше на запад, оглядываясь по сторонам. Но далеко не убежал. Внезапно решётка кончилась, и передо мной предстала чёрная бездонная пропасть. Хорошо ещё, что я в

достаточной мере держал себя в руках и бежал осмотрительно, иначе быть бы беде... Я вслух чертыхнулся и ринулся обратно, даже не испугавшись как следует. Я опаздывал, безнадежно опаздывал, и времени на размышления в стиле «а что, если...» уже не оставалось. Улица расступалась передо мной, пропитываясь тоннами воды. Ботинки так и норовили заскользить по гладкой решётке и вывести меня из равновесия. Время от времени нелепо размахивая руками, чтобы не упасть, я продолжал двигаться.

Но и здесь меня ждал провал, причём в буквальном смысле. Именно провал – бездна, непостижимым образом лёгшая поперёк улицы и отрезавшая мне путь. Дорога, по которой я пришёл в причал, исчезла.

- Этого не может быть, - сказал я, заглядывая в бездну. – Когда это успело произойти?..

А вот заглядывать не стоило. Я уже успел забыть свой печальный опыт в начальной школе. Пустота сразу начала притягивать меня своим манящим воздействием. Я пошатнулся, пяясь назад. Перед глазами поплыли большие серые круги.

Я был изолирован. Меня загнали в ловушку, заключили в клетку, как глупого кролика. Козни демона... Я вспомнил Алессу, её внимательный, хладнокровный взгляд и кисти, обезображенные давними ожогами.

- Да будь... Да будь ты проклята!

Мой отчаянный крик эхом прокатился по пустой улице. Но никто его не слушал. Я опять был один. Пропали чудовища, которые встречались на каждом шагу. Ливень, и то перестал идти. На небосводе не светилась ни одна звездинка. Я находился в самом глухом уголке безумного мира, созданного демоном в облике девушки.

Я поплёлся обратно по улице. Мыслей в голове не было, они словно заморозились. Я не знал, куда иду и зачем, чувствовал только полное опустошение внутри и горечь поражения. Демон всё-таки одолел меня. Конечно, кто я, хилый писака, против безграничной власти порождения тьмы... Мне не следовало рыпаться с самого начала. Он просто играл со мной, подкидывая один шанс за другим. И вот эта трогательная игра подошла к концу. Демону надоело со мной возиться.

Я был готов сдаться, но меня спас случай. Впрочем, не думаю, что это был случай в чистом виде. В городке под названием Тихий Холм ничего не происходило случайно. Если иной раз мне подпадал счастливый случай, значит, так оно было нужно. Так или иначе, бесцельно вышагивая вперёд, я вдруг споткнулся и оказался на четвереньках. Отделавшись лёгким испугом, я поднялся и глянул под ноги. Там валялась крышка канализационного люка, изрисованная некрасивыми узорами ржавчины. Ничего особенного... но если вдуматься, откуда она здесь взялась?

Я повёл лучом фонаря по решётке. В пяти шагах справа зиял сам люк, необычно широкий в диаметре. М-да, иронично подумал я, будь я чуть правее, вместо спотыкания мог бы заработать себе перелом ребёр.

Постой-ка, постой-ка... Почему этот люк открыт? Допустим, Сибил отправилась в парк и обнаружила все эти пропасти, взявшиеся из ниоткуда. Остановило ли её неприятное открытие? Конечно, нет. Сибил не я, она бы ни за что не отступила так просто. Наверняка она сразу подумала о канализации. Да, демон позаботился о дорогах... но был ли он настолько предусмотрителен, чтобы отрезать ВСЕ пути, ведущие из причала?

Сибил здесь не было. Значит, канализация куда-то, да вела. Я опустил на корточки и увидел лестницу.

«Начнём второе путешествие...»

Стены этой канализации была гораздо ниже, чем предыдущая. На стенах пробивался зелёный мох, сточные канавы пустовали. Деревянный настил под ногами угрожающе хрустел на каждом шагу. Спустившись вниз, я увидел на грязной дощечке пола едва заметный след ботинка. Кто-то здесь проходил, и совсем недавно. Сибил... Окрыленный успехом, я заторопился вперёд, молясь, чтобы проход не раздвоился.

С первых же шагов я убедился, что на этот раз жизнь под землёй мёдом не покажется. Болезнь, захватившая город по воле демона, входила в последнюю стадию. И свидетельством тому была эта Богом забытая клоака города, превратившаяся в калейдоскоп шизофренического ужаса. На стенах попеременно встречались нанесённые чьими-то дрожащими руками знаки. Все они выглядели удручающе одинаково – красный треугольник, вписанный в круг и испещрённый руническими символами. Печать Самаэля. Далия Гиллеспи говорила, что одним из знамений конца (боже, что за отвратительное слово) станет Печать, охватившая весь город. И я воочию видел её правоту.

Но если бы этим и ограничивались изменения. В первый раз, когда свет фонаря упал на мерно раскачивающегося под потолком канализации мертвеца, я вскрикнул и отпрянул назад. Повешенный продолжал невозмутимо поскрипывать верёвкой, туго обвитой вокруг шеи, и лицо его представляло собой один сожжённый комок. От него ужасно пахло. Мне пришлось прижаться к сырой стене, чтобы обойти его, не прикоснувшись.

Потом был второй мертвец, третий... В конце концов я потерял им счёт, перестал обращать на них внимание и мучить себя вопросом, каким образом канализационный проход мог стать местом казни. Кроме орды повешенных, встречались старые добрые «распятье», небрежно приколотые прямо к стенам. Я благодарил судьбу уже за то, что трупы не пытались вращать белками глаз и шептать мне проклятия.

Когда я чуток свыкся с мертвецами, на меня навалились свежие впечатления в виде ящеров. Они были покрупнее, чем те, что я видел в первой канализации, да и вели себя не так робко, как их сородичи. Я видел, как создания размером с мастифа щерились на меня острыми зубками из дна сточной канавы. Некоторые смельчаки пытались добраться до меня в прыжке, но высота была для них слишком большой. До поры до времени я тешил себя иллюзией безопасности. Но в какой-то момент я увидел, как путь мне перегородили два ящера явно не с благими намерениями. Понятия не имею, каким образом они умудрились попасть на настил, но факт. Пресмыкающиеся вперили в меня крохотные злые глазки, выглядящие в электрическом свете блестящими пуговицами. Свет не пугал их. Зелёные хвосты раскачивались из стороны в сторону.

- Брысь! - без особой надежды на успех прикрикнул я и сделал угрожающее движение фонарём, направив свет прямо в глаза одной из тварей. Ящер прытко рванулся вперёд, сократив расстояние между нами в два раза. Второй смело последовал за ним. Теперь они понемногу наступали на меня, а я лихорадочно размышлял, делая медленные осторожные шаги спиной вперёд. Только не убежать... Иначе твари бросятся вперёд, собьют меня с ног и растерзают в мгновение ока. Нужно их напугать... Но как? У меня нет даже приличной палки. Чёрт... Не для того я претерпел все эти злоключения, чтобы стать кормом для пресмыкающихся в зловонном отстойнике.

- Уходи! Прочь!..

Первый ящер застыл на месте, став недвижимым истуканом. Сильные лапы напряглись, согнувшись в суставах. Я понял, что сейчас, прямо сейчас последует бросок. Почти не осознавая, что делаю, я внезапно выбросил руку вперёд и запустил фонарём в ненавистные ящеричьи глаза. Чего-чего, а такой выходки твари явно не ждали: издав тонкий писк, ближайший ящер отпрыгнул в сторону, но его дружок не сумел так быстро сориентироваться в обстановке и был за это наказан хорошей оплеухой по лицу железным фонарём. Я услышал за слепящим жёлтого сиянием ещё один писк, на порядок жалобнее. Фонарь звякнул, стукнувшись об ограждение. Ящер развернулся на месте и без оглядки рванулся прочь. Вряд ли в глупом существе осталась достаточная смелость, чтобы кинуться на меня ещё раз... но вот оставшийся ящер всё ещё представлял угрозу.

Перехват инициативы. Вот как это называлось. Я безрассудно бросился вперёд, заноса ногу для удара. Вида стремительно приближающегося врага ящер не выдержал. В темноте плетью мелькнул зелёный хвост: ящер прыгнул за ограждение канализации и был таков. Внизу, в коричневой жиже раздалось мягкое хлюпанье.

- Счастливо тебе, - сухо пожелал я, взглянув вниз.

Которой по порядку была эта схватка с чудовищами? Я уже давно не считал. Регулярная, отмеренная по дозам борьба за сохранение жизни была такой же неотъемлемой частью мира, в который я попал, как и кровавые печати Самаэля и металлические решётки, под которыми зияла бездна. Я подобрал фонарь и побрёл дальше. Особых беспокойств недружелюбные обитатели подземелья мне больше не доставили.

Впрочем, это я немного лукавлю. Помните, в тот раз я писал, что с сырого потолка на меня свесилось скользкое щупальце? Такие же штуки были и в этом варианте канализации... но они кое в чём отличались: так, с тех прежних щупалец не торчали заострённые кривые когти. И те щупальца не истекали тёплой кровью. Я был не настолько опрометчив, чтобы позволить им коснуться меня ещё раз, но мне приходилось протискиваться мимо них, затаив дыхание и закрыв глаза. Щупальца (точнее, их невидимый обладатель) не проявляли особой агрессии, но они всё равно напускали хорошего мороза на кожу головы.

Потом, на исходе получасовой прогулки, я увидел лошадь.

Лошадь лежала, погружённая в илистую массу на дне. Такая беленькая и чистенькая, с весёлой физиономией. Нарисованной, конечно: бывало, в детстве я сам кружился на таких пони, закрыв глаза от упоительного восторга. Но откуда здесь взялась деревянная лошадь, которой надлежало быть нанизанной на стержень детской карусели, я объяснить не мог. Лошадь глядела снизу вверх на меня глупым бессмысленным взглядом... но мне почудилась в его фальшивой улыбке некоторая дьявольская злорадность.

Парк развлечений, напомнил я себе. Сие значит, что цель близка. Возможно, это такая своеобразная мне подсказка: пора выбираться наверх.

Мудрено, что уж тут было сказать. Но, глядя на лошадь, я задал себе пару, как оказалось далее, весьма важных вопросов: кто подбрасывает мне эти подсказки? И почему, чёрт возьми?

Ответ на первый вопрос напрашивался. Я знал, что нахожусь в закоулках мира, созданного демоном, пришедшим в город Тихий Холм. Возможно, его имя было Алесса, а возможно, он просто вселился в бедную девушку (я не раз читал и перечитывал «Изгоняющего дьявола»). Так или иначе, всё здесь было в его власти, и только он мог закинуть эту не весьма милую лошадку в сточную канаву. А вот второй вопрос – почему? – вызвал у меня затруднения. Действительно, зачем этому демону помогать мне, содействуя нарушению собственной безопасности? Мне следовало бы немного подумать над этим, тогда, может, всё пошло бы иначе... но у меня не было времени на глубокие раздумья. Я увидел лестницу и открытый люк над ним в пяти шагах от карусельной лошади. У подножия лестницы была нарисована печать Самаэля.

Повиснув на лестнице, я высунул голову над отверстием люка. Крышка валялась здесь же, сдвинутая в сторону. Сибил вышла здесь. Очень удачно вышла – я увидел ворота заветного парка развлечений прямо перед собой. Хотя, возможно, она хорошо знала топографию города и просто знала, где выйти.

«ПАРК РАЗВЛЕЧЕНИЙ ЛЕЙКСАЙД».

Вывеска потухла и накренилась. Ворота представляли собой знакомую железную решётку, которая издала ужасающий скрип, стоило мне немного надавить на неё. Безнадёжно повреждая свой слух, я раскрыл ворота достаточно, чтобы я мог пройти внутрь.

Парк Лейксайд затих в ожидании грядущей бури. Я ничего не видел – ни Сибил, ни Шерил, ни демона в образе девушки. Это меня не обрадовало. Неужто опоздал?

Направив луч на небо, я увидел над парком кабинки грандиозного чёртового колеса. Кабинки не двигались. Мне показалось, что в одной из верхних кабинок я увидел большой человекоподобный силуэт, обколотившийся у окошка. В следующее мгновение силуэт исчез. Ладно, миролюбиво подумал я и пошёл дальше. Некоторые вещи лучше не знать подробно.

Чуть дальше была расположена обычная карусель. Невероятно, но карусель медленно крутилась вокруг оси, раскачивая сиденья, которые в эту ночь никому не были нужны. Даже играла музыка – тихая, мелодичная и чуточку заунывная. Откуда она исходит, я так и не сумел определить.

Я бы долго кружил среди покинутых жутковатых аттракционов, если бы случайно не наткнулся на столб с указателем. «КАРУСЕЛЬ СЧАСТЬЯ! – весело кричали буквы на указателе. – НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ОЩУЩЕНИЯ!». Я увидел радостные мордашки лошадей, выглядывающие из-за букв – такие же лошади, что в канализации. И понял: мне туда. На Карусель Счастья. За забываемыми ощущениями.

Что ж, свою порцию забываемых ощущений я получил сполна...

С каждым шагом мною начало овладевать странное ощущение. С одной стороны, я чувствовал: вот-вот ЧТО-ТО произойдёт, и это ЧТО-ТО наконец положит конец моим бессмысленным скитаниям по городу, объёмному смертоносной заразой. Ну если не конец, то хотя бы начало конца. Надвигались перемены.

Это, конечно, было хорошо. Но было и другое, тёмное, чувство, схожее с тем, что я ощутил во время посещения подземной палаты. Дурное предчувствие, что ли... Концентрация опасности и общей плохой энергетики возрастала. Я аж покрылся плёнкой холодного пота без единой видимой причины.

Карусель Счастья. Я миновал будку, где надлежало приобрести билеты на аттракцион (и, судя по сморщённым пакетикам на прилавке, заодно отовариться попкорном). Лошади спокойно стояли на своих местах. Я не заметил ни одного пустого стержня, откуда мог сорваться мой знакомец из сточного канала.

Я ступил на круг карусели, не отрывая глаз от ближайшей лошади. Мне почему-то казалось, что стоит мне отвлечься, как эта приятная во всех отношениях зверушка раззевёт пасть и проглотит меня целиком, даже не разжёвывая. Глупо, конечно, но я ничего не мог поделать.

В темноте за лошадами что-то скрипнуло.

Демон, подумал я, едва не теряя сознание. Настал момент истины.

Поскрипывание приближалось, и наконец в поле моего испуганного взора из-за лошади выкатилась ржавая инвалидная коляска. Такая же, что я видел в проходе, где потерял Шерил. На ней сидел... этот женский силуэт...

Демон. Алесса.

Да нет же! Я вспомнил, что у меня фонарь, и поспешно поднял руку.

- Сибил! – вскричал я, испытывая одновременно радость и разочарование. Вот Сибил, а где демон, забравший мою дочь?

Сибил не шевельнулась. Она полулежала, откинувшись на спинку коляски. Глаза закрыты, губы блаженно улыбались. Со стороны могло показаться, что ей снится приятный сон.

- Сибил, что с тобой?

Она открыла глаза, и я закричал. Закричал во весь голос, даже не пытаясь заткнуться, потому что зрачки Сибил были абсолютно красными. В них отражался дрожащий свет фонаря.

Сибил начала вставать. Двигалась она плавно и медленно, как сомнамбула. Только когда она выпрямилась во весь рост, я заметил, что голубая полицейской запачкана кровью. Кровь была на груди, сбоку, на рукавах... Но сама Сибил вроде не ранена...

Всё так же медленно Сибил начала раскрывать кобуру. Я попятился назад. Что-то было не то. Это была не Сибил.

- Ты... – я лишился речи. – Что ты делаешь?

Пистолет был уже у неё в руках. Сибил дёрнула предохранитель, даже не глядя на пистолет. Щелчок. Красные зрачки не двигались. Они были мёртвыми, в них не было жизни.

- Сибил, остановись...

Я ошалело посмотрел на тёмное дуло ствола, направленное в мой лоб. Как такое возможно? Сибил... она...

Воспользовавшись моментом, лошадь, на которую я только что косил взгляд, злобно ухмыльнулась. Не ожидали, уважаемый? То-то и оно. Незабываемые впечатления!

Я успел за миллисекунды до выстрела. Бросился вперёд и одновременно вниз, разминувшись с пулей на толщину волоса. Она пролетела у меня над головой, выжигая волосы. Уверен, на причёске остался горячий пороховой след. Но тогда было не до этого. Я осознавал одно – я остался в живых и даже цел. Я хотел успеть до второго выстрела. Схватив Сибил за руку, я попытался выбить пистолет, но она с неожиданной проворностью увела руку, и я наткнулся на кобуру. Фонарь, упавший на землю, не давал освещения. Приходилось действовать почти вслепую. Я вцепился в руку Сибил мёртвой хваткой, чтобы не дать выстрелить в меня. Она была очень сильна, и в какой-то момент я подумал, что я не смогу, Сибил сейчас высвободит руку и всадит мне пулю в переносицу. Возможно, будь она в нормальном состоянии, она с лёгкостью справилась бы с писателем не в лучшей спортивной форме, но в том сомнамбулическом состоянии Сибил явно утратила часть своих рефлексов. Я медленно выгибал её руки вниз, стараясь свободной рукой схватить рукоятку пистолета. И не смотрел ей в глаза...

Когда пистолет был у меня почти в руках, Сибил вдруг отпустила оружие и вцепилась обеими руками в мою шею. Пальцы сжались, смяв мою трахею. Я захрипел, забился в её руках, как кролик. Сибил грубо развернула меня лицом к себе, и я уставился выпученными глазами в её зрачки цвета крови. Сибил торжественно улыбалась. Светлые волосы её, ранее аккуратно уложенные, заметно растрепались; я увидел на них брызги крови. Я поймал её запястье и попытался вывернуть, но Сибил словно держала меня железными щипцами. Кислород в лёгких заканчивался; я почувствовал, как всё вокруг темнеет и расплывается. Предельно чётким оставалось только лицо Сибил. И в этот момент мне в голову пришла почти смешная мысль: «До чего же она всё-таки красивая». Мой взгляд прорезывали молнии. Движения стали тише. Я чувствовал, как против воли расслабляются мышцы.

«Что... с ней...»

Увидел словно во сне, как Сибил пролезает в канализационный люк и идёт вперёд. Она не замечает ничего – ни разбросанные повсюду кровавые знаки, ни ящеров, плящущих на нёе из дна канавы, ни обгорелых трупов. Но её неверие, помогавшее доселе, на этот раз играет против неё. Сибил скрыта за воздвигнутым ею же щитом рациональности и поэтому попросту не знает о надвигающейся опасности. Нечто подползает к ней, подкрадывается сзади неслышной поступью. Почувствовав неладное, Сибил разворачивается и... ничего не видит. Просто канализация. Но она всё-таки ускоряет шаг и уже начинает лезть на лестницу выхода, когда нечто настигает её и...

Грёзы оборвались. Я обмяк в руках Сибил, и остатки жизни вытекали из меня вялой струей. В груди нестерпимо давило.

«Я умираю...»

Пистолет. Он был всё ещё судорожно сжат в моих пальцах. Не в силах ничего сообразить, я приподнял ствол. Что угодно, лишь бы не эта тяжесть в груди. И не смерть, потому что я... ей нужен... Я...

Я нажал на курок. Полыхнула белая вспышка. Я, наверное, мог и сам себе что-нибудь отстрелить без прицеливания, но... какая разница...

Железные пальцы на горле вдруг скользнули вниз. Я упал на решетчатый пол и свернулся калачиком, вдыхая воздух. Воздух проникал в меня, снова пропитывая жизнью, жизнью и... болью.

«Я выстрелил в неё!»

Мысль быстро отрезвила меня. Я резко поднялся на колени, и меня едва не стошнило от мути в животе. Но я видел всё. Всё до конца. Как Сибил каталась по земле и

содрогалась в конвульсиях. Как толчками выплескивалась кровь из аккуратной дырочки на груди униформы. Когда она повернулась спиной ко мне, я увидел чуть ниже шеи красноватый горб, напоминающий большую опухоль. Я уже видел такое – там, в госпитале, у медсестры, которая меня преследовала.

Потом Сибил последним жестом схватилась за горло, и изо рта у неё брызнула странная красная субстанция – не кровь, что-то более густое и вязкое, как малиновый сироп. Брызнула, взметнулась вверх и упала каплями обратно на её лицо. К тому времени Сибил уже затихла; я увидел, как сходит краснота с её зрачков, а губы выравниваются, стирая демоническую усмешку. Рот полуоткрылся, руки и ноги неестественно широко раскинулись по сторонам. Так Сибил Беннет отошла в иной мир – с залитым красным составом лицом, лёжа в Карусели Счастья в парке Лейксайд, город Тихий Холм, штат Мэн. Под пристальным наблюдением неживых лошадей. Убитая человеком, которого она считала единственным другом в мире кошмара. Таким я её много раз видел в последующие годы в ночных кошмарах.

Я убил её.

Я выронил дымящийся пистолет и со стоном упал обратно. Дыхание ещё не пришло в норму, грудь жгло. Жгло и разум тоже. Пожирало огнём неистового пожара.

«Как такое возможно? Как?!»

«Очень просто, дружище, - хмыкнула лошадь, нависшая надо мной. – Просто находишь курок и нажимаешь. Находишь – и нажимаешь».

Сибил лежала. Карусель стояла. Парк был погружён в темноту, такую же беспросветную, как моё отчаяние. Я не желал жить. Если бы не имя Шерил, мельтешащее в мозгу, я бы скорее всего приставил ствол к своей голове и нажал на спуск без колебаний, как советовала лошадь.

- Будьте вы прокляты, - безучастно сказал я.

Все-все-все... И демон, заставивший меня сделать то, что я сделал. И Далия Гиллеспи, которая не сочла нужным сказать Сибил о том, как победить демона. И доктор Кофманн, приторговывающий наркотой. И Сибил, ушедшая из причала слишком быстро, чтобы я сумел её догнать и предупредить. И – в первую очередь – я сам, вечно опаздывающий и делающий всё не так.

Наверное, я лежал долго. Пришёл в себя от звука чьих-то шагов. Цоканье каблучков осторожно удалялось, словно кто-то шёл на цыпочках, дабы не потревожить меня. Я поднял голову, уже зная, кого увижу. Девушка в синей школьной форме уходила в темноту; я увидел её спинку с выпирающими острыми лопатками.

«Догони её! – взревел кровожадный голос в голове. – Догони и заставь заплатить за всё!»

«Хорошо... сейчас».

Прежде чем подняться на ноги, я наклонился над телом Сибил и опустил ей веки, закрыв стекленеющие глаза. Больше я не мог ей ничего сделать.

Теперь можно было поговорить с демоном.

Я встал. В воздухе кружились какие-то мелкие насекомые вроде мошек. Они всё норовили залезть мне в нос, но я не обращал на них внимания. Я вышел из Карусели Счастья и уверенным шагом направился за девушкой. Почувствовав моё присутствие, она обернулась. Лицо было безмятежно, а короткие чёрные волосы всё так же уложены. И в тот момент до меня дошло, что эта девушка очень напоминает Шерил... лет так через восемь.

- Я знал, что ты появишься, - холодно произнёс я, остановившись в пяти шагах от Алессы. На большее меня не хватило.

Девушка не шевельнулась. Она неподвижно стояла посреди парка на ржавой решетке, наслаждаясь сотворённым ей безумием.

- Я не знаю, кто ты и что тебе надо, - сказал я. – Если хочешь, можешь вообще взорвать весь этот город к чёртовой матери. Мне наплевать. Всего одна вещь - отпусти Шерил. Я не прошу больше.

Чёрные глаза недобро блеснули. Девушка медленно вытянула правую руку перед собой, демонстрируя мне ладонь со следами давних ожогов. И я вдруг ощутил нестерпимое давление на свою грудь, будто темнота сгустилась, обрела плоть и легла железной гирей на мою диафрагму.

- Что... – прохрипел я, и невидимый кулак отбросил меня назад. Ноги взметнулись вверх; я врезался спиной в решётку, голова больно стукнулась о загородку карусели. На мгновение парк в моих глазах потерял чёткость, затянувшись серой дымкой.

Это был ответ. Девушка равнодушно отвернулась от меня. Ровные шаги вновь застучали по металлу.

Ну уж нет...

Я вскочил, преодолевая боль, и со сжатыми кулаками рванул вперёд. Неизвестно, что бы я ей сделал, но между нами возникла невидимая стена, которая не пропускала меня. Воздух вдавливался, как упругая резина, и мягко отталкивал меня обратно к карусели.

- Стой! – во весь голос заорал я, зная, что она меня не послушается. – Не смей уходить!

Схватился за карман, чтобы вытащить пистолет, но тут же вспомнил, что пистолет остался там, у тела Сибил.

Тьфу ты...

Но в кармане что-то было. Я озадаченно смотрел на синий свет, просачивающийся сквозь ткань брюк. Вроде бы я не носил с собой лампу-ультрафиолет...

Засунув руку в карман, я вытащил оттуда маленькую жёлтую пирамидку, подаренную мне Далией Гиллеспи в церкви. Части, из которых была составлена игрушка, обрели прозрачность, и из центра исходило ярко-синее сияние. Оно становилось всё мощней. Я зажмурился и прошептал:

- Это ещё что такое...

«Это Фларос – клетка умиротворения. В его силах прорвать стену тьмы и сопротивляться гневу другого мира».

Я посмотрел на уходящую девушку, на Фларос. Чем бы ни была эта странная безделушка, она действовала. Далия говорила правду. Пирамидка трансформировалась, раскрываясь, как ромашка летним утром. И место, куда падали его лучи, начинало светиться таким же синим светом. Лучи начисто выжигали ржавчину и кровь, которая засохла на решётке. Они уничтожали кошмар, который воздвиг демон. Быть может, Фларос может одолеть и его самого...

- Давай! – закричал я и бросил пирамидку вверх. Почему-то я знал, что она обратно не упадёт. Фларос повис над моей головой, вибрируя и (как мне послышалось) издавая гудение проводов, по которым пущен ток высокого напряжения. Я увидел, как обернулась Алесса, которая была уже довольно далеко, как преобразилось её лицо, когда она увидела сияние Флароса. Она была смертельно испугана. Пожалуй, это была первая эмоция, которую я видел на её лице.

Потом Фларос взорвался пучком света. Парк на секунду охватила мощная синяя вспышка. Я зажмурился, но успел увидеть, как Алесса пронзительно закричала и упала на землю. Её крик эхом повторялся в свежесозданном пронзительно-синем мире, постепенно утихая вдаль. Я торжествующе улыбнулся с закрытыми глазами. «Так её, - злорадно думал я, - так её, так её!».

Когда я открыл глаза, Фларос пропал. Решётки, грязь – всё было на месте, но девушка лежала на металлическом полу, скрючившись в позе эмбриона. Я сделал шаг вперёд. Стена, не дававшая мне пройти, исчезла. Я мог подойти к существу, что отобрало у меня дочь. Собственно, это я немедленно и сделал.

Алесса слабо пошевелилась и застонала, когда я наклонился над ней. Девушка больше не выглядела эфемерным призраком, готовым исчезнуть в любую секунду. Её тёмные чары были разрушены, и теперь она была обычным человеком из плоти и крови... почти была. Вблизи было заметно, что всё её лицо тоже покрыто сеткой шрамов. Рубцы от ожогов выглядели не такими глубокими, как на руках, но их было ОЧЕНЬ много. Впечатление было такое, что в детстве она буквально сгорела...

Хотя мне тогда это было безразлично. Я чувствовал победу и пожинал её плоды.

- Где Шерил?! – угрожающе спросил я. - Верни мне мою дочь! Слышишь – верни Шерил!

Она вздрогнула и открыла глаза. Но взгляд девушки был устремлён вовсе не на меня, а куда-то за мою спину. И в этом взгляде читался неподдельный ужас. Почуввав неладное, я оглянулся...

- Ну вот мы и встретились, Алесса.

Далия Гиллеспи возникла из темноты, ступая медленными шаркающими шажками. У неё был странный приторно-сладкий голос... и не менее странное выражение лица. До сих пор я видел старую женщину невозмутимо-мрачной, а теперь на лице Гиллеспи играла широкая улыбка. Очень плохая улыбка. Сатанинская.

- Это вы? – недоумённо спросил я. Признаться, я испытал облегчение, что наконец-то на сцене появился тот, кто разбирается во всей этой мути. Она-то вытрясет из Алессы всё, что надо. – И где Шерил? Где она?

Я рассчитывал, что Далия немедленно задаст тот же вопрос девушке, но она меня словно бы и не слышала. Всё тем же мышиным шагом она подошла к Алессе вплотную, и я услышал испуганный возглас девушки.

- Алесса, - сказала Далия, - твоя маленькая игра окончена.

Она приглашающе протянула руку девушке, лежащей на земле. Та явно не оценила дружественность этого жеста - отпрянула назад и попыталась отползти. Неуловимым движением Далия преградила дорогу. Алесса подняла на неё свой взор – взор обычной напуганной до слёз девочки, а никакого не злого демона – и жалобно простонала:

- Мама...

Далия покачала головой, не переставая широко улыбаться:

- Ты была ужасным маленьким паразитом, Алесса, не так ли? Но, признаться, я сама сплеховала, проявив неосторожность. Мама и не заметила, что дочка уже совсем взрослая. Вот почему я не могла поймать тебя сама. Жалко, да... Но теперь всё кончено. Поблагодари этого человека, что он помог мне тебя наконец поймать.

- Эй, - промямлил я, чувствуя, как у меня ум заходит за разум, - о чём вы говорите?

Никто из двоих не обратил на меня внимания. Для них я попросту не существовал. Я отслужил свою роль и был на этой арене третьим лишним. Мавр сделал своё дело – мавр может уйти.

- Алесса, ты моя малышка... – сахар в голосе Далии превышал все пределы, доходя до кошачьего мурлыканья. - Думаю, у тебя осталась ещё всего одна вещь, которую ты способна сделать для нас всех.

На этот раз она протянула руку уже более жёстко, едва не касаясь щёк девушки.

- Нет, - услышал я голосок Алессы, - отстань от меня!

Далия цокнула языком:

- Ай-я-яй! Плохая девочка.

В воздухе внезапно появились острые синие частицы, которые кружили вокруг этой пары в бешеном хороводе. Они не касались Далии и Алессы, заботливо облетая их стороной, но я почувствовал, как несколько синих крупинок врезались мне в шею и лицо, рассекая кожу. На месте порезов выступили капельки крови.

- Что здесь происходит? – пролепетал я, отходя назад. Крупниц становилось больше и больше, и каждая из них превратилась в маленький источник яркого синего света, как Фларос. В считанные секунды калейдоскоп синего огня скрыл от меня девушку, без сил

лежащую на решетке, и старую женщину, которая стояла над ней, силой поднимая её. Надо мной распух шар, сотканный из этого света, и вдруг осыпался мелким светящимся песком. Песчинки развеяло ветром в наставшей темноте, унося в чёрное ничто, и я вдруг впал в панику, потому что понял, что остаюсь один в просторах разрушенного мира, обречённый на вечные скитания без единого лучика света. Я раскрыл рот, не сумел набрать воздуха в лёгкие и упал на колени. Что-то давило мне на шею, прижимая к земле, но я сопротивлялся всеми силами, чтобы не поддаться. Я должен был встать, встать и пойти, если не хотел оказаться запертым здесь навсегда.

Рука, давящая на меня, вдруг пропала, и я с первым же вздохом рванулся вверх, чтобы встать... и понял, что лежу на уже чем-то родной койке в госпитале Алчемилла. И вокруг меня была не вселенская темнота, а стены палаты первого этажа, освещённые догорающей свечой.

- Гарри, ты проснулся...

Я закрыл взмокшее лицо руками и обратно упал на мягкую подушку. Я вернулся... В который уже раз?

Лиза по-прежнему верно сидела на посту возле койки на голой табуретке, глядя на меня. Не могу сказать, что её вид порадовал меня. Я писал, что в прошлый раз девушка выглядела легонько нездорово. Так вот, теперь наречие «легонько» можно было спокойно убрать. Кровь отхлынула от лица Лизы, и кожа её походила на белый лист бумаги. Губы часто и нервно подрагивали, глаза казались почти стеклянными. И ещё – у неё появилась привычка время от времени облизывать губы. Я почти испугался, взглянув на неё. И я не преувеличиваю: Лиза действительно выглядела очень плохо.

- Лиза? – спросил я, стараясь не выдать свои чувства. Девушка безучастно смотрела то ли на меня, то ли на мою койку. Наверное, всё-таки на меня. – Что случилось?

Я вспомнил о большом синем шаре, который вспухал над моей головой, о двух человеческих фигурках, которые остались в его недрах, и спросил ещё:

- Где Алесса и Далия?

- Гарри, послушай...

Лиза даже не слышала моего вопроса, и я не обиделся. Наоборот – укорил себя за то, что с разбегу начал осыпать её своими глупыми вопросами, отлично видя, что с ней стряслось нечто... не очень хорошее. Почувствовав, что «эффект перехода» проходит, я присел на изголовье койки и придвинулся ближе к Лизе.

- То, о чём ты рассказал мне в тот раз, - тихо сказала Лиза, комкая пальцами подол платья, - меня почему-то сильно обеспокоило. Я никак не могла выбросить это из головы...

А о чём я рассказывал? К своему стыду, я не помнил.

- Ты о чём, Лиза? Извини, я как-то...

- О подвале и палате, которая находится там. Я долго думала, но потом решила пойти осмотреть её самой - притом, что ужасно боялась того, что могу там увидеть. Как ты и говорил, там были довольно жуткие помещения, но ничего необычного я не заметила. Но когда я спустилась туда... я вдруг ощутила ЭТО...

Эх, Лиза, Лиза, с ожесточением подумал я, любясь её роскошными волосами. Ну что тебя дёрнуло спуститься в это проклятое подземное царство? Понятно теперь, почему она так выглядит. Все эти мертвецы, которые того и гляди шевельнутся под простынями, этот жуткий коридор, эта гнилая лестница... Тут дрогнут нервы у кого угодно, не говоря уже о Лизе. Почему тебе не сиделось на месте?

Я как-то забыл в своих горячечных мыслях, кто бросил девушку одну в госпитале на милость судьбе...

- Знаешь, как будто я была там, - сказала Лиза, глядя прямо на меня. Я заметил, как она снова облизнула пересохшие губы, и деликатно отвёл глаза в сторону. - Как будто там что-то произошло, но я не могу припомнить, что именно и когда. Ты испытывал такое?.. Что это было?

И снова мне было нечего сказать. Я думал о том, что Лизе ещё повезло, что она не повстречалась в коридоре с Неизвестным и его тяжёлыми шагами. У меня не хватило ума чуть подробнее вдуматься в её слова. Я был рад, что она вообще жива, и эта тупая радость заслоняла всё остальное - нужное и ненужное.

- Гарри, я не могу понять, - Лиза сглотнула слюну; на этот раз я глаза не отвёл. – Мне страшно... Помоги мне. Это... Это так ужасно...

- Это пройдёт, - успокаивающе сказал я. Психолог хренов... – Ты просто в шоке после всего, что случилось.

Хм, подумал я, где-то эта милая сцена уже имела место. Но только в моей роли там выступала Сибил (в этих стенах с трудом верилось, что я вправду застрелил её), а на месте Лизы – я сам. Но даже эта мысль не сподвигла меня на то, чтобы попытаться честно понять состояние Лизы.

- Не мучай себя, - сказал я, кладя руку на ладонь Лизы. Ладонь была холодной и сухой до шершавости. Я внезапно ощутил приступ брезгливости. – Ты скоро всё вспомнишь.

Лиза порывисто вскочила, резко сбросив мою руку с колен. Я мигом превратился в каменный истукан, почувствовав, что только что совершил нечто необратимое.

Было, как всегда, поздно...

- Нет, ты не понимаешь! – прокричала Лиза мне в лицо, и слёзы брызнули из её глаз. – Не понимаешь... и НЕ ХОЧЕШЬ понять!

Закрыв лицо руками, она побежала к выходу.

- Стой, куда ты?.. – я дёрнулся было за ней... но силы оставили меня, и я снова осел на койку, так и не сделав ни шага. Лиза ушла. Дверь раздражённо хлопнула.

«Чёрт... Я опять всё провалил».

Меня охватило чёрное отчаяние. После стольких бед и потрясений, что я заслужил? Лишь опять остался ни с чем и ни с кем. Я нашёл Алессу, которая стала для меня камнем преткновения – только лишь затем, чтобы узнать, что эта сумасшедшая Далия Гиллеспи меня использовала, уж не знаю как и зачем, но использовала. Я нашёл Сибил – лишь затем, чтобы превратиться в убийцу. Я нашёл Лизу – лишь затем, чтобы снова её потерять. Но я не нашёл главное – я не нашёл Шерил. И уже потерял надежду найти её...

Когда же всё закончится? Я больше не могу терпеть этот затянувшийся кошмар. Мне была нужна моя дочь, мне были нужны ответы на все вопросы, мне нужен был свежий воздух без примеси едкого тумана, разбавленного потусторонней тьмой.

«Тогда иди, - прошептал вкрадчивый голос в голове, - негоже сейчас сдаваться. Знаешь, ты уже почти пришёл... но если будешь сидеть на этой койке и плакаться в подушку, боюсь, никто так и не оценит твои подвиги».

Я тяжело поднялся, прошагал через палату, из стен которых, казалось, сочилась кровь, и открыл дверь. Увидев то, что было за ней, я нисколько не удивился. Скорее я даже ждал это.

Я находился не в госпитале. Палата была словно отрезана от госпиталя и аккуратно перенесена в другое место. Я видел перед собой узкую полосу железной решетки, закинутую над чёрной пропастью. Мостик упирался в лифт, и я мог бы поклясться на Библии, что в госпитале таких лифтов не было.

Я подошёл к лифту, ступая по скрипучей решетке, гнушейся под моей тяжестью. Свалиться вниз я не боялся – я не отрываясь смотрел на закрытую дверцу лифта, из-за которой доносились странные звуки. Детский плач... дружный насмешливый смех... крики боли... кажется, я слышал гудение мощного пламени, властвующее над всей этой какофонией. Едва я подошёл к лифту на расстояние шага, дверца услужливо раздвинулась, представив моему взору обычную тесную кабинку. На потолке горела мутная лампа, покрытая фекалиями насекомых. Приятный сервис.

Внутри пахло чем-то кислым. Присмотревшись, я заметил, что на стенке нет кнопочной панели. Тем не менее, когда я вошёл в лифт, дверца тут же закрылась, словно

механизмом управляла какая-то умная автоматика. Я услышал скрип натянувшегося троса над головой. Лифт тронулся с места, плавно спускаясь вниз. Я слышал рокот двигателя и чувствовал мерное покачивание, вызывающее приторную сладость в горле. Лифт нёс меня неизвестно куда. То есть... не совсем «неизвестно». Я-то знал, куда он меня привезёт. Туда, где суждено закончиться фильму, где обрывается плёнка.

В никуда.

Дверца открылась снова. Я увидел длинный тёмный коридор, который показался мне отдалённо знакомым. Паркет на полу... Эти обои на стенах... Синий прямоугольник окна далеко в конце коридора... Да, я всё это уже видел разок. И не где-нибудь, а в начальной школе Мидвич. С возвращением, дорогой друг.

«КАБИНЕТ ГЕОГРАФИИ», - прочитал я на двери единственного кабинета в коридоре. Кабинет был открыт, и из его сумрачных недр исходил холодный воздух. Заходите, мистер Мейсон. Спасибо, что не опоздали.

Внутри кабинет географии не изменился. Я увидел непроницаемо-чёрные окна и карту штатов в углу. Вот только все парты пропали - не иначе, пошли на списание. За исключением одной-единственной. Я, конечно, не мог быть ни в чём уверен, но полагал, что не сильно промахнусь, если скажу, что некогда за этой партой сидела и училась девочка по имени Алесса. Алесса Гиллеспи.

На лакированной поверхности парты лезвием ножика были накарябаны не очень дружелюбные надписи, сплетающиеся друг с другом:

Воришка... Иди домой... Ведьма...

Похоже, девочку не очень любили в классе. Как водится в таких случаях, не обошлось без предположений, что она ведьма. С такой-то мамашей...

Я вновь услышал молящий голосок девушки: «Мама...»

И сразу после – тихий рассказ Лизы в палате: «В Тихом Холме её редко кто не знает... Помешана на религии. Это началось, когда у неё сгорел ребёнок во время пожара в доме».

«Ты была ужасным маленьким паразитом, Алесса, не так ли?»

Буквы, вырезанные на дереве, вдруг зашевелились и потеряли форму. Я схватился за вспухающую голову. Кажется, в тот момент я впервые начал кое-что понимать...

«Помешана на религии».

«... следовали какой-то странной религии... Не христианство, нет - какой-то культ судьбы, связанный с чёрной магией».

«... у неё сгорел ребёнок во время пожара в доме».

«Отстань от меня!»

«Иди домой... Воришка!..»

Как я мог быть таким слепцом?! Ведь всё было ясно с самого начала! Лиза сама говорила мне, что Далия - религиозная фанатичка... но только забыла сказать, какой именно религии предана старая женщина.

«Не христианство, нет».

«... у неё сгорел ребёнок...»

Я вспомнил шрамы и рубцы на всём теле девушки. Ужасные шрамы, после которых невозможно было остаться в живых. Но Алесса, похоже, таки умудрилась выжить.

Подземная палата. Конечно. Мысли неслись с лихорадочной быстротой. Вот почему там была фотография девочки. Туда её и перенесли после пожара. И там девушка провела... месяц? Год? Два года? Пять лет? Скрытая от посторонних глаз, умершая для всех, неузнаваемо обезображенная, но в которой ещё теплились остатки жизни и разума... Каково это? Бог ты мой...

Вряд ли я бы смог так быстро всё вспомнить и почти всё понять. Но мне помогала невидимая рука, мягко, но настойчиво толкающая мои мысли в верную сторону. Я

посмотрел на исписанную грязную парту в непередаваемом ужасе. Этот ужас разительно отличался от боязни тварей, которые охотились за мной в ночи, отличался от страха за собственную жизнь, от беспокойства за Шерил. Он был в тысячу раз хуже. На доли секунды я испытал малую толику тех чувств, что пережила девушка по имени Алесса – вернее, она сама дала мне испытать их. Чтобы я понял. И мне хватило сполна. Я почувствовал, как у меня задрожали коленки и застучали зубы. Это как внутривенное вливание абсолютного вакуума. Мне пришлось опереться обеими ладонями о парту и закрыть глаза, чтобы не свалиться, как подкошенный.

«Не надо, довольно, - шептал я обладательнице кабинета географии и всего, что меня окружало, - теперь я всё знаю... Довольно...»

Конечно, я знал не всё. Я ещё не знал, что за пожар был в доме Гиллесли и чем он был вызван, не знал, какая существует связь между всем, что происходило. Не знал, каким образом девушка сумела превратить город в девятый круг ада. Не знал, чего хотела от неё мать, тронутая на религии древних кровожадных богов. Думаю, Алесса сжалилась надо мной и не стала пихать в меня всё сразу, иначе мне бы вышибло крышу прежде, чем я успел бы сказать «Тихий Холм».

Я вышел из кабинета географии, описывая невообразимые кривые по паркету. Наверное, если бы с меня тогда взяли анализ крови, то лаборанты сильно удивились бы и долго протирали очки. Я и впрямь чувствовал себя, как пьяный. Кровь бурлила в венах. Глазные яблоки выпирали из-под век и грозили с хлопком вылететь из положенных мест. В довершение всего с носа закапала кровь.

А за кабинетом географии был госпиталь. Его сгнившие стены и лестницы с мокрыми ступеньками, вминающимися под подошвами. Я уже ничему не удивлялся. Осознавал только, что мне нужно найти в себе силы пройти через это кошмарное «нигде», чтобы достичь заветной цели. Но я и не представлял, через что мне предстоит пройти.

Когда я ковылял мимо ординаторской, на меня из кабинета вывалилась медсестра. Я мельком увидел её спутанные чёрные волосы, остановившиеся зрачки и красный горб на шее, и быстренько дал деру. Разлагающиеся пальцы успели коснуться моей кисти. Я услышал вздох разочарования у себя за спиной. И почти сразу дверь ближайшей палаты вылетела под мощнейшим ударом. Я увидел силуэт низкой полноватой женщины в белом халате, победно вознёсшей над головой большой стеклянный шприц, предназначенный для инъекций в аорту. Внутри шприца плескалась коричневая жидкость. Такой укол мне сейчас не требовался, но объяснить это медсестре не было возможности. Я пустился со всех ног, почуввав, что этими двумя особами дело не ограничится.

И оказался прав. Двери ломались и крушились одна за другой, и в образовавшийся проём лезли орды бывших работников госпиталя, одержимые жаждой крови. Я надеялся, что это всего лишь очередные призраки, созданные больным разумом Алессы... может, ТАКИМИ она видела медработников, делающих ей уколы, когда лежала при смерти и принимала всех за монстров... неужели это настоящие люди? Нет, не может того быть. Но Сибил... у неё ведь тоже был горб, как у всех этих! Стало быть...

Топот ног у меня за спиной множился. Доктора и медсёстры уже теснили друг друга в тесном коридоре в стремлении добраться до меня и разорвать в клочья. Но количество не переходило в качество – я постепенно увеличивал разрыв. ОНИ это тоже видели, и нестройный гул вздохов и стенаний становился гуще. Я увидел впереди дверь выхода из госпиталя. Конечно же, не настоящая дверь, а лишь образ, отражение в том мире, где я находился. Хотя бы потому, что я не увидел следа пули, пущенной из пистолета Кофманна, на белой штукатурке над дверью. Стена была целехонькой.

Ручка двери изменилась. Она превратилась в круглую медную втулку с выгравированной на ней печатью Самаэля. Мне такая реставрация была не слишком по душе, но что поделаешь. Я с силой крутанул втулку, отворяя дверь. Хор плачущих голосов за спиной стих. Я знал, что если обернусь, то увижу опустевший коридор. Но мне

не хотелось задерживаться в этом жутком подобии госпиталя. Я хотел идти дальше. Чем быстрее я доберусь до донышка этого мира, тем лучше. Тем лучше для Шерил.

И что, интересно, будет за этой дверью, мрачно подумал я. Подземная церковь? Торговый центр? Или...

- Гарри?!

- Лиза...

В её голосе была радость и надежда. А в моём собственном я не услышал ничего. Ноль эмоций. И это меня испугало.

Лизе вроде бы полегчало с той поры, когда я видел её в последний раз. Почти вернулся здоровый цвет лица, а дрожь исчезла. Она стояла, прильнув спиной к противоположной стене каморки. На голых стенах была только ржавчина – этим здешний интерьер исчерпывался.

- Что случилось? – спросил я. Лиза не двигалась, и губы её беззвучно шевелились. Она смотрела прямо на моё лицо. В глазах слёзы, и они явно не были первыми: всё лицо Лизы было мокрым, на коже остались светлые борозды от ручьёв, текших по щекам. Насколько улучшилось физическое состояние Лизы, ровно настолько она была повержена духовно.

- Лиза... Что с тобой?

Я сделал шаг к ней, и тут девушку прорвало. Она резко вскинула руки и протянула их ко мне, но почему-то не оторвалась от своей стены.

- Гарри! – закричала она визжащим голосом. – Я не понимаю... Почему все вокруг мертвы, а я всё ещё жива? Почему?!

Я вспомнил орду медперсонала, которая только что гналась за мной, размахивая всем, что попало под руку. И промолчал. Мне было нечего сказать.

- Я боюсь... – Лиза плакала навзрыд. – Помоги мне, Гарри... Я боюсь, что я такая же, как они... но просто не замечаю этого...

В моём мозгу полыхнула белая вспышка. Я взглянул на Лизу новыми глазами: её нетвёрдая походка, остановившиеся глаза и сереющий цвет кожи... Я это видел. Видел у её коллег, которым повезло меньше. Господи, а теперь я смотрел, как на моих глазах эта девушка превращается в чудовище.

- Лиза... – в ужасе прошептал я, пятясь назад. Лиза мучительно выгнулась, заставив себя отлепиться от стены, и я увидел, что на её шее, чуть выше лопаток, быстро набухает горб.

- Будь со мной, Гарри. Пожалуйста!.. Я так испугана... Помоги мне, спаси меня от них...

Лиза медленно шла в мою сторону, сгорбившись до самого пола. Я в животной панике шарил у себя за спиной, пытаюсь отыскать исчезнувшую дверную ручку. Она... она одна из них... Мысль стучала в голове молотком, отменяя всё прочее. Я так и не услышал последнюю мольбу Лизы, и её слова отскакивали от моих барабанных перепонок, зависая в воздухе.

Лиза выпрямилась. И раскинула руки, чтобы обнять меня. А может, ждала, когда её обниму я...

- Нет! – истерично заорал я и вжался спиной в дверь. Лизу всю передёрнуло, словно мои слова осыпались на неё градом пощёчин. Она остановилась и подняла неверящие глаза к моему лицу. Глаза были ещё живыми, я увидел в них невыносимую тоску, страдание и... обвинение. Лиза приоткрыла губы, чтобы что-то сказать. На её глаза вновь навернулись слёзы.

Это было последнее мгновение её жизни.

В следующую секунду прозрачные слёзы вдруг потемнели и свернулись, обретая алый оттенок. И по щекам вместо слезинки побежала уже капля густой тёмной крови. Лиза этого не замечала, она смотрела на меня... на меня... уже хищным взглядом чудовища, порождённого тьмой ночных закоулков. Кровь паучьими лапками потянулась

по лбу из-под волос. В мгновение ока лицо девушки исчезло, покрытое сплошной пеленой крови. Остались только глаза, недвижные глаза мертвеца, и зрачок стремительно расширялся по мере того, как дух покидал её тело. Лиза упала на колени. Волосы на голове слиплись в жидкие красные пряди; кровь стекала по щиколоткам, забиваясь внутрь её изящных туфель. Странно, что я не лишился рассудка в тот момент.

Потом она встала. Встала и пошла на меня с низким рычанием, опустив голову. Уже не Лиза, а кто-то другой, не имеющий с ней ничего общего.

Дверь за мной пропала, оставив пустой проём. Но это уже было неважно.

Как только я сделал коротенький шаг спиной и оказался вне каморки, дверь снова появилась. Даже не дверь, а стена. Она навечно замуровала Лизу в круге кошмара и боли, которую воздвигла Алесса. Лиза присоединилась к тем, кого боялась минуту назад. И в этом был виноват я. Только я.

Разве не меня она просила, и не раз, остаться с ней и выпутать её из пут, которые охватывали её всё крепче? Разве не на меня она смотрела с вожделием и благоговением в тот момент, когда я с грохотом ворвался в её палату, как рыцарь на белом коне? Разве не мне она доверила всю свою жизнь и даже свою душу? И наконец... разве не ко мне она обращалась в последние секунды жизни, всё ещё надеясь хоть на какую-то помощь?

Которую так и не получила. На её беду, рыцарь оказался суррогатным. Рыцарь заботился только о себе. Рыцарь отвёрг её в последний момент, забрав надежду и силы на сопротивление. Как только с моих губ сорвалось категоричное «нет», законы этого мира взяли верх, поглотив искорку, которая теплилась в ней, которая была ещё способна её спасти.

Я стал убийцей дважды.

Слишком много для одного вечера...

Деревянные стены комнаты, в которую я попал, были сплошь исписаны чёрным химическим карандашом. Большинство надписей показались мне совершенно бессмысленными (попадались ещё и какие-то руны), но некоторые буквы всё-таки складывались в простые, но страшноватые словосочетания: «Дьявол здесь», «На помощь», «Убить маму». Да уж, Алесса вряд ли обожала свою шизанутую мамочку. Я без интереса посмотрел на вновь изменившуюся обстановку и пошёл вперёд, к видневшейся в глубине комнаты двери. После всего, что случилось, мне было всё равно. Я бы не удивился, даже если оказался в покоях Папы римского.

В углу комнаты стоял низкий столик. Под ней, забившись в самое глубокое место, хныкала девочка. Школьная форма на ней была поменьше, да и сама она не вышла возрастом – лет восемь-девять. Она скрывала от меня своё лицо, уткнувшись носом в накрахмаленную манжету, но я узнал её. Вот так Алесса Гиллеспи выглядела лет пять назад. Ещё до того, как познакомилась с жаром огня... но и тогда её жизнь была не сахар. Иди домой, воришка, тебе здесь делать нечего. Ей ничего не оставалось, кроме как залезть под спасительный покров столика, туда, где никто не насмеялся над ней, не бил и не заставлял совершать непонятные и страшные вещи...

Мысль мелькнула мимо и рассыпалась. Призрак девочки исчез, оставив меня одного.

Дверь напротив меня скрипнула и отворилась сама собой. Я прошествовал в проём с замиранием сердца. Что на этот раз? Восставшая Сибил, жаждущая мести? Мёртвые собаки с текущей из пасти слюной? Иглы под ногти? Дыба?

Ничего этого не было. В наглухо изолированной комнате находился только видеоманитофон, лежащий под старым телевизором. На чёрной пластмассе корпуса в одеянии из пылинок лежала видеокассета. Такие вещи были в диковинку в семидесятые годы, но уже не удивляли до обморока. Видать, прогресс дошёл и до Тихого Холма.

На панели замигал красный огонёк. Я знал, что должен сделать. Я не хотел этого, но выхода не было.

Кассета беззвучно юркнула в прорезь под нажатием моих пальцев. Экран замерцал синим сиянием. Я ждал уготованной мне участи, тупо глядя на перемежающиеся черно-белые полосы.

Раздался щелчок, и изображение пошло. До того плохого качества, что я поначалу ничего не разобрал. Какая-то смутная тень, маячащая в середине... Сквозь шипение из динамиков я слышал осколки слов и фраз, из которых никак нельзя было слепить что-либо вразумительное. Но потом картина стала чётче, и я узнал ту, которая несколько минут назад просила меня о помощи, исходя кровавыми слезами.

Лиза на экране сидела за каким-то столом, уткнувшись лицом в руки. Я не видел её лица – только волосы, рыжие и прямые, которые падали на плечи. В своей сестринской форме. Лиза, кажется, плакала – а может, это дёргалось само изображение. Её голос доносился до меня хрипло и искажённо:

- ... всё ещё необычно сильный жар... не могла прощупать пульс...

Она кому-то рассказывает? Я не видел человека, который сидел по эту сторону объектива.

- ... но она всё равно дышит, очень тяжело... Почти вся кожа обуглена. Когда я меняю бинты, вижу только кровь и гной...

Значит, Лиза ухаживала за Алессой, когда её принесли в госпиталь, обескураженно подумал я. И ей это давалось нелегко. Она была слишком чувствительна, чтобы день за днём видеть невыносимые страдания девочки.

Изображение опять начало заносить «снегом». Голос отдалился:

- Почему? Что ещё удерживает этого ребёнка живым?!

Лиза окончательно исчезла за грудой помех, и последнее, что я услышал, был её отчаянный выкрик:

- ... не могу больше терпеть... пожалуйста!..

Плётку зажевало. В недрах аппарата послышался режущий звук, и экран погас. Впрочем, ему незачем было больше работать. Своё дело он сделал.

Я поднял голову. Только что впереди была стена. Теперь там появился разлом. Не широкий, но я мог протиснуться.

«Алесса... Почему ты так жестока?»

Лиза жалела её, хотела помочь. Она сделала всё, что от неё зависело, чтобы облегчить страдания Алессы. И вот... благодарность. Девушка превратила её в чудовище. В то время как я спокойно разгуливал по её внутреннему миру, рассматривая записи и расстреливая людей. Несправедливо...

Подойдя к разлому, я увидел за ней свет от тусклой керосиновой лампы. Посреди комнаты стояла железная койка с ремнями для умалишённых. Но человек, который лежал на койке, не был похож на умалишённого. Не кричал, не вырывался, даже не шевелился. Лицо было старательно прикрыто куском белой ткани, но я увидел руку пациента, выглядывающую из-под покрывала. Лучше бы не видел. ЭТО походило скорее на фаршированное желе, чем на человеческое тело.

Пока я боролся с потугами к рвоте, откуда-то справа зазвучал спокойный женский голос:

- Что ж, всё идёт согласно плану. Пока он находится в чреве, он надёжно защищён.

Далия Гиллеспи. Это была она. Она сожгла собственную дочь... теперь стояла в палате, где Алесса лежала полуживая-полумёртвая, и довольно потирала руки.

- И когда он выберется?

Это уже другой голос, мужской. Густой бархатный баритон, в котором сквозят металлические нотки. Где-то я слышал эту сухую речь с мэнским выговором. Я прижался глазом к проёму, но так и не смог никого увидеть. Хотя угол обзора вроде был шире некуда.

- Есть проблемы, - сказала Далия. – Половина её души потеряна. Вот почему он пока недвижим. Нужно ждать, пока обе половинки снова не сольются и душа не перестанет скрываться под внешней оболочкой.

О чём они говорят? И, чёрт побери, где они сами?!

Внезапно я понял. Я не видел разговаривающих, потому что их здесь не было. Это были не люди, а призраки. Отпечаток давно минувших событий, сохранённый в памяти Алессы. И я сейчас становился свидетелем разговора, который, быть может, происходил многие годы тому назад.

И я наконец узнал мужчину. Да, я уже слышал этот говор, но во время наших недавних встреч Кофманн был напуган до оседания голоса, поэтому я не сразу узнал обычный тон доктора.

- Ты хочешь сказать, что это не сработает? Мы так не договаривались!

В голосе Кофманна слышалось разочарование и возмущение. Далия поспешила её успокоить:

- Нет. Нужно просто немного выждать. Не бойся, обещание не будет нарушено.

Чёрт знает что! Я не понимал ни слова. Мой взгляд снова зацепился за изжаренную руку, но на этот раз я смог увидеть сквозь почерневшую кожу поверхность ржавой больничной койки. Ещё один призрак...

- Но ведь сейчас она очень слаба, считай что её почти уже нет, - Кофманн заговорил более спокойно, - долго мы ждать не можем. Если у нас не получится найти эту половинку души...

- Всё будет, - Далия уверенно прервала доктора. - Ребёнок, в котором заключена половина души, сейчас чувствует боль... и зов – зов Тихого Холма. Зов приведёт его туда, куда нужно, и когда нужно.

- Но это будет нескоро, - Кофманн говорил полувопросительно-полуутвердительно. На том диалог кончился. Обожжённое тело, лежащее на койке, поблекло, затуманилось в свете лампы и исчезло. Исчезли и голоса. Убедившись, что никого не осталось, я пролез через проход...

... и увидел печать Самаэля во всю стену. Не красную, а чёрную. Печать светилась темнотой – именно так, не светом, а темнотой. Она пожирала остатки лучей, которые задержались в комнате. Отсюда не было выхода. Панически обернувшись, я увидел, что исчез и проход. Стены потекли вниз, как краска, расплесканная на стекле. За ними были голые остовы красноватых решёток.

«... жители следовали какой-то странной религии... Они старались вызвать древних богов города...»

«... древних богов...»

Я громко застонал и схватился за голову.

Всё время, с самого начала, я шёл к Абсолютному Пониманию. Собирая правду по ключьям, теряя близких и друзей, но упорно пробираясь через заросли терновников. И желанная цель настигла меня здесь. Я понял всё. Может, понял не я, может, меня ЗАСТАВИЛИ понять – но дела это не меняло. Было слишком поздно. Истина влилась в меня.

Я вспомнил Шерил, напряжённо вглядывающуюся в темноту города сквозь лобовое стекло. Я снова увидел её тонкий пальчик, указывающий на размытую фотографию, когда она говорила: «Где это?». Увидел задумчивую морщинку на её гладком лбу.

Я услышал обрывок только что подслушанного разговора: «Ребёнок, в котором заключена половина души, сейчас чувствует боль... и зов – зов Тихого Холма».

Я увидел себя, склонившегося над картой и рисующего маршрут в Тихий Холм. Увидел, как задрожал карандаш в пальцах, когда я понял, что это те самые места, где мы с Джоанной некогда нашли Шерил.

Увидел блестящий свёрток, лежащий у обочины...

Вот она, желанная правда. Радуйся, Гарри, и торжествуй. Шерил... моя дочь. Она и была той самой, в которой была заключена «половина души». Семь лет назад... да, семь лет назад жители Тихого Холма с ужасом прочитали в газетах о страшном пожаре в доме Гиллеспи. Пожар унёс с собой совсем ещё юную жизнь, жизнь семилетней девочки по имени Алесса. Прискорбный случай. Но такова жестокая реальность. На том все и сошлись. На том и заканчивалась история.

Но была оборотная сторона событий. Продолжение, о котором мало кто знал. После пожара под покровом ночи из дымящихся горячих обломков странные и злые люди вытащили обугленное тело. В Алессе ещё теплилась жизнь... Они отнесли её в госпиталь Алчемилла и спрятали в подвале, где она провела не один год в выжженной пустыне кошмара. Они не лечили её, она была просто нужна им... Но они никак не могли сотворить с ней то, что задумали. Не получалось. Тогда мать девочки поняла, что совершила ошибку. Но понимание пришло слишком поздно. Вторая половинка души Алессы, отделившаяся от неё, когда огонь пожирал тело, была для культа уже безнадежно утеряна. Она была увезена за десятки миль Гарри и Джоанной Мейсонами. Они дали этой половинке имя – Шерил, – и любили, как свою родную дочь.

Но Далия знала, о чём говорила. Прошло семь лет... и однажды ночью, лёжа в своей кровати и считая трещины на потолке, Шерил услышала зов. Она не понимала, что с ней происходит, и это её пугало. Болезненно-свербящее чувство подняло её с постели и заставило подойти к окну, туда, где ей в лицо улыбнулась далёкая луна. Шерил увидела пустую улицу, покрытую мраком, редкие огни автомобилей... и город, что находился далеко-далеко от нашего дома. Город, расположенный близ озера Толука.

Зов Тихого Холма.

Шерил вернулась в этот туманный город, чтобы воссоединиться со своей половиной, которая всё эти годы тихо мучилась, прикованная к железной койке. И когда после аварии отец лежал без сознания, она тихонько выбралась и... ушла. Ушла к Алессе.

Спустя семь лет ритуал, проведённый над дочерью Далии Гиллеспи, наконец начал давать плоды.

Только что это за плод?

К сожалению, я знал ответ и на этот вопрос...

Лиза говорила, что ОНИ старались вызвать древних богов города. Я сам слышал слова Далии у койки Алессы, и она говорила о зародыше, хранимом в Алессе и зачатом в огне того бушующего пожара - о том, что пока вторая половина души Алессы не будет найдена, зародыш будет лежать без движения.

Они хотели вернуть его. Вернуть Бога этого города. Который был здесь с незапамятных времён, но теперь ушёл. Я сомневался, что этот Бог способен привнести в наш мир хоть каплю чего-то светлого.

Алесса понимала это тоже. И сопротивлялась, пока могла, метаясь по всему городу, чтобы Шерил не нашла её. Она тоже не хотела воссоединения.

Но хитроумная комбинация Далии сработала отлично. Я сам, собственной персоной, помог женщине поймать дочь и силой отнести туда, куда уже всё было приготовлено для рождения Бога. Туда, где должны были умереть и Алесса, и Шерил. Два убийства я совершил... но, похоже, это было далеко не всё.

Время остановилось. Стены из решёток, окружавшие меня, пали, и я увидел, что стою в тесной комнатке без окон. На столе горела лампа, освещающая коллекцию бабочек, нанизанных на иголки, которая висела на стене. Рядом была детская кровать, аккуратно заправленная. Этажерка с книгами (наряду с «Затерянным миром» и «Алисой в стране чудес» я увидел много старинных книг в бесцветных обложках, на которых были видны странные символы). Шкафчик... Ситцевое платье, одиноко висящее у кровати. Кто-то грубо раскидал по полу кипу тонких тетрадей, исписанных каракулями. Тут и там валялись игральные карты.

Это была комната Алессы. Самая глубинная точка, сокровищница её внутреннего мира. Я достиг её. Да, теперь я знал всё. Иначе бы меня сюда не впустили.

Я присел, с содроганием раскрыл первую тетрадь. Корявые рисунки, так похожие на те, что любила делать Шерил. Но мрачные и жестокие. Вот человек с двумя головами... Страшилища, которые мне и не снились. Я вздрогнул, увидев изображение пчелы с человеческой головой, кишасей могильными червями.

Так я и знал. Все эти монстры... Конечно, их не было на самом деле. Их вообразила Алесса и поместила в мир кровавого кошмара, созданный ею.

Нет, подумал я, уронив тетрадь обратно. Не ею. Алесса не главная виновница всего, что случилось... Это ОНИ. Свита Далии Гиллеспи. Те нелюди, которые правили в Тихом Холме, пичкая туристов наркотиками и сжигая маленьких девочек, чтобы вызвать каких-то богов. Из-за них всё и началось.

Дверь, которая была впереди, громко щелкнула, сорвавшись с замка. Я даже не поднял головы. Эта дверь вела к полю Армагеддона. Шерил... Я знал, что она за этой дверью. Не знаю как... но я это чувствовал. И ещё чувствовал присутствие там чего-то очень опасного, даже противного. Может быть, это было то, что они называли «Богом». Но я должен был открыть эту дверь. Достаточно этой ленивой болтовни. «Богом» я не являлся, но собирался спасти её. Нет, не её... их всех. Ради Шерил. Ради Сибил. Ради Лизы...

Я открыл дверь. Длинная лестница вела вниз. И я начал спускаться. Спускался, спускался и спускался... Я чувствовал себя букашкой, ползущей по бесконечной веренице матчи. И ещё я слышал вокруг себя голоса, носящиеся в пустоте. Голос женщины и девочки, которой было тогда всего семь лет. Голоса прорезали толстую ткань времени, чтобы влиться в мои уши.

«Нет! Нет, я не хочу!..», - сквозь слёзы.

«Делай то, что говорит мама», - это Далия. Всё такая же, как и сейчас, две с половиной тысячи дней спустя.

«Нет... Я не хочу делать это!»

«Прекрати, Алесса. Ты же знаешь - то, что ты сделаешь, принесёт всем долгожданное счастье. И тебе в том числе».

«Но, мама... Я просто хочу быть с тобой. Только вдвоём... Пойми, прошу тебя, как ты не можешь понять...»

«О да, я поняла. Возможно, мама и в самом деле была права», - от ядовитого ехидства в голосе Далии я закрипел зубами.

«Мама?» - оживилась Алесса.

«И почему я раньше об этом не задумывалась? Ведь твоё согласие нам совсем не обязательно. Время пришло, нет причин ждать больше... Я могу сделать это сама».

«Мамочка!» - вопль нескрываемого ужаса. Кажется, Далия её куда-то тянет.

«Ма-а-ма!..» - и всё затихло вдали.

Звуки стихли, остался только лязг железных ступенек под ногами. Я шагал дни, ночи, года, прежде чем увидел далёкий свет. Свет рос, превратившись в пылающий факел. Я увидел знакомую круглую решетчатую арену, в центре которой темнела печать Самаэля. Но на этот раз здесь меня ждал не раздельноголовый монстр, а кое-что похуже.

- Далия Гиллеспи, - сказал я. Женщина, стоящая у инвалидной коляски, довольно кивнула:

- Верно. Я знала, что ты найдёшь сюда дорогу.

На инвалидной коляске лежал труп. Это был уже совершенно точно труп. Грудь не вздымалась, обожжённые руки не подрагивали, картонные веки были сомкнуты навека. Я не мог оторвать взгляд от жуткого зрелища. Она... умерла?

Но нет же. Вот она, Алесса. Покорно сидит на коленях перед коляской, понуриив голову. И отблески огня играют на её чёрных локонах.

Но кто тогда...

- Где Шерил?! – прокричал я. Хотел броситься к Далии и схватить ненавистную сумасшедшую за шею, но не смог двинуться с места. – Что ты с ней сделала?!!

- О ком ты говоришь? – деланно удивилась Далия. – Дай подумать... Ах да, Шерил. Думаю, она вернулась к той, от кого некогда отделилась. Разве не видишь? Она здесь, перед тобой.

И указала на Алессу. Я почувствовал, как у меня задрожала челюсть. ЭТО? ЭТО Шерил? Как такое возможно?!

Я опоздал...

- Это абсурд, - простонал я, и мир перед моими глазами угрожающе накренился.

- Ты единственный, кто так думает.

Нет, она не шутила... Далия... она что-то сотворила с моей девочкой. Что-то необратимое. Вдруг я подумал об убийстве. Это же так просто – сделать пару шагов, сжать кисти на дряблом горле и держать, держать, пока из тела не вылетит вся дурная жизнь. Как тогда Сибил душила меня. Я уже убил поневоле трёх... и ещё одна жизнь на моей совести ничего не значит. Пусть потом будет, что будет. Пусть меня посадят, пусть пестрят сенсационные заголовки («ПОПУЛЯРНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ТРИЛЛЕРОВ ОКАЗАЛСЯ ЖЕСТОКИМ УБИЙЦЕЙ»), хотя... Не посадят. Я всё равно не доживу до рассвета.

Но эта пара шагов стала для меня многокилометровой пропастью. Я только и смог сделать, что выкрикнуть ей в лицо, брызнув слюной:

- ПОЧЕМУ? Почему ты эта сделала?!

Далия ухмыльнулась, и это было самое страшное выражение на человеческом лице, что я когда-то видел.

- Это были долгие семь лет. Все семь лет Алесса была жива. Страдание души хуже смерти - она была заперта в вечном кошмаре, от которого никогда не проснётся. Но так и должно было быть... мы преднамеренно растили её в кошмаре. Без боли и страданий она не смогла бы выполнить своё предназначение.

Кем надо быть, чтобы спокойно вести такую речь, думал я. Кем? А вот как раз той, кто стояла передо мной – худой стареющей женщиной в серой шали, местной достопримечательностью Тихого Холма.

Алесса, которая сидела на коленях, не шевелилась. Кажется, она вообще не слышала нашего разговора. Алесса, лежащая на инвалидном кресле, не шевелилась тем более.

- Все эти годы, - говорила Далия, - все годы Алесса ждала Рождения. Наконец-то он пришёл. Время радоваться... Все будут освобождены от боли и страданий. Спасение уже близко.

Внезапно я почувствовал свободу в ногах. К телу вернулась удивительная лёгкость. Я снова мог двигаться, но пока Далия этого не замечала в горячке своей проповеди... Я незаметно придвинулся ближе, разжимая взмокшие ладони. Спасение уже близко, говорит она. Что ж, пусть так. Но она этого не увидит.

- ... день Суда. Всё наше горе будет смыто, мы вернёмся в истинный рай...

Происходило что-то странное. На арену налетел ветер, и пламя всколыхнулось. Я почувствовал, что воздух начинает быстро нагреваться. Во мне возрастало какое-то давящее ощущение, мешающее дышать... Но мне было наплевать. Я собирался довести до конца одно дело.

- ... и моя дочь станет Божьей матерью!

Далия резко вскинула руки вверх, к тёмному небу «обратной стороны».

И небо откликнулось на её жест.

Девушка, сидящая на коленях, внезапно взорвалась буйным молочным светом. Я увидел слепящие осколки, пролетающие сквозь моё тело, не причиняя ни малейшего вреда. Далия стояла по-прежнему, протянув руки к небу. А между тем я, вмиг забывший о том, что собирался совершить убийство, во все глаза смотрел на женщину, которая

появилась на месте прежней. Не уверен, что её можно было назвать Алессой... Это была Богоматерь.

- Что за чёрт? – прошептал я, и высокая женщина, излучающая ослепительный свет, улыбнулась. Она словно была вся соткана из миллиардов крохотных источников белого сияния. От Алессы у неё сохранилось лицо, повзрослевшее на многие года... и ничего больше. Её улыбка была одновременно завораживающей и пугающей. Женщина не шевелилась, просто стояла на месте, став живым факелом, и белоснежное газовое платье на ней колыхалось под ветром, который гулял по арене.

- Шерил? – неуверенно спросил я. Почему – не знаю до сих пор...

Вместо ответа я услышал сухой треск выстрела у себя за спиной. «Паф!»

Далия, окаменевшая стоя, вдруг пронзительно вскрикнула и повалилась на решетчатый пол. Богоматерь не сдвинулась с места, но я почувствовал накатившую из неё волну холода, которая накрыла меня с ног до головы.

«Вот так! – восторженно вскричал я в мыслях, глядя, как Далия корчится на полу. – Давай ещё один выстрел!».

Что-то пошло не так...

Я оглянулся. Человек в сером костюме стоял у края арены, держа в руках дымящийся пистолет. Костюм уже не был чистым и гладко отутюженным, как раньше – тут и там на нём темнели уродливые пятна. Но маниакальная аккуратность доктора Кофманна от этого ничуть не терялась. Он по-прежнему представлял собой образец собранности: чемоданчик в левой руке, лицо угрожающе насуплено, глаза смотрят спокойно и уверенно.

- Кофманн? – удивлённо спросил я.

Доктор проигнорировал меня. Он сделал шаг вперёд, не опуская ствол, направленный на Далию:

- Оставь всё, как есть.

Далия подняла голову. На её правом плече расплывалась кровь – доктор, похоже, намеренно метил не смертельно. Так или иначе, старая женщина была в сознании. Но полностью обездвижена. Она могла только с ненавистью смотреть на Кофманна, сиюсья подняться на корточки. Получалось, скажем прямо, плохо. Её лицо перекосила гримаса. Она всё поняла.

- Я не допущу этого, - холодно отрезал Кофманн, по-прежнему не обращая на меня никакого внимания. Палец плотно лежал на взведённом курке. – Меня никто не сможет использовать. Никогда. У тебя ничего не выйдет.

Далия хрипло рассмеялась, оставив свои потуги встать:

- Твоя роль сыграна. Ты больше не нужен. Вот ты стоишь здесь – и думаешь, можешь что-либо изменить? Ха! Уже поздно, дорогой, поздно!

- Хм, наглеем, да? – Кофманн криво усмехнулся. – Ты на самом деле так думаешь? Тогда почему бы тебе не посмотреть вот на это и немножко остыть?

Руки его сделали быстрое неуловимое движение. Я так и не понял, откуда появилась бутылка с красной жидкостью. Кажется, доктор извлёк её из кармана пиджака. А может, из рукава. Но я знал эту бутылку. Именно её я достал из бензобака мотоцикла в мотеле «Герби». Доктор её у меня отобрал, пригрозив смертью.

Я думал, что там наркотики. Но ошибался. Потому что никакие наркотики не заставили бы Далию Гиллеспи измениться в лице и отчаянно рвануться в сторону доктора, превозмогая боль в раздробленной ключице:

- Аглаофотис!.. Господи, я думала, что избавилась...

- Да неужели? – доктор явно упивался собственной сообразительностью. Но не забывал держать ползущую женщину на мушке. – Всё, что нужно было сделать, это оставить в легкодоступном месте маленькую порцию, чтобы ты нашла и успокоилась на этом. И тут – вуаля – и в самое нужное время появляется нетронутый запас. Неплохо, да? Ты такая простушка.

Он повернул голову и внимательно посмотрел на Богоматерь, по-прежнему покорно стоящую на месте и выслушивающую перипетию бывших союзников. Нет, всё-таки кое-что у неё сохранилось от Алессы, кроме внешности. Например, безнадежность.

Доктор в последний раз покачал головой и размахнулся бутылкой. Жидкость внутри сверкнула, как кровь.

- НЕТ!!! – закричала Далия замогильным голосом. – Остановись!

Но Кофманн не остановился. Бутылка выскользнула из его руки, описывая в воздухе грациозную кривую. Мне казалось, что хрупкая стекляшка повисла в воздухе навечно: так медленно она преодолевала свой путь, приближаясь к эпицентру неземного сияния. Но вот она долетела до Богоматери, которая и не пыталась увернуться... коснулась её груди... По поверхности стекла побежали чёрные трещины, и через них начала сочиться заветная жидкость. И едва первые капли упали на Богоматерь, я услышал её мучительный, душераздирающий крик.

Арена под ногами дрогнула. Мы все это почувствовали. Богоматерь упала; она билась на полу, и красные потёки аглаофотиса заливали её всю, проникая под кожу. Лицо женщины исказилось; крик, издаваемый ею, давно перешёл в надрывный звук сирен. Кричала и Далия – я различал её волчий вой даже сквозь крики Богоматери. Кричал Кофманн. Даже он в тот момент визжал, как резанный поросёнок. Наверное, кричал и я сам...

Сияние померкло. В глубине души я испытывал громадное облегчение. Той женщине, что валялась у стойки факела, теперь вряд ли подходило определение «Богоматерь». Никакого Бога. Никогда.

Едва успев так подумать, я увидел, как белая ткань платья у неё на спине медленно рвётся пополам, и на свет вылезают мохнатые когтистые лапы.

- Что за чертовщина? – недоумённо спросил Кофманн, отступая назад. – Почему это не сработало?..

Далия разразилась счастливым каркающим смехом. Она истекала кровью, лицо её синело от потери крови, но она дождалась. Дождалась желанного Рождения.

Лапы победно рвались вверх. Женщина пала лицом вниз; спина её развёрзлась, чтобы выпустить из чрева неведомого паразита, заселённого туда кровавым ритуалом семилетней давности. Они называли его Богом.

Но я видел, что никакой это не Бог. Впрочем, даже если это был Бог, то вполне закономерно... Этот кошмарный мир нуждался в таком же властителе, как и он сам.

Бог, Самаэль, демон, средоточие зла. Это был он. Окончательно освобождённое от брэнной плоти инкубатора, новорождённое существо замахало гигантскими перепончатыми крыльями и взвилось вверх, чтобы обозреть свои владения. Тело напоминало летучую мышь, но голова сильно смахивала на козлиную. Такая же пара длинных рогов и заострённый бородатый подбородок. Хотя... может, правильнее было сказать, «Богиня»? По крайней мере, я успел увидеть женские груди у чудовища, прежде чем оно не обрушило факел. В наступившей страшной темноте над нами зажглись красные огоньки злобных глаз.

Далия плакала и смеялась. Она никак не могла поверить своему счастью. Всё так, как она хотела. Бог родился. И никто не смог помешать – ни глупец писатель, ни хитрюга доктор. Она победила.

Что ж, пора было вкусить плоды ТАКОЙ победы. Я увидел, как зрачки красных глаз сместились к центру арены и остановились на старой женщине, стоящей на корточках и выкрикивающей слова молитвы. Зрачки посмотрели на неё и недобро расширились. В следующую секунду из пасти Бога полыхнула оранжевая молния, разветвлённая на десятки огненных бичей. И Далия оказалась в центре этого смертоносного дождя. Вспыхнула, как спичка. Ещё несколько секунд мы могли видеть, как человек танцует последний танец в вихре огня, и... Невероятно – она продолжала смеяться. Она всё равно была счастлива. Но следующий град молний обратил её в пыль, в Великое Ничто, и Далия

Гиллеспи, мать Богоматери, перестала существовать. Сие было высшей милостью рождённого Бога.

Крылья хлопали, и хлопали, и хлопали. В какой-то момент я поймал на себе взгляд Его глаз. Он отлично видел во тьме, изучал меня, как насекомое под лупой. Я увидел, как Он снова открыл пасть, и внутри между гнилыми зубами заплясали разноцветные ростки грядущей молнии.

- Шерил, - сказал я и шагнул к Нему. Глаза недовольно нахмурились, не выпуская меня из виду. Но пасть закрылась. Я сделал ещё шаг... Бог отпрянул назад.

«Уходи! - услышал я Его грозный рык в голове. – Я дарую тебе жизнь. Уходи!»

- Как бы не так, - процедил я и приблизился к Нему ещё на шаг. На этот раз Он не сдвинулся с места.

- Шерил...

Ему не нравилось, когда Его так называли. Но я обращался не к Нему. Я обращался к своей девочке, которую потерял навсегда.

- Я знаю, что ты в Нём...

«Уходи!». С пасти сорвалась мощная молния и ещё раз вгрызлась в прах Далии Гиллеспи. Последнее предупреждение. Но я не остановился.

- Шерил, я люблю тебя. Даже сейчас, когда эта уродина мешает нам видеть друг друга. Ты же меня сейчас слышишь, верно? Я прошу тебя, пожалуйста... Дай мне шанс. Дай папе шанс убить Его. Ради всех нас.

Ранее слова не находились в нужное время. Но сейчас было легко. Они сами слетали с губ и проникали прямо в мозг Бога раскалёнными спицами, пробуждая мою дочь, запертую там. Я подбирался к Богу. Красные глаза заволокло туманом.

- Шерил... Сделай это. Помогите мне. Прошу...

«Нет! – взревел Он и разинул необъятную пасть. – Тебе не одолеть меня! Нет никакой Шерил! Ты УМРЁШЬ!»

«Нет никакой Шерил!»

- Есть, - ровно сказал я. – Она есть.

И бросился с голыми руками на Бога. Потому что почувствовал ЕЁ присутствие. Шерил каким-то образом удалось подчинить себе Его... но ненадолго. Она была слишком слаба. Моя дочка.

Я схватил Бога за задние лапы и потянул к себе. Тощее тело было почти невесомо. Крылья судорожно забили по воздуху. Пасть ощерилась. Крохотная искра скользнула к моей кисти, и я почувствовал звенящий удар по всему телу.

«Ну же!..»

«Папа, давай!»

Я ударил Бога. Кулак упёрся о костлявую грудину. Следующий удар был сильнее, но ничем не повредил существо. Нужно добраться до головы... Мучительно медленно я вытягивал Его к себе. Улучив момент, когда правое крыло распласталось по земле, я крепко наступил на него ботинком. Так будет легче...

Ещё одна маленькая молния. Она угодила мне в лопатку. Взгляд рассыпался белой крупой, но я не выпустил Бога из рук. Не имел права. Это было наше дело с Шерил, и я не мог позволить в себе впустую израсходовать её усилия.

Вот она, козлиная голова! Я ухватил Бога за короткую шею. Красные, как угольки, глаза глядели на меня, изрыгая бездонную злобу и – да! – страх. Он боялся. Он боялся умереть. И я...

«Папа, я больше не могу!»

«Держись, Шерил...»

Я ударил Бога по голове. И ещё раз. Ничего не происходило. Он был неуязвим. По крайней мере, для меня. Я не мог ничего ему сделать.

- Не может быть, - хрипел я, стараясь выдавить Ему глаза. Но пальцы не дотягивались. Силы иссякали. У меня и у Шерил.

«Пап... Я не...»

Мышцы Бога под слизистой кожей налились силой. Они взбухали, твердели, превращая меня в бессильную букашку. Меня с силой швырнуло в сторону. Ещё паря в воздухе, я увидел, как Бог снова взлетел над ареной. Сильный, могущественный... бессмертный. Потом я ударился головой о колонну факела, которая лежала на полу, и потерял способность соображать.

Конец? Поражение? Теперь оставалась только милосердная молния, которая должна была наконец отправить меня в вечный покой, лишив боли и страданий. Я ждал.

«Вставай».

Молнии не было. Вместо этого я услышал, как Бог вдруг перестал хлопать крыльями. Он спускался обратно на арену. Что случилось?..

«Вставай, тебе сказали».

Хмурый голос молодой девушки. Не Шерил. Это говорила Алесса. В бой вступила третья сила. Самая могущественная.

Я поднялся на ноги, не обращая внимания на боль. Мне так сказали. Я должен был встать.

«Сделай это».

Бог дрожал на земле, как побитый щенок. Голова прижата к решетчатому полу, крылья вдавило так, что на их поверхности стали видны сетчатые узоры. Грозный владыка валялся под моими ногами, издавая тихое жалобное поскуливание. Пресмыкающееся...

«Надолго меня не хватит. Убей Его».

В голосе Алессы не было эмоций. Только голый бездушный приказ. Деланный.

И я, презренный трус, испугался. Я видел глаза Бога, налитые кровью, которые не предвещали мне ничего хорошего... и стоял на месте, чувствуя дрожь в коленках. Я не мог. Я боялся подойти к этой твари.

Правое крыло отлепилось от пола. Зашевелилось, затрепетало левое крыло. Рога дёрнулись вверх.

«Ну папочка!»

Шерил. Она тоже была здесь. И её голосок решил всё.

- Нет! – истерически закричал я и обрушил ботинок на козлиную голову с трясущейся бородкой. – Нет! Нет! Нет!

Я давил Бога, как слизняка. Поднимал и снова опускал ботинок. Он отчаянно пытался высвободиться, взлететь и напустить на меня свору молний-прислуг... но, заключённый в железные объятия Алессы и Шерил, был ни на что не способен. Я кричал и давил. Как во сне ощущал, что череп существа проломился и я вминаю в голову Его мозги. Подошва стала мокрой и липкой. Глаза, излучающие демонический красный отблеск, медленно потухли, и в них влилась пустота. Но я продолжал громко всхлипывать и давить мёртвое тело. Я не мог остановиться.

Наконец я закончил, и, тяжело дыша, осадил назад, дабы полюбоваться результатом своих трудов. Вонючее тощее тело мотылька-переростка. И ничего больше. Бог...

Когда я начал отворачиваться от поверженного противника, он вдруг вспыхнул белым огнём. Я закричал. Конечно, это не могло закончиться так просто. Это отвратительное существо было бессмертно, он явился в наш мир навеки, чтобы сеять смерть и разрушение. Я зря выдыхался, выпуская на решётку Его мозги. Он сейчас встанет и...

Но нет. Тело Бога просвечивало насквозь, а сам он лежал без признаков жизни. Я мог видеть кровеносные сосуды внутри него, которые опутывали всё - туловище, лапы и крылья. Свет рос, множился, он пожирал мёртвое тело. Я зажмурился, чтобы уберечь глаза от режущего сияния, а когда вновь поднял веки, уже не увидел Бога. Он ушёл туда, откуда пришёл. На его месте в самом центре знака, именуемого Печатью Самаэля, еле дышала женщина в длинном белом платье, запачканном кровью.

Богоматерь умирала. Это я понял сразу. Воздух со свистом вырывался из её лёгких, грудь медленно вздымалась и опадала. Но она была в сознании. Женщина смотрела на меня со странно умиротворённым лицом и сказала всего одно слово, от которого меня бросило в жар и холод:

- Папочка...

Так выглядела бы Шерил, доживи она до тридцати лет...

Женщина надрывно закашлялась, и капли крови упали на её подбородок. Видно было, что её так и тянет в вечное небытие, но она сопротивлялась. И протягивала мне руки, словно ждала помощи или...

... что-то давала.

В её руках я увидел запеленованного ребёнка, сотканного из частиц света. Секунду назад его не было.

Богоматерь давала ребёнка мне. Не вполне осознавая, что делаю, я опустился на корточки и взял крохотное тёплое существо. По моему лицу безостановочно текли слёзы. Ребёнок спал и сладко причмокивал губками.

Как только ребёнок перекочевал в мои руки, женщина испустила громкий вздох и наконец упала на холодный железный пол. Теперь она покоилась внутри кровавого треугольника, вписанного в круг.

«Это конец?»

Словно в ответ на мою мысль, с неба сорвался первый комок огня. Он прорезал извечную темноту неба и шлёпнулся рядом с моими ногами, раскидав вокруг золотистые искры. Решётка обуглилась и оплавилась.

И началось. Огненный дождь с нарастающей силой обрушился на арену, превращая её в дырявое сито. Огни низвергались с невообразимой высоты, как бичи божии, ниспосланные, чтобы уничтожить этот мир кошмара. Но, странное дело, они не попадали ни в меня, ни в Богоматерь, ни в Кофманна, который стонал где-то позади. Они уничтожали мир, но не тех, кто в нём находился.

Последним жестом женщина, которая когда-то была Алессой и Шерил, указала куда-то направо, и там над горизонтом тотчас вспыхнул синий огонь. Как звезда Вифлеема, указующая путь. Женщина слабо повела головой в сторону огня, повелевая мне идти туда. И закрыла глаза. Я увидел, как тело стало прозрачным и сквозь него можно видеть языки пламени, которые полыхали внизу, под решёткой арены.

Я опустил взгляд на малыша, которого держал в руках. Пальцы дрожали так, что я мог выпустить его из рук.

«Кто... кто это?»

- Шерил, - прошептал я, и с верхней губы на язык закапала солоноватая вода. Удары огня становились сильнее, ливень пламени безнадежно растирал мир Алессы в ничто. Я лихорадочно повернулся, увидел в темноте сияющую по-прежнему синюю звезду, и побежал.

За спиной дурным голосом завопил Кофманн. Я почти достиг края арены, но не мог не обернуться. Может, подумал я, ему нужна помощь...

Помощь доктору была не нужна. Помощь уже запоздала. Град огней мешал видеть, но я увидел, как за спиной у доктора кто-то стоит... стоит и тянет его в чёрный провал на решётке. Кофманн с выпученными глазами размахивал руками, пытаясь высвободиться из цепких объятий; рукав костюма разошёлся по шву, обнажая льняную сорочку. Но он уже проиграл; через секунду они вдвоём стояли у самого обрыва, и ровно в тот момент, когда Кофманн перешёл на чистый ультразвук, его захватчик оглянулся и посмотрел на меня. И я закричал тоже, узнав лицо этой девушки, облачённой в порванную окровавленную форму медсестры. Узнал её роскошные рыжие волосы, её лицо... и не узнал её неживые глаза. Рядом со мной упала пышущая огнём градина, лишив меня возможности видеть, что было дальше... а когда она потухла, Кофманна и Лизы уже не было. Над обрывом клубился только зеленоватый дым плавящегося железа. Может быть, достопочтенный

врач из госпиталя Алчемиллы заслуживал лучшего... а может, и худшего. Я не стал над этим раздумывать.

Шли последние секунды мира Алессы, и я должен был выбраться, прежде чем он падёт, лишившись хозяйки. Я нырнул сквозь вершившийся вокруг апокалипсис, держа курс на свет далёкой звезды. Арена уже давно кончилась, ноги мои опирались на звенящую пустоту. Я бежал, прижав ребёнка к груди. Он не просыпался, не плакал... Продолжал тихо-мирно спать, не замечая того, что творилось.

Потом ноги мои увязли в тинистой пустоте. Я почувствовал, как жижа вакуума быстро поднимается вверх, доходит до груди, до шеи, заливая рот и нос. Попытался закричать, но не смог. Пустота сомкнулась над моей головой, я стал её частью. Последняя мысль в голове оборвалась, не закончившись: «Как всё просто...».

Всё кончилось.

Я открыл глаза и сразу ощутил на лице жгучий холод. Пока я лежал без сознания, снег успел покрыть моё лицо, превратив меня в снеговика. Я видел, как кружат снежинки на матово-сером небе, описывая круг за кругом - безмятежно и любовно. Словно стая птиц, вернувшаяся в родные края...

Даже лёжа без сознания, я по-прежнему прижимал к груди ребёнка, завернутого в пелёнку. Ребёнок спал. Он не просыпался всё это время... Снежинки на его горячей щеке таяли, чуть касаясь розовых ямочек. Я протёр лицо и с кряхтением поднялся на ноги.

«Где я?»

Ответ был рядом, над моей головой. Я валялся на тротуаре у пустынного перекрёстка, и зелёная табличка на ближайшем столбе возвещала: «ЛИНДСЕЙ-СТРИТ». Я едва различил белые буквы, сливающиеся с туманом.

Нужно было идти...

Я медленно побрёл по улице, бережно укачивая ребёнка. Дома по обе стороны улицы были грязными и покинутыми. Газон на лужайках лёг под первой атакой зимы. Я шёл мимо них, пока жидкий ряд строений не кончился и я не увидел потрёпанный металлический щит у дороги.

«Вы покидаете Тихий Холм, лучший город Новой Англии. Возвращайтесь ещё – мы будем рады!»

Один из гвоздей, держащих щит, вывалился, поэтому он свесился набок. Под надписью была изображена свора счастливых детишек, резвящихся на карусели. Белые лошадки пронзительно ржали с неизменно радостными мордашками. А над ними сияло солнце, ярко-жёлтое и с нарисованной доброй улыбкой.

И тогда я заплакал.

Я покидал Тихий Холм. Туман редел, открывая взору те же серые поляны, что я видел, въезжая в этот проклятый городок. Вдоль шоссе гудели провода линий электропередач. Энергоснабжение восстановилось, но этим холодным утром в здешних краях ни одной машины не было. Я был один, и я уходил. Усталый, грязный и раненый, с чужим ребёнком на руках, потерявший последнюю любовь и надежду. Иногда мне хотелось просто лечь посреди дороги и любоваться снегопадом, пока он не примет меня к себе... но потом я слышал мерное сопение малыша в руках и прибавлял шаг. Я уходил.

Над Тихим Холмом шёл снег. Кажется, это было единственное светлое и добродетельное, что я видел в городе. И я надеялся, что никогда больше не увижу эти жуткие места. Но – ошибался, как всегда. Тихий Холм остался со мной навечно. Я чувствовал его незримое присутствие все последующие годы. Каждый день. Всегда. Везде...

Номер был грязным и зачуханным, как все номера дешёвых мотелей. Но у меня просто не было времени и сил привередничать. Я остановился в первой же гостинице, которую смог найти.

Город назывался Брамс. Сибил говорила, что она живёт здесь. Обычный такой город с истинно мэньским колоритом. Меня подвёз один добрый человек, машину которого я поймал на шоссе в десяти милях от Тихого Холма. Он не стал расспрашивать у меня подробностей того, что случилось. Просто мельком взглянул на младенца, который к тому времени проснулся и изучал меня, посасывая большой палец. Чуть дальше водитель смотрел на меня самого. Глядел на мой наряд, который после всего, что случилось, выглядел, мягко говоря, непрезентабельно. Да плюс бинт на левой руке... Но уж на это мне, как говорится, было наплевать с высокой колокольни.

Брамс потряс меня беспрестанной вознёй и рокотом автомобилей. Поразительно – за прошедшие сутки я уже успел забыть всё это, привык к гулкой тишине туманных улиц. Я спотыкался на каждом шагу, задевал прохожих, бормотал невнятные слова извинений и нервно оглядывался, доходя до угла. Никак не мог отделаться от мысли, что вот-вот из ближайшей аллеи выскочит какой-нибудь «попрыгунчик» или взлохмаченная собака со слюной, истекающей из пасти.

Крепко заперев дверь номера, я отнёс ребёнка на кровать. На тумбочке горела настольная лампа, и его красный абажур окрашивал стены в багровый цвет. Этажом ниже в номере громыхал военный фильм. Звуки канонады просачивались в мою комнату. Уложив младенца, я опустил шторы на окнах, не оставив ни малейшей щели. Я боялся.

Она спала. Девочка (перепеленовывавая спящего младенца, я понял, что это девочка), появившаяся из ниоткуда взамен отобранной у меня Шерил. Которая, в свою очередь, тоже когда-то появилась из ниоткуда. Было что-то зловещее и угрожающее в этом круговороте... Она почти не выпила молоко, которое я взял в гостиничном баре. Я заплакал в который раз, сидя на мягком одеяле с вышитыми ромбиками и поглаживая её крохотное личико. Слёзы не засыхали. Их горечь разгоралась всё больше, накачивая меня болью.

Часы ушли далеко за полночь, когда я смог впасть в тяжёлое беспамятство, отравленное кошмарами. В них я вернулся в Тихий Холм. Спал плохо, и следующим утром с потрескавшегося зеркала на меня смотрело пепельное лицо человека, восставшего из гроба. Спустившись вниз, я увидел в киоске свежий номер местной газеты. На четвёртой полосе была тревожная заметка о полицейском офицере Сибил Беннет, которая не вернулась с командировки в Тихий Холм.

Этим же вечером я был в Портленде. Дома...

Здесь ничего не изменилось. Квартира осталась такой, какой она была пару дней назад – всего лишь пара дней, но безмятежные дни тихого счастья были утеряны без права возврата. На стенах висели наши фото. Я и Шерил на рыбалке. Я и Шерил на её первом дне в школе. Я и Шерил, и Джоанна... Она сидела на коленях у матери и, смеясь, указывала пальцем прямо в объектив. Джоанна тоже смеялась, но коса смерти, зависшая над ней, уже оставила отпечаток на облике. И я сам. Собранный, моложе на сто лет, с болью в глазах. Кажется, так суждено, чтобы эта боль преследовала меня всю жизнь...

Младенец зашевелился, заплакал. Я посмотрел на неё.

- Это наш дом, - сказал я. – Наш дом. Мы дома... Шерил.

Потом был первый вечер моей новой жизни. Как во сне, я подошёл к своему рабочему столу и сел на своё кресло. «Ундервуд» молчал, белые листы были беспорядочно раскиданы по столу. Я открыл ящик, зная, что увижу кипу исписанных листов. «Бриз в черно-белой ночи». Последний роман Гарольда Мейсона. Той ночью я скомкал все листы со сладостным наслаждением и выбросил в корзину. Через бумагу

перестали просвечивать иные миры. Дверь между измерениями закрылась. Я больше не был в силах день за днём в поте лица строить грядущие иллюзии.

По крайней мере, пока.

Когда последняя страница романа юркнула в мусорку, я некоторое время сидел и смотрел отсутствующим взглядом на лампу. Думал, не выкинуть ли служивший верой и правдой «Ундервуд» в окно, но так и не решился. Вместо этого я тихонько пробрался в спальню проведать ребёнка. Она спала. Удивительно тихая и покладистая, не то что шалуныя Шерил...

«Ты не Шерил». Я до хруста сжал руки в кулак и вышел из спальни. В горле пересохло. Я открыл холодильник, но из того, что можно выпить, там было только виски, когда-то подаренное мне друзьями на день рождения. Я так и не приложился к бутылке... Виски плескалось внутри стекла золотистыми волнами, обещая дать так необходимое мне облегчение.

В тот вечер объёмная бутылка опустела. Но я не пьянел, нет. Просто сидел и медленно опустошал стакан за стаканом. Когда в комнате заплакал ребёнок, я пошёл пеленать, и руки у меня не дрожали.

Я назвал её Шерил. Хотя знал, что это не так. Но для меня она всё равно оставалась Шерил.

Было тяжело, особенно в первые годы. Я медленно, но верно погружался в пучину алкоголизма, и в пьяном угаре боль притуплялась. Тем не менее, я не позволял пьянству брать верх над заботой о Шерил. Сколько бы я в себя ни влил, едва заслышав её голосок, я шёл к ней. Она смотрела на меня как-то странно крохотными глазками, и я чувствовал, как мои щёки становятся пунцовыми от стыда. Но я не мог не пить. Никогда в себе в этом не признавался, но была ещё одна страшная причина, по которой я старался топить свой разум в хмели...

Где-то на третьем месяце новой жизни, когда я немного свыкся со своей судьбой, однажды вечером я сидел и читал какую-то книгу. Я был трезв, в тот вечер не брал в рот ни капли. Глаза скользили со строки на строку, губы беззвучно шевелились, но слова до меня не доходили. Я был далёк от мира, создаваемого страницами книги. Одному Богу известно, о чём я думал...

Потом опять заплакала Шерил. Она проснулась, подумал я. Нужно дать ей молока, и она тотчас успокоится. Взяв бутылку с соской, предусмотрительно погружённую в тёплую воду, я поплёлся в спальню.

- Не плачь, дорогая, - мягко сказал я. Шерил затихла.

- Вот у нас есть молочко...

Так Джоанна говорила каждый раз, когда кормила Шерил. *Прежнюю* Шерил. Я улыбнулся и склонился над кроваткой с висящими над ней побрякушками.

... и рука моя легла на тонкую шейку ребёнка.

- Не бойся, - шептал я; взгляд мой остекленел. – Папа ничего тебе не сделает... Папа всё устроит...

И давил рукой всё сильнее на её шею. Ещё не настолько сильно, чтобы ей стало больно, но уже ощутимо. Шерил шевельнулась.

- Всё хорошо, - сказал я тем же мягким тоном. Бутылка в другой руке накренилась, молоко капнуло из бутылки на тыльную сторону ладони правой руки. Хотя оно было только чуть тёплым, я отдернул руку, как от раскалённого огня. Шерил причмокала губками, показывая, что пора пиршествовать.

«Господи, - потрясённо подумал я, чувствуя, как меня мутит, - что я... что я собираюсь сделать?»

- Ничего, - ответил я самому себе и взял ребёнка на руки. И стал кормить. Насытившись, она уснула. Тогда я снова напился. Знаете, когда ты пьяный, тёмным порывам души сложно прорываться сквозь дурманящие пары.

Я чувствую, что пора заканчивать. Больше я не могу писать; я и так написал больше, чем надо. Нужно отложить эту затянувшуюся книгу и думать, что с ней делать дальше.

Но я должен рассказать ещё об одном. О ноябрьском вечере девятилетней давности. Тогда Шерил исполнилось пять лет, а я украдкой подумывал о том, чтобы вновь взяться за старое ремесло. Плохие сны ещё посещали меня, но не такие яркие, как в первые годы. Никсона с позором свергли, Америка была потрясена. Я пил уже меньше, да и то только по выходным. Шерил это не очень нравилось, поэтому я уменьшал дозу, намереваясь со временем свести её к нулю.

Ноябрь ознаменовался внезапными холодами и коростой инея на ещё живых ветках. Совсем как снег в Тихом Холме. В понедельник последней декады Шерил сказала мне, чтобы я пришёл за ней в садик немного позже, чем обычно, так как у них какие-то дополнительные занятия. Я приготовил ужин (с некоторых пор пристрастился к кулинарии) и смотрел какое-то игровое шоу, пока короткая стрелка часов не доползла до шести. Потом я вышел из квартиры и запер её на ключ. Свет в подъезде почему-то не горел, хотя обычно тут всё заливала мощная лампа у входа. Я подумал, что надо бы пожаловаться управляющему, и быстро пошёл к выходу - намеревался вернуться, пока еда не остыла совсем. А ещё попутно мучился сомнениями – стоит ли вечером попробовать сесть за печатную машинку. Ежедневная пытка.

Свет с обратной стороны двери выхода тоже не горел. Я нахмурился, но ничего особо такого не предчувствовал. Взбежал вниз по ступенькам, вращая в руке ключ от машины. Вокруг уже стало темно, из-за этого пустая улица казалась уголком вымершего города. Я очень не любил такие пейзажи с тех пор, как побывал в Тихом Холме. Внутри шевельнулось что-то холодное и неприятное. Я насвистывал под носом мелодию, игнорируя непонятный тревожный сигнал разума. Это всё нервы. Пора бы уже прийти в себя, как-никак, прошло пять лет. И снова начать писать. Тебе НУЖНО начать писать, когда-то это было твоим всем, открывать для себя новые миры...

Навстречу мне по тротуару шёл человек, закутанный в тёмный плащ. Его лица не было видно в сумерках, но я обрадовался тому, что хоть кто-то появился в поле моего зрения. Я должен был свернуть на повороте к гаражу, и как раз на перекрёстке мы сошлись с прохожим. Коренастый мужчина в нелепом для этого сезона одеянии исподлобья посмотрел на меня и зашагал дальше. По всем правилам я должен был в тот момент пойти по боковой дороге, оказавшись спиной к незнакомцу. Но в последний момент что-то заставило меня оглянуться, какое-то смутное чувство опасности. Это спасло мне жизнь.

Я увидел, как в темноте сверкнуло металлическое лезвие. Разум ещё не вполне понимал, что происходит, но подсознание поняло это давно - ещё тогда, когда я увидел неработающую лампу. Я вскрикнул и попятился назад. Мужчина понял, что его затея провалилась; глаза зло заблестели, и он сделал шаг вперёд, сжав в ладони короткий клинок с резной рукояткой. От неожиданности и страха я потерял дар речи; целую минуту мы так и шли, глядя друг другу в глаза; он медленно наступал, а я сдавал назад. Никто из нас не решался первым перейти к активным действиям. Кажется, он тоже боялся меня... иначе не стал бы пытаться нападать скрыто. Когда до конца проулка осталось всего несколько шагов, он решился. Я увидел, как напряглись его пальцы, держащие клинок, как он подался назад всем телом, готовясь к рывку. И неожиданно для самого себя заорал:

- Помогите! Убивают!

Он молниеносно набросился на меня, но я был начеку; скользнул в сторону, чтобы попытаться прорваться обратно на улицу. Но мой противник в последнюю секунду извернулся вправо, в мою сторону, и выбросил руку вперёд. Лезвие снова недобро сверкнуло, держа путь к моим глазам. Но, слава Богу, я ухватил руку с клинком, когда кончик был от моего лица на расстоянии ладони. Почувствовав шершавое запястье в своей руке, я резко дёрнул его к себе, пытаясь выбить оружие. Не тут-то было: безумец

навалился на меня всем грузным телом, пытаюсь сбить с ног. Но даже когда земля грозила уйти из-под ног, я не отпускал его запястье, потому что отлично понимал: стоит мне это сделать, как я тут же получу смертельный удар. Он боролся в полном молчании, я слышал только его тяжёлое дыхание. Я мог бы закричать ещё, но кто бы меня услышал?.. Не успел я так подумать, как противник внезапно схватил свободной рукой меня за отворот куртки и упал навзничь, увлекая за собой. Я не успел среагировать – потерял равновесие и рухнул на асфальт, прямо на своего обидчика. Краем глаза заметил, как из-за угла появилось несколько человеческих фигур, и снова отчаянно закричал:

- На помощь!

Люди остановились, зашушукали. «Скорее, скорее же!». Я мысленно проклинал их за медлительность, с усилием вдавливая вниз запястье с ножом. Противник смотрел мне прямо в глаза неестественно спокойным взглядом и медленно, но верно выпрямлял руку, поднося сверкающий острый кончик к моему горлу.левой рукой он по-прежнему держал меня за куртку, не давая выскользнуть и убежать. Но это я и не пытался сделать. Всё равно не успел бы подняться на ноги – пал бы, сражённый лезвием. Поэтому мне оставалось только сопротивляться. Так мы и лежали, и со стороны, наверное, могло показаться, что на бетоне лежит пьяная парочка.

Но силы таяли. Мой противник был силён. Я чувствовал, как под его одеждой ходуном ходят мощные мышцы. А я всегда был хилым и нетренированным. Без постороннего вмешательства исход поединка казался predetermined. Поэтому я то и дело косил глаза в сторону людей на улице. В кои-то веки они поняли, что нужно помогать: я увидел, как они побежали в нашу сторону. Продержаться... только продержаться до их прихода...

Но они опоздали. Всё кончилось без них.

Лезвие задрожало в миллиметре от моей шеи и упёрлось мне в адамово яблоко. Сталь щекотала горло, незаметными толчками проникая глубже. На плащ моего противника закапала кровь. МОЯ кровь.

- Да помогите же... – прохрипел я и сделал последний рывок, вывернув запястье изо всех сил. Клинок ушёл в сторону, глубоко пробороздив моё горло. След остался на шее навсегда. Я взвыл от боли и усилил напор вдвое. Катастрофический перелом в ходе противостояния: перекошенное от боли лицо нападающего, его глухой стон и клинок, мягко свалившийся на подкладку его плаща. Кажется, я вывернул ему сустав, и на некоторое время он не был в состоянии оказывать сопротивление. Я видел клинок, выпавший из его рук. Цель для меня была вполне ясна: завладеть оружием.

Рукоятка легла в руку легко и удобно. Это был настоящий боевой клинок, предназначенный для убийства. Увидев в моих руках заветное оружие, противник заворочался. Толстые кривые пальцы проворно протянулись к моему горлу и цепко ухватили за шею, сомкнувшись в мгновенной железной хватке. Горло взорвалось огнём. Я вновь почувствовал, как жизнь начинает вытекать из тела через раздавленное горло. Совсем как тогда, в парке развлечений.

- Нет... – выдохнул я, пытаюсь освободиться. Рука с клинком качнулась вверх.

Сибил торжественно улыбалась. Светлые волосы её, ранее аккуратно уложенные, заметно растрепались; я увидел на них брызги крови.

- ... отпусти его... слышишь...

Где-то далеко встревоженные голоса людей. Слишком далеко. Я снова был один. И рассчитывать было не на кого.

Я его убил.

В тот холодный вечер ноября на асфальте должно было остаться моё тело. С воткнутым в спину клинком, лежащее в луже собственной крови, с глазами, уставившимися в ночное зимнее небо. Но вышло иначе. Моё место занял несостоявшийся убийца. Я же стоял на коленях, пытаюсь отдышаться, и слышал, как что-то кричат подбежавшие люди.

А в двух шагах от меня лежал остывающий труп. На левой стороне груди торчал клинок. На рукоятку клинка был нанесён странный символ, вырезанный на красном дереве. Двойной круг, в который были вписаны три круга меньшего размера. Я тогда ещё этого не знал. Моё обратили внимание на это обратили позже, перед судом.

Суд прошёл быстро. Я сидел на скамье подсудимого. Адвокат, нанятый мною, долго и увлечённо вёл речь о чрезвычайных условиях, о достаточности мотивации и оправдывающих обстоятельствах. В конце концов, он потребовал немедленно освободить меня в связи с тем, что я всего лишь защищал свою жизнь. В свою очередь прокурор выступил с короткой невнятной речью, из которого я мало что запомнил. Подозреваю, что все мало что запомнили. Суд совещался не более десяти минут и вынес короткое постановление. Признать Гарольда Мейсона невиновным и освободить его в зале суда.

- Я был в этом уверен, - сказал адвокат мне чуть позже, стоя у фасада здания суда. Я кивнул и поблагодарил его за выполненную работу. Когда он на прощание помахал мне рукой и зашёл в свой красный «шевроле», я развернулся и пошёл домой. Зима в Мэне в этом году запоздала, и надо мною было хмурое небо, от которого веяло ледяными порывами ветра.

Вот и всё. Правосудие...

Я до сих пор не знаю, кто он был, человек в плаще. И никто не знает. При нём не было никаких документов, а полицейский поиск по базе отпечатков пальцев ничего не дал. За телом никто не явился, никто не опознал. Словно этого человека и вовсе не было. Единственное, что могло навести на какой-нибудь след – странный клинок. Но и эта нить была оборвана. «Он похож на ритуальный, - сказали эксперты, - но знак, изображённый на нём, совершенно бессмысленный». Я бы не сказал, что это такой бессмысленный знак... потому что пять лет назад мне довелось увидеть его. Увидеть на двери «другой церкви», куда собирались последователи «другой веры», сжигающие заживо семилетних девочек и выносящие в её чреве своего Бога. Но, конечно, я промолчал. И миссионер культа Тихого Холма остался в полицейских хрониках Портленда безымянным Джоном Доу.

Впереди мне предстоял хлопотливый год.

Люди иногда исчезают. Чаще, чем кажется. И никто не замечает, что их уже нет. Никто не удивляется – словно так и должно было быть. Не возбуждаются уголовные дела, не льются слёзы горечи и потери. Просто никому нет дела. Одним-двумя людьми больше или меньше, в нашем мире ничего не значит.

Также никто не удивился, когда той зимой с лица земли исчез деградировавший писатель Гарольд Мейсон со своей пятилетней дочкой по имени Шерил. Они дезинтегрировались. Их не стало.

Утром следующего дня после загадочного исчезновения в массачусетский городок Эшфилд приехал новый человек. У него не было ничего общего с тем Гарри Мейсоном, который проживал в Портленде. Это был другой человек. Общими между этими двумя, пожалуй, были только две вещи – имя (его тоже звали Гарри – странное совпадение) и дочь. Но дочь портлендского Гарри носила имя Шерил, и у неё были чёрные волосы. Этот Гарри же вышел из салона автомобиля вместе с худенькой девочкой с короткими светлыми локонами. Девочка прижималась к отцу и боязливо разглядывала большой дом, который стоял перед ними. Гарри вынул из кармана брелок с ключами. На брелке была гравировка: «КВАРТИРА 102, ВИЛЛА ДЕЙЗИ, ЭШФИЛД, ШТАТ МАССАЧУСЕТС». Он мягко потрёл дочку по голове и спросил:

- Тебе нравится, Хизер?

Девочка молчала.

- Мы будем здесь жить, - сказал новый Гарри, почему-то отворачивая лицо от девочки.

Так нас не стало. С тех пор прошло девять лет.

Время заканчивать. Я сказал всё, что хотел. Когда я начинал писать эту книгу, за окном тоскливо завывал ветер. Сегодня он молчит, зато идёт тихий дождь, смывающий с мира накопившуюся грязь. Хизер не любит дождь... наверное, сейчас лежит и смотрит в потолок, задёрнув все шторы. А я по-прежнему сижу за столиком и делаю вид, что пишу очередной роман. Эта привычка въелась под мою кожу навечно. Правда, теперь приходится придумывать себе псевдонимы. Имя Гарольда Мейсона, автора «Невинной луны», давно забыто читателями и издателями. Может, пара книг валяется где-то в Калифорнии в личной коллекции сумасшедшего библиофила...

Как же тихо в доме... Мне не нравится, когда в четырёх стенах нависает гробовая тишина. Обычно у нас постоянно включён телевизор на минимальной громкости, но сегодня он отсоединён от розетки. И тишина вновь начинает уносить меня на гребне невеселых мыслей.

Тихий Холм... Я чувствую, что этот город ищет нас. Но мне страшно до холодного пота не только и не столько из-за этого. Я часто задавался мыслями, ПОЧЕМУ тень Тихого Холма преследует нас по пятам. Тот член культа, который пытался меня убить... Почему он это делал? Что им нужно от меня? Что им нужно от НАС?

К своему несчастью, я догадываюсь. Я догадываюсь, почему культ Тихого Холма до сих пор рыщет по всей стране в поисках пропавшего писателя и её дочери. Дело не во мне. Дело в ней. В ребёнке, появившемся из ниоткуда, который был соткан из сияния Богоматери. В моей дочке. Расправившись сначала со мной, культ должен был взяться за неё. Но затея провалилась в самом начале.

Я боюсь верить этому. Я предпочитаю каждый раз обрывать свои мысли и убеждать себя – ничего нет. То, что было давно, теперь сокрыто за ледяными тучами времени и кануло в Лету. Утонуло в тинистой пучине прошлого, откуда ему уже не выбраться.

Но такими вечерами – когда я слышу только биение собственного сердца вкупе с мерным стуком клавиш пишущей машинки, – сомнения накатывают на меня волнами, болезненно слизывая песчаный берег. И на меня на короткое время находит понимание. Страшное понимание. Понимание того, что я могу хоть тысячу раз менять место жительства, менять имена, менять цвет волос дочке... что всё это напрасно. Тихий Холм идёт за нами и неотвратимо приближается с каждой секундой. Я могу своими нелепыми мерами предосторожности лишь ненадолго оттянуть время... но однажды мы услышим за спиной его шумное дыхание, отдающее гнилью и седыми годами. И обернувшись, мы увидим его ужасный лик и даже не сможем закричать, потому что он схватит нас за горло и прижмёт к стене, выдохнув прямо в лицо всё то, от чего мы убегали все эти годы.

Часть третья

БОГ ТИХОГО ХОЛМА

Глава 1

Потом, когда безумие, погружённое в колыхающийся красный туман, кончилось и все ушли, Хизер осталась одна.

Одна.

Она подошла к висящей на стене фотографии. Почти новая – они с отцом снимались всего год назад. Оба улыбаются в объектив. Счастливы в стенах своего убежища, и жизнь их спокойна и размеренна.

Хизер подумала, не снять ли фотографию со стены. Она не могла смотреть на прежнюю жизнь сейчас, когда отец лежал за стеной, холодный и бездыханный. Но не

стала трогать, потому что собиралась уйти из дома, которого ещё утром считала своим приютом навека. Уйти и... не возвращаться.

А разве не так? Разве может она хотя бы день прожить в стенах, которые некогда хранили и оберегали их обоих? Разве может каждосекундно видеть все такие милые и знакомые вещи, полные счастливых воспоминаний? Разве может она продолжать жить здесь, когда всё кругом напоминает, шепчет, кричит ей о прежних годах?

Нет, подумала Хизер. Она не может. И эти безмятежные стены, на которых отливает свет от торшера, скоро будут не её. Если только она переживёт эту ночь и утром солнце будет с ней, она уйдёт отсюда. Квартира сто два в вилле Дейзи стала для Хизер чужой. Когда отец перестал дышать и его дух, пропитавший это место любовью и заботой, исчез, квартира слилась с большим враждебным миром.

Но это будет потом, а пока... Пока дорога ей одна. И пролегает она в лесной городок Тихий Холм, откуда отец безуспешно пытался убежать все эти годы.

Хизер устало подошла к окну и оперлась лбом о гладкую поверхность. Чёрное стекло. За ним лестница, которая кажется поднимающейся прямо в небо. А за ней – город. Ночной Эшфилд с безлюдными улицами. Хизер знала, что у подъездных дверей стоит автомобиль, выпускающий из выхлопной трубы кольца сизого дыма. За рулём сидит мужчина в заляпанном грязью коричневом плаще и терпеливо ждёт, положив голову на баранку. У него ещё было время отдохнуть, пока Хизер прощалась.

Собирался дождь. Хизер не помнила, были ли на небе тучи, когда она заходила в дом, но теперь было ясно – ливня не миновать. На кроны деревьев уже налетел тёплый ветер – предвестник дождя.

Пойдёт дождь, грустно подумала Хизер, глядя в темноту. Утром все проснутся, увидят, что ночью город омыло... и никто не узнает, что произошло за эту ночь со мной и отцом.

Глупая мысль щипала сердце. Хизер вспомнила, как рыдала у ног отца в полубессознательном состоянии, и время казалось застывшим навсегда. Всё вокруг было залито противной красной лакировкой, и капли крови на полу, ведущие к окну, терялись на этом фоне. Но когда столетия спустя Хизер увидела эти следы и к ней вернулось умение мыслить, она отреагировала мгновенно, не теряя ни секунды. Схватив катану, которая без дела валялась под рукой, она вскочила на ноги и стремглав бросилась на балкон. Лестница вела только вверх, только на крышу здания. Убийца мог за это время сто раз спуститься по главной лестнице и скрыться во мгле, но Хизер почему-то чувствовала: он там, наверху. Чувство превратилось в уверенность, когда она выбралась на крышу и увидела одинокую женскую фигуру у края парапета. Услышав шаги Хизер, женщина обернулась. Хизер поперхнулась, увидев ненавистное крысopodobное лицо. Клаудия спокойно смотрела на неё, заглядывая в глаза. Внизу шумел ветер.

- Это ты сделала?! – пронзительно закричала Хизер, и слёзы непроизвольно брызнули из глаз. – Ты?

Клаудия кивнула:

- Ты опоздала.

- Но зачем? *Зачем?!!*

Хизер до боли сжала рукоятку катаны. Клаудия видела грозное оружие в руке девушки, но не обращала никакого внимания – в отличие от Винсента, который всё время почтительно косил глаза на лезвие.

- Это месть за дело семнадцатилетней давности, - ответила она. Медно-рыжие волосы чуть шевелились под дуновением воздуха. – Если бы не этот человек, наша мечта воплотилась бы в жизнь уже тогда. И ещё... он забрал у нас тебя.

Да, подумала Хизер. Грудь заклокотала от ярости. Да, он забрал. И теперь вы получите меня обратно. Получите сполна.

- Ты заплатишь за это.

Хизер стала наступать на Клаудию, поднимая лезвие катаны. Клаудии некуда было убежать - за спиной находился только чёрный обрыв да узкая полоса бетона. Но она и не пыталась делать это; спокойно продолжала, словно не замечая приближающуюся Хизер:

- Есть другая причина, если ты хочешь знать, - наполнить твоё сердце ненавистью. Поверь мне, так должно быть. Когда-нибудь ты и сама поймёшь.

- Нет! – Хизер снова сорвалась на отчаянный визг, заглушаемый ватной тьмой. – Я никогда не пойму, слышишь – *никогда!*

Кончик лезвия нацелился на Клаудию. Женщина в чёрном балахоне даже сейчас не предприняла никакой попытки защитить себя от обезумевшей девушки. Воздев руки к небу, она вещала:

- Просто постарайся вспомнить меня и свою истинную сущность. Попробуй, у тебя получится. Ты родишь Бога и подаришь нам вечный Рай.

Вместо ответа Хизер вобрала в грудь воздуха. Она готовилась к решающему – первому и последнему – удару. *Оказывается, убить человека так легко*, отрешённо думала она, уже представляя Клаудию, скрючившуюся на крыше в собственной крови. Ещё вчера она была на все сто убеждена, что люди, способные на убийство – настоящие монстры. Но если этот человек убил твоего отца, то взгляды на проблему способны поменяться...

Вися на волоске от гибели, Клаудия наконец позволила себе чуть нахмуриться:

- И что, убьёшь меня?

Хизер сжала губы и размахнулась. *Да. Убью.*

Но катана замерла в воздухе, когда из-за спины раздался булькающий рык, словно вырвавшийся из горла дракона. Сказочного дракона, который одним дыханием убил добрую волшебницу.

Хизер резко обернулась. Чудовище – невероятно вспухшее человеческое тело с пупырчатой головой, которая напоминала разворошенный пчелиный улей – появилось из темноты, издавая глухое рычание. В руке оно держало длинную острую пику. Хизер обомлела, глядя на бегающие свинячьи глаза существа и мускулистое тело, с головы до ног покрытое липкой слизью.

- Это он убил твоего отца, - сказала Клаудия позади неё. - Я лишь отдала приказ. Так что ты сделаешь?..

Убийца.

Он надвинулся на Хизер, угрожающе выставив вперёд пику. На кончике пики была кровь. Кровь отца. У Хизер при виде пики начали предательски стучать зубы. Пасть монстра расплылась в злорадной ухмылке, когда он увидел её испуг.

Не в силах шевельнуть пальцем, Хизер чувствовала, как Клаудия величественно прошла за её спиной и направилась к двери лестницы. *Стой!* – захотела закричать она. *Не смей уходить! Я с тобой ещё не закончила!* Но Клаудия опередила её:

- Разберись с ним. А я буду ждать тебя там, где всё начнётся - в городе Тихий Холм.

Скрипнула и закрылась дверь. Хизер осталась на крыше лицом к лицу с убийцей. Тот торжественно поднял окровавленное оружие и издевательски покачал им перед её лицом. *Не желаете сыграть партию?*

- Ладно, - сказала Хизер и нехорошо улыбнулась. – Как хочешь. Ты заплатишь за всё, и прямо сейчас.

Далее было буйство, пропитанное ненавистной краснотой и горячими ошметками чьей-то трепещущей плоти. Хизер помнила только необычайную лёгкость во всём теле, неумелые попытки противника пронзить её пикой и то, как она смеялась – громко, всё время, без остановки. Убийцу это, похоже, озадачивало, и в какой-то момент он даже предпринял попытку ретироваться в сторону лестницы. Но Хизер не дала ему шанса...

Она пришла в себя, когда безжалостно рубила уже мёртвого монстра, распластавшегося на крыше. Катана кровожадно погружалась в плоть и очерчивала дугу вверх, чтобы повторить свой путь. Всё было залито кровью – тело чудовища, её руки,

жилетка, юбка... Хизер осознала, что продолжает смеяться, как безумная, и заставила себя заткнуться. Отставив катану, она с ужасом посмотрела на то, что натворила. Голова невыносимо болела, и вид крови превозносил эту боль до невообразимой высоты.

Господи...

Она принялась лихорадочно вытирать ладонь о рукоятку катаны, стараясь очистить руки. Когда кровь более-менее сползла с ладоней, она вновь посмотрела на убитого монстра... на то, что от него осталось. Даже сейчас, когда он представлял собой лишь истерзанный кусок мяса («пчелиный улей» на голове был разрублен пополам, и из раны сочилась серая масса), она почувствовала в груди шевеление, разбудившее ненависть. Нет, она не жалеет о том, что сделала. Он заслужил смерть. Даже легко отделался – за то, что эта нечисть убила отца, полагалось большее наказание. Но хоть такое...

Мечь свершена.

Пнув на прощанье ногой холодеющий труп, Хизер пошла спускаться вниз. Двигалась уверенно и твёрдо, быстро переставляя ноги со ступеньки на другую. Да, мечь свершена, но только наполовину. Есть ещё кое-кто... Та, кто всё подстроила. Клаудия. Следующей будет она.

Я буду ждать тебя там, где всё начнётся - в городе Тихий Холм.

Значит, Тихий Холм.

Хизер чувствовала себя вполне сносно, пока не спустилась на балкон и с содроганием не посмотрела на кресло, где сидел отец. Она знала, что его вид вызовет в ней новый приступ жгучей боли. *А может...*

Отец был там. По-прежнему сидел на кресле, свесив голову на окровавленную грудь. Но правой руки, прежде лежавшей на подлокотнике, теперь там не было. У Хизер ёкнуло сердце, но спустя мгновение она поняла причину изменений. У кресла на корточках сидел пожилой мужчина в коричневом плаще и потрясённо рассматривал тело, щупая пульс на запястье руки. Без своей ужасной шапочки детектив Картланд не производил того комичного впечатления, что в торговом центре. У него на голове оказались короткие седые волосы, зачёсанные назад.

Зачем он сюда приёлся?

Хизер вдруг обуяла ярость. Какого чёрта этот субъект, из-за которого всё началось, находится в её доме и касается тела её отца? Кто ему разрешил? Да как он *смеет*?

Услышав скрип открываемой двери балкона, Дуглас Картланд поднялся на ноги. Почему-то на Хизер он посмотрел только мельком, и тут же уставился в пол, пряча взгляд. Как провинившийся ребёнок.

- Не знаю, что и сказать... – промямлил он.

- Ну и не говори.

Картланд замолчал. Казалось, он чего-то ждал. У Хизер начали дрожать губы:

- Со мной всё в порядке. Уходи...

И – взрыв ярости, разлетевшийся по тесной квартире:

- Оставь меня в покое!

Картланд даже не шевельнулся от её крика. Он стоял на месте, понурив голову, и тихо сказал:

- Успокойся.

Лучше бы он этого не говорил.

- Успокоиться?.. – лицо Хизер перекосила жуткая улыбка, которая то появлялась, то исчезала. – И как, по-твоему, мне успокоиться? Мой отец мёртв, его убили! Что мне делать теперь? Убирайся, это ты во всём виноват!

Дуглас снова посмотрел на мёртвого человека в кресле и ответил как-то уж совсем по-детски:

- Извини.

Хизер закрыла глаза. Не хочет уходить. Не хочет. После вспышки сокрушительного бешенства пришла усталость, безмерная и валящая с ног. А тут ещё этот тип со своими

извинениями, которые ничего не значат... Если ей что-то ещё способно помочь, то только чудо, а не чьи-то извинения. Она почти умоляюще посмотрела на Картланда:

- Тогда уходи.

Мне нужно быть одной, как ты не понимаешь, старый ты пень?

Детектив остался на месте. Он оторвал взгляд от пола, и Хизер увидела его покрасневшие от бессонницы глаза:

- Ну если тебе будет от этого легче, я уйду.

И не ушёл...

Хизер отвернулась от окна. Часы на стене (старинные, ручной работы, отец очень гордился) показывали половину четвёртого. Скоро уже утро. Новый день... Кто знал, что его она встретит именно так...

Наверное, пора скоро выходить. Хизер прошла на кухню, чтобы что-нибудь перекусить. Открыла холодильник, несколько секунд смотрела отсутствующим взглядом на пакеты с молоком и банки с ветчиной, и закрыла, так ничего и не тронув. Ей не хотелось есть. Ну совершенно. Кто бы вообще мог в такой ситуации взять в рот хоть крошку?

Хорошо... Если понадобится, позавтракаю там, в Тихом Холме. Надеюсь, в городе есть хотя бы одна забегаловка.

Последние минуты, минуты прощания. Хизер боялась зайти в спальню, куда детектив перенёс тело отца. Но пересилила страх и вошла.

Не отец. Всего лишь покинутая душой брэнная оболочка, к тому же с ног до головы затянутая белой простыней. На простыне на уровне груди кровавое пятно. Сам отец сейчас далеко отсюда, обрётший желанный покой... Хизер не сомневалась, что он по пути в небеса и сейчас наблюдает за дочкой с высоты звёздных далей с любящей улыбкой. Но... почему ей этого ничуть не легче?

- Отец... – Хизер запнулась; слова не находились. - Я найду её и заставлю заплатить. Обещаю.

Тело под простыней осталось недвижимым. Но Хизер показалось, что она услышала тихое неодобрительное цоканье языком. Так отец выражал чувства, когда бывал особенно огорчён её поведением. К радости Хизер, такие случаи попадались совсем не часто. И вот снова. Неужели отец обвиняет её за опрометчивое решение?

Нет. Всего лишь иллюзия.

- Я скоро вернусь, отец, - Хизер закусил губу, чтобы не расплакаться. – Я вернусь.

Полчаса назад они стояли здесь вдвоём – она и Дуглас. Детектив старательно вытирал капельки пота, проступившие на лбу за время перетаскивания тела, а Хизер молча глядела на кровать. Наконец Дуглас спросил:

- Всё в порядке?

Замечательный вопрос, просто потрясный. Конечно, у Хизер всё было в порядке. Какие тут проблемы...

Но она не рассердилась на детектива. Умение вести душевный разговор явно не входило в число достоинств Картланда, но хотел он как лучше. И желал помочь. Иначе бы с радостью ушёл при первом же её крике.

- Что я могу ещё сделать? – Хизер бормотала под носом, большей частью разговаривая сама с собой. – Никто здесь даже похороны приличные не организует...

Она тяжело вздохнула, глядя на хилый букет жёлтых цветов, положенный у изголовья кровати. Только такие цветы в доме и нашлись.

Если бы я была чуть быстрее... Если бы успела...

- Прости, отец, - прошептала она, вытирая слёзы с лица. И погрузилась в молчание. Детектив учтиво ждал несколько минут, потом нашёл в себе смелость спросить:

- Что будешь делать?

Я буду ждать тебя там, где всё начнётся.

- Я еду в Тихий Холм, - ответила Хизер, даже не глядя в его сторону.

- А что там, в Тихом Холме?

Клаудия. Клаудия там.

- Не знаю, - соврала Хизер. Не хватало ещё раскрывать свои мстительные планы пусть даже частному, но детективу.

«Не знаю», - повторила она неслышно. И на этот раз не соврала. Она всё ещё не знала, что это за город – Тихий Холм, и почему он так важен для неё. Но соседка в голове, которую звали Алесса, не дремала. Хизер была уверена, что вспомнит всё, что нужно.

- Думаешь, там безопасно?

- Не знаю, что за ад ждёт меня там... но у меня нет выбора.

Хизер отвернулась от кровати; в её сузившихся зрачках холодно блистал свет торшера.

- Меня не волнуют её Бог и Рай, - сказала она. - Если она верит во всё это, то её дело. Но ей не удастся уйти после того, что она натворила. Когда я найду её, я сама же её убью.

Что ты делаешь?! Он же всё слышит!

Будь Картланд помоложе или работай он в полиции, то остаток ночи Хизер стопроцентно провела бы за решёткой, проклиная свою разговорчивость. Но этого не произошло. Детектив не бросился к телефону, не вытащил наручники и не наставил на неё пистолет, зачитывая права. Он лишь мрачно констатировал:

- Мечь ничего не изменит.

- Возможно, - сказала Хизер не менее мрачно, вспоминая исполосованное тело монстра на крыше. – Но я собираюсь это сделать.

Уже сделала.

Наступило молчание. Хизер показалось, что сейчас Дуглас повернётся и молча выйдет из комнаты. Но следующий его вопрос показал, что она ошибается:

- И как собираешься добраться до Тихого Холма?

Господи, раздражённо подумала Хизер. До всего докопается. Честно говоря, она об этом ещё не думала. Какая разница, каким образом? Так или иначе, она там будет.

- Не твоё дело.

Картланд решительно поднял руку:

- Я тебя подвезу.

- Мне не нужна твоя помощь, - огрызнулась она.

- Но это очень далеко, - убеждал детектив. – Если поедешь сама, не зная дороги, то путь займёт немало времени. Кроме того... я частично в ответе за то, что случилось.

Вот уж правда, что правда.

Хизер коротко посмотрела на него и кивнула. Ладно. Пожалуй, тут настырный детектив прав. Если он знает дорогу в этот чёртов город, то нет смысла выбирать окольные пути. В конце концов, что ей требуется?.. Поскорее добраться до места и найти Клаудию. Чем быстрее – тем лучше.

- Хорошо.

Детектив грузно развернулся; помятые полы плаща зашевелились в воздухе.

- Попрощайся пока с отцом. А я пойду подгоню машину.

Когда он уже взялся за ручку двери, Хизер тихо спросила:

- А ты знаешь, что можешь умереть?

- Ничего, - ответил Дуглас, не оборачиваясь. Хотя Хизер не видела его лица, ей показалось, что он горько усмехнулся. – Никто не будет плакать на могиле.

И вышел. Хизер слышала его шаги, пока не скрипнула дверь выхода. Настала тишина. Одиночество навалилось на неё, как тяжёлая ноша, брошенная на плечи. Хизер держалась, как могла, потом всё-таки заплакала, стоя на коленях у тела отца...

Она не стала переодеваться. Времени было слишком мало, и Хизер сомневалась, что в Тихом Холме кто-то будет огорчён, что у неё неопрятный вид.

Настало время уходить. Хизер в последний раз посмотрела на отца и закрыла дверь спальни. Покойся с миром, отец... и пусть никто не потревожит твой сон за моё отсутствие.

Картланд пригнал автомобиль четверть часа назад, но понимал, что девушку сейчас нельзя донимать ни в коем случае. Хизер, конечно, немного воспользовалась его терпением, но медлить далее было бы издевательством. Она погасила все лампы в комнатах, остановилась у выхода и ещё раз оглядела молчаливые стены. Бетонный коробок, обставленный мебелью, и только... Глаза упрямо цеплялись за кресло перед телевизором, за засохшее бурое пятно на коврике. Хизер всхлипнула.

Папа, папа... Ты говорил мне, что ты большой и сильный, что никогда меня не оставишь... Почему ты ушёл от меня?

Она нажала на выключатель, погрузив квартиру в торжественный бархат тьмы, в котором был только шум ветра за окном, и с её губ сорвалось одно-единственное бесконечно горькое слово:

- Лжец...

Глава 2

Дуглас стоял у лобового стекла машины и протирал его мягкой тряпочкой. Услышав хлопанье двери подъезда, он спрятал тряпку в кармане плаща и пошёл навстречу Хизер. Она увидела, что в левой руке детектив держит какой-то клочок бумаги.

Машина была заведена – «бьюик» неизвестного года выпуска, начавший сильно терять былой блеск. Некогда сидеть за рулём такого автомобиля само по себе было роскошью, но теперь... едва ли. Краска на боках выцвела и начала сползать, фары горели тускло. От внимания Хизер не ускользнуло, что у машины калифорнийские номера. Интересно, а Картланд каждый день совершает марш-броски с тихоокеанского побережья на атлантическое?

- Я встретил парня по имени Винсент, - начал он.

- Винсент? – нахмурилась Хизер. Когда только успел?..

Увидев, что девушка не сияет счастьем при упоминании этого имени, Дуглас осторожно спросил:

- Он ведь твой друг, да?

- Не уверена.

- В-общем... он сказал, чтобы в Тихом Холме мы первым делом нашли человека по имени Леонард. И дал эту карту.

Он вручил карту Хизер. Это был обычный туристический путеводитель, выполненный в светло-зелёных тонах. На обложке надпись на фоне какого-то парка у озера: *Южная Долина, город Тихий Холм*. Хизер развернула буклет и увидела схематические пересечения улиц и переулков. Вачс-роуд, Натан-стрит, Кэррол-стрит... Названия, хоть вроде и незнакомы, но почему-то щиплют память...

- Что ты собираешься делать?

- Мы не можем доверять ему, - сухо сказала Хизер, вспоминая более чем странный диалог в Хилтоп-центре. – Но у нас не выбора.

Она сложила карту и засунула в карман жилетки:

- Что-то ещё?

- Вот... – засуетился детектив, - возьми и это тоже.

Да сколько там у него карманов? На плаще сбоку обнаружился ещё один карман приличного размера, откуда Дуглас с усилием вытащил то ли папку, то ли...

Гранки? Хизер почувствовала, как замерло сердце. Когда отец заканчивал очередную книгу, он переносил все слова на точно такие листочки, сшитые воедино. Потом он отправлял гранки в издательство.

- Что это? – спросила она, когда листы оказались у неё на ладонях. Тонкая пачка печатных листов обычного формата, на первом листе закруглённым почерком отца выведены три слова: *Моей любимой дочери*.

- Это хранил твой отец, - сказал Дуглас.

Глава 3

Как Хизер и предполагала, начался дождь. И не просто дождь, а настоящая буря. В это время года на восточном побережье бури не были редкостью. Ветер пригонял с океана всё новые стаи туч, которые проливались над Эшфилдом холодным дождём. Но такого ливня она не помнила за последние пять лет. Молнии сверкали без остановки, и мощные раскаты грома, казалось, вдавливали крышу машину внутрь, заставляя прогибаться. Хизер напрасно пыталась заснуть, опёршись лбом о ладонь. Сон не приходил, хотя она не смыкала глаз со вчерашнего дня. Может, мешал непрекращающийся грохот над головой и белые вспышки, то и дело заливающие салон автомобиля. А может, ей просто не хотелось спать.

Дуглас думал, что она дремлет – и поэтому молча крутил баранку, ловко вписываясь в крутые повороты, хлюпающие коричневой жижей. Он тоже хотел спать. Хизер замечала сквозь полуприкрытые веки, как детектив то и дело проводит рукой по лицу, отгоняя сон. Она вдруг пожалела, что согласилась на предложение Дугласа. Иначе старый детектив сейчас был бы дома, в тёплой постели, а не здесь, у черта на куличиках, борясь с подступающей дремотой. Но... поздно.

Моей любимой дочери.

Гранки лежали на коленях Хизер. Она прочитала послание отца, как только села в машину. Прочитала всё, несмотря на то, что слёзы подступали к горлу. Слова, напечатанные на старом «Ундервуде» с кривыми, вечно выпадающими литерами.

Надеюсь, эти записи не пригодятся; тебе лучше этого никогда не знать. Большие, чем чего-либо другого, я боюсь, что однажды ты уйдёшь от меня, окажешься далеко... Потому я и сжёг тогда свою книгу про то, что случилось в Тихом Холме. Но иногда нужно говорить правду. Я осознаю это особенно остро в последние годы. Поэтому пишу это до того, как буду потерян в смерти и забвении.

Что я могу сказать? Это связано с тем, кто ты есть на самом деле. Всё началось двадцать четыре года назад...

Двадцать четыре года. Больше, чем вся её жизнь. Мысль была ужасающей – что есть нечто, преследующее её задолго до рождения. Хизер дёрнула головой, когда очередная вспышка молнии сопровождалась громким хрустом ломающихся стволов. Где-то в лесу молния попала в дерево.

Отец рассказывал о вещах, что скрывал от неё все семнадцать лет. И в каждом слове чувствовалась такая непередаваемая, такая глубокая боль, что иногда Хизер хотела отложить листы в сторону и не читать их – не чувствовать заключённых в них страданий. Но она читала, открывая для себя истину. Истину, которая была хуже любой лжи.

... и именно в Тихом Холме случилось так, что моя девочка ушла. Не то чтобы куда-нибудь действительно ушла или умерла. «Слилась со своей половинкой». Так сказала Далия Гиллести. Этой «половинкой» была молодая девушка, сожжённая матерью во имя возрождения древнего Бога города... Алесса Гиллести.

Алесса. Хизер вновь увидела внутренним взором девушку с чёрными волосами, которая уходила в кровавый туман. Её хмурый взгляд и торжествующую улыбку, когда

Хизер корчилась на полу от сжигающей тело боли. Та, которая держала в руках новорождённую Хизер и протягивала её Гарри Мейсону.

Ты здесь, Алесса?

Молчание. Только тихий шелест бумаги, словно кто-то в голове деловито перелистывает летописи прошлых лет. Хизер была одна. Пока.

Прошло уже семнадцать лет. А кажется, всё было только вчера... Сперва, признаюсь, у меня были вопросы по поводу этого ребёнка. Мог ли я любить её? Ведь всё её существование было полностью необъяснимо. Я думал: «Может быть, этот ребёнок и есть та, которая лишила меня дочери». Это вызывало во мне печаль и гнев. Временами я ловил себя на том, что сжимаю руками её шею. Несколько раз я даже пытался избавиться от неё, бросить... Вот каким ужасным человеком я был.

Неужели отец действительно пытался убить её? Хизер не могла этому поверить. Отец, который всегда любил её, ставил превыше всего... Не может быть.

Но ведь не убил же. Наоборот – принял её и заботился, как о собственной дочери. Хотя после того, что он пережил из-за неё, иной не стал бы на неё даже смотреть. О да, теперь Хизер знала причину, почему отец раньше так часто прикладывался к бутылке виски. В ней он искал успокоение. И не находил.

Я решил во что бы то ни стало вырастить её. Кажется, я просто не мог позволить ей уйти. Когда она... когда ты... смотришь на меня, смеёшься так...

Хизер и сама не заметила, как заплакала снова. Но ручки, которые катились по её щеке, не были слезами горя. Их причиной стали облегчение, гордость и... радость. Гордость и радость, что у неё такой отец. *Спасибо, папа...*

Но я люблю тебя. У меня нет никаких сомнений в этом. Всё, о чём я тебя прошу - это поверить мне.

Моей любимой дочери. Гарри Мейсон.

- Чёртов дождь... Ты спишь?

Дуглас спросил очень тихо, но Хизер всё равно вздрогнула.

- Нет, - коротко ответила она.

- Замёрзла? – рука Дугласа потянулась к ручке обогревателя. Хизер предпочла промолчать, глядя на мерно движущиеся дворники.

- Так что там такое, в Тихом Холме? – спросил Дуглас. Хизер поняла, что от обстоятельного разговора на этот раз не отвертеться. – Я знаю только, что когда-то это был тихий, довольно милый городишко, но теперь...

- Ты был там? – с удивлением спросила Хизер. На этот раз замолчал Дуглас. Хизер ждала и смотрела, как детектив нервно постукивает пальцами по рулю. Кажется, он жалел, что проболтался.

- Однажды, - с неохотой признался Дуглас. – Там пропали люди. Я искал их, но не нашёл.

Дорога уклонялась вниз. Картланд сбросил газ:

- Скажу тебе, это пропащий город. На моей работе слышишь много грязных слухов...

- Я родилась и выросла в Тихом Холме, - сказала Хизер. Детектив удивлённо покосился на неё:

- Извини, я не хотел тебя обидеть...

Хизер слабо улыбнулась:

- Ты и не обидел.

Несколько минут Картланд вслушивался в шум капель, стучащих по капоту, но потом любопытство одержало верх:

- А вообще, я думал, что ты выросла в Портленде...

Хизер не ответила. Казалось, она вообще не слышала его слова. Дуглас с тревогой посмотрел на бледное, осунувшееся лицо девушки, и спросил:

- Тебе плохо?

Всё в порядке, хотела сказать Хизер, но вместо этого почему-то честно призналась:

- Голова гудит. Самое плохое из чувств.

- Наверное, укачало, - детектив покорно взялся за ручку передачи, собираясь снизить скорость. Хизер отрицательно мотнула головой:

- Нет, дело не в этом. Я просто пытаюсь вспомнить моё детство.

Воспоминания были здесь, где-то совсем рядом, стоит только протянуть руку, но она не могла их поймать. Лишь усиливалась мерзкая головная боль, которая снова начала превращаться в полыхающую стихию. Перед глазами мелькали нечёткие образы и тут же исчезали, становясь рваными клочьями, которые уже невозможно восстановить. Распятие над детской кроватью, тень от колыхающихся штор... Разбросанные по полу игральные карты...

- Что-то ужасное случилось в Тихом Холме семнадцать лет назад, - пробормотала она. Дуглас внимательно слушал. – Женщина по имени Далия...

... *эта сумасшедшая старуха!* Хизер болезненно скривила губы, услышав разъяренный крик Винсента.

Да уж... сумасшедшая...

- Она хотела вызвать древнего Бога города. И использовала для этого собственную дочь. Сожгла её, чтобы она родила ей Бога...

- Сумасшедшая, - возмущённо покачал головой Дуглас. В какие только байки не верят эти чёртовы сектанты, говорил он всем видом.

Вот, отметила про себя Хизер. Ещё один человек назвал Далию сумасшедшей. Что ж, наверное, так оно и было.

- Возможно, но это сработало. Девочка родила Бога.

- Что?!

Картланд на секунду бросил управление и уставился на Хизер. Она ответила ему отсутствующим взглядом. Над головой оглушительно грянул гром, и он вновь вцепился пальцами в руль.

- Понимаешь, у неё были особые силы.

- Силы? – Дуглас нахмурил брови. Подобного поворота сюжета умудрённый годами сыщик явно не ожидал.

- Да. Одноклассники звали её ведьмой. Она могла создавать вещи силой разума. Могла убить любого человека, лишь пожелав этого.

Дуглас кинул на девушку многозначительный взгляд. *Откуда ты всё это знаешь, деточка?*

- Но в конце концов, - Хизер уже не могла остановиться. Водопад прорвал ограждение, и бурно несущийся поток было не остановить, - этот Бог был убит одним человеком. Моим отцом, Гарри Мейсоном.

Перед затуманенным взором Хизер появилась чёткая картина, будто отпечатанная на фотоплёнке: чудовище с козлиной головой и широкими перепончатыми крыльями, зависшее над землёй, и отец (выглядающий разве что ненамного моложе), из последних сил тянущий эту тварь вниз. Хизер ждала, что будет дальше, но картина застыла, как кадр фильма ужасов - одно сохранённое в памяти Алессы мгновение. Возможно, последнее в её жизни. В её *прежней* жизни.

- Наверное, Бог был достаточно слабым, раз его смог убить один человек. Но я думаю, сейчас Клаудия пытается возродить этого Бога. И я выбрана как жертва...

На последнем слове детектив едва заметно дрогнул, но быстро взял себя в руки и мрачно кивнул. Похоже, он решил воспринимать факты как есть, не пытаясь отыскать

никому не нужны объяснения. Хизер могла это только поприветствовать. Она сама пережила этот качественный переход несколько часов назад и знала, что так лучше всего.

- А у тебя какие-нибудь силы есть? – спросил Дуглас, испытующе глядя на девушку. Он быстро догадался, что просто так жертвой Богу не выбирают.

- После смерти Бога... – Хизер запнулась. Только сейчас она заметила, что из динамиков магнитолы изливается тихая и спокойная песня. Женщина страстно пела о своём одиночестве, в её голосе слышалась боль.

Сказать?

Скрывать что-либо было уже бессмысленно. Хизер медленно выговорила:

- После смерти Бога та девушка появилась снова. Совсем ненадолго, лишь чтобы отдать ребёнка, которого она держала в руках, моему отцу. Потом она умерла.

Машина вильнула вправо, хотя участок дороги был совершенно ровным. Картланд смотрел на Хизер с полуоткрытым ртом, с трудом подавляя в себе желание перекреститься. Впрочем, мог бы и перекреститься – Хизер всё равно не заметила бы. Она снова ушла в себя, в мир своих грёз и страданий. Сквозь частые всхлипы можно было слышать её слова:

- Он любил меня, слово я была её родная дочь. Хотя никогда не знал, кто я на самом деле. Это так внезапно... У меня не было возможности... сказать... сказать тебе какой... какой... счастливой ты меня сделал...

Слёзы сорвались с ресниц и упали на гранки, лежащие на коленях - прямо на надпись, сделанную чёрной ручкой. Лист размок, смывая чернила и слова.

Боже мой, деточка, думал Дуглас Картланд, следя за мокрой полосой асфальта, освещённой жёлтым светом фар. *Боже мой...* Мысли путались. За всю дорогу до Тихого Холма детектив больше не произнёс ни слова.

Хизер плакала ещё минут десять. Потом она уснула. И поэтому не увидела, как гроза постепенно сменилась пеленой белого тумана.

Глава 4

- Хизер? Хизер, мы приехали. Проснись.

Она открыла глаза, закрыла. Что... Почему так светло? Где они?

Тихий Холм.

Хизер подскочила на сиденье и до хруста в позвонках вывернула шею к окну. За грязным стеклом «бьюика» плыли клубы матовой дымки, затягивающие небо и землю. Хизер сама не заметила, как на губах заиграла слабая улыбка. Она приехала. Она вернулась в родной город.

- Здесь всегда так, - хмуро констатировал Дуглас. Машина ехала по какому-то пригородному шоссе, вымощенному разломанным асфальтом, поэтому их то и дело встряхивало. – Когда я был здесь последний раз, то из-за этого чёртового тумана чуть не въехал в фонарный столб.

- Ага, - рассеянно отозвалась она, не расслышав ни слова. Детектив пожал плечами и замолчал.

Хизер прильнула лицом к стеклу. Узкие пустые улицы и скошенные здания медленно плыли мимо. Было в них своеобразное разрушительное величие... или, вернее будет сказать, величественное разрушение? Какая-то своя прелесть, вызывающая пронзительную тоску в груди. Сквозь влажные капли тумана, казалось, проступала торжественная заунывная мелодия, волнами разносящаяся над безлюдным городом. В ней слышался далёкий звон колокола и голоса людей, растворённые в пучинах колыхающейся завесы, стирающей грани между реальностью и воображением.

Все эти улицы, мостовые и площади, пропахшие древесиной и годами, осыпавшимися пеплом. Здесь ничего не изменилось, отметила про себя Хизер. В этом безмолвном городе время не имело значения. Часы, отсчитывающие сутки в Большом

мире и несущие его вперёд, безнадежно теряли свою силу в Тихом Холме. Город был навечно погружён в свои беспокойные сны, и никто не имел права в них вмешиваться.

Хизер увидела у дороги указатель, прибитый к фонарному столбу. «Историческое общество Тихого Холма – 200 метров». Стрелка указывала влево.

Натан-авеню.

Название всплыло в памяти само собой, подобно тому, как всплывает воздушный пузырь на поверхность. Да, именно здесь, на Натан-авеню, располагалось Историческое общество, построенное на месте старой тюрьмы. Это была единственная дорога, ведущая в Южную Долину из Старого Города. Она

(Алесса)

редко бывала в Южной Долине, потому как отношения между двумя частями города были напряжёнными ещё со времён Гражданской войны. Свои школы, свои больницы, свои отели, свои достопримечательности...

«Сейчас появится поворот, - сказала себе Хизер, закрыв глаза. – И улица будет называться... называться... Кэррол-стрит». В честь Дженнифер Кэррол. В голове возник чёткий образ красивой женщины средних лет, закутанной в ярко-красное ниспадающее платье. С чего ей вспомнилась именно эта особа, Хизер не знала. И знать не хотела.

- Сейчас город заброшен, - Дуглас снова решил подать голос, - здесь считай что никто не живёт. Все переезжают, и никто толком не может объяснить, почему. Странно, да?

Хизер молча кивнула. Пусть переезжают. Свои обитатели для Тихого Холма всегда найдутся.

«Парк Розовой Воды». Большая табличка.

С первым порывом юго-западного ветра прибрежные волны бьются о причал, разбиваясь в мельчайшие брызги, которые блестят на солнце осколками радуги. На несколько мгновений озеро превращается в сказочный фейерверк, переливающийся ярчайшими оттенками, но потом гладкая зеленоватая поверхность выравнивается и вновь настигает вековое спокойствие, отрицающее всё.

Алесса была в этом приозёрном парке. И он ей нравился. Замечательно. Хизер устало легла на спинку сиденья. Всё, довольно с неё впечатлений. Она в Тихом Холме, и что с того? Только бесполезная груда чужих воспоминаний, накапливающаяся в голове, как куча мусора. Нужно это ей, как танку пятое колесо.

- И где мы остановимся? – спросила она. Дуглас почесал затылок:

- Есть варианты. Тебе как?..

- Ближайший.

- Хорошо, тогда будем на месте через пару минут.

Хизер зевнула и снова посмотрела в туман. Ей показалось, что там, в глубинах сизой дымки, у одного из домиков мелькнул чей-то неясный силуэт. Мелькнул – и исчез. Она бросила быстрый взгляд на детектива, но он был всецело поглощён вождением и был меньше всего расположен смотреть по сторонам.

Так. Будем считать, что показалось.

Чтобы больше не видеть пугающих фигур, прячущихся за туманом, Хизер крепко сомкнула веки.

Глава 5

При иных обстоятельствах Хизер ни за что не ступила бы в номер так называемого «мотеля», где они остановились. Ночлёжка представляла собой длинное одноэтажное здание по образу и подобию деревенского сарая. Сквозь стены с лёгкостью просачивалось малейшее дуновение ветра, а хилая крыша если и служила защитой от слякоти, то разве что символической. Видно было, что здесь не прибирались ещё со времён Второй Мировой – мусорные кролики безраздельно властвовали в каморке, а постельное было

смято и не заправлено. Ужас, одним словом. Ввиду исключительного случая Хизер позволила себе зайти в этот приют чистоплотности и присесть на кровать (так, на самый краешек), но не более. Картланд обладал меньшей брезгливостью, но даже он не рискнул сесть на стул, ломящийся под многотонным грузом пыли, предпочтя разговаривать стоя.

- В-общем, - сказал он деловито, - тот парень, Винсент, сообщил мне, где можно найти этого Леонарда: либо у него дома – я записал адрес, – либо в госпитале Брукхэвен. Это здесь, неподалёку.

- Винсент не говорил тебе, какая связь между Клаудией и Леонардом? – спросила Хизер.

Дуглас покачал головой:

- Нет. Просто сказал, что нужно его найти, и всё. И добавил: «Без него Клаудию вам не отыскать».

Этот человек знал всё. Хизер остановила вновь начавшуюся дрожь на спине. Похоже, она зря поддаётся игре Винсента, ясно ведь, что её используют втёмную... но без его наводок она в этом городе что слепой в лабиринте. Боже, как сложно.

- Значит, Леонард, - сказала она с показной уверенностью. – И как будем искать?.. Раз он может быть в двух местах, то предлагаю разделиться.

Дуглас с замешательством посмотрел на девушку:

- Вообще-то, при таком раскладе я мог бы съездить этому Леонарду на дом. Тебе тогда придётся отправиться в больницу... У тебя ведь есть карта?

- Да, - Хизер продемонстрировала сложенную брошюрку с картой Южной Долины. Раскрыв её, она отыскала надпись «Госпиталь Брукхэвен». Действительно, близко. – Думаю, я смогу сориентироваться.

Дуглас по-прежнему смотрел на Хизер с каким-то сомнением. Заметив это, она раздражённо спросила:

- В чём дело?

- Ты это... – Картланд беспомощно развёл руками: мол, прости старого дурака. – Не боишься пойти одна? Может, лучше...

Он очень напоминал ей в этот момент отца, который жутко волновался всякий раз, когда она выходила из дома: «Хизер, может, пойдёшь завтра, когда посветлеет? Может...». Хизер непроизвольно горестно улыбнулась:

- Ты знаешь, я уже не маленькая.

Лукаво прищурившись, она добавила:

- А ты сам-то уверен, что не боишься пойти один?

Судя по виноватой кривой усмешке детектива, она попала в точку. Картланд нервно помассировал висок:

- Ты права. Я боюсь. Мне уже пятьдесят с лишним лет, и повидал я немало... но никогда не встречался ни с чем подобным. Мне всё кажется, что это сон.

Если я скажу ему, что это действительно сон... ему станет легче? Хизер в очередной раз пожалела, что втянула старика в это дело. Могла бы добраться и на попутке, чего уж там... Подумала о том, чтобы снова накричать на детектива и сказать, чтобы он проваливал из города. Сказать, что это её, только её проблема... Пусть Дуглас обижается, пусть уходит из города. Возможно, это сохранит ему жизнь. И на Хизер не будет тогда висеть ответственность за него.

Но против этого варианта были две веские причины. Во-первых, Хизер знала, что как бы она ни кричала, Дуглас не уйдёт. Это только прибавит ему уверенности, что она напугана и ей требуется помощь. Во-вторых... Во-вторых, Хизер было страшно оставаться в одиночестве.

Поэтому она сказала лишь:

- Больше похоже на кошмар...

- Да, я уже хочу проснуться и закурить, - Дуглас тяжело поправил воротник плаща, заправший за шею. Наверное, он хотел так пошутить, но шутка не удалась. Тон был слишком печальным. Впрочем, Хизер всё равно сделала вид, что улыбается.

- Ладно, я, пожалуй, пойду, - Дуглас взялся за ручку двери. - Встретимся здесь, когда закончишь с больницей, о'кей?

- Договорились, - кивнула Хизер и пошевелила пальчиками поднятой руки, всё ещё стараясь сохранить на лице бодрую улыбку.

Детектив стоял у выхода, но не спешил пересекать порог, задумчиво глядя на неё. Хизер вдруг испугалась, и фальшивая улыбка сползла с губ.

- Что такое?

- Будь осторожна.

Картланд хотел сказать что-то другое, но не нашёл нужных слов. Разозлившись на самого себя, он вышел из номера 106 и громко хлопнул дверью. Опять же, желал выказать уверенность, но добился совершенно обратного... С потолка рьяно посыпалась древняя штукатурка.

Хизер осталась одна.

Глава 6

«Небесная ночь».

- Это, наверное, какой-то клуб, - сказала себе Хизер, глядя на прямоугольник на карте. - Не помню, что такое было раньше.

Раньше...

Госпиталь располагался в двух шагах от «Небесной ночи» на Кэррол-стрит. Хизер прикинула предстоящий маршрут. Выглядело всё довольно просто. Сперва один квартал по Натан-авеню, потом свернуть на Кэррол-стрит и пройти ещё два квартала. Действительно, недалеко.

Пора идти.

Собственно, ей было уже давно пора. Дуглас ушёл двадцать минут назад, а Хизер всё ещё не поднималась с грязной кровати, словно чего-то ждала. Хотя было понятно, что она может ждать хоть до заката, и её никто не побеспокоит.

Она встала и подошла к окну. Вид из окна был довольно живописный – грубый дощатый забор, почерневший от дождей, располагался за стеклом в двух шагах. Но даже в это узкое пространство между окном и забором просачивался едкий туман. Она пошла к зеркалу. На её поверхности были уродливые трещины по углам – кто-то из предыдущих жильцов номера уронил зеркало на пол, а хозяин не удосужился его сменить. Хизер увидела в зеркале саму себя. *И зачем мне приспичило смотреться сейчас*, сокрушённо подумала она. *Знала же, что так и будет.* По сравнению с особой, которая стояла перед ней, вчерашнее отражение в зеркале туалетной кабинки торгового центра казалось идеалом красоты.

Хизер остановилась, заботливо вкладывая карту в карман жилетки.

Может, сходить в туалет...

Хм, и до чего ты будешь оттягивать время? Признайся, девочка, ты просто боишься выйти на улицу.

Я не боюсь. С чего мне бояться? Там ведь никого нет. Дуглас сказал, что город заброшен.

Ну вот видишь? А время идёт.

Хизер пожевала губу, потом кивнула. Ладно. Пусть путешествие начинается.

Она открыла дверь и вышла на улицу. Солнце уже давно встало, но его не было видно сквозь туман. Хизер поймала себя на том, что она страстно желает увидеть яркий жёлтый диск, сияющий на чистом небе. Когда она в последний раз видела солнце? Три дня назад? Боже ты мой... С тех пор небо Эшфилда сутками было затянуто мрачными

слоёными тучами, напоминающими грязные марлевые повязки. Наверное, сейчас, после грозы, там стало ясно. А она здесь, в городе, которого покинуло даже солнце...

Хизер вышла на улицу и зашагала по обочине. Бетон на тротуаре местами растрескался, поэтому приходилось постоянно смотреть под ноги. *Наступишь на трещину - убьёшь свою мать*, некстати вспомнила она глупую примету. А ей было уже терять некого, так что не будет беды, даже если она вся провалится в разрыв асфальта.

Какой странный город... Хизер не оставляло ощущение, что кто-то за ней следит. Уже когда они въехали в город, и она смотрела из окна машины, ей было не по себе. Да, на её губах была улыбка, но улыбалась не она, а Алесса. Хизер же закоулки Тихого Холма были совершенно чужды, как любой другой незнакомый город. Сейчас, слава Богу, Алесса временно утихомирилась, так что Хизер могла ещё раз смаковать свои ощущения от пребывания в покинутом городе. И с каждым шагом это нравилось ей всё меньше. Как будто кто-то есть в тумане – бесшумно идёт за тобой по пятам и строит рожи в затылок. Когда она оборачивается, он просто ныряет в волны белого океана и становится невидим. Для него это просто забавная игра – как кот играет с попавшейся в лапы перепуганной мышкой. А что... что будет, когда ему надоест эта игра и он приступит к более активным действиям? Она вспомнила тень, которую видела, когда ехала в мотель.

Чушь какая. Нет тут никого. Хизер прибавила шагу.

У одного из домиков стояла синяя машина. Стёкла выбиты, капот раскрыт. Подойдя ближе, Хизер увидела, что все внутренности машины раскурочены неизвестными вандалами. Обрывки проводов и шестерёнки были раскиданы по земле вокруг корпуса, из пробитого бака на асфальт вылилось масло и засохло тёмным пятном. Хизер затошнило, словно она увидела мёртвого человека с выпотрошенными кишками.

А вот и поворот на Кэррол-стрит. Хизер облегчённо вздохнула. Одна треть пути позади. Пока всё хорошо.

У перекрёстка высилось боулинг-кафе. На двери висела категоричная красная табличка: «ЗАКРЫТО». Хизер не любила боулинг (если честно, то не умела играть), так что особо не огорчилась. Да и видно было, что заведение третьесортное, как, впрочем, и всё, что она видела в этом городе.

Нет, всё-таки, всё-таки... Ощущение, что некто преследует её, не уходило. Туман, казалось, стал гуще, чем на Натан-авеню. Асфальт пошёл волнами, будто укладчики просто плеснули его на землю, не позаботившись о выравнивании. По обе стороны улицы потянулась высокая проволочная сетка, делающая улицу похожим на канализационную тоннель. И... появились звуки. Повторяющиеся, неживые и металлические. Похожие на тот звук, что она слышала под землёй, убегая от неизвестного монстра. Они нарастали, накачивая Хизер желчью паники.

Я знала, я знала, что здесь что-то не так...

Бежать она не стала. Если за ней в самом деле идёт монстр, то этим она дала бы знать, что его обнаружили. И монстр уже не стал бы скрывать своё присутствие. А так она могла хотя бы выиграть несколько лишних футов, поддерживая игру. Я тебя не вижу, и ты меня не видишь.

Первый квартал миновал. Туман вроде стал реже, и звуки почти стихли. Хизер уже начала надеяться на мирный исход, как внезапно максимум в десяти шагах за её спиной раздался душераздирающий собачий вой. Скорее даже не собачий, а волчий. Хизер живо представила себе бурое взлохмоченное создание с длинными клыками, поднимающее остроконечную морду к сияющему над горой месяцу.

Чёрт!

Она побежала. И конечно, тут же зацепилась каблуком о трещину на асфальте и упала на четвереньки.

Чёрт!!!

Пока она пыталась встать, сзади послышалось деликатное шуршание мохнатых лап. Собака. Но она была не одна. Кто-то с ней был. Кто-то гораздо страшнее. Он издавал лязгающие звуки, уже не пытаясь скрываться. И улыбался. Хизер знала, что улыбался.

Это сказка о маленькой девочке, которая пошла гулять по городу без разрешения родителей. А ведь она знала, её не раз предупреждали, что гулять одной ОЧЕНЬ опасно. Но она не послушалась, думала, что уже взрослая. И была наказана...

Она поднялась на ноги и побежала дальше. Собака почему-то медлила, хотя могла одним прыжком сомкнуть зубы у неё на лодыжке. Железный лязг не приближался и не отдалялся, держась на одинаковом расстоянии. Кажется, они всё ещё были не прочь поиграть с добычей...

Справа в тумане засверкали огни. Розовый и жёлтый, переливающиеся по кругу. Это была неоновая вывеска. Яркие цвета смотрелись странно в этом серо-белом мире.

«Небесная ночь». Хизер рванулась в сторону огней. Быстрее, пока они не догадались... Лапы собаки семенили в пяти шагах, сводя с ума. Огни расплывались и двигались, отдалялись. Они убегали. Они не хотели, чтобы Хизер нашла приют под их укрытием.

Тут был узкий проход между двумя кирпичными стенами, исписанными разноцветными маркерами. Когда Хизер едва заметила очертания длинной тонкой лестницы, ведущей вверх, к двери «Небесной ночи», за спиной раздался ужасающий металлический скрежет, словно кто-то начал водить вилкой по поверхности тарелки. Звук щекотал нервы и давил на уши невидимой рукой, вызывая боль и страх. Хизер всё ещё не хотела оглядываться. Спасение было только одно, и оно находилось впереди, под недружелюбным неоновым светом «Небесной ночи».

Она схватилась за поручни лестницы, представляя, как сейчас зубы собаки окажутся на её ногах, прокусывая плоть и кости. Но этого не было. Скрежет возрастал, вибрируя и повизгивая, как напоровшаяся на гвоздь бензопила, но адская собака не спешила нападать на Хизер. Она взбежала наверх, спотыкаясь и глотая солёный пот, капающий с кончика носа на губы, готовая в любой момент распрощаться с жизнью. Когда под переливающимися огнями вывески появилась дверь, на которой висела синяя табличка «ОТКРЫТО», она поверила не сразу. Такого не может быть, что эти монстры отпустят её просто так. Вот сейчас... через секунду... хрясь, и всё будет кончено.

Дверь скрипнула, открывая взору полутёмное помещение. Пока Хизер не захлопнула дверь за собой, она не позволяла себе верить, что всё обойдётся. И когда она поняла, что опасность больше не угрожает, она без сил сделала два-три шага и опустилась на низкий стул у лакированного столика.

«Небесная ночь» представляла собой совокупность разбросанных по комнате столиков красного дерева, стойки бара со сверкающим рядом бутылок на прилавке и мини-сцены с металлическим шестом. Хизер живо вообразила, как по ночам клуб наполнялся посетителями в смокингах, которые сидели за столиками и негромко разговаривали (может, играли в покер), краем глаза наблюдая за полуголой танцовщицей, которая крутилась вокруг шеста – искрящиеся вина в бокалах, лёгкий дымок сигарет и ненавязчивое мелькание смазанных огней, отражающее тени на стенах. Но сейчас ничего не было. От былого великолепия «Небесной ночи», канувшего в небытие вместе с золотыми деньками города, осталась лишь вызывающе мигающая красноречивая надпись «РАЙ» за стойкой. Под надписью разлеглась символическая женская фигурка, подсвеченная розовыми огнями. Хорошо хоть электричество ещё не отключили, иначе не было бы и этого.

Хизер встала и, пошатываясь, пошла к стойке. Она надеялась найти чего-нибудь попить, уж слишком пересохло в горле после вынужденной пробежки. Но с первого же взгляда поняла, что ей не удастся ничем поживиться с этой нивы. Бутылки почернели и покрылись плесенью. Пара бокалов на стойке была наполнена тёмной жидкостью, которая пахла, мягко говоря, неаппетитно. Наверное, когда-то это было дорогое красное вино, но

теперь... Хизер поморщилась и с укором взглянула в сторону надписи «РАЙ». Рай, да? Какой-то слишком заброшенный...

Глядя на перемежающиеся огни лампочек, Хизер вспомнила, что должна быть уже в госпитале. А вместо этого она заперта здесь в окружении армии сосудов с протухшими винами. Наверное, Дуглас уже добрался до жилища Леонарда...

Интересно, подумала Хизер, устало опершись о стойку, а кто вообще такой этот Леонард? Воспоминания Алессы никаких сведений об этом человеке ей не давали, но и так было ясно, что он как-то связан с Клаудией и её ордой. Может, этакий «верховный жрец» их чёртовой организации. Что ж, тогда логично через него выйти на Клаудию, но Хизер сильно беспокоил один вопрос – каким боком в этом оказался замешан Винсент? И какая ему выгода? Между человеком в коричневом камзоле и Хизер был только один разговор, но она для себя уяснила вполне отчётливо, что Винсент никогда ничего не станет делать просто так. Во всём этом чувствовалась скрытая подоплека. Хизер надеялась узнать больше, поговорив с загадочным Леонардом.

Но для этого нужно хотя бы дойти до госпиталя. А ей ой как не хотелось покидать надёжное укрытие. Всего-то ничего – пара сотен шагов (по крайней мере, судя по карте), но она изолирована от Брукхэвена зловещей парочкой монстров. Откуда только они берутся? Этот скрежет и звон металла... Нет, Хизер не хотела встречаться с этим чудовищем снова... и уж тем более – оказаться с ним лицом к лицу. Рвануться через парадные двери – чистой воды безрассудство.

Увидев за сценой дверь чёрного входа, Хизер подошла к нему и попыталась открыть. Безуспешно. С этой стороны заведение запереть не забыли.

Хорошо. Придётся пробиваться.

Она огляделась в поисках чего-либо, что могло худо-бедно сгодиться на роль оружия. Эх, будь при ней верная катана, она бы им показала... По крайней мере, собаке уж точно. Но катана осталась лежать на крыше дома рядом с трупом убийцы. В достопочтенном ночном клубе не нашлось ничего, что могло бы пригодиться девушке. Ну не станешь же стульями по монстрам кидаться, ей-богу... Хизер подавила в себе сухой смешок. Пойти с голыми руками, что ли?

Ну нет. Ты пока ещё не стала амазонкой.

Н-да, пожалуй, это неудачная идея. Но, может, они уже ушли? Хизер с надеждой подняла голову. Они всегда уходили, стоило ей зайти в прибежище... Так может, и эти тоже? Или они до сих пор терпеливо выжидают у подножия лестницы?

Чуть-чуть открыть дверь... Просто посмотреть.

Бездушные петли снова закрипели, выдавая Хизер с головой. Но слышать скрип было некому. Проход с кирпичными стенами был свободен.

Их нет, с облегчением сказала Хизер самой себе.

Осторожно, Хизер. Ты же знаешь – они просто обманывают, заставляют потерять бдительность.

Хизер пронаблюдала за пустым проходом ещё несколько минут, пока не решила спуститься вниз. Считая каждый шаг от мигающей вывески, она до рези в глазах всматривалась в туман. Туман преобразился: на улицу налетел лёгкий дневной ветер, который шевелил тяжёлые белые клубы, заставляя их плыть по земле и беспрестанно менять форму. Поэтому казалось, что вся улица пришла в движение. У Хизер голова шла кругом от плавных метаморфоз, и она крепко держалась за поручни, дабы не потерять равновесие. Монстров не было.

Как только выберусь на улицу, побегу. И будь что будет. Мне нужно добраться до госпиталя.

Хизер сдержала слово. Едва стены, обступающие её с обеих сторон, разминулись, она бросилась бегом в сторону госпиталя. По бокам снова потянулась железная огораживающая сетка. Она увидела на противоположной стороне улицы корпус

массивного грузовика, припаркованного у какого-то здания. У грузовика были сняты все колёса, двери фургона болтались на одном шарнире.

Несмотря на то, что на карте расстояние между «Небесной ночью» и госпиталем Брукхэвен выглядело прямо-таки смешным, Хизер успела запыхаться, пока бежала. Наконец ограждение кончилось. Сетку сменил дощатый забор с выглядывающими чёрными провалами. Чуть дальше Хизер увидела большой трехэтажный дом, покрытый серой краской. Он ей сразу не понравился: дом напоминал старика, больного смертельной болезнью и мрачно вззирающего на мир с ядовитой усмешкой на губах. От него так и веяло затхлостью и безнадёгой. Хизер надеялась, что это не будет заветный госпиталь, но, как оказалось, ошиблась. Подбежав поближе, она увидела над дверью монументальную вывеску, на которой было выгравировано: «ГОСПИТАЛЬ БРУКХЭВЕН». Хизер остановилась, тяжело дыша. Ну вот... добрела.

Надеюсь, там внутри кто-нибудь есть...

Она стояла против парадного входа и старалась прислушаться к звукам, идущим изнутри. Вроде тихо... но когда Хизер напрягала слух, ей начинало казаться, что из-за тяжёлой железной двери слышится странный беспорядочный шум, будто в госпитале идёт ремонт. Что-то передвигали, роняли, передвигали снова. Подняв взгляд, Хизер увидела, что крыша здания обтянута такой же сеткой, что и улица. В Эшфилде только в одном месте она видела подобное – и это было здание психиатрической лечебницы. Сеткой натягивали крышу, чтобы пациентам не взбрело в голову спрыгивать с неё на асфальт.

Надеюсь, госпиталь Брукхэвен на деле не сумасшедший дом...

Уже взявшись за ручку, Хизер услышала за спиной далёкий скрежет. Нечто опять ползло по улице, направляясь к ней. Звук вызвал в Хизер не страх, а досаду. Доколе можно?..

- Да пошёл ты, - отрезала она и толкнула дверь, вступая в тёмные просторы госпиталя Брукхэвен.

Глава 7

Коридор застилала тьма, особенно непривычная после молочного блеска тумана. Хизер закрыла дверь и немного постояла у порога, вслушиваясь в тишину. Ничего. Абсолютное молчание, от которого звенит в ушах. В больнице стояла удушливая спёртая атмосфера с неповторимым привкусом формальдегида. Потолок располагался необычно низко – даже Хизер, особо не вышедшей ростом, приходилось то и дело нервно коситься вверх, чтобы не задеть макушкой грязную лампу. Впрочем, лампы всё равно не работали. Здание было обесточено... и обескровлено.

- Есть кто-нибудь? – без особой надежды окликнула Хизер. Голос прокатился до самых дальних уголков пустого госпиталя и вернулся обратно.

Выглядело так, будто больницу год назад закрыли на ремонт, да и забыли. Здесь не было ни души. Грязь, беспорядок и темнота правили балом в отсыревшем здании.

Хизер попыталась отыскать на стене карту больницы. Но не нашла – на информационном табло у входа висели только жалкие ошметки белой бумаги. Карта была кем-то бесцеремонно сорвана до неё.

Леонарда нет.

Хизер не знала, что и думать. С одной стороны, увидев, каков госпиталь Брукхэвен, ей захотелось как можно скорее покинуть гиблое местечко. Отсутствие объекта поисков было тому замечательной причиной. Но в то же время это означало, что она напрасно проделала весь путь и теперь ей остаётся позорно возвращаться в мотель и ждать Дугласа.

В любом случае, решила про себя Хизер, не стоит выскакать на улицу немедленно. Это чревато встречей с той скрежещущей тварью. Нужно подождать хотя бы пять минут, пока она не удалится. Присесть, перевести дух...

Она пошла по коридору в поисках скамейки, но, кажется, в интерьере госпиталя не предусматривались даже такие простые удобства. А может, это были последствия несостоявшегося ремонта: Хизер увидела беспорядочный ворох кресел и деревянных скамей в конце коридора. На груди, достигающей до потолка, лежали грязные матрацы, одним своим грязно-жёлтым видом вызывающие резь в желудке. Хизер разочарованно вздохнула и повернулась, чтобы вернуться к выходу.

Но так и не дошла. Потому что увидела провал щели между дверью и косяком справа от себя. Она была уверена - когда она проходила только что, двери всех кабинетов были закрыты. Но сейчас... дверь кабинета главного врача ушла внутрь, и в образовавшейся щели был виден уголок шкафчика. Хизер подошла к двери и открыла её полностью. Кроме того самого шкафчика, в кабинете оказался ещё стол с кипой бумаг, раковина и мягкий диван. Окна отсутствовали, поэтому всё виднелось довольно смутно.

Кто здесь?

Хизер подумала, что спросила это вслух, но у неё только шевельнулись губы, не выдавливая звука. В больнице затаился глупый шутник, который приоткрыл дверь за её спиной и спрятался где-то в кабинете. Например, там, за диваном...

Хизер подкралась к дивану и заглянула за спинку. В таком узком пространстве поместился бы разве что ребёнок. Но ребёнка не было. *Никого* не было. Она была одна.

Хизер растерянно огляделась, чувствуя, как у неё засосало под ложечкой. И увидела, как на самом углу столика легла пара белых листочков. Когда она открывала кабинет, их там не было – все документы валялись в центре стола единым хаосом. А теперь...

- Кто?

Еле слышно скрипнула дверь. Хизер дёрнулась в сторону, но тут же заставила себя стоять на месте. Без истерик. Сквозняк, только сквозняк. И нечего так шарахаться.

Но нет... Всё равно. Здесь кто-то был. Хизер кожей ощущала в кабинете незримое, но грозное присутствие. Она всегда чувствовала, если за ней кто-то наблюдал - потому-то в своё время так быстро раскрыла детектива Картланда. И сейчас к ней вернулось то же чувство, что и тогда в торговом центре, но на сей раз оно было сильнее. Кто-то смотрел на неё не отрываясь, едва ли не касаясь её, и взгляд этих глаз был далеко не добрым, а каким-то... похотливым.

Боязливо оглядываясь, Хизер наклонилась над столом и взяла листы, отложенные в сторону. Отложенные для неё. Для кого же ещё?.. В кабинете доктора было слишком темно, чтобы прочитать, что на них написано, и она с превеликим облегчением вышла в коридор. Наблюдатель двинулся следом, не выпуская её из поля зрения, но в широком пространстве его присутствие было хоть менее заметно. Старательно отметая отвратительное ощущение, будто с неё незаметно срывают одежду, Хизер поднесла к глазам первый листок и стала читать:

Леонард В. Второй этаж, палата S12. Страдает зрительными и слуховыми галлюцинациями, эмоциональной неустойчивостью, навязчивыми идеями. Возможно наличие шизофрении. Для более полной диагностики необходимо продолжить наблюдение. Обычно спокойный и доброжелательный. Развито чувство справедливости, но при перевозбуждении становится неуправляемым.

Вот он, тот Леонард, о котором говорил Винсент. Его история болезни. Значит, он всё-таки здесь... Хизер перечитала записку ещё раз. Ещё один псих... И какое дело ей связываться с ним? Чем он сможет ей помочь?

Впрочем, сейчас уже поздно отнекиваться. Нужно найти и выяснить самой.

Второй этаж, палата S12.

На радостях Хизер совсем забыла о втором листе. Торопливо запихнула оба листа в карман и направилась было в конец коридора, где находилась лестница, как почувствовала холодное дыхание у себя на шее. Наблюдатель выдохнул только один раз. Хизер приглушённо вскрикнула. Холод чужого дыхания проник до мозга костей.

Ни о чём не забыла?

Не смея перечить, Хизер снова вынула из кармана скомканную бумагу. По формату это тоже была обычная история болезни. Она приставила палец к неровным прыгающим буквам и стала читать, шевеля губами:

Стэнли К. Второй этаж, палата S07. Обычно пассивен, труслив и эгоистичен. Иногда проявляет одержимую привязанность к какой-нибудь женщине. Как правило, это вызывает в нём приступы жестокости. Может быть опасен.

Хизер дочитала и бессильно уронила бумагу на пол. Наблюдатель на этот раз ничем себя не проявил. Стало быть, он удовлетворён. Пока.

Стэнли К. Ещё одна заблудшая душа, избравшая тёмный путь и нашедшая приют в этих стенах. Печально, но зачем это знать Хизер?

Надеюсь, госпиталь Брукхэвен на деле не сумасшедший дом, вспомнила Хизер. Увы и ах, похоже, так оно и было.

Идти, идти, идти! И побыстрее, прочь от этого липкого взгляда... Хизер быстро зашагала по коридору, но наблюдатель не отставал. Да что же это такое, в конце концов? Что за чертовщина?..

Ответ ждал её у конца коридора. Дневник лежал на сверкающей металлом больничной каталке, заботливо раскрытый на нужной странице. Хизер сперва заметила даже не сам дневник, а куклу, лежащую рядом. В детстве она любила играть с куклами, у неё было несколько любимиц, с которыми она вместе ложилась спать. Прежде всего, конечно, Мона. Настоящая милашка, но при мысли о бывшей фаворитке Хизер почему-то становилось неуютно.

Эта кукла выглядела весьма трогательно. Возможно, потому, что была полностью самодельной. Чёрные волосики до пояса, розовое платьице и тоненькие ножки, слепленные из воска. Кто бы это ни делал, он вложил в поделку немало труда. Но почему кукла лежит в столь неподходящем месте?

Хизер подняла дневник. На обложке не было имени владельца. Сильно накрепённым вправо почерком была исписана только одна страница – та, на которой дневник раскрыт. Остальные листы остались девственно чистыми. Почерк был угловатый, вроде бы и твёрдый, но слова шли волнами, то улетаая вверх над строкой, то резко опускаясь вниз. Хизер непроизвольно вздрогнула, увидев среди вороха слов своё имя.

Наконец-то настал этот день - день, когда мы встретимся. Я всегда думал о тебе в этой мрачной камере... Всегда, хотя не знал твоего имени и не видел твоего лица. Но теперь я знаю. Знаю, что ты – та самая, которую я ждал.

Разве ты тоже не ждала меня? Признайся, ведь поэтому ты и пришла сюда - спасти меня. О, Хизер, как я люблю тебя.

Я хочу дать тебе свою куклу, которая будет напоминать тебе о нашей встрече, о нашей вечной любви. Ах, я уже вижу твоё улыбающееся лицо.

Стэнли Колмен.

Господи... Как такое возможно? Хизер снова посмотрела на куклу, сиротливо брошенную на каталку. На этот раз она увидела больше, чем в первый раз. Розовая ткань была грязной и рваной, к тому же кое-где на ней засохли капли слизи. Пряди волос... они слишком походили на настоящие. Возможно, это и были натуральные человеческие.

Хизер скривилась. Нет уж, такой подарочек ей ни к чему. Отвратительно. Она бы не прикоснулась к этому даже десятифутовой палкой.

Стэнли Колмен... Это он преследует её по госпиталю, пожирая взглядом? Хизер зябко поёжилась и в который раз украдкой посмотрела назад. Никого не было, но она знала, что это не так. Обитатель палаты S07 стоял сейчас рядом с ней и пускал слюни, а она его не видела. Но *он* видел. Человек, который, возможно, умер много лет назад, – но душа его осталась жить в стенах своего последнего прибежища. Смерть и время в Тихом Холме были понятиями растяжимыми.

Хизер... Бог с ним, с Леонардом. Может, уйдёшь и вернёшься сюда с Дугласом, а?

Жалобный писклявый голосок усталого ребёнка. Хизер узнала бывшего внутреннего собеседника. Опустошающее одиночество быстро давало плоды – она снова была близка к тому, чтобы общаться с воздухом.

В какой-то мере голос был прав. Находиться совсем одной в заброшенной больнице в компании психа, мучимого сексуальными комплексами (пусть даже призрака), было чревато. *Может быть опасен*, вспомнила Хизер выписку из истории болезни. Но она была уверена, что, если понадобится, она с ним справится. Да и потом... Стэнли всего лишь призрак, верно? К тому же он вряд ли станет нападать на свою *возлюбленную*, или кем там он её считает.

Есть дела поважнее.

Хизер вернула дневник на место. Подумала, стоит ли пересилить брезгливость и принять «подарок»... но ещё раз бросила взгляд на поделку и поняла, что ни одну секунду не сможет быть спокойной, если эта дрянь будет лежать в кармане.

Дверь на лестницу нашлась чуть дальше, напротив большой двустворчатой двери, ведущей в палаты. Хизер поднялась на второй этаж и провела палаты, которые находились там. На всех дверях красовалась буква М. М, а не S. Значит, палата S12 находилась на третьем этаже. Хизер пришлось сделать ещё один подъём по скрипучей лестнице. Стэнли парил где-то рядом, но теперь, когда Хизер уяснила для себя, что к чему, он особого беспокойства не доставлял. Неизбежное зло, и ничего больше. К тому же Стэнли был в госпитале не один. Хизер несколько раз уловила в воздухе едва заметное шевеление, будто прямо перед ней проносились туда-сюда толпы невидимок. И каждый раз, когда она чувствовала это, на мельчайшую долю секунды её охватывало странное чувство. Оно длилось настолько коротко, что Хизер даже не успевала осознавать, что происходит, как это кончалось, оставляя за собой лишь недоумение. Когда это повторилось несколько раз, она уразумела, что в госпитале есть другие неуспокоенные души. В отличие от Стэнли, запавшего на неё, они не проявляли к ней интереса, и она чувствовала их присутствие только в момент непосредственного прикосновения. Может, она ошибалась, но такое объяснение было не лучше и не хуже, чем любое другое.

На третьем этаже Хизер постигла неудача. Двустворчатая дверь была обита железом и крепко заперта, и она не могла проникнуть в коридор с палатами. Рядом с дверью в сумраке горел красный огонёк кнопочного табло.

Ах да, вспомнила Хизер, оно и понятно. Если Леонард и Стэнли оба содержались на третьем этаже, то, вероятно, этаж полностью выделен психически больным. Вот почему эта железная дверь, кнопочная панель и даже автономный генератор (свет в здании был отключён, а панель работала – значит, механизм двери питался от отдельного генератора), – чтобы психи не вырвались наружу в случае отключения энергии, что в провинциальных городах не редкость.

Но это означало, что перед ней встала непреодолимая проблема. Хизер растерянно провела ладонью по шершавым резиновым кнопкам с циферками. Код она не знает, спросить не у кого... Может, спуститься и порыться в записках в кабинете врача?

Хизер.

Она услышала своё имя вполне отчётливо. И это не была игра воображения – от дуновения воздуха у неё качнулись волосы на лбу.

Хизер...

Голос – даже не шёпот, а неслышный выдох, - исходил из-за двери, которая была напротив. Обычная дверь с надписью «Специальная терапия». Хизер не вполне понимала, что это означает, но звучало ужасно. На ум приходили длинные металлические скальпели и прозрачные стеклянные шприцы в пятьдесят кубиков.

Хизер.

Голос зазвучал настойчивее. Вкрадчивый мужской баритон, змеей вливающийся в уши. Он гипнотизировал, манил к себе, подчиняя своей воле. Хизер поймала себя на том, что уже безотчётно сделала пару шагов ближе к двери. Как в плохом ужастике, где героиня идёт за неизвестным зовом, чтобы потом из-за двери выскочило чудовище и сожрало её одним махом...

Не ходи! Слышишь – не смей открывать эту дверь!

Там что-то важное. Я чувствую.

Табличка «Специальная терапия» была уже под самым носом. Хизер протянула руку и открыла дверь. Комната за ней оказалась пустой. Голос стих, впитавшись в стены. Хизер видела только белую штукатурку потолка и четыре закрытые кабины на дальней стороне комнаты. С виду они были похожи на будки для голосования или туалеты. Но если те обычно запирались изнутри, то здесь на двери трёх из четырёх кабинок висели увесистые железные ключи. С наружной стороны.

Это были камеры для буйных. И только одна из них была открыта.

Он там...

Стараясь перебороть дрожь в коленках, Хизер приоткрыла дверь кабины - совсем чуть-чуть, - но ничего не увидела. Тогда она, набравшись храбрости, распахнула её одним рывком. Обратная сторона двери, как и стены кабинки, была покрыта толстым слоем поролон. Хизер сразу заметила, что серый поролон всюду искусан, порван и разорван. Кое-где можно было видеть длинные царапины от ногтей, впившихся в войлок. Она попыталась представить себе, каково приходилось человеку, которого запирали в этой темнице пять на пять футов... когда он оставался наедине с собой и своими большими фантазиями. Не смогла.

Но в углу лежал дневник. И кукла. Дневник был открыт на исписанной сверху донизу странице. Хизер могла бы поспорить на сто долларов, что остальные листы чистые. А кукла... Нет, это была другая. Платице другого выреза, и волосы не такие угольно-чёрные, как там, на первом этаже, а с рыжеватым оттенком. Хизер вытянула дневник к себе кончиками пальцев, стараясь не задеть куклу. От страниц пахло плесенью. Чернила выцвели.

Хизер, любимая... Знаешь, я всегда слежу за тобой. Неважно, где ты и что делаешь, я никогда не потеряю тебя из виду. Я знаю, сейчас ты чувствуешь ужасное одиночество. Тебе осталось только подобрать ключ к этой двери... Чувства не выдержат длинного пути. Мы не виделись так давно. Будь терпеливой - ещё немножко. Я тоже потерплю, хоть и спешу заключить тебя в свои крепкие объятия. А ключ к двери - он за полками, под землёй. Почему там? Спроси этого глупого доктора. Я уверен, он объяснит. Он вообще всё может объяснить.

Здесь нет ни одного нормального человека. Нет, не здесь, в больнице. Я имею в виду всех, кто находится в Тихом Холме. Кроме меня.

А почему ты не взяла с собой мою куклу?.. Ах, ну да, конечно – ты стесняешься. Хизер, какая же ты милая!

Стэнли Колмен.

На последнем абзаце лицо Хизер перекосила гримаса отвращения. Ей вдруг расхотелось открывать эту заветную дверь. Что... что, если за ней её действительно будет

ждать этот безумец? Что, если он ласково заглянет ей в глаза и спросит своим вкрадчивым баритоном: «А где моя кукла, Хизер?». Что она тогда сделает?

Она перечитала дневник ещё раз. *Ключ к двери - он за полками, под землёй.* Подвал?

Хизер встала и вышла из кабинета специальной терапии. За окнами солнце уже начало заходить, и свет, падающий из окон на пол коридора, померк. Странно – она думала, что приехала в Тихий Холм где-то в полдень, и до заката ещё далеко. Впрочем, время здесь текло по-иному. Учитывая повадки здешней природы, ничего удивительного в том, что она торопила наступление ночи, не было.

Выйдя на лестничную площадку, Хизер стала спускаться вниз. Третий этаж, второй, первый, подвал. Она боялась увидеть помещение, скрытое в абсолютной тьме, но, к её удивлению, подвал был залит ярким электрическим светом. За одним из дверей (все выкрашены в зелёный цвет) слышалось мерное гудение. Наверно, это и был автономный генератор.

К шуму генератора примешивался ещё один звук, скрипящий, режущий слух. Хизер не могла понять, откуда он доносится, пока не дошла до угла коридора. Там, дальше по коридору, лежала сваленная набок инвалидная коляска. Выглядела так, будто врезалась в стену на скорости хорошего гоночного болида. Верхнее колесо ещё вращалось, несмотря на поломанный стержень, и издавало пронзительно-мучительный скрип. Хизер с ужасом увидела кровь, обильно размазанную по колесу и по спинке коляски. Первое, что пришло на ум – здесь рядом какой-то калека, которому нужна помощь. Кровавый след, будто тащили тушу мёртвого животного, исчезал за очередным поворотом. Хизер направилась туда, глядя под ноги, чтобы не наступить на лужи крови. Они были ещё совсем свежими, кровь даже не свернулась. Когда Хизер выровнялась с коляской, скрип оборвался – колесо медленно рухнуло на пол с торжественным звоном. Хизер снова посмотрела на коляску, испытывая смутную тревогу. Кажется, она уже что-то подобное видела... Ну да, точно такая инвалидная коляска стояла в Хилтоп-центре. На ней тогда сидела обезображенная кукла. Кукла... Кукла встала и пошла, истекая кровью?

Брр. Хизер замедлила шаг; теперь она уже не так горела желанием помочь бедному калеке.

Я заверну за угол... и что там увижу?

В ожидании чего-то страшного Хизер сделала шаг вперёд и с замиранием сердца повернулась влево.

На первый взгляд стена казалась абсолютно красной; столько крови было разбрызгано вокруг. Горячая, дымящаяся кровь на полу, на каждом из стен, на потолке, на двери лифта... Человек не смог бы уйти после потери такого количества живительной жидкости. Этот ушёл, но недалеко. Дверь лифта была закрыта не полностью – из щели вытекала струйка крови, накапливающаяся у ног Хизер. Солоноватый запах забивал ноздри. Она зажала нос и сделала шаг назад, убегая от подползающей красной лужи.

Что здесь произошло?

Коридор напоминал поле битвы; попеременно с брызгами крови по всему полу были раскиданы гильзы. Не один и не два, по меньшей мере сотня. Палили, кажется, из автомата. Противоположная стена была разнесена на куски длинной очередью; частицы штукатурки белели на кровавых лужах, как обломки костей. Кто бы ни сидел на коляске, он не хотел умирать. Он хотел спасти свою жизнь... от кого-то, кто напал на него здесь. Но не сумел. Он лежал здесь, внутри кабины лифта, не успевший дотянуться до кнопки, и кровь сочилась из бездыханного тела. Хизер могла при желании открыть лифт и увидеть его. Вместо этого она согнулась в три погибели и стала нашаривать за спиной ручку двери. Ручка нашлась на удивление быстро, и она с облегчением ввалилась внутрь. Свет здесь то и дело подмигивал, погружая комнату в кратковременную, но оттого не менее страшную тьму. Когда свет зажигался снова, становилось видно, какой бардак здесь царит: орды высыпанных на пол флаконов с лекарствами (скорее всего, давным-давно просроченными), алюминиевые костыли, кипы грязных медицинских халатов. Апофеозом

столпотворения был большой аптечный шкаф, повернутый, пожалуй, под самым неудобным углом из возможных. Первое время Хизер не обращала на всё это внимания: она просто сидела, опершись спиной о дверь, и старалась прийти в себя. Получалось плохо – жуткая кровавая сцена в коридоре стояла перед глазами и не хотела забываться. Дело было не только в крови. Эта коляска... эти следы... они что-то вновь напомнили Хизер, пробуждая в ней Алессу. Это было хуже всего.

Кое-как справившись с ощущениями, она встала и бегло огляделась. Ничего интересного. Нужно возвращаться в коридор и быстро бежать назад, стараясь не смотреть на коляску и испачканные в крови гильзы.

Хизер...

Опять этот противный голос за плечами. Вкрадчивый и настойчивый. Он начинал надоедать, как и внутренние голоса. Хизер раздражённо обернулась. *Что?*

Там стоял только шкаф. Громадный аптечный шкаф, смахивающий на здоровяка в толпе дистрофиков. Внутри лежали бинты и медикаменты. В принципе, Хизер не помешало бы немного полечиться (хотя бы перебинтовать рану на ноге, а то она продолжала навязчиво зудеть, и Хизер беспокоилась, как бы не началось заражение крови), но сейчас было не время. Спасибо, Стэнли, такая трогательная забота. Нет, правда. Кстати... не мог бы ты наконец сказать, куда ты всё-таки подевал свой чёртов ключ?

Ключ к двери - он за полками, под землёй.

Шкаф... А на ней полки. И стоит под странным углом - так, что за ним пустое пространство величиной с сундук. Интересно...

Хизер попробовала сдвинуть махину в сторону. Шкаф, заваленный лекарствами, был очень тяжёлым. Весил, наверное, добрых три-четыре сотни фунтов. Пропотев до одышки, Хизер наконец сообразила, что делать. Она открыла дверь шкафа и вывалила всё содержимое на пол. С возмущённым хлопком лопнули несколько ампул. Жидкости перемешались, издавая шипение, и в воздухе запахло горьким. Когда Хизер вновь приложила плечом к боковой стенке шкафа, ножки скрипнули, сдирая краску с пола.

Вот так-то лучше.

Когда расстояние между задней панелью и стеной достигло ярда, Хизер остановилась и, тяжело дыша, заглянула в проём. К её разочарованию, там ничего не нашлось. Хизер недоумённо посмотрела на грязный, обвешанный серой марлей паутины угол... и в сердцах хлопнула кулаком по стене. Штукатурка прилипла к пальцам острыми кусками.

Невидимый воздыхатель обманул её. Чёртов извращенец. Ну куда он ещё мог деть этот ключ? Нет, она не будет перекапывать в этом подвале каждое мусорное ведро...

Свет мигнул снова, на этот раз трижды подряд. Хизер услышала, как в соседнем помещении поперхнулся генератор. Нормальная работа быстро восстановилась, но это был сигнал, что пора выбираться. Источник питания дышал на ладан. Хизер окинула угол последним взглядом и отвернулась. Поворачиваясь боком, она мимолётом заметила, как на задней стороне шкафа видны какие-то тёмные потёки. Это могло быть что угодно – очередная паучья сеть, дефект древесины, фекалии тараканов – но Хизер тут же вспомнила уже замозолившую ум запись в дневнике: *Ключ к двери - он за полками, под землёй.*

Она выгнулась в сторону, чтобы рассмотреть заднюю панель. В последний момент в генераторной что-то громко щелкнуло и свет надолго погас, оставив Хизер лицезреть темноту, но за секунду до этого она успела увидеть четыре корявые цифры, которые расплывались на поверхности древесины: 9457.

Глава 8

Солнце зашло. Цифр на кнопках уже не было видно, и Хизер нажимала почти наугад. Сначала девятка, потом четыре, пять и семь. На семёрке табло радостно пискнуло и огонёк сменился на зелёный. Дверь оторвалась от косяка.

Хизер не стала сразу заходить в коридор. Этот безумец Колмен писал, что будет ждать его там, и от этого теперь уже нельзя было так просто отмахнуться. Стэнли говорил, что он единственный нормальный человек в городе. Хизер так не считала. И ни капельки не желала общения с «нормальным человеком», который некогда забился за аптечный шкаф в подвале и вывел там своей кровью код к замку.

Но дверь уже была открыта. Отступить поздно.

Едва зайдя в коридор, Хизер почувствовала запах гнили, который примешивался к воздуху. Наверное, так должно было пахнуть в моргах. Но почему здесь? Прямо перед ней валялась куча сломанных стульев с оторванными ножками. Дальше располагались палаты. Коридор выглядел неестественно вытянутым в длину, дальнего конца было вообще не видеть. S12, напомнила себе Хизер. Палата Леонарда. Проверить – и бегом назад, с чистой совестью. Просто, как апельсин. У неё получится.

Но для этого сначала нужно пройти мимо палаты S07.

На всякий случай подобрала одну из увесистых деревянных ножек, Хизер двинулась по коридору. Темнота, казалось, густела на глазах, и ей это не понравилось. Слева в последних лучах сумерек сверкнула надпись S01. Запах разложения усиливался, вызывая тошноту. Будто... будто здесь где-то притаились мертвецы... Ай...

S03. Выкрашенные белой краской стены сбивали с толку, позволяя воображению вволю рисовать снующие тут и там фигуры призраков. Хизер хотелось закрыть глаза, но едва она это делала, как её охватывала уверенность, что вот-вот перед ней развернется чёрная бездна и она упадёт туда. Глаза приходилось срочно открывать.

S05. Ей кажется, или на том конце что-то начинает неуклюже подниматься с пола, опираясь на тонкие спичечные конечности?

Хизер...

Она вскрикнула, когда чужие пальцы провели по шее, опускаясь до спины. Когда она обернулась, рука, щупавшая её, пропала, превратившись в фантом сумрака, но на коже остался холод от прикосновения. Хизер стояла рядом с палатой S07. Здесь лежал пациент по имени Стэнли Колмен.

Не отвлекаться, сказала себе Хизер. Иди дальше. Что бы ни случилось, иди дальше, и всё будет хорошо.

Опустив взгляд на пол, она сделала ещё три шага. Потом закричала, потому что услышала дыхание. Дыхание было резким и клокочущим, как предсмертный хрип астматика. Оно взялось без предупреждения из ниоткуда, парализуя волю девушки миллионом блестящих иголок. Каждый выдох приносил с собой невообразимую трупную вонь – запах мёртвого посеревшего мяса, рвущегося при прикосновении. До того, как подняла взгляд, Хизер увидела ноги в высоких красных туфлях со шпильками, и эти ноги шли к ней. Она подалась назад, поднимая голову. И увидела всё остальное.

Женщина была облачена в полуистлевший медицинский халат, висящий на остовах её остроконечных плеч. Глаза упирались в пол – она была сгорблена, как старик, и делала резкие, дёрганые шаги вперёд, опираясь на сломанный костыль, сжатый в руке. Казалось, она вот-вот не сдержит равновесия и рухнет. Воздух со свистом вырывался из лёгких, порождая жуткое, невозможное дыхание, отдающее могильными червями. Гораздо выше ростом, чем Хизер, медсестра нависала над ней, как колосс, загораживая всё.

Хизер отступала назад. Она уже не кричала: после первоначального шока она успела более-менее прийти в себя, но ноги всё равно казались сложенными из ватных шариков. Она не могла бежать – только пятиться спиной вперёд черепашьими темпами, не сводя глаз с медсестры, с её коротких неровно стриженных чёрных волос, и слушать дыхание, вбедающее в голову.

Падай, молила она про себя, *падай же!* Тогда бы она просто развернулась и бросилась бегом. Но медсестра упорно не падала. Наоборот, шаги стали увереннее, теперь она редко ступала вкривь и вкось. Медсестра подняла свой костыль и направила острый обломанный конец в сторону Хизер – скорее угроза, чем реальная атака, но у девушки разом зашевелились волосы. Она вспомнила, что тоже держит в руке сломанную ножку стула, и схватилась за спасительное оружие обеими руками, выставив вперёд в защитном жесте. Медсестра продолжала ковылять по белому паркету, оставляя на нём следы грязных подошв.

Она мертва? Теперь, когда у Хизер была возможность напасть на медсестру, она в первую очередь задалась вопросом. Если она мертва и это очередной монстр, то можно защищаться, как обычно... но если она жива, то что делать? Несмотря на ту кровавую баню, через которую прошла Хизер, она не хотела никого убивать. И тем более людей. Клаудия – да... но это особый случай.

- Стойте, - хрипло сказала Хизер, чуть замедляя шаг. Но медсестра продолжала тупо ползти вперёд, будто не слышала её вовсе.

- Стойте, слышите?

Кажется, медсестра всё-таки услышала, потому что яростно ткнула вперёд костылём. Кончик не достал до Хизер фуюом, зато обдал её потоком гнилостного воздуха. Она почувствовала, как внутри неё опять шевельнулся червячок тёмной половины, на секунду наполнив её неконтролируемым бешенством.

S01. Надпись уже не была видна, Хизер скорее догадалась, чем увидела его. Первая палата, скоро она упрётся в стену. Нужно что-то делать...

Возможно, Хизер так и не решилась бы на нападение и убежала бы за приоткрытую кодовую дверцу, но как раз в момент решающего выбора медсестра выпрямилась в мощном броске, показав ей своё лицо во всей красе. Лица, в принципе, не было. Было протухшее мясо с воткнутыми в него белками глаз и редкими прилепленными лоскутками когда-то белой кожи. Были неестественно красные губы, сквозь которые провис длинный язык. ЭТО не могло быть живым человеком. Ни в каком случае. Всего лишь очередное бездушное чудовище, принявшее одно из бесчисленных образов. И его нельзя было убить. Сколько бы ни рубить, стрелять, жечь его ипостаси... он всегда возвращался.

Поэтому, едва завидев лицо мёртвой медсестры, Хизер без колебаний коротко размахнулась и опустила ножку стула на её череп. Такого стремительного поворота событий медсестра не ожидала. Издав тонкий крысиный писк, она повалилась на пол, не успев даже шевельнуть костылём. Хизер не стала медлить и повторила процедуру: из прошлого опыта она знала, что в борьбе за свою жизнь лишняя жестокость лучше, чем недостаточная. Безопаснее. Но она всё-таки поморщилась, услышав хруст костей под своими руками. Медсестра затихла.

Слава Богу, в коридоре стало уже совсем темно, и Хизер не видела ни крови, ни разможжённого черепа. Она не выдержала бы вида человеческого тела. Хоть она и уверяла себя, что мёртвая медсестра ничем не отличается от того монстра из канализации, в душе всё равно стало паршиво. Будто она действительно только что жестоко прикончила человека...

Стоп. Хизер, ты забываешь Главный Закон Выживания – не размышлять. Не надо... хорошо?

Она быстро переступила через труп (на этот раз уже точно – труп) и убежала в конец коридора. Скорее, пока не пришли другие... В том, что другие придут, она не сомневалась. Монстр не умер, монстр повержен... на некоторое время. И это время нужно использовать с умом.

Палата S07. На этот раз не было никаких воздыханий за спиной и прикосновений к шее. Ну и слава Богу. Но Хизер всё-таки бросила укоризненный взгляд на запёртую дверь. И где же ты, Стэнли? Защитничек... Как только в воздухе запахло опасностью, от него и

след простыл. Пассивен и труслив, так, кажется, было написано в истории болезни? В точку.

Коридор здесь кончался. Справа был короткий проход – на стене вырисовывались очертания двери лифта. Троица последних палат. На двери средней палаты висела табличка S12. Палата Леонарда. Такая же, как все остальные – ворон из стаи воронов. Хизер увидела, что пришла зря. Заветного Леонарда в палате не было. В палате не было никого. Зато была аккуратно постелённая кровать, тумбочка с флаконами, телефонный аппарат и зарешеченное окно. Тюремная камера, ни дать ни взять.

- Всё, - устало сказала Хизер и рассмеялась. - Прибыли.

Она снова не знала, радоваться или огорчаться, что Леонарда здесь не оказалось. Она искала его, да. Но после всех злоключений в госпитале, населённом кем угодно, но только не нормальными людьми, она не хотела ещё одной беседы с ещё одним психом. А в том, что Леонард сумасшедший, она уже не сомневалась.

Она уже хотела выйти из палаты обратно и спуститься вниз, пока не подоспела новая порция монстров Специально-Для-Хизер. Когда она открыла дверцу, тишину, царящую в палате, взорвала трель звонка. На тумбочке зазвонил телефон.

Хизер обернулась. Телефон звонил бодро и громко, внося оживление в этот мир бездвижности. Хизер проследила взглядом по подключённому к аппарату проводу. Исправно тянется к сети, но ведь тока в здании нет. Вряд ли телефон питается от автономного генератора, подумала Хизер. Но работает. Снова какая-то чертовщина.

Она подождала полминуты, подсознательно выжидая, когда телефон утихомирится. Но звонки раздавались один за другим, не собираясь заканчиваться. Хизер поняла – кто-то *знает*, что она находится в палате. И отвертеться от разговора не удастся. Нужно снять трубку.

Здравствуй, Хизер. Это я, Стэнли. Ну вот мы и...

Она взяла трубку с опаской – боялась, что её обожжёт жаром или, может, ударит током. Ничего не случилось. Когда она медленно поднесла трубку к уху, грубый мужской голос рявкнул:

- Клаудия?

Клаудия? У Хизер остановилось сердце. Значит, Винсент не соврал...

- Я не Клаудия, - ответила она. – Послушайте...

- Не ври мне, Клаудия! – голос бесцеремонно оборвал её. – Надеюсь, ты пришла извиниться? Или же всё ещё не понимаешь собственную глупость?! «Спасение всего человечества» - ха!

Голос напирал и напирал, как танк, не оставляя шанса на сопротивление. Собеседник выдохнул всю реплику единым махом, не давая Хизер ни секунды на возражения. Это был голос человека, который не привык, чтобы ему перечили. Каждое последующее слово звучало громче и жёстче предыдущего. Человек на том конце провода фактически накрикивал на Хизер, как на собаку.

- Пойдите, одну секунду, я всё объясню...

Собеседник громко фыркнул:

- Нет уж, уже наслушался. Одного не могу понять – как я допустил, чтобы ты свернула на этот путь? Где я ошибся?!

- Я не Клаудия! – в отчаянии прокричала Хизер в трубку. Наступило молчание. Собеседник тяжело дышал, и Хизер слышала хриплый свист в трубке. Потом он спросил уже более мягко:

- Так ты не Клаудия?

Уф, наконец-то. Хизер облегчённо вздохнула:

- Нет. Меня зовут Хизер.

- Хизер... – голос вторил за ней, как эхо. В нём слышались хищные щенячьи нотки.

- А вы кто?

После непродолжительного молчания (сказать – не сказать?) собеседник неохотно признался:

- Леонард Вульф.

Пока Хизер переваривала это, он мрачно добавил:

- Извини, Хизер. Я думал, что ты моя дочь.

- Что?!

Хизер уставилась на трубку с полуоткрытым ртом. Леонард... Вульф?

Я думал, что ты моя дочь.

Без него Клаудию вам не отыскать.

Винсент. Он не врал. Когда Хизер поняла, с кем разговаривает, стены палаты поплыли, заставив её без сил присесть на кровать. На том конце провода дышал в трубку отец женщины, которую она собиралась убить.

Глава 9

Казалось, прошла целая вечность, пока в динамике не раздался обеспокоенный голос Леонарда:

- Хизер? Ты меня слышишь? Что случилось?

- Клаудия... Она ваша дочь? – Хизер не узнала собственный голос.

- О, так ты её знаешь, - с иронией протянул Леонард, и вдруг его голос взорвался неприкрытой злостью. – Ну так чего сюда притащилась?! Ты одна из её служак, да?

В любое другое время Хизер, если бы с ней так разговаривали, просто повесила бы трубку. Но она, наоборот, плотнее прижала мембрану к уху.

- Нет, - твёрдо сказала она. – Никогда.

Она вспомнила прищуренные глаза женщины, её почти отсутствующие брови и скользкую по краям губ мерзкую улыбку, и положила сжатую в кулак руку на тумбочку.

- Когда я найду её, я...

Она осеклась, осознав, что сболтнула лишнее, но было поздно. Леонард процедил угрожающе тихим голосом:

- Я чувствую ненависть.

- Что?

- За твоими словами стоит гнев, - торжественно объявил Леонард. Хизер могла бы поклясться, что собеседник на том конце замурлыкал, словно кот.

- Ты собираешься убить её, Хизер, не так ли?

Она закрыла глаза.

- Да, - призналась она. Какой смысл отрицать, если он уже всё знает. Пластмассовая трубка в руке закрипела, готовая треснуть. – Извините. Но она... она убила моего отца.

Тишина. Хизер ждала новой вспышки ярости. Сейчас он заорёт снова. А может, просто-напросто бросит трубку, и она никогда больше с ним не поговорит. Так было бы лучше всего.

Но Леонард не бросил трубку и не стал кричать. Он говорил вполне спокойно:

- Клаудия глупа, но она моя дочь. Я ждал её, собирался простить, если она осознает свои ошибки и станет на верный путь. Но теперь я вижу, что уже поздно...

О чём он говорит? Какой верный путь? Кажется, в семье Вульф были неразрешимые внутренние проблемы. Хизер молча слушала густой бас Леонарда, прислонившись к спинке кровати. После первоначального возбуждения её начало клонить ко сну.

- Хизер? Хизер, ты здесь?

- Да, - сонно отозвалась она, отгоняя дремоту.

- Хизер, ты не можешь мне помочь?

Могу, подумала Хизер, только стоит ли? Этот неуравновешенный тип был опасен. И вдвойне опасен потому, что знал о её намерениях. По-хорошему, Хизер нельзя было

подходить к Леонарду Вульффу на расстояние пушечного выстрела, чтобы не схлопотать себе неприятности.

- Хизер, я не могу найти выход. Меня заперла Клаудия со своей сворой, чтобы я не мешал их делишкам. Чёрт побери, я должен выбраться отсюда и остановить её!

Леонард снова начал кричать. Хизер успокаивающе вскинула руку:

- Хорошо, только не волнуйтесь. Где вы?

Леонард подумал:

- Точно не знаю, но где-то в больнице. Дверь находится в конце коридора второго этажа. Это всё, что я могу сказать.

- Ладно, я найду вас, - уныло ответила Хизер.

- Скорее, - поторопил Леонард. – Помоги мне, и, думаю, я тоже смогу тебе помочь. У меня есть Печать. Пожалуйста...

Пошли короткие гудки. Хизер недоумённо посмотрела в мембрану, испрещённую мелкими дырочками:

- Печать?

Что он имел в виду?

Она положила трубку на место и посмотрела на зарешеченное окно. На улицу спустилась тьма.

Теперь перед ней был выбор: либо положиться на слова Леонарда и разыскать его в здешних катакомбах, либо уйти. Повернуться и уйти из власти этих осточертевших стен. Последний вариант манил своей простотой и относительной безопасностью, но это был ошибочный путь. Потому он и был прост.

Думаю, я смогу тебе помочь, сказал Леонард.

Неужели он действительно пойдёт на то, чтобы содействовать убийству дочери, пусть и имеющей с ним разлады? Нет, нет и ещё раз нет. Это подстава. Он убьёт Хизер, если она в своей бесконечной наивности заявится к нему. Ни один отец...

До вчерашнего дня Хизер поверила бы этому. До вчерашнего дня, когда она пребывала под куполом любви и доброты, возведённой для неё отцом. Но теперь, когда купол рухнул и она увидела за ним бесконечную жестокость мира, она с неохотой признала: скорее всего, Леонард не хитрил и говорил, что думал. Он действительно готов был помочь девушке, которая планировала убить её дочь. Лишь бы она выпустила его из темницы.

Хизер вышла в коридор. Прибавлений полку мёртвых медсестёр не было, по крайней мере, пока; Колмен тоже ничем не отметился. Она прошествовала мимо пустых палат, переступив через труп, и вышла на лестничную площадку. Спустившись на второй этаж, Хизер прошла в коридор с палатами. К счастью, здесь не было того удушливого запаха гнили, который стоял этажом выше. Да и сам коридор выглядел как-то опрятнее и чище. Хизер подошла к концу, постукивая в дверь каждой палаты. Леонард не отвечал. Дойдя до конца, Хизер не без усилий открыла дверь, разделяющую блоки палат... и остановилась.

Коридор здесь заканчивался. Заканчивалась и больница. Вместо безликих палат и старательно обелённых стен за дверью был каменный коридор, по бокам которого висели забранные проволочной сеткой фонари. Хизер сразу вспомнила о канализации. Жутко походило на подземный проход, по которому она однажды уже имела честь пройти.

Она обернулась, уверенная, что за спиной тоже появились каменные своды, освещённые тусклыми огнями, отбрасывающими на стены тени. Но там было всё нормально: палаты, неработающие электрические лампы, темнота...

Я сошла с ума?

Хизер потрогала первую каменную кладку рукой. Не похоже на иллюзию. Но если это один из тех самых «переходов», почему коридор за ней не изменился? Почему с потолка не капает кровь, а под ногами не звенит стальная решётка?

Она сделала один шаг, переходя от госпиталя в каменный коридор. Шаг дался тяжело, будто на границе висела невидимая упругая плёнка, оказывающая сопротивление. Хизер почувствовала укол боли в задней части головы.

Ну... и что?

Она не могла видеть, куда идёт коридор, потому что в двадцати шагах впереди он поворачивал под прямым углом. Хизер вдруг пришла в голову сумасшедшая мысль: это всё Клаудия. Она хотела посадить своего отца в темницу и добилась, чтобы часть коридора отреставрировали под манер средневековой тюрьмы, где отцу, по разумению любящей дочери, было самое место.

Она пошла вперёд, считая лампы и постоянно оглядываясь, чтобы не потерять из виду коридор госпиталя. Вид палат придавал ей уверенность – осознание того, что в любой момент она может вернуться обратно, стоит только захотеть. Она тешила себя этой мыслью до того момента, пока после очередного шага за спиной с громыхающим лязгом не упала железная решетка, загордившая проход.

- Эй! – закричала Хизер и бросилась назад. Схватившись за толстые прутья, она принялась трясти решётку со всех сил, но без толку: тяжёлая конструкция не шелохнулась. Путь назад был отрезан. В свете лампы на потолке чернел неприметный проём, из которого вывалилась решетка.

Хизер посмотрела на далёкий коридор за металлическими прутьями. Всё... теперь дорога ей только вперёд, вглубь этих сводов. Может быть, теперь она заперта здесь с Леонардом. В какой-то момент её охватил животный страх – ей захотелось кинуться на прутья и дёргать их, толкать, вцепиться в них зубами, чувствуя во рту привкус ржавого металла. Но она удержалась. Если что и могло помочь ей, это собственное спокойствие и уравновешенность. Хизер крепче схватилась за ножку стула и пошла дальше, туда, где коридор сворачивал в неизвестность.

За поворотом ничего не было. Всё такой же коридор, только на этот раз бесконечный. По крайней мере, таким он казался – ламповый ряд тянулся, как ёлочная гирлянда, и сливался в пару светящихся ниточек далеко-далеко. Хизер сжала губы до крови и пошла вперёд. В голове крутилась одна мысль: что, если коридор действительно бесконечен? Тогда она будет идти, идти... пока не отнимутся ноги от усталости и она не упадёт на каменную кладку пола.

Нет...

В опасной близости за плечами упала ещё одна решетка, подняв невидимое облако пыли. Хизер обернулась и несколько секунд тупо смотрела на неё, потом пошла дальше. Она шла, и толстые решетки одна за другой опускались с потолка, заключая её в самую глубокую из когда-либо существовавших на свете темниц. Хизер уже ни о чём не думала – ни о том, как она вернётся назад, ни о том, что ждёт её впереди. Знала только, что сейчас нельзя останавливаться, иначе решетки запрут её с двух сторон в объятиях, и она умрёт мучительной смертью в узком пространстве между ними, умрёт здесь...

Обратная сторона.

... на «обратной стороне». Пожалуй, точнее названия не отыскать для мира, в котором всё поставлено с ног на голову, который нагло отрицает все истины и законы нормального мира и упивается этим.

Лязг. Стук. Грохот. Лязг. Стук. Грохот... *Это когда-нибудь кончится?*

Не успела Хизер так подумать, как перед ней, на расстоянии вытянутой руки, опустилась решетка. Она панически обернулась и увидела пыль, умиротворённо кружащуюся у решетки, которая легла сзади.

Ну вот...

- Спокойно, - прошептала Хизер, затравленно оглядываясь. – Здесь должен быть выход.

Но обе решётки – перед ней и за ней, - стояли уверенно и твёрдо, плотно прилегая к стенам. Путь слишком толстые и близко расположенные друг к другу – не прогнуть и не

пролезть. У Хизер потемнело в глазах. Нет, это невозможно... Лазейка должна быть, должна...

Лазейка и в самом деле была. Она расплылась на стене фосфоресцирующим алым двойным кругом с вписанным в него треугольником. Знак разгорался всё ярче – прутья решеток уже отбрасывали на порозовевший каменный пол длинные тени. На ободке круга и в треугольнике были видны те же закорючки, что и в тех символах, которые Хизер видела раньше – в туалете торгового центра, в подземке... Но этот знак был другим. Хизер смотрела на пульсирующий розовый свет, изливающийся из него, и голова не болела. Вместо этого появилось чувство необычайной лёгкости, будто вот-вот она оторвётся от земли и воспарит вверх, прямо в небо. Этого не случилось. Но розовый свет паутиной оплетал всё. Хизер не чувствовала боли, и поэтому на этот раз чётко увидела, как стены и прутья постепенно теряют чёткость, растворяются в нахлынувшей стихии. В дымке появились короткие белые сполохи, молниеносно пролетающие вперёд-назад. Их становилось всё больше и больше, они издавали негромкое шипение, которое сливалось в шум, напоминающий треск статических помех. Когда нагромождение белых полос вытеснило из этого тесного мира всю красноту, превратив его в сплошные черно-белые вспышки, Хизер поняла, что это экран. Большой телевизионный экран, транслирующий пустой эфир.

Изображение стало понемногу проясняться, и Хизер с трудом различила посреди экрана силуэт человека. Трудно было сказать, мужчина это или женщина – запись (если это действительно была запись) отличалась ужасным качеством. Человек сидел за столом, уткнувшись в запястья лицом, пересечённым мириадами эфирного «снега». Он плакал?... Хизер услышала искажённый, прерывистый голос, доносящийся со всех сторон одновременно:

- ... всё ещё необычно сильный жар... не могла прощупать пульс... но она всё равно дышит, очень тяжело...

Лиза. Как только Хизер это поняла, помехи испарились, придав изображению кристальную ясность. Теперь было отчётливо видно, что на записи женщина. Она сидела, не шевелясь и не поднимая лица, поэтому Хизер видела только её густые рыжие волосы, падающие на плечи. Треск и шипение исчезли, открывая чёрное отчаяние, слышное в голосе женщины:

- Почти вся кожа обуглена. Когда я меняю бинты, я вижу только кровь и гной...

Руки невыносимо жгло. Подняв их, Хизер увидела, что оба запястья покрыты тонкой слизистой коростой, рвущейся при движении. И не только запястья... Вся рука. Всё тело! Серая гноистая масса лениво сочилась из нарывов и ожогов. Самое ужасное – как Хизер бы ни хотела кричать, губы не двигались. Они спеклись, были сцеплены между собой отвратительным кровавым наростом, который образовался у неё вместо кожи. Что... Что это?! Почему?!

- Почему? – кричала Лиза на экране; по её волосам пробежала первая чёрная трещинка. - Что ещё удерживает этого ребёнка живым?.. Я не могу больше терпеть это!

Мир перевернулся. Хизер не стояла, а лежала на кровати, прикованная толстыми кожаными ремнями. Ощущение было такое, будто вместо лица у неё недвижная каменная маска. Что-то застряло глубоко в носоглотке, оно мешало дышать, заставляя её судорожно хватать ртом воздух. Но облегчения это не приносило - каждый вдох сопровождался острой колющей болью в груди, от которой её лихорадило без остановки. Чьи-то руки лежали на плече и придавливали к постели. Хизер не видела лица – было не до того. Боль ввинчивалась, как шуруп, накатывала и отпускала, гудела затупевшей бензопилой, вгрызающейся в живую древесину. Сквозь всё это Хизер продолжала слышать голос Лизы, затерянный где-то далеко за кадром:

- ... отпустите... прошу... пожалуйста...

Глава 10

Хизер очнулась, лёжа на полу под каменным потолком. Решётка, загораживающая проход, исчезла, открывая путь дальше. Пропал и светящийся знак на стене. Одна из ламп на стене заговорщицки подмигнула ей, когда она подняла голову. Голова была до отказа набита мокрой ватой. Но не болела. Хизер была рада этому.

Так как сиюминутная опасность ей, похоже, не грозила, то Хизер встала не сразу. Она несколько минут расслабленно лежала, изучая потолок, и вспоминала своё недавнее видение. Что это было?.. Сон? Реальность? Скорее второе, чем первое... «Обратная сторона», кажется, так это называется? И почему эта женщина

(Лиза, Лиза Гарланд, так её зовут)

кажется ей такой знакомой? Хизер провела рукой по лбу, поправляя растрепавшиеся и взмокшие волосы.

Лиза. Так вот почему... Она была добра к ней, когда она лежала, прикованная к больничной койке. Единственный человек, кто по-настоящему заботился тогда о ней, любила её...

Хизер мотнула головой. Медсестры не было. И больницы не было. Разумеется, она никогда не лежала ни в каких подземных палатах и не знала ни одной медсестры по имени Лиза. Это снова была Алесса, её воспоминания. Хизер, к своему ужасу, почувствовала, что чужие мысли не так неприятны ей, как раньше. И боли не было.

Оно и правильно. В конце концов, вы с Алессой единое целое, как две стороны одной монетки...

Нет. Хизер опёрлась на локти и начала решительно вставать. Как бы там ни было, она не хотела слиться с этой измученной девушкой, в душе которой остались только страх, ненависть и желание умереть. Она не хотела повторять свою судьбу снова... то есть повторять судьбу Шерил, убежавшей от отца в зовущий её лживый туман. Это была её жизнь. Только её, и ничья больше.

Поэтому нужно сопротивляться.

Странно – в тот раз коридор выглядел бесконечным, но теперь Хизер чётко видела его конец шагах в двадцати. Он кончался низкой, почти квадратной дверью с горящей над ней красной лампой. Хизер побрела в ту сторону, то и дело хватаясь за стены от накатывающей слабости в ногах. И не забыла подобрать отломанную ножку стула, которая лежала у правой руки.

За дверью была висячая аварийная лестница, поднимающаяся вверх. Не очень высокая – от силы пять-шесть метров. Хизер прищурилась от яркого кроваво-красного света, бьющего в глаза. Что это за место? Почему все лампы такие красные?.. Она с опаской взялась за перекладину и начала взбираться. За лестницей, там, где сгустился сумрак, что-то капало с чавкающим звуком. Хизер старалась не смотреть в ту сторону, зная, что ничего хорошего не увидит. Она и думать не забыла о каком-то Леонарде. Выбраться из этого кошмарного места. Плевать на всё. Лишь бы вернуться в нормальный, пусть немного и жутковатый, госпиталь.

Источник отвратительного звука приближался. Тяжёлые капли с хлопаньем срывались прямо у лица и летели вниз. Хизер старательно отворачивала лицо, пока могла, потом сдалась и обречённо посмотрела вперёд, заранее прикусив язык между зубами, чтобы не закричать.

Женщина была прикована к стене невообразимым образом. Её тело выгнулось дугой, руки заведены за спину, словно её натянули на дыбу. Лицо было опущено вниз и частично прикрыто волосами, которые казались чёрными при красных лампах. Но никакие лампы не могли скрыть мертвенную синюшную бледность лица. Кровь стекалась со складок униформы медсестры к её ногам и капала оттуда тяжёлыми каплями вниз, издавая хлопанье болотной жижи. Хизер не мигая смотрела на лицо женщины, одновременно страдая от тошноты и мучительных попыток вспомнить, где она видела это лицо. Она видела, видела, где-то... Но перекошенное от боли лицо было неузнаваемо.

Дальше, Хизер. Дальше. Ей уже ничем не поможешь.

Хизер поползла вверх. Поднявшись выше головы несчастной, она в последний раз посмотрела вниз и заметила, как неуловимо дрогнули уголки губ женщины. Хизер вскрикнула и поднесла ладонь ко рту. Она... жива? Господи...

- Вы... вы слышите меня?

Медсестра, прикованная к стене, молчала. Нет, она была мертва. Ей просто показалось. Хизер с тяжёлой душой поставила ногу на следующую перекладину.

Дальше она увидела монстра. То есть не совсем монстра. Она уже пару раз замечала это существо раньше – высокое, обмотанное в длинную грязную рясу, с головой, напоминающей две прижатые друг к другу воздушные шарики. В лифте торгового центра, когда она впервые знакомилась с прелестями «обратной стороны», и в коридоре офисного здания, выйдя из комнаты со злополучной ванной. Никогда Хизер не была так близка к нему. Существо висело прямо за лестницей, мотая пупырчатой головой, вцепившись ногами и левой рукой за сплетения ржавых канализационных труб. Правой рукой он беспрестанно крутил скрипящую красную вентиль, приделанную к одной из труб. На Хизер он даже не посмотрел, но это не помешало ей пережить пару неприятных минут, стараясь пролезть мимо незамеченной.

Наконец она оказалась на тесной платформе наверху. Здесь была ещё одна дверь и ещё одна красная лампа. Надеясь на лучшее, Хизер открыла дверь.

- Боже, - вырвалось у неё. Она непроизвольно сделала шаг назад, едва не свалившись вниз с пятнадцатифутовой высоты.

За дверью было царство крови. У Хизер потемнело в глазах от обилия тёмной вязкой жидкости. Стены коридора, пол и потолок были слеплены из крови. Кровь стекала вниз по стенам и поднималась обратно вверх, нарушая все законы физики. Она ручьями текла под ногами и над головой, звонко журчала на стенах. Не краска, не суррогат, а настоящая человеческая кровь, горячая и не свернувшаяся, будто только что выпущенная из чьей-то вены. В воздухе кружились солёные пары. Крови было много - слишком много для человеческого восприятия, слишком много, слишком... Хизер стало дурно. Она могла бы просто закрыть дверь, но это почему-то не пришло в голову. Она продолжала замороженно смотреть на ужасное зрелище. Теперь она заметила, что стены тоже какие-то странные. Каждый раз, когда по ним прокатывалась очередная волна крови, они вибрировали и мягко вминались внутрь, как... как... Хизер не могла подобрать подходящего слова, пока не увидела, как всё новые порции крови каплями проступают сквозь стены через их поры, чтобы втянуться в общий круговорот. Стены были не просто стенами. Они были *живыми*, из них сочилась кровь. Стены вздрагивали... от боли. Когда Хизер поняла это, земля окончательно ушла из-под её ног. Куда она попала?

Я не вступлю в этот коридор, подумала Хизер, глотая комок в горле.

А придётся! – радостно заорал кто-то в голове. - *Придётся, Хизер! Слышишь – ТЫ НИКУДА НЕ ДЕНЕШЬСЯ!*

Нет. Ни за что.

И что ты сделаешь, Хизер? Умрёшь здесь, да? Спустишься вниз и добровольно заточишь себя в той клетке, чтобы безропотно ждать смерти? Да пойми ты в конце концов – таковы правила игры. Чтобы победить, ты должна следовать правилам. Правилам, которые тебе диктуют.

Я не могу. Глаза начали слезиться.

А твой отец смог.

Хизер замерла. Что ты сказал?!

То, что слышала. Он смог. И потому спас себя и тебя, хотя у него был тысяча и один шанс лечь на пол и сдаться. Или, может, ты думаешь, ему было легче, чем тебе?

Лампа над дверью светила, казалось, всё ярче и ярче, распыляя мир вездесущим цветом крови. Под лестницей мычало существо, повисшее на вентилях. А под ней

страдала медсестра, приколотая к стене неизвестным садистом. Хизер вдруг поняла, что она не посмеет вернуться обратно в той же мере, в какой не сможет пойти дальше.

- Будьте вы прокляты, - процедила она, сама не зная кому, и сделала шаг вперёд. Пол вмялся под подошвами, сквозь поры брызнули алые капли. Хизер чувствовала себя, будто стоит на шляпе огромного гриба-шампиньона. Она ждала, что вот-вот кожух разойдётся по швам, не выдержав тяжести, и она плюхнется в море крови и пойдёт ко дну.

Выждав с минуту, она решилась сделать ещё шаг. Теперь всё вокруг было красным, красным до предела. Хизер пришлось закрыть глаза, чтобы не сойти с ума от обилия некогда запретного цвета. Ещё шаг... ещё. Уже легче. Она пошла, понунив голову, глубже в это безумие.

Глава 11

Хизер попала по-глупому. В стремлении убежать от вездесущих рек крови, дурманящих своим видом и запахом голову, она дёргала за каждую дверь, которая попадалась на пути. Постепенно она начала понимать, что этот кровавый коридор есть не что иное, как искажённая копия третьего этажа госпиталя. Конечно, сходство было гротескным донельзя, но общая планировка совпадала. Хизер снова попала на «обратную сторону», но на этот раз кошмар был во сто крат хуже, чем в торговом центре. Наверное, это происходило потому, что Алесса в её голове набирала силу. А может, из-за чего-то другого. Одно было хорошо... если «обратная сторона» в торговом центре кишмя кишела мелкими и не очень чудовищами, то таких здесь не было видно. Впрочем, Хизер особо этому не радовалась. Это означало только то, что в этом мире не смогли выжить даже толстокожие монстры. Что уж говорить о ней... Нужно было как можно скорее найти лазейку, ведущую назад, в нормальный мир. Иначе она могла не выдержать.

Поэтому, когда одна из дверей, залитых кровью (слава Богу, хоть ручка двери была чиста от вязкой жидкости) вдруг поддавалась под рукой, Хизер без колебаний шагнула внутрь. Что там могло ждать? Монстров здесь нет, в этом смысле она в безопасности. А что до всего остального, то, как говорится, хуже уже некуда.

Но хуже всё-таки могло быть. Хизер поняла ошибку, когда увидела тесное квадратное помещение, стены которого были покрыты ржавчиной. Одну стену занимало большое зеркало. Поверхность была мутной и местами искривленной, но исправно отражала скудный интерьер комнаты – а именно прямоугольный медицинский таз, стоящий прямо перед ним. Таз, предназначенный для стерилизации инструментов, тоже весь покрытый красноватым наростом. В свете красной лампы Хизер увидела в зеркале своё лицо, выступающее из темноты. Глаза были дикими, в них виднелся животный страх. Она увидела, что её губы постоянно дёргаются, как в нервном тике. Она и не примечала... С каких пор это началось?

Так или иначе, ей здесь не нравилось. Что-то в камерке было не так, и это «что-то» делало пребывание здесь хуже, чем в кровавом коридоре. Хизер повернулась и дёрнула дверь на себя. К её удивлению, она не шелохнулась. Она потянула ручку сильнее, но дверь оставалась на месте. Она была заперта.

Что за чертовщина? Хизер растерянно оглянулась и посмотрела на зеркало. И заметила кое-что, чего не было раньше. Всё было видно довольно плохо при таком сумбурном освещении... но там, в блестящей глубине алюминированной фольги, что-то шевелилось. Хизер прищурилась и сделала шаг вперёд. Да... эта противоположная стена... Она шевелилась и поднималась буграми, будто под ней копошились полчища мелких насекомых. Хизер обернулась. Стена была вполне нормальной, разве что донельзя ржавой и грязной. Но на зеркале всё выглядело иначе: по стене разрасталось красное пятно, тянущее свои тонкие красные щупальца на потолок, на пол, а уже по полу – к самой

Хизер. Отражение таза тоже претерпевало странные метаморфозы. По ту сторону стекла пустой таз сам собой наполнялся кровью, и на поверхности появлялись и лопались воздушные пузырьки, расплескивая кровь на пол.

Хизер сорвалась с места и кинулась к двери. Навалившись на запертую дверь, она принялась молотить по нему кулаком с истерическим криком:

- Выпустите! Выпустите меня!

Она не знала, зачем кричит - ведь сама видела, что этот мир пустынен, в нём никого нет... Но не могла не кричать. Страх наполнил её, страх иррациональный и всепоглощающий, как грозное облако, которое нависает над ночным городом. Хизер потеряла способность соображать. Она обернулась, прислонилась к двери спиной и наблюдала, как за зеркалом комнату заливают галлоны, тонны, мегатонны крови. Видела себя саму, которая забилась в угол и судорожно продолжала нажимать плечами на дверь. А между тем кровь вокруг неё сгущалась и множилась, и казалось, что сейчас это озеро начнёт подниматься, погружая её в себя. Но этого не произошло. Почти дойдя до щиколоток, кровь на отражении начала спадать, втягиваться обратно туда, откуда вышла. С превеликим облегчением Хизер увидела, как красные щупальца отступают обратно от ног её двойника за стеклом, высыхают и исчезают, собравшись в одно пятно на стене. Таз тоже восстановил свой прежний вид. Хизер закрыла глаза.

Всё. Это была лишь галлюцинация, помутнение.

Но когда она снова открыла глаза, то увидела, что пятно на стене не исчезло, хоть и здорово уменьшилось в размерах. Оно продолжало темнеть посреди ржавчины чёрным кругом. Хизер, не дыша, наблюдала за зеркалом.

Пропадай! Исчезни!

Пятно начало увеличиваться вновь. Первые отростки-щупальца оторвались от него и побежали по стенам.

- Нет, - простонала Хизер. Неуловимое движение слева заставило её оторвать взгляд от отражения и посмотреть на настоящую стену. Пятно появилось и там. Теперь зеркало не жило самостоятельной жизнью, а отображало реальный ход дел.

Но нет... не совсем. Двойник Хизер, что жил в зазеркалье, начал менять облик. Из-под волос струями закапала кровь, вскоре залившая всё лицо. Кожа на руках и на лице начала отслаиваться, белая жилетка промокла под напором артериальной крови, сочащейся изнутри. Складки юбки прилипли к ногам. Дрожа всем телом, Хизер поднесла к лицу правую руку. Двойник в точности повторил движение, продемонстрировав девушке почерневшую руку с обильно капающей из запястья кровью и длинными обломанными ногтями, которые на глазах отрывались от пальцев.

Сзади щелкнул замок, но Хизер этот звук почти не услышала. Она, как околдованная, водила рукой перед лицом, наблюдая за окровавленной девушкой со слипшимися волосами неопределённого цвета, которая стояла за зеркалом. Она не обращала внимания ни на пульсирующие вены крови, змеей ползущие к ней, ни на таз, который снова переполнился свежей кровью. До поры до времени двойник копировал все движения Хизер, но потом, видимо, это ему надоело, и он застыл недвижимым истуканом, поднося ладонь к щеке. Сквозь пальцы, с которых сползали остатки плоти, на Хизер взирал, шевеля белком, левый глаз двойника, в котором горело желание убивать... и умереть.

Это она, вдруг догадалась Хизер. Алесса. Она заманила меня сюда, чтобы убить.

Понимание стало финальной точкой, вырвавшей её из пут оцепенения. Хизер развернулась на месте и опять приложилась к двери. На сей раз она была открыта - замок был сломан. Она выбежала в коридор с чувством, что убежала из каменной темницы, в которой её приговорили сидеть до конца жизни. Багровый коридор показался ей безопасным и умиротворяющим. Хизер остановилась, тяжело дыша, посреди коридора. За ней с раздражённым треском захлопнулась дверь палаты. *Чёртова девочка! Как ты посмела убежать!*

Больше не буду никуда заходить, залялась Хизер. Никаких экспериментов с палатами. Слишком опасно. Слишком... Нужно найти выход - просто найти выход, и всё. Если она будет идти прямо по коридору, то куда-нибудь, да придёт.

Куда? Да вот хотя бы к лифту...

Лифт, вопреки ожиданиям Хизер, оказался в рабочем состоянии. Наверное, потому, что в этом мире он питался не электричеством, а чем-то другим. Так или иначе, но когда Хизер нажала на кнопку, чернеющую на кроваво-красном фоне, двери радушно двинулись в стороны. Хизер увидела за ними тесную ржавую коробку, и ей тут же расхотелось заходить в лифт. Слишком было похоже на саркофаг или гробницу, ждущую своего обитателя. Хотя, с другой стороны, вряд ли был выбор. В трёх шагах дальше в коридоре выросла непробиваемая живая стена.

Разыскав панель с кнопками, Хизер нажала на цифру 1. В ответ она услышала над крышей лифта глухой стук и... ничего не произошло. Лифт не сдвинулся с места. Хизер нахмурилась и переместила палец выше, к цифре 2. Стук сопровождался рокотом заработавшего двигателя. Двери захлопнулись, и лифт начал опускаться вниз. Кабину трясло из стороны в сторону. Сквозь решетчатое окошко проникал ярко-оранжевый отблеск, который напугал Хизер в торговом центре до потери пульса. Но с тех пор многое изменилось. Она теперь не забивалась в угол лифта, не выкрикивала бесполезные мольбы о помощи, а покорно стояла в середине кабины, закрыв глаза, и отсчитывала в уме секунды,двигающие время вперёд, к моменту, когда она выберется из плена этой коробки.

На этот раз путешествие обошлось без сюрпризов вроде радиоприёмников, падающих с потолка. Лифт исправно доставил Хизер до пункта назначения. Двери открылись, и за ними были не ручки тёплой крови, а вполне безобидный коридор. Грязный и сырой, проржавевший до миллиметра, и вместо пола здесь была натянута железная сетка – но Хизер всё равно испытала облегчение. Её уже серьёзно мутило при виде красного цвета, и она была счастлива видеть почти родные тёмно-оранжевые оттенки.

Было на втором этаже ещё кое-что, заслуживающее внимания. Где-то там, за палатами, звонил телефон.

Хизер ни на секунду не засомневалась, что звонят ей. Она здесь одна – кому ещё звонить? Она вышла из лифта и пошла по коридору, стараясь вслушаться в жизнерадостную трель, которая разносилась по зданию. Кажется, источник звука находился даже не в коридоре, а там, ещё дальше.

Двустворчатая дверь, отгораживающая палаты от служебных помещений, была открыта. С этого места звонок слышался громче – он исходил из одного из помещений в северной оконечности. Здесь стены сменялись несколькими рядами сеток, что делало коридор похожим на часть тюремного комплекса. Не хватало только толпы заключённых, протягивающих через сетку к ней свои хищные пальцы. Впрочем, их легко было вообразить. Дойдя до конца, Хизер увидела две закрытые двери. Трель исходила справа. С тех пор, как она услышала звонок, прошло не менее трёх-четырёх минут, но звонивший не вешал трубку, что говорило о его недюжинном терпении... или знании, что Хизер рано или поздно подойдёт к аппарату.

В комнате стояли продолговатые шкафчики, выглядящие так, что казалось – чуть тронь, и всё развалится к чертям. Хизер догадалась, что в нормальном мире это был гардероб, куда медперсонал складывал одежду и личные вещи. Но на «обратной стороне» не было ни медперсонала, ни людей вообще, поэтому шкафчики пустовали. Впрочем, Хизер увидела, что из-за хлипкой дверцы одного из дальних шкафчиков на пол вытекает красная жидкость.

Телефон звонил в одном из шкафчиков. Однозначно определить, где именно, было трудно, и поэтому Хизер сначала открыла несколько не тех шкафчиков. Когда она наконец открыла правильную дверцу, то увидела внутри, конечно же, телефонный

аппарат. Самый обычный, настенный, сородичи которой висят в залах ожидания вокзалов. Чёрная полированная трубка висела сбоку и вздрагивала при каждом звонке. Под кнопочной панелью мигал красный огонёк. Хизер представила лампочку глазом, наблюдающим за ней, и приложила к ней ладонь, закрывая обзор. И тут же каждая из дырочек на динамике корпуса превратилась в крохотный самостоятельный глаз, и они уставились на неё немигающим взглядом. Теперь наблюдателям стало несть числа. Хизер признала своё поражение и убрала ладонь. Огонёк горел по-прежнему ровно и меланхолично.

Кто может звонить?

Чтобы не терзаться думами почём зря, она сняла трубку. Поднесла к уху, но не успела ничего сказать – её опередил дребезжащий пьяный голос, который запел дурным фальцетом:

- С днём рождения тебя, с днём рождения тебя, с днём рождения, дорогая...

Он запнулся и скороговоркой вывел:

- Ой, я забыл твоё имя. Как тебя зовут?

- Кто вы? – удивлённо спросила Хизер.

Голос рассмеялся во весь голос. Смех его был столь же ужасен, как и пение:

- О, хорошо, спасибо. Так вот... С днём рождения, дорогая Кто Вы, с днём рождения тебя! С тридцать первой годовщиной!

В динамике послышалось громкое бравурное хлопанье в ладони. Судя по редкости аплодисментов, собеседник старался в одиночку. Хизер в ярости вскочила:

- Это вы, Леонард?

Конечно, он, кто же ещё. Большой любитель поговорить по сломанным больничным телефонам. Он заманил её сюда, в это неживое царство, и теперь решил над ней понасмехаться.

Голос, однако же, сказал:

- Леонард? Это имя убийцы, не моё.

- Стэнли? – спросила Хизер уже неуверенно. Голос не замедлил с ответом:

- Какая жалость... Но я не твой возлюбленный. Он сейчас под землёй, его новое имя – номер семь. Мне кажется, оно ему подходит гораздо больше, чем прежде.

Он опять разразился противным смехом. Хизер поморщилась. Какой отвратительный фальцет... Будто кто-то намеренно фальшивит, чтобы не дать узнать себя. И ведь, сколько он ни старается, она знает его! Слышала не далее, чем вчера. Но кто? Кто?..

- Но не беспокойся, - сказал голос, вдоволь насмеявшись. – Ведь сегодня твой день рождения, и мы будем отмечать его с шиком! А?

- Слушайте, вас кто-то ввёл в заблуждение, - Хизер очень хотелось бросить трубку, но проклятая пластмасса словно въелась в кожу ладони. – Сегодня не мой день...

Голос прервал её:

- Тсс... Я не ошибаюсь. Сегодня тебе исполняется ровно двадцать четыре года. И у меня для тебя есть подарок.

Это неправильно, подумала Хизер. *Раньше он говорил, что мне... то есть той, за кого он меня принимает, тридцать один год.* Облегчения мысль не принесла. Наоборот – вспомнилось до мельчайших подробностей, как она вытаскивала дробовик из обёртки в заброшенном вагоне. И прохладные слова, нацарапанные на открытке: *С днём рождения.*

- Чего ты хочешь? – вкрадчиво спросил собеседник. - Сделать кому-то больно – или самому почувствовать боль? Выбери. Но помни – в любом случае ты получишь то, что больше всего ненавидишь.

На последнем предложении тон резко изменился. Теперь собеседник на том конце почти не пытался изменить голос, и Хизер уловила в нём несколько до боли знакомых масляных нот. Пока она старалась припомнить и выкатить этот аргумент в глаза собеседнику, тот сухонько поздравил ещё раз:

- С днём рождения.

И оборвал связь. Теперь у Хизер не осталось сомнений, кто подложил ей ту двустволку в станции Хейзел-стрит. *С тридцать первой годовщиной! Сегодня тебе исполняется ровно двадцать четыре года...*

- Но ты не прав, - упрямо сказала Хизер в пустую мембрану. – Сегодня не мой день рождения.

Сказала, но не была уверена. Она больше не была уверена ни в чём.

Глава 12

Обещанный подарок ждал Хизер в коридоре. На стене чем-то, очень напоминающим кровь, была выведена надпись «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ». Скорее всего, это и была кровь. Под надписью на решетчатом полу примостился длинный деревянный ящик. На этот раз – никакой подарочной фольги. Хизер могла сказать, что телефонный собеседник – скряга. А ещё, открыв ящик, она могла заявить, что с фантазией у него тоже негусто – дарить дважды одну и ту же вещь было не очень оригинальной затеей. Зато довольно практичной – в этом обладателю фальцета нельзя было отказать. Отливающим синим ствол дробовика, выглядывающий из ящика, смотрелся феерически после хождений с катаной и сломанной ножкой стула. Хизер взяла ружьё и привычным движением проверила заряд – по одному патрону в каждом стволе. Два смертоносных заряда картечи, две ниточки, за которые, если хорошо схватиться, то они могут спасти ей жизнь. Хизер даже почувствовала нечто отдалённо напоминающее благодарность тому, кто ей это подкинул. Это была хорошая компенсация за те минуты бессмысленной болтовни.

Хотя... если подумать, не такой уж и бессмысленной. *Что ты хочешь: сделать кому-то больно – или самому почувствовать боль? Выбирай. Но помни – в любом случае ты получишь то, что больше всего ненавидишь.*

И это правда. Хизер держала в руках как нельзя более подходящий инструментарий, чтобы сделать кому-либо больно. Этого она не желала. С другой стороны, у неё был выбор – оставить «подарок» на месте, как есть. Это неизбежно грозило тем, что ту самую чашу боли придётся испить ей самой. Этого Хизер тоже не хотела, хотя так, наверное, с точки зрения нравственности (боже, какое глупое слово) было правильнее.

Выбирай.

Хизер прижала приклад к груди и пошла вперёд. Оружие ей было необходимо - в любой момент из тьмы больничных коридоров мог заявиться очередной монстр. Чёрт с ним, с проповедником в трубке. Умереть здесь, так и не отыскав Клаудию, было бы преступлением.

Служебный лифт – вернее, большая клетка для хищников, Бог знает каким образом подключённая к механизму – был менее строптивым, чем коридорный. Когда Хизер нажала на кнопку первого этажа (цифр на потрескавшихся кусках резины не было, она просто догадалась, что это вторая кнопка снизу, учитывая подвал), лифт тронулся вниз с таким рвением, что Хизер схватилась за прутья клетки, дабы не упасть. На долю секунду ей показалось, что отказал трос и лифт свободно падает в шахту. Но через секунду скорость падения замедлилась. Лифт остановился на первом этаже, который – о счастье – выглядел почти так же, как в нормальном мире. «Обратную сторону» выдавали только стены, заляпанные кровью, и соскобленная местами штукатурка. Монстров не было, но Хизер держала ружьё наготове. Она обошла служебную часть здания, держа путь на выход. Там её ждал неприятный сюрприз. Дверь, ведущая наружу, была на месте, но с таким же успехом там могла бы быть кирпичная стена. Выход был намертво замурован - косяк замазан спёкшейся серой жижой, а на самой двери крест-накрест приколочены стальные рейки, покрытые окисью. Хизер посмотрела на окна, но они не могли ей ничем помочь. С виду стекло было обтянуто чёрной шалью, но она знала, что если попробовать надавить на «шаль», то руки упрутся в каменную твердь. И никакие усилия не помогут,

потому что там, за стенами - ничто. Госпиталь Брукхэвен был выдернут с мясом от остального мира и брошен в море цвета крови.

Ну и что будем делать?

В душе запорхала первая ласточка паники. Хизер собралась с мыслями и ссутулилась, чтобы не дать распространиться самому ненужному сейчас чувству.

Что-то она пропустила. До сих пор ей удавалось как-то вырваться из плена этих трупоб, но возвращение происходило не само собой. В первый раз она убила большого червя. Во второй раз... заклинание. Да, она произнесла заклинание из детской сказки. Может, и сейчас сработает?

- TU FUI, - сказала Хизер, удивляясь, как она запомнила мудрёное выражение, - EGO ERIS.

Ничего не получилось. Пол не дрогнул, лампы не зажглись. В госпитале Тихого Холма правили иные законы, чем в офисном центре Эшфилда.

Что делать сейчас? Куда идти? Неужели ей придётся облазить все этажи, исследовать каждый сантиметр огромного здания? И к тому же этот третий этаж, льющийся реками крови... Заходить там в каждую палату, сходя с ума от обилия багровых оттенков? Видеть потрескавшиеся зеркала, за стеклами которых живут своенравные двойники? Дьявольски изощрённая пытка.

Хорошо. Исследуем сначала первые два этажа. Осторожно посмотрю все незапертые комнаты. А потом... я спущусь в подвал и проверю там всё, чего бы мне это ни стоило. Если встретятся чудовища, то буду отстреливаться. Всем всё ясно?

Хизер сознательно не стала думать о том, что будет делать дальше, если поиски не дадут успеха. Ободрённая, что приняла какое-то решение, она направилась к палатам, держа дробовик наперевес.

Перед первой палатой (С1, но сейчас на двери никакой надписи не было в помине) она остановилась и спустила ружьё с предохранителя. Внутри мог быть кто угодно – от мёртвой медсестры до типа, который звонил ей по телефону. Она открыла дверь и отскочила назад, поднимая ствол. Палата была пуста. На койке лежал грязный матрац. Из дыр на полосатой ткани выглядывала ватная обивка. Ещё одна, переносная, койка, была прислонена к стене, и над нею часовой висела капельница. На койке лежало что-то, накрытое окровавленной белой простыней. Что-то очень маленькое и пухлое. Это не мог быть человек. У Хизер не возникло ни малейшего желания поднять покрывало и удовлетворить своё любопытство. Она вздохнула и вошла в палату. Постояла в центре, огляделась по сторонам, но ничего интересного не заметила. Чисто.

Хизер пошла дальше, мысленно вычеркнув из длинного списка палату С1. Вторая и третья палаты были заперты. Её это только порадовало. Но вот четвёртая... Ещё до того, как коснулась ручки двери, Хизер увидела, что из-за замочной скважины исходит рдяный желтоватый свет.

Там что-то было.

Она остановилась и вскинула приклад на плечо. Руки дрожали. Затаив дыхание, Хизер выждала, пока дрожь не уймётся и ствол перестанет шататься. Когда это наконец случилось, она отсчитала про себя до трёх и резко потянула дверь на себя.

Комната не была похожа на больничную палату. То есть... вся атрибутика была на месте – койки, капельница, даже ширма для раздевания – но кто-то хорошо постарался, чтобы сделать из комнатухи довольно успешное подобие церкви. Словно тут жил какой-то религиозный фанатик... Напротив двери у стены располагался алтарь – медицинский стол, накрытый белой клеенкой и обставленный свечами, излучающими терпкий жёлтый свет. Они освещали нож с запачканным в крови лезвием, лежащий в стороне, и два чёрных кубка – кажется, из обсидиана. В кубки были вставлены крупные свечи, их расплавленный воск мерно стекал на дно.

Но в первую очередь Хизер обратила внимание не на алтарь. Её взгляд притянула ширма из плотной серой ткани. В самой ширме не было ничего необычного, но вот знак,

который был нанесён на неё... Это был тот самый символ, что преследовал её с начала кошмара, с туалета в торговом центре. И он по-прежнему действовал, туманя ей голову и пробуждая боль. Если в других местах знак смотрелся чуждо и неуклюже, то здесь и сейчас ей было самое место. Хизер даже показалось, что цельная картина импровизированной церквушки была бы неполной без ореола из трёх внутренних и двух внешних кругов. Знак светился; его розовое свечение, смешанное с жёлтым сиянием свеч, создавал жутковатый контраст с меланхоличным серым фоном.

Хизер отвела глаза от ширмы и подошла к алтарю. Свечи были почти целыми – зажжены только что. Они не могли зажечься сами, так?

Хизер переключила внимание на нож. Обоюдоострый немного изогнутый кинжал с коротким лезвием, от одного взгляда на который сводит зубы. Лезвие было заточено до зеленоватого блеска. Кровь смотрелась довольно свежей, но её было всего ничего – только на самом кончике.

Чего-то здесь не хватало...

Нет, подумала Хизер. Она ошиблась. Этот алтарь... это не церковь. Не храм божий, не место для благоговейного поклонения Всевышнему. Здесь всё подготовлено для заклания. Для кровавого жертвоприношения. Этот ритуальный нож, эти кубки, чтобы налить туда кровь жертвы. Всё расставлено по местам в ожидании предстоящей церемонии, но, похоже, дело не было доведено до конца. Нож не успел как следует отведать вкус крови, и свечи горели зря. Обсидиановые кубки пустовали. В воздухе палаты парили незавершённость и невысказанность.

Хизер отставила дробовик и взяла нож в руку, любуясь переливчатым огнём нержавеющей стали. Как мило. Они оставили это для неё. Чтобы она, а не кто-то другой, омыла алтарь кровью. Такова была цена возвращения в реальный мир. С каждым разом всё выше.

Вопрос был в том, откуда взять кровь. И какую – чужую... или свою?

Что ты хочешь: сделать кому-то больно – или самому почувствовать боль? Выбери.

Сталь жадно сверкнула, и Хизер увидела на её идеально гладкой поверхности своё перекошенное отражение.

... но помни – в любом случае ты получишь то, что больше всего ненавидишь.

- Ты прав, сукин сын, - процедила Хизер сквозь зубы, болезненно улыбаясь. – Как же ты прав.

Она почти не почувствовала боли, когда лезвие коснулось левой руки чуть выше запястья. Металл рассёк кожу, как стекло режет масло, и погрузился глубже. Над ним появились первые скромные капли крови. За ними последовали другие. Кровь потекла по ладони, срываясь вниз, в услужливо подставленный кубок. Несколько капель попало на пламя свечи, и оно сгнуло, издав влажный треск. Стало темнее.

Крови уже было достаточно, даже более чем. Но нож... он хотел уйти ещё ниже, войти во вкус и достать до кости, чтобы проткнуть её одним нежным движением, как мужчина, проникающий в лоно своей возлюбленной. Вена возмущённо запульсировала, выталкивая новые порции крови, собирающиеся в кубке. В тот момент, когда нож готов был перерезать на эту то исчезающую, то появляющуюся ниточку, Хизер опомнилась и судорожно вынула лезвие из раны. С её глаз пропал затуманенный блеск, и девушка уставилась на своё запястье в неподдельном ужасе. Господи, да она же истекает кровью! Нужно остановить кровотечение... Она согнула локоть и прижала ладонь левой руки к ране. Но кровь проступала сквозь пальцы, набухала, продолжала катиться вниз. На минуту Хизер была уверена, что кровь так и не остановится, что она будет продолжать идти до последней капли. Она сползла на пол, сжимая рану до жгучей боли, и что-то шептала похолодевшими губами. Скоро кровь перестала идти, но Хизер сидела ещё, боясь пошевелиться и тем самым вызвать новое извержение. Когда она осмелилась оторвать

ладонь с запястья и посмотреть на рану, там уже была тонкая гибкая короста. Она остановилась очень вовремя – ещё полсекунды, и сталь перерезала бы вену.

Перестаралась...

Зачем я это сделала, недоумевала Хизер, поднимаясь на ноги. Зачем? У меня и в мыслях не было совершать подобное. До последней секунды, когда вдруг острота лезвия не стала такой желанной и манящей...

Может быть, это сделала не я вовсе, а...

Крови ушло не так много, чтобы ощутимо сказаться на самочувствии. Но у Хизер кружилась голова. Вероятно, это было не из-за потери крови, а из-за мыслей о том, что могло бы произойти, не приди она в себя вовремя. Сглотнув слюну, она наклонилась над алтарём, с отвращением глядя на наполовину наполненный кубок. Ей не хотелось бы, чтобы усилия пропали зря. Что-то должно было произойти.

Кровь в кубке остывала. Свечи таяли. И... ничего. Хизер почувствовала, как отчаяние захлестывает её. Всё напрасно? Может, нужно лить и во второй кубок? Она протянула руку, чтобы вылить немного крови из первого кубка, но трясущиеся пальцы имели свой норов. Вместо того чтобы обхватить кубок за ножку, они грубо задели его за край, и он опрокинулся. Кровь обагрила клеёнку и с готовностью потекла на пол тонкой журчащей струёй.

- Чтоб тебя! – вскричала Хизер, швыряя кубок в угол. Лужа крови внизу начала удлиняться, от неё оторвалась тонкая красная струя и потянулась к двери. Должно быть, пол палаты был немного наклонен в ту сторону. Хизер закрыла лицо руками, кляня себя последними словами. Вот и всё. Всё испортила. Подставляйте другую руку, мэ. И не бойтесь, это не больно.

Шорох. Тихий, но ясно слышный.

Хизер вскинула голову, сразу вспомнив о дробовике. Негоже забывать, где она находится. К счастью, двустволка безмятежно стояла у ног, прислонённая к алтарю. Когда ружьё оказалось у неё в руках, она быстро оглядела палату. Никого не было, и ничего не изменилось. Алтарь, свечи, знак, глазеющий из ширмы.

Совсем-совсем ничего?

Хизер испытующе посмотрела на ближайшую свечу. Ну да, всё, как и прежде. Жёлтое пламя, растопленный воск катится по бокам. Но почему язык огня такой длинный и яркий? Казалось, он трещит и искрится, как сухие полена в камине. Раньше свеча горела тускло и бесцветно, как... как всё вокруг.

Вот оно что. Хизер посмотрела по сторонам снова. На этот раз она увидела. Знак на ширме изменил окрас со светло-розового на красный. Свечи стали светить на порядок ярче. Исчез непонятный гнет незавершённости, давивший на неё.

Кровь на алтаре. Она не сворачивалась. Красные капли на клеенке блестели, не собираясь застывать. Поражённая догадкой, Хизер обернулась и проследила за струёй, которая текла к двери. Она становилась всё тоньше и светлее, пока не сталкивалась с большой дырой, появившейся перед дверью. Там струя исчезала, впадая в чёрную пропасть.

Не веря увиденному, Хизер подошла к дыре. Обложенный кафелем участок пола пропал, превратившись в ничто, в дыру. Дыра имела вытянутую овальную форму, и дна его не было видно. Всё тонуло в черноте. Но с краю к дыре была прикреплена висячая железная лестница, напоминающая пожарную.

Хизер посмотрела на алтарь, на ноющую руку. Значит, нужно было оросить кровью сам алтарь. Как она сразу не догадалась...

Спускаться, держа дробовик наперевес, оказалось неожиданно трудно. Боязни темноты, неизвестности и замкнутого пространства перемешались, создавая неповторимый коктейль. Ружьё давило на руки, лишая сил. Хизер вся промокла, пока не услышала внизу шум воды. Она остановилась и прислушалась. Вода текла бурным

потоком и, кажется, куда-то впадала, судя по меняющемуся характеру звука в одну из сторон. Канализация.

Конец лестницы погружался прямо в воду, доходящей до щиколоток. Хизер немного поколебалась, потом махнула рукой и спрыгнула в воду. Вода оказалась тёплой и не очень грязной. Сапожки, хоть и качественные, но не были предназначены для хождения по таким местам: под подошву закралась первые противные капли.

Видимость была очень плохая: сколько Хизер ни шурилась, ничего толком разглядеть не удалось. Кажется, над коллектором – или что это тут – была натянута проволочная сетка. Хизер ойкнула и отскочила, когда что-то мягкое и мокрое коснулось щеки. Через пару шагов это «что-то» снова задело её лицо. На этот раз Хизер с содроганием пощупала его и поняла: это ткань. На сетке застревал всякий мусор, тут и там свисающий вниз. Так как Хизер не особо хотела прикасаться к этим прелестям, она замерла на месте, изучая место и приучая глаза к темноте. Снова появилось чувство, будто она под прицелом. Но если здесь кто-то и был, шум воды заглушал все звуки.

Впрочем, похоже, она догадывалась, чьё это прибежище...

- Хизер.

Мужской голос гулко разнёсся по канализации, многократно отражаясь от стен. Хизер посмотрела по сторонам, но не смогла определить, откуда он доносится. Говорящий мог с равным успехом находиться как слева от неё, так и справа. А мог вообще стоять за спиной.

- Да, - осторожно отозвалась она. – Леонард? Вы где?

Где-то рядом плеснула вода. Хизер опять не поняла, где именно.

- Спасибо, - в голосе Леонарда звучала благодарность. Он говорил миролюбиво, но стены коллектора прибавляли тону зычности и уверенности. – Наконец-то я смогу выбраться... Теперь нелепой мечте Клаудии не сбыться.

Он фыркнул, оставаясь невидимым. Хизер показалось, что в слева, где поток воды впадал в сток, что-то пошевелилось. Она до боли в глазницах всматривалась в сумрак, но не смогла ничего увидеть. Леонард оставался невидимым призраком, голос его витал над ней:

- «Спасение для всего человечества». Смех, да и только. Да, думаю, сейчас самое время избавиться от неё.

Хизер не понравились эти слова. Ещё ей не понравилось, что Леонард не собирается выйти к ней. Доброжелательность собеседника катилась по наклонной вниз, рассыпаясь на глазах. Такой человек быстро забывал доброе, всё воспринимая как должное. И тон уже следующего предложения стал ледяным:

- С какой стати мы должны даровать спасение неверующим?

Он явно ждал ответа. Хизер непонимающе моргнула:

- О чём вы? Я думала...

- О наших планах, конечно! – горячо прервал Леонард. – Неужели ты не понимаешь, какая глупость вся эта затея моей дочери? Да, Бог милосерден - но лишь для тех, кто сделал свой выбор. *Правильный* выбор. Мы единственные, кто слышит Его глас, и нам, только нам, будут даны ключи от Рая!

На слове «Рай» он перешёл на крик. Всё вокруг зазвенело и заклокотало. Вода у левой стены забурлила с удвоенной силой. Хизер захотелось заткнуть уши, закрыть глаза и убежать, лезть со всей силы обратно вверх. Кем бы ни был Леонард Вульф, она поняла, что он ей не поможет. Он оказался одним из этих безумцев, лепечущих про своего Бога и приход вечного Рая. А что касается раздоров отца и дочери касательно архиважных религиозных вопросов, то Хизер до этого не было никакого дела. Её охватило горькое разочарование, когда она поняла тщетность своих блужданий по госпиталю.

Словно уловив её мысли, Леонард вдруг замолчал и подозрительно спросил:

- А ты? Ты так не думаешь, Хизер?

- Да, конечно, - без энтузиазма отозвалась она, отворачиваясь от места, где предположительно находился Леонард. – В-общем, вы теперь свободны. Можете выйти и думать о чём заблагорассудится. А я, пожалуй, пойду.

Громогласный рык сотряс сырые стены, когда Хизер взялась за первую перекладину лестницы. По её спине прокатилась волна холода; Хизер замерла, едва не уронив драгоценный дробовик в воду.

- *Что это означает?!*

Зря она сюда пришла. Однозначно, зря. Хизер снова повернулась лицом к невидимому собеседнику.

- Я говорю, - терпеливо сказала она, - что я не разделяю ваших взглядов. Мне не нужно ни капли этого вашего хвалёного Рая.

- Так ты... – Леонард задохнулся от собственного гнева, - так ты... НЕВЕРУЮЩАЯ? Ты обманула меня?

Вроде бы он не двигался с места (шума воды не было), но Хизер почувала, как в воздухе вокруг сгущается опасность. Она незаметно положила руку на ствол и двинула вниз рычажок предохранителя.

- Нет. Я никого не хотела обмануть. Мы просто ошибались друг в друге.

Она не сдержала горькую презрительную улыбку:

- Я надеялась, что вы нормальный человек, вот и всё.

За её плечами, совсем близко, кто-то в ярости хватил кулаком по водной глади. Несколько капель попали на шею. Хизер судорожно развернулась, поднимая ствол дробовика. Прятать оружие уже не имело смысла. Разговор принимал нежеланный оборот.

- Ты хотела обмануть меня и смыться с Печатью, - констатировал Леонард. – Еретичка! Ты хочешь убить Бога!

От истеричного крика у Хизер заложило уши. С натянутой над головой сетки сорвалось какое-то тряпье и упало в воду с мягким чавканьем.

Не слышит меня. Он опасен...

Хизер сделала последнюю попытку достучаться до слепоглухонемого:

- Я же сказала – я не пыталась никого обмануть. К чему мне это?

И, воспользовавшись секундной тишиной, спешно добавила:

- И что это за Печать такая?

На этот раз он её услышал. Но дело от этого лучше не стало. Всё это время Леонард, оказывается, скрывался под водой. Вот почему голос смещался то туда, то сюда – он просто переплывал с места на место. Теперь он грузно встал – неестественно большой чёрный силуэт справа, угрожающе покачивающий руками. Хизер увидела, что руки у Леонарда различной длины и оканчиваются не пальцами, а... что это? Ласты?!

- Не строй из себя невинного козлёнка, - сказал он. – Я вижу тебя насквозь, все твои поганные намерения. Больше ты меня не обманешь.

Он сделал шаг вперёд, и Хизер автоматически отступила назад, отдаляясь от лестницы. Леонард что-то задумал. Всё равно она не успела бы вскарабкаться по мокрой лестнице. Хизер попыталась нацелить ружьё на человека, но безликий силуэт упорно уходил из мушки, хотя и не делал попыток увильнуть. Её вдруг обуял страх, но не за себя.

Неужели мне придётся... убить его? Убить человека?

- Печать моя, - Леонард сделал ещё шаг, оказавшись на чуть более светлой территории и притесняя Хизер к водостоку. - Я был выбран Богом быть её Хранителем. Я не отдам тебе её.

Какой странной формы у него голова... будто клубень репы... и непропорционально сложенное тело...

- Единственное, что ты от меня получишь – это страшную смерть!

Следующим шагом Леонард оказался у лестницы, в хорошо просматриваемой точке коллектора. И Хизер наконец получила возможность увидеть человека, которого она так рьяно искала и нашла, рискуя жизнью.

Только это был не совсем человек. Совсем не человек.

- Господи... – вырвалось у неё.

Существо под лестницей вперило в неё взгляд своих пустых глазниц. Лицо представляло собой недвижимую маску цвета ржавчины с узкой прорезью рта. Носа, ушей и волос не было и в помине. Голова, покрытая прозрачной слизью, шла буграми, напоминая перезревший кукурузный початок. Руки доходили до колен и на их концах были, как Хизер и предполагала, не кисти, а рыбы лапы. Всё тело Леонарда напоминало рыбе – такое же осклизлое и покрытое мелкой чешуёй. Слишком широкая грудь, короткие широко расставленные ножки...

- Леонард, это *вы*?

Монстр замахнулся лапами и проревел, с сипением выталкивая воздух через узкие ноздри:

- Смерть всем, кто не верит в Бога!

Тут что, совсем не осталось нормальных людей?

Хизер посмотрела на ребристое лицо чудовища, на его треугольный подбородок, трясающийся, как в припадке. И вдруг на неё напало звенящее спокойствие. Ружьё в руке перестало шататься, страх и удивление куда-то пропали. На губах даже появилось нечто напоминающее измученную улыбку. Она окинула Ревущее-Мечущее критическим взглядом с ног до головы.

- Впрочем, - вслух сказала она, плотнее прижимая приклад к правому плечу, - я вижу, ты и на человека-то не шибко тянешь. Достойный папаша для Клаудии.

Леонард не ответил. Он шёл, шёл и шёл, тупо вышагивал по воде, приближаясь к ней. Хизер могла бы убить чудовище на месте, но даже сейчас, когда она увидела истинное обличье Леонарда Вульфа, она не хотела стрелять. Если бы он просто повизжал и ушёл с миром, то ничего и не случилось. Но, похоже, тот серьёзно решил разобраться с «еретичкой», посмевавшей посягнуть на его любимого Бога, и без малейшего колебания шёл вслед. Хотя и должен был отлично видеть дробовик, сжатый в её руке.

Тупик. Хизер почувствовала: ещё шаг, и большие колёса засосут её, увлекут вниз, предварительно пропустив через мясорубку. Она остановилась. Остановился и монстр, снова ставший чёрной фигурой. Секунду-другую они ждали, что предпримет противник, потом Леонард проворно нырнул под воду, мелькнул там едва различимой тенью и исчез. Хизер поняла, что допустила ошибку. Теперь перевес был на стороне чудовища, который чувствовал себя в этом месте, как... рыба в воде. А она осталась в темноте и плюс к тому на расстоянии вытянутой руки от смертоносного механизма. Обратного возвращения к лестнице она тоже не могла – тогда Леонард уж точно схватил бы её за щиколотки и увлёк под воду.

Поэтому Хизер осталась на месте, дёргая ствол из стороны в сторону, где грезились чешуйчатые чудовища, выплывающие из-под воды. Леонард был здесь. Нет, там, на другой стороне, обволакивал её ноги своими щупальцами, чтобы сбить с ног. Но всякий раз, присмотревшись, Хизер видела только бурлящую пенную воду.

Леонард выжидал, чтобы заставить её потерять бдительность. И набросился по прошествии десяти минут, когда Хизер начала подумывать о том, чтобы всё-таки перебраться в более светлое место. Набросился без ухищрений, в лобовую, материализовавшись в трёх шагах от неё, и застал врасплох, несмотря на все предосторожности. Одна из лап свернулась трубочкой вокруг ствола дробовика, стараясь вырвать ружьё, а другая с силой заехала по лицу, задев левый глаз. Хизер закричала от боли, но так и не выпустила двустволку, отчаянно пытаясь нащупать потерянный курок. Вместе с тем Леонард методично проталкивал её назад, во власть больших колёс. Он был силён, даже очень силён. В какой-то момент Хизер думала, что она покойница, и приготовилась умереть, балансируя на самой грани водостока. Что-то вспыхнуло перед глазами, залил коллектор чистым белым светом, и она поняла: это смерть. Вот так старушка и приходит. Как в отпечатанном негативе, она увидела в этой вспышке сетку над

коллектором, разваливающиеся кирпичики на стенах и клиновидную живую маску вместо лица Леонарда. Потом вспышка погасла, и она почувствовала, как давление ослабло. Остро запахло порохом. Последним усилием Хизер вывернулась из-под навалившегося на него монстра и плюхнулась в воду, нелепо вытянув руки перед собой, чтобы не уронить ружьё. Леонард же нырнул в воду...

... нет, не нырнул, а упал. Свалился, как подкошенный. Хизер услышала тяжёлый всплеск воды и потом громкий стон. *Человеческий* стон. Чешуйчатая туша ушла под воду, но спина всё равно выпирала над волнами. Течение подхватило ставшее безвольным тело и протолкнуло к водостоку. Хизер смотрела расширенными глазами, не пытаясь встать. Юбка и жилетка пропитались водой, но она не чувствовала холода. И не чувствовала, как из разбереденной раны на запястье щедро закапала кровь.

Тело Леонарда отбросило в самый край, и выплывшая рука коснулась вращающегося колеса. Его развернуло под странным углом, втягивая под колесо. Леонард не кричал, не шевелился, наверное, был уже мёртв... по крайней мере, Хизер надеялась. К счастью, не было хруста костей и звука раздавливаемой плоти, иначе она бы не выдержала. Просто длинное тело монстра всё больше уходило под воду, теряясь из виду, громче загудело колесо, шум потока претерпел изменения в более тихую сторону... и всё. Через минуту колесо восстановило нормальную работу, вернувшись в привычный ритм, и уже ничто в коллекторе не говорило о том, что здесь только что присутствовал освобождённый из заточения Хранитель Печати по имени Леонард Вульф.

Глава 13

Винсент чувствовал презрение. И ещё – радость оттого, какое впечатление произвела новость на союзницу. *Союзницу, надо же*, с усмешкой подумал он, глядя, как задрожали тонкие губы Клаудии. Он бы ничего не имел против, если бы она умерла сию же секунду здесь же.

А ведь совсем недавно всё было нормально. Если не война, то хотя бы мирное сосуществование. Клаудия занималась своим делом, он – своим. Каждый во благо себе. Пока не нашлась эта взбалмошная девчонка и Клаудия не тронулась окончательно...

- Ты... Зачем? Зачем ты подослал её к моему отцу?

Надо же, какая трогательная забота о папаше. Аж готова разрыдаться. Уж кто-кто, а Винсент хорошо знал, что судьба отца волнует Клаудию Вульф в последнюю очередь.

Но он подхватил правила этой знакомой игры и со своей стороны сделал вид, что донельзя удивлён:

- А что такого?

- Ты не понимаешь? Из-за тебя он...

- Но это же хорошо, не так ли? Значит, он был избран Богом, как всегда и говорил. Я только помог исполнить его мечту.

Клаудия выпрямилась; губы перестали дрожать, но глаза ещё влажно блестели. Она смерила Винсента пронизывающим ледяным взглядом, от которого ему всегда становилось не по себе:

- Те, кто насмеются над Богом, не получают спасения. Ты отправишься в ад, Винсент. Ты никогда не почувствуешь радостей вечного Рая.

Рай, ад... Раньше Винсент благополучно пропускал эти её бредни мимо ушей, но в последнее время это раздражало его всё больше. Возможно, потому, что он чувствовал: пройдёт немного времени... и её слова могут действительно сбыться. Если сидеть без дела и ждать...

Впервые он понял это, когда увидел фото потенциальной Богоматери, данное ему старым детективом. Тогда он увидел больше, чем обычную немного неряшливо одетую девушку, и здорово струхнул, хотя и не подал виду. Показать Клаудии свой страх было бы ошибкой. Большой ошибкой.

Поэтому он невозмутимо парировал:

- А тебя, значит, Он спасёт? Не смей меня.

- Да что *ты* знаешь об этом? – тихо взорвалась Клаудия. Ободранные обои на стенах на мгновение прогнулись под волной невидимой энергии. Винсент не обратил на это внимания. Клаудия не всегда контролировала себя и порой выкидывала подобные штучки. Но фокусы были вполне безобидными и скорее забавляли Винсента. Он завидовал ей, представляя, какую власть он бы получил с её силой.

А вот та, другая...

- Я знаю всё о радостях этого мира, - ответил он. – И хочу найти своё счастье, пока я ещё здесь. Неужели это непонятно?

Во взгляде женщины появилось сочувствие и снисхождение. Бедный пропащий парень, мне его уже не спасти. Вот это Винсент ненавидел больше всего. Ему немедленно захотелось ответить тем же, вылить грязь в её душу... Это он умел. Он подчёркнуто тщательно поправил и без того безупречно сидящие очки и холодно улыбнулся, поднимаясь с пыльной кровати:

- Ты спрашиваешь, зачем я сделал это?.. Но ты ведь ненавидела своего отца, так? Я видел, как он ругал тебя, бил, и ты плакала. Но он бил тебя снова. Я это помню, а ты?..

- Да! – вскричала Клаудия, сжимая и разжимая кулаки. Винсент почувствовал, что ещё немного, и очки оплавятся под её горящим взглядом, но не отводил глаза. – Да! Я ненавидела! Но ты знаешь, что это было не со мной одной. То же самое происходит каждый день... каждый час в любом месте, где ступала нога человека. Вот почему нам нужен Бог и Его вечный Рай. Нам *всем* нужны.

Благими намерениями вымощена дорога в ад. Винсент это помнил. Ну тогда, самодовольно подумал он, путёвка в ад мне не достанется. Чем бы эта женщина в чёрном балахоне ни грозила.

- Ты похожа на ребёнка, - сказал он сухо, зная, каково Клаудии слышать такие слова. – Вот почему ты до сих пор одна. Ты не повзрослела ни на йоту с тех пор, как забивалась под стол, прячась от отца.

В комнате повисла тишина. В полумиле от места, где они находились, двадцатью футами ниже Хизер направляла дробовик на чудовище из коллектора. Клаудия устало закрыла глаза как раз в тот момент, когда палец задел курок и каменные стены озарила вспышка выстрела.

- Ты не понимаешь, - глухо сказала она, отводя взгляд от довольного жизнью Винсента. – Никто из вас не понимает.

Глава 14

Через окно в палату проникал желтовато-грязный свет, полосами падающий на кафель пола. Закат угадывался даже через слой тумана, облегающий город, и незримый дух вечера создавал своеобразный уют и умиротворение в комнате с расставленными по углам койками. Хизер села, преодолевая сонную истому, которая тянула её обратно в сладкое беспамятство. Когда она шевельнула ногами, дробовик, лежащий на голени, упал и ударился о пол. Предохранитель был по-прежнему опущен, но удар был недостаточно сильным, чтобы спровоцировать выстрел.

Хизер огляделась. Белая штукатурка на стенах, лампы, провода, тающий вечерний свет за окном... Нет ржавчины и крови, и никакой преждевременной темноты. Обычный госпиталь, правда, брошенный. Вернулась, значит.

Она встала. Юбка прилипла к ноге, с подола капала вода. Ходить было неудобно, но приходилось. Вода... Если вдуматься, то воды, где она могла промочить юбку, в помине не было в радиусе ста шагов. Хизер об этом не стала размышлять. Все эти прелести. Все эти игры с «обратной стороной». Надоело. Радоваться нужно, что жива.

Радоваться не получалось. Когда она сделала шаг, предатель в голове услужливо напомнил: *ну да, жива... зато Леонард мёртв. Хороший обмен?*

Леонард не был человеком. Просто монстр, разве что нормально говорящий да умеющий использовать телефонный аппарат. Хизер парировала крамольную мысль и почувствовала, как под ногой что-то звякнуло и покатилося по полу. Это был круглый плоский диск – она задела его носком сапожка. Должно быть, завалился рядом. Она проследила, как диск юркнул под одну из оголённых коек, ударился о стену и упал. Когда она извлекла его и поднесла к свету, то увидела на одной его стороне багровый знак. Это был правильный треугольник, вписанный в двойной круг. Знак был вдоль и поперёк испрещён рунами. Хизер уже видела его в госпитале. Когда начался переход на «обратную сторону»...

Сам диск, похоже, был сделан из слоновой кости - белоснежный лёгкий материал, не металл, но и не дерево. Тщательно отполированный и вычищенный. Откуда это здесь оказалось? И что это?

У меня есть Печать.

Уж не этой ли вещицей бредил, лелея, как зеницу ока, покойный Леонард Вульф? А что, может быть... Вульф считал себя Хранителем Печати и, кажется, в каждом прохожем видел злоумышленника, мечтающего его у него спереть.

Хизер немного посмотрела на диск, потом засунула её в карман жилетки. Наверное, это что-то важное, раз Леонард о нём так пёкся. В любом случае, не мешает. И то, что диск лежал как раз рядом с ней, когда она очнулась, тоже о чём-то говорит, верно? В этом городе не было вещей, лишённых смысла.

Ну что, Леонард, спи спокойно. Ты боялся, что я обману тебя и отберу твою Печать. Так и вышло.

Прекратить, властно приказала Хизер. *Немедленно!* Самобичевание сейчас было не к месту. Совсем не к месту. Содеянного не воротишь... к тому же, повторила она, Леонард Вульф не был человеком. Ну совсем. Может, он вообще давным-давно умер, и в канализации жила лишь душа в облике монстра, проекция Леонарда в мире живых. Как, скажем, тот же Стэнли.

Она вышла из палаты С4 в коридор. Коридор показался ей ещё более обшарпанным, чем прежде. Нет, это не было закрытие на ремонт. Госпиталь Брукхэвен канул в Лету окончательно. Не ходить больше строгим медсёстрам в белых халатах по коридорам, и не стонать умирающим в отделе интенсивной терапии. Теперь здесь жили только призраки. Хизер почему-то была рада, что в госпиталь Брукхэвен больше не ступит нога человека. Это место было отравлено.

Как, впрочем, и весь город.

Она пошла к двери входа, в которую несколько часов назад вошла с искренней надеждой, что госпиталь развеет все её сомнения и подскажет единственно верный путь. А вышло совсем наоборот. Она только зря потеряла время с этим Леонардом. Не считая того, что стала

(будем называть вещи своими именами, о'кей?)

убийцей. Наверное, Хизер беспокоилась бы по этому поводу больше, не будь в её ближайших планах лишение жизни ещё одного человека. Я стала персональным истребителем семьи Вульфов, мрачно подумала она и вышла на улицу, поминая скрежещущего монстра с воющим поводырём.

Сейчас на улице никого не было. Сгущалась тьма. Хизер хотела добраться до мотеля, пока не стемнело, поэтому сразу взяла быстрый темп ходьбы. Родной город – это, конечно, мило, но она знала, что ничего хорошего ночью в опустевших кварталах не прибавится.

Дуглас, наверное, уже вернулся. Сидит, ждёт... Хотя, вдруг подумала Хизер, будь она на его месте, то вряд ли смогла бы спокойно ждать, увидев, что попутчицы до сих пор нет.

По всем правилам детектив должен был тут же сорваться с места и прибыть в госпиталь на поиски. Но этого не наблюдалось. Означало ли это, что...

- Надеюсь, с ним всё в порядке, - пробормотала Хизер, отрешённо глядя на мигание огней «Небесной ночи» за туманом. Но уверенности в голосе не было. Да уж... Дуглас хотел помочь, а пока только доставляет ей лишнюю головную боль. Кажется, судьба у него такая...

Когда Хизер дошла до знакомого перекрёстка Натан-авеню – Кэррол-стрит, вдалеке со стороны озера послышался звук. Этот звук она не спутала бы ни с чем другим. Преследователь не желал отставать. Он почуял её присутствие на улице и снова держал путь в сторону девушки, издавая скрежет трущихся друг о друга ржавых труб. Хизер добавила прыти, но скрежет, казалось, летел над улицей со скоростью хорошего автомобиля, быстро настигая. Она прикинула расстояние до мотеля, сравнила со скоростью преследователя, и поняла: не успеть.

Хизер остановилась. Ей в голову пришла одна саднящая мысль: до каких пор она будет убегать? Ну хорошо, допустим, на этот раз ей удастся разминуться с ним, добежать до мотеля и вломиться в номер. Но ведь рано или поздно придётся выйти. Выйти и снова услышать его приближение. Чудовище твёрдо решило не оставлять её... так не проще ли решить этот вопрос здесь и сейчас, пока у неё есть надёжное оружие? А то в другой раз она может оказаться с голыми руками. И тогда будет хуже.

Она отошла к синему палисаднику у обочины и развернулась. Скрежет на секунду замедлил приближение, словно почуяв решимость девушки. Потом рьяно бросился вперёд, произрастая в стороны и прибавляя в громкости. Как пар, вырывающийся из жерла вулкана. Уже рядом... Хизер завертела головой, уже жалея о своём опрометчивом героизме. Что она о нём знает? Вдруг это не просто монстр, а... что-то невероятное? Как тогда, в подземном коридоре, когда за ней гналось исчадие ада в полном смысле слова. Что она сделает тогда? Выронит ружьё и станет молить о пощаде?

В полутьме будто бы стал виден силуэт. Но слишком эфемерный, чтобы Хизер дёрнула курок. Скрежет заполонил улицу, сея панику и нерешительность. Несколько раз Хизер удержалась от желания пальнуть по густому туману перед собой. И когда нервы были на пределе, она наконец увидела. На этот раз не черно-белую галлюцинацию, а до отвращения реальное существо.

Вот оно кто. Это был всего лишь паук, или, по крайней мере, что-то очень похожее на паука. Ростом с телёнка, он двигался действительно быстро, перебирая лапами, напоминающими боевые пики, по асфальту. В середине сплетения лап виделся толстый чёрный комок плоти – тельце, состоящее из двух прикрепленных друг к другу половин. Верхняя половина тела паука безостановочно вращалась относительно нижней, издавая так запавший в её душу железный скрежет. Глаз существа Хизер не различила.

И что, ЭТО всё?..

Наверное, слово «разочарование» звучало в этой ситуации глупо, но Хизер почувствовала именно разочарование. И ещё презрение к себе. Паук-переросток. И от него она убегала, задыхаясь до асфиксии. Его она панически боялась, как неименуемого древнего божества. Этого насекомого. Если уж на то пошло, то собачка, сопровождавшая его у госпиталя, выглядела на порядок более зловеще.

Пора было исправить досадную ошибку.

Хизер почти не почувствовала отдачи. А ведь, подумала она, видя, как дрогнул ствол, в первый раз в подземке чуть ли не окочурилась от боли. Быстро же притерпелась.

Промahnуться картечью с такого расстояния, пусть и в сумраке, было мудрено. Скрежет оборвался; лапы заскользили по земле, царапнули по асфальту и разошлись в стороны, не удержав разворошенное мохнатое тело. Мокрый от крови сгусток шлёпнулся у ног Хизер.

- Сам напросился, - сказала она, поддев его носком сапожка и убедившись, что паук мёртв. – Незачем было меня преследовать.

Дробовик снова стал ненужной ношей. Хизер бросила его у мёртвого тела, мысленно попросившись с подарком. Теперь путь был очищен. Она почувствовала себя в безопасности и продолжила идти к мотелю.

Машины Дугласа у здания не было, но в номере, где они остановились, горел свет. Почти совсем стемнело, и единственное освещённое окно здания притягивало взгляд издалека. Шторы были задёрнуты, за газовой тканью угадывался силуэт человека, стоящего в середине комнаты.

Кто там может быть?

Может, незадачливый детектив снова врезался в столб (что-то он такое говорил, кажется) и вернулся на место встречи на своих двоих? Или, может...

В любом случае, это было странно. Зря Хизер выбросила ружьё. Стодило бы хотя бы для запугивания.

Она немного потопталась у входа, прикидывая дальнейшие варианты действий, но потом таки набралась смелости и нарочито уверенно распахнула дверь.

Человек в коричневом камзоле стоял спиной к ней и разглядывал мутную картину, висящую над кроватью. Услышав скрип открываемой двери, он быстро оглянулся. Хизер могла бы поклясться, что в первое мгновение на его лице читалось раздражение, чуть ли не бешенство человека, которого оторвали от любимого занятия. Но не успела она как следует разглядеть физиономию, как она неузнаваемо преобразилась – теперь Винсент смотрел на неё со смущённой полуулыбкой, нервно сплетая пальцы. Как мальчик, пойманный за непристойным занятием.

Хизер быстро вошла в номер и закрыла за собой дверь.

- Где Дуглас? – отрывисто спросила она, оглядывая комнату. Вроде бы всё так же, как и тогда, когда она уходила, и Винсент ничего не трогал... но у неё появилось странное ощущение, будто что-то в камерке изменилось. Будто, кроме Винсента, здесь присутствовал кто-то, прячущийся, скажем, в гардеробе или под кроватью. Ну или он только что был, и его дух не успел выветриться...

- Он ушёл, - сказал Винсент. – Я встретился с ним, он просил передать тебе, что...

Хизер перебила его:

- Кто-то был здесь только что?

- Да ну что ты, - Винсент широким жестом указал на пустующий номер: мол, посмотри сама, дурочка. – Никого нет, только я. И Дуглас ещё был, конечно. Так ты хочешь услышать, что он просил тебе передать?

Хизер не поверила ему, но прямых признаков, позволяющих уличить Винсента во лжи, не было. Поэтому она сказала:

- Да, конечно. Что он сказал?

Винсент поднял указательный палец, как оратор, намеревающийся сказать что-то важное, кульминационное:

- Церковь на другой стороне озера.

- Церковь? – переспросила Хизер, перекатывая слово во рту, как леденец. Леденец оказался солёным и невкусным. Вернулись мысли об алтаре, вокруг которого благоговейно склонились люди без лица.

- Интересно, что он имел в виду?

- А, так ты не знаешь? – оживился Винсент. Вентилятор под потолком лениво вращался, обдувая его приглаженные волосы. – Там сейчас должна находиться Клаудия. Ты ведь искала её, не так ли?

Ты отлично знаешь, что да, сварливо подумала Хизер. И молча кивнула. Винсент закрыл глаза, словно рисуя в воображении маршрут:

- Церковь там, на северной стороне озера. Если пойдёшь, то лучше всего через парк развлечений. Возможно, сейчас это вообще единственный вариант.

Сказал он это небрежным тоном, но Хизер почувствовала в его словах железное указание: *Не пытайся увливать, Хизер. Иди ровно так, как скажу я. Ради твоего же*

блага. Она не имела понятия, с какой это стати на северную часть города можно попасть только через парк развлечений. Но Винсент так говорил. Что ж, ему видней.

- Отправляйся на северо-запад по Натан-авеню, - рука Винсента очертила в воздухе изогнутую кривую. – Достаточно далеко, но, думаю, немного ближе, нежели до неба.

Он натянуто рассмеялся своей немудрёной шутке и взглянул на Хизер, словно надеясь увидеть на её губах хотя бы тень улыбки. Она не улыбалась. Стояла и настороженно смотрела на него. Когда Винсент разочарованно замолчал, она коротко спросила:

- Это всё?

Он кивнул, блеснув стёклами очков:

- Ага.

Зачем Дуглас отправился в церковь? Почему туда, а не за ней в госпиталь? Хизер почувствовала, как в ней заново начинает пробуждаться недоверие к пожилому детективу. Что же получается – пока она металась по тем багровым коридорам, сходя с ума, Картланд вернулся из пустого дома Леонарда, поговорил с Винсентом (даже притащил этого субъекта в номер) и спокойно поехал в обиталище Клаудии? Это последнее беспокоило Хизер больше всего. Что задумал детектив? Увести женщину из-под удара жаждущей мести девушки, не дав свершиться преступлению? Или, может...

Послушай, Хизер... Я не знаю, что с тобой стряслось. И уж конечно не нахожусь ни на чьей стороне.

Ой ли? Вдруг это не так? Хизер как-то не задумывалась о таком варианте...

Найти Святую. Убить её?

Фотокарточка...

Что за глупые мысли! Дуглас не может... просто не может так поступить! Он искренне хотел ей помочь. Если он против неё, то у него было миллион шансов напасть на неё. Потом, раз детектив действительно ведёт игру за её спиной, зачем ему оставлять сообщение, куда он отправился?

Это раз. А если Дуглас на её стороне, то явиться к Клаудии с его стороны было глупо вдвойне. Почти самоубийство. Тем самым детектив подвергал свою жизнь серьёзной опасности.

Так или иначе, но Хизер сейчас же нужно было отправляться в эту церковь на той стороне озера. Чем быстрее, тем лучше. Возможно, ей удастся встретиться с Клаудией до Дугласа... хотя маловероятно. Вот так было бы лучше всего. Одна, без свидетелей, без прохожих, без детективов, которые непременно попытаются вмешаться. Тет-а-тет.

Хизер глубоко задумалась и даже перестала замечать Винсента, который напряжённо наблюдал за её лицом. Когда он негромко кашлянул, давая о себе знать, она опомнилась и кивнула ему:

- Спасибо. Я, пожалуй, сделаю так, как ты сказал.

- Счастливого пути, - добродушно напутствовал Винсент. Сам он не собирался никуда идти. Хизер была этому рада. Уж лучше совсем без спутника, чем с таким, как мистер Вэ.

Дойдя до двери, она остановилась. Оглянулась и с подозрительным прищуром посмотрела на Винсента, на его тёмно-зелёные глаза, один из которых был чуть скошен в сторону, и спросила:

- Дуглас точно просил мне это передать?

Он обиженно нахмурился:

- Конечно... Ты что, не веришь мне?

Хизер не нашла, что ответить. Поэтому она просто пожала плечами и вышла на улицу. Там уже была ночь.

Глава 15

Как только Хизер увидела приторно-цветастую вывеску парка развлечений, она поняла: это оно. То самое место, где она была в кошмарном сне, после которого всё началось.

Машина Дугласа стояла у ворот парка, мотор заглушен, двери заперты, фары выключены. Стало быть, Винсент был прав в том, что в церковь можно добраться только через парк. Хизер потрогала капот – металл ещё хранил улетучивающееся тепло. Дуглас приехал сюда совсем недавно.

Она стояла у решетчатых ворот, похожих на тюремные, и вспоминала, казалось бы, навсегда забытый сон. Сон, в котором были окровавленные розовые кролики из мягкого плюша, одинокий гудок паровоза и покореженные рельсы. Где была она сама, напуганная, ничего не понимающая и одержимая мыслью: идти вперед, бежать от этого безумия. Кошмар совершил полный круг, чтобы воплотиться в реальность. Хизер видела над собой ту же вывеску с белыми лошадками.

Парк развлечений Лейксайд. Огни потушены, миниатюрные поезда, кораблики и лошадки спят глубоким летаргическим сном. Ей предстояло в одиночку пробраться через их молчаливое скопление. И по пути восстанавливать в памяти по крупницам вчерашний сон... который ничем хорошим не кончался. Хизер не помнила точно, но во сне произошло что-то ужасное.

Оставалось надеяться, что жизнь подкорректирует предназначенное в лучшую сторону. Но надежды было мало.

Хизер открыла ворота. Они давно проржавели и с трудом вращались на шарнирах. Парк тоже был заброшен – мёртв и не дышал, как госпиталь Брукхэвен. Неужели все заведения в городе умирают такой же медленной смертью?

Она ступила в территорию парка. Пусто, ветрено... но вроде бы безопасно. Если не поддаваться гнетущему влиянию пустых аттракционов. Хизер сделала первый шаг...

... в животе что-то шевельнулось, превратив внутренности в расплавленную кашу.

Хизер вскрикнула и упала на колени, согнувшись пополам. Нечто в животе снова пришло в движение, и новая волна боли лишила девушку возможности видеть и слышать, окутав знакомым красным покрывалом. На этот раз в мареве, в котором она находилась, не было видно девушки по имени Алесса. Хизер была одна с разрывающей её болью, по крайней мере, так казалось сначала. Но потом... когда боль немного поутихла, и исчезло ощущение, что через неё пропускают ток высокого напряжения, Хизер почувствовала чьё-то присутствие. Но она не могла его видеть: присутствие было... *внутри* неё. Внутри. Что-то живое, которое шевелилось в её чреве. Он дышал. Дышал её горлом и видел её глазами. Это продолжалось недолго, максимум три-четыре секунды, но это время было самым ужасным. Хизер потеряла способность даже чувствовать боль, сотрясающую тело; она словно видела себя со стороны, бесцеремонно вытолкнутая тем, что в неё поселилось. Не Алесса. Не битва разумов, дерущихся за одно тело. На сей раз это имело совсем другую природу.

Это был не человек.

Потом *он* пропал так же быстро, как появился. Хизер втянуло, как на резиновом шнурке, обратно в содрогаемое катаклизмом тело. Она почти с облегчением ощутила стихающую боль в животе. Боль была неприятна, но она знаменовала её возвращение в собственное тело. К тому же боль быстро исчезала, увлекая за собой красноту.

Когда всё прошло и пол под ногами снова стал твёрдым и надёжным, Хизер решила поднять голову. И не удивилась, увидев, что всё вокруг снова переменилось. Парк, и до того не блиставший, стал напоминать кладбище непонятных проржавевших механизмов, щерящихся на неё беззубыми ртами. Под подошвой звенела решетка. На стены зданий налетел застарелый слой ржавчины. В воздухе витал тяжёлый запах, напоминающий машинное масло. Вывеска над головой накренилась; надпись было не разобрать. Не говоря уже о рисунке.

Приступ выбросил Хизер на «обратную сторону». Теперь пейзаж стал как две капли похожим на тот проклятый сон. Хизер вмиг узнала розовые пушистые тельца, лежащие на скамейках впереди. Это были плюшевые кролики. Отсюда мордашки были не видны, но Хизер знала, что они испачканы кровью.

- О чёрт... – только и смогла вымолвить она. Оглянулась, втайне надеясь покинуть парк Лейксайд, но выход исчез. Забор из острых металлических прутьев тянулся высоко в небо и оканчивался там острыми треугольными пиками.

Путь был один.

Над скамейкой горели фонари, стилизованные под старый добрый девятнадцатый век. Хотя Хизер и обходила кроликов далеко стороной, она всё равно уловила смрадный запах, исходящий из неподвижных тел. Будто они действительно умерли и гниют...

Вдруг Хизер пришла в голову звенящая мысль. Недаром кролики такие большие, в натуральную человеческую величину. Может, в этих костюмах кто-то...

Уж не собираешься ли ты проверить?

Конечно, нет. Поджав губы, Хизер прошествовала мимо скамеек, углубляясь в просторы парка развлечений. Она хотела идти как можно быстрее, чтобы миновать страшное место, но слишком быстро не получалось: тут и там на решетчатом полу появились зияющие дыры без дна. Их было сложно увидеть, особенно вдали от фонарей. Так что Хизер приходилось прощупывать каждый участок перед тем, как поставить ногу. Это было даже хорошо – отвлекало от пышного великолепия ужаса, которое окружало её и пыталось подмять разум под себя.

После трех минут ходьбы она наткнулась на сплошной дощатый забор с крохотной дверью. Забор был не к месту, его вообще не должно было здесь быть. За ним могло прятаться что угодно. Хизер немного приоткрыла скрипящую дверь. Темно – ничего не различить. Она открыла дверь пошире и всё равно ничего не увидела. Ни искорки огня... хотя нет, далеко-далеко впереди был виден скромный луч фонаря или лампы. Наверное, туда и следовало держать путь.

Нет, стоп. Хизер, уже начавшая переступать через порог, замерла. Впечатление такое, будто это тоже было во сне. Она так же опрометчиво бросилась вперёд, к манящему свету, и... что-то произошло. Какие-то тени в темноте, сильный удар в грудь, и она упала. Да, так и было.

Она только что едва не наступила дважды на одни и те же грабли. Этот сон... раз всё повторяется, то он приснился ей не просто так. Она должна извлечь урок из обрывков воспоминаний и не допускать ошибок. Возможно, это спасёт ей жизнь.

Свет равнодушно горел вдалеке. Преодолеть расстояние за один марш-бросок не представлялось возможным. Хизер осторожно переступила через порог, вся превратившись в один большой локатор. Звук собственного прерывистого дыхания сбивал с толку. Темнота справа. Темнота слева. Тишина везде.

Никого...

Хизер закрыла дверь за собой, слившись с обступающей её темнотой. Она надеялась, что так её видно хуже возможным наблюдателям. Хотя темнота вряд ли будет преградой, если гипотетические недоброжелатели действительно следят за ней. Но всё равно... Меньше шума, меньше движения, меньше света. Здесь никого нет, я лишь дуновение ветра.

Хизер намеревалась идти напрямик к свету, но через несколько шагов столкнулась с низкой, до пояса, балюстрадой, за которой разверзлась пустота (то есть наверняка разверзлась – она не могла видеть, только догадываться). Она тихо обходила балюстраду по периметру, впрочем, держась на приличном расстоянии от края – если она будет жаться к обрыву, то хватит маленького толчка в спину, чтобы она перевалилась через край.

У Хизер было ощущение, что с правой стороны громоздятся маленькие домики, где в былые деньки можно было задешево узнать своё будущее, прикупить фирменных

сувенирчиков Тихого Холма, ну и, конечно, сфотографироваться на память с розовыми кроликами. Всё то, на что посетители при входе не обращают внимания, замороженные аттракционами и розыгрышами, зато потом, на выходе, их не оттащить от этих домиков. Хизер почти *видела* беседки, киоски и шатры – со всеми узорами и пёстрыми толпами очередей у входа. Странно, подумала она, ведь я не могу знать точно... Может, видела во сне? Что-то не припомнится...

Свет приближался. Медленно, зато неотвратно. Яркая стоваттная лампа. Под ней вырисовывалась ещё одна дощатая дверь с торчащим обрывком пеньковой верёвки вместо ручки. Когда Хизер уже готовилась праздновать победу, лучи вдруг померкли в её глазах: их преградила чья-то широкая фигура. Фигура постояла, отчётливо вырисовываясь на фоне жёлтого сияния, и грузно прошествовала мимо. Хизер узнала его. Ей пришлось зажать рот ладонью, чтобы не закричать. *Это он!*

Продолговатая грушевидная голова. Руки-палицы, болтающиеся у ног. Из них торчат длинные шипы...

Это был он – первый монстр, которого убила Хизер. Думала, что убила. Но он вернулся. Он был жив и, судя по всему, здоров.

На этот раз у неё не было пистолета, который мог её спасти...

Кажется, монстр пока не заметил Хизер. Хотя, кто знает? Он ушёл в темноту, став невидимкой, и один Бог знает, где он сейчас и что предпринимает. Возможно, как раз в этот момент втихаря наносит ей удар в грудь шипастой палицей.

Хизер застыла, не зная, что делать. Сердце бешено колотилось. Затаиться и ждать, пока чудовище не отдалится? Или вобрать воздуха в грудь и сыграть на скорость, прорываться к двери? Варианты были одинаково рискованными. Она начала склоняться в пользу первого варианта, когда на лицо снова пала тень. На этот раз тень пронеслась с быстротой молнии, но Хизер успела увидеть проскочившую прямо под лампой собаку. Милую такую псину, всю перебинтованную и с разрезанной надвое головой.

Что за... У Хизер упало сердце. У них тут что, собрание какое-то, что ли?

Судя по всему, так и было. Иначе чем объяснить появление на арене ещё одного монстра – того самого, которого Хизер наградила зарядом картечи по дороге в мотель. Пробирающего нервы скрежета не было, но существо, проползшее перед лампой, было вполне узнаваемо. Паучьи лапки и раздвоенное мохнатое туловище. В воображении Хизер паук двигался прямо на неё, чтобы отомстить за былые обиды. Он её увидел и узнал... Но нет, паук тоже проворно прошмыгнул дальше, не обратив на неё внимания. Они словно куда-то спешили, выстроившись в ряд, как солдаты на поле боя.

Хизер подождала ещё минуту. Больше чудовищ не было. От продолжительной напряжённой обездвиженности у неё начали затекать мышцы рук и ног. Она сделала осторожное шевеление в сторону двери. Было тихо. Монстры ушли.

Давай!

Хизер подбежала к двери, мысленно гонимая полчищами белесых теней, и трясущимися пальцами старалась ухватиться за верёвку. Торчащий жёсткий обрывок всё время убежал, на даваясь в руки. Казалось бы, такой пустяк, но задача стала для Хизер почти неразрешимой. Она чертыхалась, судорожно сжимала и разжимала ладонь, но верёвка невообразимым образом проскальзывала между пальцами. Когда она почти готова была расплакаться, кончик наконец оказался в ладони. Хизер дёрнула дверь на себя и юркнула внутрь, благодаря судьбу. Закрывая дверь, она не выдержала – оглянулась.

Монстры были там. Их не было отчётливо видно, но массивные туши угадывались в зернистой темноте, разбавленной светом лампы. Они не шли за Хизер, не гнались – просто стояли, загораживая путь назад, и молча смотрели на неё. Это испугало девушку не меньше, чем если бы чудовища надвигались на неё. Почему они стоят? Что с ними? Застыли и безмятежно взирают, как привратники у ворот ада...

Дверь хлопнула перед носом. Хизер опёрлась лбом о его шершавую поверхность и глубоко задышала. *Спокойно. Ты ещё жива.*

Она посмотрела вперёд. Здесь было так же темно, но Хизер откуда-то знала – монстры её больше не потревожат. По крайней мере, в парке Лейксайд. Впереди безучастно мигала огнями жёлтая вывеска. Единственная, хотя аттракционов в этой части должно было быть немерено. Всевозможные карусели, чёртовы колёса, тиры... Но вывеска светилась только одна, и скошенные буквы гласили: «ГОРНАЯ ПОЕЗДКА». Хизер узнала её. Эту неопрятную вывеску она тоже видела во сне. За ней должна была быть длинная винтовая лестница, поднимающаяся вверх...

Всё было так. Единственное отличие - у подножия лестницы стояла будка, где продавались билеты на аттракцион, но Хизер не думала, что ей сейчас требуется их приобретать. Она поднималась вверх по узкой и очень неудобной лестнице. Ступеньки то и дело тревожно поскрипывали под ногами. Вся конструкция выглядела шаткой и ненадёжной. Хизер тешила себя мыслью, что это сделано нарочно – на самом деле лестница надёжна, как скала, и её части прочно сварены друг к другу. А ветхий вид и угрожающие звуки – ещё один способ пощекотать нервы посетителей, вогнать их в холодный пот ещё до того, как они сядут на кресло и поезд тронется с места. Организаторы таких развлечений считали, что чем ближе будет клиент к инфаркту, тем будет веселее. У Хизер был иной взгляд на подобные забавы.

Лестница оказалась необычно высокой – Хизер совершила не меньше семи-восьми оборотов вокруг центральной колонны, прежде чем оказалась на верхней площадке. Справа от неё, рядом с площадкой, пролегла полоса рельсов, висящая на приличной высоте над землёй. Рельсы были довольно широки, и на кончиках шпал, стилизованных под гнилое дерево, горели смутные зелёные огоньки. Наверное, они должны были изображать фосфор, испускаемый старой древесиной. Всё выглядело, как настоящее... Хизер даже на секунду показалось, что это не бутафория и рельсы так же ветхи, какими кажутся.

Аттракцион находился в рабочем состоянии – об этом свидетельствовал ревуший где-то мотор и подрагивание рельсов под колёсами путешествующего по ним поезда. Наверняка поезд пуст – кому могло взбрести в голову покататься на горках в такое время в таком месте? Жуткое зрелище – пустой механизм, раз за разом выделяющий холостые круги меж фальшивых горных хребтов (они тоже были очень похожи на настоящие – муниципалитет не поскупился на оборудование парка). *Время ночных развлечений*, вдруг подумала Хизер, неотрывно глядя на рельсы. Вряд ли она смогла бы объяснить, что означают эти слова.

Она ступает на эту подрагивающую железную конструкцию и чувствует, как сталь немного прогибается под её тяжестью. Отметая ощущение, что шаткая структура под ногами разваливается, она идёт вперёд, туда, где рельсы понемногу опускаются вниз, к земле, и ни о чём не думает...

Что? Что было потом? Это же почти конец сна! Хизер помнила короткую белую вспышку, собственный крик, повисший во мгле, потом сон стал разрушаться, и на ум пришло это проклятое имя: *Алесса*. Оно заставило забыть всё. Позже её разбудил тот приятный парень.

Зачем она пошла по рельсам? Оно, конечно, это только сон, и логики в нём мало по определению, но...

Она не помнила. И опять у неё только один способ узнать всё. Хизер вздохнула. Всё её путешествие напоминало клубок нити, который распутывался понемногу по мере того, как она тянула ниточку. Одно действие вело к другому, столь же хорошо запланированному неизвестным кукловодом и не оставляющему ей никакого выбора. В который раз. Она ощущала себя крысой, которую заперли в клетке и заставляют пробираться по запутанному лабиринту, ударяя током каждый раз, когда она пытается упрямиться. Заставляя делать нелогичные, ужасные вещи, лишённые смысла. Тяни за клубок, тебе говорят. Тяни!

Узнать на опыте. Испытать на себе.

Как бы случайно не оборвать ту ниточку жизни...

Хизер ждала, пока мимо проедет поезд, чтобы не рисковать быть раздавленным, сделав три-четыре шага по полотну. Но поезд не приходил. Поезд запаздывал. Состав кружил где-то рядом, но не показывался в глаза. Она слышала стук колёс и пыхтение двигателя. Где-то там...

Нет, даже с оглядкой на кукловода это чистой воды суицид – соваться на рельсы при включённом механизме. Вот если как-нибудь отключить питание, тогда можно было бы осторожно проползти метров тридцать и спрыгнуть там, где рельсы едва не касаются земли. А так...

Так вот же она, будка управления. Хизер только сейчас заметила в конце площадки маленькую будку, внутри которой горел свет. Наверное, оттуда вся эта махина и регулировалась. Чтобы посадить там наблюдающего, который в случае ЧП остановил бы двигатель.

В будке был пульт, похожий на тот, которым открываются двери гаража. Рядом с пультом стоял серебристый кофейник и валялась пачка печенья. Детективный роман в зелёной обложке был раскрыт на половине. Всё выглядело так, словно наблюдатель покинул пост на минуту.

На панели пульта горел зелёный огонёк. Ниже была лампа красного цвета, но она не горела. Хизер немного изучила пульт; разобраться в нехитром устройстве не составило труда. В машинном отделении канализации всё было сложнее на порядок. Этот большой рычаг, должно быть, и регулирует подачу питания. Хизер потянула его вниз. Огни на панели мигнули и поменялись местами: теперь зажёгся красный, а зелёный пропал. Звук мотора, всё ещё воющий за грядой «гор», затих. Аттракцион прекратил работу.

Прежде чем вернуться к рельсам, Хизер задержала взгляд на печеньях. И только сглотнула слюну, осознав, насколько ей хочется есть. Ещё бы – ведь она не брала в рот ни крошки со вчерашнего вечера. С тех пор прошло двадцать четыре часа. Но голод всё же был не настолько сильным, чтобы она решилась отведать яства парка Лейксайд. У неё было подозрение, что еда, подобранная в этих местах, действует не хуже дозы стрихнина. Вот когда всё закончится, тогда и можно будет поесть. Хизер успела забыть маленькие радости жизни...

Она подошла к кромке площадки, там, где рельсы тянулись параллельно краю. Полотно перестало дрожать, но зелёные призрачные огни по-прежнему горели по краям шпал. Оно и лучше, подумала Хизер. А то в этой темноте и не различишь, где рельсы, а где пустота...

Самым страшным был момент перелезания с платформы на рельсы. Хотя делать головоломные прыжки не было надобности, Хизер всё равно здорово понервничала, ставя ногу на железо, выкрашенное под дерево. Рельсы нехотя прогнулись – точь-в-точь, как во сне, – но выдержали. Встать во весь рост Хизер не решилась, боясь потерять равновесие. Отсюда до земли было тридцать или сорок футов. Она опустила на колени и поползла по железнодорожной полосе, торопливо отталкиваясь руками от шпал. Зелёный огонёк плясал на кончиках пальцев.

В голову лезли плохие мысли. Тот сон... Нет, она всё предусмотрела. Аттракцион не работает. Она в безопасности... по крайней мере, что касается того ревущего поезда. А что ещё может ей грозить?

Хизер сместилась с платформы довольно далеко – на пятьдесят футов, когда, наконец, осмелилась поднять глаза с рельсов. Лучше бы она этого не делала. Пейзаж был теперь не просто похож на сон – он *был* из того сна. Молчаливое нагромождение горных хребтов, краснеющих на свете оставшегося позади фонаря. Искорёженные рельсы, выгнутые впереди под невообразимым углом.

Что бы ни произошло... это было здесь. Хизер перестала ползти вперёд и замерла в ожидании чего-то страшного. Руки вцепились в шпалы мёртвой хваткой.

Не останавливайся! Ползи!

Разумом она понимала, что она только играет на руку своему сну, что она должна делать всё не так, чтобы с ней не стряслось то же самое... но не могла заставить себя шевелиться. Она стояла на четвереньках, дрожа всем телом, и с возрастающим ужасом всматривалась в пустоту впереди.

Что это? Какой-то шум? Нет... скорее движение. Полотно задрожало под Хизер. Прежде чем она успела понять, что произошло, где-то совсем близко заревел пробудившийся от сладкого сна мотор. В темноте вспыхнул единственный глаз фары паровоза.

Не может быть! Я отключила его!

Свет приближался. Приближался на умопомрачительной скорости, сметая всё на своём пути. Хизер была уверена, что рельсы, по которым пронёсся состав, несколько секунд висят в оцепенении и потом разваливаются на части. Она вспомнила свой сон. До последней точки.

Паровоз издаёт предупреждающий гудок, словно тот, кто сидит в головной части, нажал на кнопку сигнала, увидев девушку, забравшуюся на полосу. Но не замедляет скорости. Хизер охватывает ужас – она смотрит вниз, но видит там бездонную мазутную чернь. Свет бьёт в глаза, зелёные огни на шпалах меркнут от его сияния. Выхода нет. Хизер кричит, так и не решившись спрыгнуть. Потом паровоз налетает на неё, вдавливая в шпалы кисти рук, всё остальное, и без остановки мчится прочь, оставив после себя одно пульсирующее слово: АЛЕССА.

Паровоз и в самом деле издал гудок. Громкий, раскатистый, от которого содрогнулись бутафорские горы. Он не собирался останавливаться. Хизер судорожно посмотрела вниз, но ничего не увидела. Парк развлечений был облачён в костюм, сотканный из ткани цвета ночи. Высота – двадцать футов. Если прыгнуть, то в лепёшку...

Передняя фара поезда отчаянно замигала, бросая Хизер то в свет, то в тень.

Что делать? ЧТО ДЕЛАТЬ?!! Я не могу... Хизер подняла голову и посмотрела навстречу бьющему в глаза снопу света.

Мгновением позже в темноте раздался короткий пронзительный крик, оборвавшийся в середине. Состав с пустыми вагонами не замедлил движения – он проехал дальше, чтобы продолжать возить своих невидимых пассажиров по грядам гор и доставлять им незабываемые ощущения.

Глава 16

Большие синие чашечки, некогда кружившиеся в замысловатом танце, заставляя ребятишек в упоении прихлопывать ладошками, сегодня вечером не двигались. Они грустно висели на концах изъеденных временем и бесконечными дождями стальных стержней и смотрели на площадку. Там тоже ничего не было. Только ночной ветер да два человека, встретившиеся в этом странном окружении. Они молча изучали друг друга с противоположных углов площадки и не спешили пойти навстречу друг другу. Один из них – пожилой человек в коричневом плаще – держал в руках оголённый пистолет. Другая – высокая женщина в глухом чёрном одеянии и длинными светлыми волосами до пояса – ничем не была вооружена, но не испытывала никаких неудобств перед человеком в пистолете. Потому что она была вооружена верой. И уверенностью в том, что делает. Ни того, ни другого у человека в плаще не было.

- Я нанял тебя, чтобы ты нашла девушку, - сказала женщина. – Ты это сделал и получил то, что тебе причиталось. Что тебе ещё нужно?

- Вы меня обманули, леди, - холодно констатировал детектив Картланд. – А я не люблю, когда меня используют.

На лице Клаудии ничего не изменилось:

- Обманула? В чём?

- В том, что Хизер у вас похитили, - Картланд подтянул подол плаща. Непонятно почему, но он нервничал перед своей бывшей клиенткой. Даже сейчас, стоя перед ней с заряженным пистолетом. Её глаза... он никогда не отводил взгляд от собеседника, считая это проявлением слабости и вообще плохим тоном, но разговаривая с Клаудией, ему нестерпимо хотелось это сделать.

- Это не обман, - Клаудия покачала головой; кроны деревьев за её спиной колыхались в такт. - Она была нашей. Тот недостойный человек, Гарри Мейсон, выкрал её у нас и прятал все семнадцать лет.

- Возможно, - согласился детектив. - Но она была счастлива с ним. А теперь, благодаря вам, она ещё долго не сможет смеяться.

- Это всё только потому, что он промыл ей мозги, - глаза Клаудии негодуя блеснули, и карусель неслышно скрипнула. - Её истинная сущность сейчас спит... но начинает пробуждаться. Внутри девушки живёт Бог. Но когда Алесса, мать Божья, пробудится окончательно...

Алесса – это настоящее имя Хизер. Картланд это знал, Клаудия просветила его насчёт этого уже на первой их встрече. Но тогда это казалось рядовым делом, одним из тех «спокойнячков», которые можно быстро завершить и получить причитающийся гонорар. Старому человеку в копилку перед тем, как уйти на окончательный отдых. Теперь всё встало с ног на голову. С тех пор, как Дуглас понял, что с его лёгкой руки произошло что-то непоправимое... и он должен той девушке, Хизер, больше, чем жизнь.

Поэтому Дуглас Картланд, частный детектив, проживающий в солнечной Калифорнии, не жалел о том, что делает. Всю жизнь он не вмешивался в чужие дела сверх меры. Этого требовала щепетильная профессия. Но когда-то нужно начинать.

- Что тогда? – спросил он женщину, которая говорила о Боге.

Клаудия мечтательно полужакрыла глаза:

- Наступит вечный Рай.

- Хм, и что это за Рай? – скептически спросил детектив. Он сам не верил в Рай. Ни в вечный, ни во временный. Потому что прожил на свете достаточно, чтобы понять, что любой рай будет лишь фикцией. Тем же тщательно замаскированным адом.

- Место без боли, - женщине мысли о грядущем доставляли сладостное наслаждение. - Место, где не будет голода, болезней и старости. Царство без зависти и войн, где все будут жить по воле Божьей.

- «Ни того, ни другого, ничего», - Картланд задумчиво огляделся вокруг. - Идеально вылизано, не находишь? Рай для кастрированных овец, не больше. Скучновато, я бы сказал.

Клаудия исподлобья смотрела на него, и сжала бескровные губы, словно в приступе обиды и горечи. Но их оттенила проступающая среди едва заметных морщин жалость. Жалость к человеку, который нелепо размахивал перед ней оружием.

- Мне тебя жаль. Ты так и не понял...

Она начала оборачиваться к калитке, чтобы уйти, и тогда детектив заметил мелькнувшие под подолом длинного чёрного платья голые пятки. Клаудия ходила разутой в ночном парке по холодному стальному помосту. Это обстоятельство почему-то побеспокоило его больше всего.

Нельзя дать ей уйти. Ты знаешь, что делать.

Картланд поднял руку с пистолетом и нацелил ствол на Клаудию. Она остановилась на полушаге, но не из-за боязни выстрела: казалось, женщина в шоке просто оттого, что этот старик осмелился поднять на неё оружие.

- Ты собираешься убить меня? – удивлённо спросила она, видя, как детектив щелкает затвором. - Неужели это так легко для тебя?

- Я делал это раньше, - сухо сказал Картланд, стараясь не выдать дрожь в пальцах.

- Тогда, - услышал он в ответ тихий, почти неслышимый голос, - мне тебя действительно жаль.

Выровняв ствол, он вновь взглянул на женщину. В последний раз перед тем, как совершить задуманное. Увидел её ледяной взгляд и понял, что проиграл. Вчистую. Во взгляде женщины осталось только презрение – презрение к тщедушному созданию, пытающемуся остановить необратимое.

Синие игрушечные чаши опять качнулись на своих стержнях, издав негромкий скрип, сотрясший ржавый воздух. Не дожидаясь, пока отзвуки этого скрипа растворятся в тишине, Дуглас Картланд нажал на курок.

Глава 17

Когда поезд приблизился настолько, что лучи его фар вдавливались в лицо, как горячая резиновая маска, а жар от колёс, трущихся о рельсы, начал обжигать кожу рук, Хизер ясно поняла: это судьба. От которой, как известно, не увильнёшь. Сопротивление бесполезно. Кошмар в торговом центре описывал последние секунды её короткой неудавшейся жизни. С этими мыслями она перекувыркнулась в левую сторону и упала, раскинув руки, в плотную мглу. Летела, чувствуя себя вольной птицей, ровно настолько, чтобы успеть перебрать в уме все лучшие моменты жизни (пикники, что они с папой устраивали на весенних лужайках, коробка с отцовским подарком на верхнем ящике шкафа, шоколадные мороженые, которые она любила, несмотря на то, что они влияли на фигуру не лучшим образом, и прозрачные кубики льда, в вечно ломающемся холодильнике), потом был сухой и болезненный удар в грудь, прервавший эту невероятно красочную киноленту. *Вжжжик!* – плёнка оторвалась от кинопроектора и смоталась в тугий рулон, оставшись где-то позади. Хизер потеряла сознание.

Придя в себя, она не поверила, что жива. Конечно, мертва, как же может быть иначе? Она кулем свалилась Бог знает с какого фута над поверхностью земли, так какой тут может быть вопрос? Но боль в очередной раз свидетельствовала о возвращении в мир живых. Вокруг было темно – хоть глаз выколи, и Хизер представила, что окружена вихрем ночных бабочек, описывающих неровные круги вокруг её особы. Но эта фантазия ничем не помогла ответить на вопрос, где она оказалась и – главное – с какой милости здесь, а не на небесах?

Не вставая, она нащупала рукой поверхность, на которой лежит. Нечто гладкое и шероховатое и чуть мягкое. Это «чуть мягкое», должно быть, спасло её – без него Хизер пришлось бы долго собирать свои косточки. Не железная решётка пола, это однозначно. Но тогда...

Крыша. Ну да, верно – это крыша одного из тех киосков, предназначенных для выуживания денег из карманов посетителей. Хизер переместилась вправо, почувствовав острую боль в области ушибленной грудины, и выглянула за край. Её предположения оказались верны – она и в самом деле лежала на будке для продажи билетов в очередной оплот праздного развлечения. Прямоугольник восемь на пять футов, а она попала точно по центру, как ядро, пущенное рукой опытного пушкаря. Это было удачное падение. *Подозрительно удачное*, подумала Хизер. Она никогда не выигрывала в лотереях больше пяти долларов, но сколько таких невероятно удачных случаев у неё было за последние часы? А сколько у неё было возможностей отойти в лучший мир? Каковы шансы?

После мучительных пяти минут Хизер нашла в себе силы и уверенность, чтобы спрыгнуть вниз. Расстояние до земли было небольшое, но она всё-таки приглушённо вскрикнула, когда ноги выразили своё недовольство сим акробатическим трюком. Ещё побаливала грудь (должно быть, там уже всё в синяках), особенно в том месте, где находился вдавленный в кожу серебряный кулон. Осмотревшись, Хизер заметила, что рана на запястье опять раскрылась и из неё лениво сочится кровь. М-да, так и истечь кровью недолго. Она с силой придавила вену и держала, пока кровь не перестала идти.

На боковой стороне будки была нарисована зелёная рука, указывающая вперёд. Хизер посмотрела в ту сторону и увидела знакомую дощатую дверь. Впрочем, нет, это

была другая дверь. Вела в следующий аттракцион. Хизер задрала голову, увидела полосу рельсов над собой и немного поразмыслила. Она вошла в парк с северо-запада, шла в основном на запад... а теперь, если верить расположению рельсов, то зелёная рука указывает на юг – там другой конец парка. То, что ей нужно. Скорее бы уже уйти из этого места.

Надеюсь, с усмешкой подумала Хизер, хоть там не нужно будет куда забираться.

Рядом с дверью висела табличка с остроконечными готическими буквами. Хизер прочитала на свете фонаря, декорированного под оплывшую свечу:

Дом ужасов Борли

Редкий парк развлечений обходился без подобного аттракциона. Дома ужасов были такими же обязательными элементами уважающего себя парка, как, скажем, карусели или комнаты смеха. Хизер в детстве бывала в нескольких таких заведениях; они на неё особого впечатления не произвели. Возможно, потому, что она тогда уже знала весь механизм тщательно подготовленного «ужаса» - ряженые актёры и примитивные скрипучие механизмы, выкрашенные под «страшные» вещи (обычно они любили делать зелёных скелетов с торчащими изо рта зубами – скорее забавных, чем внушающих страх). Так или иначе, Хизер в этих домах не было страшно ни капельки. Даже скучно.

Но теперь ей стало не по себе. Парк развлечений Лейксайт был не рядовым магазинчиком развлечений. Чёрт побери, какой тут «рядовой», если это Тихий Холм! И Хизер хорошо понимала, что не стоит в этом жутком месте соваться в дом ужасов. Но из тесной площадки, куда она попала, другого выхода не было. Впрочем, выход всегда есть – можно было пойти не по дороге, а протискиваться сквозь плотно посаженные колючие кусты, украшающие парк, раздирая кожу и последние остатки одежды. И ещё остаётся вопрос, куда попадёшь после этого увлекательного путешествия. Хизер сделала вывод, что дело того не стоит. В конце концов, весь парк олицетворяет оживший кошмар, и в этом аттракционе не лучше и не хуже, чем в любой другой точке. Ей совсем необязательно заходить в сам особняк. Никто не мешает схитрить – обойти здание и направиться напрямик в задний дворик. Там-то выход наверняка есть.

Хизер отворила дверь забора. Прямо за дверью начиналась узкая, насыпанная гравием дорожка, которая извивалась ужом среди низкой остроконечной ограды. Кладбище... Стилизация, но мастерски выполненная. Ряды могильных камней, некоторые из которых до половины утопают в земле. Хизер даже начала было почувствовать запах могильной земли, витающий над ними, но отмела это ощущение как несурзное. Какой тут запах? Это же бутафория. Вот – в пяти шагах высится нарядный обелиск, рекламирующий аттракцион. Из нарисованного домика с чёрными окнами-дверями струится зелёный огонь, и костлявые руки вылезают из дымохода, возводя пальцы к небу.

Но Хизер всё равно ступала очень осторожно, почти на цыпочках, словно боясь разбудить мёртвых. Она аккуратно повторила все изгибы дорожки, чтобы добраться до самого особняка и убедиться – обходного пути нет. Фасад здания был втиснут в высокий забор без единой щели. Сам дом поражал воображение – это ж сколько надо вложить средств, чтобы построить его таким красивым? Конечно, о вторых этажах и часовых башнях речь не шла, но... Острая крыша в стиле средневековой готики. Каменная кладка – настоящая каменная кладка, а не кирпичная. Окна с изящными дубовыми ставнями. Ни «дом ужаса», виденный Хизер ранее, в подмётки не годился этому красавцу. Если бы ей показали одно только здание и сказали, что в нём на самом деле обитают духи, она бы безоговорочно поверила (при том, что обычно не принимала всерьёз такие байки). Место казалось просто созданным для эфемерных силуэтов, бесшумно скользящих по мрачным коридорам.

Да, обходного пути не было, и Хизер решила в очередной раз поиграть с судьбой. Тем более что внутри дома приветственно горел свет: аттракцион работал. Не возвращаться же назад.

- Я люблю дома ужасов, - заявила она вслух. Конечно, это не было правдой. Просто так увереннее. С этими словами она прошла в прихожую, открыв лёгкую и бесшумную дверь. Как только дверь закрылась за ней, квадратное помещение заполнил весёлый бодрый голос, от которого она чуть не закричала:

- Ну что же, добро пожаловать в Дом ужасов Борли! Вы сами это выбрали... Уверены, что не боитесь?

Уф... Это ведущий. Успокоившись, Хизер огляделась, но нигде не заметила микрофона. Наверное, он был спрятан за обоями. В самой прихожей ничего ужасающего не было: довольно милая, выкрашенная в светлых тонах комнатка с двумя дверями, расположенными диаметрально противоположно. Под потолком горела люстра – не очень мощная, но и не слабая. Почти домашний интерьер... Хизер вспомнила свой дом, и в груди прошла волна ноющей боли. А голос из ниоткуда продолжал вещать:

- Вы не представляете, как мы рады вашему приходу! Нас так давно никто не посещал... Заходите и осмотритесь – мы с нетерпением ждём.

Голос, похоже, был записан на магнитную ленту; временами он трещал и терял чёткость. Что, впрочем, не оттеняло издевательски жизнерадостного тона человека.

Что ж, пока всё хорошо. Хизер сделала то, о чём её попросили, и оказалась в следующей комнате. Когда она отпустила дверь, за спиной тихо щелкнул запираемый замок. Она вздрогнула. Зачем это? Ах да, опять нагнетают...

Это комната не была столь мирной. У окна стоял длинный обеденный стол с полной сервировкой – белые накрахмаленные тарелки, серебряные приборы и красивые бронзовые подсвечники. Но за столом никто не сидел. Стулья, скучившиеся у стола, были повалены на пол, у некоторых порвалась обивка, обнажив солому внутри. По тарелкам и чашкам старательно накропили красную жидкость, напоминающую разбрызганную кровь. «Кровь» была и на стенах – там, где висели фамильные портреты, лица всех членов семьи были заляпаны так, что ничего не было видно. Кровавый след тянулся от стола к противоположной стене (кто-то ползал?) и превращался в большую красную лужу под неровной, корявой надписью на обоях: «НА ПОМОЩ». Последняя буква не была дописана – писавший явно не дождался желаемой помощи...

- Помогите! – закричал кто-то над головой Хизер, заставив её съёжиться. – На помощь! Кто-нибудь...

- Слышите эти голоса? – вкрадчиво перебил вопли знакомый голос ведущего. – Они неспроста. Четыре человека, все члены семьи были изрублены на кусочки здесь, в этой самой комнате. Это сделал глава семейства.

Они просто запугивают. Хизер выпрямила спину. Кровь, ну конечно... просто томатный сок. Уж она-то теперь может отличить, где настоящая кровь, а где нет. И «НА ПОМОЩ» на стене смотрится банально. Не страшно...

Хотя она должна была признать, что сделано всё весьма грамотно. Такого она видела в прежних «домах».

Крики сменились всхлипами и приглушёнными рыданиями. Очень натуральными – у Хизер аж сжалось сердце. Потом, когда плач перешёл в крик ужаса, она поняла, что это ребёнок. Кажется, совсем малолетний...

- Детский плач, - сочувственно проговорил ведущий. – Ужасно... Убийцу поймали, он и не пытался скрыться. И знаете, что он сказал, когда его спросили: «Зачем вы это сделали»? Знаете?

- Наверное, что-то вроде: «Я должен был», они всегда так говорят, - равнодушно сказала Хизер, дёргая дверь, ведущую в следующую комнату. Кровавая надпись «НА ПОМОЩ» блестела совсем рядом, от него исходил тошнотворный запах. Ручка не поворачивалась – эта дверь тоже была заперта. Хизер прошиб холодный пот.

- «Потому, что я должен был», - торжественно объявил голос, но Хизер неспособна была радоваться своей догадливости. Опять ловушка? Почему здесь всё закрыто?!

- Ну ладно, я вру, - миролюбиво признался ведущий. - Нагоняю пургу, вот что. Я просто хотел вас напугать, но вы держитесь молодцом. Хотя, для честности скажу, один человек всё-таки здесь умер... Повесился.

За большим окном, которая занимала почти всю стену, вспыхнула синяя молния, озарив покачивающийся за стеклом силуэт. Человек мерно качался под веткой дерева, и толстая верёвка тянулась от его шеи вверх к стволу. Прогрохотал гром, сквозь его какофонию Хизер расслышала щелчок замка. Дверь открылась, и она в очередной раз вздохнула с облегчением. Кажется, идея в том, что пока не услышишь всю историю, не уйдёшь из комнаты. Разумно. Хизер с неохотой признала, что на этот раз они смогли-таки пустить мороз по спине.

Искусственная вспышка угасла, и «повешенный» за окном исчез во тьме. Зато остались тарелки и подсвечники и кровь на них. Хизер всё ещё не оправилась от предыдущего страха, и подумала: *А вдруг это правда?* Нет, насчёт четырёх убитых бред полный, но сказ о повешенном чем-то задел её. Чем-то таким...

Будто она где-то уже слышала эту историю...

Хм, скептически высказался мистер Здравый Смысл, вроде бы ведущий сказал, что пошутил. Если ты такая наивная, что готова принять рассказы этого шута за чистую монету, может, тебя убедит чистосердечное признание?

Наивная, согласилась Хизер, открывая дверь в следующую комнату. Какая же я всё-таки наивная...

Помещение напоминало библиотеку. Все четыре стены облегалы высокие стеллажи, забитые книгами. Похоже, к ним давно никто не прикасался – обложки помутнели и покрылись шалью паутины. Впрочем, присмотревшись, Хизер увидела, что большинство книг сделаны из папье-маше и искусно раскрашены под цвет пыли. То же самое с паутиной. Здесь всё было бутафорским.

У одного из стеллажей что-то негромко, но очень зловеще скрипнуло. Хизер тотчас обратила взор туда и увидела кресло-качалку, которое стояло, обращённое к ней спиной. Оно мерно качалось, издавая скрип, и на ней кто-то сидел. Хизер видела на макушке человека лысину, обрамлённую клоком седых волос. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, что это просто кукла. Манекен. Он продолжал качаться в своём кресле, и Хизер пошла дальше, почему-то не отрывая от него глаз. Хотя она уверяла себя, что столь банальной вещью, как кукла на кресле, её не напугать, ей всё равно казалось, что стоит отвести взгляд, как это бездушное пластмассовое тело шевельнётся и оторвёт руки от подлокотников.

Воздух в библиотеке был затхлый до першения в груди. Хизер потянула за ручку ближайшей двери, но она не открылась. Значит, вторая дверь... Дверь находилась в глубине библиотеки. Проход, разумеется, предусмотрительно проходил на расстояние шага от куклы.

Сгорбленная старческая фигура на кресле совершала однообразные движения. Вперёд-назад, вперёд-назад... Равнодушно и умиротворённо, будто пытаясь обмануть девушку. Сейчас, когда она попадёт в поле его досягаемости, он схватит её за руку и разразится каркающим смехом...

Хизер смотрела только на синий пластмассовый затылок и ни на что другое, готовая в любой момент отскочить в сторону. Дверь приближалась очень медленно, а манекен был уже рядом. Вот, сейчас она сделает шаг и увидит его лицо. Хизер была уверена, что глаза будут широко открыты и вытаращены на неё.

БУМ!

С потолка свалилось что-то тяжёлое и больно ударило крадущуюся Хизер по позвонкам спины. Она ожидала подвоха, но только не с этой стороны. Поэтому не смогла ничего сделать в свою защиту, кроме как зайти в визгливом крике пойманной в сети

добычи и пасть на пол. Напавший не спешил повторять атаку. Хизер судорожно отползла назад на несколько шагов и оглянулась. Над ней вверх тормашками висело мёртвое тело. Ну или что-то похожее. Тело было всё в крови; даже сейчас густые красные капли срывались с кончиков волос.

ТЬфу ты, сплюнула Хизер, поднимаясь на ноги. Леденящий страх подействовал подобно флюсу – после вспышки ужаса и последующего облегчения комната уже не казалась настолько страшной. Даже этот мертвец, который выглядел ну совсем как настоящий.

- Это Дэнни, - поведал ведущий из-за своих застенок. – Не очень общительный молодой человек, хотя, как видите, весьма дружелюбный. Он так ждал встречи с вами... Раньше Дэнни жил в Новом Орлеане, но решил влиться в нашу скромную компанию после одной небольшой неудачи.

Сам Дэнни никак не отреагировал, когда его представили гостю. Продолжал висеть неразделанной тушей в бойне, и небогатое освещение комнаты бросало на его лицо жуткие сероватые тени. Хизер присмотрелась к нему внимательнее. Странно... Разве куклу можно так сделать? У него были все признаки настоящего человека... мёртвого. Даже запах крови, которого Хизер после визита в «обратную сторону» госпиталя Брухэвен не спутала бы ни с чем. Часть дурацкого аттракциона? Или...

Она могла развеять сомнения, просто прикоснувшись к телу. Но не стала. За спиной щелкнул замок первой двери, и она быстро зашагала к нему, от души радуясь, что ей не пришлось пробивать дорогу ко второй двери через терновники кукол и трупов.

Следующая комната приготовила для неё весьма странный интерьер, не вписывающийся в гармонию дома девятнадцатого столетия. Коридор проходил между камерами, забранными решёткой. За прутьями были видны одноместные жёсткие нары, унитазы, на полу лежали рваные клочки газет и ещё Бог знает что. Хизер сделала шаг, и под ногами протестующе скрипнула половица.

- Особняк очень стар, - предупредил ведущий. - Смотрите под ноги, когда ступаете. Иногда пол проваливается, а там... пустота. Не хотелось бы, чтобы это случилось с вами.

Пол хрустел вполне натурально. Хизер очень хотела внять совету ведущего и не ходить по коридору. Но было одно «но» - другого прохода попросту не существовало. Оставалось проклинать извращённую фантазию тех, кто создал этот дом, и вышагивать вперёд, стараясь ставить ноги как можно дальше друг от друга. Но половицы с каждым разом скрипели всё громче, и, казалось, нервно пружинили под ногами. Сама не замечая, Хизер цеплялась на каждом шагу за решётки. Когда она дошла до середины коридора, верхний потолок вдруг сорвался и с жужжанием полетел всей многотонной громадиной на голову Хизер. Она успела увидеть широкую чёрную тень, мелькнувшую над ней, острые пики, которыми был усыпан потолок, и с криком пригнулась. Слава Богу, потолок прекратил падение футах в восьми над уровнем пола. Наточенные серебристые кончики застыли, сиюсь дотянуться до головы девушки. Здание дрогнуло от мощного удара.

Ведущий казался искренне раздосадованным:

- Я же говорил, это место просто разваливается. Механизм сломан... Если бы он был исправен, уверяю вас, потолок бы не остановился.

Хизер уже взяла в толк, что это очередной розыгрыш, но не стала делать вид, что ей не страшно. Пропади всё пропадом, ей было страшно, страшно до слёз, до тошноты, плевать на гордость и смелость, она мечтала только о том, чтобы целой и невредимой выбраться из стен этого проклятого особняка. И была невероятно рада увидеть зелёную табличку с надписью «ВЫХОД» на конце коридора. Давно пора. Она бегом подбежала к двери и схватилась за ручку. Заперто.

- Не так быстро, - лукаво рассмеялся ведущий. Будь он рядом, Хизер не раздумывая вцепилась бы ему в глотку. – Там выход. Ну что же, мы показали всё, что могли. Надеемся, старались не зря и прогулка вам понравилась. Приходите ещё. Или, если хотите...

- Да, да, да! – прокричала Хизер, задрвав голову к потолку. – Я вернусь, всё, что угодно, только открой эту чёртову дверь!

Она почувствовала, что коридор темнеет и она сходит с ума. Камеры вытянулись в длину и поплыли. Ведущий продолжал как ни в чём не бывало:

- ... или, если хотите, мы сами можем наведаться к вам...

Освободительный щелчок в замочной скважине. Хизер распахнула дверь, приложившись плечом. *Прощайте.*

- Что...

Ничего не понимая, она посмотрела на длинный светлый коридор. Где выход?

- Здесь должен был быть выход, - мрачно сказал ведущий. Хизер снова вскрикнула: ей показалось, что голос раздался прямо за её спиной. Монотонность и приглушённость, свойственная записи, пропала, и речь ведущего теперь звучала не хуже, чем её собственный голос. Тон тоже изменился: от бывшего напущенного веселья и беззаботности не осталось и следа. Ведущий цедил слова по одному, будто придерживал рвущуюся наружу злобу:

- Но, кажется, никто не хочет, чтобы вы уходили. Вы всем нравитесь, Хизер, вы такая милая. Оставайтесь. Они хотят, чтобы вы остались с ними навсегда. Соглашайтесь, ведь смерть гораздо легче жизни...

Её обуял животный ужас, когда она услышала собственное имя. Как она не понимала... Думала, что всё розыгрыш, бутафория. Как бы не так. Сзади раздалось шипение, будто плавится железо. Через тонкую щель под дверью в коридор начало сочиться кроваво-красное сияние. Там, где сияние коснулось жёлтого линолеума, показался дымок. Запахло горелым.

Это был НЕ розыгрыш. Хизер сорвалась с места и стремглав бросилась вперёд по коридору. Жилетка на спине моментально промокла от пота, но на этот раз это было не только от волнения: сзади девушку настигал невыносимый, обжигающий жар, давящий в спину и несущий её вперёд. *Не поскользнуться*, повторяла про себя Хизер, *только не упасть*. Она была уверена – секундное промедление, и эта красная волна настигнет её, вонмёт в себя. Она не представляла, что с ней будет тогда... возможно, её обугленные кости остались бы лежать в коридоре дома ужасов Борли. А может, не осталось бы даже костей - только невидимый прах, впитавшийся в воздух. И вездесущий ведущий в следующий раз, когда в эти стены забредёт посетитель, радостно рассказывал бы ему: «По этому коридору раньше шла девушка по имени Хизер. Она родом из здешних мест, и присоединилась к нам после того, как умер её отец. Сначала хотела от нас убежать... потом передумала».

Хизер проигрывала. Коридор начал извиваться между стенами, как змея, запертая в тесной коробке. Хизер натыкалась то на левый поворот, то на правый, и катастрофически теряла скорость. Сияние настигало её. Она уже видела боковым зрением его отблески на стенах, и то, как чернеют обои при приближении красного света. У неё начало сбиваться дыхание. Ноги всё чаще подкашивались, отказываясь двигаться дальше. А чёртов коридор тем временем выделял и вовсе невозможные кульбиты, сворачиваясь в узлы. Казалось, он тоже играл против неё, намеренно запутывая. Хизер мельком заметила, что на стенах местами под обоями краснеет каменная стена, словно рёбра под содранной кожей. Тут и там коридор был захвачен разросшимся плющом, который в жару вспыхивал жёлтым огнём. Хизер бежала. Лампы попадались реже и реже, и в конце концов единственным источником света в коридоре со странно изогнутыми наружу стенами стало догоняющее сияние. Она бежала, бежала всё медленнее, и после очередного крутого поворота увидела впереди дубовую дверь выхода с узорами в чопорном тюдоровском стиле. С невразумительным криком девушка навалилась на дверь, вытолкнула её наружу и увидела темноту, перемешанную с тусклыми огнями аттракционов. Южный двор парка... Не оглядываясь, Хизер захлопнула дверь спиной и зажмурилась, ожидая удара огня. Но этого

не случилось. Она выпуталась в очередной раз; благополучно вышла из дома ужасов Борли, пройдя через все ловушки.

- Господи, - выдохнула она, оседая на землю. Носки сапожек были оплавлены, спина мучительно жгла; кажется, на спине образовалось изрядное количество волдырей. Хизер машинально провела рукой по затылку и с недоумением увидела на пальцах частицы пепла. Кончики волос были опалены. Излишне приветливые обитатели особняка оставили на ней свою метку.

Ну вот, обречённо подумала она. *Всё хуже и хуже*. Парк Лейксайд невзлюбил Хизер с первых секунд пребывания на территории, и теперь, после стольких злключений, это чувство было глубоко взаимно. Она с радостью увидела, что в южной части парка несравненно меньше всяких хитроумных развлекательных приспособлений. Выход был близко. Кажется, это был двор каруселей – судя по разбросанным тут и там поломанным конструкциям, насаженным на стержни.

Увидев калитку в противоположной части площадки, Хизер направилась туда. За загородкой виднелись застывшие на разном расстоянии от земли синие чаши, некоторые из которых швырнуло о землю неведомой силой.

Глава 18

Дуглас был там. Сидел на земле, бессильно опираясь спиной о перегородку карусели. Одинокий. Окровавленный. Холодный...

- Дуглас! – в ужасе вскричала Хизер и подбежала к нему. К её безмерной радости, детектив открыл глаза, услышав своё имя, и устало посмотрел на неё. Он был жив.

- Ты опоздала, - сказал он.

Опоздала на что? Опустив взгляд, Хизер увидела, что кровь проистекает из-под брюк Дугласа. Кровотечение остановилось, но вся земля в пределах полуметра была смочена запёкшейся кровью. Господи...

- Тебя ранили?

- Правая нога не слушается, - ответил Дуглас. Попробовал шевельнуть ногой, но болезненно поморщился и прекратил напрасные усилия. – Кажется, сломана.

- Не пытайся встать, - Хизер начала торопливо вспоминать, где в этих местах может быть телефон. Наверное, в будке, где продают билеты, или в одном из магазинчиков. – Я вызову скорую.

Она уже хотела на всех парах побежать обратно, когда детектив остановил её:

- Не думаю, что скорая приедет.

Господи, о чём я думаю? Хизер совсем забыла, где находится. Да уж... Дуглас, Дуглас, ну что с тобой делать?

Она повернулась к Дугласу и стала внимательно смотреть на его лицо. Детективу стало неуютно под её осуждающим взглядом, и он неуклюже пролепетал:

- Не волнуйся, мне это не впервой. Я привык...

- Ты... ты старый дурак! – тихо взорвалась Хизер. – Так глупо пораниться...

Она чувствовала себя чудовищем, накрикивая на человека, который много старше её самой и к тому же серьёзно ранен, но не могла иначе. Привык он, видите ли. А о ней он думал? Если бы его убили здесь из-за неё...

- Прости, - промолвил Дуглас. – Я хотел только...

- Зачем ты это делаешь? – в сердцах спросила Хизер. – Зачем рискуешь собой ради меня? Ну скажи мне, почему ты притащился сюда? Что мне делать, если ты умрёшь?

Дуглас решительно выпрямил спину, на мгновение став тем самым непробиваемым детективом Картландом, с которым она разговаривала в торговом центре:

- Лучше подумаем о том, что *нам* делать, если этот Бог родится.

- Да ладно... – небрежно сказала Хизер. – Разве может Бог таких трущоб быть сколько-либо сильным?

Она ждала, что Дуглас согласится с ней, скажет, что они победят... но он, проклятый, лишь многозначительно молчал, соскребая пальцем ржавчину с решётки под ногами. Хизер беспомощно огляделась, ища поддержку у окружающего пейзажа. Но парк Лейксайд ей ничем в этом не помог. Хизер увидела киоск продажи попкорна, накренившийся вбок под странным углом. Присмотревшись, она поняла причину – под киоском лежал раздавленный розовый кролик, вздымающий один из краев. Морда была сплющена массивной конструкцией, и из-под порвавшейся ткани на решетку вытекла кровь. Совсем небольшая лужица, но Хизер это увидела. Там, внутри пухлого костюма, лежал человек. Мёртвый...

Она вздохнула и отвела глаза. Дуглас продолжал молча играть с узорами ржавчины. Парк спал, убаюкиваемый свистом ветра. Хизер поняла, что рассчитывать придётся только на саму себя.

- Не думаю, что этот Бог так силён, - сказала она. – В конце концов, если отец смог Его победить, то я тоже...

Дуглас снова посмотрел на неё и мрачно сказал:

- Но всё равно, что-то случится.

Детектив, как всегда, умел поднимать настроение в трудную минуту. Но Хизер не могла не признать, что он говорит правду, говорит то, что думает – в отличие от неё. Она до сих пор не могла разобраться в своих мыслях и чувствах. Они были слишком сложными и запутанными для семнадцати лет.

Что-то случится. Так сказал Дуглас. Хизер подумала: а что может случиться? Родится Бог... он принесёт вечный Рай для всех людей, если верить Клаудии. Но Хизер этого не увидит...

- Кто знает, - осторожно сказала она, - может, это не так уж и плохо...

И тут же прикусила язык. О чём она болтает?... Однажды этот Бог уже рождался, и что хорошего это принесло миру? Так стоит ли ждать от него разумного, доброго, вечного?

На этот раз Дуглас отреагировал живо:

- Если всё, что я видел за прошедшие сутки, произошло из-за этого Бога, то я больше не хочу о Нём ничего слышать. И не желаю, чтобы кто-нибудь слышал. По-твоему, это достаточная причина, чтобы рисковать своей жизнью? По мне – да...

И после небольшой паузы он добавил с горькой усмешкой:

- И потом, я ведь старый дурак...

- Слушай, - Хизер решительно присела перед детективом, - ты только не думай, что я какая-то там суперменша или что-то такое, хорошо?

- Знаешь, я всегда хотел быть суперменом, - мечтательно улыбнулся Дуглас. – В детстве мысли только об этом и были. Наверное, потому и выбрал свою профессию. Думаю, этот случай – неплохой шанс исполнить мечты... Лучше поздно, чем никогда. И, кроме того...

Он вдруг замаялся и спрятал глаза, опять начиная мучить ржавый налёт на решетке. Но Хизер не дала ему просто так уйти:

- И что?

- Я хочу тебе помочь, - признался детектив. Хизер поразмыслила над его словами и качнула головой:

- Ты мне ничем не обязан. Это моя жизнь.

Дуглас смолчал. Хизер поднялась на ноги. Удивительно, но туман, затягивающий город, начал рассеиваться. Она даже могла различить самые яркие звёзды сквозь белесую пелену над головой. Над горизонтом на юге встала луна, которая сегодня имела медно-красный цвет.

- Ты напоминаешь мне сына.

Слова прозвучали глухо и обыденно. Дуглас сидел на земле так же недвижно, и глаза были полузакрыты.

А ты знаешь, что можешь умереть?

Ничего. Никто не будет плакать на могиле.

- Ты говорил, что никто не будет плакать...

- Мёртвые не плачут.

Вот оно что... Хизер хотела ойкнуть и извиниться, но почему-то не сделала ни того, ни другого. Стояла и слушала, как Дуглас рассказывает:

- Глупый мальчик попался при ограблении банка. Что-то у него там пошло не так, он не успел скрыться... Подросла полиция. Он попытался прорваться, и его застрелили. Я узнал только на следующий день...

Голос у него не дрожал – просто становился тише и тише, пока не перешёл на шёпот. Хизер молчала, молчала, потом спросила:

- Почему он это сделал?

- Может быть, ограбление было единственным выходом. Кто знает? Я-то никогда уже не узнаю...

Некоторое время оба вслушивались в шум ветра, который набирал силу, потом Дуглас встряхнул плечами, сбрасывая оцепенение:

- Прости. Я не должен был тебе это говорить.

Хизер попыталась пошутить:

- Ну, если бы ты сравнил меня с дочерью, может, тогда было бы ещё нормально...

Дуглас измученно улыбнулся и откинулся на перегородку, закрыв глаза. Хизер поняла, что он устал. Она разговаривала с ним слишком много. Теперь требовалось оставить его в покое.

- Слушай, я всё устрою, - серьёзно сказала она. – Ты оставайся здесь, отдохни. Я вернусь, когда всё будет кончено. О'кей?

- Уверена, что справишься? – спросил Дуглас, не открывая глаза. Голос ослабел. Кажется, дела обстояли хуже, чем он выглядел.

- Эй, без проблем, - бодро откликнулась Хизер, мрачно глядя на ввалившиеся щёки детектива. *Не умирай*, хотела добавить она, но это прозвучало бы слишком могильно. Иногда лучше молчать...

Она вздохнула, встала и пошла к калитке, которая виднелась на дальнем конце площадки. За калиткой, кажется, располагался очередной аттракцион. Хизер надеялась, что он окажется последним. Парк ей надоел.

Но на полпути она остановилась, почувствовав до боли знакомое ощущение на спине – будто кто-то неотрывно смотрит за ней, кто-то чужой и злой... Дуглас не мог так смотреть. Не мог. А вот его пистолет...

- Что ты делаешь?!

Она услышала щелчок предохранителя. Чувство не пропадало. Ствол «Ремингтона» по-прежнему смотрел ей в спину, готовый в любой момент громыхнуть огнём. Огнём боли, смерти и... спасения.

Дрожащий, на грани хрипоты, голос Дугласа:

- Может быть, единственный способ покончить с этим раз и навсегда – убить тебя. Прямо здесь.

Хизер знала это, задумывалась не раз. В плане Клаудии она была необходимым элементом, и без неё распалась бы вся цепочка. Никакого Бога и вечного Рая, никаких больше страданий. Легко и просто... Но Хизер также знала, что это решение будет лишь временным. Семнадцать лет назад всё это уже было. Затея Далии Гиллеспи провалилась... но теперь всё повторялось. Зародыш Бога, однажды зачатый в Алессе, уже не мог исчезнуть просто так. Он кочевал, выбирая себе новых жертв. Если не Алесса, то Хизер. Если не Хизер, то кто-либо другой. Бог будет в девушке, которая появится из ниоткуда в момент её смерти, и для этой ничего не подозревающей девушки много-много лет спустя обычный воскресный день превратится в оживший кошмар. Всё повторялось, делало

полный оборот и заходило в круг, как красные вентили, которых неустанно вертел тот получеловек-полумонстр, преследующий Хизер.

Была ещё одна причина, из-за которой нужно было пройти весь путь до конца. Хизер хотела жить. Она не сомневалась в этом ни на секунду. В этом состояло её главное отличие от Алессы, только и мечтающей, чтобы умереть. Умереть окончательно и не пробуждаться. Сейчас, когда её жизнь и смерть зависели только от воли Дугласа, Хизер снова раздвоилась на две противоборствующие половинки. Одна половина, которая принадлежала Алессе, страстно желала выстрела, предвкушала последующую за ним заключительную боль... потом блаженная темнота. А другая половина требовала отпрыгнуть в сторону, уйти из-под прицела и выхватить у детектива оружие. «В чём дело? – бесновалась она, видя, как девушка остаётся на месте, покорившись судьбе. – Разучилась отстаивать свою жизнь? После всего, что случилось?!»

Всё это было слишком сложно. Пусть Дуглас сам решает. Хизер выпрямила плечи и закрыла глаза. Если уж умирать, то здесь и сейчас, а не под когтями очередного монстра в какой-нибудь клоаке, где её даже не найдут.

- Да, - грустно сказала она, наблюдая за игрой разноцветных огней под веками. – Может быть, ты прав...

Наступило молчание. «Ремингтон» злобно следил за Хизер, но никак не мог решиться.

Стреляй! Стреляй же! Не мучай больше...

Нет, Дуглас. Не стреляй. Я хочу жить. И мне нужно отомстить за отца.

Дуглас глухо застонал и опустил руку. Железная рукоятка зазвенела, ударившись о решётку.

- Возьми мой пистолет, Хизер. Тебе он нужнее.

Детектив почти полностью сполз на землю. Его знобило, и, похоже, неотвратимо клонило ко сну. Хизер молча подошла и подобрала выроненный пистолет. В магазине было пять патронов.

- Извини, - пробормотал Дуглас, проваливаясь в сон. – Я бы так хотел с тобой пойти... Но нога...

- Да ладно, - отмахнулась Хизер, кладя оружие в карман жилетки. - Считаю, что нашёл уважительную причину. Отдыхай. Я всё сделаю.

И потом, после непродолжительного молчания, всё-таки не сдержалась и добавила:

- Не умри без меня.

Но Дуглас эти слова уже не услышал.

Глава 19

В конце были белые лошади. Тоже из плохих снов, которые преследовали Хизер последние полгода. Они смотрели на неё из широкого круга большой карусели, нанизанные на железные прутья. Выпученные нарисованные глаза ждали от неё чего-то, требовали и незаметно вращали белками, когда она поворачивалась к ним спиной. Хизер прочитала надпись над входом: «КАРУСЕЛЬ СЧАСТЬЯ. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ОЩУЩЕНИЯ!». Лошадок в круге было двенадцать – наверное, счастливая дюжина должна была оправдывать громкое название, но Хизер сообразила, что если она войдёт в круг, примкнув к этой зловещей компании, то число персон станет равно тринадцати. Чёртова дюжина, приносящая только несчастья. Организаторы не учли это досадное обстоятельство.

Она обколотилась о перекладину и посмотрела на морду ближайшего животного. Безупречная полнозубая улыбка, оттопыренные ушки и игриво поднятый вверх хвостик. Ничего особенного... но разве не эта самая приветливая морда взирала на неё в кошмаре,

расплываясь в дьявольской ухмылке? Разве не эти зубы щерились на неё, готовые в любой момент растереть её в порошок? Разве не...

- Не прикидывайся паинькой, - строго сказала Хизер. – Я знаю, кто ты на самом деле.

Лошадь покорно промолчала. Животное стерпело на своём веку много унижений, начиная от капризной ребятни, молотящей башмаками по её бокам, и кончая налётом времени, день за днём стирающей с неё краску и блеск. Оно не считало нужным отреагировать на параноидальные слова девушки.

Хизер усмехнулась:

- Ты же знаешь, мне так и так придётся войти.

И вошла. Ещё не зная зачем, но понимая - другого пути нет. Встала, затравленно озираясь, среди рядов неживых лошадей, покоровшись судьбе. Что-то произошло здесь, в этом невинном аттракционе, в этой колыбели радости, и это «что-то» сделало карусель средоточием зла в парке Лейксайт. Очень скоро она узнает...

Тихо скрипнула ржавая загородка карусели, поворачиваясь вокруг шарнира и закрывая путь наружу. Хизер не оглянулась. Она настороженно переводила взгляд с одной лошади на другую, ожидая неприятного подвоха в любой момент. Но они продолжали оставаться такими же милыми и безопасными игрушками и не спешили превращаться в чудовищ. Порывы ветра утихли. Над парком воцарилась жуткая тишина, не нарушаемая даже шевелением замерзающих трав. Хизер слышала учащённое биение собственного сердца. Она ждала.

Сплетение гирлянд над каруселью вспыхнуло разноцветными огнями, отбрасывающими блики на пол. Из невидимых динамиков зазвучала музыка – тревожная, дребезжащая и в то же время завораживающая. Как из музыкальной шкатулки. Хизер где-то слышала этот мотивчик... Пока она думала, аттракцион преобразался. Засверкал вычищенным блеском пол, грязь с лошадок стекла вниз бурными потёками и растворилась в воздухе, не долетев до земли. Арена дрогнула, когда включился главный двигатель и лошади начали описывать танец вокруг центральной колонны, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз – сначала медленно, потом всё быстрее. Как в былые славные времена. Карусель Счастья ожила.

Тринадцать, подумала Хизер, чувствуя, как её воротит от мелькающих перед глазами белоснежных фигур. Теперь в карусели властвует число тринадцать...

Ей показалось, что между рядами пластмассовых лошадей у противоположного края арены мелькнуло что-то чёрное. Наверное, это всё-таки была игра воображения, потому что, сколько Хизер ни старалась углядеть, что там, ей это не удалось. Лошади двигались слишком быстро, туманя глаза и разум, чуть ли не слетая со своих стержней. Ветхий двигатель не мог обеспечить такой скорости, их двигало что-то другое. Хизер чувствовала себя как ребёнок, заблудившийся на ярмарке – всё вокруг было залито ярким вспыхивающим светом и беспрестанно двигалось, двигалось, двигалось... Она уже готова была схватиться за голову и закричать: «Прекратите, ради Бога!», когда всё кончилось. Арена остановилась как вкопанная, нещадно бросив её вперёд. Хизер пришлось опереться руками об одну из лошадей, чтобы не упасть. К пальцам прилипло что-то мокрое и липкое, и она с отвращением отскочила от животного, вытирая руки о жилетку. Лошадь сопровождала её мрачным взором глаз, налитых кровью. Раскрашенные губы сложились треугольником, образуя злобную ухмылку.

Огни потухли. Хизер осталась одна в полутьме, цепляясь за рукоять пистолета. Тут и там на арене раздавались противные хлюпающие звуки, будто кто-то топал калошами по болотистой местности. И сквозь эти хлюпанья проступал жаркий шёпот. Слова нельзя было разобрать, но смысл непостижимым образом вливался прямо в голову.

Ты здесь. Значит, я тоже здесь. Снова...

Шёпот повторялся, раздуваясь в глубину и в широту. Он медленно подступал к ней. Хизер вертелась на месте, видя вокруг только безжалостные морды карусельных лошадей.

Они уже не были белыми – по спине от стремен и до копыт тянулись бесформенные красные пятна.

Кто это?

Мне лучше умереть. Бояться больше нечего.

На арене кто-то был. Хизер слышала, как поскрипывает пол под его ногами. Шаги приближались вместе с шёпотом.

Этот зародыш, Бог... Я думаю. О той бесконечной боли, которую он принесёт после рождения. Для всех и для меня.

- Алесса? – неуверенно окликнула Хизер, отступая назад. Человек теперь был отчётливо виден между горбатыми фигурами лошадей. Он стоял, глядя на неё и до боли кого-то напоминая. Хизер не сразу поняла, кого именно.

Та комната, полная боли. Страдания и жестокость, которых я там натерпелась. Я решила, что будет лучше, если...

Это была она сама. Хизер. В той же жилетке, но только обagrённой вытекшей кровью. В той же юбке. В тех же сапожках, купленных на эшфилдской распродаже этой весной. Но глаза... они были иными.

Не её глаза. Глаза Алессы Гиллеспи. Единожды увидев, их нельзя было забыть.

Смерть. Я хочу умереть. Сама, мирно и спокойно... Не надо сопротивляться. Зачем?

Она подняла правую руку, демонстрируя Хизер нож, сжатый в ладони. Не угрожая, но приглашая. Приглашая подчиниться, внять её словам, согласиться с ней. Чёрные волосы ключьями спадали на лоб, изборождённый глубокими краснеющими ранами. Ладонь заметно дрожала, но Алесса сделала шаг вперёд, ближе к Хизер.

Ты знаешь. Давай сделаем это вместе...

- Нет, - отрезала Хизер и отпрянула назад от жуткого окровавленного двойника. – Нет.

Алесса остановилась и посмотрела на неё. В её чёрных глазах заблестела ненависть. *Ты не знаешь, каково это. И я не хочу, чтобы ты узнала. Ради этого...*

- Нет, - ещё раз повторила Хизер и подняла пистолет.

Нет, Алесса, повторила она про себя, зная, что она слышит каждую её мысль. *Нет. Дело даже не в том, что я не помню ту комнату боли. Просто... мы разные.*

Алесса не ответила. Вместо этого она бросилась к ней, замахиваясь ножом. Она слишком хотела умереть; Хизер её понимала. Но со своей жизнью она расставаться не собиралась, несмотря ни на что. И поэтому нажала на курок. «Ремингтон» негромко кашлянул, куда тише, чем прежний пистолет, и выбросил в сторону дымящую гильзу. Алессу отбросило назад, к одной из лошадок. Неуклюже ударившись о стремяна, она сползла на землю, содрогаясь в агонии. Из горла вырывались хрюкающие звуки, кровь толчками выплескивалась из раны на груди, текла изо рта и из ушей. Но даже корчась на земле, она не отпускала заветный нож и тянулась к Хизер, чтобы не дать ей уйти.

- Прости, Алесса, - прошептала Хизер, отступая назад; глаза щипало то ли от слёз, то ли от горячего пота, капающего со лба. Она смотрела, как движения Алессы становятся всё тише по мере того, как кровь заливает пол возле неё, и в конце концов окровавленное тело на полу замерло, угрожающе скрючив пальцы. Но долго насладиться тишиной Хизер не смогла: тело Алессы начало шипеть и проваливаться под землю. По крайней мере, такое впечатление создавалось со стороны. Тело растворялось, как в кислоте. Оно пропадало. Верхние ткани проваливались в нижние, испуская красноватый дымок, режущий лёгкие имбирным запахом. Несколько секунд – и на месте, где лежала Алесса, осталась только засыхающая лужа крови.

Это ещё что такое?

Хизер снова была одна на карусели. Она растерянно огляделась, но не заметила никаких изменений. Лошади и синяя полутьма, будто ничего и не случилось... и там, у загородки на дальнем конце, снова появился нечеткий силуэт. Восставшая Алесса

стремительно двинулась к ней, на этот раз не тратя время на уговоры. И в руке девушки торжественно сверкал «Ремингтон».

Умом Хизер догадывалась, что на самом деле ничего этого нет, что, скорее всего, она валяется на полу карусели под надзором проржавевшего механизма и борется с собой, с измученным сознанием Алессы, которая была семнадцать лет назад заперта в её голове. Но здесь и сейчас пистолет выглядел вполне реально. Как и сама девушка. Алесса не могла умереть; её страдания были слишком глубоки, чтобы одолеть их куском металла, выпущенным из ствола. Она собиралась нападать и нападать, пока уставшая Хизер не допустит роковую ошибку... или у неё не закончатся патроны. Тогда она убьёт её и себя, обретая желанный покой. Хотя бы на время.

Когда Хизер поняла это, всё вдруг стало на место. Вот почему эти монстры с самого начала пытались убить её. Все эти извращённые создания породила Алесса одной лишь силой мысли – только чтобы они остановили Хизер, убили её, не позволив Богу Тихого Холма вновь появиться на свет, причиняя ей страдания. Но у Хизер хватило сил, чтобы справиться со всеми вставшими на её путь чудовищами и почти добраться до цели. Тогда Алесса пришла сама. Карусель этим ветреным вечером стала ареной заключительного противостояния двух разумов.

Нет, даже после всего, что случилось, Хизер не желала зла Алессе. Этой бедной девушке досталось и без неё за долгий тридцать один год её существования. Но Хизер нужно было добраться до Клаудии и её Бога, а дорогу загораживала Алесса. Не она сама, но её сознание, пытающееся завладеть телом. Чтобы убить.

Миллионы мыслей пронеслись в голове Хизер; это не заняло и секунды. Она пригнулась и бросилась в сторону под приют ближайшей лошади, спасаясь от дула, направленного ей в лоб. Раздался выстрел; пуля отрикошетила от решетки загородки и улетела куда-то в темноту. Теперь нужно было делать ответный удар, и быстро. Хизер выпрямилась, как пружина, выискала глазами фигуру, которая возилась с пистолетом, и послала пулю в её сторону. Она была уверена, что попадёт, хотя почти не целилась; возможно, она попала бы, даже если выстрелила в прямо противоположную сторону. Здесь, на этой арене, законы физики не имели значения; важен был только смысл и намерение, которое вкладывалось в действие.

Алесса пронзительно вскрикнула и схватилась за живот. Пистолет покатился по полу. Девушка упала на четвереньки, пытаясь достать до рукоятки, но силы покидали её слишком быстро. Одежда расцвела новой порцией горячей крови, и она упала лицом вниз, судорожно стуча ладонями по полу. Не дожидаясь, пока тело исчезнет, Хизер бросилась в другой конец арены, продираясь между лошадьми. Алесса была побеждена в очередной раз – но лишь затем, чтобы возродиться снова. И с каждым разом она становилась сильнее. Хизер не могла отражать её атаки вечно. Нужно было искать выход из ловушки.

Но выхода не было. Куда ни глянь, арену окружала лишь загородка из стальных прутьев, а за ними была пустота – абсолютное *un notte*, из которого веяло дыханием арктических льдов. Парк, земля, город – всё пропало. Осталась только карусель, висящая над темнотой на невидимых тончайших нитях.

- Не может быть, - сказала Хизер, лихорадочно выискивая глазами хоть что-нибудь, что могло бы подкинуть ей огонёк надежды. Поздно. Алесса соорудила в своём мире идеальный капкан. Хизер слышала её шаги, приближающиеся к ней, и снова подняла пистолет, увлекающий руку вниз. Сколько осталось патронов в магазине? Два? Или три? А чем на этот раз вооружена противница?

Нечестная игра.

На сей раз Алесса в руках сжимала палицу. К концу железной палки был сварен свинцовый шар, усеянный острыми шипами. Девушка держала оружие неуклюже, волоча по земле. Вид её стал ещё более жутким: правая половина лица исчезла под запёкшейся коростой крови, а левый глаз был недвижим и мёртв, как стеклянный. Руки и ноги плохо слушались, и иногда Алессе приходилось делать короткие взмахи рукой, чтобы не упасть.

Но она продолжала тащить тяжёлую палицу и пыталась одновременно замахнуться им для удара.

Хизер сделала третий выстрел, на этот раз точно прицелившись в грудь. Она была ободрена тем, что Алесса, оказывается, всё-таки получает кое-какие повреждения. Возможно, если действовать не спеша и с головой, она сможет выбраться из этой треклятой мышеловки...

Алесса снова рухнула, на этот раз ни издав ни одного стога. Затряслась в ознобе и забила затылком, не сводя единственного глаза с Хизер. *Не вставай, с мольбой подумала Хизер, неужели ты не понимаешь, что я хочу жить?*

Алесса не понимала. Она вернулась даже ещё до того, как последние остатки дымки развеялись в воздухе. На земле осталась лежать тяжёлая палица, но когда Хизер на секунду отвлеклась, она пропала, как и её хозяйка.

То, что возникло из-за белых фигур лошадей, уже только очень отдалённо напоминало человека. Существо выглядело, будто нашпиговали свежего мяса для винегрета, сложили в бесформенную кучу и для смеха впихнули в одежду, которая превратилась в красные лохмотья. Непонятно было, как *это* вообще двигалось на тех отростках, которые заменяли ей ноги.

- Алесса?! – потрясённо вырвалось у Хизер, когда она увидела это. Кровавая маска вместо лица шевельнулась, и рука качнулась вперёд. В руке было... было...

Берегись!

Хизер выронила пистолет, свалилась, как подкошенная, и скатилась в сторону, отталкиваясь локтями. Очень своевременно: на место, где она только что стояла, обрушился огненный град, отбивающий целые куски покрытия от пола. Задержавшись на секунду, град двинулся вслед за Хизер, пока не наткнулся на пластмассовую фигуру лошади, выбивая глаза и стирая усмешку с губ животного.

Автомат. Лёжа под прикрытием лошади, Хизер вспомнила о стене больничного подвала, которая была изрешечена очередями. Теперь она поняла, кто сидел на инвалидной коляске, потерпевшей аварию.

Очередь заглохла. Кажется, Алесса перезаряжала магазин, но Хизер не решилась делать ответную атаку сейчас. Слишком рискованно. Автомат – не пистолет, с ним шутки плохи. Бесстрашная миссис Кабуто, и та говаривала, что подобные игрушки не входят в её компетенцию, потому что против них нет эффективного метода защиты. Если кто-то угрожает вам автоматом, то считайте, вам не повезло. Остаётся либо умереть, либо подчиниться. В данном случае подчинение подразумевало смерть.

Так что же... умереть?

Новый поток патронов, разрывающихся над головой, не дал Хизер додумать. Казалось, всё вокруг полыхает и рушится. Лошадь на глазах теряла форму, от неё отвалилась голова, напоминающая швейцарский сыр. Хизер бессвязно кричала, заткнув уши пальцами. Но всё-таки она не настолько потеряла над собой контроль, чтобы попытаться убежать, обрекая себя на верную гибель. Пока что здесь она была в безопасности, но уже следующая партия пуль могла окончательно разнести в клочья дымящийся остов, некогда имевший форму животного, и нашпиговать её свинцом. А у неё не было даже пистолета. Нужно было что-то делать, и быстро.

Хизер сделала. Когда автомат замолк снова, она быстро вскочила на ноги, потратив на это невероятные усилия: с одной стороны, мышцы застыли, как отлитый в форму цемент, и отказывались работать, а с другой – в голове испуганно щебетал чей-то детский голосок, слёзно призывающий её остаться на месте. Наплевав на оба обстоятельства, Хизер двинулась навстречу Алессе, неумело вставляющей новую обойму в ствол автомата. Она старалась бежать как можно быстрее - секундное промедление могло стоить ей жизни, но расстояние сокращалось издевательски медленно. Несколько раз Хизер показалось, что она опоздала и залитая кровью дрожащая рука победно возносит ствол.

Противница силилась засунуть обойму в проём, но пальцы подводили её – чёрный брусок упрямо цеплялся за края дыры.

Она успела. Хизер подбежала к Алессе и первым делом схватилась за руку с оружием. Рука была влажной и мокрой, бумажная кожа расползалась под пальцами. Обойма выскользнула из рук и упала на пол.

Ага, так тебе!

Хизер попыталась поймать другую руку и полностью обездвигнуть противницу, но тут Алесса изловчилась, высвободила кисть с автоматом и со всей силы ударила её стальной рукояткой оружия о переносицу. Из глаз Хизер посыпались искры. Мир на секунду потускнел, и когда она снова начала видеть, Алесса размахивалась уже второй раз. Этот удар пришёлся по верхней губе. Хоть он и был слабее предыдущего, губа тотчас лопнула, брызнув кровью. В рот закапала солёная жидкость.

- Чёртова тварь, - прошипела Хизер сквозь разбитые губы, хватаясь за ствол автомата. Алесса слабела с каждой секундой; она уже не могла оказать ей заметного сопротивления, и вскоре оружие оказалось у Хизер. Автомат выглядел, как пластмассовые инвентари для «войнушки», которые продавались в детских магазинах – ни единой щёлки и выпуклости, даже по весу он не тянул на железо. Наверное, так наивно в своём воображении Алесса рисовала автоматы. Впрочем, сейчас это было неважно; важно было то, что на этой арене автомат работал, как его сородичи с поля боя. Увидев, что дело не ладится, разлагающаяся на ходу тварь, потерявшая уже всякую связь с обликом человека, испуганно отползла назад, подарив Хизер возможность нагнуться и просто взять лежащую у ног обойму.

- Ну теперь мы поговорим, - улыбнулась она и слизнула капли крови с окровавленной губы. Тварь остановилась, обернулась и посмотрела на неё. Кое-где из-под красной плоти вылезли острые концы костей. Она будто хотела что-то ей сказать, раззевая беззубый рот. Но Хизер не хотела ничего слышать. Она открыла огонь на поражение, с упоением наблюдая, как идеально треугольные патроны ввинчиваются в тело твари и взрывают её изнутри. Тварь уменьшалась, словно из неё выпускают воздух, и источала красный дымок. Отдачи у автомата не было. Хизер нажимала курок, пока в обойме не закончились патроны и вместо смертоносного огненного фейерверка из ствола не стали вырываться пустые щелчки. Но к тому времени тварь уже пропала окончательно.

Наверху зажглись огни – тускло и обыденно, как включаются фонари на улицах города. Жёлтый свет упал на искривленные стержни, осветил лошадей, игриво поднявших передние копыта. Хизер посмотрела по сторонам. Свет луны пробивался через поредевший туман и окрашивал листья деревьев в голубоватый металлический цвет. Парк вернулся вместе с остальным миром. Поединок закончился.

Хизер победила, но радоваться было нечему. Наоборот, ей стало плохо, плохо до тошноты, когда она осознала, что сделала. Всё время, начиная с торгового центра, она боролась с монстрами... и сейчас, хладнокровно изрешетив из автомата свою подругу по несчастью, она невольно задалась вопросом: а не стала ли она, сама того не замечая, одной из них?.. Почему вид крови больше не пугает её? Почему убийство не вызывает отвращения? Будто так оно и должно быть...

Но в руке у неё был не автомат. Хизер держала обычный пистолет – «Ремингтон» Дугласа, и внутри ствола остался только один патрон. Три из пяти она потратила точно. Но ещё один... Получается, она всё время орудовала пистолетом? И когда думала, что стреляет из автомата... это тоже был пистолет?

Хизер посмотрела на лошадь, ожидая увидеть вместо неё кусок оплавленной пластмассы. Животное спокойно стояло, будто ничего и не случилось. Правда, на шее так зияла аккуратная чёрная дыра – туда попала пуля от пистолета.

Это невозможно было понять. И уж тем более - объяснить. Вполне могло быть, что объяснения не было вовсе. Хизер отдавала себе отчёт только в том, что могла умереть там,

на несуществующей «обратной стороне», под обстрелом из несуществующего же автомата. Но как и почему такое возможно...

Одно хорошо, подумала она, убирая пистолет и стирая кровь с губ. *Я одержала над ней победу. Не окончательную, но всё же... Надеюсь, Алесса и её монстры оставят меня в покое хотя бы на время.*

Теперь Хизер хотела поскорее покинуть это гиблое место. И потом, она ведь направлялась в церковь у озера. Пока что неприятности у неё множатся, как снежный ком, а церкви по-прежнему не видать. Нужно торопиться, если она хочет застать там Клаудию.

Выход из карусели теперь был обрамлен каменной аркой, ведущей к деревянной двери на дальнем конце прохода. Хизер не стала думать, что означает эта метаморфоза – прошла через весь коридор и добралась до двери. Спёртый воздух действовал удручающе. За дверью была длинная многоступенчатая лестница, ведущая наверх. Кажется, это был уже даже не парк развлечений. Какой-то тайный ход, что ли, ведущий из парка в другое место. Хизер поднималась по лестнице, которая удлинялась и удлинялась. С каждым шагом всё больше хотелось спать. Может, сказала усталость после тяжёлой битвы, может, что-то другое... Хизер слышала сквозь дремоту далёкую песнь какого-то большого хора, выводящую странный горловой мотив. Хор убаюкивал, заставляя веки слипаться. Каменные стены выгнулись дугой, теряя цвет и чёткость. Хизер почти спала, но продолжала тупо перебирать ногами, поднимаясь вверх. Когда ступеньки вдруг закончились и перед ней возникла толстая дубовая дверь, отделанная медью, она едва не расквасила об неё нос. Всё ещё продолжая погружаться в сон, девушка подняла голову и обвела дверь непонимающим взглядом. Матовое сияние меди... красивые узоры... какой-то крест...

Крест?

Хизер вздрогнула и проснулась по-настоящему. Она протёрла глаза, но крест не исчез, равно как почти неслышное пение хора далеко-далеко. Это не была игра воображения – это было на самом деле. Красивая дубовая дверь вела в церковь.

Глава 20

На лице Хизер появилась нервная вспыхивающая улыбка, когда дверь подалась назад под её ладонью и она увидела обширное светлое помещение. Скамейки стояли рядами, плотно прилегая, чтобы молящиеся чувствовали присутствие друг друга и сливались в едином экстазе. На стенах висели масляные картины, изображающие, судя по виду, какой-то религиозный миф. Художник очень старался – люди, нарисованные на холстах, выглядели совсем как живые, несмотря на зернистость масла. Хизер насчитала картин шесть штук. Они были выполнены в багрово-красных оттенках, задавая тон остальному интерьеру церкви.

У алтаря на том конце, прижав ладони к губам, стояла женщина и отрешённо бормотала под носом молитву. Это была Клаудия. Жрица была настолько сосредоточена на чтении молитвы, что не услышала скрип петель открываемой двери. Лишь когда Хизер сделала несколько шагов, она резко обернулась. Кажется, Клаудия меньше всего ждала такую гостью, и в первую секунду вид измазанной в крови девушки, торжественно запустившей руку в карман за пистолетом, сбил её с толку:

- Ты как сюда попала?!

Не дав Хизер ответить (впрочем, та и не собиралась), она щелкнула пальцами и кивнула сама себе:

- Я поняла. Это Винсент, да? Он направил тебя сюда. Когда он только прекратит вмешиваться?

Хизер не слушала её. Она чувствовала ликование оттого, что добралась до желанной цели. Женщина, которая убила её отца, была здесь. Настало время расплаты.

Клаудия с прищуром посмотрела на девушку, которая возилась с пистолетом, и задумчиво вывела:

- Хотя... теперь уже всё равно. Твоё появление только поможет.

- Шах и мат, - хрипло сказала Хизер, наставляя «Ремингтон» на Клаудию. *Твоя песенка спета.*

Женщина даже не посмотрела на грозный провал отверстия:

- Ещё нет. Час близок, но не настал.

Она опять сцепила ладони, и глаза её затуманились:

- Час, когда будут забыты все прошлые грехи. Время вечного Рая, о котором мы мечтали так долго... Бесконечное счастье после Суда и Искупления.

Хизер подумала, что она могла бы дёрнуть спусковой крючок, не выслушивая эту надоевшую проповедь. Но что-то её удерживало. Она не выпускала Клаудию из мушки, но и не нажимала на курок.

- О Алесса, - Клаудия посмотрела ей в глаза, гипнотизируя серым мечтательным блеском, - почему ты не радуешься? Мир, о котором ты так мечтала, почти здесь!

- Я не хочу этого.

Это сказала Хизер. И это же сказала Алесса, загнанная обратно в свой уголок. Хотя в этом их мнения совпадали.

Клаудия недовольно нахмурилась и впервые за всё время их общения обратилась к самой Хизер:

- Не ты. Алесса. Твоя истинная суть.

- Но я и есть Алесса, - ответила Хизер немного неуверенно. Да, Алесса была в ней... но вряд ли сейчас она способна была говорить. Она увидела, как просветлело лицо Клаудии, как сквозь поры бесстрастной маски проступила наивная детская радость. Похоже, женщина решила, что Хизер наконец-то пришла в себя.

Ну хорошо... раз она так думает, то не будем её разубеждать в этом. Что думаешь, Алесса? Слово тебе.

- Моя маленькая Клаудия... Сестричка...

- Алесса?! – Клаудия боялась даже шевельнуться; глаза горели восторгом. – Это ты?

Хизер перепугалась не на шутку. Не стоило давать волю сознанию Алессы ни на секунду. Как только она позволила ей выйти, поднявшаяся в голове волна чуть не захлестнула её саму. Хизер спешно собралась, не давая расползтись во все стороны мыслям, распухающим, как горячая пена. И что означали эти слова? «Сестричка»...

- Ты знаешь, как я по тебе скучала...

Клаудия сделала шаг от алтаря. Она хотела обнять её, но Хизер решительно сделала шаг назад:

- Мне не нужен новый мир. Всё хорошо и без него.

Клаудия замерла на полушаге; она не знала, с кем сейчас разговаривает, и не знала, что делать. Поколебавшись, она с горечью выдавила:

- Но ты сама говорила это - «мир должен быть очищен»...

- Я этого не хочу, - отрезала Хизер и с удивлением заметила, что давно забыла держать собеседницу на прицеле. Когда она осознала это, ей не сильно захотелось снова размахивать «Ремингтоном».

- Алесса, ты не хочешь счастья? – от потрясения Клаудия забыла даже о своей манере жестиковать руками. – Ты стала слепа к страданиям этого мира? Ты не хочешь спасения, которое подарит нам Бог?!

- Нет, не хочу! – закричала Хизер, уже не пытаясь замаскироваться под Алессу. – Не хочу! Как ты не понимаешь? Страдание всегда сопутствует жизни, и тебе нужно научиться с этим... жить...

Она застонала, почувствовав, что в животе нечто снова пришло в движение, пиликающая ржавой пилой. Боль возрастала, и с каждой секундой Хизер всё труднее было говорить:

- Если хочешь... живи сама в своём придуманном мире... но никто не давал тебе права рушить жизнь других...

В желудке образовался огненный комок, силящийся пролезть наверх, на свободу, разрывая горло. Хизер и рада была бы выплюнуть его, но комок застревал глубоко внизу, не втискиваясь в размеры горла. Разноцветная мозаика на алтаре начала пульсировать красным огнём. Падая на колени, Хизер выплюнула из последних сил:

- И я... никогда... не прощу тебе смерть отца, слышишь?

Клаудия грустно посмотрела на девушку, корчащуюся на полу:

- Я только хочу спасти человечество. А для этого есть только один путь. Рождение Бога.

- Никто... не просил тебя... самовлюблённая ведьма...

Хизер согнулась пополам и с остервенением давила на живот, чтобы расплющить, уничтожить то, что причиняло ей боль. Но боль не прекращалась, она становилась сильнее и распространялась по всему телу, заставляя вены звенеть от натуги и сворачиваться синими узлами. Сквозь непрекращающееся гудение проводов под зимней вьюгой она услышала голос Клаудии:

- Бог в тебе растёт. Ты ненавидишь меня, да?

Бог питался ненавистью. Хизер это знала. Клаудия того и хотела – чтобы она ненавидела её всё больше и больше, и зародыш Бога набирал силу, дабы вырваться из её чрева в этот мир. Хизер ничего не могла с собой поделать. Даже когда тело горело потрескивающим жадным огнём, она не могла забыть об отце и о луже крови на коврике под его ногами. Ненависть к убийце взрывалась новой порцией во имя рождения Бога.

- Будь... ты... прок... прокля...

Это был предел. Боль пошла на убыль, смялась в обугленный комок бумаги и разлетелась чёрным пеплом. Мозаика над головой, расцветшая невыносимо яркими красками, посерела и стала нечётким размытым прямоугольником. Теряя сознание, Хизер услышала, как Клаудия тихо сказала:

- Это хорошо.

Шаги удалялись. Хлопнула дверь. Клаудия ушла, оставив Хизер лежать у подножия лакированного церковного органа и плакать от бессильной злости. Она ушла в беспамятство, а когда пришла в себя, то увидела, что, кроме неё, в церкви никого нет.

Глава 21

На мозаике была женщина, слепленная из разноцветных кусочков стекла. Хизер смотрела на неё снизу вверх, и в голове навязчиво крутилась картина – как она, совсем маленькая и ничего не понимающая, стоит на коленях перед этим самым алтарём. Стоит не по своей воле – её заставляют поклоняться божеству, и в затылок упирается чьё-то тяжёлое дыхание. Она сосредоточенно шептала выученные наизусть слова молитвы, прося милости у Того, кто выше, но про себя мечтала о том, чтобы уйти из церкви, запереться в своей комнате и не слышать монотонной речи проповедника. Там, где её никто не побеспокоит...

Хизер была здесь раньше. Она помнила этот алтарь, который впитал в себя многие мольбы к невидимому Богу и так ничего и не ответил; закрывая глаза, она видела всё помещение, но во внутреннем взоре на скамьях сидели люди, склонившие головы, и тревожно звенел орган.

Конечно, с тех пор, как Даля Гиллеспи приволакивала на богослужение свою дочь, многое изменилось. Мозаика в те времена была не такой роскошной, и внутреннее убранство церкви оставляло желать лучшего. А сейчас всё сияло яркими красками, чистотой и благоговейным трепетом. За семнадцать вёсен культ Тихого Холма разыскал себе неплохого покровителя.

У алтаря лежала старая книга в изношенном переплётё. Хизер увидела знакомые круги на обложке. Три внутренних и два внешних. Нимб Солнца – вот как они называли его. Далия втолковывала Алессе чуть ли не каждый божий день – внутренние круги означают прошлое, настоящее и будущее, а внешние несут в себе божественную милость и воскрешение. Хизер сейчас не понимала смысл этого так же, как и Алесса тогда. Но всё же герб культа хорошо врезался в память девочки... Хизер вспомнила, с чего всё началось. С Нимба, намалёванного на зеркале туалета. Хизер тогда стёрла его, чувствуя подсознательную неприязнь, но это не помогло. Нимб можно было стереть, а тот ужас, что он принёс с собой – нельзя. Чёртов знак стал проводником Хизер в мир кошмаров и намеревался пробыть с ней до самого конца.

Дверь, за которую ушла Клаудия, давно звала её, но Хизер пока её не открывала. Игра входила в финальную стадию, ей требовалась хотя бы маленькая передышка перед тем, как окунуться с головой в то, что было уготовано. Может быть, если бы это была нормальная церковь, Хизер помолилась бы у алтаря, прося Бога дать ей сил. Но Бог этих мест вряд ли внял бы её мольбам. Поэтому Хизер вместо молитвы обратилась сама к себе:

- Ты сможешь, Хизер. Правда ведь? Что бы ни случилось, не время для того, чтобы отступить.

Постояла, подождала, может, откликнется один из внутренних голосов, которые были так многословны раньше. Но они все молчали, предоставляя слово ей самой. Хизер открыла дверь.

Невзрачный коридор, ведущий в заднее помещение церкви. Справа располагалась исповедальня. В ней горел свет, и Хизер увидела через газовую ткань окошка, как в кабинке кто-то сидит. Сгорбленная фигура не двигалась, но, задерживая на ней взгляд, можно было заметить, как голова покачивается вперёд-назад, а плечи дрожат в беззвучных рыданиях. Хизер постояла с минуту, ожидая какого-либо действия, но ничего не происходило. Человек продолжал сидеть, не говоря ни слова.

Кто это мог быть? Клаудия? Винсент? Или кто? Хизер на всякий случай взяла пистолет в руку и постучала в дверь исповедальни. Человек даже не повернул головы. Хизер постучала снова - на этот раз настойчивее, - и потянула за ручку. Дверь была заперта изнутри.

Зато кабинка священника по правую руку была открыта. Дверь едва касалась косяка, и из скважины торчал ключ.

Не заходи. Зачем тебе?..

Но Хизер вошла. Может быть, её обуяло природное любопытство. Может, она хотела поговорить. Но скорее всего, она в очередной раз оттягивала время, не желая двигаться дальше вглубь церкви.

В тесной донельзя комнатке горел уютный рассеянный свет. В небольшое окошко с полупрозрачным стеклом человек был виден лучше. Ясно доносились всхлипы и безутешные рыдания, тихие до неслышности. Они могли разорвать сердце любого, кто их слышал – столько в них было горя и терзающей изнутри боли. Хизер замерла, жалея о том, что вошла. Начала отступать назад, чтобы бесшумно выйти из кабинки, как человек за окошком вдруг поднял голову и запричитал сквозь слёзы. Женщина...

- Милосердный Господь... я пришла сюда просить прощения. Я знаю, что меня очень скоро казнят за то, что я сделала, и готова пойти на смерть с радостью и умиротворением. Но, пожалуйста, подари мне чуть-чуть Твоего вечного прощения...

Плач стал громче, он перебивал слова, отчаянно рвался сквозь их ряды, наполняя деревянную кабинку терпким ароматом страдания. Воздух словно накопал, мягко выталкивая Хизер наружу, но она оставалась на месте. И по-прежнему страшилась вобрать в грудь воздуха.

- Я хочу... так хочу видеть своё дитя у Твоих золотых врат. Смею ли я попросить Тебя о том, чтобы ты отправил меня не в ад, а в чистилище? Позволь мне... позволь

искупить свои грехи там. Я буду гореть в огне искупления и буду счастлива, несмотря на боль...

Кто она? Хизер только слышала голос, неуверенный и дрожащий, и видела силуэт с худыми острыми плечами. Кажется, уже немолодая. Господи, что она сделала?

- Прости меня за мои деяния, - женщина начала плакать навзрыд; Хизер разбирала слова с огромным трудом. - Спаси душу моей бедной убитой дочери. И... прошу Тебя, позаботься о душе той девушки, чью жизнь я забрала...

Она пришла просить искупления. Просить у Бога, который питался людской ненавистью. Мог ли этот Бог дать ей то, что она хотела?

... о душе той девушки, чью жизнь я забрала...

Наверное, мог. Бог мог отнять у неё боль и страдания, обрекая на то самое «вечное счастье», о котором так любила рассуждать Клаудия. Но стало ли бы бедной женщине от этого лучше? Ей уже ничто не могло помочь...

- Господи, я падаю перед Тобой – Твоё дитя, трепещущее перед глазами смерти. Успокой мою замученную душу своим бесконечным милосердием...

И – с трепетом и напряжённым страхом, выговаривая по слогам:

- Пожалуйста... прости меня.

Всхлипы умолкли. Женщина в исповедальне ждала ответа, который должен был стать главным в её жизни. Ответа Бога, в которого она верила и которому она была предана даже сейчас, за несколько часов до смерти... казни.

Бог не мог ответить ей. В кабине священника еле дышала испуганная девушка с мечущейся в голове мыслью: «Что... делать?»

Сказать «я прощаю тебя» было легко. Всего три коротких слова из миллиона нужных и ненужных слов, выговоренных за семнадцать лет. Но Хизер не была уверена, что стоит их произносить. Она не имела права давать прощение от имени Господа. Так же, как не имела права промолчать и тем самым наложить на измученную женщину божью немилость.

Пауза затянулась. Тишина начинала звенеть, хлестала по разуму стальными прутьями.

- Я... – Хизер испугалась, не узнав собственный голос; но было уже поздно. – Я прощаю тебя...

И напряжение тут же спало, как сходит на нет напор потока воды, когда перед ним распаивают шлюзы плотины. Женщина расплакалась снова, теперь от облегчения и радости. Она исходила рыданиями, не пытаясь скрывать чувства, и что-то пытаясь сказать меж слёз. На сей раз Хизер не могла уловить смысл этих бормотаний. Но нет, одно слово она точно услышала, и это слово было: «Спасибо».

Теперь ей было нечего делать в этих стенах, пропахших застарелой древесиной и страданием. Женщина не собиралась выходить из кабины. Хизер с тяжестью в сердце покинула каморку, бросив последний взгляд на содрогающиеся поникшие плечи человека за окошком. Пусть никто не помешает горькому счастью той, кто получила своё спасение...

Я прощаю тебя.

С каждым шагом церковь менялась. Аккуратные обои на стенах сменялись сырыми лохмотьями неопределённого цвета, свисающими, как лоскутки содранной кожи; пол начинал размягчаться и пружинить, как желе. Хизер всё это очень не нравилось. Воздух нагревался, словно за стенами располагался небольшой крематорий – он просто пылал удушающим жаром; Хизер видела в щелях стен яркий и знойный, как летний закат, свет пламени. Скоро кончился паркет. Край багряного линолеума лежал на ржавых решетчатых пластинах, а в пяти шагах впереди темнела широкая дверь, заляпанная кровью. Слева, за тонкими, но частыми стальными прутьями, на больничной койке что-то краснело. Стараясь не смотреть туда, Хизер подошла к двери и открыла её.

И перед ней разверзлась бездна.

Она стояла на самом краю чёрного провала без дна и края, потрясенная, потерявшая способность говорить. Вдоль стены тянулась узкая полоска решетчатого пола - ровно такая, чтобы можно было идти, не боясь из-за неосторожного движения свалиться в пропасть. А за ней... за ней ничего не было. Хизер не знала, как такое могло быть; но оно было так. Под церковью Тихого Холма пряталась пропасть, доходящая до адских недр. Горячий, с запахом серы, воздух вырывался из пропасти и бил Хизер в лицо, в расширившиеся от удивления глаза. Бездна завораживала, заставляла забыть обо всём, таила в себе абсолютную истину, но не хотела им делиться. Хизер составило немало труда разорвать чары тёмного молчания и посмотреть вдоль стены. Руки дрожали, к горлу подступала тошнота.

Я-то думала, меня уже ничто не удивит...

Дальше были двери. Много дубовых дверей, гордо висящих над пропастью и отделённых от неё только тонкой перегородкой из решетки. Решетка выглядела надёжной, и Хизер решила, что ничего страшного не будет, если она пройдёт по ней. Она двинулась к ближайшей двери, опираясь о стену. Перед глазами плясали крохотные звёздочки, улетающие за поле зрения, как только она пыталась сфокусировать на них взгляд. Нужно было смотреть куда угодно, только не вниз. Хизер, конечно же, туда и уставилась, чувствуя, как её основательно мутит от очередного общения с пустотой. Наконец она нашла выход, закрыв глаза и передвигаясь миллиметрами. Где-то на стыке веков она доковыляла до первой двери и схватилась за ручку. Дверь оказалась запертой.

Хизер не позволила захватить себя разгорающемуся разочарованию. Если не здесь, то дальше... и так, пока она не найдёт открытую дверь. Но, Господи, как неприятно было снова пускаться в бесконечное мышинное путешествие, чувствуя, как под ногами поскрипывает ржавчина, сползающая с прутьев, в ноздри бьёт кислый запах серы, волосы забиваются в глаза, а ты не можешь их откинуть, потому что боишься отлепить ладони от стены.

Вторая дверь. Тоже провал.

Это издевательство, подумала Хизер, покорно подползая к третьей двери. Она уже не надеялась, что ей повезёт, но дверь с легкостью ушла вовнутрь, едва девушка коснулась его. Через мгновение Хизер уже была внутри. Подпирала дверь спиной и остервенело убирала с лица намокшие волосы, которые щипали лоб. Только потом она начала изучать место, куда попала.

Тут было много книг, разложенных по полкам. Самих полок тоже хватало, причём некоторые этажерки упирались в потолок и ломались от груза знаний, возложенных на них. Хизер почему-то охватило любопытство, она выудила из полки первую попавшуюся книгу и открыла. Издание выглядело совсем новым – офсетная печать, мелованная бумага и чистенькие страницы, – но название вызвало у Хизер зубную боль. «ДРЕВНИЕ БОГИ ТИХОГО ХОЛМА: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТИМОЛОГИЯ». Гадость. Она поспешила вернуть сокровище на место. Похоже, это была церковная библиотека, где верующие подпитывались знаниями в качестве дополнения к вере. Осмотревшись, Хизер только уверилась в этом. На полках лежали картонные коробки, украшенные Нимбами Солнца, и из них выглядывали переплёты новеньких книг, оформленных с иголки. Все о местной религии... сколько там понаписано? У Хизер голова пошла кругом, когда она поняла, насколько глубоко стало влияние культа в городе. Раньше, во времена Алессы, они прятались по подвалам, чтобы не мозолить глаза добропорядочным горожанам. Но теперь... похоже, тут уже не осталось неверующих. Весь Тихий Холм напитался пагубным влиянием религии. Ну уж спасибо, Клаудия. Твоя заслуга.

На столе горел керосиновый светильник, будто сошедший с фильмов про старинную пору. Хизер он показался знакомым. На столе лежал лист бумаги и ручка рядом с ней, но на бумаге ничего не было не написано. В углу разложены по стопкам какие-то толстенные книги, каждая из которых вполне могла претендовать на звание энциклопедии. Керосин

догорал; когда пламя сбивалось, тени на секунду начинали водить хоровод по почерневшим стенам.

Эта догорающая лампа. Эти неподъемные книги. Хизер догадалась, отчего её беспокоит такое сильное чувство дежа-вю. Картина совпадала почти точь-в-точь с тем кабинетом, который она видела в Хилтоп-центре. Не хватало только хозяина...

За спиной тут же раздались размеренные шаги. Словно владелец прятался за этажерками и дожидался, когда Хизер посетит догадка. Человек ступал медленно, почти крадучись, но не пытался скрыть своё присутствие. Хизер не нужно было оглядываться, чтобы узнать, кто это. Осторожные, разведывающие, лисьи шажки выдавали своего обладателя с головой.

- Привет, Хизер.

Винсент держал в руках раскрытую книгу, выцветшую под действием времени. Книга разваливалась, и страницы спасало только то, что кто-то аккуратно заштопал их толстыми нитками и оклеил липкой лентой. Даже увидев девушку у своего стола, Винсент не опустил книгу - устоялся на неё поверх очков, на стёклах которых отражались зелёные блики.

- Ты всегда вовремя, не так ли? – бесцветно спросила Хизер, не проявляя радости. Не было причин.

- Ты говоришь так, как будто я здесь нежеланный гость, - Винсент всё-таки убрал книгу, раздражённо захлопнув её. Хизер заметила, что на потрёпанной обложке едва различается Нимб Солнца, и едва не фыркнула. Винсент не заметил её порыва – стоял и любовался её присутствием у лампы, как художник, оценивающий своё новое творение. Хоть Хизер и разговаривала с этим человеком всего третий раз, но она почувствовала, как смертельно устала от него – от его манеры говорить недомолвками, от вечной недосказанности, щепетильности и сквозящего в каждом действии превосходства над ней.

- Кто ты такой? – спросила она без обиняков. Винсент с готовностью воззрился на неё, разыгрывая глубочайшее недоумение. – Что тебе надо?

- Ты всё ещё не поняла?

Наскоком взять крепость не удалось. Хизер устало прислонилась к столу:

- Единственное, что я поняла, это то, что ты на стороне Клаудии.

Винсент предупреждающе поднял руку:

- Я же говорил тебе, не ставь меня в один ряд с этой сумасшедшей.

- Всё равно, ты странный, - заявила Хизер и с удовлетворением увидела проскочившее под очками бешенство. Впрочем, Винсент быстро взял себя в руки, и ответ она получила в прежнем мягко-безразличном тоне:

- Нас с Клаудией объединяет то, что мы верим в одного и того же Бога. Но я не псих... в отличие от неё. Ты должна понимать разницу.

- Почему ты помогаешь мне? – Хизер с подозрением посмотрела на него. Из-за скошенного глаза создавалось неприятное впечатление, будто Винсент, разговаривая с ней, смотрит куда-то за её спину. – Может, это тоже часть вашего плана по возрождению Бога?

Винсент криво улыбнулся:

- Знаешь, Хизер, вполне обычная вещь для людей – прославлять одного Бога и при этом не забывать ссориться между собой.

- Бога... – Хизер усмехнулась, и Винсент тревожно поправил очки, сползшие вниз к носу. – А я считаю, правильнее будет называть его дьяволом.

- Как хочешь, - покорно кивнул Винсент. – Главное, чтобы ты уразумела: я на твоей стороне. Понимаешь? На твоей. Я тоже не хочу, чтобы родился Бог. Это будет...

Он остановился и растерянно посмотрел на полки с книгами, словно выискивая там нужное слово. Оно всё не находилось, и Винсенту пришлось сделать мучительное усилие, чтобы подобрать более-менее подходящее к случаю:

- ... неудобно. Слишком непредсказуемо.

- Вот, значит, даже как, - протянула Хизер. Наконец-то Винсент сознался. Но даже сейчас – не до конца. Он не сказал, что боится рождения Бога – боится, что в Рае, который пророчит Клаудия, ему не будет места. Этим человеком двигал страх. Когда Хизер поняла это, вся загадочность и импозантность Винсента вдруг спала с него, как полупрозрачное покрывало, и она увидела перед собой тщедушное, напуганное, но не желающее в этом признаться существо. Хизер даже поморщилась от внезапного откровения:

- Я поняла. Ты хочешь использовать меня, чтобы я остановила Клаудию. Знаешь что? Винсент молча покачал головой.

- Делай сам свою грязную работёнку, - Хизер выпрямилась, чтобы уйти. Суставы, успевшие затечь за короткое время, громко хрустнули.

- Мою грязную работу? – капризно возмутился Винсент и сделал шаг в сторону, загораживая ей путь. – Мою? Да ты заинтересована в этом прежде всех других!.. Ты ведь тоже ненавидишь её!

Хизер остановилась и вопросительно посмотрела на его разгорячённое лицо. *А ты, бой?* Под её ироничным взглядом Винсент вдруг засмутился, опустил взгляд на неубранный пол и невнятно пробормотал:

- Ты единственная, кто сможет её одолеть. Я.. У меня нет сил. Кроме того, - он поднёс указательный палец к губам и блаженно улыбнулся, - я всегда ненавидел горячее... и сладкое тоже...

- Да неужели? – Хизер подбоченилась и чуть наклонила голову. Щёки Винсента порозовели, но он продолжал разыгрывать невозмутимое спокойствие:

- Я просто ищу себя в этом мире. Каждый делает это в меру сил. Так почему же...

Вдруг он сжал кулаки и весь подался вперёд:

- И, ради Бога, не смотри на меня так! Знаешь, что я тебе скажу? Ты – худший человек из тех, кто находится в этой комнате!

Он победно осклабился, увидев, как Хизер испуганно отпрянула назад:

- Да-да. Думаешь, зачем ты сюда пришла? Я тебе скажу. Ты пришла за *ними*. Ты испытываешь удовольствие, слушая *их* бесполезный плач. Тебе нравится, когда ты наступаешь на *них* и крушишь *их* жизни! И кто после этого ты? А?

- Что?..

Хизер уже горько жалела о том, что поддразнивала Винсента. Этот человек умел быть очень плохим. Что он имеет в виду? На кого она наступала и...

Нет, ни на кого. Это просто слова. Он злится, что она раскусила его, и хочет привести её в смятение.

... прямо в рыло. Потом она наблюдала за тем, как существо бьётся в судорогах, и коротким пинком в основание шеи заставила его угомониться навсегда.

Воспоминание не столь далёких дней. Как разбитое зеркало в углу тёмной комнаты.

- Ты о монстрах?

- Каких монстрах? – Винсент удивлённо поднял брови и просиял. – Ах да! Так *они* для тебя выглядят как монстры?

Керосиновая лампа потухла перед взором Хизер. Она подумала, что ей послышалось, но нет, Винсент стоял перед ним и горделиво улыбался, готовый повторить свой страшный вопрос.

Монстры. Как она не понимала... Их не могло быть так много. Чудовища не сумели бы взяться из ниоткуда в таких количествах. Эти собаки. Пауки. И Леонард. Все ужасные создания, которых она рубила, кромсала, пичкала свинцом на всём протяжении пути.

Так ОНИ для тебя выглядят как монстры?

Это были не монстры!

Глава 22

Что я наделала?!

Крик так и норовил выскочить из горла. Хизер пришлось изо всех сил прижать ладонь ко рту, чтобы не закричать. Но от этого стало лишь хуже. Тошнота отдалась в желудке переворачивающимся чаном. Винсент ушёл где-то далеко и стал маячащим среди полок коричневым силуэтом.

Тебе нравится, когда ты наступаешь на НИХ и крушишь ИХ жизни! И кто после этого ты?

Не может быть, не может быть, не может...

- Это была всего лишь шутка, - Винсент самодовольно рассмеялся из глубин космоса. – Успокойся.

Шутка? Хизер отняла ладонь со рта и посмотрела на собеседника с горящим негодованием. Какая шутка?! Как он мог так пошутить? За это убить мало!

Она понемногу приходила в себя, пока Винсент деловито расхаживал между полок, словно стараясь что-то вспомнить. Лампа разгоралась вновь, стены вернулись из путешествия в черноту. Хизер не выдержала и глубоко прерывисто выдохнула. Шутка, значит. Да уж, Винсент всегда знал, чем можно её пронять. Это было предупреждение – *не стоит надо мной насмехаться*. И оно замечательно подействовало – у Хизер отбило всякое желание не только подтрунивать, но и вообще видеть человека в коричневом камзоле. Осталась только глухая ненависть, тонущая за напускным безразличием. И чёрный осадок в душе, который не верил в шутки и всё визжал: *... и крушишь их жизни! И кто после этого ты?*

- Кстати, - Винсент наконец вроде вспомнил, что хотел, - совсем забыл спросить. Ты взяла печать Метатрона?

Как будто ничего и не случилось. Хизер немного подумала, стоит ли продолжать разговор или уйти по-английски, потом всё-таки решила, что сейчас не помешает никакая помощь. Даже от такой персоны, как Винсент. Ставки слишком высоки.

- А что это?

Винсент встал, как вкопанный, потом сорвался и хищно метнулся к ней. Хизер машинально запустила руку в карман, и это заставило его остановиться.

- Так у тебя её нет? – прерывисто выкрикнул он. – Леонард хранил её!

Хизер вспомнила о диске со странным символом, подобранном в палате. Уже почти забыла... Порывшись в карманах, она выудила белый диск и показала Винсенту:

- Ты об этом?

- Да, это она, - Винсент облегчённо вздохнул; безумие пропало с его зрачков, и на губах снова заиграла довольная улыбка. – А я уж подумал, что ты её не взяла. Но если Печать у нас, то всё будет хорошо.

Быстро же он перешёл на *мы*, с иронией подумала Хизер. Никак не могла смириться с тем, что оказалась с Винсентом в одном альянсе. Слишком какая-то разношерстая компания получалась. Ну да ладно...

- Что это за печать? – осторожно спросила она, разглядывая красный треугольник на диске. Осторожно - потому что были причины. В последний раз, когда Хизер задавала этот вопрос, собеседник попытался убить её на месте.

Вместо ответа Винсент учтиво протянул к ней свою бесценную книжку:

- Возьми это.

Когда книга оказалась у неё в руке, Хизер увидела, что книга не просто старая, а *очень* старая. Даже при самом бережном обращении она должна была разложиться на отдельные пожелтевшие листы через два-три прочтения. Вдобавок довольно обширная часть книги на левом верхнем углу была обуглена, словно её пытались сжечь.

- Что здесь?

- Увидишь.

Винсент развернулся и пошёл к выходу, не попрощавшись. Он скрылся за стеллажом, и Хизер снова слышала мягкие крадущиеся шаги, уходящие в сторону двери. Ей стало интересно, как Винсент преодолет ту пропасть, которая находится за дверью.

При всём желании она не могла представить, как человек в очках жмётся к стене и переставляет ноги по сантиметрам. Но как-то ведь он сюда пришёл...

Закладка лежала в самой середине. Хизер раскрыла книгу и увидела на левой странице тот самый знак, который красовался на столь лелеемом всеми диске. А справа располагался текст, набранный очень мелким готическим шрифтом, который был сильно размыт. Положив книгу около светильника, Хизер упёрлась локтями о стол и стала читать:

Этот магический символ с ярко выраженными защитными (по совместительству также отгоняющими злых духов) свойствами носит название «Печать Метатрона». Знак называется так в честь ангела Метатрона, также известного как Посланник Бога. Особенность знака состоит в том, что он приносит результаты вне зависимости от того, является ли использующий его человек хорошим или плохим. Но сила Печати возлагает тяжёлую ношу на заклинателя. В этом, прежде всего, кроется причина её непопулярности в магических обрядах.

Хизер заняла строчка, где упоминалось о хороших и плохих людях. Значит, Винсент до конца не уверен, «хорошая» она или «плохая», и подсовывает ей Печать, дабы избежать риска. Осторожный человек, очень осторожный. До того осторожный, что думать противно, какие у него в голове носятся мысли.

Но даже если так, чем может помочь ей эта костяшка, годящая разве что для того, чтобы развлечь младенца? Хизер с сомнением оглядела Печать. Обычная тёмно-красная краска, слоновая кость, и ничего сверхъестественного. Если Винсент надеется с помощью одного лишь этого убить Бога, то Хизер сильно сомневалась в возможностях своего союзника. Но не зря же Леонард хранил эту вещицу. Да и в книге Винсента вроде говорится, что Печать Метатрона имеет какую-то там силу... Хизер пожала плечами и вернула диск на место.

Керосиновая лампа на столе пшикнула и погасла, исчерпав своё топливо. Хизер с ужасом поняла, что не помнит расположения этажерок и добраться до двери будет ой как непросто. Она двинулась на ощупь, стараясь воскресить в памяти маршрут Винсента. К счастью, это удавалось неплохо. Так, направо, теперь вперёд и налево. А вот и дверь. Хизер открыла её, повернулась спиной к пропасти и вышла. Куда ушёл Винсент? Наверное, дальше... Хотя куда уж тут дальше. В пяти шагах от Хизер решетка заканчивалась, и на самом конце громоздилось странное приспособление. Ещё два дня назад Хизер усмотрела бы в нём что угодно – камеру пыток, охотничий капкан, клетку из зоопарка, - но только не лифт, не изящное творение человеческого разума, блистающее рассеянным светом ламп и длинными рядами круглых кнопок. Но здесь приспособление выполняло обязанности лифта, и Хизер безоговорочно узнала его. Когда она доковыляла до него, ближайшая стена клетки поднялась, сопровождаемая клацаньем цепей. *Проходите. Учтите, максимальная грузоподъёмность – не более одного человека.*

Откровенно говоря, Хизер предпочла бы такому сервису спуск по лесенке. Лифт держался на каких-то гнутых железных колоннах, не вызывающих доверия. Но ничего другого не было видно. Она вошла, и стена с готовностью опустилась обратно. Снова заклацали сплетения цепей – махина начала опускаться. Ни двигателя, ни троса, ни кнопок. Лифт нёс её... куда? В центр земли?

Если бы так. Хизер прислонилась к прутьям и с тоской посмотрела на первый этаж, на город, на весь нормальный мир, возносящийся высоко над ней. Нигде – это ли не правильное слово для пункта назначения? Она направлялась туда, где царил абсолютное торжество безумного мира, порождённого помутнённым сознанием сожжённой заживо девочки.

Алесса.

Лифт с грохотом остановился, стена нехотя поднялась. Выйдя из клетки, Хизер первым делом посмотрела вверх, но ничего не различила в нависающей темноте. Церковь

исчезла. За спиной жалобно проскрежетал лифт, бессильно сползая вниз в бесконечную бездну. Лязг и грохот железа слышались ещё несколько секунд, потом всё стихло. Обратного пути больше не было.

Впрочем, его не было ещё с момента роковой встречи с детективом в торговом центре.

В конце, где решётка обрывается над пропастью, виднелся прямоугольник ещё одной двери... и всё. Хизер пошла туда - гораздо быстрее, чем в первый раз. Страх потупился, освободив место для лихорадочной спешки в неизвестность.

Дверь оказалась насквозь проржавевшей, и открывать его было очень тяжело. Хизер засомневалась, что Винсент проходил здесь – шарниры сто лет никто не вращал, судя по их ужасающему скрежету. В конце концов она таки сделала лаз, достаточный для того, чтобы протиснуться. Внутри горел свет, такой родной, зазывающий Хизер к себе. Она с усилием протолкнула своё тело в комнату, в царство уюта и безопасности. Она уже поняла, что это за место. Не могла не узнать – ведь эта комната была центром её маленькой вселенной все семнадцать лет.

Торшер стоял на лакированном столике, освещая комнату. Аккуратно заправленная кровать, маленький телевизор у изголовья, шкафчик... И, конечно, же, книги, много книг – те самые, которые отец любил почитать перед сном. Хизер всегда поражалась его любви к чтению, ведь она сама читала дай Бог если одну книгу в год. А отец поглощал их огромными порциями... если, конечно, не писал сам. Его книжный шкаф ломился от пестрых обложек.

Кабинет отца. Такой же, как прежде. И даже запах... аромат родного дома щипал ноздри.

Почему я здесь?

Хизер оказалась к этому не готова. Она уже скрепила сердце, готовясь к худшему кошмару в жизни, но меньше всего подготовилась к такому. Ступая, как во сне, она подошла к столу. В неизменный «Ундервуд» был вставлен листок бумаги. Хизер прочитала заголовок: «ДОЖДЬ ИЗ МЕДНЫХ ЛЕПЕСТКОВ / РОМАН. ГЛАВА 1». Дальше простиралась снежная пустыня. Отец не успел даже начать свою последнюю работу.

Когда Хизер повернулась к кровати, она увидела, что цветочки, вышитые на покрывале, сменили цвет с синего на красный. Причина тому была проста: постельное бельё было всё измазано в крови. Хотя полминуты назад ничего подобного не было. Но самое странное было даже не в этом. Хизер с ужасом увидела, что на полу около кровати остался кровавый отпечаток ноги. Чуть дальше лежал ещё один.словно раненый, который лежал на кровати, встал и ушёл...

Папа!

След вёл в шкаф с одеждой и там исчезал.

Не обольщайся, Хизер. Это твоё воображение. Ничего на самом деле нет. Отец мёртв, ты сама видела.

Но папа!

Как в замедленном кино – она подходит к шкафу, рука поднимается, берётся за ручку шкафа и поворачивает. Щелчок магнита... Дверь открывается. Но вместо груды пиджаков и брюк, висящих внутри, она увидела тёмный коридор, уходящий вперёд, во мглу. Следы терялись в комьях грязи и лиловых потёках на полу, становясь невидимыми. Здесь кончался её мир, мир Хизер. И начиналось правление Алессы.

Папа...

Она оглянулась. Тихий рай оставался. Ласковый солнечный свет сквозь жалюзи, перемешанный с лучами торшера, пишущая машинка, фотографии на стенах. Хизер закрыла глаза и провела рукой по лицу. Сейчас, когда картина, привычная с детства, так ясно предстала перед ней, она отказывалась верить, что этого уже не будет. Наверное, потому этот уголок и появился здесь. Она так хотела чего-либо, что поддержало бы её в

трудный момент, придало ей сил и веры в победу... И воздвигла на подступах к необъятному и жестокому миру Алессы свой маленький мирок. Мир, в котором светило заходящее солнце, играли солнечные зайчики на стенах, а отец... жив?

Отпечатки на полу. Как он мог встать, если...

Да, отец был жив, потому что так хотела Хизер. В этой комнате, наверное, могло случиться всё, чего она пожелает – от возвращения отца до появления зелёных человечков на летающих тарелках. Хизер вдруг пришло в голову, что она вполне может не идти дальше, а остаться здесь, никуда не выходить. Если она будет ждать достаточно долго... то придёт отец... и они сядут ужинать, как ни в чём не бывало. Она не будет пичкать свой мир монстрами и хлещущей кровью, как Алесса. Всё, что ей нужно – маленькое счастье, окружавшее её с тех пор, как она себя помнила. И она вполне в силах построить её для себя. Так просто...

Зачарованная открытием, Хизер шагнула к кровати, наблюдая, как капли крови на покрывале высыхают и начинают пропадать. Солнце за окном засияло ярче, словно на дворе стоял палящий июнь. В знойном воздухе закружились весёлые пылинки.

Хизер. Не надо.

Мрачный голос рассудка ударил ледяной палкой. Хизер схватилась за грудь и застонала, хотя нигде не болело.

Ты повторяешь ошибку Алессы. Нельзя убежать от реальности, какой бы она жестокой не была. Ты видела, к чему это приводит. Неужели ты хочешь обрести её судьбу? И потом, кто у нас так гордилась тем, что хочет жить?

Очарование летнего дня обуглилось и стало рассыпаться белым пеплом. Солнце потускнело, а сквозь обои на стенах начала проглядывать кровавая решётка. В кабинете повеяло духом снежной вьюги.

Я просто хочу, чтобы всё стало как раньше. Хизер была близка к тому, чтобы расплакаться навзрыд. Но жестокий голос продолжал бесстрастно чеканить слова.

Ты не можешь сделать это.

Но ПОЧЕМУ?

Нет счастья, основанного на иллюзиях. Просто посмотри, что на самом деле представляет собой твой «рай». Подними голову и посмотри, каково оно.

Хизер подчинилась. И увидела, что кабинет отца пропал. Как и солнце, торшер и всё-всё-всё. Вместо стен родного дома на неё тарачились дыры решеток. В комнате висел полупрозрачный дымок, туман, поднимающийся над лесной поляной осенним утром. От холода замерзали пальцы. Пустота и апатия... Хизер не выдержала и заплакала. Не потому, что всё исчезло – она знала, что может вернуть это обратно в любой момент, пожелав этого - а потому, что она *не могла* этого пожелать. Наличие выбора высасывало из неё силы, вселяя страх и сомнения, которых не было бы при полной предопределённости. До сих пор Хизер злилась на Того, Кто Выше, за то, что Он не давал права выбора, обращаясь с ней, как с заводной игрушкой. Теперь она поняла, что так было лучше. Гораздо лучше.

Дымка сгущалась, оставляя в поле зрения только прямоугольный проём, который раньше был дверцей шкафа. Хизер зашагала вперёд, пускаясь чуть ли не вприпрыжку, убегая от своих искушений. Голова была готова расколоться. Она почти с радостью смотрела на стены, окрашивающиеся красными потёками, на инвалидные кресла, скученные в углу. Всё хорошо, здесь она ничего не может изменить, и это вселяет спокойствие. Нужно только принимать всё, как есть. Кто бы мог подумать, что она будет так рьяно стремиться вглубь владений Алессы.

Дверь. Красный коридор кончился, и последние несколько футов были весьма необычными. Металл, кровь и грязь почти исчезли, уступая место мягкому паркету и белой штукатурке на стенах. Такой знакомой... И эта дверь – продолговатая, с табличкой: «КАБИНЕТ ГЕОГРАФИИ». Открывая её, Хизер знала, что окажется в классной комнате с одной-единственной партией – той, за которой когда-то сидела Алесса Гиллеспи. Она

знала, что на этой парте будут вырезаны ругательства и проклятия одноклассников. Знала, что на стенах кабинет висят корявые рисунки детей (цветок, гора, зубастый волк, больше похожий на собаку), а на зелёной доске ничего не написано. Было темно. Только парта Алессы светилась изнутри, просвечивая выцарапанные на лакировке слова:

Воришка... Иди домой... Ведьма...

Хизер остановилась у парты и провела рукой по шероховатой от вырезов поверхности. Настоящая. Совсем как настоящая. Под ноготь впиалась маленькая заноза и торчала оттуда чёрным колышком.

Ведь это когда-то была моя парта. Я помню. Тот хихикающий смех и злобные взгляды за спиной. Те солёные разговорчики по углам...

Особенно неистовствовали девочки, у которых, казалось, вся цель пребывания в школе сводилась к тому, чтобы насолить «ведьме». Эти царапины – их работа, и только цветочки. Бывало гораздо хуже, иной раз - невыносимо. Как, например, та котяра...

Алесса почуяла неладное, едва вошла в полумрак раздевалки. Она видела, как минуту назад отсюда с мерзкой усмешечкой на губах выскользнула Даффи. А уж если Даффи так улыбается, то жди беды. Она подошла к Алессе, старательно копающейся в портфели, вся сжавшись – началось. Попалась. Но Даффи лишь мельком взглянула на неё, ядовито улыбнулась и пробежала дальше, зажав ладонью рот. Ни одного колючего слова. Алесса проводила его настороженным взглядом, не понимая причин столь странной доброты. Кот увидел мышку по имени Алесса и не даже поиграл клыками? Скорее небо упало бы на землю... Она шумно выдохнула и устремилась в раздевалку. Ну и слава Богу, что очередная доза издевательств излилась мимо. Уроки окончены. Теперь одеться – и прочь, прочь от этих сводов с осточертевшим гербом начальной школы Мидвич. Домой... Мама, наверное, ещё не вернулась, есть время побыть наедине с собой.

Тьма висела между ящиками с одеждой. Лампа здесь почему-то постоянно перегорала, и это было настоящим бичом для девочек, боящихся темноты. Алесса не боялась темноты, даже любила её, но ей стало не по себе. Особенно когда она вспомнила улыбку Даффи. Осторожно переставляя ноги, она пробралась к дальнему концу ряда. Здесь располагался семнадцатый шкафчик. Её шкафчик. Нервно озираясь, Алесса подошла к дверце и с облегчением скинула ранец с плеч. День в школе позади. Очередная победа – она выстояла - и очередное поражение: она ничего не смогла поделать. Как всегда. Господи, будь у неё немного такой силы, как в тех книжках, она бы им всем показала... Она бы им...

Мечтательно улыбаясь, она открыла шкафчик, и пушистый, покрытый волокнистым мехом комок с душераздирающим визгом набросился на неё с тёмной полки. Алесса закричала; волосы неприятно шевельнулись, а сердце перестало стучать, превратившись в соляной столп. Она отскочила назад, подняла руку к плечу, чтобы схватить и оторвать от себя противное существо, но споткнулась о ранец и больно хлопнулась об пол. Существо – теперь Алесса увидела, что это кот, обыкновенная годовалая котяра цвета пепла – испуганно взметнулось прочь и пропало в сумраке раздевалки, жалобно мяукая. Алесса разрыдалась, слушая, как в дальнем конце коридора разразилась смехом Даффи со своими подружками. В этот момент она готова была согласиться на что угодно, лишь только чтобы покончить с этим, покончить с бесконечными издевательствами и унижениями. Она плакала, плакала, понимала, что от этого радость её мучителей становится только больше, но не могла остановиться.

Хизер не заметила, как дыхание стало тяжёлым. На лбу выступил пот. Негодование охватило её, а противный смех девочек становился всё громче.

Да. Никто меня не жалел. Даже учителя, и те избегали... Не хотели иметь дело с дочкой сумасшедшей Гиллести.

Усилием воли она привела себя в чувство. Смех затих, но его отзвуки продолжали звенеть в пустом кабинете, отлетая от одной стены к другой. М-да, помнится, акустика у школьного здания всегда была ни к чёрту.

Они.

Хизер прошла к другой двери в конце кабинета. На стене висела карта США с обозначенным на ней Тихим Холмом, и ещё список учеников – Алесса Гиллести, Билли Реган, Мэри Шепард, Даффи Смит... Список был обведён синим фломастером, заключая имена детей в пушистое облако. На облаке располагалась надпись цвета радуги: «МЫ ВСЕ – ОДНА СЕМЬЯ». И ни слова про царапины на партах.

Едва Хизер открыла дверь, в нос ударил смрадный запах, тянувшийся из коридора. Пол накренился вниз, увлекая её ниже под землю. Вонь стояла такая, будто коридор был наполнен трупами. Зажав нос рукой и сделав несколько шагов, Хизер убедилась, что так оно и есть – в живот упёрлась перекладина каталки для трупов, что в избытке встречаются в больничных моргах. Тело, обёрнутое в полиэтиленовый пакет, выглядело непропорционально пухлым. Посмотрев на очертания под пластиком, Хизер догадалась, что туда просто впихнуто два тела. Отвернувшись, она пошла дальше, но через пару шагов снова ткнулась в «труповозку». Полиэтилен был порван, и из дыры высунулась серая волосатая нога. Большинство ногтей оторвалось, а оставшиеся держались разве что из последних сил. На большом пальце ноги болталась жёлтая бирка с мелко отпечатанной строкой: «Морг госпиталя Алчемилла». Ниже была крупная надпись от руки: «ДЖОН ДОУ #14».

Хизер старалась не дышать и целеустремлённо шла вперёд, обходя нагромождения мёртвых тел. Она уже не удивлялась, что это за трупы, откуда они взялись и что здесь делают. Быстрее пройти мимо, открыть следующую дверь и забыть об этом коридоре.

Следующая дверь пришла нескоро, и Хизер долго плутала меж кроватей на колесиках, чувствуя, что от недостатка кислорода у неё сдавливает грудь. Смрад становился невыносимым, пол накренился всё круче и круче. Но в конце концов впереди замаячил прямоугольник двери. Хизер прибавила шагу. За несколько шагов до двери коридор опять преобразался, на этот раз обретая цвет сырой каменной кладки. Сама дверь была обита железом, словно за ней хранилось что-то ценное. Хизер взялась за ручку и с натугой открыла. Шарниры скрипнули. Внутри было...

Голова вспыхнула болью, покрыв изображение сеткой красных прядей. Хизер увидела одинокую железную кроватку с толстыми кожаными ремнями. Низкая тумбочка у его изголовья. И шкаф с лекарствами, стоящий поодаль. Три предмета, ставшие для неё аллегорией боли и страданий. Три предмета, приглашающие в камеру пыток. Это была подземная палата, где Алесса провела семь лет после пожара. Палата оживала, наполнялась красками, заново воскрешая события тех давно минувших дней.

- ... не дышит...

Голос женщины дрожал. Она старалась держать себя в руках, но удавалось плохо. Алесса не видела её лица, потому что не могла открыть глаза. Веки прилипли друг к другу. Она не могла даже пошевелиться и промычать, чтобы дать понять, что она жива и ей больно. В её силах было лишь лежать в потёмках полусознания и чувствовать дух огня, пожирающий тело.

И ещё... она могла думать.

«Что произошло?»

- Дышит, - уверенно заявил властный мужской голос. – Она жива. Передай мне скальпель.

Пламя. Последнее, что она помнила, было горячее пламя, лизнувшее пятки и взметнувшееся вверх. Потом – жгучая нечеловеческая боль, эхо собственного крика и мир, рассыпающийся кусками уродливой мозаики. Темнота...

А что было до этого? Как это случилось?

- Почему она жива? С такими ожогами... Бог ты мой...

- Лиза, будь спокойнее. У тебя пальцы дрожат. Если действительно хочешь, чтобы этот ребёнок остался в живых, ты должна быть хладнокровной.

- В живых?! Посмотри на неё... какая у неё может быть теперь... жизнь?.. – в голосе женщины зазвенела истерика.

- Тампон, Лиза.

В темноте забрезжил едва видимый багровый свет, но потом полыхнула молния, и она осталась одна в темноте.

«Открой! Мамочка, открой!»

Молчание. А между тем огонь занимался полом и стенами погреба, быстро перекочевал к немногочисленным предметам, оставшимся в погребе. Мама всё вынесла отсюда перед тем, как запереть её здесь... и, судя по странному запаху и необычно быстро разгорающемуся огню, чем-то полила...

«Ма-а-ама!»

Никто не отзывался. Ни мама, ни те странные люди, которые были с ней. Они часто приходили... но никогда их не собиралось в доме так много, как сегодня. Кажется, в этот день были все. Сначала, как обычно, читали молитвы и поклонялись Богу. Мама запретила Алессе сидеть у себя в комнате и рисовать, как она обычно делала во время таких собраний. Они посадили её на высокий стул, в самый центр круга, а сами стояли на коленях вокруг стола и бормотали заклинания. Мама же стояла рядом и махала чем-то красным и дурно пахнущим возле её лица, иногда касаясь лица и оставляя там малиновые отметины. Она была напугана и разозлена происходящим. Потом, когда она почти задремала на своём стуле, мама сказала: «Пора», и её потащили в погреб, несмотря на крики и отчаянные взбрыкивания.

- Всё. Закончили. Теперь всё зависит от неё самой.

Женщина что-то тихо сказала, но Алесса не расслышала слова. Звуки, доносящиеся извне, вновь перекрыло гудение огня, подбирающегося к ней. Её охватил панический страх, и она начала биться о глухонемую дверь, плача и выкрикивая бессвязные слова. Она ждала, что вот-вот дверь распахнётся и она вырвется отсюда наверх, убежит в свою комнату, всхлипывая и дрожа от пережитого потрясения. Иначе не могло быть. Но спина уже начала вспухать волдырями от жара, а дверь не открывалась. Алесса забилась в углу рядом с косяком, широко открытыми глазами наблюдая за тем, как огонь игриво сокращает расстояние до двух футов, до одного... Погреб наполнился чёрным едким дымом, от которого слезились глаза и першило в горле. Наконец она встала на носки туфелек, до боли в спине прижавшись к стене. Огонь на секунду замедлил свой триумфальный путь у оплавленных носков туфелек, будто раздумывая, что делать дальше, потом рванулся вперёд.

- Как... почему она ещё жива?

Шёпот той женщины над головой. Кажется, она осталась одна (мужчина ушёл?) и разговаривала сама с собой. Боль во всём теле вроде утихомирилась на время, и она могла чуть более внятно слушать её. Как назло, женщина перестала говорить. Но и не уходила – Алесса чувствовала её присутствие. Женщина стояла и смотрела на неё, и время от времени шмыгала носом. Плачет? Зачем?..

Огонь почернел. Агония прошла, и её окутала холодная бесконечность пустоты. Она хотела отключиться, исчезнуть в этой темноте, чтобы больше никогда, никогда не просыпаться, не чувствовать ужас последних минут, и некоторое время даже казалось, что ей это удаётся. Но потом новая вспышка боли полоснула сознание – её подняли с обугленного пола, положили на жёсткую деревянную поверхность и понесли куда-то

вверх, спотыкаясь и падая. Поэтому темнота раскачивалась влево-вправо, и из неё доносились голоса.

- ... остановите пламя! – визгливо кричала мама. – Она уже готова! Я не хочу, чтобы у меня спалился весь дом!

Какие-то шипучие звуки. Всё дальше и дальше. Крики, грохот и снова крики.

- ... слишком поздно... бежим!

Красные капли сочились через щели на чёрном пространстве и срывались вниз, в бездну. В какой-то момент она поняла, что одна из этих капель – она. И, осознав это, тоже с готовностью оторвалась от невидимой ниточки сознания и упала вниз, в небытие.

Здесь.

Головная боль не проходила. Хизер ждала минуту, две, опустившись на колени и сжимая голову ладонями, но облегчение не наступало. Образов в голове становилось всё больше, каждая последующая порция воспоминаний приносила растущую боль. А вспомнить было что. Всё-таки семь лет...

Хизер встала, преодолевая головокружение. Цвета вокруг стали яркими до рези. Она отыскала глазами дверь на противоположной стене палаты и двинулась туда. Ноги делали, казалось, всё, кроме нужных действий – сплетались друг с другом, уходили в стороны, подгибались в коленях, но только не шли прямо. По мере приближения к кровати боль доходила до белого каления. Нечленораздельно взыв, Хизер пустилась бегом, каким-то чудом умудряясь не упасть. Перед глазами мелькнул серый поддон койки с выжженной на ней фигурой девочки и обгоревшая фотокарточка на тумбочке. Хизер увидела дверь и вывалилась из палаты в финальном рывке. Едва дверь закрылась за ней, боль полегчала, а через несколько шагов пропала вовсе. Но воспоминания остались.

Коридор продолжал своё путешествие, накрываясь под невозможным углом. На этот раз это был просто коридор – не морг, не школа, а прямоугольные кирпичные своды. Хизер приходилось цепляться за стену, чтобы не поскользнуться и не скатиться разом в самое дно. Интересно, мрачно подумала она, куда на этот раз он приведёт? На что хватит фантазии Алессы?

Вниз, вниз и вниз. Спуск затягивался. Даже в подземном проходе Хизер не приходилось столько отмахивать – она, наверное, опустилась под землю без малого на сотню метров. Вокруг становилось темнее – лишь там, где кладка обрушилась, пробивался знакомый ярко-жёлтый свет крематория. Воздух теплел. Когда Хизер увидела внизу маленькую дверь, она успела до того привыкнуть к бесконечному спуску, что не поверила. Но это было так. Красная дверь, приветливо приоткрытая, рождала в груди тёплое щемящее чувство. Некогда она давала ей единственный приют, баррикадируя от отравленного воздуха Большого мира. За этой красной дверью она оставалась в желанном одиночестве хотя бы на несколько коротких часов, создавая своё фальшивое счастье. Это была комната Алессы.

Глава 23

Здесь ничего не изменилось. Впрочем, с какой стати что-то должно было меняться? Ведь эта комната - именно такая, какой она осталась в её памяти. Заправленная кроватка с кружевной подушкой. Коллекция бабочек над ученическим столом. Книги, выстроенные в шкафу. Даже любимая колода карт, разбросанная в углу. Она любила играть в карты – наверное, потому, что в отличие от великого множества других занятий это можно было делать не одной, а с другом. Но как раз с друзьями у неё были проблемы, и играть зачастую было не с кем. Лишь когда приходила Клаудия – но это было нечасто. Она всегда проигрывала, потому что не умела играть. И плакала от обиды... Ей приходилось успокаивать зареванную подругу и уговорить поиграть во что-либо другое.

Клаудия. Её единственная настоящая подруга. Клаудии тоже не было с кем поиграть. Может, она и нашла бы себе друзей, но выходила из своего дома очень редко. Отец не позволял. Он не отпускал её ни на минуту, боясь, что дочка поддастся грехам и соблазнам грешного мира, который не стоил и пальца на ногу верующего. Да и сюда Клаудия заглядывала лишь в те дни, когда в доме Гиллеспи проходили служения и Леонард Вульф приходил в числе прочих восхвалять Господа.

- Клаудия? – Алесса в ужасе уставилась на руку подруги, которая неумело тасовала колоду. – Что это?

- Где?

- Не притворяйся, будто не видишь. Что это?

Она указала пальцем на её руку немного выше запястья, где чернели безобразные фиолетовые пятна. Клаудия опустила глаза и ойкнула:

- Ой, пуговица растянулась. Спасибо, что сказала.

Она отложила карты и начала возиться с рукавом, наливаясь пунцовой краской. Алесса смотрела на неё, не говоря ни слова, потом взяла колоду и начала тасовать сама. Чёрная карта, красная, чёрная... Запястье Клаудии снова скрылось под коричневой тканью, но она продолжала видеть перед собой те ужасные синяки. Так и хотелось спросить: «Папа снова тебя бил?», но тогда она расплакалась бы опять. Она и так слишком часто плакала. Поэтому Алесса смолчала и просто начала раздавать карты. Не прошло и минуты, как Клаудия в очередной раз проиграла, и по её лицу потекли слёзы обиды и горечи. Алесса прижала её к себе и гладила за волосы, шепча успокаивающие слова.

И ведь это было не один раз. Очень много... Почти всякий раз она видела следы побоев на теле своей подружки то тут, то там. А иногда Леонард приходил один, без Клаудии. Это означало, что Клаудия сейчас не может выйти из дома. Может, синяк на лице, может, что-то похуже... Она понятия не имела, за что отец Клаудии бьёт её, такую тихую и согласную во всём. Её саму мать била редко, в основном только кричала (зато как кричала!) и всяким образом унижала, заставляя читать молитвы, запирая в погребё... Но это, если она не слушалась. Зачем бить Клаудию, она же просто боготворит отца и не смеет прекословить ему ни в чём... Она не понимала.

Хизер присела около кровати и бережно собрала карты, потрёпанные в многочисленных раздачах. Ладонь горела. Чаще она играла сама с собой, раскладывая пасьянсы и гадания – всё лучше, чем ничего. Конечно, она любила рисовать, воображая себя в выдуманном чужом мирке, но иными вечерами надоедало даже это, и единственной отдушиной становилась эта выцветшая стопка упругих листов.

Положив колоду на стол, Хизер задержала взгляд на коллекции высушенных бабочек. Чёрные сморщённые крылья безвольно свисали с кончиков булавок. Отвратительно. Как она могла любить такое и даже повесить у себя на стене? Может, это опять Далия заставила? Но нет, Хизер не припомнила такого. Значит, сама. Она по своей воле насаживала этих беспомощных существ на серебристый кол.

Рядом со столом висело тёмно-синее платье. Она только в ней и ходила, хоть и выглядела при этом, как послушница. Но остальные наряды были ещё хуже – выбирать одежду ей не давали, а вкус у Далии Гиллеспи оставлял желать лучшего. В конце концов, она привыкла и перестала заботиться, во что она облачена. В школе её возненавидели в том числе и за это. М-да...

Да я и сейчас не особо люблю наряжаться. Когда в последний раз я собиралась в магазин модной одежды? Не помню... То-то и оно. Может, это из-за Алессы?

Вполне могло быть. Ведь она всегда сидела в ней и в какой-то мере сопровождала её во всём. Как ни противно, это так. Но не стоило валить всё на Алессу, Хизер кое в чём разительно отличалась от своей «сестрички»... Вот, например, в отношении к книгам.

Книг здесь было много. На верхних полках высились неподъёмные тома со странными названиями. Эти книги были для Алессы чем-то наподобие учебников в школах – не хочется читать... но приходится. Потому что так велит мама. Зачастую она только делала вид, что читает, а на самом деле мысли были где-то далеко за горизонтом. Но вообще Алесса *любила* читать – книги о дальних странствиях и волшебных превращениях. Эти книги стыдливо толпились на нижней полке, прячась от посторонних взглядов в пыльном углу – «Волшебник страны Оз», «Затерянный мир», «Алиса в стране чудес»... Она перечитывала их не раз и не два, об этом свидетельствовали истершиеся обложки. Хизер попыталась припомнить содержание этих книг (даже видела эти названия пару раз в магазинах Эшфилда) и нашла, что строки вспоминаются, в целом, неплохо для книг, которые она отродясь не открывала. Слишком хорошо. Это настораживало.

В зазоре между стенкой шкафа и стеной белели обрывки бумаги. Хизер присела и извлекла близлежащий. Несмотря на то, что лист был старательно скомкан и даже, кажется, сжёван, она хорошо различила, что на ней нарисовано. На первый взгляд – беспорядочные косые линии, перекрывающие друг друга и весьма гротескно складывающуюся в фигуру неведомого животного. Собака там, или волк... Но вот почему голова существа была раздвоена пополам и болталась по обе стороны от шеи? Карандашные перечёркивания пересекали туловище животного поперёк, образуя полосы. Полосатый пёс с раздвоенной головой вселял страх, даже будучи лишь нарисованным.

Книги – это было другое дело. Алесса читала их и мечтала уйти от своей каторжной жизни, убежать. Но то было днём. А когда комнатушку покрывала темнота и она прислушивалась к странным скрипящим звукам за окном и видела танец кривых теней на полу, всё было иначе. Мечты и мысли отправлялись в истинный полёт на крыльях сокровенных желаний. Да, Алесса хотела убежать. Но куда...

Хизер вытащила ещё один порванный листок. Потом ещё один. Их было под шкафом великое множество, и на всех – уродливые, вызывающие тошноту существа. Монстры были тем более отвратительны, что большинство чем-то неуловимо напоминали человека. Иные существа она не имела чести видеть (и слава Богу), но образы некоторых наверняка будут преследовать её на смертном одре. Продолговатое тело с шипастой палицей (*Ближник*, накарякала Алесса под своим произведением), паук с вращающимся туловищем – они все здесь. Она рисовала их и просовывала сюда, пряча от глаз матери, чтобы не получить очередное наказание. Такая живопись бы маме не понравилась.

Но ей нравилось то, что выходит из-под её пера. Всякий раз, заканчивая очередную книжку с приключениями, она чувствовала необычное ощущение досады и неверия. Вряд ли она смогла сформулировать тогда свои мысли, но ей не нравилось, что в любимых сказках герои в конце всегда прощают своих врагов. Столько беспокойств, страданий и слёз... но в конце ВСЕ СЧАСТЛИВЫ. Это было неправильно – Алесса не понимала этого и не хотела понять. В её мечтах не было места такой несправедливости. Все негодяи должны получить по заслугам. Все те, кто позволял им творить свои пакости – тоже. Если бы только это было в её силах... если бы только... Сколько раз она засыпала под монотонное бормотание матери за стеной, повторяя про себя эти слова, как заклинание?

Вот кто должен был привести всё в порядок. Полчища адских созданий, выпущенных на улицы города. Тот самый Страшный суд, о котором твердила мать, но *её* суд. По *её* правилам.

Хизер скомкала бумагу и выронила на пол. Всё, хватит. Алесса таки добилась своего – теперь она чувствовала себя одной целой с ней, воспринимала как себя саму в глубоком детстве... но пора с этим покончить. Всё, что Алесса хотела ей сказать, она сказала, а Хизер выслушала. Нужно идти дальше к цели, чем бы эта цель ни была.

Но была одна незадача. Комната Алессы имела только одну дверь, через неё Хизер вошла сюда. Другого выхода не имелось.

- Пропусти меня! – крикнула Хизер, обращаясь в потолок. – Ты знаешь, что я уже не сверну назад!

Слышишь меня?

Комната осталась прежней, представляя собой застывшее мгновение двадцатичетырехлетней давности. Это по-прежнему был тупик – красиво разукрашенный и обдающий лицо духом старых времён, но всё равно тупик. Алесса сопротивлялась до последнего, даже когда поражение было очевидно.

- Ладно, - сказала Хизер. – Как хочешь.

Она закрыла глаза и ссутулилась, напрягая мысли, пытаясь нарисовать в своём воображении дверь, ведущую дальше. Удавалось плохо. Её частичка, называемая Алессой, всё время гасила раздувающееся пламя. Образы неуклюже соскакивали с колеи, как сникают провода, перекушенные стальными клещами. Промучившись с минуту, Хизер открыла глаза и разочарованно застонала, увидев, что комната никуда не делась. Детская спальня загородного особняка Гиллеспи осталась, вся такая реальная и не имеющая брешей.

Впрочем, не совсем. Краски потухли. За эту минуту через комнату прошествовало невидимой походкой великий страж Времени, накрыв её покрывалом забвения. Цвета и блеск заметно потемнели, в углах скопилась пыль. Хизер торжествующе улыбнулась. У неё получалось. Комната разваливалась, открывая путь дальше.

На этот раз она простояла с закрытыми глазами подольше, чувствуя, как по воздуху проносятся тёплые волны, незаметно меняющие мир вокруг. И когда внутренний голос сказал: «Пора!», она разомкнула веки. Стена напротив неё разошлась в стороны и сморщилась, как ткань приоткрытых занавесок. В середине стены появилась толстенная железная дверь, покрытая причудливым заржавевшим узором. Когда Хизер посмотрела на неё, дверь сорвалась с крючка. Добро пожаловать в финал, Хизер.

Прежде чем войти в дверь, она осмотрелась ещё раз. Потому что чувствовала – в спальне Алессы что-то неуловимо поменялось, кроме потускневших красок. Что-то ещё. Ей не составило труда разглядеть, что именно. Во-первых, с пола пропали обрывки бумаг с нарисованными монстрами. Во-вторых, испарилась коллекция бабочек над столом, оставив за собой жухлый зелёный след. И на столе, там, где Хизер положила стопку карт, теперь лежал блокнот. С синей подкладкой и отрывными листами. Отец покупал такие год за годом и постоянно тащил с собой в кармане, используя как записные книжки. Туда же и ложились первые наброски романов. Хизер иногда даже пугала эта его привычка внезапно озариться новой идеей и уйти в себя, начиная лихорадочно исписывать одну страницу блокнота за другой, где бы он ни находился. Потом, когда пыл спадал, он виновато улыбался ей: «Это как моментальная вспышка, Хизер. Я боюсь, что всё забуду, если не напишу». Вот так-то. Теперь один из блокнотов неизвестно как преодолел далёкое расстояние между Эшфилдом и Тихим Холмом и оказался здесь, на столике. Хизер, задержав дыхание, наклонилась над шероховатым листочком с закруглёнными буквами. Записка была короткой и как будто нацарапана в страшной спешке.

Я знаю, что она за этой дверью. Не знаю как... но я это чувствую. И ещё чувствую присутствие там чего-то очень опасного, даже противоположного. Может быть, это то, что они называют «Богом». Но я должен открыть эту дверь. Достаточно этой ленивой болтовни. «Богом» я не являюсь, но собираюсь спасти её. Нет, не её... их всех.

Отец был здесь. В этой маленькой комнате, в самом доньшке мира Алессы, пройдя через все уготованные для него кошмары. Семнадцать лет назад... Хизер уставилась отсутствующим взглядом в тёмное стекло окна, машинально прошупывая через жилетку кулон, подаренный ей отцом. Твёрдый серебристый шар, отголосок прошлых мирных дней, успокаивал и ободрял.

... собираюсь спасти её.

Мог ли он действительно написать это? Пусть не здесь и не тогда, но... Хизер отчётливо вспомнила странный случай два года назад, как сюрреалистический сон – она

вернулась из магазина, а отец поджигал свою книгу. Господи, как она тогда перепугалась... Может быть...

Так или иначе, теперь это неважно. Главное - отец не потерял веры и победил, отвоевал у жестокого Бога себя и свою дочь. Хизер тоже не должна была терять дух. Иначе она обречена.

Я знаю, что она за этой дверью.

Хизер прошла через дверь, как прошёл её отец много лет назад. За дверью её ждал длинный коридор, обложенный красными металлическими листами. Красными то ли от жары, то ли ржавчины, то ли от света, исходящего со всех сторон – а может, из-за ввевшейся в них крови. Было тихо до жути, но воцарению полного молчания мешал сначала незаметный, но набирающий с каждым шагом рокочущий звук впереди. Словно самолёт, отрывающийся от взлётной полосы.

Поворот. Хизер повернула направо на девяносто градусов и увидела, что здесь коридор превращается в нечто наподобие моста над оранжевой пылающей бездной. Пламенеющая масса полыхала внизу, заливая мир ослепительным светом.

Господи...

Хизер, пошатываясь, пошла дальше. Внизу, в сердцевине оранжевого моря, шевелились какие-то крохотные точки. Люди? Откуда они здесь? И как они там могли очутиться? Нет, вряд ли. *Надеюсь...*

Мост кончился, снова превратившись в закрытый наглухо коридор. Рокот возрастал, распадаясь на несколько повторяющихся звуков. Что-то знакомое. Но Хизер не успела подумать об этом как следует – её внимание отвлек другой звук, справа от неё. Скрип – тишина – скрип. В проходе было очень темно, поэтому сперва казалось, что красная вентиль водопроводной трубы вращается сама собой. Но присмотревшись, она отделила от темноты костлявую руку и её пупырчатоголового владельца, свисающего вниз головой с потолка. Точь-в-точь как в госпитале.

Кто он такой?

У Хизер не было желания подойти к существу и выяснить это. Он... пугал. Да-да, именно пугал. Даже сейчас, когда её никакими невообразимыми чудищами было не удивить. Что-то подсказывало: *не стоит связываться с этим типом*. Хизер была в принципе согласна, но очень уж часто Пупырчатоголовый попадался на её пути, не вступая явным образом в контакт. Он прятался от неё, наблюдая исподтишка. Какую цель преследовал этот получеловек-полумонстр в обгоревшей рясе, было известно одному Богу. Богу Тихого Холма.

Скрипящая вентиль и рука, вращающая её, остались позади. Коридор выпрямился и устремился вперёд, к своему концу, в то время как рокот вращающихся лопастей вентилятора возрастал... и казалось, что струи воздуха, пускаемые им, неласково треплют разгорячённую щёку Хизер.

Глава 24

- Что я думаю?

Винсент был взбешен. Он сделал всё, что мог, вылезал из кожи вон, чтобы предотвратить то, что задумала Клаудия. Но не помогло – всё катилось к чертям собачьим, рассыпалось в пыль на глазах. С минуту на минуту сюда зайвится девчушка, и он уже будет третьим лишним в этой компашке. Чёрта с два. Он не собирался сдаваться. У него есть ещё козыри в рукаве...

Но, проклятье, почему ему тогда так страшно? Аж коленки дрожат...

- Ну, если ты хочешь знать, то я думаю, что вам обоим нужно умереть, - сказал он, с ненавистью глядя на жирицу, застывшую истуканом у алтаря. – Это было бы весьма мило. Я наконец-то смог бы спать спокойно.

Клаудию это признание удивило не слишком.

- Когда ты потерял веру в Бога? – сокрушённо спросила она только. – Бог жив. Просто посмотри вокруг.

Она повела рукой, и Винсент машинально подчинился его жесту, осмотревшись по сторонам. Ничего утешительного он там не увидел. Некогда золочёные своды молельни покрылись отвратительной бугристой коростой, тут и там с грязных колонн свисали обрывки цепей. Ряды кресел были измазаны в неестественно густой крови. Тьма подступала к месту, которое должно было быть приютом света. Клаудия видела в этом доказательство близости Бога. Винсент же при взгляде на всё это вспомнил ироничные слова Хизер: *А я считаю, правильнее будет называть его дьяволом.* Вот тут, пожалуй, глупышка была права. Такому Богу лучше не быть, чем быть. Проблема в том, что Он был...

- Я не потерял веру, - вызывающе сказал Винсент. – Я верю в Бога – по-своему. Я боюсь Его и обожаю Его. Но я ещё не потерял ум, как ты.

На этот раз провёл рукой он, но Клаудия не проследила за его движением, а продолжала смотреть на него с ледяным спокойствием. Винсент чувствовал, что слова становятся сбивчивее и истеричнее против воли:

- Посмотри на это! Думаешь, это всё в самом деле изваял Бог? А тебе не кажется, что это просто чьи-то ночные кошмары, может, даже твои собственные, как было с Алессой семнадцать лет назад? Если это действительно работа Бога... то я скажу, что у него плохой вкус!

Последний выкрик сорвался с языка, прежде чем он успел его остановить. Клаудия поджала губы и выпрямилась, став выше на дюйм:

- Ты дразнишь Бога?.. Предатель!

Винсент почувствовал, как спина опять покрывается холодным потом. Господи, да что ж такое? Ну что она ему сделает? Раньше у него хорошо получалось ставить её на место – так почему сегодня, в самый ответственный момент, всё идёт вкривь и вкось?

- Ты будешь гореть в аду, Винсент, - изрекла Клаудия, сложив руки на груди. Пламя свечи на алтаре всколыхнулось.

- Прекрати! – в отчаянии закричал Винсент; под кожей разом зашевелились все кости. Очки норовили сорваться с переносицы. Он схватился за дужки и до хруста надавил на них пальцами. – Кем ты себя возомнила, противясь воле Бога? Бог сам придёт на сей мир, когда Он сочтёт нужным! Только Он вправе решать, когда явиться к людям! Он – а не ты!

- Иди домой, Винсент, - равнодушно сказала Клаудия, отворачиваясь к алтарю. *Разговор с тобой окончен.* Она приложила ладони друг к другу, вновь уходя в свой астрал.

Ну уж нет.

- Домой? – Винсент оглядел пустые кресла и серые комочки пыли, лежащие у их подножий. – Мне некуда идти, Клаудия. Это и есть мой дом. Вся эта церковь. Я построил её своей силой – силой денег, на которые ты смотришь с таким презрением.

Он сделал шаг вправо и в доказательство своих слов любовно провёл ладонью по ближайшей колонне. На аккуратно подстриженных пальцах осели стружки ржавчины. Винсент небрежно стряхнул их на пол со словами:

- Хотя и не отрицаю, что этот зверский интерьер – твоя работа.

Он остался на месте, слыша собственное учащённое дыхание. Клаудия снова повернулась к нему и подняла руку, вытянув тонкие белые пальцы:

- Ради Бога, Винсент, не надо вмешиваться!

Голосом она почти умоляла его, но лицо, и раньше не блиставшее красками эмоций, превратилось в бездвижную жёсткую маску с прорезями для глаз и рта. Винсенту стало страшно в который раз. На какое-то мгновение он почти отступил, едва не направился к выходу из молельни. Но это была только секундная слабость, и вместо того, чтобы уйти, он сделал шаг к алтарю:

- Иначе что?.. Ты убьёшь меня, да?

И нервно улыбнулся. Всё-таки ему удалось загнать её в тупик. Как бы ни ответила на это Клаудия, она проиграла. Клаудия нахмурилась и промолчала. Винсент осклабился шире, смакуя свою победу.

Наэлектризованную тишину в молельне нарушило тихое хлопанье двери. Они ждали этого, ждали оба, но отреагировали совсем по-разному. Клаудия торжественно подняла голову, оставаясь на месте, а Винсент мгновенно обернулся через плечо с лицом, искажённым от страха. Хизер не была готова к такому единодушному приёму, поэтому застряла у двери, переводя взгляд с одной персоны на другую. Она не ожидала очутиться здесь... Коридор кончился большой прямоугольной залой, на одном конце которого махал лопастями огромный вентилятор, а на другом располагалась широкая двустворчатая дверца. Стараясь не подходить близко к смертоносным ржавым крыльям, делающим один оборот за другим, она подобралась к двери. И вот...

Молчание первым прервал Винсент, как всегда, сумевший совладать с собой за рекордно короткий срок:

- Ну, главная гостья с нами. Вечеринка начинается!

Он сделал шаг к ничего не понимающей девушке, указывая пальцем на Клаудию, превратившуюся в стоячий памятник:

- Хизер, давай, убей эту сумасшедшую суку! Она имеет к Богу столько же отношения, сколько бродячая собака! Она – демон, который смеет о Нём говорить!

Всегда и во всем нужно сразу брать инициативу на себя. Винсент знал, насколько огромно значение этого нехитрого принципа. В последний раз он допустил оплошность, когда позволил Клаудии вступить в контакт с Хизер раньше него. То действительно была большая ошибка, но кто ж знал, что старый хрыч бросится первым делом звонить Клаудии... И она, конечно, напудрила девушке все мозги. Второй раз Винсент на одни и те же грабли никогда не наступал. И теперь он атаковал её словами и зарядами эмоций, постепенно приближаясь, не давая опомниться:

- Время пришло, Хизер! Ты ведь за этим сюда и пришла, и теперь... ты можешь её убить!

Она всё равно ничего не понимала! Стоит, смотрит даже не на него, а на свою дражайшую Клаудию. Ну что за дура! Винсент проскрежетал про себя зубами от досады. Чего она ждёт? Не для того он вёл её с самого начала, чтобы потерпеть такое фиаско.

- Хизер, давай! У тебя же есть сила!

Глаза девушки расширились. Она приоткрыла рот и сделала неуловимое движение вперёд. Ну наконец-то. Доехала. Винсент галантно сделал шагок в сторону, открывая путь. Так, теперь нужно напомнить ей о Печати, которая с ней, а то с её головкой она уже, наверное, сто лет назад забыла...

Хизер по-прежнему смотрела дальше него, глаза уходили за плечи. Что за... Винсент почувствовал неладное слишком поздно. Не успел даже повернуть головы, чтобы увидеть, что там происходит такое, что девушка чуть ли не в обмороке.

- Отправляйся в ад!

Крик эхом завис между колоннами. Нож вонзился в спину чуть слева и застрял в рёбрах. Клаудия надавила на рукоятку ещё раз, немного повернув, и наточенное лезвие свободно вошло в плоть. Винсент издал хрипящий звук, пытаясь извернуться и схватиться рукой за нож, чтобы вытащить. Не получалось. Слишком далеко... А церковь вокруг между тем теряла цвета, превращаясь в смазанное скопление серых и белых оттенков, совсем как кино на старой плёнке. В какой-то момент Винсент понял, что он уже не на ногах, а лежит на полу, вытянувшись во всю длину, и под ним что-то мокрое и тёплое...

- Что ты наделала?! – закричала Хизер. Винсент растянулся на луже крови, заходясь в дрожи, охватившей тело, потом сник. Очки, треснувшие при падении, свалились за затылок.

Он мёртв!

Мысль доходила с трудом, словно пробиралась через заросли терновников. Человек, который только что с горящими глазами стоял перед ней и приказывал убить, убить, убить, был мёртв сам.

- О, ничего особенного, - усмехнулась Клаудия, вытирая кровь с лезвия большого ритуального ножа. Откуда только она успела его достать? – Только то, что нужно.

Хизер оторвала взгляд от Винсента и посмотрела на неё. Клаудия будто ничего и не сделала. Стояла такая же невозмутимая, в своём глухом чёрном платье, и с интересом изучала её реакцию. Хизер опять посмотрела на Винсента, на неё. Время текло, как на замедленной плёнке.

- Ты не пытаешься бежать? – спросила Клаудия. Скорее констатировала, чем вопрошала.

Куда бежать? В приют ржавых лопастей? Хизер оглядела молельню и не заметила других входов-выходов, кроме той, через которую она пришла. Правда, перед алтарём (или что у них там), где горели свечи, на полу располагалась обширная овальная дыра, зияющая, как могильная яма, но это всяко не был выход, а чёрт знает что.

- Кажется, это конец, - подытожила Хизер. Собственные слова заставили её дрогнуть, прозвучав, как эпитафия над могилой. Её могилой.

Клаудии это изречение явно пришлось не по душе.

- Ничего ещё и не начиналось, - горячо возразила она. – Винсент сказал: «Время пришло», и в этом он был прав. Алесса, - голос опять стал мягким и просящим, она опустила свой нож и на секунду стала живым человеком, а не глухонемой машиной, выплёвывающей странные речи, - мне жаль, что ты так и не приняла своё предназначение. Но я благодарна тебе за то, что ты лелеяла Бога ненавистью сердца. Пришло время человечеству освободиться от оков греха, которые опутали его. И ты станешь той, которая подарит ему это благословение.

- Но Бог, выращенный ненавистью, никогда не создаст Рай! – выкрикнула Хизер. Она не надеялась отговорить эту безумную женщину, но... нужно было сказать ей, что она думает, а не безропотно воспринимать её проповеди.

- Счастливые иногда бывают такими жестокими, - Клаудия горько вздохнула. – Тебе ли это не знать, Алесса? Тяжело поверить, что счастье может брать свои корни из боли? Почему ты так рьяно цепляешься за этот несправедливый мир? Ты же знаешь, избавить тебя от страданий может только Бог, которого ты родишь.

Хизер вспомнила маленькую Клаудию, хнычущую у неё на руке, и красный бубновый туз, который она сжимала в мокрой ладони. Она проиграла, и это было несправедливо, потому что Клаудия никогда не умела играть в отличие от Алессы, берущей в руки колоду каждый день. Несправедливость. И те туманы, которые отвешивал ей отец каждый раз, когда ему вздумается – так, ни за что. Слепота мира окружала девочек с первых минут жизни, и каждая из них нашла свой путь избавиться от неё. Одна создала свой мир и ушла в неё, погрузив город в белесый ночной туман. Другая уверовала в нелепого рафинированного Бога, который когда-нибудь явится в её дом и поставит всех на место. Как они похожи, Алесса и Клаудия...

Но только дороги обеих были обгажены кровью. Прежде всего – кровью её отца. Её, Хизер, отца. Кровью, которая требовала мести.

- И тебя Он тоже спасёт? – спросила Хизер, почему-то улыбаясь. – И меня спасёт? Счастливый конец, да?

Она живо представила, как всё примерно это будет выглядеть, и бросила – уверенно и жёстко:

- Уж лучше я пойду в ад.

Клаудия помрачнела; кажется, она вовсе не услышала её последнее предложение. Руки было задрожали, но она остановила их одним властным усилием. Но Хизер почувствовала, как не имеющая брешей защита жрицы дала трещину и из-под покрова веры выглянули страх и заплесневелое отчаяние.

- Нет, Он меня не спасёт, - Клаудия говорила мёртвым ватным голосом; слепая вера сошла с её тона. – Но это неважно. Алесса, дорогая...

Она воздела руки к ней, и Хизер отшатнулась. Посмотрев на лицо Клаудии, она с удивлением заметила на её глазах набухающие капли слезинок.

- За те страдания, что я причинила тебе, я не хочу милости. Даже если я действовала во имя спасения человечества, это не оправдывает те грехи, которые лежат на моей душе.

Клаудия замолчала, уставившись в ржавый пол церкви. Хизер не находила, что говорить и что делать. Вроде бы она зря теряет время на беседу с Клаудией, в то время как момент рождения Бога неотвратимо приближается. Когда она вспомнила отца, внутри живота прокатилась горькая волна, заставившая её чуть согнуться. Так что делать? Что?!

- Я посмела взять на себя самонадеянность приблизить день Его прихода, - Клаудия говорила сама с собой, отрешённая от всего. – Все жертвы, которые я поднесла для этого... они мои грехи.

Где-то далеко над молельней гулко ударил колокол. Один раз. Только один, но обе женщины почувствовали: началось. И в душу обеих закрался страх перед неизвестным.

Клаудия хотела что-то сказать, но тут – невероятно – Винсент, умерший несколько минут назад, вдруг ожил и разлепил засохшие губы, выдув красную пузырь, лопнувшую с омерзительным хлюпаньем:

- Если ты... виновата... то почему бы тебе не пойти в свой пресловутый ад?

Губы Винсента скривились в гримасе боли. Из-за этого создавалось жуткое впечатление, что он озорно улыбается сквозь окровавленные зубы. Глаза были полуприкрыты и смотрели вверх, где стояла ни живая ни мёртвая Хизер.

- Хизер... Печать... Используй Печать!

Печать!

Хизер засунула руку в карман, безоговорочно подчиняясь вырывающемуся из губ Винсента команде. Сначала она подумала, что где-то просеяла драгоценный реквизит. Пальцы опускались глубже в карман, ещё... пусто... нет, вот краешек диска. Лежит на месте. Хизер вытащила печать и с замешательством посмотрела на нарисованный красный треугольник. Ничего не происходило. Но это не помешало Клаудии ахнуть:

- Печать Метатрона?

На этот раз Винсент рассмеялся по-настоящему, забивая кулаками по полу:

- Конеч... твоим глупым... мечтам!

Он зашёлся в кашле, изо рта вытекла струйка крови. Винсент замолчал и закрыл глаза полностью, плотно сжимая губы. Но кровь всё шла и шла, наполняя рот...

Хизер протянула ладонь вперёд, давая свободу силе Печати. Давай, действуй! Она так хотела этого, что ей показалось, будто диск действительно засверкал на ладони всеми цветами радуги. Но это был только обман зрения от отражений свеч. Диск лежал в руке мёртвым бесполезным грузом. Клаудия уже оправилась от неожиданности:

- Ой, да это же просто какой-то мусор, и всё. Что, по-твоему, можно им сделать?.. Мой отец всегда верил во всякую чушь, хоть и считал себя главным верующим. Ты набрался своих нелепых предрассудков от него, не так ли, Винсент? Думал, что этим можно убить Бога?

Винсент вновь поднял веки и потрясённо уставился на Клаудию. Остекленевшие от боли зелёные глаза извергали бессильную ярость и недоумение. Он выплюнул вместе с брызгами крови последнее слово:

- Что?!

Не может быть, это ошибка, какого чёрта, так было написано в той книге, Печать...

Клаудия присела около него на корточки. Теперь он видел её ненавистное лицо, которое белело прямо над ним. И он ничего не мог делать, не мог даже пошевелить пальцами. Контур лица расплзались в нечёткое пятно.

- Ты жалок, Винсент, - Клаудия схватилась за рукоятку ножа обеими руками и подняла высоко над собой. Но Винсент этого не видел. Он не мог отвести взгляда с её лица. Дыхание участилось – у раненого начиналась агония. И короткий взмах ножа милосердно сократил последние минуты боли.

Вечно жить не получилось...

Когда Винсент затих окончательно, до хруста позвонков запрокинув голову назад, Клаудия тяжело встала с колен. Нож остался торчать из груди бывшего священника культа Тихого Холма. Склонив голову над его бранным телом, она едва слышно прошептала:

- Но Бог любит даже тебя.

Взгляд женщины беспорядочно метался по стенам молельни – от стен к алтарю, от алтаря к потолку. Наконец, он остановился на побледневшей девушке. Та уже едва стояла на ногах, сгибаясь пополам от нарастающей заключительной боли в животе. Глаза, удивлённые и неверящие, смотрели на жрицу. Страх и ненависть. Как раз то, что сейчас нужно. Клаудия мягко улыбнулась ей:

- Теперь, Алесса, больше некуда бежать.

Диск из слоновой кости выскользнул из слабеющих пальцев и со стуком покатился куда-то в угол.

Глава 25

На куполе церкви колокол ударил второй раз, и этот гулкий звук взорвал молельню брызгами крови. Хизер не сдержалась и закричала в голос, когда её глаза залила дымящаяся кровавая пелена, а в ушах зазвенело приближающееся горловое пение. Сотни голосов сливались в один подобно тому, как дождевые капли образуют хлещущий ливень. Хизер узнала, что это за песнь... теперь знала. Древняя молитва во имя воскрешения Бога, в хвалу Его деяниям и во славу Богоматери, подарившей свою жизнь Богу.

Время пришло.

- Нет! – закричала она, протестуя, требуя, умоляя отдать ей ещё немного времени. – Нет...

- Признай это, Алесса, - Клаудию она не видела, хотя та стояла совсем рядом. – Просто признай, и боль исчезнет.

Чужие когтистые пальцы впились в живот изнутри, раздирая внутренние органы, чтобы пробить себе путь наружу. Хизер упала на колени, схватилась за живот и мучительно застонала. В желудке словно бурлил свежесваренный кипяток, и оттуда он растекался по жилам. *Пройди! Это всегда проходило... ну же!* Боль не стихала. Существо в животе увеличивалось, раскрывалось, как коронка макового цветка, вбирая в себя её жизненные силы. Хизер качнулась, стоя на коленях, и стала валиться вперёд, на пол. Неимоверным усилием она выбросила окаменевшие руки вперёд и опёрлась ими о пол. Она увидела, что кожа на кисти идёт уродливыми шевелящимися буграми, постепенная приобретая цвет заката в красной пустыне. Из человеческой плоти рука трансформировалась в нечто склизкое и кровавое, то, что произрастало не от мира сего.

- Как долго я ждала! – Клаудия плакала и смеялась одновременно; голос скреб по барабанным перепонкам, вызывая дополнительную боль. – С самого детства я знала, что этот день наступит!

Заткнись! – захотела крикнуть Хизер, но вместо этого утробно кашлянула, как человек, которого вот-вот вырвет. Гортань горела от сухости, превратившись в папиросную бумагу. Она кашлянула ещё раз, с ужасом почувствовав повторное шевеление в животе. Кто-то долбил изнутри отбойным молотком, и ошметки мяса летели во все стороны.

Впадины между пальцами сглаживались, контуры таяли, как шоколад летним днём. И что-то ещё... что-то болталось над тем, что раньше было её рукой, двигалось назад-

вперёд, мешая смотреть. Круглый серебристый шарик, висящий на тонкой цепочке. Что это? У неё никогда...

- Знала, что я увижу этот день – Судный День!

... а сознание стремительно угасало, и Хизер уже начала терять возможность соображать. Гортанный мотив проникал в душу, бил над ней неугасающим барабанным боем; глас тысяч верующих, отдающих себя неведомому Богу и поющих Ему восхваления. Они достигли своей цели. Бог слышал их молитвы, запертый в своей темнице. Он жаждал скорее разнести стены тюрьмы в клочья и выйти навстречу тем, то Его ждал снаружи. Тем, кто пел Ему песни.

Блики от фарфорового шара слепили, доводя до исступления. Да, она вспомнила, ведь этот шарик всегда висел на её груди, безделушка, подаренная на день рождения отцом, когда мир ещё стоял на месте, а они сидели за праздничным столом и смеялись, потом она ночью раскрыла шар и нашла внутри... что-то...

Кисть прилипла к полу, как размазанный пластилин. Хизер старалась поднять руку, ожидая вот-вот услышать треск ломающихся костей. Наконец ей удалось отлепить руку от горячего пола, невзирая на пульсирующую боль. Там, где раньше была сетка линий на ладони, теперь осталось сплошное красное пятно. Она сжала руками белый шар, мозолящий глаза, и тут же рука снова упала вниз, обретя тяжесть гранитной плиты. Цепь, накинутая на шею, оборвалась с дразнящим звоном. На обратной стороне шеи, там, где цепочка впиалась в кожу, проступила кровь.

Ревущая над ушами песня вдруг спала и начала отдаляться вновь с потрясающей быстротой. По мере того, как молитвы верующих стихали, существо в Хизер шевелилось всё меньше и меньше. Тысячи голосов стали сотней, потом сократились до одного еле слышного писка. Хизер в какой-то момент осознала, что в молельне воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь её прерывистым дыханием. Клаудия настороженно молчала, глядя на то, как судороги девушки сошли на нет. Хизер стояла на четвереньках, сжимая кулон до побеления кончиков пальцев... и кисть у неё была такой же, как прежде. Здоровая человеческая рука вместо расплавленного пластилина. В желудке нечто дёрнулось в последний раз, вызвав острую изжогу.

- Алесса? – Клаудия сделала шаг вперёд, не сводя глаз с поднимающейся на ноги Хизер. – Ты...

- Заткнись, сука, - отрезала Хизер, переводя взгляд на то, что сейчас покоилось на ладони. Серебристые узоры на белом фарфоре, а внутри...

Этот камень - он очень необычный. Считается, что он приносит удачу и помогает защититься от злых духов.

Она нажала кончиком ногтей на углубление, раскрывая шар. Красный камень, спрятанный внутри, потерял овальную форму и расплавился, как смола в жаркий день. Глубокий багровый цвет, точно кровь.

Слова отца. Вот что заставило её схватиться за камень, как утопающий за соломинку. Отец никогда ничего не говорил просто так, и если он сказал, что камень сможет её защитить, значит, так оно и есть. Хизер не имела понятия, откуда отец достал камень... но он предусмотрел всё. Вплоть до конца.

Красный камень продолжал деформироваться, и он был похож уже на жидкость, колыхающуюся в фарфоровой полочаше. На красное вино, которое гости потягивают из бокалов на вечеринках.

Может, именно этот камень помог отцу победить в его битве с Богом? Кроваво-красный самородок... то есть уже жидкость. Иначе откуда отец мог знать? Всё могло быть. Но ясно одно – он очень постарался, чтобы раздобыть подарок к её пятнадцатилетию. Отец всё время был готов к тому, что произойдёт. Господи, каково ему было все эти годы жить под дулом пистолета, чувствуя за спиной дыхание Тихого Холма? Хизер бы не смогла.

- Папа... – прошептала она, поднося чашу к губам. Тягучая жидкость вливалась в рот и вязко спускалась по горлу. На вкус она ничем особенным не отличалась... как будто глотаешь порцию касторки. Хизер слизнула остатки бывшей драгоценности со дна полушара и подняла глаза к Клаудии, недоумевающе наблюдавшей за действием. Её охватило умиротворение и ощущение выполненного долга, почти счастье. Это продолжалось ровно до того момента, пока странная жидкость не добралась до желудка, туда, где прятался готовящийся к рождению Бог. Неизвестно, чем красные струи не угодили божеству, но он тут же забился в чреве испуганным младенцем, отползая в сторону. Это вылилось для Хизер в новую волну непереносимой боли. Она снова повалилась на землю, исходя в крике, и живот снова распухал под давлением изнутри. Всё пришло в движение, замелькало и заметалось. Она со стоном поднесла руку к лицу и увидела там бугры и красные полосы. Всё было так же, как раньше, если не хуже, за исключением...

- Он почти здесь! – провозгласила Клаудия, отходя назад, вся такая сияющая.

Голосов не было.

Никто не пришёл приветствовать Бога, даруя Ему силу своей веры. Бог испуганно толкал себя вверх, убегая от жидкости, делающей Ему больно, но не слышал посвящённых Ему молитв, за счёт которых должен был получить могущество. Хизер вдруг заулыбалась, корчась на полу рядом с телом Винсента. Теперь, если даже рождение произойдёт... то Бога на это земле ждёт небольшой сюрприз.

- Алесса! – почувяв, что дело не ладится, Клаудия бросилась вперёд. – Алесса!.. Что это? Что ты проглотила?! Это... это аглаофотис? Скажи мне!

Да, ведьма, подумала Хизер, чувствуя, как что-то поползло вверх по горлу, забивая грудь и мешая дышать. Это аглаофотис, и вообще всё, чего ты когда-либо боялась. Теперь вашему Богу не видать... Мысль оборвалась, и Хизер зашлась в приступе жесточайшего кашля, медленно, по миллиметру выталкивающего вверх живое тело, шевелящееся в ней. Вверх, вверх и вверх... оно добралось до языка, полностью перекрыв воздух. Хизер сделала последнее усилие, выгнув диафрагму, и красное тельце, покрытое блестящим слоем слизи, вылетело наружу, заполнив её рот, просачиваясь сквозь зубы. Совсем небольшое – размером с незрелую дыню, но оно увеличивалось на глазах – развёртывалось, как тугий клубок ядовитых змей. Минутой позже оно бы просто порвало ей глотку...

- Что это? – голос Клаудии дрожал; в нём слышались нотки отвращения. – Что... это?!

Бугры на руке сгладились, вены, вспухшие узлами, снова стали едва видимыми зеленоватыми ниточками. Нещадно саднило повреждённое горло, но это уже были мелочи. Хизер поднялась с пола и посмотрела на то, что вышло из её чрева. Грязный, сморщённый кусок плоти топорщился на полу, лихорадочно забиваясь в угасающем ритме. Рост прекратился; зародыш умирал. Пол вокруг растекался черной кровью. Семнадцать лет, и Алесса Гиллеспи снова родила зачатого в ней Бога. Правда, Бог получился совсем не таким, каким Его все представляли. Хизер усмехнулась, глядя на недоумевающую Клаудию:

- Похоже, Бога не вышло.

Она сделала шаг вперёд, не отрывая взгляда от багрового противного комочка, ставшего причиной всех её бед. Обрубок плоти задёргался сильнее, будто угадал её намерения. Хизер подошла вплотную, занесла ногу, чтобы сделать последнее движение, которое поставит точку в кошмаре.

- Стой!

Клаудия оказалась рядом, откуда ни возьмись. Поджав губы, Хизер опустила ногу, но Клаудия опередила её, оттолкнув со всей силы, не давая убить Бога. Потеряв равновесие, Хизер замахала руками и произвольно сделала несколько шагов назад. Она

опоздала; Клаудия уже с трепетом брала в руки зародыш. Губы беззвучно шевельнулись, выдав:

- Это Бог!..

Всё ближе к лицу, и вот уже скользкая масса касается её губ...

- Клаудия! – в ужасе закричала Хизер, не в силах двинуться с места. – Не надо!

Поздно. Она уже заглатывала зародыш, который ожил и проворно втекал в рот, издавая чавкающий звук. Клаудия запрокинула голову, закрыла глаза; по подбородку потекли струйки крови, запятнавшие чёрное платье. Чья это была кровь? Её? Его? Глаза выпучились и вылезли из орбит. Хизер закрыла глаза, чтобы не видеть жуткое зрелище. Но чавканье продолжалось. Клаудия Вульф принимала последнюю трапезу в своей жизни.

Чавканье прекратилось. Открыв глаза, Хизер увидела, что в облике жрицы произошли серьёзные изменения. Все поры кожи раскрылись и чернели миллионами овалов, из которых вытекала кровь. Клаудия смотрела прямо на неё; лицо напоминало сито, через которое просеивают муку. Губы растянулись в счастливой улыбке, глаза застыли сваренным белком. Не шевеля ни единым членом, Клаудия хрипло выдавила:

- Если ты... Алесса... ты не сможешь убить Бога... если ты не хочешь Его родить, то это сделаю я-а-а-а!

Она бессвязно закричала, обращаясь в ржавый купол над головой, и поперёк лица пробежала багровая полоса, захватывающая тело – глаза... рот... волосы... К величайшему облегчению Хизер, Клаудия отвернулась от неё и побрела прочь, к алтарю, пошатываясь из стороны в сторону. Тело под платьем распирало, как чрезмерно надутый волшебный шарик. Тугая ткань треснула в нескольких местах, и из дыр закапала чёрная жидкость.

Господи! Как...

Клаудия упала на колени. Прямо перед ней зияла продолговатая дыра, дно которой было покрыто мраком. До этого момента Хизер как-то не задумывалась, почему дыра находится в столь неподходящем месте, у главного алтаря церкви... Клаудия подняла руки перед собой, широко раскинув в стороны, и прокричала:

- О, Господь!

Слова выплеснулись вместе с галлонами крови, и женщина начала падать вниз, лицом в отверстие. Но так и не успела – стены содрогнулись, будто от мощного удара кувалдой, и из глубин дыры молниеносно выскочило существо без малого восьми футов ростом, старый добрый знакомец с пупырчатой головой. Мгновением позже твари уже не было в молельне, как и Клаудии Вульф. Осталась лишь дыра, края которой потрескались и вмялись внутрь. Над чёрным провалом поднимался сизый дымок.

Оставшись одна, Хизер колебалась недолго. Она подошла к самому краю дыры и заглянула вниз. Там царил темнота, в которой раздавались странные рвущиеся звуки. Что бы ни происходило, место Хизер было там. И нигде больше. Она вобрала в лёгкие побольше воздуха, качнулась над пропастью (сухожилия ног предательски дрогнули) и прыгнула. Яркий свет умчался наверх. Тьма сомкнулась вокруг Хизер.

Глава 26

На этот раз она оказалась словно в центре ядерного взрыва, поглотившего всё вокруг палящим маленьким солнцем – в самом эпицентре. Она приземлилась на нечто рыхлое, кочковатое и мягкое, но ей всё казалось, что она продолжает лететь вниз в крошечный мрак, пронизывая тело копьями пустоты. Но постепенно головокружение, превращающее всё вокруг в хаотический калейдоскоп, прошло: глаза вновь начали видеть, уши – слышать, кожа – осязать. Хизер лежала лицом вниз, неуклюже раскинув руки в стороны, а над нею шипело, варилось, грохотало нечто, вливающее в душу коросту инея. Это мог быть некий космический процесс, искривляющий пространство и время, меняющий основы основ природы и провозглашающий что-то невообразимое. Или этот мог быть Бог, проснувшийся от не вечного сна.

Хизер подняла голову, и в её глазах отразился оранжевый отблеск бушующего впереди действия. Всё рассеивалось, теряло углы и менялось, словно она смотрела сквозь очки с запотевшими стёклами. Единственное, что Хизер смогла увидеть чётко – разошедшееся по швам чёрное платье, лежащее в трёх шагах впереди. Измазанное в крови и в какой-то слизи. Покинутый кокон, служивший обителью для божества.

Не может быть! Я... я сама должна была убить её!

Платье Клаудии лежало недвижно. Хизер посмотрела дальше – туда, где становилось на ноги исполинское создание. Свет бил в глаза, но она различила, как по телу существа судорожно карабкается вверх нечто пупырчатоголоное, отдалённо напоминающее человека, но тем не менее им не являющееся. Оно добралось до головы новорождённого Бога и укрыло Его лицо ниспадающей с потолка ширмой. Как ребёнок, бережно закрывающий глаза умершей матери... Уловив взгляд Хизер, Пупырчатоголовый обернулся и посмотрел на неё сверху вниз вдавленными внутрь глазами, потрясывая обгоревшей рясой. Смотрел без всякого интереса, как на вещь, которая использована и должна быть выброшена. Их взгляды пересеклись, и в этот короткий момент Хизер поняла многое... почти всё. Почему это существо неслышно сопровождало её с самого начала кошмара. Почему оно помогало ей, подкидывая то радиоприёмник, то фонарь. Проводник Бога в грешный мир, рука, качающая Его колыбель, ангел-хранитель Богоматери, Валтиель отвернулся от неё и спрыгнул вниз с плеча Бога, не переставая трясти бугристой головой. И тьма, скопившаяся у ног Бога, поглотило его, забрало в ещё один цикл небытия, из которого день назад его вырвал зародыш, шевельнувшийся в чреве Хизер. Его предназначение было выполнено. Бог увидел свет.

Сколько раз он спасал меня? – обречённо подумала Хизер. Сколько раз я умирала, а он возрождал меня, не давая умереть Богу вместе со мной? А я-то думала, почему мне так везёт...

Она умирала. Не раз. И даже не два. Срывалась вниз с поломанной лестницы и сворачивала себе шею, попадала под колёса поезда, мчащегося по ночным рельсам, находила мучительную смерть в пасти монстра. Но потом... когда всё было кончено, истерзанное, бездыханное тело забирало к себе пупырчатоголоное создание, наречённое ангелом Валтиелем. Оно вращало красные вентиля – их скрип поворачивал время вспять, туда, где напуганная, измученная, но ещё живая Богоматерь заглядывала в глаза собственной смерти. И всё повторялось вновь, оборот за оборотом, словно кто-то всемогущий нажимал кнопку «Продолжить» на своём всемогущем пульте, пока... пока Хизер не оставалась в живых и не находила в себе силы продолжать путь.

Откровение ужасало. Тошнота накатила вновь, заставив глаза кислыми слезами. Хизер закричала, и был свет, и была тьма, и была она сама, застрявшая между небом и землёй, упавшая на колени перед Богом, набирающим силу. Опять, как давеча: не было ни красной пелены, ни боли. Осталось только опустошение, абсолютный вакуум, разрывающий изнутри. Хизер медленно подняла голову и посмотрела на Бога.

В иконах и стенописях Создателя изображали громадной неясной фигурой, источающей белое сияние, и Он возвышался над всем миром, попирая планету; вокруг головы Его сиял золотой нимб. Ничего из этого здесь не было. А была – тварь, шатающаяся на костяных ногах, которые не держали уродливое, непропорционально большое туловище. Нижние рёбра торчали сквозь плоть; мясо цвета дорожной пыли то и дело отрывалось от гнилых мышц и со шлепком падало на мягкий пол, очерченный кругом. Через центр пола, пересекая круг, проходили тысячи прямых. Длинные руки доходили до колен и кончались подобием кисти. Между пальцами капало что-то прозрачное, напоминающее слюну. Лицо существа всё ещё было скрыто за ширмой.

ЭТО Бог?

Хизер почувствовала, как её воротит при виде до ужаса неправильного существа, семнадцать лет спавшего в её нутре. Но это было ещё не всё. Голова, которая пряталась за ширмой, дрогнула, заставив толстую ткань шелохнуться. Она поняла – сейчас Он обнажит

лицо... и она встретится лицом к лицу с худшим из тварей, уготованных для неё этим городом. Тонкая рваная шея качнулась вперёд, вытаскивая голову из-за занавески. Пренеприятный рвущийся звук... и на неё взглянули серые, мутные, рыбы глаза, два чёрных провала, плавающие в бесцветной жиже. Бог озирал свою колыбель хмурым хищным взглядом. В Его глазах не было ничего, кроме животного желания утолить голод, рвать на куски и убивать. Он не собирался освобождать человечество от пут греха. Не собирался ниспослать на землю вечный Рай. Он пришёл, чтобы... разрушать.

Поблуждав по каморке, глаза остановились на перепуганной, борющейся с тошнотой девушке, которая стояла на коленях перед Ним. Они смотрели друг на друга, и постепенно во взгляде обоих прорезывались ненависть и гнев. Лицо Бога чем-то напоминало Алессу – такие же спутанные чёрные волосы, такой же овал лица... Почему так получилось? Почему Бог обрёл черты той девочки, в которую Он вселился двадцать четыре года назад? Может, страстная мечта Клаудии, её желание видеть свою «сестричку» прислужницей Господа повлияли на Его облик в момент рождения? Хизер не знала. Она только видела, что голова Бога являет собой гротескное подобие Алессиново – кроме глаз. И по мере того, как в этих глазах назревала ненависть, её страх тоже начал уступать место ярости и стыду. Почему она стоит перед Ним на коленях, признавая Его власть? Почему ничего не предпринимает в свою защиту – не делает ничего, чтобы отомстить за отца? Почему?..

Додумать она не успела. Бог задрал голову к потолку и издал утробный хрюкающий звук – точь-в-точь свинья, плещущаяся посреди дорожной лужи – и сделал неувловимое, но быстрое движение правой рукой. Слизь, капающая с Его пальцев, вспыхнула синим пламенем. Горючие капли устремились вниз, играя в догонялки друг с другом. Там, где они коснулись рыхлого пола, один за другим вставали, как воины на поле боя, мощные оранжевые языки, ползущие к Хизер.

Огонь!

Хизер вскочила, хотела отбежать подальше от жара змеящейся к ней пламени, но споткнулась и упала навзничь, больно ушибив позвоночник. Лицо перекосилось, а в голове мелькнула отчаянная мысль: *Ну почему всегда так?* Краем глаза она видела огонь (уже совсем близко), пожирающий ровное место. Слишком поздно. Кое-как опираясь на колени, она поползла прочь, сдирая в кровь локти. Но пламя было быстрее, и в какой-то момент всё стало белым-бело... Полыхнула волна невыразимой боли, прокатившаяся по телу – огонь добрался до её ног.

Боль, как ничто другое, дала понять Хизер, что она может умереть здесь, у самого финала, и все перенесённые ей и отцом страдания пропадут напрасно. На этот раз никто не подойдёт к коченеющему телу, чтобы вдохнуть в него новую жизнь. Пупырчатоголовый ангел сгинул, красные вентили застыли навечно. Теперь всё зависело от неё самой.

Огонь погас, прошипев напоследок резиной подошв. Хорошо, что Хизер не носила колготок, иначе ткань могла бы заняться. *Надо быть внимательней к гардеробу впредь*, истерично подумала она, пытаясь встать на обожжённые ноги. Бог снисходительно наблюдал за мелкой букашкой, ползающей у Его ног. Потом он лениво качнул рукой, стряхивая новые комья всеочищающего огня. Видя это, Хизер закричала во весь голос и наконец смогла выпрямиться.

Нет, только не СНОВА!

Языки огня жадно вставали один за другим, выстраиваясь в ровную стену и дружно держа путь к ней. Странно, но они не оставляли следов на полу – он не обугливался. Но жар был реален. Хромая, Хизер побежала прочь, стиснув зубы. Далеко убежать не смогла – упёрлась в вертикальную стену без дверей и лестниц. Она развернулась. Огонь съёживался, становился меньше с пройденным расстоянием. Выждав, пока он приблизится на расстояние пяти-шести футов, Хизер бросилась в противоположный угол. Огонь резко свернул за ней, но, пройдя половину пути, выдохся, превратился в чёрный дым, отдающий копотью.

Вот так! Хизер перевела дух, вдыхая горячий воздух. Теперь нужно было делать ответную атаку, не дожидаясь очередной порции пламени. *Никогда не жди, когда на тебя нападут первым, раз уж угораздило влезть в потасовку.* Слова миссис Кабуто. Её медный тон.

Последний патрон. Хизер не любила вестерны. Трясущимися пальцами она выудила пистолет из кармана. Бог дёрнулся на своём постаменте, выказывая волнение. И шевельнул рукой, отправляя в недолгое путешествие пышущие огнём капли. Шевельнул другой рукой, потом обеими. Чтобы наверняка...

Повторить четвёртый раз Он не смог, потому что в Его оголённый, торчащий белым мрамором позвоночник угодила пуля девятого калибра и разворошила на части. Недаром Хизер в своё время получала похвалу от инструктора. Бог качнулся вперёд всей тушей, потеряв равновесие, и начал валиться на землю, посылая вслед Хизер всё новые и новые потоки огня.

Отшвырнув в сторону пустой пистолет, Хизер попятилась назад. Огонь шёл к ней несколькими рядами, как зубы акулы. Взметающиеся вверх пики пели древнюю песню войны. Посреди полыхающей стихии Хизер видела лицо Бога, неуязвимое, не получающее ранений от лижущих щёки красных языков. Он улыбался, опираясь на передние конечности, смотря ей в глаза. Хизер бросило в жар и холод.

Где-то я это уже видела...

Она бросилась назад, оттягивая время, отлично зная, что всё напрасно. Пламя было слишком мощное. На сей раз оно не угасало, наоборот - взметалось выше с каждой секундой, уходя вширь и в высоту. Хизер прижалась спиной к стене и подобрала под себя обожжённые ноги. Дальше бежать некуда. На секунду вспомнилась былая черно-белая картина – шаль огня проглатывает стены погреба, оплавляя носки туфелек.

Жар. Треск, рев и восторженное уханье голодного духа пламени окружили её. Лицо Бога скрылось за ними. Трепещущий круг сомкнулся.

Всё. Хизер закрыла глаза. Кто знал, что так выйдет...

Барабанные перепонки ломило от могучего рева, который был рядом. Но сам огонь медлил, ходил кругами, разведывал, как осторожный хищник. Прошла секунда, ещё одна, в течение которой Хизер прочитала в уме все молитвы, которые знала. Молитвы, обращённые к истинному Всевышнему, а не этому уродливому существу, увидевшему свет в результате чьих-то фатальных заблуждений. Она просила Господа взять её к себе быстро и безболезненно, не обрекая на дополнительные муки.

Господь на небесах не услышал. Он не взял её к себе. Хизер продолжала стоять, вдыхая раскалённый воздух, и была жива. Огонь не смел к ней притрагиваться. Она чуть приподняла веки и опустила голову. Вот она, стихия цвета жаркого заката, переминающаяся у подошв. Вокруг ног – чёрный круг пола, сухой и холодный.

Не может быть...

Хизер увидела, как её правая нога поднялась, застыла в воздухе и неуверенно двинулась вперёд по воздуху, во власть огня. Пламя задрожало, словно на него налетел порыв злого горного ветра... и сгнуло. Сапожок твёрдо встал на пол, изрисованный сходящимися в одной точке прямыми. Ещё один шаг. Стена огня почтительно расступалась перед девушкой. Хизер почувствовала, как на её лице проступает улыбка. Нехорошая улыбка, не сулящая ничего хорошего тому, кто прятался за грядой огня.

Она пошла вперёд, прорезая чёрную борозду среди угасающего оранжевого луга. Медленнее, чем хотелось бы... Когда она увидела Бога и Его рыбы глаза, остановившиеся в безмолвном удивлении, её охватило торжество. *Да, тварь. Удивляйся, бойся, рвись пополам. Я жива и неподвластна твоим заклятьям.* Последние остовы пламени сиротливо запылали в углах.

Бог опирался на тонкие костлявые руки; голова находилась на уровне груди Хизер. Она сделала шаг к Нему, не вполне представляя, что будет дальше. Что она сможет Ему сделать? Не давая времени на размышления, Бог вдруг нелепо и проворно размахнулся

правой рукой и вlepил Хизер сильную пощечину – такую, что она кубарем отлетела в сторону, и рот её наполнился тягучей жидкостью. Удар на минуту вывел её из строя. Каморка потемнела, наполнилась зловещими силуэтами и тенями, снующими над ней. Усилием воли Хизер вытянула своё сознание из омута оцепенения. Рот был полон крови: то ли повреждена гортань, то ли она откусила себе щёку...

Бог с бессильной злобой наблюдал за тем, как девушка поднимается на ноги, сплёвывает кровавую массу и снова оборачивается к Нему. На этот раз – с непоколебимой решимостью. С гневом, который скопился за последние сутки в многотонный пороховой склад. И она сознательно подносила спичку к фитилю.

Тесная подземная комната вдруг ожила. Стены прогнулись наружу и заходили ходуном. Сверху что-то посыпалось – наверное, пыль, отслоившаяся от старых стен при тряске. Пыль запорашивала глаза, выбивая слёзы, но Хизер ступала вперёд, не останавливаясь, не отрывая взгляда от глазниц Бога, гипнотизируя Его, не давая высвободиться от опутывающих невидимых ниточек. Бог сначала был неподвижен, потом вдруг забился на месте, завертелся волчком, но так и не смог отвести глаза от Хизер. Поздно.

Тень от колыхающихся штор на стене. Карты, осыпавшиеся по полу. Альбом-раскраска с забавным корявым человечком на обложке. Ручонка, указывающая на мутное черно-белое фото озера, голосок: «Что это?». Белое солнце на небе, руль от машины перед глазами и Мона, переползающая на её колени. Всё мчится с быстротой ракеты, картинки сменяют друг друга... но это приносит не боль, а странное, эйфорическое облегчение. Хизер продолжает улыбаться, и в мёртвых глазах лежащего Бога разгорается паника.

Три женщины. Три жизни, отравленные непрошеным гостём, поселившимся внутри них. Алесса. Шерил. И Хизер. В какой-то момент она осознала, что больше не одна в решающем поединке. Единые в одном лице и в одном времени, они пронзали стрелами своих проклятий существо, бьющееся в судорогах перед ними, того, кто был виной кошмару длиной в двадцать четыре года. Бог взвыл; капли огня срывались с кончиков пальцев, но тухли, не долетая до пола. Он попытался дотянуться до них, сбить с ног, но не сумел даже сделать маленькое шевеление. Его кожа посинела, пожухла, белеющие кости наполнились иссушёнными порами. С хрустом переломился позвоночник. Бог ничком упал вниз, ткнулся лицом в круг, втягивающий в себя мириады линий. На полу растеклась лужа стылой крови.

Получай!..

Как армия ночных светлячков, линии, пересекающие круг, засияли зелёным огнём и подались вверх огненными струнами. Мгновение – и перед ней был уже не Бог, а комок адской плоти, ещё живой, но сжигаемый бушующим пламенем. Хизер пришлось податься назад, чтобы бешеный танец горячего воздуха не увлёк её саму. Бог, на глазах рассыпающийся в прах, вдруг перестал дёргаться в агонии и подался вперёд в последнем рывке. Чёрная, похожая на большой кусок золы, голова была совсем близко от неё... потом сгоревшие веки поднялись, крошась в пепел, чтобы Хизер смогла увидеть безумные жёлтые глаза, светящиеся необъяснимым глумливым торжеством. Длилось это какую-то долю мгновения – Бога втянул в себя огненный водоворот, и Хизер в последний раз увидела, как плавятся эти ужасные глаза, стекая яичным желтком. Пламя вспыхнуло, как лампа фотоаппарата.

Бог Тихого Холма перестал существовать.

Ещё некоторое время бесновался огонь, но даже его мощь постепенно сошла на нет без источника своих сил. Он исчез так же внезапно, как появился. Хизер, тяжело дыша, смотрела на арену, где лежало что-то обугленное, бесформенное, большое. Перед глазами двоилось.

Спотыкаясь, она подошла к тому, что было Богом. Останки не шевелились. Хизер осторожно поддела их ногой. Под подошвами взвился горячий прах. Тогда она закусила

губу и со всей силы пнула сгоревшее тело. За Алессу. Ещё раз, расколов останки пополам – за Шерил. Ещё раз – за все те слёзы, что пришлось на её удел. И из последних сил, почти падая от изнеможения, Хизер пнула мёртвое божество за отца. Пепел питался в воздух, разлетелся по всей каморке.

- Это всё? – спросила Хизер, отступая назад. Не верилось, что всё кончилось, что теперь всё будет хорошо и она сможет продолжать жизнь. Но... вот же поверженный враг, перед ней, почерневший и безмолвный. Больше он не встанет. Не вернуться Богу к человечеству, которое, хоть и грешно, но как-нибудь само справится со своими грехами.

- Самое время для финальных титров, - рассеянно пробормотала Хизер. Некоторое время она стояла, глядя в одну точку и прислушиваясь к разившей её полной тишине, потом уголки губ задрожали и она упала на пол, задыхаясь в гулких рыданиях. Всё кончено. Всё ушло, оставив в душе пустой чёрный экран после тех самых титров. Как она могла думать, что всё будет хорошо? Как она только смела надеяться, что сможет жить, как ни в чём не бывало? Эта ночь забрала с собой всё, что было ей дорого... оставила одну в целом мире, воплотив в реальность худший страх детства. Жива, да, но окружена горами бездыханных тел. В семи шагах лежит рваным тряпьем то, что осталось от Клаудии. Она мечтала освободить весь мир от оков греха. Дюжиной футов выше на грязном полу молельни растянулся, широко раскрыв глаза в безмерном удивлении, Винсент, человек, который хотел провести всех. Где-то посреди сонных чашек карусели истекал кровью Дуглас. А за многими милями сонной дороги, на кровати с бирюзовыми лилиями на покрывале, покоился отец. Никто из них уже не мог радоваться или огорчиться её победе. Какова цена...

- Папа... – выдавила Хизер сквозь слёзы. Солнечное лето осталось позади, а впереди её ждала вечная зима со своими полярными ночами и протоптанными среди сугробов мёртвыми тропинками.

Я не смогу жить дальше... Зачем? Ведь всё уже...

Каморку нещадно затрясло, как трясёт корабль, попавший в шторм. Сверху посыпались лепестки огня, плавно пикирующие вниз. Там, где они ложились на пол, он расплывался, грязь и ржавчина исчезали. Лепестки множились, низвергаясь миллионами. Они осторожно обходили Хизер, разлетаясь в стороны. Она поняла: пора уходить. Мир, в котором сплелись фантазии Алессы и её собственные страхи, разрушался. И вот тесное помещение уже двоятся – то ли колыбель неудавшегося Бога, то ли простые деревянные стены церковного погреба.

Хизер встала, увидела лестницу, сделала несколько шагов. Дойдя до её подножия, она вдруг почувствовала чьё-то присутствие у себя за спиной. И обернулась – почти панически...

Бог исчез; как, впрочем, и вся арена. Зыбкий, меняющийся образ перед глазами растаял за считанные мгновения, не давая себя поймать... но этого хватило, чтобы у Хизер широко раскрылись глаза и она бросилась назад.

- Папа?!

Исчезло. Чем бы видение ни являлось, его здесь больше не было. Дождь горящих лепестков прекратился.

Глава 27

Сирены... Их звук преследовал его всю жизнь, сколько он себя помнил. Впервые он познакомился с ними года в три. У соседей была бабушка, пожилая старуха, которая, небось, помнила времена Гражданской войны. И однажды к ним в дом пожаловала красивая белая машина, надрываясь механическим воем, от которого у него пробежал холод по спине. Вскочив, он выбежал на улицу и увидел, как люди в белых халатах несут старуху к машине. Через минуту ни людей, ни машины, ни жуткого воя возле дома уже не было. Как и старухи. Она так и не вернулась.

С этого дня он начал побаиваться сирен. Годы проходили, а он не мог избавиться от глупого детского страха. В тот день, когда Дуглас Картланд решил, уже окончательно, стать детективом, он знал, на что идёт. Теперь ему приходилось общаться с ненавистными железными глотками гораздо чаще – почти каждую неделю. Постепенно это вошло в привычку. Страх не умер, но замолк.

Сейчас он опять слышал их – вой несущихся по улицам машин, возвещающих, что кому-то плохо. Беспреданное красно-синее мелькание приближалось.

«Папа?»

Из чёрного окна санитарной машины выглянуло лицо. Лицо сына, серьёзное, с взъерошенными волосами. Ричард.

«Ричард, я спешу. Сейчас не самое лучшее...»

«Конечно, пап. Я так и думал. Просто хотел повидаться».

«Прямо здесь? Прямо сейчас?»

Сирены взвивались до щекочущей слух высоты и опадали.

«Здесь. Сейчас. А что в этом такого?»

«Повторяю, Рич: я спешу. У меня срочные дела. Не мог позвонить заранее, предупредить?»

«Значит, не мог. Ладно, папа. Извини, что потревожил».

Вот тут-то его охватило неожиданное беспокойство.

«Ричард! Рич, постой. В чём дело?»

«Ничего особенного. Не волнуйся».

«Зачем ты приходил? Рич!.. Я спрашиваю!»

Пауза. Она была наполнена липкой пустотой.

«Извини, папа. Мне действительно не стоило приходить. Сам не знаю, что на меня нашло. Пока».

«Рич! Ричард!»

Тогда он не понял, что случилось, почему лицо сына такое бледное, а глаза бегают из стороны в сторону. Он узнал всё утром следующего дня, перелистывая сводки новостей за утренним кофе. Но теперь... он понял. Этим вечером Ричард совершит налёт на банк, но его убьют при попытке бегства. Он видел затылок сына, быстро уходящего прочь, красные и синие отблески, играющие на его волосах. Услышал звук сирен, затихающих вдали, и закричал во всё горло:

«Рич! Вернись!»

Сирены заревели с новой силой, вгрызаясь плётками в его нервы, пуская трещины по тонкому льду сновидения. Он пришёл в себя – очнулся от вязкого, желеобразного небытия. И увидел, что полулежит на скамеечке парка развлечений, нога ноет, и никакого Ричарда рядом не видно. Оно и понятно – ведь его нет уже давно, с тех дней, когда он не притрагивался к спиртному больше дозволенной меры. И волосы на голове тогда не выпадали. Ричарда нет. Он умер. Но кто-то был рядом, белел светлым пятном в темноте ночи. Девушка, поисками которой он был занят последнюю неделю и таки нашёл – день назад. С тех пор многое переменялось.

- Хизер... – Дуглас попытался улыбнуться. Она не ответила. Продолжала стоять на месте, пряча правую руку за спиной. Ему вдруг стало жутко. Сколько она так караулит, в безмолвии глядя на то, как он ворочается во сне?

- Всё кончено?

Спросив это, он скосил глаза в сторону. Налёт ржавчины пропал со стоек карусели, как и раздавленное чучело кролика. Луна отчётливо желтела меж звёзд. Туман уползал с города.

- Ещё нет, - Хизер покачала головой; на её лице было выражение, которое детектив всё не мог разобрать. Она подняла руку, вытащив кисть из-за спины. В ней что-то было, что-то железное и сверкающее при лунном свете... Хизер взялась за рукоятку ножа обеими руками:

- Пока ты жив...

Как... что... Парк потемнел в его глазах. Детектива пронял нечеловеческий страх – страх смерти, близкой, слишком близкой. Он в панике пощупал пустую кобуру на ремне... вспомнил, что сам отдал пистолет Хизер. Да если бы даже пистолет был... что он смог бы сделать ей? Рука безвольно упала на скамейку.

- Хизер... Не надо... Что ты делаешь?

Он хотел кричать, но губы едва шевелились, выдавливая неслышимый шёпот. А Хизер была уже у скамейки, и нож был высоко поднят, и в глазах девушки горели бесноватые огоньки. Дуглас перестал дышать. Он отчаянно старался закрыть глаза, чтобы не видеть её неотвратимое приближение, но не смог: темнота под веками была слишком страшна.

Она сделала выпад, и Дуглас услышал победный клич:

- *Трям!*

Он дёрнулся, зная, что никуда не убежит от лезвия. Хизер отступила на шаг назад, посмотрела на посеревшее лицо детектива и звонко рассмеялась:

- Просто шутка.

Понадобилась целая минута, чтобы Дуглас пришёл в себя. М-да, подумала Хизер, похоже, переборщила. Даже оправившись от потрясения, Картланд продолжал напряжённо всматриваться в её лицо, ожидая подвоха. Хизер виновато молчала. Увидев, что нож ещё в руке, она размахнулась и отшвырнула его прочь. Наконец Дуглас изрёк севшим голосом:

- У тебя ужасные вкусы.

- Да, я знаю, - она нарочито беззаботно махнула рукой. Дуглас слабо улыбнулся, и ей стало легче.

- Так всё кончено, Хизер?

- Да. Мы победили, - она даже удивилась, как твёрдо и красиво прозвучало это на её устах. Но раз так получается, то почему бы и нет? Дугласу совершенно необязательно знать об отчаянии и сомнениях, одолевавших её на протяжении обратной дороги в парк. Множество мыслей посетило за этот короткий срок её голову... о дальнейшей жизни, о верующих Тихого Холма, которые соберутся утром возле разрушенного святилища, о пустынных, но таких родных улицах городка... Но решающим обстоятельством, соломинкой, перетянувшей чашу весов, стал мимолётный образ отца, который посетил её после победы над Богом. В том, что это был отец, а не очередной мираж, Хизер не сомневалась. Она даже ощутила тепло его любви, на минутку заполнивший сырую комнату. Отец приходил, чтобы подбодрить её в трудную минуту. Неизвестно ещё, что было бы, если бы не это последнее свидание. Пусть недолгое, но возродившее в ней веру и стремление к жизни.

- И не называй меня Хизер, - сказала она. – Я больше не прячусь.

- Хочешь, чтобы я называл тебя, как прежде? – Дуглас нахмурился, пытаясь вспомнить свой первый разговор с Клаудией. – Как там было...

Пожалуй, тут нужно было детективу помочь.

- Шерил. Имя, которое дал мне отец при рождении.

Как только она приняла решение – спонтанно, ничего не планируя заранее, - на сердце стало легко и свободно. Что может быть логичнее, подумала она. Возвращение к истокам. Отец был бы горд её выбором. А «Хизер»... Что ж, ей никогда не нравилось это имя с ужасными уменьшительно-ласкательными.

- Шерил, - повторила она, обкатывая слово на языке. Ей понравилось, и она повторила. – Шерил.

- Ты цвет волос тоже вернёшь?

Хизер посмотрела на детектива – что он имеет в виду? Поняв вопрос, она весело рассмеялась:

- Ну не знаю. Тебе не кажется, что блондинкой быть как-то интереснее?

- Хм... – Дуглас почесал затылок. – Может, ты и права. Откуда мне-то знать?

Он усмехнулся, вспомнив, что Ричард тоже был блондином. Дугласу было приятно видеть, как она смеётся. *Почаще бы тебе таких улыбок, деточка...* Но даже сейчас он различал на лице девушки отпечаток страданий, перенесённых ей за цикл кошмара. Эта ночь её ещё долго не отпустит...

- Ладно... Шерил, - он шевельнулся, отгоняя прочь плохие мысли, - раз всё позади, то почему бы нам не покинуть это милое местечко? Признаться, пейзаж уже порядком приелся глазам старика.

- А ты сможешь ходить? – Хизер обеспокоенно наклонилась к нему и взяла под локоть. Дуглас потянулся вверх:

- Надеюсь с твоей помощью доковылять до тачанки, а там уже...

Он поморщился от боли, когда больная нога коснулась земли, но выпрямился и сделал первый шаг. Хизер осторожно вела его, приговаривая:

- Вот так – сюда, ещё шаг... Хорошо.

Дойдя до синей калитки, она обернулась. Обвела тревожным взглядом сломанную карусель, мерно шепчущиеся кроны деревьев и одинокий лик луны. Ждала, когда где-то между ними промелькнёт неясная чёрная тень – но ничего такого не было. Посреди мёрзлого осеннего парка гулял только ночной ветер, кружащийся в неистовом танце с самим собой... и больше никого.

ЭПИЛОГ

Цветы на сером могильном камне колыхались на ветру лепестками чашечек. Казалось, что букет, сорванный утром, ещё жив и силится пустить корни в непробиваемый мрамор. Над ними, на медной пластине (начавшей уже выцветать) было вытиснено имя отца. Его фото, где он улыбался в камеру, сидя в кабинете за пишущей машинкой. Она сама делала это фото. Правда, на остеклённом овале поместилось только лицо. Шерил вздохнула и опустилаась на корточки перед могилой. Ветер перестал дуть; лепестки замерли в ожидании. Время остановилось.

Прошёл ровно год с того дня, когда не стало отца. Со дня, когда Хизер стала Шерил. Она помнила бурю, которая пронеслась над Эшфилдом той ночью – а сегодня на небе не было ни облачка. Пронзительно-синее небо уходило напрямик в бесконечность, и зелёный бархат кладбищенской травы чуть заметно колыхался под порывами ветра. Щебет голубей, ласковое тепло и золотистый диск заходящего солнца... Словно этим вечером в окраине города справлялся праздник жизни, нагло отрицающий всё то, что имело место год назад. И эта крохотная могила, одна из сотен в ряду – не более чем нелепое недоразумение. Иные могли поддаваться красочному очарованию и поверить, что так оно и есть. Но не она.

Вначале люди ничем не владели. Тела их обращались в пепел; их пожирала взаимная ненависть, порождающая кровопролитные войны. Казалось, они застряли в тягучем болоте и их ничто не спасёт.

Что касается её самой... наверное, можно было даже сказать, что жизнь Шерил налаживалась неплохо. Первые месяцы были сущим адом (особенно по вечерам), это было неизбежно. Но со временем горечь утери стихала – медленно-медленно, оставляя несходящие рубцы, но всё же... Дуглас купил ей квартиру (хотел переселить в Калифорнию, но она резко воспротивилась, заявив, что никуда из Эшфила не уедет). Полгода она перебивалась с одной работы на другую, по ресторанам и клубам. Потом Дуглас сумел убедить её, что будет гораздо лучше, если она получит высшее образование, и ещё – это стоило ему немалых сил, - что ничего страшного не случится, если за обучение заплатит он. Шерил долго упиралась, но детектив был настойчив. Так что сейчас она могла называть себя полноправной студенткой колледжа Святой Ренаты.

Но нашёлся мужчина, который впервые осмелился произнести вслух имя Господа. Он предложил всевидящему Солнцу жертву – ползучего змея. Женщина, которая была с мужчиной, предложила Солнцу животворящий тростник и попросила радости для всех. И наконец, от их молитв был рождён Бог.

Как это ни ужасно было признавать, но разрушение крохотного мирка послужило на пользу взаимоотношениям Шерил с окружающими. Теперь у неё было много (*много?.. Ну да ладно, ведь правда много*) приятелей и подруг, которых раньше не имелось вообще. Она сама отмечала, как стала более общительной, что ей чаще хочется выходить из дома развеять своё одиночество. Ощущения для неё были новыми, слегка кружащими голову. Сначала это её пугало. Потом она привыкла, научилась получать удовольствие от того, что, пожалуй, именовалось «настоящей» жизнью. Некоторое время назад она с растерянностью заметила, что за ней пристально следят сразу несколько парней из числа сокурсников.

Бог создал время, отделив день и ночь от единого мрака. Он открыл для всех желающих путь к спасению, даруя людям радость, о которой они раньше не смели мечтать.

Дуглас часто звонил ей, а раз в пару месяцев заходил на огонёк, выбравшись из своего домика в Солнечном штате. Было видно, что пребывание в Эшфилде не доставляет старому детективу удовольствие; в сущности, он приезжал только затем, чтобы повидать Шерил, убедиться собственными глазами, что с ней всё хорошо. Он видел её своей дочерью и панически боялся за неё, как когда-то отец. Воспоминания тяготили и его... но когда Дуглас приезжал, они ни словом не поминали Тихий Холм – незачем бередить и без того с трудом заживающие раны. Пережито – забыто. Сидели за столиком с чашкой чая, болтали о том о сём... Рассказывала в основном Шерил, Дуглас же оставил практику частного сыска, и новостей у него бывало мало. За год он сильно постарел, морщины приумножились, а волосы прибавили серебра и заметно поредели. А ещё Дуглас продолжал пить.

Сейчас он ждал её в машине. Приехал почтить память Гарри Мейсона, человека, с которым он не успел даже перекинуться словечком. Они приехали сюда вдвоём, но Дуглас хорошо понимал состояние девушки и потому быстро ретировался под невнятным предлогом, оставив её наедине с разогревшейся на солнцепёке мраморной плитой.

Потом Бог сотворил создания, которые должны были населить землю, плодиться и размножаться на её просторах. Он создал других богов и ангелов, которые служили Ему и готовы были донести до людей Его голос. И в конце концов Бог создал Земной Рай, где люди могли быть счастливы от одного пребывания в нём.

Но не всё было так гладко. В те дни, когда её одолевала тоска – когда луна на небе висела недоеденным вареником, обезображенным клочьями облаков, - Шерил лежала на кровати, смотрела на извилистые трещины потолка. В доме стояла гнетущая тишина... одна. Она думала о будущем. О счастливой и бессмысленной жизни, которая простиралась перед ней ровной лазурью и обрывалась где-то далеко впереди, за горизонтом. Думала о том, как она закончит учёбу и поступит на работу, и дни будут лететь всё быстрее и замелькают одной стремительной вереницей, увлекая её вперёд, к неизбежной старости. Эти думы пугали её, заставляя плотнее сжимать веки и вглядываться в успокаивающую тьму. В этой темноте медленно вырисовывались величественные пустые улицы, окутанные белым туманом, такие мирные и спокойные. Улицы родного города...

Но настал день, когда Бог исчерпал свою силу. Он собрал людей и сказал, что должен уйти. Все горевали и плакали, пока Бог умирал, покидая наш мир. Он ушёл, обернулся неверной пылью, но перед смертью обещал возвратиться назад.

Место, которое она ненавидела и боялась, становилось желанным. Шерил снова открывала глаза, видела синий ледяной прямоугольник окна. Грохот машин проникал в её спальню, и она вдруг попадала в старое доброе время, когда всё было подкупающе

простым и понятным. Друзья, ухажёры, учёба, её нынешние проблемы – в лунном свете всё выглядело тусклым и неважным, уходя на задний план. С острым, как лезвие бритвы, ужасом, она осознавала, насколько обособлена от большого мира. Он никогда не поймёт её, не пустит к себе... как и она – его. Взаимная ненависть с годами могла только расти, и если уж что-то делать, то это нужно сделать сейчас, покуда есть силы, пока не поздно. Но что?.. Шерил не знала. Она очень хорошо убеждала себя, что не знает... Но почему-то, почему-то в нос продолжали проникать влажные капли тумана, а сквозь прикрытые веки глаза различали мостовые, по которым годами не прохаживалась нога человека. Далеко-далеко, за десятки миль... Шерил думала, думала, но никак не могла к чему-либо прийти. Так и засыпала – усталая, измученная душевными метаниями, с тлеющей надеждой, что завтра будет лучше.

Таким образом, Бог не был потерян. Он смотрит на нас, и мы должны продолжать молиться Ему и не забывать Веру. Мы ждём и благоволим тот светлый день, когда Бог вернётся к нам и путь в Рай будет открыт.

Шерил осторожно поправила цветы и встала. Смотрела, не смахивая слёз с лица, на имя отца, высеченное на камне, потом перевела взгляд на кромку горизонта, где садящееся солнце обильно раскидывало золотистые брызги.

Сейчас, когда небо было таким чистым и свежим, и трава казалась ожившим изумрудом, а солнце блистало во всей красе, она особенно остро чувствовала щемящее ощущение в груди, призывающее её идти вперёд, в безотчётную даль. В этом порыве сливался реющий хор молитв, плеск воды, бьющейся о берег, звуки и формы черно-белой ночи, звон переливчатого тумана... и многое, многое другое. То, что в своё время чувствовал её отец, чувствовали люди, ведомые необъяснимым влечением в незнакомый город, который молча возвышался над прозрачной гладью озера Толука. Это был зов...

Зов Тихого Холма.

*с. Соттинцы – г. Якутск.
25 августа 2005 года – 14 апреля 2006 года.*

